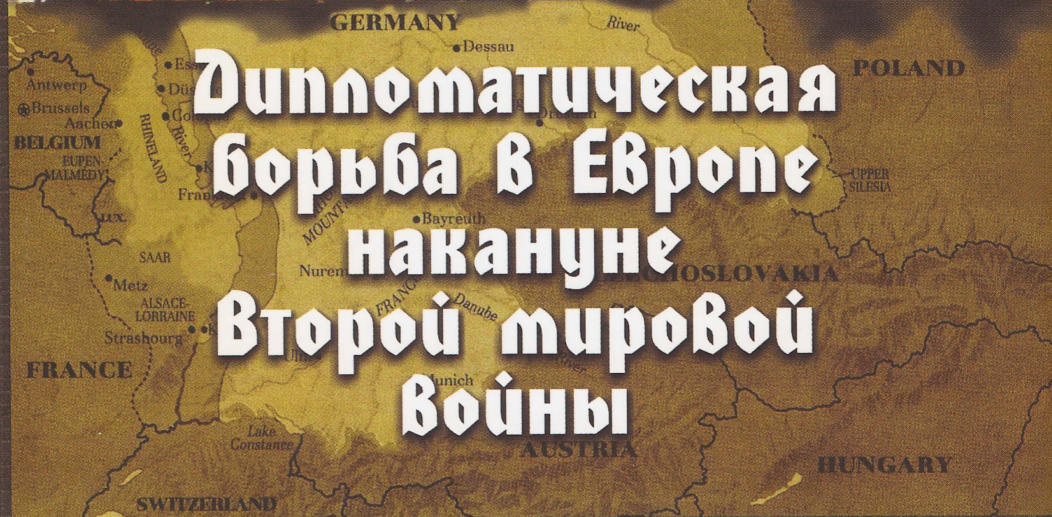


Александр Наумов



**Александр  
НАУМОВ**

**Дипломатическая  
борьба в Европе  
накануне  
Второй мировой  
войны**

*История кризиса  
Версальской системы*



Москва  
РОСПЭН  
2007

**Рецензенты:**

доктор исторических наук Н.И. Егорова  
(Институт всеобщей истории РАН),

доктор исторических наук А.С. Манькин  
(исторический факультет МГУ имени М.В. Ломоносова)

**Наумов А.О.**

Н 34 **Дипломатическая борьба в Европе накануне Второй мировой войны. История кризиса Версальской системы.** — М. : Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2007. — 416 с., ил.

В предлагаемой монографии на основе широкого круга источников предпринята попытка системного анализа межвоенной модели международных отношений и дипломатической борьбы в Европе во второй половине 30-х годов XX века. Особое внимание уделено таким слабо изученным в российской науке проблемам, как дилемма европейской безопасности, попытки модернизации Версальской системы, противоречивый процесс «оси Берлин–Рим» и др.

Для специалистов, преподавателей и всех интересующихся историей международных отношений.

© Наумов А.О., 2007

© «Российская политическая энциклопедия», 2007

## Оглавление

Введение .....	5
Глава 1. На пороге больших перемен .....	10
Глава 2. Провал системы коллективной безопасности .....	35
Глава 3. День «Цет» англо-французской Антанты .....	79
Глава 4. Испанский узел Версальской системы .....	108
Глава 5. От невмешательства к умиротворению .....	147
Глава 6. «Ось Берлин–Рим» .....	216
Глава 7. Чехословацкий кризис .....	267
Глава 8. На пути к мировой войне .....	328
Заключение .....	371
Примечания .....	374
Библиография .....	397
Именной указатель .....	409



## Введение

22 июня 1940 года. Компьенский лес под Парижем. В пять часов утра 11 ноября 1918 года именно здесь, на небольшой поляне в Компьенском лесу, Германская империя — Второй рейх — капитулировала перед Францией и ее союзниками. Спустя двадцать два года роли поменялись. В специально доставленном из музея вагоне главнокомандующего войсками Антанты в 1918 году маршала Фоша глава Третьего рейха Адольф Гитлер принимает делегацию побежденной Франции.

День 22 июня 1940 года выдался очень пригожим. Теплые лучи солнца задерживались на мощных ветвях величественных вязов, дубов, кипарисов и сосен, которые отбрасывали тень на заросшие дорожки, ведущие к небольшой круглой поляне. Ровно в 15.15 на своем «мерседесе» прибыл Гитлер. Его сопровождали Геринг, Браухич, Кейтель, Редер, Риббентроп и Гесс; каждый — в своей, отличной от других, форме, и Геринг — единственный фельдмаршал рейха — с маршалским жезлом в руке. Они вышли из своих автомобилей примерно в двухстах метрах от монумента в ознаменование освобождения Эльзаса и Лотарингии, который был задрапирован немецкими военными флагами так, чтобы фюрер не мог увидеть огромный меч победоносных союзников, пронзающий жалкого орла, символизировавшего германскую империю Гогенцоллернов. Взглянув на монумент, Гитлер двинулся дальше.

Лицо канцлера Германской империи было серьезным, торжественным и тем не менее полным жажды мести. В нем, как и в его пружинистой походке, было что-то от победоносного завоевателя, бросившего вызов всему миру. Было что-то вроде злобной радости от свершения этого величайшего поворота судьбы — поворота, который он сам устроил.

Когда Гитлер подошел к маленькой поляне в лесу, где в центре был установлен его личный штандарт, его внимание привлек огромный гранитный блок, возвышавшийся примерно на метр над землей. Фюрер, сопровождаемый свитой, медленно подошел к гранитному блоку и прочитал надпись, выгравированную по-французски крупными буквами: «Здесь 11 ноября 1918 года была сломлена преступная гордыня германской империи, побежденной свободными народами, которые она пыталась поработить».

«Я много раз видел это лицо в величайшие минуты жизни фюрера, — вспоминал журналист и историк Уильям Ширер, присутствовавший при этой сцене. — Но сегодня! Оно пылает презрением, гневом, ненавистью, неистребимой жадной мести, торжеством. Он отходит от монумента, всем своим видом показывая презрение, что удастся ему в совершенстве. Он еще раз оглядывается назад — презрительно, зло; вы почти осязаете, как он зол, что не может сразу же одним взмахом своего прусского сапога уничтожить эти отвратительные, провокационные

слова. Внимательным взглядом обводит он поляну, и, когда его глаза встречаются с вашими, вы чувствуете всю глубину ненависти, таящейся в них. Но в его глазах таится и торжество — мстительная, ликующая ненависть. Вдруг, будто лицо его еще не в полной мере отразило чувства, он придает своему телу положение, созвучное его настроению. Он быстро кладет руки на бедра, расправляет плечи, широко расставляет ноги. Это великолепная поза: она выражает вызов, жгучее презрение к этому месту, ко всему тому, что стояло здесь двадцать два года, будучи немым свидетелем уничтожения германской империи»<sup>1</sup>.

Затем Гитлер и его приближенные проследовали в вагон, где фюрер уселся в кресло, на котором в 1918 году сидел французский маршал Фош. В 18.50 22 июня 1940 года договор о перемирии между Германией и Францией был подписан. Версальская система международных отношений прекратила свое существование...

...11 ноября 1918 года. Компьенский лес под Парижем. Штабной вагон верховного главнокомандующего союзными войсками маршала Фердинанда Фоша. Союзники по Антанте принимают капитуляцию побежденной Германии — Второго рейха. Сто один оружейный залп возвестил о наступлении мирного времени — рождении Версальской системы.

Британский премьер-министр Дэвид Ллойд-Джордж следующими словами сообщил о заключении Компьенского перемирия: «Надеюсь, что в это судьбоносное утро мы все вправе сказать, что пришел конец всем войнам». На самом деле лишь два десятилетия отделяли Европу от еще более катастрофической войны.

Почему это стало возможным? Почему Версальская система просуществовала всего двадцать с небольшим лет? Почему именно нацистская Германия вышла победителем из полной драматизма дипломатической схватки накануне Второй мировой войны? Почему, наконец, началась Вторая мировая война? Подобные вопросы не перестают оставаться актуальными и в начале XXI века. И это не вызывает удивления. Дело в том, что Версальская система стала важным этапом в процессе складывания глобального миропорядка, все еще далекого от своего завершения. Поэтому в современный переходный период становления новой международной системы, которая пришла на смену биполярному миру после окончания «холодной войны» на рубеже 1990-х годов и отмечена как доминированием одной сверхдержавы — США, так и все более заметными элементами многополюсности, крайне необходимо изучение предшествующего историко-политического опыта. Кроме того, исследование причин хрупкости Версальского миропорядка позволяет расширить имеющиеся представления о причинах и предпосылках Второй мировой войны — темы, имеющей непреходящее значение.

История международных отношений второй половины 1930-х годов, безусловно, относится к одной из самых интересных научных проблем. Это время, когда Европу, не успевшую до конца оправиться от войны 1914–1918 годов, потрясал кризис за кризисом. Державы-победитель-

ницы в Первой мировой войне, творцы Версальского мира, оказались неспособными контролировать процессы, протекавшие внутри созданной ими системы.

Первые признаки кризиса европейского порядка обозначились в начале 1930-х годов. Мировой экономический кризис, начавшийся в конце 1929 года, открыл новую фазу в развитии Версальской системы. Он заставил ведущие страны Европы сконцентрировать свое внимание прежде всего на решении внутренних проблем, а сохранение стабильности межвоенной системы на время отошло на второй план. С середины 1930-х годов конфликтный потенциал европейского порядка стал стремительно возрастать. Версальская модель международных отношений вступила в фазу системного кризиса. Способность и готовность ее членов решать спорные проблемы путем переговоров быстро уменьшались и, наоборот, росло желание добиваться своих целей военно-силовым путем. В Европе стали формироваться очаги повышенной напряженности, грозившие развалить действие системного механизма. У лидеров великих держав крепла убежденность в том, что обеспечивать свои государственные интересы в одиночку в сложившихся условиях проще, чем путем совместных действий. Появились державы, которые в качестве своей главной задачи на международной арене видели не укрепление или модернизацию существовавшей системы международных отношений, а ее скорейший демонтаж. Деструктивные факторы Версальской модели с каждым днем набирали все больший размах.

Нельзя не отметить, что сюжет о дипломатической борьбе накануне Второй мировой войны уже затрагивался как в отечественной, так и в зарубежной историографии<sup>2</sup>. В поле зрения историков попадали и отдельные аспекты кризиса Версальской системы, такие, как гражданская война в Испании<sup>3</sup> или Мюнхенское соглашение<sup>4</sup>. Однако до сих пор не было предпринято именно системного анализа кризиса Версальской системы, без которого невозможно выявить все нюансы дипломатической борьбы во второй половине 1930-х годов и реальные причины происхождения Второй мировой войны.

Именно поэтому в своем исследовании автор использует системный подход, который предполагает изучение всего комплекса межгосударственных отношений во второй половине 1930-х годов, позволяет глубже проанализировать мотивацию поведения великих держав, выявить удельный вес тех или иных факторов, детерминировавших их действия, исследовать механизм, определявший динамику развития системного кризиса версальского порядка.

В поле зрения автора монографии находятся самые различные аспекты жизнедеятельности Версальской системы в период с 1933 до весны 1939 года. Они выводят исследователя на такие крупные проблемы, как расстановка сил на Европейском континенте во второй половине 1930-х годов, позиция великих держав по ключевым вопросам международной политики; наконец, позволяют выявить причины и предпосылки начала Второй мировой войны. Анализ межгосударственных отношений в предвоенной Европе непосредственно связан и с событиями



ями внутривластической жизни европейских стран, что требует тщательного изучения ее различных аспектов. Рассмотрение процесса развития кризисных явлений в организме Версальской системы с неизбежностью влечет за собой постановку ряда теоретических проблем. Прежде всего это проблемы функционирования системы международных отношений, взаимосвязи внутренней и внешней политики государств, роли личности в истории и т.д.

Осмысление исторического опыта второй половины 1930-х годов, несомненно, имеет огромное научное значение. Оно заставляет задуматься о том, чем чревато нарастание кризисных тенденций для развития межгосударственных отношений, позволяет повысить предсказуемость и управляемость процессов, разворачивающихся на мировой арене, наконец, использовать накопленные знания для предотвращения новых конфликтов.

Таким образом, научная новизна предлагаемого исследования заключается в многоплановом и системном изучении такой крупной темы, как кризис Версальской системы. Впервые в отечественной историографии предпринята попытка системного анализа кризиса межвоенной модели международных отношений. Особое внимание в монографии было уделено таким слабо изученным в российской науке проблемам, как дилемма европейской безопасности в середине 1930-х годов, попытки модернизации Версальской системы, противоречивый процесс создания «оси Берлин–Рим».

Новизна работы обусловлена также широким кругом источников, многие из которых впервые вводятся в научный оборот. Источниковая база исследования состоит из материалов, содержащихся в архивах и крупнейшей библиотеке Великобритании, США и России. Используемые источники можно разделить на несколько групп.

Первую группу составляют неопубликованные архивные документы, хранящиеся в архивах Великобритании, США и России. Большое значение для раскрытия темы представляют материалы Национальных архивов Великобритании<sup>5</sup>. Они позволяют проследить механизм принятия внешнеполитических решений британского кабинета министров, внешнеполитического ведомства Форин Оффис, борьбу различных точек зрения по вопросам проведения внешнеполитического курса, наконец, вскрыть сущность политики умиротворения. Существенный интерес для исследования данной темы представляют документы Национальных архивов США. Основная их масса хранится в архиве Мэриленда<sup>6</sup>. Эти фонды содержат в себе множество полезной и неопубликованной информации по различным вопросам: дипломатическая переписка американских официальных лиц, обзор прессы европейских государств по животрепещущим вопросам международной политики, трофейные документы германского МИД и многое другое. Многие полезные документы были обнаружены автором в Архиве внешней политики Российской Федерации<sup>7</sup>. В них можно найти документы, касающиеся позиции Советского Союза во время европейского кризиса, особенно в отношении чехословацких событий. Отдельно следует выделить материалы

Российского государственного архива социально-политической истории<sup>8</sup>, в основном связанные с деятельностью Коминтерна, коммунистической партии Испании и интернациональных бригад в ходе гражданской войны 1936–1939 годов.

Вторая группа источников включает документы официального характера. Они позволяют отразить позицию великих держав по вопросам внешней политики во второй половине 1930-х годов, хотя и содержат много декларативных и общих формулировок. В работе были задействованы дипломатические документы Великобритании<sup>9</sup>, Германии<sup>10</sup>, Италии<sup>11</sup>, Франции<sup>12</sup>, СССР<sup>13</sup> и США<sup>14</sup> в межвоенный период. К этой группе источников следует отнести сборник «Документы по международным отношениям»<sup>15</sup>, в котором публиковались наиболее важные из международных внешнеполитических документов, принятых в течение года, документы Нюрнбергского трибунала<sup>16</sup>, а также документы Лиги Наций: заседания Генеральной Ассамблеи Лиги и ее резолюции<sup>17</sup>. Изучение данной группы документов позволяет проанализировать механизм принятия важнейших решений, определивших нарастание кризиса Версальской системы.

В третью группу источников входит мемуарная литература. Главным ее недостатком является субъективность, а иногда и сознательное искажение истины авторами. Однако тот факт, что последние являлись непосредственными участниками событий, придает этим источникам особую ценность. При написании работы были использованы мемуары таких политических деятелей, как У. Черчилль<sup>18</sup>, Э. Иден<sup>19</sup>, П. Лаваль<sup>20</sup>, А. Франсуа-Понсе<sup>21</sup>, И. фон Риббентроп<sup>22</sup>, граф Чиано<sup>23</sup>, канцлер Шушниг<sup>24</sup> и многих других.

Особую ценность имеют периодические издания. С их помощью можно не только проанализировать реакцию официальных властей и общественного мнения на происходившие события, но и проследить, как она менялась со временем. При написании монографии были использованы британские газеты и журналы «Дейли Мэйл», «Дейли Телеграф», «Экономист», «Манчестер Гардиан», «Обзервер», «Таймс» и другие; итальянская периодика: «Пополо д'Италия», «Джорнале д'Италия» и другие; американские издания «Нью-Йорк Таймс», «Тайм», «Форин Эффэйрс» и другие; французские «Матэн», «Тан», «Фигаро», «Аксьон Франсэз», «Юманите» и другие; советские «Правда», «Известия» и другие.

Таким образом, вышеперечисленные источники вкпе с использованием системного подхода позволяют глубже рассмотреть такую сложную и многоплановую тему, как кризис Версальской системы международных отношений, по-новому взглянуть на эту важную и не теряющую своей актуальности проблему.

### НА ПОРОГЕ БОЛЬШИХ ПЕРЕМЕН

Главным итогом Первой мировой войны стала триумфальная победа государств Антанты — Великобритании, Франции, Италии, Японии и США — и сокрушительное поражение стран Четверного союза, куда входили Германия, Австро-Венгрия, Турция и Болгария. Этот главный результат войны и был юридически оформлен в Компьенском соглашении о перемирии. По существу его можно смело приравнять к акту о безоговорочной капитуляции Второго рейха. Когда руководитель германской делегации рейхсминистр М. Эрцбергер спросил маршала Фоша, какие условия предложат союзные державы для их последующего обсуждения, тот с присущей ему прямоотой военного человека заявил: «Никаких условий нет, а есть одно требование — Германия должна встать на колени!» На этом обсуждение закончилось.

Окончательно Германия была поставлена на колени 28 июня 1919 года. Именно в этот день, в пятую годовщину сараевского убийства, послужившего поводом для начала Первой мировой войны, в Зеркальном зале Версальского дворца германская делегация подписала мирный договор с представителями стран-победительниц. По Версальскому договору Германия была раздавлена и унижена. Территория Второго рейха, прекратившего свое существование, значительно уменьшалась. Франция получала Эльзас и Лотарингию: это была наиболее крупная территориальная потеря Германии. Саарская область переходила под управление Лиги Наций сроком на 15 лет, после чего должен был состояться плебисцит, призванный решить ее дальнейшую государственную принадлежность. К Бельгии отходили районы Эппена, Мальмеди и Морене. Дания получала Северный Шлезвиг. Германия признавала независимость Люксембурга, который выходил из Германского таможенного союза.

Версальский договор обязывал Германию признать независимость польского государства и вернуть ему часть польских земель, захваченных Пруссией в результате разделов Речи Посполитой. К Польше отходили районы Померании, Западной и Восточной Пруссии, Познань, восточная часть Верхней Силезии и ряд других исторических польских земель. Кроме того, за Польской республикой закрепилась узкая полоса балтийского побережья западнее Данцига (Гданьска), обеспечивающая ей выход к морю в районе города Гдыня и получившая название Данцигского коридора. Этот коридор отсекал от Германии Восточную Пруссию, превращая ее в анклав. Сам Данциг провозглашался «вольным городом» под управлением Лиги Наций и включался в таможенные границы Польши. Балтийский порт Мемель (Клайпеда) и Мемельская область были возвращены Литве. На юге небольшой район Верх-

ней Силезии — так называемая Гюльчинская земля — передавался Чехословакии.

Но это было еще не все. В 80-й статье Версальского договора содержался категорический запрет аншлюса, то есть объединения Германии с Австрией в любой его форме, начиная с таможенного союза\*. Реки Эльба, Одер, Неман и Дунай, а также Кильский канал объявлялись свободными для международного судоходства. Германия тем самым становилась своего рода «открытой территорией».

У Германии отбирались все ее колонии: 3 миллиона квадратных километров земли и 13 миллионов населения Второго рейха передавались на основе системы мандатов Лиги Наций державам-победительницам. Германия, признанная ответственной за развязывание войны, была обязана выплачивать огромные репарационные платежи, что превращало некогда великую державу в объект экономической эксплуатации и финансово-экономического контроля со стороны держав Антанты.

Военные статьи Версальского договора предусматривали почти полную демилитаризацию Германии. Всеобщая воинская повинность упразднялась. Комплектование германских вооруженных сил должно было проводиться только на основе добровольного найма. Численность сухопутной армии не должна была превышать 100 тысяч человек при 4 тысячах кадровых офицерах (7 пехотных и 3 кавалерийские дивизии). Распускался немецкий генеральный штаб. Германии запрещалось вести военную подготовку. Разрушалась вся система военного образования. Надводный военно-морской флот сокращался до 36 кораблей: 6 броненосцев, 6 легких крейсеров, 12 миноносцев и 12 контрминоносцев. Подводный флот Германии иметь не могла. Германская армия лишалась права на владение такими видами вооружений, как тяжелая артиллерия, танки, военная и морская авиация. Германию обязали срыть почти все военные укрепления на ее границах.

Таким образом, Германия выбывала из разряда ведущих игроков не только на мировой, но и на европейской арене. Естественно, унижительные условия Версальского договора вызвали бурю возмущения в самой Германии. Можно сказать, что подавляющая часть немцев так и не смирилась с навязанными стране условиями и жаждала момента, чтобы сбросить оковы Версаля, как только представится удобный случай. Вкупе с внутренней разрухой такая атмосфера предвещала огромные возможности для манипулирования общественным мнением новой Веймарской республики, чем не преминули воспользоваться различные радикальные силы, среди которых была и Национал-социалистская рабочая партия Германии во главе с бывшим фронтовиком Адольфом Гитлером.

---

\* Во время версальских переговоров один из высокопоставленных французских делегатов заметил: «Подумайте, что если когда-нибудь Австрия присоединится к Веймарской республике, то тем самым с избытком будут компенсированы для Германии территориальные потери, понесенные ею: Эльзас и Лотарингия и польские земли!» К сожалению, в 1938 году эти слова были забыты.

Надо заметить, что союзникам Германии по Четверному союзу — Австро-Венгрии, Турции и Болгарии — также пришлось до дна испить чашу поражения в войне. Австро-Венгерская и Османская империи перестали существовать. 10 сентября 1919 года в предместье Парижа Сен-Жермен-ан-Ле был подписан мирный договор с Австрией. В результате Сен-Жерменского договора Австрия потеряла Богемию, Моравию, часть Силезии (отходившие к Чехословакии), Южный Тироль и ряд областей Каринтии (в пользу Италии), Далмацию, части Западной Краины, Каринтии и Штирии (вошедшие в состав сербо-хорватско-словенского государства), а также Буковину, ставшую румынской провинцией. Сама некогда могущественная, Австрия превращалась в державу второго, а то и третьего ранга.

27 ноября 1919 был заключен Нейский договор с Болгарией, по которому она теряла 11% своей довоенной территории. 4 июня 1920 года в Большом Трианонском дворце Версаля состоялась церемония подписания мирного договора с Венгрией. Причем, в отличие от Болгарии, территориальные потери Венгрии были гораздо более значительными. Венгрия потеряла 67% своей довоенной территории. Наконец, 10 августа 1920 года страны-победительницы заключили Севрский договор с Турцией. Турция лишалась не только своих арабских территорий, но и значительной части собственной этнической территории. Общие территориальные потери составили 75% принадлежавших Османской империи земель. Естественно, на союзников Германии распространялись и репарационные постановления, и военные ограничения.

Особняком в этой системе договоренностей стояла молодая Советская Россия, с которой вообще не посчитали нужным заключать какие-либо соглашения. Да и зачем? Западные державы активно участвовали в интервенции против большевистского государства, надеясь обеспечить победу белого движения и только потом вести переговоры. Надо заметить, что политики Антанты серьезно просчитались, и, когда в декабре 1922 года был образован Советский Союз, архитекторы нового европейского порядка столкнулись еще с одним оскорбленным игроком на европейской арене.

Так, на основе национального унижения ряда государств и народов была создана Версальская Европа. И хотя в основе мирных договоров лежал благородный принцип права наций на самоопределение, европейским политикам потребовались колоссальные усилия для того, чтобы созданный ими порядок мог стабильно функционировать. И вначале им это в целом удавалось. Символом новой Европы была первая в истории человечества глобальная международная организация — Лига Наций, постановление о создании которой было записано во всех мирных договорах.

Все изменилось в конце 1920-х годов. В 1929 году Европу потряс глубочайший экономический кризис. Он уничтожил шаткую стабильность европейской политики, породил опасный дисбаланс в международных отношениях и социально-политическом устройстве европейских государств. Сильнее всего это сказалось в финансово-экономиче-

ской сфере. Другим важнейшим последствием Великого кризиса стало укрепление позиций праворадикальных организаций и движений, приход к власти в ряде европейских государств фашистских и милитаристских группировок. Экономический кризис в одночасье перечеркнул все плоды стабилизации 1920-х годов и открыл новую фазу в развитии Версальской системы. Тот баланс сил, который позволял удерживать новый порядок в состоянии равновесия, оказался нарушенным.

К середине 1930-х годов сложились три центра мировой политики: лагерь западных демократий (Великобритания, Франция и США), который представлял собой страны парламентской демократии, исповедовавшие основные демократические идеалы и ценности; первое в мире социалистическое государство — Советский Союз; и блок агрессивных фашистских и милитаристских государств (Германия, Италия и Япония), стремившихся к территориальной экспансии.

Режимы, созданные Бенито Муссолини в Италии и Адольфом Гитлером в Германии, составляли основную угрозу для стабильности Версальской Европы. Помимо железной социальной дисциплины, экономической автаркии и экзальтации национализма, фашистский и нацистский диктаторы проводили воинственную внешнюю политику под флагом ревизионизма, исправления европейских границ — восстановления статус-кво, уничтоженного, по их мнению, в результате Первой мировой войны.

В случае с Италией программной целью внешней политики дуче являлось достижение гегемонии в Средиземноморском регионе, превращение Средиземного моря в *Mare nostrum* — внутреннее озеро Италии, как это было во времена Римской империи. Активность Муссолини на Корфу, в Албании и Северной Африке в течение 1920-х годов являлась лишь предвестником более решительных действий итальянского диктатора в этом регионе. Муссолини стремился подчинить Балканы и Средиземноморский регион влиянию Рима. Не являлись секретом и планы дуче в отношении колониальных приобретений в Африке. В 1929 году в фашистском органе «Империо» была опубликована целая программа колониальных захватов Италии. «Что касается Африки, нам необходимо было бы сделать скачок вправо и влево, — писал Муссолини. — Используя в качестве центра наших владений Триполи, нам следует, с одной стороны, протянуть руку до Туниса, а с другой — приобрести небольшую часть Марокко, не забывая в то же время о Египте и о Ливии, с тем чтобы соединиться через Нил с нашими владениями на Красном море! Наконец, в отношении Азии мы могли бы, между прочим, утверждать, что нас интересует вся зона, расположенная в районе Додеканезских островов и Кипра, а также Смирны и Антиохии и даже далее!»<sup>25</sup>. Правда, в тот момент Италия еще не обладала необходимой экономической и военной мощью для обеспечения победы, в том числе и на дипломатическом фронте.

Что же касается Германии, то нацистский лидер Адольф Гитлер, несмотря на то, что многие считали и продолжают считать его абсолютно сумасшедшим, достаточно четко придерживался тактики, разработан-

ной еще в середине 1920-х годов и изложенной в программном труде «Моя борьба»\*, а также во второй, неопубликованной, книге, посвященной исключительно внешней политике\*\*.

Концепция внешней политики Третьего рейха, разработанная Гитлером, включала несколько последовательных фаз: 1) «освобождение» Германии от военных ограничений Версаля, воссоздание полной военной мощи и возвращение территорий, потерянных по Версальскому мирному договору в 1919 году; 2) «собираение немецких земель» и образование единого блока из ста миллионов немцев для проведения «истинно арийской политики в Европе», превращение Германии в доминирующую державу в Центральной Европе, аннексия или нейтрализация таких противников, как Австрия, Чехословакия или Польша; 3) устранение как потенциального противника Франции; и, наконец, 4) завоевание «жизненного пространства на Востоке и его беспощадная германизация» — покорение Европейской России, сокрушение Англии и захват ее колоний, «создание предпосылок для мирового господства германо-арийской расы», превращение Германии в великую и непобедимую континентальную и мировую державу — «тысячелетний рейх»<sup>26</sup>.

Не являлось секретом, что фюрер собирался реализовывать свои планы далеко не мирными средствами. «Война, — говорил Гитлер, — самое естественное, обыденное явление. Война — всегда, война — всюду. Она не начинается и не заканчивается. Война — это жизнь... Я хочу войны». При этом дипломатии Гитлер отводил весьма своеобразную роль во внешней политике Третьего рейха. Фюрер требовал, чтобы «новая» дипломатия отказалась от условных «буржуазных» представлений о чести и морали и, не теряя времени, овладела искусством усыпить бдительность противника, деморализовать и разбить его изнутри с помощью «пятой колонны». «Я не буду ждать, когда эти

---

\* «Моя борьба» была написана в середине 1920-х годов, когда ее автор сидел в тюрьме Ландсберг. Трудно назвать эту книгу продуктом одного возмущенного действительностью Веймарской республики ума. В ней, безусловно, сказались определенная традиция прежней Германии, борющейся в годы Первой мировой войны за жизненное пространство для нации. «Моя борьба» — это, по существу, немецкий вариант социал-дарвинизма, имевшего давние исторические корни в традиционной германской философии и политике. Немцы периода нацизма косвенно подтверждали этот факт. Толпы несли портреты Фридриха Великого, Бисмарка, Гинденбурга и Гитлера. Надписи гласили: «Что король завоевал, князь оформил, фельдмаршал защитил, солдат спас и объединил». Аура солдата-объединителя стала сильнейшим политическим оружием Гитлера как внутри страны, так и во внешней политике. Гитлер назвал свой режим «Третьим рейхом». Первый погиб в средневековье, второй — в 1918 году, третьему он обещал тысячелетнее господство в мире.

\*\* В 1961 году эта книга была опубликована в Нью-Йорке под названием «Секретная книга Гитлера». Рукопись была обнаружена в мае 1945 года и отправлена в США. Как было установлено, Гитлер продиктовал текст летом 1928 года, и рукопись хранилась в сейфе центрального издательства нацистской партии со строгим предписанием не публиковать и никому не показывать.

куклы (работники германского МИД. — А.Н.) переучатся, — говорил Гитлер своим сподвижникам. — Если наши хитросочные дипломаты думают, что можно вести политику так, как честный коммерсант ведет свое дело, уважая традиции и хорошие манеры, — это их дело. Я провожу политику насилия, используя все средства, не заботясь о нравственности и “кодексе чести”... В политике я не признаю никаких законов. Политика — такая игра, в которой допустимы все хитрости и правила которой меняются в зависимости от искусства игроков... Почему я не могу заключить договор с добросовестным видом сегодня и без колебаний нарушить его завтра?»<sup>27</sup>.

Во время своего первого выступления перед генералами 3 февраля 1933 года Гитлер заявил в отношении своей внешнеполитической программы: «Борьба против Версаля; равноправие в Женеве; приобретение союзников». На первой встрече с генералами Гитлер коснулся и внутривластного положения, а также ситуации в экономике. Но особенно фюрер остановился на вопросе воссоздания вооруженных сил: «Строительство вермахта — важнейшая предпосылка для достижения цели: завоевания политического могущества. Должна быть снова введена всеобщая воинская повинность. Но предварительно государственное руководство должно позаботиться о том, чтобы военнообязанные перед призывом не были уже заражены пацифизмом, марксизмом, большевизмом или по окончании службы не были отравлены этим ядом.

Как следует использовать политическое могущество, когда мы обретем его? Сейчас еще нельзя сказать. Возможно, отвоение новых рынков сбыта, возможно — и, пожалуй, это лучше — захват нового жизненного пространства на Востоке и его беспощадная германизация. Очевидно, что нынешнее экономическое положение может быть изменено только с помощью политического могущества и борьбы.

Все, что сейчас можно предпринять (организация поселений), — это паллиатив. Вооруженные силы — важнейшая и самая социалистская организация государства. Они должны быть вне политики и партии. Борьба внутри страны — не их дело, а национал-социалистских организаций. В отличие от Италии, нет намерений соединить армию и СА. Самое опасное время — в период строительства вооруженных сил. Здесь-то и выявится, имеет ли Франция государственных деятелей. Если да, она не даст нам времени, а нападет на нас (вероятно, с восточными сателлитами)»<sup>28</sup>. Как видно, Гитлер прекрасно понимал, что для ведения агрессивной внешней политики нужны сильные вооруженные силы, которых Германия тогда не имела.

Уже через год, в 1934 году, Гитлер достаточно конкретно сформулировал свою внешнеполитическую программу на ближайшее десятилетие: «В центре Европы должно находиться “стальное ядро” — “выкованная в нерушимое единство Германия” вместе с присоединенными к ней территориями Австрии, Чехословакии, Западной Польши. В качестве “монолитного блока ста миллионов людей” она составит “прочный фундамент господства над Европой”. Восточная Польша, Прибалтий-



ские и Балканские государства, Украина, Поволжье, Грузия должны быть объединены в зависимый от Германии “Восточный союз” — “союз вспомогательных народов, не имеющих ни армии, ни собственной политики, ни собственной экономики”. По такому же образцу будут созданы “Западный союз”, объединяющий Голландию, Фландрию и Северную Францию, и “Северный союз” из Дании, Швеции и Норвегии». Однако наряду с этим Гитлер высказывался и о прямой аннексии в будущем побережья Северной Франции, Фландрии, Голландии, Скандинавских государств и Швейцарии. “Время малых государств миновало... — говорил он. — Больше не будет никакого нейтралитета. Нейтралы окажутся захваченными силовыми полями великих (держав). Их поглотят. Все это не произойдет сразу. Я буду шаг за шагом, но с железной последовательностью продвигаться вперед”. “Без господства над Европой, — заключал Гитлер, — мы пропадем. Германия есть Европа”<sup>29</sup>.

В 1935 году по указанию Гитлера статс-секретарь германского министерства внутренних дел В. Штукарт разработал детальные планы расчленения Франции\*. Ее граница с Германией должна была проходить от устья Соммы до северной оконечности Парижского района, далее вдоль Шампани до Аргонн и оттуда на юг через Бургундию и западнее Франш-Конте до Женевского озера. Эта граница предусматривала, как говорилось в плане, включение в Германию областей, которые «по историческим, политическим, географическим и другим причинам... относятся не к Западной, а к Центральной Европе»<sup>30</sup>.

В самой же Франции к Гитлеру поначалу относились с легкомысленной пренебрежительностью. «Гитлер, — говорили во французском посольстве в начале 1933 года, — напоминает одного из тех старых господ из психиатрической больницы, которые с важным видом уверяют вас, что они являются папами, императорами или даже Иисусом Христом»<sup>31</sup>. Стоит ли говорить, что Франция очень дорого заплатила за подобную неадекватность.

Отношение Гитлера к Великобритании, в отличие от Франции, носило более сложный и противоречивый характер. В течение многих лет германский фюрер рассматривал Англию, наряду с Италией, как своего возможного союзника или, на худой конец, как фактор, который не

---

\* Францию Гитлер искренне ненавидел. Еще в «Майн кампф» будущий фюрер писал: «Франция является смертельным врагом немецкого народа, она душит нас и лишает нас всякой силы». «Франция, — говорил Гитлер своим соратникам задолго до Второй мировой войны, — эта страна “негроидов”, придет в упадок, который она тысячу раз заслуживает... Когда настанет время для сведения счетов с Францией, Версальский мир будет детской игрой по сравнению с условиями, которые мы навяжем ей».

\*\* В планах Гитлера было и полное уничтожение Франции как независимого государства. На ее месте фюрер предполагал создать «образцовую» эсэсовскую «Бургундию» со столицей в Амьене. Главой государства прочили руководителя бельгийских фашистов Леона Дегреля.

будет препятствовать проведению германской экспансии в Европе, особенно на Востоке, если гарантировать неприкосновенность Британской империи и не затрагивать ее заморских интересов. Гитлер выдвигал в «Майн кампф» даже идею установления совместно с Англией «нордическо-германского господства над Европой». Тем не менее уже 23 мая 1939 года Гитлер выразился достаточно категорично: «Наша цель будет всегда заключаться в том, чтобы поставить Англию на колени»<sup>32</sup>.

Ревизионистские планы фашистской Италии и нацистской Германии входили в откровенное противоречие с интересами двух основных стран — гарантов статус-кво версальского порядка, от создания которого они получили основные преимущества и выгоды, — демократических режимов Великобритании и Франции. В обоих государствах территориальный ревизионизм Германии и имперский ирредентизм Италии были восприняты с опасением. По этой причине франко-британское сотрудничество в межвоенный период оставалось достаточно тесным, за исключением некоторых разногласий, побудивших Францию к заключению двусторонних соглашений с Польшей, Чехословакией, Румынией и Югославией для предотвращения германской агрессии.

Тем не менее угрожающая перспектива союза двух тоталитарных режимов не выглядела столь убедительно ввиду существования глубокого антагонизма в целях их внешней политики. Желание Германии аннексировать Австрию и достичь гегемонии на Балканах противоречило стремлению Италии гарантировать независимость Австрии (которую Италия рассматривала как важнейший форпост для укрепления своих позиций в придунайских странах) и установить де факто протекторат над Балканами.

С другой стороны, франко-британские опасения по поводу возможного итало-германского союза отходили на второй план с появлением в конце 1922 года на политической карте Европы Союза Советских Социалистических Республик после победы большевиков в Октябрьской революции 1917 года и последовавшей затем Гражданской войне. Революционная и антикапиталистическая суть нового режима в России, так же как и усиливавшееся влияние СССР на положение других стран посредством Коммунистического Интернационала и контролируемых им коммунистических партий, вызывала негативную реакцию в британских и французских правительственных кругах, какой бы политической ориентации они не были — консервативные, либеральные, социал-демократические или лейбористские. Кроме того, лидеры Англии и Франции опасались, что возникновение европейской войны послужит катализатором новых социальных революций и расползания коммунизма — так, как это произошло в России и странах Центральной Европы в период 1917–1920-х годов.

Тем временем во внешней политике Советского Союза происходили существенные перемены. Главным образом это было связано с тем, что укрепивший свою единоличную власть И.В. Сталин, в отличие от лидеров западных демократий, сумел разглядеть глобальную опасность фа-

шизма. Начиная с 1933 года, когда к власти в Германии пришла нацистская партия, продекларировавшая антикоммунистическую программу натиска на Восток, руководство Советского Союза стало отходить от внешнеполитической концепции мировой революции. Суть ее заключалась в том, чтобы посредством коммунистических революций в Европе вывести советский режим из изоляции, тем самым облегчить процесс построения социализма и коммунизма как в России, так и во всем мире.

Однако, осознав военную неподготовленность страны в условиях существования двух враждебных режимов на западе (нацистская Германия) и на востоке (милитаристская Япония), советские лидеры приняли на вооружение новую внешнеполитическую концепцию. Угроза совместной агрессии Германии и Японии против СССР вынудила Сталина сосредоточиться на достижении дипломатического и военного соглашения с парламентскими демократиями с тем, чтобы не допустить создания единой коалиции капиталистических держав, направленной против СССР.

Опасения Сталина, надо сказать, были небесспорными. Спустя всего десятилетие после окончания Первой мировой войны существенную силу в Европе представляли диктаторские режимы. В разных формах, с различными лидерами и идеологией авторитарные режимы уже прочно обосновались в значительной части стран Центральной и Восточной Европы. Так, к середине 1930-х годов диктатуры были установлены в Венгрии (диктатура М. Хорти с 1919 года), в Турции (режим Мустафы Кемалея с 1923 года), в Португалии (приход к власти К. Салазара в 1926 году), в Польше (возвращение к власти Ю. Пилсудского в 1926 году), в Югославии (переворот короля Александра в 1929 году) и т.д.

А 1933 год выдвинул на авансцену европейской истории набирающую силу Германию с ее реваншистскими и экспансионистскими требованиями. По словам авторитетного отечественного историка З.С. Белоусовой, «послевоенный период вновь превращался в предвоенный»<sup>33</sup>. Безусловно, этому способствовала не только агрессивная политика фашистских держав, но и недальновидная политика демократических государств — Англии и Франции, руководители которых не сумели разглядеть глобальной опасности фашизма. Советский Союз проводил оригинальную политику: с одной стороны, он искал контакты с западными странами, не желая оставаться в изоляции, а с другой — в соответствии с логикой философии «осажденной крепости» вел со всеми странами, в том числе по линии Коминтерна, яростную идеологическую борьбу, утверждая, что война неизбежна.

Объективно в начале 1930-х годов существовало три пути дальнейшего европейского развития. Один из них заключался в создании региональных блоков. Уже в марте 1933 года премьер-министр Англии Р. Макдональд выдвинул проект пакта четырех держав — Англии, Франции, Германии и Италии.

Еще ранее подобная идея высказывалась Муссолини. Выступая в Турине осенью 1932 года, Муссолини заявил, что «обремененная»

большим количеством членом Лига Наций не способна обеспечить мир в Европе. Поэтому он предлагал вернуться к практике XIX века, когда все европейские вопросы решались «концертом великих держав». На этот раз в «концерте» должны были участвовать Англия, Франция, Германия и, разумеется, Италия.

Весной 1933 года Муссолини придал этому предложению конкретную форму договора. Вернувшись в Рим после нескольких дней пребывания в Рокка делле Каминате — его загородной резиденции, он вызвал статс-секретаря по иностранным делам Ф. Сувича. «Вот идея, которая пришла мне в голову двумя партиями игры в кости, — деланно небрежно произнес дуче и показал подготовленный им проект “Пакта четырех”. Документ, озаглавленный “Политический пакт согласия и сотрудничества между четырьмя западными державами”, включал несколько важных положений:

“1. Четыре западные державы — Италия, Франция, Германия и Великобритания — принимают на себя обязательство во взаимоотношениях друг с другом осуществлять политику эффективного сотрудничества с целью поддержания мира... В области европейских отношений они обязуются действовать таким образом, чтобы эта политика мира, в случае необходимости, была также принята другими государствами.

2. Италия, Франция, Германия и Великобритания подтверждают, в соответствии с положениями Устава Лиги Наций, принцип пересмотра мирных договоров...

3. Четыре державы соглашаются на ликвидацию военных ограничений Версаля...”<sup>34</sup>.

Таким образом, речь шла о заключении договора между Англией, Францией, Германией и Италией о «согласии и сотрудничестве в целях поддержания мира» в рамках Лиги Наций. Подобное сотрудничество предусматривало возможность пересмотра существовавших мирных договоров «путем переговоров». Появилась возможность создать альтернативную Лиге Наций организацию четырех ведущих европейских держав, способную решать все основные международные вопросы, в которых Германия выступала бы на равных с остальными сторонами. Надо заметить, что такая политика — курс на соглашение с ревизионистскими державами — берет свое начало в уже 1920-е годы, когда Великобритания и, в меньшей степени, Франция шли на серьезные уступки Германии и активно содействовали восстановлению ее экономического потенциала. Лондон и Париж надеялись таким образом прочно интегрировать Веймарскую республику в сообщество западных государств, превратив Германию в мощный и устойчивый противовес Советскому Союзу, и локализовать германский реваншизм на восточном направлении.

15 июля 1933 года в рабочем кабинете Муссолини в подчеркнuto деловой обстановке состоялось подписание «Пакта четырех». Вслед за дуче послы Англии, Франции и Германии поставили свои подписи под текстом, отпечатанным на толстой дорогой бумаге с золотым обрезом. Итальянская пресса поспешила придать событию «эпохальное» значение: «Миссия Рима благодаря дуче снова становится всемирной!»<sup>35</sup>.

Однако в 1933 году идея «Пакта четырех» потерпела крах. Причиной неудачи этого соглашения стали имевшиеся противоречия между его потенциальными участниками и активные выступления против него общественного мнения Великобритании, Франции и малых стран Европы\*. Правительство Э. Даладье даже не внесло «Пакт четырех» на ратификацию в парламент. Не последнюю роль в отказе Франции от пакта стала позиция Великобритании — недавнего союзника Франции по Антанте. Генеральный секретарь МИД Франции Алексис Леже так охарактеризовал позицию «коварного Альбиона»: «В общем, Англия предлагает добрые услуги для посредничества между всеми недовольными, с одной стороны, и Францией — с другой!» Министр иностранных дел Франции Ж. Поль-Бонкур был еще более категоричен: «Теоретически четыре державы делят между собой первенство в Европе. Однако в ходе переговоров именно Англия будет играть роль арбитра, и не между тремя равными державами — знаю я их! — а между изолированной державой — Францией и двумя объединенными державами — Италией и Германией, которым Англия обещает колонии! Этот пакт четырех есть не что иное, как пакт трех против одного!»<sup>36</sup>.

Тем не менее, неудавшийся «директорат четырех» стал исходным пунктом определенных изменений во внешнеполитической ориентации многих европейских держав, прежде всего малых стран, и привел к известной перегруппировке сил.

Характерно, что Муссолини после провала пакта четырех западных держав заявил: «Поскольку ревизия мирных договоров не будет осуществлена посредством “Пакта четырех”, теперь станет говорить ее величество пушка»<sup>37</sup>.

Если на поприще создания региональных блоков большую активность проявляли Италия и Англия (стараясь при этом минимально участвовать в любых альянсах на континенте), Франция, другая опора версальского порядка, выбрала несколько иной путь.

Дело в том, что британские правящие круги главным образом были озабочены достижением договоренности с Германией. Они надеялись направить усиливавшуюся германскую военную машину на Восток — против СССР. Отдельные британские дипломаты даже полагали, что Гитлер представляет собой лучшую надежду на мир, чем предшество-

---

\* Министр иностранных дел и будущий президент Чехословакии Э. Бенеш писал в те дни: «Мир, по его (Муссолини. — А.Н.) представлению, должен быть обеспечен путем раздела всего земного шара. Этот раздел предусматривал, что Европа и ее колонии образуют четыре зоны влияния. Англия обладала империей, размеры которой огромны; Франция сохраняла свои колониальные владения и мандаты; Германия и Италия делили Восточную Европу на две большие зоны влияния: Германия устанавливала свое господство в Бельгии и России; Италия получала сферу, включающую дунайские страны и Балканы. Если вы теперь спросите меня, каковы были бы последствия этого широкого плана раздела мира, я вам сказал бы прямо, что этот широкий план, прежде чем он был бы осуществлен, вызвал бы ряд войн». Пророческие слова.

вавшие ему менее стабильные правительства. «Подпись Гитлера, как никакая другая, обяжет всю Германию», — восторженно писал в Министерство иностранных дел британский посол Э. Фиппс. А Рамсей Макдональд утверждал, что британские гарантии Франции более не нужны, поскольку, если Германия нарушит договор о разоружении, «силу мирового противостояния ей трудно будет даже представить»\*. Но если для Великобритании угроза немецкого нападения не стояла на повестке дня, то для Франции она становилась все ощутимее.

Франция пыталась найти убежище в накоплении неохотно заключаемых союзов, превращая односторонние гарантии Польше, Чехословакии и Румынии, выданные в 1920-е годы, в договоры о военной взаимопомощи. Это означало, что данные страны обязаны будут прийти на помощь Франции, даже если Германия пожелает свести счеты с ней еще до того, как повернется на восток.

Это был пустой по существу, патетический жест. Союзы как французские гарантии молодым слабым государствам Восточной Европы были достаточно логичны. Но они не годились для того, чтобы заставить Германию вести войну на два фронта. Союзники Франции были слишком слабы, чтобы обуздать Германию на востоке; наступательные операции, облегчающие положение Франции, исключались. Не понимая всей бессмысленности данного мероприятия, Польша решила уравновесить свои обязательства перед Францией пактом о ненападении с Германией, так что в случае нападения на Францию формальные обязательства Польши взаимно исключали друг друга или, точнее, позволяли Польше беспрепятственно присоединиться к той стороне, от которой в момент кризиса можно было бы ожидать наибольшей выгоды.

Тем временем в 1933 году Германия вышла из Лиги Наций, началось ее усиленное перевооружение. Именно поэтому осенью 1933 года, трезво оценив ситуацию, французское правительство устами министра иностранных дел Ж. Поль-Бонкура предложило Советскому Союзу подумать о возможности заключения соглашения о взаимной помощи в связи с подготовкой Германии к войне. Курс на сближение с СССР получил во Франции достаточную поддержку. Заслуга в этом принадлежит в первую очередь министру иностранных дел Франции Л. Барту, сменившего на этом посту Поля-Бонкура. Именно он, по мнению американского исследователя А. Фурниа, «заставил Англию сдерживать данное ранее обещание и позволить принять СССР в Лигу Наций»<sup>38</sup>. Советский Союз вступил в эту международную организацию 19 сентября 1934 года. Интеграция СССР в европейское сообще-

---

\* Высказывания Макдональда порой носили весьма экстравагантный характер; впрочем, они отражали сущность британской внешней политики в межвоенный период. Так, на Лозаннской конференции в 1932 году он заявил буквально следующее: «Подданные стран с населением менее десяти миллионов человек не стоят того, чтобы к ним были внимательны, они всего лишь туземцы». В эту категорию попало большинство малых европейских стран.

ство, безусловно, явилась стабилизирующим фактором в системе международных отношений.

Руководство Советского Союза придерживалось внешнеполитической концепции, в которой сочетались идейно-классовые и геостратегические установки. В первую группу входили такие положения, как традиционные лозунги пролетарского интернационализма, опоры на социальную поддержку международного рабочего класса и коммунистического движения, изображение капиталистического окружения «сплошь враждебным» по отношению к «первому в мире социалистическому государству», а фашизма — «одной из разновидностей империализма и не более того», твердое следование ленинскому указанию о превращении будущей империалистической войны в войну гражданскую и о «расширении базиса социализма за счет умножения числа советских республик». Однако в 1930-е годы Советский Союз действовал в русле общепринятых великими державами «правил игры». Несмотря на устрашающие революционные декларации, приоритетная роль во внешнеполитической доктрине СССР отводилась геостратегическим расчетам и соображениям реальной политики. Главным из них было стремление обеспечить собственную безопасность и укрепить международные позиции СССР за счет использования «межимпериалистических противоречий»<sup>39</sup>.

Существовал и третий путь развития международных отношений — действия в одностороннем порядке. По этому пути пошла набиравшая мощь Германия. В первые годы после прихода к власти нацисты проводили своеобразную политику: под прикрытием миролюбивой риторики Гитлер осуществлял подготовку к войне. Фюрер не раз выступал с речами об исключительно мирных устремлениях Германии, лицемерно заявляя об ее отказе от претензий к западным державам. Особенно фюрер любил общаться с иностранными журналистами.

Так, уже во время поджога рейхстага 27 февраля 1933 года\* Гитлер говорил корреспонденту лондонской газеты «Дейли экспресс»: «Вы свидетель новой великой эпохи в немецкой истории. Этот пожар — ее начало!» Однако уже через год Гитлер был более осторожен. В августе 1934 года в очередном интервью корреспонденту «Дейли мейл», Уорду Прайсу, германский диктатор утверждал, что «война не вернется», что

---

\* На месте пожара был схвачен беспартийный голландский экстремист Ван дер Люббе, ранее состоявший в компартии Голландии. В кармане у поджигателя была найдена коммунистическая листовка. Нацисты немедленно обвинили в поджоге коммунистов. Сразу же после пожара тысячи коммунистов, включая депутатов рейхстага и лидера компартии Э. Тельмана, были арестованы. В течение марта 1933 года германская компартия была разгромлена. На следующий день после поджога, 28 февраля, был подписан предложенный Гитлером декрет президента Гинденбурга «Об охране народа и государства». Произошел нацистский переворот, ликвидировавший политический плюрализм и республиканскую систему. На самом деле, как выяснилось позже, за поджогом рейхстага стояли именно национал-социалисты.

Германия «лучше других знает, какие бедствия она несет», что «германские проблемы не могут быть решены военным путем». Осенью он повторил эти высокие слова Жану Гою, лидеру французских ветеранов войны, члену палаты депутатов, который, в свою очередь, привел их в статье, опубликованной в парижской газете «Матэн»<sup>40</sup>. В целом свои агрессивные действия нацистские иерархи маскировали требованиями ревизии Версаля и предоставления Германии равенства с другими странами в вопросе вооружения.

Германские реваншисты, наиболее радикальным представителем которых был Гитлер, стремились сбросить «оковы Версаля» в четыре этапа. Первый вопрос — репарационный — был решен еще до прихода нацистов к власти. В 1932 году США, Великобритания, Франция и Италия, пытаясь ослабить напряженность в отношениях с Германией, согласились с ее отказом от выплаты репараций<sup>41</sup>. Гитлер стремился сконцентрировать усилия на остальных трех направлениях — военном, территориальном и колониальном. Будучи (если так, конечно, можно сказать в отношении Гитлера) политиком рациональным, фюрер понимал, что решение таких вопросов невозможно осуществить в одиночку. Поэтому вначале основной упор был сделан именно на возрождении военной мощи Германии. При этом большую роль нацистское руководство уделяло укреплению экономической мощи германского государства.

В программе НСДАП, принятой еще в начале 1920-х годов, были обозначены три важнейших пункта будущей внешней политики Германии: 1) объединение всех немцев в Великой Германии; 2) отмена Версальского и Сен-Жерменского договоров; 3) расширение жизненного пространства. В 1930 году Гитлер заявил открыто, что, если у него возникнет возможность сформировать национал-социалистское правительство, он и его сторонники «разорвут Версальский договор на части». «Я могу заверить вас, — обратился к нации Гитлер, — что, как только национал-социалистское правительство победит в этой борьбе, ноябрьская революция 1918 года будет отомщена и головы покажутся».

Но пока, в течение 1933–1935 годов, основное внимание нацистов было направлено на ликвидацию установленных в Версале военных ограничений. Гитлер оставался верен своим словам во время выступления перед генералами в феврале 1933 года. В течение первых двух лет пребывания у власти нацисты осторожно и постепенно провели целый комплекс мер, направленных на возрождение немецкой армии. Рождение вермахта выглядело следующим образом: 1. Уход германской делегации 14 октября 1933 года с конференции Лиги Наций по разоружению; 2. Принятие в 1933 году плана трехкратного увеличения рейхсвера в качестве предварительной основы для разветвления армии мирного времени (план «А»); 3. Утверждение в июне 1933 программы строительства ВВС, предусматривавшей формирование к осени 1935 года 27 бомбардировочных, 6 истребительных, 12 разведывательных и 6 эскадрилий морской авиации при общей численности самолетного парка



в 600 боевых машин; 4. Увеличение к осени 1934 года сухопутных войск с 7 до 21 дивизии в соответствии с планом «А»; и наконец, 5. Введение 16 марта 1935 года всеобщей воинской повинности и провозглашение плана создания армии мирного времени в составе 36 дивизий.

К 1 октября 1934 года численность армии должна была утроиться (триста тысяч вместо ста). В апреле того же года начальнику Генерального штаба генералу Людвигу Беку дали понять, что 1 апреля следующего года фюрер объявит о введении воинской повинности и отказе соблюдать условия Версальского договора, касающиеся ограничений в отношении армии. Геббельсу строго-настрого наказали не допускать появления в прессе словосочетания «генеральный штаб», поскольку Версальский договор запретил возрождение этого органа. Ежегодные официальные списки германской армии после 1932 года перестали публиковаться, чтобы число фигурирующих там офицеров не навело иностранные разведки на нехорошие мысли. Уже 22 мая 1933 года генерал Кейтель, председатель Рабочего комитета Совета обороны рейха, инструктировал своих помощников: «Ни один документ не может быть утерян, иначе вражеская пропаганда воспользуется этим в своих целях. Устные заявления всегда можно опровергнуть».

Военно-морским силам тоже было предписано держать рот на замке. В июне 1934 года адмирал Редер имел продолжительную беседу с Гитлером, после которой сделал следующую запись: «Инструкции фюрера: ни в коем случае не следует упоминать о кораблях водоизмещением 25–26 тысяч тонн, допустимо лишь сообщать о модернизированных кораблях водоизмещением 10 тысяч тонн. Фюрер требует, чтобы строительство подводных лодок велось в строжайшей тайне».

Все это делалось потому, что военно-морской флот начал строительство двух тяжелых крейсеров водоизмещением 26 тысяч тонн (на 16 тысяч тонн больше, чем было предусмотрено Версальским договором), которые впоследствии получили названия «Шарнхорст» и «Гнейзенау». Строительство подводных лодок по Версальскому договору было вообще запрещено, но они строились тайно в Финляндии, Голландии и Испании, и к описываемому времени Редер имел на складах в Киле с десяток подводных лодок в разобранном виде.

Геринг в первые два года пребывания нацистов у власти активно занимался созданием военной авиации. Как министр авиации (считалось, что она гражданская) он давал компаниям заказы на разработку боевых самолетов. Обучение военных летчиков проходило под прикрытием общества летчиков-спортсменов.

Возрождение военной промышленности шло полным ходом. «Человек, — пишет очевидец тех событий У. Ширер, — случайно попавший в то время в индустриальные районы Рура или Рейнской области, был бы поражен размахом работ в области вооружения, особенно на заводах Круппа, крупнейшего производителя оружия в Германии в течение последних семидесяти пяти лет, и на заводах ведущего химического концерна “И.Г. Фарбениндустри”. Хотя по решению Версальского договора “пушечному королю” Круппу было запрещено заниматься про-

изводством оружия, компания времени даром не теряла\*. В 1942 году, когда германская армия завоевала почти всю Европу, Крупп хвастался, что «основные принципы вооружения для танков и устройство башни были разработаны еще в 1926 году... Из орудий, использовавшихся в 1939–1941 годах, наиболее совершенные были полностью разработаны еще в 1933 году»<sup>42</sup>.

Наблюдения Ширера подтверждает и влиятельный британский политик А. Киркпатрик, который путешествовал по Германии весной 1935 года. Однажды в Магдебурге у него испортилась машина. По чистой случайности, как он объясняет, это произошло в самом интересном месте — у ворот аэродрома. Немецкий механик взялся помочь. «На протяжении трех часов, пока он работал, — пишет Киркпатрик, — у меня было достаточно свободного времени понаблюдать, что происходит на аэродроме. Очередь пилотов стояла на взлетной дорожке. Каждые пять минут учебный самолет приземлялся, в него взбирался передний из стоявших в очереди и совершал полет. Эти приготовления проводились настолько открыто, что они стали обычной темой разговоров. Однажды в апреле я играл в Брунсвике в гольф с совершенно незнакомым мне человеком. Смеясь, тот просил меня не отрывать глаз от игры, чтобы я не увидел повсюду вокруг свидетельства германского перевооружения»<sup>43</sup>.

На случай, если западные державы решат силой прекратить возрождение военной мощи Германии, был предусмотрен ряд контрмер, установленных директивой министра обороны рейха Бломберга от 25 августа 1933 года. Ограниченность имевшихся в то время у Германии сил позволяла германскому командованию организовать лишь «локальное вооруженное сопротивление» противнику, используя для этого все виды вооруженных сил, полицию и полувойсковые формирования. Этими силами предполагалось «по возможности дольше удерживать на западе оборону рубежа р. Рур, р. Рейн, Шварцвальд, а на востоке линии — Готценплатц, р. Одер, Нишлиц, Обра, позиции в Померании, чтобы создать условия для политического маневрирования»<sup>44</sup>.

Однако опасения нацистских руководителей оказались напрасными. Более того, некоторые европейские страны, в первую очередь Вели-

---

\* После 1918 года Крупп тайне сохранил свой концерн как военное предприятие. Необходимые меры принимались, и приготовления делались без лишнего шума. К удивлению многих, Крупп начал производить изделия, которые ничего общего не имели с прежней продукцией его военных заводов. Союзная Контрольная комиссия была введена в заблуждение. Замки, бидоны для молока, машины для ремонта дорог, машины для перевозки мусора — все это не внушало подозрений, и даже паровозы и автомобили производили совершенно «гражданское» впечатление. В тесном контакте с военными специалистами Крупп тайно проектировал, строил и испытывал танки и подводные лодки. Его конструкторы напряженно работали над созданием новых типов орудий и боеприпасов. Как символ реванша была сохранена и «Большая Берта», построенная специально для обстрела Парижа во время Первой мировой войны. Под носом у Контрольной комиссии ее замаскировали под заводскую трубу.

кобритания, полагали, что следует пойти на уступки в вопросе создания германской армии. Так, 10 марта 1933 года английский премьер Р. Макдональд представил конференции по разоружению проект конвенции о всеобщем сокращении вооружений, согласно которому предусматривалось увеличение численности германских сухопутных войск до 200 тысяч человек.

Этот проект был отвергнут Германией, а 14 октября 1933 года правительство рейха, обвинив западные державы в нежелании разоружаться, отозвало свою делегацию с конференции по разоружению. Причем это произошло не потому, что Гитлер получил отпор, но потому, что он опасался удовлетворения требования Германии относительно паритета, ибо тогда рушились бы его желания относительно неограниченного перевооружения\*.

Через неделю Гитлер вышел из Лиги Наций. Тем самым Германия сбросила с себя международные обязательства, мешавшие начать Третьему рейху подготовку к войне. В начале 1934 года Гитлер объявил о перевооружении Германии. Отгородившись подобным образом от всего мирового сообщества, Германия не испытывала ни малейших видимых неудобств. К концу года перевооружение на всех фазах приобрело такой размах, стало настолько заметно, что скрывать его от озабоченных и подозрительных стран-победительниц было уже невозможно\*\*.

---

\* Характерно, что за десять дней до этого, 4 октября, фюрер вызвал к себе военного министра Бломберга и статс-секретаря по иностранным делам Бюлова. «Канцлер и господин Бломберг, — говорится в протоколе совещания, — пришли к выводу, что мы (Германия. — *А.Н.*) ни в коем случае не должны идти на риск переговоров по новому проекту, который в конечном счете является для нас неприемлемым. Иначе мы можем оказаться в положении, когда остальные дадут на него согласие и будут пытаться заставить нас принять его... Нельзя допустить, чтобы дело зашло в такой тупик. Кроме того, канцлер указал, что должно быть абсолютно исключено, чтобы провал конференции явился результатом нашего отказа от контроля или наших требований в отношении вооружений. Таким образом, наступил момент, когда в целях предотвращения такого развития событий необходимо... потребовать в ультимативном порядке разоружения других держав и заявить, что если они отвергнут разоружение, откажут нам в равенстве прав или если неприемлемый для нас проект будет поставлен на обсуждение, то мы покинем конференцию, а также выйдем из Лиги Наций...»

\*\* Надо заметить, что, стремясь до поры не нарушать букву Версаля, Гитлер не пошел сразу на превышение численности рейхсвера. Но он нашел другие формы массовой подготовки будущих солдат. Так, численность Гитлерюгенда, включавшего в себя подростков от десяти до восемнадцати лет, увеличилась между 1932 и 1936 годами со 100 тысяч до 3,5 миллиона. Членство в Гитлерюгенде, обеспечивавшем спортивную и военную подготовку, стало с 1936 года обязательным. Покидая Гитлерюгенд, молодое поколение немцев немедленно вливалось в отряды так называемой Национальной рабочей службы, созданной в 1934 году и обязательной для всех достигших восемнадцатилетнего возраста. Немецкий солдат 1939 года был подготовлен именно здесь. Отсюда его умение

В 1934 году Германия усилила давление на Запад. 26 января 1934 года в Берлине было подписано германо-польское соглашение о «ненападении и взаимопонимании». Для немецкой дипломатии это был большой успех: Германия пробивала путь во враждебном окружении, тщательно созданном французской дипломатией. Это был серьезный удар по французской системе безопасности в Европе. Польша, считавшаяся самым верным из французских союзников на востоке Европы, шла на сближение с нацистской Германией, что не могло не менять европейский баланс сил в пользу последней.

2 августа 1934 года в возрасте восьмидесяти двух лет умер президент Веймарской республики П. фон Гинденбург, и Гитлер объявил о совмещении поста канцлера с постом президента — он стал фюрером, вождем. Это было прямым нарушением конституции Веймарской республики, которая требовала передачи власти президента (в случае его смерти) председателю Верховного суда. Для придания своему шагу вида законности Гитлер провел плебисцит. По всей Германии маршировали штурмовики с лозунгом: «Нам нужна власть — иначе смерть и разрушение!» На участки голосования пришли 42,5 млн человек (95% избирателей), и 38 млн поддержали Гитлера. Он стал главой государ-

---

обращаться с рацией, компасом, палаткой, лопаткой, гранатой и автоматом. Параллельно с рейхсвером в Германии повышали свою военную подготовку 250 тысяч членов воинских формирований Национал-социалистской партии (СА) и отряды охраны фюрера (СС). К началу 1934 года вновь созданные военновоздушные силы насчитывали сорок четыре подразделения, рассредоточенных тайно на сорока двух аэродромах по всей Германии. У каждого подразделения было сугубо гражданское название. Так, к примеру, эскадрилья бомбардировщиков в Фассбурге называлась «Ганзейская летная школа», соединение истребителей в Деберице — «Рекламное объединение».

4 апреля 1934 года Гитлер отдал распоряжение о секретном перевооружении. Для координации разворачивавшихся усилий было создано Центральное бюро германского перевооружения. Сюда были направлены значительные финансовые ресурсы. В то время как нацистская пропаганда называла не иначе как колоссальными 5-миллиардные расходы на общественные работы, тайно на нужды перевооружения был выделен 21 млрд марок. Финансировал этот огромный военный бюджет финансовый гений Третьего рейха — министр экономики Ялмар Шахт. Промышленникам, производившим вооружение, платили особыми финансовыми поручительствами, так называемыми чеками Мефо. Центральный банк принимал эти поручительства, производители получали деньги, не отраженные ни в одной строке бюджета. Между 1934 и 1937 годами чеки Мефо составили 12 млрд марок — до 40% военных расходов в критический период создания нацистской военной машины. Фирменным оружием рейха стали танки. Гитлер сделал заказ Круппу на производство первых ста танков к марту 1934 года. В течение следующего года следовало произвести 650 танков. К Круппу возвращались его специалисты из Швеции и СССР. Из Берлина привезли чертежи новых машин, и крупповский конвейер в Краве был полностью модернизирован. К октябрю 1935 года созданы три первые танковые дивизии.

ства и главнокомандующим вооруженными силами — абсолютным вождем крупнейшей индустриальной страны Европы\*.

13 января 1935 года жители Саара подавляющим большинством (477 тысяч против 48 тысяч) проголосовали за возвращение в состав рейха небольшой территории, богатой месторождениями каменного угля. Гитлер воспользовался этим, чтобы объявить, что Германия не имеет больше территориальных претензий к Франции. Это означало отказ Германии от Эльзаса и Лотарингии.

В марте 1935 года в нарушение соответствующих статей Версальского договора было объявлено о создании военно-воздушного флота Германии, о введении в стране всеобщей воинской повинности и об увеличении германской армии мирного времени до 300 тысяч человек. Надо заметить, что демократические государственные деятели межвоенного периода боялись войны больше, чем ослабления равновесия сил. Гитлер ловко использовал подобные умонастроения, периодически устраивая мирные наступления, умело нацеленные на создание иллюзий у своих потенциальных жертв.

В течение первых двух лет пребывания у власти Гитлер был озабочен в основном упрочением собственного правления. И в глазах многих британских и французских лидеров агрессивный стиль внешней политики Гитлера более чем уравновешивался его яростным антикоммунизмом и успехами в восстановлении германской экономики. Нельзя не согласиться с мнением известного историка и политолога Г. Киссинджера, что «в 30-е годы британские лидеры сомневались, верно ли поняты истинные цели Гитлера, а французские лидеры, в силу неуверенности в себе, не могли действовать на основании оценок, справедливость которых не в состоянии были доказать. Цена познания истинной природы Гитлера обошлась в десятки миллионов могил, протянувшихся с одного конца Европы до другого. С другой стороны, если бы демократии оказали решительное сопротивление Гитлеру на ранних этапах его правления, историки спорили бы до сих пор, был ли Гитлер непонятым националистом или маньяком, помешанным на мировом господстве».

Одержимость Запада выяснением истинных мотивов Гитлера была с самого начала заблуждением. Принцип равновесия сил не должен

---

\* Теперь каждый немецкий офицер должен был присягать в личной верности фюреру — никакой прежний кайзер не мог и мечтать о таком обете личной верности военной касты. Офицеры были подчинены отныне не правительству и даже не стране, а одному человеку. И они присягнули в «безоговорочной покорности Адольфу Гитлеру, фюреру германского рейха и народа, верховному командующему вооруженными силами, быть готовыми, как смелые солдаты, рисковать своей жизнью в любое время после этой клятвы». Ялмару Шахту было поручено планирование военной экономики, и тот в течение года вместе со своим штабом экономистов завершал подготовку перевода 240 тыс. предприятий на военные рельсы. В течение пяти лет была мобилизована германская индустрия и создано невиданное вооружение для разворачивающейся армии. Тем временем военные теоретики вырабатывали новую стратегию.

был оставлять сомнения в том, что обширная и сильная Германия, граничащая на востоке с мелкими и слабыми государствами, является сама по себе опасной угрозой. “Realpolitik” учит, что, независимо от мотивов Гитлера, отношения Германии со своими соседями предопределяются реальным соотношением сил. Западу надо было тратить меньше времени, устанавливая истинные мотивы Гитлера, и больше времени, организуя противовес растущей мощи Германии»<sup>45</sup>.

Пожалуй, никто не сумел лучше оценить результат колебаний западных держав выступить против Гитлера, чем Йозеф Геббельс, глава Министерства пропаганды Третьего рейха. В апреле 1940 года, накануне нацистского вторжения в Норвегию, он заявил на секретном совещании: «До настоящего времени нам удавалось держать врага в неведении относительно истинных целей Германии, точно так же, как до 1932 года наши внутренние враги так и не увидели, куда мы шли, а также того, что наша клятва на верность была всего лишь трюком... Они могли бы нас раздавить. Они могли бы арестовать парочку из нас в 1925 году, и тут бы настал конец. Нет, они провели нас через опасную зону. Точно так же дело обстояло и с внешней политикой... В 1933 году любой французский премьер должен был бы сказать так (а если бы я был французским премьером, я бы обязательно сказал так): “Новый канцлер рейха — это человек, который написал “Майн кампф”, где говорится то-то и то-то. Присутствие этого человека поблизости от нас нетерпимо. Либо он исчезнет, либо мы выступаем!” Но они этого не сделали. Они оставили нас в покое и дали нам пройти через зону риска, а мы оказались в состоянии обогнуть все опасные рифы. А когда мы стали в полном порядке и хорошо вооружились, лучше, чем они, тут-то они и начали войну»<sup>46</sup>.

Будучи прекрасным психологом и понимая настроения лидеров западных демократий, Гитлер грамотно выстраивал свою внешнюю политику. В этом плане нельзя не согласиться с мнением известного исследователя Третьего рейха У. Ширера: «Говорить о мире, тайно готовиться к войне, выработать осторожную внешнюю политику, скрытно провести перевооружение, избежать превентивных военных действий против Германии со стороны стран-победительниц — такова была тактика Гитлера в течение первых двух лет пребывания у власти»<sup>47</sup>.

Следует ясно оценивать положение, сложившееся в Германии в середине 1930-х годов, когда Гитлер консолидировал свою власть. С одной стороны, усилиями прежнего режима — Веймарской республики — в стране были сохранены два необходимых для ведения агрессивной внешней политики компонента: преемственность традиции военной подготовки и активное следование в авангарде военно-технического прогресса. С другой стороны, ограничения Версаля все же сказались, и для массового развертывания перевооружения требовалось время. По самым оптимистическим оценкам военных экспертов вермахта, даже при форсированном развертывании армии и ее быстром техническом оснащении лишь 1942 год виделся ближайшим годом, когда Германия будет готова к силовому решению в Европе.

В этой ситуации Гитлер решил значительно изменить прежнюю тактику. Если до середины 1930-х годов немцы тщательно скрывали свои военные приготовления и стремились преуменьшить их масштабы в тех случаях, когда имели место разоблачения, то во второй половине десятилетия нацистское руководство уходит в другую крайность. Переход к силовой политике постоянно сопровождался грандиозным блефом в отношении военных возможностей Германии. Ушли в прошлое лицемерные указания на слабость страны. Начиная с 1935 года, Гитлер нарочито подчеркивает силу рейха, желая психологически переиграть своих потрясенных разрушительными итогами Первой мировой войны соседей.

В самом сердце европейского континента разгорался пожар новой войны. Помимо возникновения очага напряженности в центре Европы, следует выделить еще два проблемных региона. Это события на Дальнем Востоке, где развертывалась агрессия будущего союзника Германии в мировой войне — Японии, и события в Испании, где с каждым днем ухудшалась внутривнутриполитическая обстановка.

Тем временем усилия гаранта Версальской системы — Великобритании — были сконцентрированы не на организации отпора агрессии Третьего рейха, а на создании европейского фронта держав, направленного против СССР, который объективно набирал силу. Отсюда и недоброжелательное отношение Лондона к идее заключения регионального восточноевропейского пакта о взаимной помощи, выдвинутого в ходе советско-французских переговоров весной 1934 года. Согласившись поддержать «Восточное Локарно» — систему пактов о взаимопомощи на Востоке Европы — и рекомендовать Берлину и Варшаве принять этот пакт, а также получить одобрение со стороны Италии, английские руководители на практике ничего не делали для этого. С помощью начинавшихся многосторонних переговоров они лишь рассчитывали избежать создания франко-русского союза. В результате враждебного отношения со стороны Германии, Польши и Финляндии к идее этого регионального пакта он так и не был осуществлен. Не последняя роль в провале «Восточного пакта» принадлежала английской дипломатии. Несмотря на неудачу в создании «Восточного Локарно», в мае 1935 года длительные переговоры между СССР, Францией и Чехословакией завершились подписанием двусторонних франко-советского и советско-чехословацкого пактов о взаимной помощи\*.

Как бы в ответ на это британская дипломатия в июне того же 1935 года подписала англо-германское соглашение, легализовавшее морские вооружения Германии. Теперь Германия официально имела право создать примерно такой же флот, как и Франция. Это не могло не вызвать отрицательной реакции Франции. Кроме того, Англия фактически признавала нарушения Германией версальских постановлений. Уже здесь, пусть и с оговорками, можно говорить о начале политики умиротворения агрессоров.

---

\* Подробнее об этом см. в главе 2.

Начиная с середины 1930-х годов, зона нестабильности в Европе расширялась. По Европе прокатилась волна политического террора. Только в течение второй половины 1934 года в Европе были убиты сразу несколько крупных политических деятелей, среди которых оказались австрийский канцлер Дольфус, король Югославии Александр и французский министр иностранных дел Л. Барту.

В октябре 1934 года, следуя своей политике «сдерживания» Германии, министр иностранных дел Барту пригласил во Францию югославского короля Александра. Барту надеялся, что этот визит укрепит Малую Антанту, которая, по его мнению, должна была противостоять набиравшей силу Германии. Поездка югославского короля закончилась трагически: Барту и Александр были убиты 9 октября 1934 года на площади Биржи в Марселе\*. Многие были склонны полагать, что это было дело рук Муссолини, не желавшего усиления Франции на Балканах. Так ли это было или нет, но смерть Барту положила конец длинной череде французских деятелей калибра Пуанкаре. «Его безвременная гибель, — пишет Фурниа, — имела глубочайшие негативные последствия для французской безопасности и европейского мира, так как более не нашлось политиков с подобной преданностью идеям сдерживания»<sup>48</sup>.

Барту выступал с проектом договорной комбинации Франции, Италии и Малой Антанты, которая коллективно гарантировала бы независимость Австрии от посягательств Германии. Важным шагом в реализации этого плана и должен был стать визит короля Югославии в Париж. Вскоре выяснилось, что за убийством Барту стоял Берлин. Именно в столице Третьего рейха хорватские боевики и македонские националисты, совершившие теракт, получали деньги и оружие, а накануне покушения их посетил в парижском отеле «Пале д'Орсэ» помощник германского военного атташе в Париже Ганс Шпейдель. Само на-

---

\* Югославский король Александр прибыл в Марсель в 2 часа дня 9 октября 1934 года. В порту его встречал министр иностранных дел Франции. Заметим, что югославский король, так же как и Барту, был осведомлен о том, что на него готовится покушение. Однако никаких экстренных мер принято не было. У правой дворцы королевского автомобиля находился один лишь французский полковник верхом на лошади. Мотоциклистов и кавалеристов, присутствия которых обычно предусмотрено в подобных случаях, на этот раз не было. Кортёж двигался со скоростью четырех километров в час вместо полагавшихся по правилам для передвижения глав государств двадцати километров.

В тот момент, когда машина поравнялась со зданием Биржи, раздался резкий свист. Из толпы выскакивает человек. Лошадь полковника встает на дыбы, человек проскальзывает мимо нее и вскакивает на подножку автомобиля. Раздаются выстрелы, и король, обливаясь кровью, падает. Барту ранен в руку, рукав его черного сюртука тотчас же пропитывается кровью. Югославский король убит мгновенно, а Барту смертельно ранен. В суматохе никто не заметил ранения Барту, помощь оказали слишком поздно и министр скончался от потери крови. Террорист же был сражен ударом сабли сопровождавшего кортеж полковника, после чего толпа буквально растоптала его тело.



звание операции — «Гевтонский меч» — сложно было связать с хорватскими традициями\*.

В январе 1935 года в Риме была подписана итало-французская декларация о взаимном сотрудничестве и конвенция о взаимном уважении территориальной целостности государств Центральной Европы. Италию и Францию в данной ситуации объединило их общее стремление не допустить аншлюса. Однако это соглашение включало и еще один документ об «исправлении» франко-итальянской границы в Африке<sup>49</sup>. Тем самым Франция, надеясь найти общий язык с Италией в деле обеспечения безопасности в Европе, дала повод Муссолини начать агрессивные действия в Эфиопии (Абиссинии).

---

\* Убийцей оказался некий Калеман, чья татуировка указывала на принадлежность к организации македонских националистов. В 1936 году на суде во Франции было установлено, что нити заговора из центра усташей в поместье Янка Пуста (на территории Венгрии, близ югославской границы) тянулись в Берлин и Рим. Главу хорватских фашистов А. Павелича заочно приговорили к смертной казни, трех человек, причастных к убийству, осудили на каторжные работы. По словам посла Франции в Берлине, сцена прибытия югославского короля в Марсель и последовавшее за этим покушение были засняты на киноплёнку. «Копия этого фильма была доставлена в Берлин, — пишет посол. — Гитлер и его приближенные долго и с жадностью его просматривали». Послу несколько раз предлагали посмотреть фильм, но он отказался, не желая выслушивать лицемерные соболезнования руководителей Третьего рейха, о причастности которых к убийству он догадывался.

На самом деле политические убийства являлись ничем иным, как актами государственного терроризма со стороны нацистской Германии. Еще в начале 1934 года, после убийства министра внутренних дел Румынии Й. Дуки, главного вдохновителя всей франкофильской политики на Балканах, германский посол в Париже (искренне ненавидевший нацизм) поведал известной французской журналистке Ж. Табуи интересную, но печальную историю. «А знаете ли вы, — заявил посол, — что в Берлине некоторые нацисты утверждают, что с помощью пяти или шести подобного рода политических убийств Германия могла бы обойтись без расходов на войну и добиться в Европе всего, чего только пожелала бы! Прежде всего речь идет о Дольфусе (убит в июле 1934 года. — *А.Н.*). По мнению Берлина, он единственный австриец, который понастоящему противится аншлюсу. Но полагают, что он будет убит своими соотечественниками, так как в Австрии число сторонников аншлюса растет с каждым днем! Вторым убийством, которое необходимо для того, о чем они говорят, должно быть убийство югославского короля Александра (убит в октябре 1934 года. — *А.Н.*). Они утверждают, что его исчезновение положит конец единству Югославии и всей политике союзнических отношений между Францией и Балканами. Затем они хотели бы покончить с Титулеску — верным союзником Парижа и Лондона. Может быть, они сочли, что и убийство Дуки является необходимым, но я ничего не знаю об этом. Во всяком случае, они утверждают, что в тот день, когда не станет Бенеша, немецкие меньшинства в Чехословакии во всю прыть вернутся в Веймарскую республику. Признаться, я думаю, что они были бы весьма рады, если бы и во Франции исчез тот или иной из ваших министров или председателей совета министров (Барту убит в октябре 1934 года. — *А.Н.*)».

3 октября 1935 года итальянская армия вторглась на территорию христианского государства и члена Лиги Наций — в Абиссинию. Начало войны в Африке имело большой международный резонанс. Итало-эфиопская война изменила расстановку сил в Европе и дала резкий импульс к дестабилизации международной ситуации.

В первую очередь это касалось дискредитации важнейшего инструмента европейского мира — Лиги Наций. Стало очевидным, что механизм санкций Лиги против агрессора проработан недостаточно детально. Сами великие державы (Англия и Франция) не очень-то и стремились осуществить эти санкции, ведя закулисные переговоры с Италией. Когда подобные действия западных демократий стали достоянием гласности, был нанесен существенный удар по престижу как Лиги Наций, так и непосредственно Англии и Франции. Известное соглашение Хор-Лаваль, заключенное указанными державами в декабре 1935 года, рекомендовавшее Эфиопии сделать территориальные уступки Италии, наглядно продемонстрировало политику попустительства агрессии.

Позиция западных демократий в итало-эфиопском конфликте вселила в фашистских диктаторов Муссолини и Гитлера, сильно сблизившихся в результате итало-эфиопской войны, уверенность в безнаказанности их действий. Именно поэтому, чутко уловив настроения правящих элит западных стран, Гитлер решился на крупнейшую после введения воинской повинности провокацию. Объявив, что советско-французский договор 1935 года несовместим с Локарнскими соглашениями\*, фюрер освободил Германию от обязательств по демилитаризации Рейнской области. 7 марта 1936 года, сразу после ратификации парламентом Франции договора о взаимной помощи с СССР, части вермахта вступили в Рейнскую зону. Это был, без преувеличения, один из критических моментов в истории европейских международных отношений.

---

\* Напомним, что в результате международной конференции, проходившей в швейцарском курортном городе Локарно с 5 по 16 октября 1925 года, были парафированы девять документов, главным из которых являлся Рейнский гарантийный пакт. По условиям Локарнского «договора безопасности» Великобритания, Франция, Германия, Бельгия и Италия взяли на себя обязательство гарантировать «индивидуально и коллективно» сохранение территориального статус-кво: неприкосновенность франко-германской и германо-бельгийской границ, как они установлены по Версальскому мирному договору, а также соблюдение его положений относительно демилитаризации Рейнской области. Главными гарантами нерушимости западных границ Веймарской республики выступали Англия и Италия. Франция, Бельгия и Германия обязались не предпринимать нападения и не прибегать к войне друг против друга. Спорные вопросы подлежали урегулированию в соответствии с арбитражными соглашениями, подписанными одновременно с Рейнским гарантийным пактом. В случае несоблюдения какой-либо из держав принятых обязательств остальные участники Пакта предоставляли необходимую помощь той стороне, против которой будет направлен «непровоцированный акт агрессии».

Адекватной реакции со стороны Франции не последовало. Авторитетные исследователи в один голос говорят, что Гитлер в марте 1936 года сильно рисковал. Так, американский историк Р. Хениг пишет, что «Гитлер предпринял весьма скромную военную операцию ввиду опасений руководства немецкого Генштаба, что полномасштабная военная операция вызовет мобилизацию во Франции и ответную интервенцию ее войск в Рейнскую область. И Гитлер, и германские военные на тот момент желали избежать вооруженного конфликта»<sup>50</sup>.

Однако игра фюрера стоила свеч. «Гигантский блеф»<sup>51</sup> закончился триумфом. Внутри страны авторитет Гитлера был еще более упрочен, более того: в нацистского диктатора верило все больше немецкого генералитета. Откровенное нарушение Версальского договора Германией четко обозначило тот факт, что к середине 1930-х годов в Европе параллельным курсом формировалось несколько тенденций. Условно их можно разделить на две группы. Один вектор развития представлял собой кризисное направление, нацеленное на слом Версальской системы, разрушение версальского порядка. Другой — подразумевал сохранение европейского мира. Существовало несколько подходов к реализации данной задачи: создание эффективной системы коллективной безопасности или организация блока держав, стремившихся к сохранению Версальской системы.

В данном контексте следует более подробно обратиться к вопросам европейской безопасности в середине 1930-х годов.

### ПРОВАЛ СИСТЕМЫ КОЛЛЕКТИВНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

Наиболее перспективной идеей сохранения мира в Европе выглядело создание системы коллективной безопасности, которая включала бы основные великие державы континента. Однако подобная комбинация не входила в планы государств, стремившихся к пересмотру европейского статус-кво. И наоборот, те страны, которые надеялись удержать свои позиции, выступали за создание подобной системы. Именно этот фактор определил состав основных участников — Франция, Советский Союз и Чехословакия.

Сближение между СССР и Францией намечалось еще в начале 1930-х годов. СССР становился индустриальной державой, рос его оборонный потенциал, он представлял для Франции хорошего торгового партнера, тем более что положение Франции на мировых рынках пошатнулось. Наконец, Франция видела в Советском государстве стратегического или даже военного союзника в борьбе с Италией и Германией.

Основным фактором, обусловившим изменения во внешней политике Советского Союза в первой половине тридцатых годов, стал приход к власти в Германии нацистов с их жесткой антисоветской риторикой и решительными мерами по усилению влияния рейха в Европе. Те методы, которыми новое германское руководство действовало на международной арене, не могли не настораживать Кремль. Отсюда — стремление подстраховаться через сближение с Францией и ее союзниками, через политику коллективной безопасности. В сложившейся ситуации СССР стал выступать как фактор стабильности в Европе<sup>52</sup>.

19 декабря 1933 года было принято решение Политбюро ЦК ВКП(б), предусматривавшее возможность вступления СССР в Лигу Наций и заключения регионального соглашения о взаимной защите от агрессии (Восточного пакта)<sup>53</sup>. СССР был далеко не против интегрироваться в Версальскую Европу. Кроме того, Москва была заинтересована в сохранении существовавшего статус-кво на Европейском континенте. Поэтому Москва выдвигала концепцию коллективной безопасности, основанную на принципе неделимости мира, его сохранении и упрочении. Она предусматривала заключение региональных соглашений о взаимной помощи (проекты Восточноевропейского, Тихоокеанского, Средиземноморского пактов). Речь шла не только об эффективной защите государств от агрессии, но и о предотвращении самой возможности ее совершения. По словам наркома иностранных дел М.М. Литвинова, ценность пактов о взаимопомощи заключалась не столько в тех реальных гарантиях военной защиты, которые они санкционируют, «сколько в том психологическом эффекте, который они создают в пери-

од до начала боевых действий»<sup>54</sup>. Пакты о взаимопомощи предполагалось заключать между государствами с различными социально-политическими системами (то есть СССР был готов преодолеть идеологические разногласия) и предусматривали взаимную помощь участников соглашения в случае агрессии против одного из них. На короткое время в некоторых западных странах государственные интересы действительно возобладали над идеологическими предрассудками, что проявилось в отходе от антисоветского и антикоммунистического курса и сотрудничестве с СССР. Прежде всего это касается Франции, которая заключила в 1935 году договор о взаимной помощи с Советским Союзом.

«Мы с вами приступаем к великой важности делу, мы с вами начали сегодня делать историю» — такими словами французский министр иностранных дел Ж. Поль-Бонкур, беседуя с советским полпредом В.С. Довгалевским в декабре 1933 года, охарактеризовал значение обсуждавшегося вопроса.

Переговоры между СССР и Францией начались в середине 1934 года. В мае в Женеве состоялась встреча назначенного в феврале 1934 года главой МИД Франции Луи Барту с народным комиссаром иностранных дел СССР Литвиновым, во время которой был обсужден вопрос о заключении Восточноевропейского регионального пакта о взаимной помощи. Проект пакта, представленный советской стороной, предусматривал создание широкой системы коллективной безопасности, включавшей «три замкнутых круга». Первый круг — на востоке Европы, второй круг включал государства, имевшие интересы в Средиземном море, а третий круг охватывал район Тихого океана, так называемое «Морское Локарно»<sup>55</sup>.

Барту заинтересовался первой частью советского плана и предложил сосредоточить усилия на «наиболее неотложной проблеме организации безопасности в Восточной Европе». Конкретный план Восточного пакта был разработан генеральным секретарем французского МИД Алексисом Леже<sup>56</sup>. «План Леже» включал в число участников соглашения Советский Союз, Германию, Чехословакию, Польшу, Финляндию, Латвию, Литву и Эстонию. Одновременно предполагалось заключение пакта о взаимопомощи между СССР и Францией.

По сравнению с советским предложением Леже внес три дополнительных условия. В пакт о взаимопомощи включалась Германия и исключалась Франция, которая, однако, заключала с Советским Союзом отдельный договор, гарантирующий СССР помощь со стороны Франции и делающий СССР участником Локарнского соглашения в пользу Франции. Наконец, помощь стране, подвергшейся нападению, оказывалась не всеми участниками пакта, а лишь непосредственными соседями. В Москве на этот счет подчеркивали, что «ограничение помощи только ближайшими соседями делает пакт несколько искусственным, ибо он фактически не устанавливает никаких взаимных обязательств между нами и Чехословакией и между Прибалтикой и Чехословакией».

В целом существо проектируемого пакта заключалось в следующем. Страны-участницы должны были взять на себя обязательство ока-

затянуть военную и иную помощь той из стран, подписавших пакт, которая окажется жертвой агрессии. Франция, не подписывая пакт, брала на себя гарантию его выполнения. Другими словами, если какое-либо государство, подписавшее пакт, откажется выполнить обязательство по оказанию помощи стране — жертве агрессии, Франция обязана была выступить сама. Одновременно Советский Союз брал на себя гарантии Локарнского пакта. Таким образом, Москва обязана была прийти на помощь стране, подвергшейся нападению, в случае если кто-либо из участников Локарнского пакта откажется выполнить свои обязательства. Согласно проекту Восточного пакта систему безопасности необходимо было дополнить вступлением СССР в Лигу Наций.

В начале июня 1934 года «план Леже» был доведен до сведения министров иностранных дел Польши и Чехословакии, а также сообщен в Рим и Лондон<sup>57</sup>.

Отношение фашистской Италии к подобному пакту с самого начала оказалось негативным. Во время встречи Муссолини с Гитлером в июне 1934 года в совместном коммюнике было высказано «отвращение» к региональным соглашениям<sup>58</sup>. Американский посол в Риме Лонг сообщал в Вашингтон, что дуче в ходе беседы с Гитлером заявил, что новое соглашение (Восточный пакт. — *А.Н.*) «может только умалить значение уже существующих пактов», имея в виду пакт Бриана–Келлога, Устав Лиги Наций и Локарнский договор<sup>59</sup>.

Что касается реакции Великобритании, то представители британского правительства не дали сколько-нибудь определенного ответа, сообщив, что вопрос будет обсужден с Барту во время его предстоящего визита в Лондон. В то же время поддержка английского правительством проекта Восточного пакта могла оказать большое влияние на механизм принятия решений потенциальных участников пакта. Британский посол в Париже Дж. Кларк телеграфировал в Форин Оффис, что по сведениям, полученным от Леже, «Германия лишь выбирает удобный предлог для отказа (от участия в пакте. — *А.Н.*). Польша также враждебна... Обе страны, особенно Польша, выжидают, какую позицию займет Великобритания»<sup>60</sup>.

Французский министр иностранных дел прекрасно понимал силу влияния Лондона и предпринял поездку в Великобританию в начале июля 1934 года с целью добиться поддержки Англией Восточного пакта. Проект Восточного пакта был вручен французским послом в Лондоне Корбенем постоянному заместителю министра иностранных дел Великобритании еще 27 июня 1934 года. Он состоял из трех документов: договора о взаимной помощи, который должен быть подписан Польшей, СССР, Германией, Чехословакией, Финляндией, Эстонией, Латвией и Литвой; соглашения между Францией и СССР; генерально-го акта<sup>61</sup>.

Во время переговоров, состоявшихся 9–10 июля 1934 года в Лондоне, британское правительство поставило первым условием такой поддержки согласие французской стороны на равенство Германии в вооружениях. Однако Барту был против подчинения заключения Восточного

пакта этому вопросу. В итоге была принята формулировка, признающая, что заключение Восточного пакта явится «лучшей основой для возобновления переговоров о заключении конвенции о вооружениях с применением принципа равенства прав Германии». Вторым условием поддержки Великобританией Восточного пакта, выдвинутым главой Форин Оффис Дж. Саймоном, было распространение гарантий Франции и России на Германию. Другими словами, английское правительство предложило, чтобы Германия стала третьим равноправным участником франко-советского гарантийного договора.

Видя «своеобразное» отношение Лондона к идее Восточного пакта, Барту решил припугнуть своего британского коллегу тем, что Франция может заключить договор с Советским Союзом. «Если французское правительство, — заявил Барту, — не добьется успеха в этом деле (заключении Восточного пакта. — *А.Н.*), проблема безопасности останется открытой в рамках отношений между Россией и Францией. Французский кабинет еще не обсуждал вопроса, что произойдет в таком случае. Но в далеком прошлом республиканская Франция заключила договор с царской Россией, хотя их режимы очень отличались друг от друга. География, однако, определяла историю, и возник франко-русский союз. Будет ли нынешняя Франция тоже вынуждена вступить в союз с СССР?.. Если Восточное Локарно потерпит неудачу, опасность положения в Европе, возможно, заставит Францию пойти на это».

Стоит заметить, что заявление Барту о заключении франко-советского союза означало крушение надежд Лондона на заключение «Пакта четырех», объективно направленного против СССР. Поэтому глава Форин Оффис Саймон пошел на уступки\*. Кабинет министров Великобритании согласился рекомендовать правительствам Германии и Польши присоединиться к Восточному пакту, а Италии — поддержать этот пакт<sup>62</sup>.

Но все же главной целью британской дипломатии в этот период оставалось создание пакта четырех западных держав — Англии, Франции, Германии и Италии. Поэтому неудивительно, что уже через десять дней после встречи с Барту Саймон заверил германского посла в Лондоне, что Великобритания «не желает оказывать какого-либо давления на Германию» в смысле присоединения к Восточному пакту<sup>63</sup>. Нельзя не согласиться с утверждением американского историка Фурниа, что «Британия не только не хотела, чтобы Франция была связана договором о взаимной помощи с Советами, но и противилась тому, чтобы Советы были связаны с Западом уставом Лиги Наций»<sup>64</sup>.

8 сентября 1934 года Берлин направил правительствам Англии, Франции, Советского Союза, Италии, Польши, Чехословакии и Прибалтийских стран меморандум, в котором германское правительство

---

\* Интересно, что однажды британский премьер Ллойд Джордж сделал в английском парламенте такое замечание в адрес Саймона: «Много людей почище его ходили по полу этой палаты до него, но ни один не оставил после себя таких следов хитрого лицемерия».

излагало свои соображения по поводу проекта Восточноевропейского пакта о взаимной помощи. Хотя Германия прямо не заявляла об отклонении пакта, фактически она отказывалась в нем участвовать. Основным мотивом при этом было неравноправное положение в области вооружений<sup>65</sup>. Германское правительство возражало против самого существенного положения Восточного пакта — обязательства сторон в случае нападения на одну из них оказать немедленную взаимную военную помощь. Германия заявляла, что не заинтересована в советских и французских гарантиях и высказывалась против заключения отдельного соглашения между Францией и СССР. В конце меморандума говорилось, что Берлин предпочитает «другие методы обеспечения мира», а именно соглашения о ненападении и консультации заинтересованных государств<sup>66</sup>.

На самом деле Германия делала все, чтобы сорвать заключение Восточного пакта. Еще 8 июня 1934 года глава МИД рейха Нейрат дал послам в Лондоне, Риме и посланнику в Бельгии следующие инструкции: «Для срыва такого намерения (заключения пакта. — *А.Н.*) хорошо было бы, если мы не отклоняли бы предложения сразу, а стали на путь затягивания вопроса. При этом мы могли бы, наряду с нашими возражениями, отметить и ряд положительных моментов, присутствующих в предложении; и мы должны были бы позаботиться также о том, чтобы как можно больше возражений выдвинули другие страны».

Еще более откровенно германская линия поведения сформулирована в одном из писем германского посла в Лондоне Л. Хеша. Находясь в дружеских отношениях с Нейратом и статс-секретарем Бюловом, немецкий дипломат нередко позволял себе высказывать в депешах собственные суждения по проблемам внешней политики и рекомендовать те или иные шаги. 21 июня 1934 года он писал Нейрату: «...Наша тактика должна быть построена с таким расчетом, чтобы оттягивать окончательный отказ так долго, как только возможно, и одновременно систематически затягивать разрешение вопроса. Как мне представляется, в данный момент это легко осуществить, поскольку мы можем сослаться на тот факт... что пока нам не сделали конкретных предложений, а посему мы не имели возможности выразить свое окончательное мнение, не говоря о том, что даже не знаем, кому адресовать ответ о нашей точке зрения. Позже если нам сделают конкретные предложения, то сможем пообещать изучить их и затем начнем указывать на разные явные нелепости, содержащиеся в проекте (которого автор письма еще и не видел. — *А.Н.*). Вероятно, тем временем позиция Польши станет несколько более четкой в смысле несогласия с предлагаемым пактом, а также выявятся другие препятствия и затруднения. Следовательно, не исключено, что таким образом проект пакта в целом потерпит провал, как часто в последнее время мы видели это в связи с другими аналогичными проектами. Если же тактика затяжки не принесет успеха, то и в конечном итоге можем оказаться вынуждены заявить, что мы против пакта...»<sup>67</sup>.

По официальным и неофициальным каналам Берлин прилагал максимум усилий для того, чтобы представить Восточный пакт в черном



свете. Пакт называли и «ловушкой большевиков», и «замыслом Макиавелли»; утверждалось, что СССР стремится вступить в Лигу Наций с единственной целью — с ее трибуны пропагандировать «мировую революцию». Другими словами, политики Третьего рейха рассчитывали, и небезнадёжно, сыграть на страхе европейцев перед «красной опасностью».

Большое значение для успеха Восточного пакта имело и участие в нем Польши. В письме Литвинова полпреду СССР в Париже от 23 апреля 1934 года подчеркивалось, что отношение Польши ко всей схеме Восточного пакта является решающим<sup>68</sup>. Еще 9 января 1934 года польский посол в Берлине Ю. Липский проинформировал германского министра иностранных дел Нейрата о том, что Польша не пойдет ни на какое соглашение с СССР, предварительно не согласовав это с германским правительством<sup>69</sup>. А 4 июня 1934 года в разговоре с Барту в Женеве глава польского внешнеполитического ведомства Ю. Бек\* заявил, что не может скрыть своего скептицизма в отношении шансов проекта на успех<sup>70</sup>.

И действительно, официальный ответ на советско-французское предложение Варшава дала лишь после того, как стала известна офи-

---

\* Юзефу Беку предстояло сыграть одну из самых трагических ролей в истории своей страны, да и всей Версальской Европы второй половины 1930-х годов. Политическая карьера Бека началась осенней ночью 1917 года. Переодевшись кучером, он нелегально пересек бывшую австрийскую границу и въехал на территорию Украины. В России только что свершилась революция. Обзаведясь формой командира Красной Армии, Бек побывал на Кубани, в Сибири и Мурманске, где тайно вербовал поляков в нелегальные вооруженные отряды. Подозрительные разезды молодого «командира» привлекли внимание чекистов. Случайно избежав ареста, Бек ищет спасения в бегстве. Без документов, то пешком, то на крыше вагона он возвращается в Польшу. Участие в советско-польской войне позволило Беку проникнуть в ближайшее окружение Ю. Пилсудского. Вскоре он получил назначение в Париж в качестве военного атташе при польском посольстве. «Французская глава» в биографии будущего министра оказалась кратким эпизодом. Похитив документ, содержащий не предназначавшиеся для иностранцев сведения о французской армии, Бек вынужден был расстаться с Парижем. После государственного переворота Пилсудского в 1926 году Бек стал шефом канцелярии военного министра. Эту должность он совмещал с выполнением доверительных поручений маршала. В 1932 году, когда правительство Франции отклонило его кандидатуру на пост посла, он получил портфель министра иностранных дел. Среди коллег на Западе Бек — «мефистофель в дипломатии», как его иронически называли коллеги, — пользовался дурной репутацией. В дипломатических кругах он был известен как человек, слову которого опасно доверять. Его откровенный цинизм и неразборчивость в средствах коробили даже опытных политиков. В качестве основы польской внешней политики Бек провозгласил «равновесие» или «равноудаленность» в отношениях с СССР и Германией. Он толковал данный курс как стремление избежать того, чтобы сближение с одной из держав отрицательно сказалось на взаимоотношениях с другой. В итоге это привело к национальной катастрофе Польши.

циальная реакция Германии. 27 сентября 1934 года Бек направил Барту меморандум, в котором указывалось, что Польша может присоединиться к пакту лишь при условии присоединения к нему Германии. Кроме того, Варшава извещала, что она не может принять на себя какие-либо обязательства в отношении Литвы и Чехословакии и что она предпочитает двусторонние договоры<sup>71</sup>. В самом деле, еще в январе 1934 года был заключен польско-германский договор, который обозначил отход Варшавы от сотрудничества с Францией в пользу сближения с Германией. Интересно, что в это же время британский Форин Оффис так оценивал намерения польского руководства в отношении СССР: «Польша стремится захватить часть Украины и расколоть Россию на ряд отдельных, независимых от Москвы государств»<sup>72</sup>.

Позиция Прибалтийских стран в вопросе о Восточном пакте была колеблющейся. Финляндия вообще не дала официального ответа на франко-советское предложение. Из всех приглашенных государств только Чехословакия заявила о своей поддержке Восточного пакта и готовности присоединиться к нему.

Несмотря на отказ Германии и Польши принять участие в пакте, СССР продолжал пытаться создать систему коллективной безопасности в Европе. Как известно, Франция связывала заключение Восточного пакта и франко-советского соглашения с вступлением Советского Союза в Лигу Наций. В Москве также считали, что подобный шаг облегчит создание системы коллективной безопасности в Европе<sup>73</sup>. Когда стало ясно, что переговоры о Восточном пакте явно затягиваются, Париж обратился к советским представителям с просьбой ускорить вступление в Лигу Наций. В ответ НКВД сообщил, что, «учитывая советы французского правительства и идя навстречу его пожеланиям, СССР готов теперь же осуществить вступление в Лигу в случае получения от нее соответствующего приглашения и обеспечения СССР постоянного места в Совете Лиги. СССР рассчитывает, что этот шаг облегчит заключение пактов по упрочению мира»<sup>74</sup>.

15 сентября 1934 года по инициативе французского правительства 30 стран-членов Лиги Наций направили в советское внешнеполитическое ведомство телеграмму с приглашением СССР вступить в организацию. В своем ответе Советское правительство писало, что «готово принять полученному обращению и стать членом Лиги, заняв в ней подобающее ему место, и принять на себя соблюдение вытекающих из этого международных обязательств и решений, обязательных для членов Лиги согласно статье 1 устава Лиги Наций»<sup>75</sup>. Глава французского МИД Барту заявил в этой связи: «Моя главная задача достигнута — правительство СССР теперь будет сотрудничать с Европой»<sup>76</sup>. Менее чем через месяц Барту был убит...

Вступление СССР в Лигу Наций, безусловно, создавало еще более благоприятные условия для налаживания франко-советского сотрудничества. В то же время сотрудничество между Советским Союзом и Францией способствовало укреплению позиций обеих стран в Европе. 5 декабря 1934 года в Женеве было подписано франко-советское согла-

шение, в котором обе стороны брали на себя обязательство не вступать в переговоры о заключении многосторонних или двусторонних соглашений с правительствами, приглашенными участвовать в пакте, особенно с теми из них, которые еще не выразили своего принципиального согласия присоединиться к пакту, а равно и не вступать в переговоры, могущие нанести ущерб подготовке и заключению Восточного пакта<sup>77</sup>.

Тем не менее параллельно Франция проводила и другую линию, направленную на заключение соглашений с фашистской Италией и нацистской Германией. В начале января 1935 года французский премьер Лаваль предпринял поездку в Рим. Коммунистическая пресса Франции не могла не отметить без сожаления, что оба правительства намерены «развивать традиционную дружбу, соединяющую обе нации, и сотрудничать в духе взаимного доверия в деле сохранения общего мира»<sup>78</sup>. Лаваль заключил с Муссолини соглашение об исправлении франко-итальянской границы в Африке в пользу Италии. Сближением с Италией французский премьер рассчитывал сделать более уступчивой Германию и помешать итало-германскому сближению. Не последнюю роль играло и желание Лавали воспользоваться улучшением отношений с Италией для того, чтобы укрепить позиции Франции на ближайших переговорах с Великобританией.

В первых числах февраля 1935 года французский премьер-министр и министр иностранных дел отправились в Лондон. Результаты переговоров с британским правительством были резюмированы в декларации, опубликованной 3 февраля, а также в выступлениях Дж. Саймона, П.-Э. Фландена и П. Лавали. В официальном коммюнике выдвигалась задача установления «непосредственного и эффективного сотрудничества с Германией». Предлагалось заключить три отдельных соглашения. Прежде всего намечалось заключение воздушной конвенции, которую наряду с Германией подписали бы Англия, Франция, Италия и Бельгия. Это предложение уже само по себе предполагало существование германской военной авиации. Франция и Англия соглашались также вновь рассмотреть часть V Версальского договора, касающуюся ограничения германских вооружений. Наконец, участники лондонских переговоров предлагали заключить Дунайский пакт, гарантирующий независимость Австрии, и Восточный пакт о взаимопомощи. Одним из условий соглашения с Германией было возвращение этой страны в Лигу Наций<sup>79</sup>.

Вручая 5 февраля официальный текст коммюнике представителю НКВД, французский посол в Москве Э. Альфан заметил: «Поскольку первоначальная идея Барту о том, что Восточноевропейский пакт должен быть заключен до соглашения по вопросу о германских вооружениях, уже раньше была оставлена, то в Лондоне согласились в том смысле, что переговоры об отмене военных статей Версальского договора должны вестись параллельно с переговорами о Восточном пакте взаимопомощи и о Дунайском пакте с тем, чтобы соглашение по этим вопросам было заключено лишь одновременно»<sup>80</sup>.

Что касается реакции Германии на англо-французские предложения, то Берлин отверг большинство из них, согласившись лишь на заключение воздушной конвенции и поставив в качестве условия предварительные двусторонние переговоры с Великобританией. О Восточном пакте Германия вообще не упомянула. 13 февраля 1935 года полпред СССР в Париже В.П. Потемкин заявил Лавалю: «Мы настаиваем на немедленном продолжении переговоров о Восточном пакте и на скорейшем получении ответа от Германии... Мы хотим знать, обусловлена ли твердо легализация германских вооружений предварительным согласием Германии на заключение Восточного пакта»<sup>81</sup>.

Англо-французские переговоры проявили определенную тенденцию отхода Франции от своей прежней внешнеполитической линии, проводимой Барту и заключавшейся в создании системы безопасности, в которой Восточному пакту отводилась первостепенная роль. В телеграмме полпреду СССР в Париже в феврале 1935 года НКВД указывал, что лондонское коммюнике дает основание для пессимистических выводов относительно заинтересованности Франции и Англии в Восточном пакте<sup>82</sup>.

23 февраля 1935 года советский полпред во Франции Потемкин писал из Парижа заместителю наркома иностранных дел: «... во-первых, Лаваль явно не расположен сохранять за Восточным пактом значение самостоятельной и первоочередной акции, какой был этот проект до лондонских соглашений. Поэтому Лаваль и не думает сейчас активизировать переговоры по Восточному пакту и добиваться от немцев немедленного ответа на последнюю французскую ноту. Во-вторых, Лаваль отнюдь еще не решил, что в случае отказа Германии и Польши Восточный пакт может быть заключен и без них. В-третьих, Лаваль вовсе не оставил мысли о возможности заменить в пакте обязательства взаимной помощи обязательствами о ненападении и консультации. Наконец, в-четвертых, не решено для Лавалья и то, что при освобождении Германии и Польши от взаимной помощи Франция должна связать себя ею с нами и с Чехословакией». Потемкин отмечал, что во всех этих вопросах позиция Лавалья и раньше не вызывала сомнения; что же касается упоминания в тексте лондонского коммюнике о Восточном пакте, то это «является лишь внешней данью лояльности Лавалья»<sup>83</sup>.

В то же время позиция Берлина была совершенно ясна. 2 марта 1935 года германский посол в Париже заявил Лавалю, что точка зрения Германии на Восточный пакт не изменилась и что германское правительство по-прежнему не одобряет идею заключения подобного пакта<sup>84</sup>. Параллельно с переговорами Гитлер готовился нанести свой первый удар по Версалю.

6 марта 1935 года Франция ввела двухгодичную воинскую повинность. На следующий день, 7 марта, было продлено франко-бельгийское военное соглашение. 10 марта руководители рейха пустили пробный шар. Корреспондент британской газеты «Дейли мейл» У. Прайс был приглашен к Герингу. Тот заявил, что Германия приняла решение создать военную авиацию. Англия и Франция, пояснил он, предложили

ей участвовать в «Воздушном пакте» о взаимопомощи. Но как может то или иное государство оказать помощь воздушными силами, не имея их? А 16 марта 1935 года последовал «субботний сюрприз»\* Гитлера: в Германии был опубликован закон о введении всеобщей воинской повинности и создании армии, состоящей из 12 корпусов и 36 дивизий — около полумиллиона человек (французская же армия тогда располагала только 300 тысячами). Служба войск (Труппенамт) была открыто названа Генеральным штабом. Министерство обороны стало Военным министерством. Специальные выпуски берлинских газет вышли с сенсационными заголовками: «Великий день в истории Германии», «Отныне смыт позор поражения».

На следующий день ликования продолжились. «Воскресенье, 17 марта, — отмечал очевидец, американский журналист У. Ширер, — стало для Германии праздником. Были сброшены версальские кандалы — символ ее позора и унижения. Рядовой немец мог как угодно относиться к Гитлеру и его разбойному правлению, но должен был признать, что ему удалось то, о чем не помышляло ни одно правительство республики. Для большинства немцев это символизировало восстановление немецкой чести. В это воскресенье был как раз День Памяти героев. Вечером я пошел на официальную церемонию, которая состоялась в опере, и увидел там картину, которой Германия не наблюдала с 1914 года. Партер представлял собой море военных мундиров. Среди серых кителей и остроконечных шлемов императорской армии попадалась небесно-голубая форма люфтваффе, до того мало кому известная. Рядом с Гитлером сидел фельдмаршал фон Макензен — последний живой фельдмаршал кайзеровской армии. На нем был красочный мундир дивизии “Мертвая голова”. Прожектора были направлены на сцену. Там, подобно мраморным статуям, застыли молодые офицеры, гордо державшие боевые знамена нации. За ними висел огромный черно-серебряный Железный крест, прикрепленный к занавесу. Так День Памяти героев, погибших в войне, вылился в празднование похорон Версальского договора и возрождения немецкой армии. Генералы испытывали необычайное довольство, что было заметно по их лицам. Для них, как и для всех остальных, это был сюрприз, поскольку Гитлер, проведя перед тем несколько дней в горах в резиденции Берхтесгаден, не считал нужным делиться с ними своими соображениями»<sup>85</sup>.

Введение всеобщей воинской повинности и создание германской армии означало конец ограничениям, установленным для германской армии по Версальскому договору, и только Великобритания и Франция могли предпринять какие-то шаги. Как и ожидал Гитлер, они протестовали, но никаких шагов не предприняли.

18 марта 1935 года германский вопрос стал предметом обсуждения на заседании английского правительства. Было принято решение, что,

---

\* Большинство «сюрпризов» германский канцлер действительно предпочитал делать Европе по субботам. Это было очень удобно — государственные учреждения не работали, и реакции следовало ожидать не раньше понедельника.

несмотря на указанные действия германского правительства, отменять намеченный визит в Берлин английских представителей не следует<sup>86</sup>. «Не более чем два дня спустя (после введения всеобщей воинской повинности. — *А.Н.*), — пишет в своих мемуарах переводчик Гитлера П. Шмидт, — британское правительство высказало протест: “Правительство Соединенного Королевства Его Величества считает нужным выразить немецкому правительству свой протест против заявления, сделанного последним 16 марта относительно решения о военной службе и увеличении основного контингента немецкой армии в мирное время до 36 дивизий. Вслед за заявлением о немецких военно-воздушных силах такая декларация является еще одним примером односторонних действий, которые, помимо отхода от принципа, рассчитаны на серьезное усиление напряженности в Европе”. При этом Лондон добавил, что “правительство Его Величества хотело бы убедиться, что немецкое правительство все еще желает, чтобы визит (главы Форин Оффис Саймона. — *А.Н.*) состоялся в рамках ранее достигнутых договоренностей”<sup>87</sup>.\*

Что касается Франции, то премьер Лаваль поручил послу в Берлине А. Франсуа-Понсе заявить главе МИД Третьего рейха Нейрату протест, но одновременно «оставить двери для дальнейших переговоров»<sup>88</sup>. Италия, направив чисто формальную ноту протеста Германии, в то же время подчеркивала, что она всегда выступала за пересмотр части V Версальского договора. Вот как описывает те события Шмидт: «21 марта г-н Франсуа-Понсе подал нам протест Франции, который я перевел Гитлеру следующим образом: “Эти решения (призыв на военную службу, 36 дивизий, создание военно-воздушных сил) входят в явное противоречие с обязательствами Германии по договорам, которые она подписала. Они противоречат также заявлению от 11 декабря 1932 года (равенство прав в системе безопасности)... Правительство Рейха самовольно нарушило основные принципы международного права... Пра-

---

\* Заметим, что визит Саймона с целью урегулирования спорных вопросов с Германией должен был состояться еще в феврале. Однако произошло одно неожиданное событие: незадолго до визита Саймона британское правительство выпустило «Белую книгу», официальный правительственный документ для ознакомления палаты общин, чтобы оправдать перед парламентом перевооружение Великобритании. В ней говорилось: «Германия не только открыто совершает широкомасштабное перевооружение, несмотря на положения части V Версальского договора, но также уведомляет о выходе из Лиги Наций и Конференции по разоружению... Действия правительства Его Королевского Величества не означают, разумеется, прощения нарушения Версальского договора. Далее в «Белой книге» говорилось, что если перевооружение Германии будет бесконтрольно происходить в его настоящих темпах, то это усилит беспокойность соседей Германии и, следовательно, поставит мир под угрозу. Более того, дух, в котором происходит организация народа Германии, особенно ее молодежи, дает основания для беспокойства, которое бесспорно возникает. Национал-социалистская пресса была возмущена. Визит отложили, заявив, что Гитлер простудился.

вительство Французской республики считает своим долгом заявить самый настойчивый протест, оставляя за собой все права на действия в будущем”.

Полчаса спустя объявились итальянцы, наши будущие союзники. Итальянский посол в ноте, которую мы должны были перевести очень быстро, говорил лишь о сохранении всех прав для будущих действий. В последнем предложении он заявил, что итальянское правительство не может принять *fait accompli*, свершившийся факт, исходя из “одно-стороннего решения, аннулирующего международные договоренности”. Простое сравнение текстов этих трех нот показало мне, что изоляция Германии начинает ослабевать. В едином фронте явно появились трещины»<sup>89</sup>.

Берлин отклонил все протесты; Гитлер был убежден, что дальше дипломатических представлений дело не пойдет.

Французское правительство решило направить официальную жалобу в Совет Лиги Наций (17 апреля действия Германии подверглись осуждению со стороны Совета Лиги Наций. Своими «произвольными действиями» она «нарушила Версальский договор и создала угрозу безопасности Европы»), но предварительно обсудить вопрос на совместном совещании с Великобританией и Италией. Конференция трех великих европейских держав для «определения общей англо-франко-итальянской политики в отношении перевооружающейся Германии» открылась 11 апреля 1935 года в курортном городке Стреза, расположенном в северной Италии. Главы правительств Франции, Великобритании и Италии договорились об оказании сопротивления любым германским попыткам изменить положения Версальского договора при помощи силы. Как своего рода исторический анекдот выглядело то, что организатором конференции в защиту версальского урегулирования явился именно Муссолини, уже давно выступавший с критикой Версаля, якобы обделившего Италию.

Конференция в Стресе закончилась принятием декларации, в которой выражалось «сожаление» по поводу нарушения Германией Версальского договора. Участники конференции решили рекомендовать Совету Лиги Наций также ограничиться резолюцией «морального порицания» Германии и не применять к ней никаких санкций<sup>90</sup>. Именно так Лига и поступила. Интересно отметить позицию Великобритании на конференции. Тактика действий британской делегации была разработана на заседании английского правительства 8 апреля 1935 года. Общее мнение членов кабинета заключалось в том, что если Франция и Италия предложат положить конец переговорам с Германией и свести политику трех стран к тому, чтобы занять в отношении нее твердую позицию, то Англия «не должна соглашаться на это». Позиция Англии должна была заключаться в следующем: «Мы (Великобритания. — *А.Н.*) не можем согласиться на полный разрыв с Германией и на отказ от каких бы то ни было акций, помимо угроз... Мы не должны скрывать, что мы намерены сделать Германии новые предложения». Лондон не должен был соглашаться на то, чтобы в результате конференции

была опубликована декларация о том, что Англия «не допустит нигде нарушения мира... Мы не должны брать на себя новых обязательств... Установив контакты с Германией, мы должны продолжать поддерживать их». Прекращение их «было бы явной ошибкой»<sup>91</sup>.

В Стрезе был подвергнут обсуждению и вопрос о пактах взаимной помощи — Восточном и Центрально-Европейском (Дунайском). Глава Форин Оффис Саймон сообщил участникам конференции об отрицательном отношении Гитлера к этим пактам и изложил его проект плана о ненападении в Восточной Европе. Этот проект был изложен фюрером во время визита Саймона и Идена в Берлин.

Визит двух высокопоставленных чиновников британского правительства в Берлин сразу после нарушения Германией военных статей Версальского договора сыграл весьма значительную роль в дальнейшем развитии ситуации на Европейском континенте. Что же происходило в столице Третьего рейха в конце марта 1935 года? «Появились сэр Джон Саймон и Энтони Иден, — свидетельствует беспристрастный участник той встречи. — Все обменялись дружескими улыбками и рукопожатиями, несмотря на совсем недавние протесты и предостережения, что “односторонние действия серьезно усилили обеспокоенность за границей”. Улыбка Гитлера была особенно дружелюбной по той простой причине, что присутствие английских гостей было триумфом для него. “Я считаю, что национал-социализм спас Германию, а значит, быть может, и всю Европу, от самой ужасной катастрофы всех времен... Мы испытали большевизм на себе в нашей собственной стране... Мы защищены от большевиков, только если имеем вооружение, которое они принимают во внимание”. Когда он (Гитлер. — *А.Н.*) говорил об особенно важных вопросах, лицо его становилось очень выразительным; ноздри трепетали, когда он рассказывал об опасностях большевизма для Европы. Он подчеркивал свои слова резкими, энергичными жестами правой руки, иногда сжимая кулак. Слушая Гитлера, Саймон смотрел на него своими большими карими глазами не без симпатии и интереса. Лицо его выражало некоторую отеческую благожелательность. Вероятно, он был приятно удивлен, обнаружив вместо дикого наци человека эмоционального и экспрессивного, но не безрассудного или злобного\*.

С другой стороны, — пишет переводчик Гитлера, — я случайно отметил гораздо более скептическое выражение, промелькнувшее на лице Идена, который понимал немецкий язык достаточно хорошо, чтобы иметь возможность более или менее следить за речью Гитлера. Некоторые вопросы и замечания Идена свидетельствовали о том, что у него

---

\* Забегая вперед, заметим, что Саймон был просто очарован Гитлером. Глава Форин Оффис отмечал в Гитлере «скромность и желание уединиться, определенно мистический темперамент, отсутствие всякого интереса к делам Западной Европы». Саймону нужно было обладать незаурядным воображением, чтобы описать Гитлера британскому королю как «австрийскую Жанну д'Арк с усами».



были большие сомнения насчет Гитлера и его высказываний. “В настоящее время нет никаких признаков, — заметил он однажды, — что русские имеют какие-либо агрессивные планы против Германии”. И спросил немного саркастическим тоном: “На чем же в действительности основываются ваши опасения?”.

“У меня больше опыта в этих делах, чем у Англии, — парировал Гитлер и добавил, вскинув подбородок, — я начал свою политическую карьеру, как раз когда большевики начинали свою первую атаку на Германию”. Потом он снова продолжил монолог о большевиках в общем и в частности, который вместе с переводом длился до обеда.

Иден вернулся к немецким опасениям насчет агрессивных намерений России. “Здесь большую службу мог бы сослужить Восточный пакт”, — заявил он, указывая тем самым на тему первой части послеобеденного заседания. Он вкратце обрисовал суть такого договора. Германия, Польша, Советская Россия, Чехословакия, Финляндия, Эстония, Латвия и Литва рассматривались бы как подписавшиеся Государства, подписавшие договор, должны были взять на себя обязательство о взаимопомощи в случае, если один из участников нападет на другого. При упоминании о Литве Гитлер впервые показал свой гнев. “У нас не будет никаких дел с Литвой!” — воскликнул он со сверкающими глазами, становясь вдруг как будто другим человеком. Почти без перехода он внезапно впал в бешенство; голос его становился хриплым, с пылающим взором он раскатисто произносил свои “р” и сжимал кулаки. “Ни при каких обстоятельствах не станем мы заключать пакт с государством, которое притесняет немецкое меньшинство в Мемеле!”, — вскричал он. Затем буря утихла так же внезапно, как разразилась, и Гитлер снова был спокойным, безупречным участником переговоров, как и до литовского вопля.

Говоря более спокойно, Гитлер отказался от Восточного пакта по другим и более весомым причинам. “Вопрос о любых объединениях между национал-социализмом и большевизмом, — с жаром заявил он, — совершенно не подлежит обсуждению”. Он добавил с почти страстным пылом: “Сотни моих товарищей по партии были убиты большевиками. Немецкие солдаты и гражданские лица вступили в борьбу против наступления большевиков. Между большевиками и нами всегда будет эти смерти, которые не допустят никакого соучастия в пакте или в другом соглашении”. Кроме того, было и третье возражение против объединения в Восточный пакт — оправдывающее Германию недоверие ко всем коллективным соглашениям: “Они не предотвращают войну, но поощряют ее и способствуют ее распространению”. Двусторонние договоры были предпочтительны, и Германия готовилась заключить такой пакт о ненападении со своими соседями. “За исключением Литвы, разумеется, — с силой сказал он, но добавил уже спокойнее, — пока мемельский вопрос остается нерешенным”.

Вместо этого он предлагал отдельным странам, граничащим между собой, договориться не помогать агрессору. “Это локализовало бы войны, не превращая их в более масштабные”. Высказался он

вполне логично, но это была логика человека, намеренного разделяться со своими оппонентами по одному и желающего избежать того, чтобы кто-то встал у него на пути. В то время мотив, скрывавшийся за его аргументами, не был очевиден, лишь позднее он проявился в его действиях», — справедливо заключает свое повествование Шмидт<sup>92</sup>.

Итак, предложения Гитлера сводились к следующему: германское правительство предлагало заключить пакт между государствами, заинтересованными в проблемах Восточной Европы. По замыслу Берлина, пакт не должен был содержать обязательств о взаимной помощи, а лишь обязательства не прибегать в отношении друг друга к агрессии или к применению силы в какой бы то ни было форме. Фактически речь шла о подмене Восточного пакта о взаимной помощи пактом о ненападении<sup>93</sup>.

Реакция Польши в отношении Восточного пакта также была негативной. Во время пребывания Э. Идена в Варшаве в апреле 1935 года польские руководители заявили, что Польша «не может принять на себя обязательства, которые могли бы вовлечь ее в вооруженный конфликт с кем-либо из ее сильных соседей»<sup>94</sup>.

Ввиду сложившегося положения Советский Союз накануне конференции в Стресе обратился к правительству Франции с целью выяснить ее позицию в отношении заключения пакта о взаимной помощи. Действительно, после лондонских переговоров в феврале 1935 года французская точка зрения в вопросе Восточного пакта изменилась. Париж все более склонялся к тому, чтобы заменить Восточный пакт о взаимопомощи каким-либо пактом о ненападении и консультации, с проектами которого выступала Германия.

Кроме того, у советского руководства появилась прекрасная возможность выяснить и намерения Великобритании в отношении проблем европейской безопасности. Дело в том, что в связи с визитом Дж. Саймона и Э. Идена в Берлин встал вопрос о посещении английскими министрами также и Москвы, что и произошло в конце марта 1935 года.

Визит высокопоставленных британских политических деятелей в Москву имел большое политическое значение и явился своего рода сенсацией, вызвавшей многочисленные комментарии в мировой печати. «Как я полагаю, это первый случай с 1917 года, когда британский министр посещает вашу столицу», — отметил Иден в своей речи на приеме, устроенном в его честь в связи с прибытием в Москву. Действительно, в течение 18 лет после большевистской революции Советская Россия была под политическим бойкотом. Никто из министров крупных держав Запада не считал возможным ступить ногой на землю «красной» России.

В Лондоне, правда, вызвало серьезные затруднения решение вопроса о том, кто именно из британских министров поедет в Москву. 6 марта этот вопрос рассматривался на заседании английского правительства: «Общее мнение заключалось в том, что желательно, чтобы визит нанес лорд-хранитель печати, а не сам министр иностранных дел, но отмеча-

лось, что на правительство может быть оказано давление, с тем чтобы визит в Москву и Варшаву нанес министр такого же ранга, как и при визите в Берлин». И все же было принято решение о том, что в Москву поедет только лорд-хранитель печати Э. Иден<sup>95</sup>.

Встреча между британскими визитерами и советскими руководителями состоялась 29 марта 1935 года в Кремле. На ней присутствовали Сталин, Молотов, глава НКВД СССР Литвинов, посол в Англии Майский, а со стороны Англии — Иден, посол Чилстон и начальник секции Лиги Наций в британском министерстве иностранных дел Стрэнг. После первых приветствий беседу начал Иден.

«Политика британского правительства есть политика мира, — заявил лорд-хранитель печати. — Правительство Англии верит, что и Советский Союз ведет политику мира. К тому же СССР является членом Лиги Наций. Это создает предпосылки для сотрудничества двух стран.

Британский министр пользуется случаем разъяснить одно недоразумение: «Многие в вашей стране думают, будто бы британское правительство занимается какими-то интригами против СССР и натравливанием на СССР других стран... Данное подозрение ни на чем не основано. Британское правительство хочет только мира... Поэтому британское правительство полагает, что целостность, неприкосновенность и преуспевание СССР являются одним из важнейших элементов сохранения всеобщего мира. Я надеюсь, что и Советское правительство стоит на той же точке зрения в отношении целостности, неприкосновенности и преуспевания Британской империи».

*Сталин:* Если это не комплимент, то это хорошо.

*Иден:* Г-н Литвинов знает меня достаточно хорошо по Женеве и может заверить, что в таких случаях я не склонен говорить комплименты.

*Молотов:* Я могу заверить г. лорда-хранителя печати, что политика Советского правительства есть последовательная политика мира. СССР не желает ни новых территорий, ни каких-либо завоеваний... Советскому правительству чужды какие-либо агрессивные замыслы в отношении Британской империи...

Видное место в переговорах занял вопрос о Восточном пакте. Иден, недавно побывавший в Берлине, сообщил, что Гитлер возражает против пакта о взаимной помощи и согласен подписать лишь договоры о ненападении.

— ...Но какая гарантия, что германское правительство, которое так легко рвет свои международные обязательства, станет соблюдать пакт о ненападении? — возразил Сталин. — Никакой гарантии нет. Поэтому мы не можем удовлетвориться лишь пактом о ненападении с Германией. Нам для обеспечения мира нужна более реальная гарантия, и такой реальной гарантией является лишь Восточный пакт взаимной помощи...

*Иден:* А как вы себе мыслите пакт взаимной помощи — с Германией или без Германии?

*Сталин:* С Германией, конечно, с Германией. Мы не хотим никого окружать. Мы не стремимся к изоляции Германии. Наоборот, мы хотим жить с Германией в дружеских отношениях...»

После окончания официальной беседы присутствующие были приглашены выпить по стакану чая. Подходя к столу, Иден обратил внимание на большую карту СССР, висевшую на стене, и заметил:

— Какая прекрасная карта и какая большая страна!

Сталин шутливо ответил:

— Страна-то большая, да трудностей много.

Посмотрев на то место, которое на карте занимала Великобритания, Иден сказал:

— А вот Англия, совсем маленький остров.

— Да, маленький остров, — ответил Сталин, — но от него многое зависит. Вот если бы этот маленький остров сказал Германии: не дам тебе ни денег, ни сырья, ни металла, — мир в Европе был бы обеспечен.

Иден на это ничего не ответил.

«...Сейчас было бы еще преждевременно сказать, в какую именно сторону Германия в первую очередь направит свой удар, — отметил нарком Литвинов в беседе с Иденом еще 28 марта 1935 года. — В частности, вполне допустимо и даже более вероятно, что первый удар будет направлен и не против СССР... Не забыла Германия и уроков истории, показывающих, что если удастся иногда вторгнуться в пределы нашей страны, то не так легко там оставаться или без ущерба выбраться оттуда... Вообще Гитлер, выдвигая в настоящее время на первый план восточную экспансию, хочет поймать на удочку западные государства и добиться от них санкции его вооружений. Когда эти вооружения достигнут желательного для Гитлера уровня, пушки могут начать стрелять совсем в другом направлении».

Коммюнике по итогам визита явилось предметом длительного согласования. К его редакции пришлось возвращаться и в антрактах балета «Три толстяка», который Иден смотрел в Большом театре в день отъезда; и на вокзале перед самым отходом поезда. В результате положения документа шли значительно дальше тех осторожных формулировок, которые английский министр позволял себе в ходе переговоров. Коммюнике констатировало, в частности, что в сложившейся обстановке было более чем когда-либо необходимо продолжать усилия в направлении к созданию системы коллективной безопасности в Европе»<sup>96</sup>.

8 апреля 1935 года полпред СССР в Париже по поручению НКВД посетил Лавалю и вручил ему текст заявления Советского правительства. В заявлении указывалось, что результаты бесед Саймона и Идена с Гитлером, а также Идена с польскими руководителями Ю. Пилсудским и Ю. Беком не оставляют больше сомнений в решении Германии и Польши не примыкать к Восточному пакту. «Так как идея Восточного

---

\* Стоит все же отметить, что полномочия и состав британской делегации на переговорах в Москве значительно уступали недавнему визиту английских дипломатов в Берлин.

пакта возникла в порядке обсуждения взаимоотношений между СССР и Францией и их обоюдной безопасности и привлечение к обсуждению каких-либо третьих стран, не намеченных к участию в пакте, не предусматривалось, что нашло свое выражение, между прочим, в Женевском протоколе от 5 декабря 1934 года, то правительство СССР считает абсолютно необходимым теперь же внести окончательную ясность в позицию обоих правительств в этом вопросе»<sup>97</sup>.

Затем Советское правительство напомнило историю вопроса, а именно: первоначальная идея пакта взаимной помощи между СССР и Францией, возникшая по инициативе французского министра иностранных дел, имела в виду только сотрудничество двух стран, участие в соглашении Германии и Италии не считалось обязательным. Далее в заявлении говорилось, что, несмотря на подписанный 5 декабря 1934 года в Женеве франко-советский протокол, по которому обе стороны обязались не вступать в переговоры, могущие нанести ущерб Восточному пакту, французское правительство вело с другими государствами переговоры, которые не только не увеличили, а, наоборот, уменьшили шансы на присоединение Германии и Польши к Восточному пакту. «Вместе с французским правительством мы считали и продолжаем считать весьма желательным участие Германии и Польши, — говорилось в заявлении, — но, по-видимому, их политика не гармонирует со стремлением других стран к обеспечению мира в Европе»<sup>98</sup>.

Москва просила Париж сообщить, продолжает ли Франция оставаться на базе предложений Ж. Поль-Бонкура и Л. Барту, а также Женевского протокола. СССР запрашивал французское правительство, готово ли оно:

1. Немедленно приступить к заключению пакта взаимопомощи войсками и всеми средствами экономических санкций с теми из ранее намеченных участников Восточного пакта, которые этого пожелают, с оставлением возможности для Германии и Польши впоследствии присоединиться к пакту;

2. Одновременно с заключением означенного пакта предложить Германии и Польше подписать вместе с участниками этого пакта коллективный договор о взаимной помощи в смысле помощи не войсками, а вооружением и всеми видами экономических санкций против нападающего;

3. Оговорить в пактах возможность их аннулирования в случае осуществления в дальнейшем более обширного коллективного пакта взаимной помощи для обеспечения нерушимого мира в Европе;

4. Признать необходимым участие СССР на конференции в Стресе при обсуждении вопроса о Восточном пакте. Со своей стороны, СССР не возражает против приглашения и других заинтересованных государств»<sup>99</sup>.

Лаваль заверил полпреда СССР в том, что французское правительство неуклонно проводит линию Поль-Бонкура и Барту в своих отношениях с СССР и выражает готовность подписать двусторонний дого-

вор с Советским Союзом. Однако на предложение Потемкина зафиксировать в джентльменском соглашении вопросы, затронутые в советском заявлении, Лаваль ответил, что не хочет этого делать накануне конференции в Стресе, дабы не создалось впечатление, что он является в Стресту «со связанными руками»<sup>100</sup>. Надо также заметить, что именно после демарша СССР вопрос о Восточном пакте был включен в повестку дня конференции в Стресте.

12 апреля 1935 года было опубликовано сообщение ТАСС о том, что «на основе общеевропейских соглашений о безопасности достигнуто в принципе соглашение между правительством СССР и Франции по вопросу о проекте франко-советской конвенции безопасности, которая должна быть заключена в ближайшее время»<sup>101</sup>.

Советская дипломатия стремилась к тому, чтобы пакт был основан на тех статьях Устава Лиги Наций, которые предусматривали незамедлительное оказание взаимной помощи в случае агрессии против одной из договаривающихся держав, дабы была обеспечена полная взаимность обязательств. Кроме того, СССР стремился придать пакту такую форму, которая бы не позволяла трактовать его как пакт, направленный против какой-либо третьей страны. Французы же возражали против оказания немедленной взаимной помощи.

18 апреля 1935 года глава советской делегации на переговорах в Женеве писал: «Вчера закончил согласование с Лавалем пакта. Он был туг на уступки... Всем своим поведением и разговором он подчеркнул свое полное равнодушие к пакту, которое стало у него еще заметнее после Стресты, укрепившей солидарность Франции как с Англией, так и с Италией... Сделав некоторые уступки, он отказался парафировать их до утверждения правительством... Отвергнута немедленная помощь до решения Советом (Лиги Наций. — *А.Н.*) и определение агрессии как противоречащее Локарнскому соглашению, которым Франция дорожит больше, чем своими союзами... Не согласен Лаваль ни на какие гарантии в отношении Прибалтики. Взаимная помощь ограничивается только случаями нападения Германии на СССР и Францию»<sup>102</sup>.

Надо заметить, что нежелание Лавалья придать франко-советскому пакту более действенный характер объяснялось опасением части французской политической элиты слишком тесно связывать себя с Советской Россией. Париж боялся, что сближение с Москвой может вызвать кризис в отношениях с другими европейскими державами. Все это говорит лишь о том, что во Франции не было четкой внешнеполитической доктрины.

27 апреля французская газета «Тан» писала, что «в глазах советских дипломатов автоматическое оказание взаимной помощи есть единственное средство помешать Германии вызвать конфликт, и эта идея мешала им видеть, что для французов главной гарантией их безопасности остается Локарно»<sup>103</sup>.

И все же 2 мая 1935 года франко-советский пакт о взаимной помощи был заключен. Это было вызвано как реалистичным видением многих

политических деятелей Третьей республики проблемы безопасности Франции, так и необходимостью считаться с общественным мнением, требовавшим заключения пакта с СССР.

«...Международная обстановка действительно скверная, — отмечал в мае 1935 года бывший премьер Франции Э. Эррио. — Германия сорвалась с цепи... Германия вооружается, не признавая никаких ограничений. Мне кажется, что на протяжении моей политической карьеры я предпринял все возможное, чтобы склонить ее к соглашению с нами... От нее довольно легко добиться подписи под каким-либо документом, но она не уважает этой подписи. Весьма прискорбно, но это факт... Что же делать? Франция с ее 40 миллионами жителей не сможет одна противостоять государству с 60-миллионным населением... Где нам искать поддержки?

Итак, я изучаю карту. Я вижу на ней только одну страну, которая была бы для нас необходимым противовесом и могла бы создать в случае войны второй фронт. Это Советский Союз... Даже царь при всем своем деспотизме пошел некогда на союз с республикой. Неужели наша буржуазия, наша печать окажутся менее умными?... По моему мнению, это диктует сама логика развития и даже просто здравый смысл»<sup>104</sup>.

Посол же США в Париже писал в Вашингтон, что «французские усилия к сближению с Россией больше вызваны потребностями французской внутренней политики, чем уверенностью французского правительства в том, что это может явиться действительной гарантией против Германии»<sup>105</sup>.

Текст договора был подписан полпредом Советского Союза во Франции В.П. Потемкиным и министром иностранных дел Франции Пьером Лавалем. Франко-советский пакт состоял из пяти статей и одного протокола. Его обязательства базировались на статьях 10, 15, и 16 Устава Лиги Наций. По условиям договора Франция и СССР были взаимно обязаны в случае нападения на одну из договаривающихся сторон какого-либо европейского государства оказать друг другу немедленную помощь и поддержку. Протокол уточнял порядок оказания взаимной помощи. Необходимо отметить, что формулирование статьи 3 и первого пункта протокола устанавливало, что отсутствие рекомендаций Совета Лиги Наций по поводу действий против агрессора не будет служить препятствием для оказания взаимной помощи в случае нападения на одну из сторон. Данная формулировка, предложенная СССР, создала важный международный прецедент.

Однако в пакте был и ряд ограничений. Так, в статье 1 договора указывалось, что пакт имеет силу только в случае нападения со стороны какого-либо европейского государства (тем самым Франция не обязана была выступать на стороне СССР в случае нападения Японии на Советский Союз). По настоянию французской дипломатии в параграф 2 протокола была внесена оговорка, что обязательства по оказанию взаимной помощи не могут быть применимы, если они несовместимы с договорными обязательствами, принятыми одной из договаривающихся сторон. Не был принят и принцип автоматизма действия пакта.

Тем не менее нельзя не отметить, что пакт о взаимопомощи между СССР и Францией усиливал позиции Лиги Наций, он укреплял Устав Лиги, являясь неотъемлемым дополнением к нему. Заключив пакт, говорил Литвинов, «мы показали первый пример придания эффективности и дееспособности Лиге Наций. Более того, мы дали ей оружие, и это не в переносном смысле слова, для отстаивания дела мира»<sup>106</sup>.

Через две недели после подписания пакта о взаимной помощи с Францией Советский Союз заключил договор с Чехословакией. По условиям договора СССР обязан был прийти на помощь Чехословакии в случае нападения на нее, если Франция окажет такую помощь своему чехословацкому союзнику<sup>107</sup>. Подписанием этих двух пактов о взаимопомощи закончились длительные переговоры по поводу заключения Восточного пакта.

13 мая 1935 года Лаваль прибыл в Москву на встречу с руководителями Советского правительства. В состоявшихся беседах и совместном коммюнике было констатировано «полное совпадение взглядов обеих сторон на те обязательства, которые при создавшемся международном положении вытекают для государств, искренне преданных делу сохранения мира». Представители обоих государств установили, что заключение договора о взаимной помощи между СССР и Францией «отнюдь не уменьшило значения безотлагательного осуществления регионального Восточноевропейского пакта в составе ранее намечавшихся государств». В коммюнике было отмечено, что в интересах сохранения мира оба государства были обязаны прежде всего не ослаблять свои средства государственной обороны. Советское правительство выразило «полное понимание и одобрение политики государственной обороны, проводимой Францией в целях поддержания своих вооруженных сил на уровне, соответствующем нуждам безопасности»<sup>108</sup>.

Речь шла об открытии переговоров между генеральными штабами СССР и Франции. Однако по возвращении в Париж Лаваль не счел нужным информировать об этой беседе французский Генеральный штаб. Советское правительство неоднократно на протяжении 1935–1936 годов ставило вопрос о заключении военной конвенции. Однако Париж всячески оттягивал и отклонял оформление точных военных обязательств. «Россия настойчиво предлагала военный союз, вопрос о котором в начале переговоров рассматривался, — пишет в своей книге видный французский политик Пьер Кот, — но некоторые элементы во французском правительстве испытывали к нему отвращение и выдвигали предлог, что он может вызвать раздражение Гитлера»<sup>109</sup>. В ноябре 1936 года военный министр Франции генерал Марен говорил германскому послу, что Франция стремится к сближению с Россией лишь в экономической сфере и в этом смысле сближение имеет огромное значение для Франции. «Но это сближение никоим образом не простирается на установление военных отношений», — добавлял Марен<sup>110</sup>.



В целом надо заметить, что с самого начала во Франции существовала сильная оппозиция сближению с СССР. Нельзя, например, не согласиться с мнением американского историка Фурниа, что у подписавшего пакт с французской стороны министра иностранных дел Лавалья «не было желания позволить... советско-французскому пакту стать действительно эффективным»<sup>111</sup>.

Сам Лаваль еще в 1934 году так объяснил свою позицию: «Видите ли, когда вы живете в доме, в котором вам приходится браниться со всеми жильцами понемногу, вы начинаете устанавливать мирные отношения прежде всего с вашими непосредственными соседями, а не с жильцами седьмого этажа. Что касается меня, то я обладаю здравым смыслом, и нам в первую очередь нужно начать урегулирование отношений с Италией и Германией». После возвращения из Москвы Лаваль доверительно сообщил своему социалисту Соломону Грумбаху: «Я подписываю франко-русский пакт для того, чтобы иметь больше преимуществ, когда я буду договариваться с Берлином». «Доведите до сведения своего правительства, — сказал Лаваль в тот же вечер германскому послу, — что я в любое время готов отказаться от столь необходимого франко-советского пакта с тем, чтобы заключить франко-германский договор большого масштаба»<sup>112</sup>.

На самом деле франко-советское соглашение 1935 года продемонстрировало весь диапазон французской политической и психологической деморализации. До Первой мировой войны Франция охотно шла на политический альянс с Россией и добилась того, что политическое взаимопонимание превратилось в военный пакт. В 1935 году положение Франции в стратегическом смысле было намного слабее, а нужда в советской военной поддержке стала совершенно отчаянной. Тем не менее Франция нехотя заключила союз политического характера с Советским Союзом и отвергла переговоры представителей военных штабов.

Существовало несколько причин для столь противоречивого поведения французских лидеров, лишь увеличивавшего недоверие Москвы к западным демократиям. Во-первых, они опасались, как бы сближение с Советским Союзом не ослабило необходимые для Франции связи с Великобританией. Во-вторых, восточноевропейские союзники Франции, находившиеся между Советским Союзом и Германией, не были готовы допустить советские войска на свою территорию, делая затруднительными переговоры между французским и советским штабами. Наконец, французские руководители были до такой степени напуганы Германией, что опасались, будто штабные переговоры с Советским Союзом, по словам премьер-министра Шотана (сказанным, правда, в 1938 году), «вызовут объявление войны Германией»<sup>113</sup>.

Подписанный 2 мая 1935 года франко-советский пакт о взаимной помощи должен был вступить в силу после ратификации и обмена ратификационными грамотами. Во время пребывания в Москве Лаваль пообещал провести ратификацию в кратчайшие сроки. Согласно французской конституции договор подлежал простому утверждению президентом республики, однако Лаваль решил подвергнуть франко-совет-

ский договор сложной парламентской процедуре\*. Естественно, договор стал предметом ожесточенных дебатов и борьбы различных политических партий и общественных сил.

Главные противники франко-советского сближения находились в Генеральном штабе французской армии и в рядах французской разведки. Преследуемые воспоминанием об отступничестве России в 1917 году и довольно быстро получившие информацию о реальном содержании Рапалльских соглашений (германо-советские соглашения, подписанные в 1922 году) руководители французской разведки направили начальнику Генерального штаба и заместителю Высшего военного совета генералу М. Гамелену аналитическую записку о франко-советских отношениях, которая была передана А. Леже и представлена Лавалю до подписания пакта. В ней содержался целый ряд аргументов, которые неоднократно упоминались в последующий период 1936–1939 годов. Как отмечали авторы этого документа майоры Арманго и Мальрезон, франко-советский союз позволил бы «привлечь в наш лагерь русскую мощь, которая без этого может возвратиться к политике Рапалло», и отвечал бы намерениям Малой Антанты создать «франко-славянский блок против немцев». Наконец, он благоприятствовал бы сохранению мира, завершив создание вокруг Германии «боевого щита, который она не могла бы разбить, не впадая в безумие». Между тем опасности были вполне реальными. Так, характеризуя позицию Польши, авторы указанного документа отмечали, что она может поддасться соблазну пойти на сближение с Германией. Они также обращались к высшему командованию и правительству с призывом не терять осмотрительности. «Было бы опасно связывать себя с правительством, которое изменило нам в самый разгар войны, разорило наших мелких вкладчиков, чья доктрина направлена на подрыв наших институтов и чья склонность к Франции — это, как известно всем, не более чем оппортунизм»<sup>114</sup>.

Заключение франко-советского пакта вызвало негодование и, что естественно, в Германии. При этом Берлин учитывал неоднозначность реакции французского общества на союз с Советской Россией. «Я полагаю, Вы поладили в Москве с большевиками, мсье Лаваль», — заявил

---

\* По мнению хорошо осведомленной в делах политической жизни Франции того времени Ж. Табуи, причину такого демарша следует искать в поражении Лавала на парламентских выборах в родном округе Обервиль. Неудача Лавала была представлена как дело рук коммунистов, что дало новую пищу для недоверия, которое питал Лаваль по отношению к Москве. Лаваль был убежден, что Сталин, действуя через III Интернационал, дискредитировал его в глазах коммунистически настроенной массы французов.

В связи с этим Лаваль, чтобы выразить свое недовольство, настоял, чтобы франко-советский договор был ратифицирован парламентом, хотя согласно французской конституции этого совсем не требовалось. Когда договор передадут в парламент на ратификацию, Лаваль уже более месяца будет не у власти. Его доверенные лица будут голосовать «против», а сам он до последней минуты будет утверждать в кулуарах сената, что и он проголосует против. Но в конце концов он снова пересмотрит свое решение и проголосует за.

Геринг Лавалю на похоронах Пислудского 18 мая 1935 года. «Мы в Германии знаем большевиков лучше, чем вы во Франции. Мы знаем, что ни при каких обстоятельствах нельзя иметь с ними никакого дела, если хотите избежать неприятностей. Вы столкнетесь с этим во Франции. Увидите, какие трудности создадут вам ваши парижские коммунисты».

«Очень убедительными словами Геринг убеждал Лаваль в желании Германии достичь общего урегулирования отношений с Францией, — свидетельствует Шмидт. — Конкретные детали никогда не упоминались. Он использовал силу своей личности и красноречие, чтобы подавить Лаваль. Беспристрастного человека не могло не убедить то, что Геринг, только что выпустивший пар в адрес русских и Лиги Наций, пользуясь языком человека с улицы, был искренен, когда сказал: “Можете быть уверены, месье Лаваль, что у немецкого народа нет большего желания, чем заключить наконец мир после столетней вражды с его французским соседом. Мы уважаем Ваших соотечественников как храбрых солдат, мы полны восхищения достижениями французского духа. Давнишнее яблоко раздора в Эльзас-Лотарингии больше не существует. Что же еще мешает нам стать действительно хорошими соседями?”».

Эти слова не замедлили произвести должное впечатление на Лаваль, который подчеркнул, как настойчиво он всегда выступал за франко-немецкое сближение, и попросил Шмидта свидетельствовать относительно его усилий в достижении франко-немецкого взаимопонимания на берлинских переговорах с Брюнингом в 1931 году. «Я мог подтвердить это с чистой совестью, — пишет Шмидт, — так как у меня создалось впечатление и во время конференции шести держав в Париже, и в Берлине осенью того же года, что намерения Лаваль были искренни и что он чистосердечно прилагал усилия для создания добрососедских отношений между двумя странами. Мне было также интересно отметить, что Лаваль, как и Иден в Берлине, старался успокоить нас насчет намерений России. “В Москве я не обнаружил ничего, — сказал он в выражениях, почти идентичных словам лорда-канцлера Великобритании, — что могло бы подтвердить какие-либо враждебные намерения России по отношению к Германии”. Он описал Сталина как человека, с которым легко договориться, человека, с которым можно было бы вести переговоры. Лаваль представил заключение франко-российского союза как необходимость, обусловленную международной политикой Франции»<sup>115</sup>.

Тем временем 21 мая 1935 года\* Гитлер выступил в рейхстаге с одной из своих самых миролюбивых речей — «своеобразным шедевром».

---

\* В тот же день, но немного раньше, Гитлер обнародовал секретный закон о защите рейха. По закону доктор Шахт должен был вести военную промышленность. По этому же закону армию необходимо было тщательно реорганизовать. Рейхсвер времен Веймарской республики стал вермахтом. Гитлер, как фюрер и канцлер, стал верховным главнокомандующим вооруженными силами. Бломберг, министр обороны, был назначен военным министром и одновременно главнокомандующим вооруженными силами. Такое назначение было произведено в Германии впервые. Каждый из трех видов вооруженных сил имел своего командующего и свой штаб.

ром демагогии»<sup>116</sup>. «Это была, — признается очевидец, которого никак нельзя заподозрить в нацистских симпатиях, — вероятно, самая умная и изощренная речь из всех, которые произнес в рейхстаге Гитлер и которые довелось слышать автору этих строк. Гитлер казался расслабленным. Он излучал не только спокойствие, но и, к удивлению аудитории, терпимость и умиротворение. В его речи не содержалось никаких выпадов против стран, осудивших нарушение Германией условий Версальского договора. Вместо этого следовали уверения, что Германия хочет только мира, основанного на всеобщей справедливости. Гитлер отвергал саму идею войны. Война бессмысленна, война бесполезна, война, в конце концов, ужасна!

“Кровь, лившаяся на Европейском континенте в течение трех последних столетий, — подчеркнул Гитлер, — не привела к каким бы то ни было национальным изменениям. В конце концов, Франция осталась Францией, Польша Польшей, а Италия Италией. К чему привели династический эгоизм, слепой патриотизм и политические страсти, к чему привела кровь, пролитая для достижения якобы далеко идущих политических перемен, — это было только прикосновение к коже нации, если говорить о национальных чувствах. Фундамент характера наций не поколебался. Если бы лишь часть жертв была принесена этими государствами во имя более высоких целей, успех был бы значительнее и долговечнее”.

Далее Гитлер торжественно заявил: “Германия и не мыслит завоевывать другие народы. Наша расовая теория считает любую войну, направленную на покорение другого народа или господство над ним, злостью, которая рано или поздно приводит к ослаблению победителя изнутри и в конечном счете — к его поражению. В Европе не осталось незавоеванных территорий, так что... любая победа приведет в лучшем случае к количественным изменениям населения. Но если нация считает эту цель столь важной, то достичь ее можно без слез, более простым и естественным способом — надо проводить такую социальную политику, чтобы нация горела желанием иметь детей.

Нет! Национал-социалистская Германия не хочет войны в силу своих убеждений. И еще она не хочет войны потому, что прекрасно понимает: война не избавит Европу от страданий. В любой войне погибает цвет нации... Германии нужен мир, она жаждет мира!”

Гитлер все время возвращался к этой мысли. В конце речи он выдвинул тринадцать предложений, которые помогли бы сохранить мир. Перед тем как высказать их, германский диктатор сделал следующее напоминание: “Германия торжественно признает границы Франции, установленные после плебисцита в Сааре, и гарантирует их соблюдение. Таким образом, мы отказываемся от наших притязаний на Эльзас и Лотарингию — земли, из-за которых между нами велись две великие войны... Забыв прошлое, Германия заключила пакт о ненападении с Польшей. Мы будем соблюдать его неукоснительно... Мы считаем Польшу родиной великого народа с высоким национальным самосознанием”. В отношении Австрии Гитлер заявил: “Германия не имеет намерений вмешиваться во внут-

ренные дела Австрии, аннексировать Австрию или присоединять ее”. Что касается разоружения, то Гитлер был готов идти до конца: “Правительство Германии готово к любым ограничениям, которые ведут к отмене тяжелого вооружения, особенно наступательного характера, таких, как тяжелая артиллерия и тяжелые танки... Германия заявляет о своей готовности пойти на любые ограничения в калибрах артиллерии, классов броненосцев, крейсеров и торпедных катеров. Точно так же правительство Германии готово согласиться с любыми ограничениями водоизмещения подводных лодок или с их полным запрещением...”

Если кто-нибудь зажжет в Европе огонь войны, значит, он хочет хаоса. Мы тем не менее живем с твердой уверенностью в том, что наше время будет ознаменовано возрождением Запада, а не его упадком. Германия могла бы внести в это дело бессмертный вклад, она на это надеется и непоколебимо в это верит”<sup>117</sup>.

Эффект от речи Гитлера в Европе был ошеломляющим. Большинство политиков Великобритании сочли речь «великолепной» и утверждали, что она «нашла бы прекрасный прием, даже если бы была произнесена в палате общин». А лондонская «Таймс» так отреагировала на речь Гитлера: «...Это мудрая, откровенная и всеобъемлющая речь. Кто бы ни прочитал ее, обладая непредвзятым умом, он не может сомневаться в том, что направления политики, изложенные господином Гитлером, составляют основу для полного урегулирования всех спорных вопросов с Германией — свободной, равноправной и сильной, а не поверженной Германией с навязанным шестнадцать лет назад миром... Остается надеяться, что речь эта будет повсюду воспринята как искренняя, хорошо взвешенная и правдивая»<sup>118</sup>.

Действительно, как уже было отмечено, Гитлер изложил 13 пунктов «программы мира», в соответствии с которой Германия была намерена строить свои отношения с другими государствами. Первый пункт гласил, что правительство рейха отклоняет принятую в Женеве 17 апреля 1935 года резолюцию (резолюцию, принятую в связи с односторонним нарушением Германией Версальского договора — введением всеобщей воинской повинности). Во втором пункте говорилось, что германское правительство вследствие невыполнения другими державами обязательств по разоружению освобождает себя от статей договора, которые составляли одностороннее бремя и дискриминацию германской нации. «Правительство рейха, — заявлял Гитлер, — не подпишет никакого договора, который покажется ему невыполнимым, зато оно будет соблюдать все договоры, заключенные свободно, даже если они подписаны до его прихода к власти. Следовательно, оно будет соблюдать обязательства, вытекающие из Локарнского пакта, поскольку другие державы, подписавшие пакт, придерживаются его». Далее фюрер заявил, что германское правительство «видит в уважении демилитаризованной зоны чрезмерно тяжелую контрибуцию, наложенную на одно суверенное государство для умиротворения Европы. Оно должно обратить внимание на тот факт, что концентрация войск по ту сторону будет дополнена усилиями, предпринятыми со своей стороны»<sup>119</sup>.

Гитлер заявил о готовности Германии заключить двусторонние переговоры о ненападении со всеми соседями, кроме Литвы, и категорически отклонил пакты о взаимопомощи. Что касается франко-советского пакта, то фюрер квалифицировал его как военный союз, который ничем не отличается от военных союзов прежнего типа и представляет ту же опасность, что и они. Кроме того, по мнению Гитлера, «военный союз между Францией и Россией вносит элемент законного беспокойства в Локарнский пакт, который является наиболее определенным и реально наиболее ценным договором о взаимной помощи в Европе»<sup>120</sup>.

Через несколько дней после речи Гитлера в рейхстаге французскому правительству был вручен германский меморандум, в котором заявлялось, что франко-советский пакт несовместим с Локарнским договором. Однако когда Франция предложила перенести вопрос о совместимости двух пактов в верховный арбитраж в Гааге, Берлин отказался. Надо заметить, что советско-французский пакт не нарушал ни одной статьи Локарнских договоров. Он носил оборонительный характер, и только нападение Германии на Францию или СССР привело бы в действие этот пакт.

25 июня 1935 года в ответной ноте на германский меморандум французское правительство отвергло необоснованные утверждения Германии. А 5 июля была опубликована нота британского правительства, в котором указывалось, что франко-советский пакт не содержит ничего, что противоречило бы Локарнскому договору. 15 и 19 июля аналогичные заявления сделали Италия и Бельгия соответственно<sup>121</sup>.

Чуть ранее, 4 июня 1935 года, в Лондоне начались англо-германские переговоры об ограничении военно-морского строительства при условии, что германский флот составит не менее 35% английского. Инициатива исходила от англичан\*. Спустя месяц после того, как 17 апреля Совет Лиги Наций официально осудил Германию, Лондон прислал нарушителю договора приглашение для консультаций по вопросам воен-

---

\* Со своей стороны, в знаменитой речи 21 мая 1935 года Гитлер объявил о том, что тоннаж германского флота будет составлять 35 процентов английского, произнеся при этом теплые слова в адрес Англии. «Германия, — сказал он, — не имеет ни необходимости, ни желания, ни средств, чтобы снова соперничать на море». Это был намек, прекрасно понятый англичанами, на времена, предшествующие 1914 году, когда Тирпиц, яростно поддерживаемый Вильгельмом II, готовил сильный флот для борьбы с англичанами на море. «Правительство Германии, — продолжал он, — понимает жизненную необходимость, а следовательно, справедливость и оправданность защиты Британской империи с моря... Правительство Германии хочет установить и поддерживать с правительством и народом Великобритании такие отношения, которые исключат возможность повторения той единственной войны, которая однажды велась между нашими народами». Примерно такие же мысли есть и в книге Гитлера «Майн кампф», где он говорит, что одной из величайших ошибок кайзера была его вражда с англичанами и бессмысленное стремление соперничать с Британией на море. Было бы наивным полагать, что в Англии не были знакомы с творчеством Гитлера.

но-морского флота. Риббентроп был назначен «чрезвычайным послом», и Гитлер поручил ему вести эти переговоры.

В качестве переводчика с нацистским посланником отправился П. Шмидт. «Переговоры начались в министерстве иностранных дел. Присутствовал Саймон, и Риббентроп скоро выложил свои карты на стол. Германии было нужно право иметь флот, равный 35% мощи британского военно-морского флота. С несколько преувеличенной демонстрацией всемогущества он заявил: “Если британское правительство не примет немедленно это условие, не стоит и продолжать эти переговоры. Мы настаиваем на немедленном решении”. Потом я понял, что его поведение было поведением терьера из рекламных объявлений о граммофонах “Голос его хозяина”. Так же как терьер заворочено слушает голос, доносящийся из граммофонной трубы, так и Риббентроп впитывал слова Гитлера, а потом повторял их. В этом отношении и в Германии, и за границей он производил впечатление глупого человека — впечатление, которое усиливалось его наглостью, тщеславием и крайней подозрительностью\*. Во время этого визита мое мнение, что Риббентроп сделал ошибку, использовав свою тактику “слона в посудной лавке”, казалось, подтвердила реакция Саймона. В то время как я переводил слова Риббентропа, Саймон вспыхнул от гнева. Он ответил с некоторой горячностью: “Обычно такие заявления не делают в самом начале переговоров”. И резко сделал вывод, сказав: “Я могу, разумеется, не делать никакого заявления по этому вопросу”. Затем, холодно поклонившись, он покинул заседание. Я уже подумывал, какой будет погода во время нашего полета обратно в Берлин.

Один-два дня от англичан ничего не было слышно, а потом назначили очередное заседание, но не в министерстве иностранных дел, а в Адмиралтействе. Беседа состоялась в историческом Зале заседаний, где, как нам сказали, принимались многие важные решения о британском военно-морском флоте. Это была большая комната с панелями, в центре которой стоял длинный стол с красными кожаными стульями по обе стороны.

Слева от меня сидела немецкая делегация, возглавляемая Риббентропом и адмиралом Шустером; справа были сэр Роберт Крэджи, заместитель министра в министерстве иностранных дел, адмирал Литтл и капитан Данквертс. На стене позади британской делегации находился указатель направления ветра, соединенный с флюгером на крыше. “Когда британский военно-морской флот еще состоял из парусных судов, — объяснил нам адмирал Литтл, — направление ветра имело

---

\* Так, во время обсуждения в его номере в отеле «Карлтон» члены немецкой делегации должны были толпиться вокруг него в центре комнаты и говорить шепотом, потому что хитрые англичане могли закрепить микрофон в стене, чтобы подслушать наши секреты. Иногда было трудно не разразиться смехом при виде военно-морской делегации, струдившейся в центре комнаты, как цыплята, вокруг Риббентропа и шепчущейся о подлодках, эсминцах и тоннах водоизмещения.

решающее значение для оперативных решений, принимавшихся в этой комнате”. Показывая на особую отметку на указателе направления ветра, он со смехом добавил: “Когда ветер дул из этого сектора, французский флот не мог выйти из Бреста — и Ла-Манш был в нашем распоряжении”. Времена парусного флота давно прошли, но в этом почтенном зале указатель ветра все еще перемещался, подчиняясь переменчивым ветрам. Другой достопримечательностью была отметка на стене, которая, как любезно рассказал нам адмирал, обозначала рост Нельсона. Мы удивились, увидев, что герой военно-морского флота Великобритании был таким невысоким человеком.

Несмотря на охлаждение, вызванное столкновением между Риббентропом и Саймоном в начале переговоров, теперь преобладала очень дружеская атмосфера. К моему удивлению, сэр Роберт Крэджи открыл заседание заявлением, что британское правительство готово согласиться на требование Риббентропа. Единственной оговоркой было то, что это будет возможным, только если и по всем остальным вопросам будет достигнуто соглашение. Я едва поверил своим ушам, когда услышал от Крэджи это совершенно неожиданное заявление.

После этого в принципе вскоре было достигнуто и полное согласие. Неловкость Риббентропа в общении с англичанами сменилась почти дружескими отношениями. Например, к концу переговоров, когда англичане случайно спросили его, как долго продлится это соглашение, он напыжился и с самым торжественным выражением лица произнес только одно слово: “Ewig” (вечно).

Высказывание Риббентропа в переводе на английский можно было бы лишь пропеть под аккомпанемент церковного органа. Я задумался, как можно было бы перевести это, избежав комического эффекта. Но вскоре нашел выход. “Это будет постоянное соглашение”, — перевел я с облегчением, и эта фраза вошла в текст соглашения<sup>122</sup>.

Таким образом, самодовольный и нетактичный Риббентроп заявил, что предложение Гитлера не подлежит обсуждению: его можно принять или отклонить. Англичане предложение приняли. Приняли, не посоветовавшись со своими союзниками по Стрезе — Францией и Италией, также морскими державами, обеспокоенными перевооружением Германии и нарушением ею военных параграфов Версальского договора; приняли, не поставив в известность Лигу Наций, которая должна была бы поддержать соблюдение мирного договора 1919 года. Англичане считали, что отмена военных пунктов Версальского договора служит их интересам. Любому здравомыслящему человеку в Берлине было ясно, что, позволяя Германии строить флот тоннажем в треть британского флота, Лондон открыл Гитлеру «зеленую улицу» для скорейшего создания собственного флота.

Более того, британское правительство, выполняя обещание, данное Гитлеру, отказалось сообщить своему ближайшему союзнику — Франции, сколько и каких кораблей позволено в соответствии с соглашением строить Германии. Было только заявлено, что тоннаж немецких подводных лодок, строительство которых запрещалось Версальским догово-



ром, может достигать 60 процентов британских, а в исключительных обстоятельствах — 100 процентов. На самом деле по англо-германскому соглашению Германия могла построить пять линкоров, каждый из которых водоизмещением и вооружением превосходил английские корабли, а официальные цифры — 21 крейсер и 64 эскадренных миноносца — были простой подтасовкой с целью обмануть Лондон. Хотя к началу войны не все они были построены, но и построенные вместе с подводными лодками нанесли англичанам огромные потери уже в первые годы Второй мировой войны.

17 июня Париж выразил протест по поводу подобных планов. Действительно, по условиям лондонских переговоров в начале февраля, решений конференции в Стресе (ставшей последней попыткой победителей в Первой мировой войне предпринять совместные действия), а также Женевской резолюции от 17 апреля ни одно из государств не должно было вставать на путь односторонних соглашений с Германией. Несмотря на это, 18 июня 1935 года англо-германское морское соглашение было подписано. Как только в Париже узнали о заключении англо-германского соглашения, французский премьер Лаваль вызвал английского поверенного в делах Кэмпбелла и возмущенно заявил последнему: «Господин поверенный, я не джентльмен, но я бы никогда не поступил так, как только что поступили Вы!»<sup>123</sup>.

По условиям соглашения Германия получила возможность увеличить общую сумму тоннажа военно-морского флота более чем в пять раз. Третий рейх имел отныне право на строительство флота, равного 35% тоннажа флота Великобритании, что означало фактически равенство с французским флотом. Когда французы заявили протест англичанам по поводу заключения англо-германского морского соглашения, Иден парировал: «По крайней мере теперь все морские державы знают, сколько кораблей построит Германия»<sup>124</sup>. Надо заметить, что Иден жестоко ошибался\*.

Подписав англо-германское соглашение, Великобритания фактически санкционировала нарушение Германией статей Версальского договора. Такие действия не только ослабляли прочность и расшатывали систему международных отношений, но и поощряли Гитлера на новые акции, направленные на слом версальского порядка. Советская «Прав-

---

\* В ноябре 1935 года, осматривая новые модели военных кораблей, Гитлер заявил: «Мы надует их (англичан. — А.Н.) и будем строить такой флот, какой считаем нужным. При отъезде Риббентропа в Лондон я сказал ему: “Параграфы у нас роли не играют. Политики Веймарской республики были так глупы, что принимали всякие параграфы всерьез. Мы же сумеем скрыть необходимый нам тоннаж”. После посещения выставки Гитлер и его приближенные устроили нечто вроде вечеринки. Окончательно развеселившись, Гитлер, по словам его личного адъютанта О. Гюнше, провозгласил: “Англичане думают, что я сижу в рейхсканцелярии, как злой бульдог, которого нельзя дразнить. Хорошо, что они не могут сейчас видеть нас. Сейчас рейхсканцелярию можно назвать рестораном “У веселого канцлера”».

да» не без основания писала еще 20 марта: «Если германское правительство демонстративно отвергло какие бы то ни было гарантии безопасности и бешено вооружается, чтобы навязать Европе новую войну, то оно осмелилось на этот шаг только благодаря позиции британского империализма... Английский империализм всеми силами мешает согласованным действиям тех, для кого вооружение фашистской Германии является непосредственной опасностью...»<sup>125</sup>.

Подписание военно-морского соглашения между Англией и Германией весьма красноречиво показало, что Великобритания предпочитает примирение с противником опоре на партнеров по «фронту Стрезы». Именно так складывалась психологическая первооснова того, что потом станет известно как «политика умиротворения».

Тем временем стабильности Версальской системы был нанесен новый серьезный удар. Итальянский диктатор осознал, что Великобритания не готова всерьез оказывать давление на Германию, а Лига Наций — на нарушителей международных соглашений. В соответствии с новыми реалиями мировой политики дуче занялся выкраиванием для себя африканской империи.

В начале октября 1935 года началась итало-абиссинская война\*. Это было первое после 1918 года открытое нарушение международного мира европейской страной. Более того, Абиссиния была членом Лиги Наций, хотя и в результате довольно курьезного стечения обстоятельств\*\*.

В ноябре 1934 года итальянцы захватили эфиопский пункт Уолу-оле (Уал-Уал) в ста километрах от границы своей колонии Сомали. В Риме было заявлено, что Уал-Уал — итальянская земля, 5 декабря итальянские войска разгромили подошедший отряд эфиопов и объявили, что Эфиопия развернула агрессию против Италии. 3 января Эфиопия внесла протест в Лигу Наций на действия Италии. 6–7 января французский премьер Лаваль встретился с Муссолини в Риме. Франция все еще надеялась удержать Италию в рамках бывшей Антанты.

Переговоры в Риме завершились подписанием 7 января 1935 года франко-итальянского соглашения. Оно сразу вызвало подозрения: не воспользовался ли Муссолини этой встречей для того, чтобы получить от Лавала *carte blanche* в отношении Эфиопии? «Политики и диплома-

---

\* Заметим, что у итальянского диктатора, мечтавшего о возрождении Римской империи, были причины ненавидеть Эфиопию. Италия уже пыталась захватить эту страну. Однако в 1896 году в битве при Адуа итальянская армия была наголову разбита. В один день она потеряла столько же солдат, сколько за все войны Рисорджименто вместе взяты. После этой победы Эфиопия, собственно, и появилась на политической карте мира.

\*\* В 1925 году Абиссиния была рекомендована в члены Лиги Наций никем иным, как Италией, которая хотела этим предотвратить осуществление предполагаемых планов Великобритании. Та с неохотой вынуждена была согласиться, хотя и утверждала, что Абиссиния является слишком варварской страной, чтобы стать полноправным членом международного сообщества.

ты, — пишет отечественный исследователь И.Д. Овсяный, — читали и перечитывали опубликованные тексты. Но в них говорилось об “укреплении мира” в Европе, о территориальном разграничении между владениями двух держав в Африке, о положении итальянцев в Тунисе и, наконец, о некоторых вопросах экономического сотрудничества Франции и Италии в Эфиопии.

— Знаете ли вы, что Муссолини не соберет и дюжины бананов на той территории, которую я уступил ему в Сахаре и близ Джибути? — отшучивался Лаваль. — Зато теперь Италия вместо Франции должна будет содержать там полицейских. Главное же, Муссолини перестанет поддерживать Германию в вопросе вооружений. В сделке с ним я оставил ему свою рубашку, а увез его рубашку вместе с запонками!»<sup>126</sup>.

Франко-итальянские переговоры начались утром 6 января. В первой половине дня была согласована позиция сторон по австрийскому вопросу. «Когда перешли к главной и самой трудной проблеме — Африке, дело застопорилось. Вечером во французском посольстве, занимавшем “палаццо Фарнезе” — роскошный дворец эпохи Возрождения, Лаваль устроил прием в честь дуче.

В 11 часов Лаваль и Муссолини уединились для переговоров с глазу на глаз. Муссолини будет затем постоянно утверждать, что Пьер Лаваль предоставил ему “свободу рук” в Эфиопии, Лаваль же всегда будет энергично отрицать это. Во время приема в присутствии журналистов разыгрывается сцена, которая носит несколько гротескный характер. Лаваль и Муссолини смотрят друг на друга, как заговорщики. Сначала дуче, призывая в свидетели представителей прессы, перечисляет уступки, сделанные Лавалю по второстепенным вопросам. Последний намеренно “театральным” тоном торжественно заявляет:

— Я смотрю на ваши руки. Это могущественные руки. Я надеюсь, что вы не употребите их для того, чтобы причинить вред Эфиопии.

Муссолини мелодраматически изрекает:

— Эти руки имеют только мирные намерения.

И, обращаясь к журналистам, дуче восклицает:

— Франко-итальянское соглашение будет своего рода “вечно развивающимся творением”, благодаря которому дружба обеих стран будет бесперывно укрепляться!»<sup>127</sup>.

На следующий день были подписаны общая декларация и соглашения по остальным вопросам, являвшимся предметом переговоров\*.

---

\* Французские дипломаты, приехавшие с Лавалем в Италию, жаловались на то, что были вынуждены вести переговоры в дьявольской обстановке. «Линия министра состоит в том, — отмечали сотрудники Кэ д’Орсэ, — чтобы создать видимость сохранения традиционной политики, предоставить нам вести переговоры, как нам кажется необходимым, но самому действовать совершенно независимо от нас и без нашего ведома. Отныне политика Лавалья, имеющая сугубо личный характер, и дипломатия Кэ д’Орсэ напоминают собой не что иное, как две параллельные линии. Никакое слияние их невозможно, французская дипломатия абсолютно отлична как по духу своему, так и по букве».

Интересная деталь содержится в мемуарах бывшего советника французского посольства в Риме Ж. Блонделя, который участвовал в переговорах: «С точки зрения Муссолини, это соглашение, которое предоставляло ему свободу деятельности в Абиссинии, являлось первым шагом к ее завоеванию. Он начал его в октябре (1935 года. — *А.Н.*). И когда в конце года Лаваль в личном письме, которое доставил один из сотрудников его секретариата и копия которого находилась в посольстве, попытался получить от январского собеседника письменное свидетельство о своей непричастности к итальянской агрессии, Муссолини уклонился. Более того, он напомнил Лавалю одно неудачное выражение, которое последний не отрицал, но смысл которого оспаривал: “Теперь вы имеете свободу рук”. Что касается меня, — продолжал Блондель, — то, читая эту переписку, я полагал, что оба собеседника во время разговора с глазу на глаз во дворце Фарнезе попросту намеренно уклонились от уточнения устраивавшего их экивока».

Среди трофейных документов из итальянских архивов были обнаружены секретные досье итальянского министерства иностранных дел, относящиеся к рассматриваемому вопросу. Это позволило установить, что 7 января 1935 года в Риме состоялось подписание 8 отдельных соглашений, из которых только четыре были опубликованы. В числе секретных документов — соглашение, оформленное в виде обмена письмами, в результате которого Франция отказывалась от своих политических интересов в Эфиопии и ограничивала экономические претензии лишь зоной железной дороги Джибути—Аддис-Абеба. При этом Лаваль сделал устное заявление о предоставлении Италии свободы рук для экспансии в Восточной Африке и урегулирования «раз и навсегда» спорных вопросов с правительством Эфиопии<sup>128</sup>.

После переговоров стало известно, что Лаваль подарил Италии кусок пограничной пустыни в Сахаре и урегулировал пограничные споры между колониями Джибути и Сомали. Французский министр заявил, что Франция не имеет интересов в Эфиопии. Симптоматично, что когда на конференции в Стресе Британия и Франция предложили записать, что три страны выступают за мир, Муссолини внес поправку: «мир в Европе».

Лондон в отношении событий в Северо-Восточной Африке руководствовался выводами специально созданной комиссии, которая в июне 1935 года представила британскому кабинету министров доклад. В нем говорилось, что действия Италии не затрагивают такого рода жизненно важных интересов Англии в Эфиопии или в соседних районах, «которые заставляли бы правительство Его Величества воспрепятствовать захвату Италией Эфиопии»<sup>129</sup>.

4 сентября 1935 года Италия внесла в Лигу Наций меморандум, где перечислялись «факты агрессии» Эфиопии против итальянского Сомали (в основном в Уал-Уал). Этот меморандум позволял европейским дипломатам утверждать, что между двумя странами возник конфликт и обе обвиняют друг друга в агрессии.

3 октября 1935 года итальянские войска без объявления войны вторглись в Эфиопию\*. В тот же день в Риме было опубликовано официальное коммюнике. В нем утверждалось, что проведенная Эфиопией мобилизация представляла угрозу для итальянских войск в Африке. Далее в коммюнике говорилось: «...Непрерывная и кровавая агрессия, которой Италия подвергается на протяжении последних десяти лет... находится, таким образом, на пороге перехода в новую фазу, характеризующуюся более крупными действиями и более широким размахом, что влечет за собой серьезную и непосредственную опасность, которая очевидна и для предупреждения которой элементарные соображения безопасности требуют принятия немедленных мер. Верховное командование в Эритрее получило в силу этого приказ действовать в соответствии с обстановкой. Итальянские войска занимают некоторые выдвинутые позиции за линией наших укреплений»<sup>130</sup>. С самого начала войны итальянцы применили авиацию и легкие танки. Эфиопии поддержки оказано не было\*\*. Тем не менее итальянское наступление продвигалось медленно. Эфиопы оказали серьезное сопротивление.

7 октября 1935 года Совет Лиги Наций признал Италию агрессором и заявил о необходимости применить к ней финансовые и экономические санкции. Через два дня это предложение было утверждено пленумом Лиги Наций. Все входящие в Лигу государства должны были прекратить ввоз оружия в Италию, вывоз товаров из Италии, запретить экспорт некоторых второстепенных видов сырья и воздержаться от предоставления Италии банковских займов и коммерческих кредитов.

Были составлены специальные списки товаров, которые запрещалось ввозить в Италию. Прежде всего это были военные материалы, а также продукты, могущие служить прямо или косвенно военным целям. Однако на некоторые важнейшие виды сырья, такие, как уголь и особенно на необходимую для ведения войны нефть, эти санкции не распространялись... Конечно, от такого запрета Италии было ни холодно

---

\* Еще 2 октября в Риме было разыграно грандиозное театрализованное представление. Столичное радио обратилось с призывом к жителям Рима собраться на площади Венеции. Раздается звон колоколов. На балконе появляется Муссолини. Он приветствует неистовствующую толпу:

— Чернорубашечники революции! Мужчины и женщины всей Италии! Итальянцы, рассеянные по всему миру, находящиеся за морями и за горами, слушайте! В истории нашей родины скоро пробьет торжественный час!

Толпа скандирует:

— Дуче... Дуче... Дуче!..

— Кому принадлежит Эфиопия? — кричит Муссолини.

— Нам... нам!.. — отвечает толпа.

— Мы проявляли терпеливое отношение к Эфиопии в течение сорока лет!..

— Довольно, смерть негусу! — отвечает толпа.

\*\* Интересно, что одной из немногих стран, помогавших Эфиопии оружием, правда в секретном порядке, была Германия.

ни жарко: у нее и своего оружия для войны против Эфиопии было достаточно... Вместо десятков пунктов чего нельзя было ввозить в Италию, достаточно было одного — запрета на продажу нефти. Несколько лет спустя сам Муссолини подтвердил это, заявив: «Если бы Лига Наций во время эфиопского конфликта... расширила санкции против Италии на нефть, то мы вынуждены были бы вернуться из Эфиопии в течение восьми дней. Для нас это была бы катастрофа, которую трудно себе представить»<sup>131</sup>.

Блокада действительно проводилась вяло. Даже СССР отказал Эфиопии в поставках оружия и не усердствовал в санкциях против Италии. А ведь Советский Союз самостоятельно мог обеспечить энергетическую катастрофу в Италии, так как поставлял до 40% нефти, потребляемой этой страной. Во многом это произошло потому, что Москва стремилась ориентироваться на своего союзника Францию в связи с агрессией Италии против Эфиопии. Политбюро ЦК ВКП(б) решило дать Литвинову, находившемуся на сессии Ассамблеи Лиги Наций, следующую директиву:

«1) Проводите самостоятельную советскую линию... и избегайте всего того, что может быть истолковано как подчинение нашей линии позиции Англии.

2) Не проявляйте большей ретивости в санкциях, чем другие страны, и сохраняйте по возможности контакт с Францией»<sup>132</sup>.

В целом можно отметить максимальную осторожность советского руководства в связи с событиями в Эфиопии. Весьма характерен был отказ Кремля удовлетворить просьбу Эфиопии о помощи военными инструкторами и вооружением: «...нам самим не хватает»<sup>133</sup>.

Другие европейские страны вели себя так же. Небольшие ограничения в торговле были легко перекрыты экспортом из Германии и нейтральных США. Зато в самой Италии удалось создать впечатление, что «цезарь нашего времени» Муссолини борется за создание великой итальянской империи против всей Европы.

Война продолжалась с переменным успехом. В конце 1935 года эфиопы развернули наступление на Аксум и при Тэкезе нанесли итальянцам существенный урон. Итальянцев спасли от разгрома только отсутствие у эфиопов современного тяжелого вооружения и нерешительность императора Хайле Селассие I, который отказался бросить в прорыв гвардию, наиболее боеспособную часть своей армии. Чтобы переломить ход войны, Муссолини приказал применить химическое оружие, запрещенное международными конвенциями. Однако итальянцы не могли полностью сломить сопротивление противника. В случае применения нефтяных санкций положение Италии становилось бы просто катастрофическим.

В декабре 1935 года в Лиге был поставлен вопрос о применении к Италии нефтяных санкций. Десять государств — Чехословакия, Индия, Румыния, Ирак, Аргентина, Голландия, Новая Зеландия, Финляндия, Сиам и Советский Союз, поставки нефти которых составляли почти 75% всего нефтяного импорта Италии, заявили о своем согласии на нефтяные санкции. Западные демократии оказались в весьма затруднительном по-

ложении: их отношения с Италией безнадежно ухудшались, так как именно Англия и Франция играли ведущие роли в Лиге, решения которой грозили нанести непоправимый ущерб фашистской Италии.

Чтобы противостоять растущей германской угрозе, лидерам Великобритании следовало бы вступить в конфронтацию с Гитлером и умиротворить Муссолини. Они же сделали прямо противоположное: занялись умиротворением Гитлера и вступили в конфронтацию с Италией. Осознав абсурдность подобной ситуации, британские и французские политические лидеры пошли на компромисс.

Вопрос о применении нефтяных санкций был подробно рассмотрен 2 декабря на заседании правительства Великобритании. Высказывались опасения, что применение к Италии эффективных санкций, в первую очередь нефтяных, может привести к полному краху в ней фашистского режима, в связи с чем Муссолини «исчез бы с итальянской политической арены и в Италии могло бы образоваться коммунистическое правительство и произошло бы коренное изменение расстановки сил в Европе». Руководствуясь этими соображениями, министр иностранных дел Англии Сэмюэль Хор считал, что необходимо затягивать введение нефтяных санкций, а тем временем как можно скорее добиваться начала «мирных переговоров», выступая совместно с французским премьером П. Лавалем\*. Предложения С. Хора были одобрены кабинетом<sup>134</sup>.

В декабре глава Форин Оффис прибыл в Париж. Результатом встречи с главой французского правительства (который разделял опасения своего британского коллеги относительно возможной коммунистической революции в Италии<sup>135</sup>) стало соглашение, вошедшее в историю под название «план Хора—Лавалья». Оно было подписано 8 декабря 1935 года. Суть соглашения заключалась в следующем: Италия получала плодородные равнины Абиссинии; Хайле Селассие продолжал править в обширных горных районах, являвшихся исторической территорией его королевства; Великобритания должна была помочь осуществить этот компромисс на практике, дав замкнутой на суше Абиссинии выход к морю через Британское Сомали. Ожидалось, что Муссолини целиком и полностью примет этот план, а Хор представит его на утверждение Лиги. При этом дуче предупредил, что если план будет опубликован прежде, чем он будет подписан, то в таком случае он вынужден будет отказаться поставить под ним свою подпись.

К несчастью для англо-французских стратегов так и произошло. Несмотря на категорический запрет Лавалья разглашать информацию, проект «плана Хора—Лавалья» просочился в прессу еще до его представления в Лигу Наций — событие исключительно редкое в те времена. Два парижских журналиста — Табуи и Пертинакс, раздобыв этот секретный документ, напечатали его на страницах своих газет «Эко де Пари»

---

\* 7 июня 1935 года во Франции было сформировано правительство под председательством Лавалья, который сохранил за собой и пост министра иностранных дел. В качестве государственных министров в кабинет вошли Фланден, Эррио, Луи Марен.

и «Эвр». «План Хора–Лавалья» свелся к нулю. Более того, его публикация вызвала бурю возмущения общественности. Хор был вынужден подать в отставку\*. Позиции Лавалья во Франции также сильно пошатнулись. 22 января 1936 года министры французского кабинета Э. Эррио, Ж. Боннэ, Ж. Паганон и В. Бертран вручили премьер-министру заявления об отставке. Лаваль сразу же сообщил президенту республики об отставке всего кабинета.

30 января во Франции было сформировано новое правительство во главе с радикалом Альбером Сарро. Государственным министром стал Поль-Бонкур, а министром иностранных дел — Фланден.

11 февраля 1936 года во французском парламенте началась дискуссия по законопроекту о ратификации договора о взаимопомощи между Францией и СССР. 27 февраля 1936 года в Бурбонском дворце после горячей двухнедельной дискуссии палата депутатов большинством в 353 голоса против 164 одобрила франко-советский пакт о взаимопомощи<sup>136</sup>. Большинство проголосовавших за составили левые и центристские партии, а также оставшиеся на своих прежних позициях консерваторы (Рейно, Мандель и Фланден). Против голосовала часть центристских и правых депутатов (в том числе Марен и де Керилис\*\*). В Сенате

---

\* Интересно отметить, что эфиопский император готов был рассмотреть различные варианты прекращения войны. Например, 19 февраля 1936 года он отправил через английского военного атташе в Эфиопии совершенно секретное послание английскому правительству, в котором заявлял о своей готовности, во-первых, начать переговоры с итальянским правительством и, во-вторых, «связать Эфиопию с Англией или в виде протектората или в виде мандата». Последнее предложение оказалось, однако, неприемлемым для Англии, так как включение в тогдашних условиях Эфиопии в состав Британской империи означало автоматическое вступление Англии в войну с Италией.

\*\* В 1942 году, когда на Триумфальной арке в Париже висело полотнище со свастикой, правый депутат и журналист Анри де Керилис осознал свою ошибку: «Франция проиграла войну по многим причинам, но одна из них намного превосходит по своему значению все остальные. Эта причина — саботаж русского союза... Укреплять могущество Франции, основывать европейское равновесие на великом восточном союзе — такова наиболее древняя, наиболее постоянная и наиболее благотворная традиция нашей дипломатии. Франциск I и его наследники добивались союза на Востоке с Турцией для того, чтобы противостоять австрийской монархии. Армии Сулеймана Великолепного совершили поход на Вену, чтобы помочь французам... Франциск I и его наследники, самые христианские и католические короли, объединялись с мусульманами в то время, когда последние представляли собой кошмар христианства, чтобы победить австрийцев, также самых христианских и католических. Никто не делал из этого скандала... Ришелье стремился установить восточный союз со шведами и германскими протестантскими князьями... Ришелье был кардиналом, Густав-Адольф и князь, о которых идет речь, были еретиками, т. е. «ужасными большевиками», той эпохи». Ссылаясь на опыт Наполеона и Фоша, автор заключает: каждый раз, когда Франция была союзником России, она выигрывала войны; каждый раз, когда она не являлась им, то проигрывала их. «Речь, следовательно, идет об основном законе французской политики». К сожалению для Франции, прозрение наступило слишком поздно.



голосование проводилось позже, в момент ремилитаризации Германии Рейнской зоны. За ратификацию было подано 226 голосов, против — 48 при 34 воздержавшихся. Советское правительство провело ратификацию договора в момент, когда в Рейнской зоне происходили указанные события. Обмен ратификационными грамотами состоялся 27 марта в Париже.

Характерно, что через несколько дней после подписания пакта Пьер Лаваль отправился в сопровождении генерального секретаря французского МИД Алексиса Леже в Восточную Европу. В Варшаве он дал полковнику Беку заверения в том, что франко-советский договор ни в коей мере не означает какой-либо особой привязанности к Советскому Союзу, но отвечает двойной задаче — лучше обеспечить безопасность Франции перед лицом гитлеровской опасности и помешать активному сотрудничеству СССР с рейхом<sup>137</sup>.

На следующий день после ратификации палатой депутатов франко-советского пакта в столичной газете «Пари-Суар» появилось интервью Гитлера, данное им французскому журналисту Бертрану де Жювенелю. Сделав ряд резких выпадов против советско-французского пакта, Гитлер неожиданно выразил чувства горячей симпатии и стремление к дружбе и сближению с Францией. «Странно, что во Франции и Англии есть люди, которые верят в возможность германской агрессии, — говорил фюрер. — Франция должна серьезно подумать о предложениях прийти к соглашению, которые ей делает Германия»<sup>138</sup>. Интервью состоялось 21 февраля, когда еще шли дебаты во французском парламенте по поводу ратификации пакта. Однако во французской печати оно появилось только 28 февраля, сразу после того, как законопроект был принят.

Через несколько дней, 2 марта, французский посол в Берлине отправился на прием к Гитлеру, чтобы уточнить смысл высказываний фюрера. Гитлер заявил, что его обманули: «Это обман. Жювенель должен был опубликовать интервью до голосования в палате!» Ратификация франко-советского пакта, заявил Гитлер, создает «большие препятствия для улучшения франко-германских отношений». По словам Франсуа-Понсе, Гитлер предупредил, что в ближайшие дни даст ответ французскому правительству<sup>139</sup>.

Ответ не заставил себя долго ждать. 7 марта 1936 года войска Германии вошли в демилитаризованную Рейнскую зону. Не решившись на самостоятельные действия\*, Франция передала вопрос о нарушении Локарнского договора в Лигу Наций. 8 марта Фланден и его бельгийский коллега Поль ван Зееланд призвали генерального секретаря срочно созвать Совет Лиги Наций<sup>140</sup>. Однако Совет собрался только 14 марта в Лондоне. На повестке дня стоял вопрос куда более важный, чем обсуждение нарушений Локарнского соглашения. Проблема состояла в том, сможет ли Лига Наций показать силу и заставить Гитлера подчиниться своему решению или же продемонстрирует свое бессилие.

---

\* Подробнее об этом см. в главе 3.

Для того чтобы принять какие-либо меры в отношении Германии, Совету Лиги Наций было необходимо в первую очередь единство. В то же время его не было даже среди локарнских держав. Франция предложила так называемый план Леже. Этот план исходил из необходимости применения к Германии экономических и политических санкций, которые приведут не только к финансово-экономической блокаде нацистского режима, но и к его международной изоляции, что вынудило бы Гитлера очистить Рейнскую зону и восстановить статус-кво<sup>141</sup>.

Однако французам не удалось убедить остальных членов Локарно — Англию и Бельгию — в целесообразности подобного плана. О поддержке французской инициативы со стороны Италии не могло идти и речи. Было бы наивно полагать, что страна, недавно подвергнутая санкциям (несправедливым, по мнению Рима), выступит за применение подобных санкций в отношении другого государства.

Совет Лиги Наций собрался во дворце Святого Джеймса и включал в свой состав глав МИД Великобритании, Франции, Италии, СССР, Дании, Польши, Португалии, Румынии, Испании, Турции и Бельгии, бывшего премьера Австралии и представителей Аргентины, Чили и Эквадора<sup>142</sup>.

«Яркий дневной свет лился в окна Сент-Джеймского дворца, — вспоминает П. Шмидт. — На стенах висели шелковые драпировки и впечатляющие старинные портреты. Огромное зеркало над камином создавало вместе с теплыми тонами ковров и портьер еще более дружелюбную обстановку. На камине стояли великолепные старинные часы, которые вместе с залом в целом живо напоминали Зал Часов на Кэ д'Орсэ и полные самых больших надежд дни, когда Штреземан подписал здесь Келлогский пакт. Единственными символами современности были стол Совета из Женевы и микрофон... Председательствовал делегат от Австралии Брюс — высокий темноволосый человек с типичными англо-саксонскими чертами лица и таким же типичным спокойствием. Справа от него сидел Фланден. Рядом с ним сидел министр иностранных дел Италии Гранди. По другую руку от Брюса сидели Иден и Литвинов. Советский Союз в Совете Лиги! Это и в самом деле было сенсацией и самым явным признаком того, как благодаря Гитлеру изменилась ситуация в этой высшей международной организации»<sup>143</sup>.

Многие члены Совета Лиги Наций были настроены весьма пессимистично по поводу возможного применения санкций. Никто не возражал против констатации нарушения Локарнского соглашения, однако, когда речь заходила о конкретных репрессивных мерах в отношении Германии, позиция членов Совета Лиги была совсем другой. Государства, не испытывавшие непосредственной угрозы для собственной безопасности в результате ремилитаризации Рейнской зоны, не горели желанием быть вовлеченными в конфликт между западными демократиями и Германией. Другими словами, никто не собирался таскать каштаны из огня для Франции и Бельгии, которые самостоятельно, не обращаясь за помощью к Лиге, имели все юридические основания адекватно ответить на германский вызов. К тому же многие акцентировали

внимание на том, что Гитлер всего лишь ввел войска на собственную территорию, восстановив историческую справедливость.

Первым выступал французский министр Фланден. Он попросил своих коллег выступить с совместным заявлением о нарушении Локарнского договора и рекомендациями для последующих действий. По словам министра, Франция имела право действовать сепаратно, однако вопрос представляется настолько важным для будущего системы коллективной безопасности, что его страна считает нужным вынести эту проблему на обсуждение Лиги Наций. Бельгийский представитель ван Зееланд рассказал о шоке, который испытала его страна в связи с действиями Германии, но предложил лишь принять формальную декларацию о нарушении Локарнского соглашения. Британский министр Иден предпочел вообще не высказываться по данной проблеме.

Следующим шагом в работе Совета должно было стать приглашение германского представителя. Берлин выдвинул два условия: равноправие в дебатах и рассмотрение предложений, сделанных Гитлером локарнским державам. Несмотря на то, что Совет не дал никаких гарантий по поводу второго условия, Германия согласилась делегировать своего представителя в Лондон. Приехав на следующий день, германский посол в Лондоне Риббентроп выступил с длинной речью. «Я взял на себя эту миссию с большим личным удовлетворением, — сказал Риббентроп, обращаясь к Совету, — будучи убежденным, что у меня никогда не было бы другого повода предстать перед этим Советом наций». Затем, сразу же переходя к новому франко-советскому военному союзу, сказал с особым значением: «Этот пакт касается двух государств, насчитывающих 275 миллионов человек. Обе стороны, заключившие договор, представляют самые мощные вооруженные силы в мире. Советская Россия, хоть и отдалена от Германии настолько, что, вероятно, Германия не может подвергнуться нападению с ее стороны, окольным путем приблизилась к германской границе посредством подобного военного союза с Чехословакией». Литвинов усердно делал заметки. «Франция и Россия, — продолжал Риббентроп, — могут, в силу соглашения между ними, начать войну против Германии по их собственному усмотрению». Шмидт отметил: «Литвинов гневно потрянул головой, а Фланден раздраженно поджал губы».

«Этот союз направлен исключительно против Германии, — продолжал я (Шмидт. — *А.Н.*) переводить, в то время как все присутствовавшие — делегаты, секретари, юрисконсульты и переводчики — с самым пристальным вниманием следили за моими словами.

Выдвинув аргументы в чисто юридическом аспекте, Риббентроп перешел к более ранним предложениям Гитлера относительно разоружения. «Предложение полного разоружения было отвергнуто. Предложение об армии, состоящей в целом из 200 000 человек, было отвергнуто. Предложение об армии в 300 000 человек было отвергнуто. Предложение о пакте по военно-воздушным силам было отвергнуто... Предложение об общеевропейском урегулировании, сделанное в мае 1935 года, просто оставили без внимания, за исключением предложения, которое

впоследствии стало основой для англо-германского соглашения по военно-морскому флоту”. Так он описывал мирные инициативы Гитлера в кратком изложении, которое, насколько я мог видеть, не замедлило произвести впечатление на некоторых делегатов и на нескольких представителей прессы. “Правительство германского рейха должно, следовательно, отбросить как несправедливые и необоснованные обвинения в одностороннем нарушении Локарнского договора”, — сделал вывод Риббентроп.

“Немецкий народ, — с пафосом заключил посланник, — который теперь, через семнадцать лет, наконец-то видит, как восстанавливаются его свобода и честь... искренне желает жить в мире и дружбе со своими соседями и впредь всячески сотрудничать в строительстве настоящей европейской солидарности... Он хочет покончить с долгим периодом франко-германской напряженности, кризисов и войн и помочь достижению лучшего понимания и дружбы между этими двумя великими нациями. Этого немецкий народ желает всем сердцем. В таком духе канцлер Германии сделал историческое и действительно уникальное и несравнимое ни с чем предложение всему миру объединить Европу и обеспечить мир на ближайшие двадцать пять лет...”<sup>144</sup>.

На самом деле Риббентроп лишь повторил слова фюрера от 7 марта и заявил, что теперь Германия наконец свободна от унижений и несправедливости мирных договоров и все, что ей нужно, это жить в мире с Францией.

Риббентроп был единственный, кто голосовал против формального заявления о нарушении Локарнского договора. Но так как Германия не являлась членом Лиги Наций, его голос учтен не был. Все остальные члены Совета Лиги Наций проголосовали за данную резолюцию. Совет Лиги Наций принял краткую, всего в 8 строк, резолюцию, которая констатировала нарушение Германией статьи 43 Версальского и статьи 4 Локарнского договоров: «Совет Лиги Наций заявляет, что немецкое правительство совершило нарушение статьи 43 Версальского договора тем, что 7 марта 1936 года ввело вооруженные силы в демилитаризованную зону, обозначенную в статье 42 и последующих статьях данного договора и в Локарнском договоре».

Резолюция не дала локарнским державам равным счетом ничего. «План Леже» был отклонен. Никаких санкций в отношении Германии принято не было.

Не последнюю роль в этом сыграла позиция Великобритании. Сообщая в НКВД о взглядах и настроениях в английских правительственных кругах, советское полпредство в Лондоне отмечало, что они сводятся к попыткам ограничить военные обязательства Англии, с тем чтобы эти обязательства относились только к Франции и Бельгии, и, наконец, к поискам соглашения с Германией<sup>145</sup>.

Лондонское заседание Совета Лиги Наций было, пожалуй, первым в истории этой организации, когда столь ясно обозначилось отсутствие у стран-членов Лиги общего стремления к действиям. Теперь каждое государство стало задумываться больше о собственных интересах, неже-

ли об обеспечении системы коллективной безопасности в свете нарастания кризиса в Европе. Берлин больше никогда не участвовал в работе Лиги Наций. Пока шла война в Эфиопии, Италия сохраняла видимость своего членства в Лиге Наций. Однако позиция Рима в начавшейся летом 1936 года гражданской войне в Испании ясно продемонстрировала смену внешнеполитической ориентации Муссолини, означавшую как разрыв с Лигой Наций, так и отход от континентальной политики Италии на основе Стрезы и Локарно.

26 апреля—3 мая 1936 года во Франции состоялись парламентские выборы, принесли победу Народному фронту, в который входили социалисты, радикалы и коммунисты. В соответствии с итогами выборов формирование правительства было поручено лидеру самой крупной парламентской фракции социалистов 64-летнему Леону Блюму. Сохранение единства антифашистских сил позволило провести в жизнь основные положения программы Народного фронта\*.

После прихода к власти правительства Народного фронта можно было ожидать, что тенденции к сотрудничеству с СССР возобладает во внешней политике Франции, что, безусловно, принесло бы пользу обеим странам, в том числе и в военно-стратегическом плане. Однако этого не произошло. Можно выделить две основополагающие причины такого поведения главы французского правительства. Во-первых, в самой Франции существовала сильнейшая оппозиция армейских кругов военному сближению Парижа и Москвы. Действительно, среди военных деятелей Франции оставались серьезные разногласия относительно возможного сотрудничества с Советским Союзом. Заместитель начальника Генерального штаба генерал Швейцгут, который возглавлял французскую военную делегацию на маневрах Красной Армии в сентябре 1936 года, подробно изложил свои впечатления генеральному секретарю МИД Леже: «Я сказал ему, что мое впечатление с военной точки зрения можно резюмировать так: прекрасный фасад, за которым слишком много неизвестного — уровень командования, недостатки путей сообщения, неясности в отношении запасов вооружения... Что

---

\* Программа Народного фронта появилась 10 января 1936 года. Она включала два главных раздела — «Политические требования» и «Экономические требования». В политическом разделе выдвигались требования разоружить и распустить фашистские лиги, отменить все законы, ограничивающие свободу печати, соблюдать профсоюзные свободы, уважать светский характер школы, ввести обязательное обучение детей до 14-летнего возраста. Во внешнеполитической части раздела предусматривались «международное сотрудничество в рамках Лиги Наций с целью обеспечить коллективную безопасность», сокращение вооружений, национализация военной промышленности, «распространение, в особенности в Восточной и Центральной Европе, системы пактов, открытых для всех, согласно принципам франко-советского договора». Экономические требования предполагали сокращение рабочей недели без сокращения заработной платы, создание национального фонда помощи безработным, отмену правительственных декретов о сокращении числа служащих и уменьшении пенсий, введение твердых цен на продукты сельского хозяйства и т.д.

касается стратегических возможностей русской армии в случае конфликта с Германией, они мне представляются почти ничтожными, по крайней мере с точки зрения наземных сил, из-за больших расстояний и наличия промежуточных государств»<sup>146</sup>. «Г-н Леже, — сообщал Швейцгут, — того же мнения»<sup>147</sup>.

В этой связи необходимо отметить, что, по мере того как оборонительная тенденция превалировала в стратегических концепциях французского Генштаба, считалось хорошим тоном критиковать активно проводившуюся механизацию Красной Армии в стране, которую описывали как преимущественно сельскохозяйственную, не имеющую ни тылового обеспечения, ни достаточной инфраструктуры. В конечном счете, судя по всему, следующее суждение, сводившее все исключительно к оперативным возможностям Красной Армии и сформулированное одним «бывшим нерусским агентом ГПУ, который был близок к Ягоде и бежал из СССР», задавало тон в Генеральном штабе: «Красная Армия в силу суровой дисциплины и осуществляемого в ней строгого политического контроля остается верной центральной власти... Это армия мирного времени, неспособная мобилизовать свои резервы; в условиях войны Красная Армия — великий блеф».

Дополнительную убедительность этому тезису придавала информация о чистках, опустошавших ряды Красной Армии, которые французская разведка хотя и подавала только в вопросительной форме, но при этом недвусмысленно ставила вопрос о предательстве высшего военного руководства СССР: «Если официальная версия верна, то в этом случае вряд ли можно доверять таким военачальникам, которые без колебания изменяют своей родине»<sup>148</sup>.

Сходство докладов, посвященных данной теме, не подвергалось критике и объяснялось, судя по всему, скорее желанием угодить Парижу, нежели стремлением понять реальное положение дел в Красной Армии. Можно привести и еще целый ряд примеров: «Проводимые чистки, видимо, ослабили советскую мощь настолько, что военная опасность для соседей СССР сильно уменьшилась, если не сказать исчезла»; «Изучение возможности вторжения советской армии в Центральную Европу в случае конфликта: в этих условиях целесообразность участия СССР в военных действиях представляется весьма сомнительной»<sup>3</sup> и т.д. Забегая вперед, отметим, что эта форма самообмана достигла своего апогея с исчезновением М. Тухачевского.

Наконец, перед Генеральным штабом стоял вопрос вероятной двойной игры СССР, в которой Франция была бы союзником на всякий случай, что позволяло Москве преследовать более отдаленную цель, воспользовавшись исходом возможной войны между Францией и Германией. Тот же Швейцгут по-своему истолковал беседы, которые он имел с Ворошиловым осенью 1936 года, полагая, что «война между Францией и Германией даст преимущество СССР не только в том, что из-за отсутствия общей границы почти все его вооруженные силы останутся вне конфликта, но еще и в том, что, подобно США в 1918 году, СССР станет арбитром в ситуации, когда Европа окажется

истощенной в результате борьбы, которая, по словам Ворошилова, будет беспощадной»<sup>149</sup>.

Французский историк Э. дю Рео пишет в этой связи: «В период с 1935 по 1937 год в высшем военном командовании осуществлялось упорное противодействие любому превращению франко-советского пакта о взаимопомощи в подлинный союз»<sup>150</sup>. Не вызывает сомнения тот факт, что провал переговоров о возможном военном сотрудничестве двух стран стал одним из аспектов ухудшения отношений между СССР и Францией и, как следствие, втянул Францию в орбиту внешней политики Великобритании.

Вторую причину, во многом вытекающую из первой, следует искать в начавшейся политике умиротворения агрессоров. Франция, осознавая свою слабость и следуя за Англией, все более склонялась к заключению соглашения с фашистскими державами, что исключало возможность проведения эффективной политики коллективной безопасности. Лондон же предлагал создать «Пакт четырех» — региональный блок Англии, Франции, Германии и Италии. Альтернативой франко-советскому союзу в данных условиях должна была послужить реанимация англо-французских союзнических отношений, возрождения англо-французской Антанты.

Дилемма французской внешней политики отныне заключалась в выборе между двумя внешнеполитическими курсами: коллективной безопасности, основанной на франко-советском пакте о взаимопомощи, союзах с малыми странами Европы, подкрепленными авторитетом Лиги Наций; или заключения пакта четырех западных держав, который подразумевал возобновление тесного англо-французского сотрудничества и изоляцию СССР из европейской политики.

Надо заметить, что подобная дилемма обозначилась особенно остро сразу после ремилитаризации Рейнской области. Характер реакции Франции на мартовские события 1936 года во многом обусловил дальнейшее развитие европейского кризиса.

**ДЕНЬ «ЦЕТ» АНГЛО-ФРАНЦУЗСКОЙ АНТАНТЫ**

К началу 1936 года перед Францией, как и перед остальной Европой, стоял вопрос: что делать с перевооружавшейся Германией? По мере угасания итало-эфиопской войны германская проблема выходила на первый план в международных отношениях середины 1930-х годов. Подход к ее решению был многовариантным. С одной стороны, создатели Версальской системы и гаранты существовавшего статус-кво — Великобритания и Франция — могли опереться на систему коллективной безопасности и авторитет Лиги Наций с тем, чтобы ограничить агрессивные стремления Третьего рейха. С другой — этому курсу существовала альтернатива в виде возрождения тесного союза между Англией и Францией. Союз двух западных демократий уравнивал бы возрастающую германскую мощь, не позволяя Берлину перейти известную черту. Фактически речь шла о воссоздании довоенной системы баланса сил на континенте; при этом и в Лондоне, и в Париже понимали, что для поддержания устойчивой системы международных отношений необходимо пойти на некоторые уступки требованиям Гитлера. Но подобная схема могла успешно работать только при условии единства целей и действий Англии и Франции.

К 1936 году, однако, нельзя было говорить о существовании консенсуса по обе стороны Ла-Манша. А ведь роль двух великих держав — Франции и Великобритании — в развитии событий на Европейском континенте всегда была велика. Одержав победу в Первой мировой войне, обе державы усилили свои позиции и, соответственно, свое влияние на решение общеевропейских вопросов. Именно эти две страны занимали ведущее положение в Лиге Наций, в многочисленных международных организациях и комиссиях, занятых решением послевоенных проблем. От их сотрудничества и взаимодействия многое зависело. Когда правительства Англии и Франции занимали общую позицию, европейские события, как правило, развивались в нужном для них направлении. Они умело использовали различные рычаги давления — как финансово-экономического, военного, так и политического и идеологического порядка. Но тем не менее между ними существовали противоречия и, как следствие, разный подход ко многим европейским проблемам. У каждой из этих двух стран были свои цели, свои экономические, политические и военно-стратегические расчеты, свои концепции безопасности и приемы дипломатического маневрирования. Неодинаковым было экономическое и внутривнутриполитическое положение в Англии и Франции, различен менталитет населения. Вместе с тем коренные государственные интересы, казалось бы, обуславливали тенденцию к их сближению и взаимодействию в противовес нараставшему в 1930-е годы кризису Версальской системы.



После окончания Первой мировой войны усилия Франции сосредотачивались на том, чтобы законсервировать европейскую ситуацию, созданную победой Антанты, обеспечить господствующее положение Франции в Европе. В то же время Великобритания, ее недавний партнер по военной коалиции, имела иные намерения. Исходя из стратегии «прежде всего империя», она вернулась к традиционной политике баланса сил в Европе, которая делала неизбежным английское противодействие французскому стремлению к военно-политическому преобладанию на континенте.

К середине 1920-х годов англо-французские отношения переживали трудный противоречивый этап. С одной стороны, англичане соглашались с тем, что защита Франции от германской угрозы отвечает интересам безопасности и самой Великобритании. С другой стороны, в отличие от французов Лондон полагал, что европейская стабильность лишь возрастет, если ограничения, наложенные на Германию в Версале, будут ослаблены.

В 1925 году, с подписанием Локарнских соглашений, проявилось изменение соотношения сил на континенте, а именно ослабление позиций Франции (ее системы союзов с малыми странами), включение в европейскую политику Германии и превращение Великобритании не только в гаранта, но фактически в арбитра в Западной Европе.

Если для Великобритании угроза гитлеровского нападения не стояла на повестке дня, то для Франции она становилась все ощутимее. И в Лондоне, и в Париже понимали суть и характер требований Германии. Вкупе с ее быстрым перевооружением и экономическим подъемом серьезность такой угрозы была как никогда значительной. Однако Англия и Франция по-разному реагировали на развитие событий. Великобритания считала необходимым достичь соглашения с Германией.

Во Франции же реагировали иначе. Наряду с пониманием необходимости усиления военного потенциала страны, Париж стремился к расширению французской системы союзов, в чем, надо заметить, весьма преуспел. Однако политические деятели Франции все же считали, что подобные меры являются недостаточными для обеспечения государственной безопасности, и стремились заручиться британской поддержкой.

После убийства Барту в октябре 1934 года французская внешняя политика претерпела существенные изменения в сторону соглашения с Германией. Сменивший Барту Лаваль всегда считал, что для достижения европейского и всеобщего мира понимание с Германией незаменимо. Еще в сентябре 1935 года он говорил министру иностранных дел Англии С. Хору: «До тех пор, пока не будет достигнуто франко-германское сближение, европейский мир невозможен»<sup>151</sup>. Мнение Лавала разделяли и многие другие французские политики. Германский посол в Париже сообщал, что «большая часть французов» разделяет желание о продолжительном мире с Германией<sup>152</sup>. И если в долгосрочной перспективе цели внешней политики Англии и Франции о взаимопонима-

нии с Германией совпадали, то конкретные действия были почти диаметрально противоположенными. Яркий тому пример — уже упоминавшиеся франко-советский пакт о взаимопомощи и англо-германское морское соглашение, подписанное за спиной у Франции.

Подобные действия не могли не породить чувства недоверия между потенциальными союзниками. Далекое не монолитным был подход британских и французских политических деятелей в отношении Италии. Не стоит забывать, что, несмотря на пресловутый пакт «Хор-Лавалья», позиции Лондона и Парижа в начальной стадии итало-эфиопской войны существенно отличались друг от друга. Когда в сентябре 1935 года армии Муссолини вторглись в Эфиопию, Великобритания, видя угрозу своим колониальным интересам, предложила Франции предпринять жесткие действия в рамках Лиги Наций, направленные на обуздание агрессора. Однако, как известно, руки Лавалья были связаны соглашением с Муссолини, подписанным им в ходе визита в Рим в январе 1935 года. На британские предложения Лаваль отвечал молчанием. Наконец через три дня после начала итало-эфиопской войны, 6 сентября, Лондон официально запросил у Кэ д'Орсэ: «В случае, если английский флот метрополии, вступивший в действие от имени Лиги Наций в Средиземном море, подвергнется нападению, может ли он рассчитывать на помощь французского флота?» Только спустя сорок восемь часов Лаваль дал свой ответ: «Франция не сможет нести ответственность за санкции, предпринятые против Италии, если до их применения они не получат единодушного одобрения Совета Лиги Наций»<sup>153</sup>. Таким образом правительство Лавалья фактически отказалось от солидарных действий с Великобританией\*.

Не вызывает удивления, что Англия предпочла пойти на сближение с Муссолини, нежели оказаться в изоляции, покинутой своим ближайшим союзником. Уже 11 октября глава британского МИД С. Хор заявил послу Италии в Лондоне: «Великобритания не имеет никакого желания нападать на фашизм. Не в большей степени она испытывает желание

---

\* Более того, в парижской прессе неожиданно поднялась вызывающая удивление кампания в пользу Муссолини и против Англии. В газете «Гренуар» Анри Бери помещает свою знаменитую статью, в которой пишет: «Я ненавижу Англию. Я говорю и повторяю еще раз, что коварный Альбион должен быть обращен в рабство». Организуются многочисленные митинги. Еще один журналист, Леон Додэ, раздражается неистовой статьей: «Эта обогретенная кровь, преисполненная ложной суеты и невежества Вавилонская башня, каковой является Лига Наций, должна быть разрушена, подобно тому, как римляне разрушили Карфаген. И, если против Италии начнут войну, я первым подпишу призыв к физическому уничтожению ста сорока левых депутатов». Справедливости ради надо заметить, что во Франции раздавались и голоса противников действий премьера. Так, государственный министр Э. Эррио заявил: «В течение ряда лет мы требовали проведения политики, соответствующей принципам Лиги Наций. Наконец Англия соглашается с французской точкой зрения, и как раз в этот самый момент Франция изменяет свою позицию!»

прибегнуть к блокаде и тем более — к военным санкциям против Италии. В конечном счете Англия весьма охотно пошла бы на заключение соглашения с дуче». Менее чем через две недели, 23 октября, тот же Хор с трибуны Лиги Наций произносит суровую и многозначительную речь: «Англия не забудет того, что если ее флот вынужден был отказаться от всяких действий в Средиземном море, а правительство Болдуина должно было изменить свою позицию в отношении итало-эфиопского конфликта, то это произошло потому, что Франция отказала Великобритании в поддержке, которую она должна была ей предоставить в силу статьи 16 Устава Лига Наций. Если когда-либо придется снова столкнуться с подобным кризисом, то нынешний кризис по крайней мере принесет известную пользу, ибо он позволяет распознать, какие государства искренне преданы идее коллективных действий, а какие только заявляют об этом, а в действительности совершенно с ней не считаются»<sup>154</sup>.

В отношениях Франции и Великобритании был еще один немаловажный аспект — вопрос о демилитаризации Рейнской зоны. Согласно Версальскому договору, германские вооруженные силы не имели права находиться в Рейнской области и в зоне на протяжении 50 км к востоку от нее, чем дополнительно гарантировалась безопасность границ Франции. Германия подтвердила это условие в Локарно; Лига Наций признала Локарно, а Великобритания, Франция, Бельгия и Италия его гарантировали.

Ни одно правительство Франции не могло согласиться на ремилитаризацию Рейнской зоны без эффективных гарантий ее безопасности. Реально же такие гарантии могла дать только Великобритания. Французский посол в Берлине Франсуа-Понсе считал, что германская политика может стать разумной только в случае, если Франция и Англия «будут едины». Однако британские гарантии были строго ограничены Локарнским пактом. А политику Англии в отношении каких-либо новых обязательств в Европе может ярко охарактеризовать формулировка Саймона, который в апреле 1935 года советовал, чтобы Великобритания «избегала любых публичных деклараций или частных заверений, в которых ясно было бы сказано, что мы собираемся делать в той или иной ситуации»<sup>155</sup>.

Несмотря на то, что Гитлер не раз заявлял об отсутствии у него намерений поднимать вопрос о легитимности Локарнского пакта 1925 года, во Франции неоднократно получали из Берлина сообщения официальных лиц и военных специалистов о планах Гитлера в Рейнланде. С начала 1936 года предупреждения об готовящейся акции шли одно за другим<sup>156</sup>. Однако правительство Франции не спешило разрабатывать планы контрудара. Надо заметить, что в Париже скорее предвидели официальное заявление Гитлера о намерении ремилитаризовать Рейнскую зону, нежели военную оккупацию области частями вермахта. В январе 1936 года главы внешнеполитических ведомств Великобритании и Франции были уверены в том, что «вряд ли Гитлер совершит какую-либо вызывающую акцию в ближайшее время»<sup>157</sup>.

В феврале премьер-министр Франции Сарро и министр иностранных дел Фланден\* посетили Лондон, где встретились с английским премьер-министром Болдуином и недавно назначенным главой Форин Оффис Иденом. Возглавив МИД Великобритании, Иден понимал, что амбиции Германии в Европе велики. Однако вместо действий, способных остановить подобное развитие событий, было принято решение продолжить переговоры с Германией для достижения соглашения с Берлином, что подразумевало собой умиротворение Европы. Форин Оффис считал, что наряду с перевооружением Великобритании переговоры с Германией чрезвычайно важны для того, чтобы «модифицировать те части Версальского договора, которые могли бы ликвидировать германские требования, пока Германия не взяла инициативу в свои руки»<sup>158</sup>. Что касается Рейнланда, то демилитаризация Рейнской зоны по условиям Версальского мирного договора и Локарнского пакта никогда не находила полной поддержки в Лондоне. А невозможность эффективно поддерживать существовавший статус Рейнланда лишь усиливал аргументы противников демилитаризации. В Форин Оффис бытовало мнение, что следует «отделиться от зоны... ради "Воздушного пакта"»<sup>159</sup>.

17 января 1936 года Иден представил кабинету министров меморандум под названием «Германская угроза». В нем он призывал одновременно с укреплением вооруженных сил страны найти «какой-нибудь *modus vivendi* с гитлеровской Германией, который был бы и почетным и надежным для этой страны и который снизил бы нарастание противоречий в Европе». Некоторые уступки в доступе к колониальным ресурсам должны были послужить отправной точкой переговоров. В Западной Европе Иден предлагал замену Локарно «Воздушным пактом», ликвидацию демилитаризованной зоны и соглашение по ограничению вооружений. В Центральной и Восточной Европе глава Форин Оффис предлагал Англии и Франции признать особые интересы Германии, не выходящие за рамки Устава Лиги Наций. Великобритании следовало пересмотреть экономические и коммерческие концепции в этом регионе в пользу Германии<sup>160</sup>.

11 февраля «Манчестер Гардиан» писала: «Германия неудовлетворена, и мы не можем считать ее неудовлетворение исключительно следствием агрессивности Гитлера... Также и угроза германского перевооружения и национал-социалистического империализма не должна заслонять собой трезвую оценку роли Германии в свете общей европейской ситуации»<sup>161</sup>.

17 февраля специально созданный британским правительством Комитет по Германии принял решение о необходимости начать широкие переговоры с правительством Третьего рейха<sup>162</sup>.

Наряду с этим в отношении возможной ремилитаризации Рейнской области в Лондоне не было четкой позиции. Иден считал, что «нежела-

---

\* Сформированное в январе правительство Сарро, в котором Фланден занял пост главы МИД, являлось своего рода переходным кабинетом министров перед намеченными на весну 1936 года всеобщими выборами во Франции.

тельно занимать позицию, при которой мы должны будем либо сражаться из-за Зоны, либо оставить ее перед лицом германской оккупации». 14 февраля глава Форин Оффис советовал, чтобы Англия и Франция как можно скорее вступили в переговоры с Германией, пока «сдача наших позиций в Зоне имеет цену для переговоров»<sup>163</sup>.

В Париже также не было определенной стратегии в отношении французских действий на случай германской акции в Рейнланде. Вместо разработки конкретных мер контрудара Париж сконцентрировал усилия на убеждении Германии, что ратифицированный 27 февраля в палате депутатов франко-советский пакт о взаимопомощи не противоречит Локарнскому пакту и не направлен против Германии. Всего за несколько дней до реоккупации Рейнской зоны Фланден заверял Идена, что он «поддержит любой шаг, направленный на дальнейшие переговоры с Германией»<sup>164</sup>. Фланден также намеревался встретиться с Гитлером для выработки «франко-германской Антанты»<sup>165</sup>.

Надо заметить, что во Франции раздавались голоса и в пользу жесткой линии в отношении возможных действий Германии. Так, в конце января Леже говорил бельгийским дипломатам, что следует «любой ценой предотвратить реоккупацию Рейнланда Германией, которая уничтожит и Версаль, и Локарно». Леже видел единственный правильный ход в этом случае, а именно: опираясь на устав Лиги Наций, организовать вторжение французской армии в Германию<sup>166</sup>.

7 февраля 1936 года состоялось совещание французских министров и верхушки Генерального штаба Франции. Гражданские министры заявили, что пришло «время четко определить возможное значение ремилитаризации и какие контрмеры мы можем предпринять»<sup>167</sup>. В ответ министр обороны генерал Марен упомянул лишь возможность частичной мобилизации и «определенные меры предосторожности» для обеспечения безопасности французских границ<sup>168</sup>. В целом в предкризисные мартовские дни во Франции создалась парадоксальная ситуация. Гражданские официальные лица пытались переложить ответственность за развитие событий на военных, те же предлагали взять инициативу в свои руки кабинету министров. Это было вызвано тем, что французские официальные лица как в военном, так и в политическом ведомствах были не уверены в своих действиях и опасались идти на решительные меры. Образовался своеобразный замкнутый круг, причем в отсутствии четкой стратегии на случай ремилитаризации Рейнской области. Поэтому неудивительно, что позиция Великобритании была крайне важна для официального Парижа.

27 февраля Министерство обороны Франции категорически заявило, что какие-либо наступательные меры возможны только при полной поддержке других локарнских держав и только после того, как Франция примет значительные меры предосторожности. Французское правительство тут же обратилось к локарнским державам с заявлением, что в случае германской реоккупации Рейнланда Франция

«не примет каких-либо изолированных акций, а будет действовать совместно с остальными членами Локарно». Париж обещал немедленно начать переговоры с Великобританией, Бельгией и Италией «для выработки общей стратегии» и «поставить вопрос перед Советом Лиги Наций». И хотя Франция оставляла за собой «право предпринять подготовительные меры, включая меры военного характера», упор был сделан на коллективных, нежели самостоятельных, действиях Франции<sup>169</sup>.

Было очевидно, что во Франции наблюдается серьезный дефицит воли в отношении жестких мер по поводу возможной германской акции. Не последнюю роль здесь играла концепция французских вооруженных сил. Французские военные слишком долго разрабатывали сугубо оборонительную стратегию, чтобы в одночасье сменить ее на атакующую. Таким образом, французская политика в этом вопросе зашла в тупик. Военные не желали отдавать ни пяди Рейнской земли, но не предлагали никаких мер для поддержания существовавшего статус-кво в Зоне. На дипломатическом поприще Франция готова была полностью отдать инициативу в другие руки, в первую очередь в Лондон. Иден пишет в своих воспоминаниях, что во время бесед с Фланденом у него сложилось впечатление, что последний пытается «переложить вину за бездействие на кого угодно, кроме себя»<sup>170</sup>.

Отсутствие сильных политических лидеров, экономический кризис, финансовая нестабильность, консерватизм и пацифизм большинства населения — вот факторы, которые обусловили позицию, занятую Францией перед лицом надвигавшегося рейнского кризиса. В этих условиях Париж надеялся найти решение германской проблемы в Лондоне.

По обе стороны Ла-Манша понимали, что «единственный шанс для сохранения мира лежит в единстве британской и французской точек зрения»<sup>171</sup>. Однако на практике в начале 1936 года отношения между двумя западными демократиями были далеки от совершенных. Иден признавался, что в это время отношения между Англией и Францией «были наихудшими со времен образования Антанты 30 лет назад. В Великобритании существовала обида в национальном масштабе на действия Фландена во время абиссинского кризиса»<sup>172</sup>. Действительно, в Англии подвергали суровой критике непоследовательность, с которой во Франции следовали Уставу Лиги Наций. А в Париже обвиняли Лондон в проведении политики двойных стандартов по отношению к Лиге, которая, как многие утверждали, служит лишь прикрытием для обеспечения имперских интересов Великобритании, в то время как Лондон снисходительно относится к нарушениям мирных договоров Германии в Европе.

Тем не менее понимание, что германский реваншизм угрожает интересам обоих государств, неизбежно сближало позиции Англии и Франции по основным вопросам европейской политики. Однако в отношении ремилитаризации Рейнской зоны англо-французского консенсуса достичь никак не удавалось.

Париж пытался заручиться гарантиями Великобритании на случай ответной акции Франции против ремилитаризации Рейнской области. Однако Лондон отвечал отказом. Консервативное правительство С. Болдуина было против каких-либо резких действий в отношении Германии, так как в Лондоне склонны были видеть реокупацию Рейнланда не как агрессивный акт Германии, нарушавший европейское статус-кво, а скорее как восстановление исторической справедливости. При этом британское руководство надеялось интегрировать Германию в существовавшую систему международных отношений.

К тому же в Лондоне считали, что так как рейнский вопрос касается в первую очередь безопасности Франции и Бельгии, то «инициатива должна исходить от французов, а не от нас (Великобритании. — *А.Н.*)»<sup>173</sup>. Надо заметить, что в Париже понимали, что вопрос о статусе Зоны менее актуален для Британии, чем для Франции. Так, Корбен писал в середине февраля 1936 года Лавалю, что «для англичан демилитаризованная зона, так необходимая нам, всегда имела, имеет и будет иметь второстепенное значение»<sup>174</sup>. В самой Великобритании даже не рассматривали возможности военной акции против Германии в случае ремилитаризации Рейнланда. Надо заметить, что в Лондоне очень чутко чувствовали и французское нежелание к проведению ответной силовой акции. Еще в январе 1936 года британские дипломаты предсказывали, что реакция Франции на реокупацию Зоны будет следующей: «Французы будут неистово протестовать против любой попытки Германии оккупировать Рейнланд, затем, вероятно, прекратят борьбу, сохранив лицо, потребуют арбитража по условиям Локарнского договора, прекрасно понимая, что они от этого ничего не получат»<sup>175</sup>.

И Лондон, и Париж не желали столкновения с Германией. Скорее наоборот: их общие интересы лежали в плоскости достижения договоренности с Германией и снижения напряженности в европейских межгосударственных отношениях. Именно поэтому ни во Франции, ни в Англии не было выработано четкой стратегии в отношении контрмер против возможной реокупации и ремилитаризации Рейнланда. Фактически, западные демократии просто оказались не готовы к тому развитию событий, которое им предложил Гитлер.

12 февраля 1936 года палата депутатов Французской республики ратифицировала франко-советский пакт о взаимопомощи. А в самом конце февраля британская «Дэйли Миррор» опубликовала интервью с Гитлером, обращавшимся с миролюбивой риторикой к Франции: «Сегодня Франция, если захочет, положит конец “германской угрозе”, которой ваши дети из поколения в поколение обучались бояться... Решение в ваших руках: если вы не воспользуетесь этим шансом, подумайте об ответственности перед вашими детьми. Перед вами Германия, девять десятых населения которой, так же как и их лидер, говорят вам: “Давайте будем друзьями”»<sup>176</sup>.

1 марта 1936 года британская «Обсервер» предостерегала тех, кто требовал жестких действий в отношении Германии: «Рейнланд — гер-

манская территория. Она (Германия. — *А.Н.*) должна иметь суверенные права делать все, что хочет на своей территории. Отказ Германии в ее законных требованиях может стать фатальной ошибкой для Европы»<sup>177</sup>. Во Франции также определенная часть общества высказывалась за предоставление Германии ее законных прав. При этом правый сектор общественности надеялся, что после реоккупации Рейнланда Германия обратит свое внимание на Восток. Так, «Еко де Пари» писала: «Важнейший момент заключается в том, чтобы предоставить Германии свободу в укреплении рубежей на Рейне, дабы она смогла направить свои основные силы на Восток, где она сможет создать Mittel Europa на свое усмотрение»<sup>178</sup>.

Тем временем еще 2 мая 1935 года, за девятнадцать дней до того, как Гитлер уверял в рейхстаге, что будет соблюдать Локарнский договор и уважать территориальные параграфы Версальского договора, генерал фон Бломберг издал свою первую директиву трем видам вооруженных сил: готовить планы оккупации демилитаризованной Рейнской зоны. Операции было дано кодовое название «Шулунг», и планировалась она как внезапный и молниеносный удар. Об операции знало лишь небольшое число офицеров. В целях соблюдения секретности генерал Бломберг написал приказ от руки.

В конце февраля 1936 года Гитлер проводил в рейхсканцелярии интенсивные совещания с Гессом, Геббельсом, Герингом, Бломбергом и Нейратом по поводу ремилитаризации Рейнской области. Бломберг указывал на рискованность этого предприятия, считая, что Германия пока не готова к войне с западными державами. Нейрат, напротив, подчеркивал благоприятную ситуацию для оккупации Рейнланда и говорил Гитлеру: «Теперь или никогда!»

Гитлер полностью разделял мнение своего министра иностранных дел и возмущался позицией Бломберга и Генерального штаба. По словам личного адъютанта фюрера Отто Гюнше, при решении вопроса о ремилитаризации Рейнской области фюрер исходил из следующих предпосылок: Франция не станет принимать решительные меры, не будучи уверена в поддержке Англии; Англия не вступит в вооруженный конфликт с Германией, тем более что в рейнской проблеме затрагиваются в первую очередь французские интересы; Англия будет даже способствовать мирному разрешению рейнского вопроса, так как конфликт с Германией неизбежно заставит Францию опереться на франко-советский пакт о взаимопомощи, заключенный в 1935 году с французским правительством Народного фронта. А это открыло бы Советской России двери для влияния на политику в Европе, что шло вразрез с политикой английского кабинета. Геббельс также поддерживал Гитлера, патетически восклицая: «Мой фюрер, мы молодой народ, французы отжили свой век, а англичане постарели. Право молодости говорит за нас, это и есть единственно действительное право сильного»<sup>179</sup>.

1 марта 1936 года Гитлер сообщил о своем решении оккупировать Рейнланд группе генералов, многие из которых были уверены, что



Франция и мокрого места не оставит от немногочисленных немецких частей, предназначенных для похода в Рейнскую зону\*. Несмотря на это, на следующий день, 2 марта 1936 года, Бломберг подписал совершенно секретную директиву о введении войск вермахта в Рейнскую демилитаризованную зону. В ней говорилось следующее:

«Фюрер и канцлер империи принял следующее решение:

1) После заключения франко-русского пакта о взаимной помощи обязательства, принятые на себя Германией по Локарнскому договору и касающиеся статей 42 и 43 Версальского договора о демилитаризованной зоне, следует считать утратившими силу.

2) В связи с этим части сухопутных войск и военно-воздушных сил внезапно и одновременно переводятся в предназначенные для них пункты дислокации на территории демилитаризованной зоны.

Приказываю:

3) а. Главнокомандующему сухопутными войсками, сформировав новые дивизионные штабы, перебросить подчиненные ему части — преимущественно из состава 6-го, 9-го и 5-го армейских корпусов — в демилитаризованную зону с таким расчетом, чтобы они заняли постоянные места дислокации на р. Рейн и к востоку от этого рубежа. Аналогичным образом перебросить по одному пехотному батальону в Ахен, Трир и Саарбрюккен. Полиция земель, инспекции “Запад”, “Юго-Запад” и “Юг” переподчиняются главнокомандующему сухопутными войсками в целях органичного включения их в состав этих войск.

б. Имперскому министру авиации и главнокомандующему военно-воздушными силами перебросить по одной истребительной эскадре в районы Кельн и Кобленц, а также силы зенитной артиллерии — в указанные города или в прилегающие к ним районы в нижнем и среднем течении р. Рейн, где находятся важнейшие переправы через этот водный рубеж.

4) Главнокомандующим сухопутными войсками и военно-воздушными силами подготовить переброски и составить их график по времени с таким расчетом, чтобы в 12.00 дня “Цет” первый эшелон, составленный из батальонов, направляющихся в Ахен, Трир и Саарбрюккен, и из зенитно-артиллерийских частей, прибыл в долину р. Рейн, а первые истребительные эскадрильи приземлились к тому же сроку в предназначенных для них районах. Второй эшелон, включающий все прочие предусмотренные для переброски в демилитаризованную зону

---

\* На возражения генералов в отношении возможных контрдействий Франции Гитлер категорически отвечал: «Я сожалею, что мне приходится говорить вам это, но ваши сведения получены из недостоверного источника. Если вам сказали, что французская армия начнет боевые действия, то вас ввели в заблуждение. Я-то знаю, что Франция абсолютно ничего не предпримет и что мы сможем действовать в совершенно спокойной обстановке. Нет даже необходимости выдавать вашим солдатам боеприпасы, так как им не придется сделать ни одного выстрела... Если Франция предпримет ответные действия в тот вечер, когда мы войдем в Рейнскую область, я покончу с собой, и вы сможете отдать приказ об отступлении».

части сухопутных войск, передислоцировать в течение последующих 24 часов. День «Цет» будет объявлен дополнительно.

5) Приказ на приведение перебрасываемых войск в походную готовность отдать возможно позже. Принять все меры к тому, чтобы до предела сократить промежуток времени между началом практической подготовки к эвакуации прежних мест дислокации и моментом прибытия частей в демилитаризованную зону. Главнокомандующему сухопутными войсками принять меры к тому, чтобы сведения о передислокации определенных частей наземных войск и авиации в те или иные районы демилитаризованной зоны были сообщены соответствующим органам общей и местной администрации, полиции земель, управлениям общин и органам партии не ранее 8 часов дня «Цет».

6) В целях сохранения мирного характера всей акции не принимать никаких военных мер (подготовка к обороне, предварительное развертывание сил) без моего категорического приказа. Однако с 8.00 дня «Цет» вплоть до дальнейших указаний командным инстанциям всех трех видов вооруженных сил находиться в состоянии готовности как в дневное, так и в ночное время, с тем чтобы они могли приступить к выполнению своих обязанностей через короткий срок после соответствующего сигнала. Отпускников к местам службы не отзывать.

7) Если прочие страны, подписавшие Локарнское соглашение, начнут в ответ на передислокацию немецких войск в демилитаризованную зону те или иные военные приготовления, то право принятия каких-либо военных контрмер я оставляю за собой. В случае нарушения противником границ и попыток наступления на нашу территорию действовать согласно указаниям о развертывании сил и вступлении в бой».

Ранним утром 7 марта 1936 года три немецких батальона перешли Рейн и вступили в демилитаризованную зону. Наступил день «Цет». За несколько дней до этого, по приказу Гитлера, в Рейнскую область были посланы в отпуск переодетые в штатское солдаты — уроженцы Рейнской области. В их чемоданах находилось военное обмундирование и личное оружие. Эти солдаты имели задание 7 марта продефилировать походным маршем по городам и селам, чтобы таким образом поставить французов перед фактом вторжения немецких войск.

После получения новостей о вторжении частей вермахта в Рейнланд Сарро собрал кабинет министров на совещание. Ключевой вопрос прозвучал из уст министра почт, телеграфа и телефона Ж. Мандела: «Речь идет о том, чтобы установить: будем ли мы рассматривать нарушение границ Рейнской области как акт войны, ответим ли мы ударом на удар или выдвинем только возражения юридического порядка? Кто может ответить на этот вопрос?»<sup>180</sup>.

Французы легко могли бы поставить нарушителей Версаля на место, так как их армия значительно превосходила немецкую. Однако Франция, обладавшая 13 дивизиями на границе и десятками дивизий в тылу, не решилась вступить в бой. Министр обороны Марен выступил против данного шага. Начальник Генштаба генерал Гамелен, в свою оче-

редь, высказал опасения, что в подобном случае ситуация может выйти из-под контроля и правительство должно быть готово к возникновению открытого конфликта. Генерал заявил, что такой конфликт достаточно быстро пойдет в тупик и превратится в позиционную войну по франко-германской границе. Для вторжения в Рейнскую зону Франции необходимо объявить всеобщую мобилизацию. Кроме того, для успешного исхода операции французской армии необходима поддержка британских и итальянских войск, что в данном случае маловероятно. Таким образом, подытожил Гамелен, Франция должна действовать только при поддержке Лиги Наций или остальных членов Локарнского пакта<sup>181</sup>. Точно так же, как это случилось во время итало-абиссинской войны и происходило на протяжении последующих кризисов, демократические страны, чтобы оправдать собственное нежелание прибегнуть к силе, значительно переоценивали военные возможности противника.

Надо заметить, что если бы Франция ввела войска в Рейнскую зону, только что созданному германскому вермахту пришлось бы спешно отступить. Это бегство, позорный провал первой внешнеполитической авантюры, могло привести к внутриполитическому кризису в Германии и даже падению Гитлера. При желании французы могли не останавливаться и на Рейне. Но для оккупации строптивой Германии нужно было бы провести мобилизацию во Франции. Этого пацифистски настроенное французское общество не могло позволить. Более того, в пользу мирного разрешения конфликта говорил и финансовый фактор. «Как говорили, в данном случае решающую роль сыграли финансовые соображения», — вспоминает об оккупации Рейнской зоны исследователь М. Джордан<sup>182</sup>. «Любой исход лучше, чем война, ибо любая война в Европе в настоящее время будет означать конец нашей капиталистической системы. А что же мы тогда будем делать?» — таков был лейтмотив представителя деловых кругов<sup>183</sup>. Не переоценивая значения данного аспекта, следует сказать, что весной 1936 года из-за финансового кризиса Франция действительно уже была на грани банкротства. Дополнительные военные расходы были для нее крайне нежелательными.

В то время как совет министров Франции решал, какие меры следует предпринять, Фланден связался со своим британским коллегой по телефону, срочно требуя английской поддержки для проведения контрудара. Фланден напомнил Идену, что и Франция, и Великобритания имеют полное юридическое право на применение силы как по условиям Версальского договора, так и на основании Локарнского соглашения. Однако Болдуин, Саймон и Н. Чемберлен не согласились с мнением Фландена, а Иден посоветовал французскому министру, как сообщил последний американским дипломатам, оставаться благоразумным и уравновешенным. «Вы совершили бы серьезную ошибку, — заявил Болдуин Фландену, — если бы начали действовать прежде, чем посоветуетесь с нами и с участниками Локарнских соглашений. Английский кабинет настоятельно просит Францию не принимать никаких решений, которые могли бы поставить под угрозу будущее, до того, как участники Локарнских соглашений соберутся в Париже во вторник 10 марта»<sup>184</sup>.

Тем временем Гитлер не переставал делать миролюбивые заявления и напоминать о неравноправном положении Германии среди других европейских народов. Уже в полдень 7 марта, когда три немецких батальона только занимали позиции в Рейнланде, Гитлер стоял на трибуне рейхстага и распространялся перед многочисленной аудиторией о своем желании сохранить мир и о том, как это сделать.

«Картина эта была захватывающая и ужасающая, — пишет очевидец. — После разглагольствований о зле Версаля и угрозе большевизма Гитлер спокойно заявил, что советско-французский пакт ослабил Локарнский договор, который в отличие от Версальского Германия подписала без принуждения. “Германия более не связана Локарнским договором, — говорил Гитлер. — В интересах права своего народа на безопасность границ и для охраны границ правительство Германии восстановило с сегодняшнего дня абсолютный контроль в районе демилитаризованной зоны!”

И тут же шестьсот депутатов, каждого из которых назначил сам Гитлер, — маленькие люди с грузными телами и бычьими шеями, коротко стриженные, с большими животами, одетые в коричневую форму и тяжелые сапоги, вскочили и, словно автоматы, выбросили правую руку в нацистском приветствии и стали орать: “Хайль!” Гитлер поднимает руку, просит тишины. Он говорит негромко: “Члены германского рейхстага!” Абсолютная тишина. “В этот исторический час, когда в западных областях рейха германские войска идут навстречу своему мирному будущему, нас всех должны соединить две священные клятвы”.

Больше он говорить не может. Для парламентской толпы сообщение о том, что немецкие войска вступили в Рейнскую зону, является новостью. Милитаризм, бродивший в их крови, теперь ударяет им в голову. Они с воплями вскакивают, по инерции вскидывая в приветствии руки. Их лица искажены, рты широко открыты. И они истерически кричат, кричат... Их горящие фанатизмом глаза прикованы к новому богу, к мессии. Сам мессия играет свою роль великолепно. Опустив, будто в смиренности, голову, он терпеливо ждет тишины. Потом голосом все еще тихим, но переполненным эмоциями, выкрикивает две клятвы: “Во-первых, мы клянемся не прибегать к силе для восстановления чести нашего народа... Во-вторых, мы клянемся, что теперь как никогда ранее будем стремиться к взаимопониманию с европейскими народами, особенно с западными соседями... У нас нет территориальных притязаний в Европе! Германия никогда не нарушит мира!”»<sup>185</sup>.

Эта антиимпериалистическая риторика вызывала сочувствие. Технически Гитлер просто вновь вводил войска на германскую территорию. И одновременно предлагал всевозможные гарантии, включая пакт о ненападении с Францией. И вновь звучало утверждение, будто бы Германия будет полностью удовлетворена, как только получит право защищать собственные национальные границы, считающиеся для любого европейского государства само собой разумеющимся.

Ответ на речь Гитлера не заставил себя ждать. Заголовки первой страницы французской газеты «Матэн», вышедшей большим тиражом

на следующий день, звучали так: «Денонсирование рейхом Локарнского договора. В своей яркой и страстной речи Адольф Гитлер раскрыл коммунистическую опасность. “Я предупредил Францию, — сказал он, — я дрожу за Европу”. Франко-германские переговоры еще возможны. Коммунистическая угроза». В Лондоне вся пресса вплоть до таких крайне антинацистски настроенных газет, как «Ньюс кроникл» и «Дейли геральд», буквально изошрялась в стремлении оправдать действия фюрера. Крупными буквами на первом плане газеты помещают фразу, в которой некий банкир из Сити выразил свое беспокойство одному из французских дипломатов: «Лишь бы какой-нибудь французский лейтенант не наделал глупостей на границе!»<sup>186</sup>.

В этой связи вполне уместно задать риторический вопрос: «Неужели британские и французские лидеры обладали моральным правом рисковать жизнью своих народов ради поддержания столь откровенно дискриминационных установлений? А с другой стороны, разве не было их моральным долгом выступить против Гитлера, пока Германия еще полностью не вооружилась, и тем самым, возможно, спасти несказанное количество жизней?»<sup>187</sup>. История уже дала свой ответ; но современники испытывали болезненные сомнения.

Нельзя не согласиться с мнением известного историка У. Ширера, что «в марте 1936 г. две западные державы имели последний шанс, не развязывая большой войны, остановить милитаризацию и агрессивность тоталитарной Германии и привести к полному краху, как отмечал сам Гитлер, нацистский режим. Они этот шанс упустили»<sup>188</sup>.

В отсутствие поддержки из Лондона Франция отреагировала именно так, как и ожидал Гитлер. Вместо того, чтобы ответить силой на силу, правительство Сарро решило передать вопрос об одностороннем расторжении Германией Рейнского гарантийного пакта на рассмотрение Лиги Наций<sup>189</sup>. 10 марта Фланден и Сарро официально заявили, что французское правительство предоставляет все ресурсы «материальные и моральные в распоряжение Лиги Наций», тем самым окончательно исключив возможность самостоятельной и односторонней акции Франции.

Французская «Фигаро» заявляла, что ремилитаризация Рейнской области не является предметом отношений между Францией и Германией, это вопрос, который должна обсуждать Лига Наций<sup>190</sup>. В своем дневнике Й. Геббельс по этому поводу сделал следующую запись: «Международная реакция замечательна. Франция вовлечет Лигу. Прекрасно! Она тем более не будет действовать. Вот что самое главное»<sup>191</sup>.

Обладая невероятной способностью эксплуатировать слабости противников, Гитлер совершенно точно выбрал момент для введения германских войск в Рейнскую область. Лига Наций, потерпевшая провал в деле наложения санкций на Италию, не испытывала особого желания пойти на конфронтацию с еще одной могучей державой. Война в Абиссинии провела черту между западными державами и Италией, одним из гарантов Локарно. Великобритания, еще один гарант, только что воз-

державшийся от введения санкций на морские перевозки нефти в Италию, обладая господством на море, еще в меньшей степени захотела бы рисковать, вступив в войну на суше за дело, не связанное с нарушением ее национальных границ.

И хотя ни одна из стран не делала столь высоких ставок на демилитаризацию Рейнской области, как Франция, ее поведение в отношении сопротивления нарушению со стороны Германии было наиболее дву-мысленным. Наличие «линии Мажино» выдавало приверженность Франции идее стратегической обороны, а военное оснащение и методика подготовки французской армии не оставляли сомнений в том, что Первая мировая война погасила ее традиционный наступательный дух. Франция, казалось, смирилась с мыслью ожидать решения собственной судьбы, сидя за «линией Мажино», и не идти на риск за пределами собственных границ — ни в Восточной Европе, ни, как в данном случае, в Рейнской области.

Тем не менее введение войск в Рейнскую область было со стороны Гитлера азартной игрой. Всеобщая воинская повинность действовала еще меньше года. Германская армия была далека от готовности к войне. И небольшой авангард, вступавший в демилитаризованную зону, имел приказ отступать с боями при первых признаках французского вторжения.

Гитлер, однако, компенсировал военную слабость гигантской психологической решимостью. Он завалил демократические страны предложениями, намекавшими на его готовность обсудить вопросы ограничения численности войск в Рейнской области и возвращения Германии в Лигу Наций. Гитлер играл на широко распространенном недоверии к Советскому Союзу и заявлял, как уже говорилось, что его шаг обусловлен подписанием франко-советского пакта в 1935 году.

Для Франции, похоже, основной целью стала отсрочка войны в надежде, что какие-либо непредвиденные перемены изменят ситуацию в ее пользу, хотя она сама уже не была способна обеспечить подобные перемены собственными действиями\*. Символом подобного состояния умов была сама «линия Мажино», в которую Франция вложила огромные средства, сооружая ее в течение десяти лет. Тем самым Франция обрекла себя на стратегическую оборону в тот самый год, когда она гарантировала независимость Польши и Чехословакии. Еще более противоречивым и нелепым выглядело решение оборвать строительство «линии Мажино» у бельгийской границы, что полностью противоречи-

---

\* Как отмечает непосредственный свидетель тех событий Ж. Табуи, главной темой в светских салонах Парижа в марте 1936 года было утверждение о том, что унижение Франции перед Германией предпочтительнее, чем военная акция, которая была бы чревата рискованными последствиями. Более того, впервые в послевоенной Франции стали возникать споры внутри семей, члены которых начинали вдруг замечать, что у них уже нет больше обоюдного согласия в отношении смысла, придаваемого ими словам «родина», «честь», «мораль» и даже «свобода».

ло опыту Первой мировой войны. Если франко-германская война считалась возможной, то зачем было отвергать возможность германского наступления через Бельгию? А если Франция боялась того, что Бельгия падет духом, когда узнает, что главная линия французской обороны обходит эту страну, то Бельгии мог быть предоставлен выбор: либо согласиться с тем, что «линия Мажино» будет продолжена вдоль бельгийско-германской границы; либо, если в этом будет отказано, «линия Мажино» могла быть продлена до моря по линии франко-бельгийской границы. Франция не сделала ни того, ни другого.

В момент введения германских войск в Рейнскую область начальник французского Генштаба генерал Гамелен заявил гражданским руководителям, что обученные резервы Германии уже равняются французским и что Германия обладает большим количеством боевой техники, чем Франция, — оценка, абсурдная для второго года перевооружения Германии. Разнообразные политические рекомендации исходили как раз из этого ошибочного предположения относительно германской военной мощи. Гамелен сделал вывод, что Франция не должна предпринимать никаких военных контрмер, не проведя всеобщей мобилизации, а пойти на такой шаг политические лидеры не рискнули бы, не заручившись поддержкой Великобритании. И это тогда, когда общая численность вошедших в Рейнскую демилитаризованную зону германских войск не превышала двадцати тысяч, а постоянная французская армия насчитывала без всякой мобилизации пятьсот тысяч<sup>192</sup>.

«Они (немцы. — *А.Н.*) входили в зону, как во вражескую страну, оглядываясь и пугаясь каждой тени, — рассказывал один из французских министров советскому полпреду. — Везде они высылали вперед разведку, которая освещала местность и сигнализировала подходящим войскам, что можно пока двигаться беспрепятственно». Генерал Йодль позднее заявлял: «Учитывая положение, в котором мы оказались, французская армия могла разорвать нас на куски». И действительно, французская армия была в состоянии разорвать молодой вермахт, что, скорее всего, явилось бы концом Гитлера и история могла бы пойти совсем по другому пути.

Это понимал и сам фюрер\*: «Наше отступление кончилось бы полным крахом». Только железные нервы Гитлера спасли положение, как и во многих последующих кризисах, ставя в тупик оппозиционно настроенных генералов. Но это был тяжелый для Гитлера момент. «Не раз, даже во время войны, — вспоминал личный переводчик Гитлера П. Шмидт, — я слышал от Гитлера: “Сорок восемь часов после ввода

---

\* «Напряженно всматривался Гитлер в тот день в сторону запада... — пишет в своих воспоминаниях бывший руководитель нацистского ведомства печати О. Дитрих. — Он ждал в течение 24, 48 часов. Когда никакого противодействия не последовало, то вздохнул свободно. Он играл на высшую ставку и выиграл!» Слушая 7 марта бравурное выступление Геббельса по радио, Гитлер, по словам Гюнше, хлопал Геринга по плечу и говорил: «Геринг, ведь мы, собственно, настоящие авантюристы».

войск в Рейнскую область были самыми тревожными в моей жизни”. Он всегда добавлял: “Если бы французы вошли тогда в Рейнскую область, нам пришлось бы убраться оттуда с поджатыми хвостами, потому что военные ресурсы, находившиеся в нашем распоряжении, были недостаточными даже для слабого сопротивления”<sup>193</sup>.

«Что случилось бы, — говорил Гитлер в кругу приближенных вечером 27 марта 1942 года в своей штаб-квартире, вспоминая дни переворота в Рейнской зоне, — если бы не я, а кто-то другой стоял во главе рейха? У всех, кого бы вы ни назвали, сдали бы нервы. Я был вынужден лгать, а спасло нас мое непоколебимое упрямство и моя удивительная самоуверенность»<sup>194</sup>.

«Нет сомнения, — пророчески писал посол США в Вене Мессерсмит в Вашингтон 9 марта 1936 года, — что в результате акта, предпринятого Германией 7 марта, обстановка в Европе достигла в своем развитии очень важного пункта...

Имеется лишь один способ обращения с нынешним режимом в Германии — на его грубые жестокие действия отвечать столь же решительной позицией. Это единственный язык, который этот режим понимает и на котором он говорит. Германское правительство далеко не уверено в прочности своих позиций, и положение партии в стране с точки зрения поддержки народа слабее, чем когда-либо с момента ее прихода к власти. Хотя реокупация Рейнской зоны встретит поддержку в народе, большинство немцев будет сомневаться в разумности этого шага в настоящее время и будет опасаться его последствий. Если, однако, *fait accompli* (свершившийся факт. — *A.H.*) сойдет с рук правительству и на этот раз, как это имело место в прошлом, кто сможет предьявить упрек в том, что растущее большинство германского народа проникнется верой, что Германия в конце концов непобедима и что на нее возложена миссия, которую она должна осуществить, установив господство над Европой?.. Германия еще не готова к войне, даже если бы она имела на своей стороне Италию, и этот факт не должен быть упущен из поля зрения державами при принятии решения об их позиции в связи с германским актом от 7 марта. Ряд факторов, действующих внутри Германии, ослабляют ее, но эти следующие друг за другом успехи дают новые силы национал-социалистской партии, которая, испытывая лихорадочное волнение, надеется, что благодаря успешным шагам она сможет продлить свое существование до того момента, когда будет в состоянии сама нанести решающий удар. Можно считать почти безусловным, что решительная позиция, занятая сейчас державами, не привела бы к войне и является единственным, что положило бы конец этой цепи *fait accompli*, предусмотренных германской программой.

Теперь дело Европы решить, готова ли она встретить факты лицом к лицу. Для этого есть пока время. Пожалуй, было бы преувеличением сказать, что это последний шанс, который имеет Европа для собственного спасения в конечном счете от катастрофы большой войны, но многое свидетельствует о том, что это является поворотным пунктом, определяющим будущий курс к войне или миру»<sup>195</sup>.



Ремилитаризация Рейнской области явилась важнейшей вехой в истории Версальской системы. Фактически это событие можно считать точкой отсчета кризиса межвоенной системы международных отношений. Германия впервые после окончания Первой мировой войны открыто нарушила условия Версальского договора, связанные с территориальным переустройством, которое было закреплено на мирной конференции. Это явилось сильнейшим ударом по существовавшему статус-кво на континенте. Соотношение сил изменилось в пользу Германии. События марта 1936 года показали, что Берлин встал на путь насильственного изменения европейского порядка. Обозначившийся курс Германии на слом Версальской системы и отсутствие адекватной реакции со стороны великих держав явились началом конца существования Версальской Европы. При этом Гитлер чрезвычайно укрепил свое влияние в германской армии, приучил генералов к мысли, что в иностранных и военных делах его мнение неоспоримо. Популярность же фюрера резко возросла, поставив Гитлера на высоту, которой не достигал в прошлом ни один правитель Германии\*.

В результате успешного завершения «Рейнской операции» германское руководство пришло к твердому убеждению в реальности и достижимости поставленных целей как дипломатическими, так и военными средствами. Введение войск в Рейнскую область открывало Третьему рейху дорогу в Центральную Европу как в военном, так и в психологическом отношении. Стоило демократическим странам смириться с этим как со свершившимся фактом, исчезала стратегическая основа сопротивления Гитлеру в Восточной Европе. «Если 7 марта вы не смогли защитить самих себя, — заявил своему французскому коллеге румынский министр иностранных дел Николае Титулеску, — как же вы защитите нас против агрессора?»<sup>196</sup>.

Теперь на западных границах Германии возводился Западный вал («линия Зигфрида»), который теоретически не позволял французам оказать помощь восточным соседям Германии в случае нападения на них. Это не могло не делать восточноевропейских соседей Германии сговорчивее. Вскоре союзники на Востоке начали понимать, что даже если Франция не останется столь бездеятельной, она не сможет быстро оказать им помощь из-за того, что Германия в спешном порядке возво-

---

\* 7 марта Гитлер распустил рейхстаг и объявил о новых выборах и референдуме по поводу занятия Рейнской зоны. По официальным данным за 29 марта, 99% избирателей из 45 453 691 пришли на избирательные участки и 98,8% из них одобрили деятельность Гитлера. Иностранные корреспонденты, посетившие участки, отметили некоторые нарушения — в частности, открытое голосование вместо тайного. И это естественно, так как некоторые немцы боялись, и не без основания, что гестапо возьмет их на заметку, если они проголосуют «против». На новом дирижабле, который по приказу Геббельса курсировал в целях пропаганды между городами Германии, было написано огромное слово «да». А почему бы и нет? Разрыв Версальского договора, немецкие войска, марширующие фактически по немецкой территории, — это одобрил бы каждый немец. «Против» проголосовало 540 211 человек.

дит на франко-германской границе Западный вал. Сооружение этого укрепления, как понимали восточные союзники, очень быстро изменит стратегическую карту Европы, причем не в их пользу. Вряд ли они могли надеяться, что Франция, которая, имея сто дивизий, не выступила против трех батальонов, бросит своих солдат — «цвет нации» — проливать кровь на неприступные немецкие укрепления, в то время как вермахт начнет наступление на Восток.

Психологически воздействие пассивности демократических стран оказалось еще более глубоким. Умиротворение практически стало официальной политикой, а исправление несправедливостей Версаля — расхожей истиной. На Западе исправлять больше было нечего. Но здравый смысл подсказывал, что если Франция и Великобритания не стали защищать гарантированного ими Локарно, то вряд ли стоит надеяться на поддержку западными демократиями версальского урегулирования в Восточной Европе, которое Великобритания ставила под сомнение с самого начала и недвусмысленно отказалась гарантировать не один раз.

Гитлер же продолжал свою внешнеполитическую игру. Одновременно с вручением меморандума о вводе войск в демилитаризованную зону и об отказе от Локарнских соглашений Германия предложила Франции и Бельгии заключить пакты о ненападении под гарантии Великобритании и Италии сроком на 25 лет взамен прежнего Локарнского соглашения — «успокоительные пилюли»<sup>197</sup> для Англии и Франции, как выразился фюрер. Гитлер заявил также о готовности Германии при определенных условиях вернуться в Лигу Наций. Советский нарком иностранных дел Литвинов в этой связи заметил: «...Такой же пакт о ненападении с такими же гарантиями, причем не на 25 лет, а без ограничения срока, представлял собой только что разорванный Германией Локарнский договор, с той лишь разницей, что последний включил в себя дополнительные гарантии для Франции и Бельгии в виде демилитаризованной Рейнской зоны... Таким образом, предложение г. Гитлера имеет тот смысл, что он, лишив Францию и Бельгию некоторых гарантий, которые им давал Локарнский договор, хочет сохранить за Германией всю полноту выгоды от этого договора»<sup>198</sup>.

На Западе же реакция была другой. Французская «Тан» отмечала, что «создание между Парижем и Берлином равновесия неотделимо от равновесия и гармонии в Европе»<sup>199</sup>. А британский «Обсервер» утверждал, что Британия должна рассмотреть предложения Гитлера «в духе симпатии и доброй воли»<sup>200</sup>. Надо заметить, что сразу же после опубликования гитлеровского «плана мира» англичане предложили Франции вступить в переговоры с Германией<sup>201</sup>.\*

---

\* «План мира» Гитлера вызвал замешательство среди французской политической элиты. Во Францию был вызван посол в Германии А. Франсуа-Понсе, французские министры хотели узнать «из первых рук», каковы истинные намерения германского фюрера. Альбер Сарро и Пьер-Этьен Фланден буквально затерроризировали Франсуа-Понсе вопросами: «Но в конце концов что за человек этот Гитлер? Искренне ли он верит в то, что этот “план мира” явится

9 марта передовица «Таймс» заканчивалась словами: «Старая структура европейского мира, одностороннего и несбалансированного, практически в руинах. Отчаиваться не стоит, стоит перестраивать»<sup>202</sup>. В этот же день Иден заявил в палате общин, что осуждает германскую акцию, но не расценивает ее как враждебный акт. Хотя он и подтвердил обязательства британского правительства в отношении Франции и Бельгии, основное внимание Иден сконцентрировал на германских предложениях. Несмотря на нарушение Версальского и Локарнского договоров, глава Форин Оффис заключил, что настоящая международная ситуация такова, что «не стоит упускать ни одной возможности, которая дает надежду на улучшение»<sup>203</sup>.

Рассматривая 11 марта создавшееся положение, британское правительство по предложению Э. Идена высказалось против каких-либо санкций по отношению к Германии и за возобновление переговоров с ней в целях достижения взаимопонимания<sup>204</sup>. «Британское общество, — писал «Нью Стэйтсмен» 14 марта, — сожалеет о грубости методов Гитлера, но признает его моральное право оккупировать Рейнланд»<sup>205</sup>. Как заметил лорд Лотинан, «Германия в конце концов просто вышла в свой собственный палисадник».

Надо заметить, что стремление заключить соглашение с Гитлером автоматически исключало введение каких-либо санкций в отношении Германии. В итоге западные демократии ограничились официальными протестами Берлину и выразили надежду, что Германия внесет весомый вклад в снижение международной напряженности путем вывода символического количества своих частей из Рейнской зоны. В ответ Берлин пообещал не увеличивать свой воинский контингент в Рейнской области.

Непосредственным итогом мартовских событий стало совещание участников уже бывшего Локарнского пакта. Для Франции обращение к своим союзникам, в первую очередь к Великобритании, было наиболее простым, но в то же время неизбежным шагом. Париж вступил в переговоры, преследуя две основные цели. Во-первых, в коллективных действиях французские руководители видели возможность переложить ответственность за характер реакции Франции, а точнее, за отсутствие таковой, за нарушение договоров на плечи своих союзников, что было крайне важно в свете предвыборной борьбы во Франции. Во-вторых, Париж надеялся добиться каких-либо гарантий со стороны Великобри-

---

основой для серьезных переговоров, которые могли бы привести ко всеобщему соглашению? Что таит в душе этот странный человек?». Ответ посла был категоричен: «Гитлера не следует рассматривать как главу государства или главу правительства обычного типа. Это пират. Ему чужды общепринятые нормы поведения и морали. У него есть своя программа действий: он хочет установить свое господство в Центральной Европе и расширить территорию рейха за счет России. Эту программу он попытается осуществить без войны. Но если Франция и Англия намерены дать отпор его притязаниям, он начнет войну. И когда Гитлер говорит о мире, то речь идет о рах germanica — германском мире». Как известно, никаких выводов из этой беседы французские государственные деятели так и не сделали.

тании для безопасности Франции. Речь могла идти о британских военных обязательствах, об открытии переговоров генеральных штабов или о заключении договора о взаимной поддержке.

10 марта 1936 года министр иностранных дел Франции Фланден на встрече представителей локарнских держав говорил, что потеря Рейнланда снижает уровень безопасности Франции и ее восточноевропейских союзников, вся система послевоенного миропорядка поставлена под вопрос, «на кону стоит судьба Лиги Наций»<sup>206</sup>.

На следующий день Фланден был уже в Лондоне, где в течение двух дней пытался убедить членов британского правительства в необходимости адекватного ответа на германский вызов. Он говорил поистине пророческие слова: «В данный момент весь мир и особенно малые страны следят за реакцией Великобритании. Если Англия будет действовать, она станет лидером Европы. За вашей политической линией последует вся Европа, и, таким образом, вы предотвратите войну. Если вы не остановите Германию сейчас, все будет кончено. Франция не сможет гарантировать Чехословакии поддержку, так как это будет географически невозможно. Если вы не сохраните Локарнское соглашение, останется лишь ждать перевооружения Германии, против которого Франция ничего не может сделать. Если не остановить Германию силой сейчас, война неизбежна, даже если вы добьетесь временной дружбы с ней»<sup>207</sup>.

Однако Н. Чемберлен, наиболее влиятельный член кабинета Болдуина, лишь заметил, что «общественное мнение Великобритании не поддержит силовые действия британского правительства»<sup>208</sup>. Справедливости ради надо заметить, что Фланден скорее выдавал желаемое французской общественности за реальные настроения своего кабинета министров. У его английских коллег было немало поводов усомниться в том, что сам Фланден и другие министры стремятся к силовой акции в отношении Германии. По мнению Ж. Боннэ, «Фланден отправился в Лондон не просить у нашего союзника (Великобритании. — А.Н.) военной поддержки, в которой мы не нуждались, а проинформировать Болдуина ... о принятых решениях и согласиться с необходимостью дипломатических действий»<sup>209</sup>. В Лондоне так и не поняли, в чем заключался истинный смысл визита Фландена: искал ли он британской поддержки французским военным действиям или оправданий для Франции на случай бездействия. Черчилль явно думал последнее, отметив: «...то были смелые слова. Но действия прозвучали бы громче»<sup>210</sup>.

В отличие от будущего премьер-министра\* большинство британских лидеров все еще верило в то, что мир зависит от разоружения и что

---

\* Будущий британский премьер начал бить тревогу уже в 1924 году, предупреждая, что «германская молодежь, увеличиваясь в числе подобно наводнению, никогда не примет условий и требований Версальского договора». В дальнейшем Черчилль оказался главным противником умиротворения Германии на Британских островах, призывая остановить нацизм. Естественно, Гитлер платил той же монетой. Уже после захвата Гитлером власти пресс-атташе германского посольства в Лондоне Фриц Гессе сообщил своему руководству о том, как

новый международный порядок будет основываться на примирении с Германией. Англичане полагали, что важнее исправить ошибки Версаля, чем следовать на практике обязательствам, принятым в Локарно.

Причем то, что британский кабинет министров вынужден был говорить «сотто воч», оппозиция могла произносить свободно и без оговорок. В ходе дебатов по вопросам обороны в палате общин депутатом от лейбористской партии Артуром Гринвудом было заявлено: «Герр Гитлер сделал заявление, замахнувшись одной рукой, но протягивая оливковую ветвь другой, что и следует принять так, как оно есть. Возможно, это окажется самым важным из всех сделанных жестов... Пустословием было бы оценивать эти заявления как неискренние... Речь идет о мире, а не об обороне». А лорд Лотиан подвел черту под высказываниями британской политической элиты: «В конце концов они просто вступают в свои собственные владения». По мнению Черчилля, именно такая точка зрения была характерна для англичан<sup>211</sup>.

И все же визит Фландена в Лондон следует рассматривать как очень важный момент в послевоенных англо-французских отношениях. Пожалуй, это была последняя возможность возродить англо-французскую Антанту на условиях сохранения существовавшего статус-кво, которое

---

Черчилль предлагал решить возникшую проблему: «Если собака попытается схватить меня за штаны, я застрелю ее прежде, чем она сумеет меня укусить». Прочитав это, Гитлер пробормотал, что Черчилль — «ненавистник немцев». В 1935 году Черчилль писал, что немцы представляют собой «наиболее умелую, гибкую, жесткую и воинственную расу в мире», Гитлером владеет «страсть насилия, и он окружен такими же, как и он, безжалостными людьми».

Два политика находились в острейшей конфронтации. Интересно, что заочное знакомство Черчилля с Гитлером едва не превратилось в очное. Собирая материалы по истории своего великого предка герцога Мальборо, Черчилль летом 1932 года в окружении небольшой группы друзей и родственников отправился по местам битв Мальборо на континент. Осмотрев поле битвы при Бленхейме, он остановился в мюнхенском отеле «Регина». Нацисты наблюдали за перемещениями своего лондонского недруга и в конце концов постарались начать процесс выяснения отношений. Для этого из их среды был избран Эрнест Ханфштенгль, сын миллионера и друг сына Черчилля Рэндольфа. Именно у него прятался Гитлер после неудачного путча 1923 года. Ханфштенгль присоединился к группе Черчилля. Во время коктейлей и обедов он исполнял на роляе его любимые мелодии. На одном из таких собраний Ханфштенгль предложил британскому политику встретиться с Гитлером. Тот приходит в отель каждый день в пять часов вечера и готов обсудить некоторые международные проблемы. Черчилль поставил встречу под вопрос в самый последний момент: «Почему ваш шеф так непримирим в отношении евреев? Я могу понять враждебность в отношении евреев, которые причинили зло стране или выступают против нее, я могу понять выступления против них, если они пытаются монополизировать власть в любой сфере жизни; но каков смысл выступать против человека только из-за обстоятельств его рождения?» На следующий день Ханфштенгль сообщил Черчиллю, что встреча не состоится. Как бы ища дополнительные аргументы для своего отказа, Гитлер говорил Ханфштенглю: «В любом случае, какую роль играет Черчилль? Он занимает место в оппозиции, и никто не обращает на него никакого внимания». Ханфштенгль парировал: «О вас говорили то же самое».

подразумевало равноправие союзников. Теперь же Франция оказывалась в более уязвимом положении, нежели Британия. Соответственно, Лондон получал большую свободу рук, а Париж вынужден был ориентироваться на Великобританию.

Ремилиитаризация Рейнской области явилась сильнейшим ударом по существовавшему европейскому порядку. Как уже говорилось, стратегические и политико-дипломатические последствия рейнского кризиса для самой Франции были очень серьезные. С одной стороны, размещение германской армии на французской границе создало непосредственную и реальную угрозу безопасности Франции, с другой — строительство немецких укреплений на левом берегу Рейна затрудняло Франции выполнение ее союзнического долга в Европе. Франция оказалась изолированной от своих восточноевропейских союзников. Более того, теперь Париж становился зависимым как в военном, так и в психологическом плане от Великобритании.

Именно этим объясняется то упорство, с которым французские политики добивались от Лондона своего рода компенсации за сдачу Рейнланда — британских гарантий безопасности Франции. Своего апогея англо-французская дискуссия о британских гарантиях достигла 17–18 марта. 19 марта 1936 года было принято соглашение, параграф 3 которого предписывал генштабам вступить в контакт для подготовки технических условий выполнения обязательств в случае неспровоцированной агрессии. Кроме того, Лондон обещал консультироваться с Парижем в вопросах переговоров с Германией, а также принять «все практические меры... с целью обеспечения безопасности Франции от неспровоцированной агрессии». Наконец, самое важное — было заявлено, что вооруженные силы обеих стран должны «войти в контакт друг с другом для выработки технических условий, по которым обязательства, взятые обеими сторонами, будут соблюдаться в случае неспровоцированной агрессии»<sup>212</sup>. Фактически соглашение было равноценно пакту о взаимопомощи.

В этот же день правительство Болдуина обратилось в Париж с письмом, обещая в соответствии с Локарнским соглашением немедленную помощь французскому правительству на случай неспровоцированной агрессии<sup>213</sup>. Выступая в палате общин, Иден отметил, что, если Франция или Бельгия будут атакованы, Великобритания придет им на помощь. Однако во второй части выступления он заявил, что целью британской дипломатии является «избежать войны, создать условия для переговоров, укрепить коллективную безопасность и в целом умиротворить Европу»<sup>214</sup>.

1 апреля 1936 года между правительствами Франции и Англии состоялся обмен письмами. Британское правительство обязывалось в случае «провала переговоров с Берлином» принять все практические меры, которые в ее власти, чтобы обеспечить безопасность Франции против неспровоцированной агрессии. В письмах выражалась готовность начать предусмотренные соглашением от 19 марта переговоры генштабов<sup>215</sup>. Однако фактически оказание помощи Франции Лондон

ставил в зависимость от переговоров с Германией. Во всех беседах с французами англичане не скрывали, что новое Локарно возможно ценой отказа Франции от договора с СССР, что необходимо устранить «недоразумения в толковании соотношения» между двумя пактами<sup>216</sup>.

15 апреля начались консультации начальников штабов Великобритании, Франции и Бельгии. На переговорах речь шла о том, чтобы уточнить условия, при которых будут действовать гарантии помощи, обещанной Великобританией Франции и Бельгии в случае неспровоцированной агрессии, а также о характере и размерах этой помощи.

Была достигнута договоренность о высадке одного британского экспедиционного корпуса во Францию спустя 15 дней после нарушения границ, хотя французская сторона специально оговаривала, что она не нуждается в помощи для защиты собственных границ и предпочитает, чтобы английские войска пришли на помощь Бельгии. Со своей стороны, Франция должна была предоставить средства для высадки английских соединений, транспорт для их переброски из портов высадки к местам сбора, а также обеспечить противовоздушную оборону во время высадки войск и в местах их расположения<sup>217</sup>. Интересно отметить, что генерал Швейцгут, представлявший на переговорах французскую сторону, придавал гораздо большее значение прибытию во Францию одного английского полка через три дня после начала конфликта, чем возможным действиям английских соединений через 20–30 дней, так как одно решение правительства Лондона вмешаться в конфликт, по его мнению, уже многое могло означать<sup>218</sup>.

Значение лондонских переговоров генштабов состоит в том, что после 1919 года это были первые контакты Англии с другими государствами, где речь шла о военных обязательствах англичан. Действительно, переговоры имели немалый психологический эффект. Если в течение 1935 года англо-французские военные переговоры не принесли практически никаких результатов, то сейчас был достигнут большой успех в этом направлении. Фактически стороны разработали совместный план защиты от германского нападения.

В целом благодаря этим документам англо-французские союзнические отношения были формально возрождены. В случае возникновения вооруженного конфликта Англия и Франция вместе выступали против агрессора. По выражению Идена, несмотря на то, что «Гитлер добился значительного стратегического триумфа, он не смог осуществить дипломатический триумф»<sup>219</sup>, то есть разделить Англию и Францию. По обе стороны Ла-Манша понимали, что «все будущее Европы» зависит от англо-французского сотрудничества и что разногласия между Англией и Францией приведут к «полной катастрофе», ведущей к «разрушению Европы и доминированию Германии над всеми малыми государствами»<sup>220</sup>. Однако решающим фактором в возобновлении англо-французского союза явился как раз тот факт, что он был реанимирован как оборонительный альянс для защиты рейнской границы. В компетенцию обновленного англо-французского союза не входили ни поддержка французских обязательств в Центральной и Восточной Европе, ни

сохранение существовавшего статус-кво на континенте. Более того, правительство Сарро фактически признавало нацистскую оккупацию Рейнской области, что делало позицию Франции в стратегическом отношении крайне уязвимой. В таких условиях воевать один на один с наращивавшей ускоренными темпами свою мощь Германией Франции было проблематично.

Тем временем события, стремительно развивавшиеся с лета 1936 года, показали, что европейский баланс сил начинает меняться не в пользу англо-французского союза. Как уже говорилось выше, с мая 1936 года у власти во Франции находилась коалиция Народного фронта. Наряду с лозунгами в поддержку системы коллективной безопасности правительство Л. Блюма в качестве основного приоритета внешней политики рассматривало взаимодействие с Великобританией в рамках англо-французских отношений. Главой французского МИД был назначен не особенно искушенный в вопросах внешней политики Ивон Дельбос. Уже 11 мая британский посол во Франции Кларк писал, что «краеугольным камнем французской внешней политики в данный момент является их (Франции. — *А.Н.*) искреннее стремление к полному и публичному сотрудничеству с нами»<sup>221</sup>. Слова британского дипломата скоро подтвердились: правительство Народного фронта горячо поддержало английские предложения о снятии санкций с Италии.

Вопрос о снятии санкций встал в связи с завершением итало-эфиопской войны. 30 июня 1936 года на Совете Лиги прозвучало личное обращение свергнутого императора Абиссинии Хайле Селассие, которое было, по существу, похоронным звоном по системе коллективной безопасности: «Вопрос касается не просто урегулирования в связи с итальянской агрессией. Вопрос касается системы коллективной безопасности и имеет отношение к самому существованию Лиги, к доверию государств к международным договорам, к цене обещаний малым государствам относительно сохранения их целостности и независимости — ко всему тому, что следует обеспечивать и уважать. Речь идет о выборе между принципом равноправия государств и навязыванием малым государствам уз вассальных отношений»<sup>222</sup>. Лига Наций продемонстрировала полное бессилие перед вызовом агрессивной державы\*.

---

\* Само выступление эфиопского негуса превратилось в фарс. Свою речь Хайле Селассие начал словами: «Чтобы понять трагедию моей страны, нужно вспомнить о соглашении седьмого марта тысяча девятьсот тридцать пятого года, заключенном между Муссолини и Пьером Лавалем...» Но в этот момент со своего места поднимается итальянский консул в Женеве. Это был условный сигнал. Тотчас же наиболее видные фашистские журналисты, специально прибывшие в Женеву, начинают во всю мочь свистеть в полицейские свистки. Поднимается всеобщая суматоха. Председатель Ассамблеи не знает, что делать. В зале появляются швейцарские гвардейцы и бесцеремонно хватают смутьянов, которые вопят: «Да здравствует Муссолини!» Суматоха продолжается на улице. Население аплодирует швейцарским гвардейцам, которые без разбора избивают всех протестующих. В этих условиях практически никто не слышит выступления свергнутого эфиопского монарха.



В июле Лига сняла все санкции, наложенные на Италию. Британский посол в Берлине докладывал: «Итальянская победа открыла новую главу. В стране, где обожествляют силу, престиж Англии обязательно должен был упасть»<sup>223</sup>.

6 июля состоялось заседание британского кабинета министров. На нем было решено принять новые обязательства для замены старого Локарно, при этом, однако, избежав формального альянса с Францией. Британское правительство высказалось за дальнейшее ограничение принудительных санкций Лиги Наций и отказ от формальных обязательств в отношении стран Восточной Европы<sup>224</sup>. Такая формулировка фактически подразумевала подчиненное положение Франции на переговорах с Германией.

По иронии судьбы спустя три дня, 9 июля 1936 года, французский Генеральный штаб представил меморандум, в котором было рассмотрено стратегическое положение другого члена Локарно — Бельгии. В меморандуме подчеркивалось, что в случае нападения на эту страну она может рассчитывать непосредственно только на французскую помощь, в то время как восточные союзники могут атаковать Германию. Однако такая операция полностью зависела бы от поддержки Великобритании<sup>225</sup>.

23 июля 1936 года представители Великобритании, Франции и Бельгии собрались в Лондоне для обсуждения нового пакта вместо потерявшего силу Локарнского. Премьер-министр Франции Блюм и министр иностранных дел Дельбос согласились, чтобы британское правительство разослало приглашения Германии, Италии и Бельгии на конференцию для обсуждения следующих вопросов: проблемы Рейнского пакта, пакт о взаимопомощи стран Западной Европы, Воздушный западный пакт и его последствия, проблемы, интересующие другие государства, соседние с Германией, общие вопросы<sup>226</sup>.

Результатом лондонской встречи явилось ослабление позиций Франции внутри англо-французского блока. Это означало, что Париж уже не мог оказывать достаточного влияния на Англию в вопросах осуществления согласованной политики в Европе. В условиях, когда Лондон был нацелен на проведение политики умиротворения фашистских держав, способствовавшей нарастанию кризиса Версальской системы, данный аспект приобретал большое значение. Возможности Франции стать сдерживающим фактором британской политики уступок Германии и Италии неуклонно снижались. Согласившись обсуждать новый Западный пакт, французский премьер признал ремилитаризацию Рейнской зоны свершившимся фактом, исключив проблему Рейнланда из франко-германских отношений.

Надо заметить, что характер реакции Франции на ремилитаризацию Рейнской области нанес сокрушительный удар по престижу Парижа в Европе. Конечно, слабость Франции была обусловлена целым рядом объективных факторов, таких, как тяжелое экономическое положение, усиливавшаяся поляризация французского общества, катастрофическое падение военного производства и т.д. Однако в последовавшие за

кризисом месяца Франция было вполне по силам поправить свое пошатнувшееся положение в Европе. Вместо этого правительство Блюма предпочло принять британское лидерство во вновь образованном англо-французском союзе, что означало следование курсом политики умиротворения фашистских государств. Новая роль Франции была сразу замечена не только ее союзниками, но и противниками. Фактически речь шла о начале развала французской системы европейской безопасности, которую Париж выстраивал в течение 1920-х годов.

На повестку дня встал вопрос о соотношении реальной политики Франции на континенте и ее статуса доминирующей державы в Версальской Европе. Союзники Франции из числа малых стран оказались перед выбором: либо сохранить ориентацию на Францию, показавшую свою несостоятельность, либо сместить акценты в своих внешнеполитических приоритетах.

Бельгия, верный союзник Франции, пошла на решительный шаг. 14 октября 1936 года бельгийский король Леопольд на заседании кабинета министров объявил о нейтралитете Бельгии. Тем самым эта страна расторгла военный союз с Францией 1920 года, подразумевавший военное сотрудничество и регулярные контакты между представителями генеральных штабов<sup>227</sup>. Стратегия «линии Мажино», которая простиралась от Швейцарии лишь до бельгийской границы, была разбита одним ударом\*.

Этот шаг был продиктован убеждением, что ни Франция, ни Великобритания не будут защищать бельгийскую независимость. Париж был возмущен. Леже в ярости заявил бельгийскому послу: «Фактически ситуация складывается такая: Германия может свободно нарушить бельгийские границы, когда она того пожелает, со всеми вытекающими последствиями для нас. В то же время Франция не может войти в Бельгию до вторжения Германии и тем самым не может воспользоваться свободой маневра у германской границы»<sup>228</sup>. Действительно, нейтралитет Бельгии заметно ослабил стратегические позиции потенциальных противников Германии. Кроме того, переход Бельгии на нейтральные позиции заметно облегчил Берлину уклонение от переговоров по заключению Западного пакта.

В Англии же ход Брюсселя вызвал несколько другую реакцию. В Лондоне считали, что Третий рейх будет уважать бельгийскую независимость. Нейтралитет Бельгии должен был убедить Германию в бессмысленности экспансии на Запад. Более того, Франции теперь при-

---

\* «Линия Мажино» была названа по имени французского военного министра А. Мажино. Она представляла собой 150-километровую полосу укреплений вдоль франко-германской границы. В ее состав входили 39 долговременных оборонительных укреплений, 70 бункеров, 500 артиллерийских и пехотных блоков, 500 казематов, а также блиндажи и наблюдательные пункты. Построенная в 1929–1932 годах «линия Мажино» считалась непреодолимой. Это породило у французского военного командования фатальную ошибку: в предстоящей войне оно рассчитывало на успех лишь оборонительной стратегии. Поэтому весной 1940 года Франция потерпела полное военное поражение.

шлось отбросить идею создания смешанных франко-бельгийских укреплений на границе с Германией. А это, по мнению Лондона, должно было снизить желание Франции осуществить бесполезную интервенцию в защиту своих восточных союзников. Действительно, в своей речи 28 октября бельгийский премьер ясно дал понять, что ни при каких обстоятельствах не позволит использовать свою территорию в качестве платформы для агрессии против другого государства<sup>229</sup>.

В то же время становилось очевидным, что ни Германия, ни Италия не собирались заключать новый пакт пяти держав, которого добивались и Париж, и Лондон. Переговоры о заключении Западного пакта ни к чему не привели. В марте 1937 года Германия и Италия отреагировали на предложения западных демократий о заключении пакта<sup>230</sup>. И если ответ из Рима являлся расплывчатой формулировкой, то германская реакция была резко негативной. В Берлине тонко чувствовали настроения в правящих элитах Англии и Франции. Лондон и Париж готовы были идти на уступки фашистским державам. А в данной ситуации Германия не собиралась заключать пакты, подобные Локарнскому. Речь могла идти только о франко-германском пакте, гарантиями которого выступали бы Великобритания и Италия. Точка в рейнском кризисе была поставлена окончательно.

Сотрудничество нацистской Германии и фашистской Италии, начавшееся еще в 1935 году, объективно вело к образованию альянса агрессивных держав — «оси Берлин–Рим». Начав совместную интервенцию в гражданскую войну в Испании летом 1936 года, фашистские державы, особенно Германия, все чаще обращали внимание и на Центральную Европу. Итало-германское сотрудничество имело огромное значение для ситуации на рейнской границе и событий в Испании. Но оно имело также важнейшее значение для Центральной Европы — области, которая не входила в зону действия англо-французского блока. Таким образом, угроза, исходившая из образования итало-германского союза, была неодинаковой для двух западных демократий. Великобритания не собиралась давать Франции гарантии в отношении Центральной и Восточной Европы. Париж же оставался в одиночестве перед лицом вызовов своим союзникам по Малой Антанте — Чехословакии, Румынии и Югославии.

В подобных условиях для Франции особенно актуальным стал вопрос: отойдет ли Великобритания от своей традиционной политики «империя прежде всего» и возьмет ли на себя Лондон обязательства по отношению Франции в тех регионах Европы, которые не имели важнейшего значения для безопасности Британии? Вопрос, расширятся ли действия англо-французского союза до пределов Центральной Европы, становился ключевым в англо-французских отношениях. Действительно, несмотря на то, что многие французские лидеры заявляли о готовности выполнить союзнические обязательства по отношению центрально- и восточноевропейских стран, все они оговаривались, что Франция может поддерживать существовавшее статус-кво в регионе только при поддержке Великобритании.

Тем самым Франция стала заложницей британской политики и оказалась готова следовать в фарватере внешней политики Великобритании. Лондон же своей внешнеполитической целью видел мирное решение европейского кризиса ценой достижения соглашения с фашистскими державами. Великобритания задалась целью модернизировать Версальскую систему, интегрировать в нее агрессивные государства, чтобы таким образом предотвратить новую войну. Однако характер международных отношений во второй половине 1930-х годов делал такую задачу весьма трудоемкой. К уже существующим очагам напряженности добавились новые, грозившие еще более тяжелыми последствиями.

**ИСПАНСКИЙ УЗЕЛ ВЕРСАЛЬСКОЙ СИСТЕМЫ**

Наибольшее влияние на развитие европейского кризиса в 1936 году стали оказывать события на Пиренейском полуострове. Речь идет о гражданской войне в Испании. «Режимы тогда оказываются сброшенными, — пишет крупнейший западный исследователь гражданской войны в Испании Р. Карр, — когда они теряют доверие народа. Именно это произошло с правлением Альфонса XIII»<sup>231</sup>. Испанский король из династии Бурбонов Альфонс XIII управлял страной с 1902 года. Неприязнь большинства населения к монархии, в итоге приведшая к революции, была вызвана не только отсталым, полуфеодальным положением Испании в Европе и унижительным поражением испанской армии в Марокко, но и многими конкретными действиями королевского двора. В 1923 году, в противоречие с конституцией, Альфонс XIII назначил главой правительства генерала Примо де Ривера, чье правление обернулось диктатурой в стране. Отечественные и западные авторы в один голос утверждают, что подобный шаг короля вызвал возмущение практически у всех слоев населения, в том числе у интеллигенции и части военных<sup>232</sup>. Они были оскорблены тем, с какой легкостью Альфонс XIII фактически уничтожил конституцию. В итоге монарх оказался полностью оторван от народа. Даже многие монархисты перешли в республиканский лагерь.

Когда в январе 1930 года в Испании закончился период диктатуры Примо де Ривера, король попытался найти выход из ситуации путем формирования правительства на конституционной основе. Однако уже 14 февраля 1931 года правительство генерала Беренгера пало. Новое правительство во главе с адмиралом Аснаром решило пойти на объявление первых за последние восемь лет выборов в испанский парламент — кортесы. Они превратились в плебисцит против монархии и принесли полную победу сторонникам республиканского правления. 14 апреля во всех крупных городах Испании была провозглашена республика. Король бежал из страны.

Сменявшие друг друга в течение нескольких лет правительства разной политической ориентации не сумели вывести страну из кризиса. В условиях растущей напряженности в испанском обществе происходила быстрая поляризация политических сил. Ярким примером этого служит первый мятеж против республики, поднятый реакционными правыми силами во главе с генералом Х. Санхурхо 10 августа 1932 года. Мятеж вспыхнул в Мадриде и Севилье, однако был быстро подавлен.

Обстановка в Испании приобрела все более напряженный характер. Вскоре после прихода к власти коалиции правых республиканцев началось сворачивание или ликвидация начатых предыдущими правительствами реформ. Левые партии, в первую очередь левые социалис-

ты во главе с Ларго Кабальеро и Всеобщий союз трудящихся, приступили к подготовке вооруженного восстания. Испанские коммунисты также присоединились к ним и начали совместно создавать «рабочие альянсы» — местные комитеты по подготовке восстания.

4 октября 1934 года началась всеобщая забастовка, на следующий день переросшая в вооруженное восстание. Но как метко подметил американский исследователь М. Китчен, это была «платоническая революция»<sup>233</sup>, так как она получила реальную поддержку лишь в Каталонии и Астурии. Особенно активно выступили горняки Астурии. Против восставших рабочих были посланы части иностранного легиона и регулярные марокканские войска. Операцией руководил недавно переведенный с Балеарских островов в Мадрид самый молодой генерал испанской армии Франсиско Франко. Уже к 20 октября все было конечно — восстание было подавлено.

Несмотря на поражение, восстание имело огромное политическое значение, так как на деле показало возможность сотрудничества левых сил. В январе 1936 года был подписан пакт о создании Народного фронта в составеевой республиканской партии, Республиканского союза, Социалистической партии, Всеобщего союза трудящихся, Социалистической молодежи, Коммунистической партии, Синдикалистской партии, Рабочей партии марксистского единства.

Надо заметить, что испанский Народный фронт отличался своей радикальностью, что было обусловлено, на наш взгляд, неразвитостью парламентаризма в Испании. На выборах в кортесы 16 февраля 1936 года Народный фронт одержал уверенную победу, получив 269 мест против 205 мест правых и центристских партий. Таким образом, на выборах в кортесы почти 5 миллионов испанцев проголосовали за левые партии, 4 миллиона — за правых. Центр был уничтожен, оставив страну полностью поляризованной.

Правительство Народного фронта восстановило демократические конституционные нормы, урезанные или вовсе отмененные правыми. Но роковой ошибкой нового правительства было бездействие перед лицом подготовки правых к вооруженному реваншу. Уличив высшее офицерство в антиправительственной деятельности, правительство не приняло никаких мер.

Тем временем напряжение в обществе нарастало. И вот в этой сложной, конфликтной обстановке произошло два покушения, которые довели до предела напряжение в обоих лагерях. Оба покушения закончились смертельным исходом: первое — 12 июля — совершили фалангисты (члены фашистской партии) против очень популярного офицера частей безопасности Хосе дель Кастильо, известного своими передовыми республиканскими взглядами; второе — 13 июля — явилось следствием, даже ответом на первое убийство и стоило жизни одному из самых известных лидеров монархической партии Кальво Сотело, депутату кортесов, бывшему министру при диктатуре Примо де Риверы, участнику неудачного заговора 1932 года генерала Санхурхо. Похороны убитых превратились в мощные манифестации. На могиле Сотело

монархический депутат Гойкоэчеа произнес речь, заключительные слова которой предвещали, что следует ожидать серьезных событий. «Перед Богом, который слышит нас, — сказал он, — клянемся посвятить нашу жизнь тройной задаче: следовать твоему примеру, отомстить за твою смерть и спасти Испанию»<sup>234</sup>.

Как следствие, грянул мятеж, который погрузил Испанию в хаос гражданской войны, стоившей ей более полумиллиона жизней. Выступление мятежных генералов не было спонтанным, напротив, оно было тщательно подготовлено. Можно согласиться с мнением главы Форин Оффис Идена, который писал: «Безусловно, истоки войны были исключительно испанскими. Мятежу правых сил в 1936 году предшествовало в 1934 году восстание левых (восстание народных масс в Астурии. — *А.Н.*)»<sup>235</sup>.

17 июля 1936 года один из лидеров заговорщиков генерал Мола направил своим сторонникам телеграмму «17 в 17. Директор». В пять вечера переворот начался. Восстали части, расквартированные в испанской колонии Марокко. По радио Сеуты был передан еще один условный сигнал переворота: «Над всей Испанией безоблачное небо». 18 июля мятеж распространился на Испанию.

Практически весь генералитет испанской армии в составе Э. Мола, Ф. Франко, К. де Льяно и других высших офицеров составил главный штаб заговорщиков, во главе которого должен был встать прибывающий из Португалии генерал Санхурхо. Однако мятежников сразу постигли неудачи: большая часть Испании вместе с крупнейшими городами осталась верной правительству Народного фронта, флот также оказался на стороне законного правительства. Наконец, 20 июля при перелете из Лиссабона в Бургос в авиакатастрофе погиб верховный вождь мятежа\*.

Националисты контролировали береговую линию от Атлантического побережья до французской границы, хотя часть северного берега осталась за республиканцами. Южная Испания от Барселоны до Малаги была республиканской, а территория вокруг Мадрида формировала значительную по площади часть внутри территории националистов. Овьедо, Севилья и Кордова стали опорными пунктами мятежников в глубине республиканской зоны.

В первые дни мятежа стало ясно, что поскольку националисты завладели рычагами управления лишь в ограниченной части страны, то задуманный ими план внезапного удара и победы, которая отдала бы в их власть всю Испанию, потерпел поражение. Молниеносной победы той или иной стороны не получилось, и стало ясно, что события затянутся.

---

\* Одна из версий происшедшего гласит, что Санхурхо перед вылетом настоял на том, чтобы на борт маленького самолета погрузили два тяжелых чемодана, набитых парадными мундирами, которыми он хотел блеснуть в своем новом звании главы государства; этот груз оказался чрезмерным, самолет разбился.

Уже к концу июля — началу августа 1936 года события в Испании стали предметом первостепенного международного значения, оставаясь таковыми на протяжении полутора лет. Гражданская война в Испании, продолжавшаяся с июля 1936 по апрель 1939 года, явилась ярким примером внутреннего структурного конфликта межвоенного периода. Политическая элита европейских стран, в первую очередь великих держав, внимательнейшим образом наблюдала за этими событиями. Это вполне естественно.

Во-первых, гражданская война всегда оказывает определенное воздействие на внутривосточный климат в других, особенно в соседних, странах. Степень подобного воздействия может варьироваться от небольшого движения солидарности с той или иной стороной до перерастания внутренних противоречий в вооруженный конфликт между различными политическими силами, начало новой гражданской войны. Наибольшее влияние на внутреннее развитие в стране оказывает тот конфликт, в котором противоборствующие стороны сражаются под лозунгами полной смены всей существующей политической системы государства, как это было в Испании.

Во-вторых, государственных деятелей, прежде всего лидеров великих держав, непосредственно интересует, изменится или не изменится и если изменится, то как, внешняя политика государства, охваченного гражданской войной, в случае победы той или иной стороны. Безусловно, международные обязательства, взятые на себя как законным правительством, так и мятежниками во время войны, и их поведение на международной арене в случае победы могут сильно различаться. Другими словами, победитель в гражданской войне, чувствуя себя гораздо уверенней, может отказаться выполнять ранее данные обещания, однако в условиях внутреннего конфликта воюющие стороны вынуждены обращаться к различным политическим группам.

Обе стороны внутреннего испанского конфликта быстро осознали, что ресурсов и военных материалов, необходимых для ведения продолжительной войны, на территории Испании нет. Именно по этой причине лидеры воюющих сторон — Хосе Хираль и генерал Франко — обратились за помощью к европейским странам. Силы противников были примерно равны, и не удивительно, что подобные обращения произошли в один и тот же день — 19 июля 1936 года. Просьбы об иностранной помощи, исходившие от обеих сторон, обозначили начало процесса интернационализации внутреннего испанского конфликта, придав ему международное значение в очень непростой атмосфере Европы 1930-х годов.

Главную роль в выборе адресата с просьбой о помощи сыграл фактор идеологической солидарности. В начале гражданской войны в Испании мятежные генералы не случайно обратились именно к фашистской Италии и национал-социалистической Германии, чьи правительства олицетворяли тоталитарные режимы. Испанское же правительство, сформированное демократическими выборами, надеялось на поддержку Англии и Франции — стран парламентской демократии.



Казалось, что отношение великих держав к событиям на Пиренейском полуострове должно быть однозначно. Столпы Версальской Европы — Англия и Франция, следуя международным правилам, обязаны были поддержать законное правительство Ларго Кабальеро. Фашистские державы — Германия и Италия — делали ставку на генерала Франко. Однако сценарий испанских событий оказался куда более сложным, чем это казалось на первых порах.

Британское правительство консерваторов желало любой ценой избежать новой большой войны. В Лондоне прекрасно знали о симпатиях фашистских держав к Франко, а Советского Союза и Франции — к Республике. В этих условиях, внутренний испанский конфликт мог превратиться в противостояние на международном уровне. Нельзя не согласиться с мнением историка Р. Уили, что «гражданская война в Испании была для Лондона крайне неприятна»<sup>236</sup>. Этим и объясняется решение английских властей объявить в одностороннем порядке 31 июля 1936 года эмбарго на вывоз оружия, распространенное на обе стороны. В английской печати была развернута бурная кампания с призывом не вмешиваться в конфликт на Иберийском полуострове. «Экономист» призывал «немедленно и без задержек, дабы не быть втянутым в войну... изолировать конфликт... создать кольцо вокруг Испании»<sup>237</sup>. Однако защита своих интересов — как в экономическом, так и в геостратегическом плане — не могла не заботить английское правительство. Что было предпочтительней для Лондона — победа Франко или Республики — известно не было, так как ни официальных заявлений, ни публикаций в близкой к правительственным кругам прессе не существовало. Тем не менее было известно настроение многих консерваторов, которые не скрывали своей ненависти к большевизму и опасений по поводу «угрозы большевизма» в Европе. Лейбористская оппозиция, напротив, была на стороне Республики. Таким образом, симпатии английской политической элиты не были едиными.

Главный принцип, которым руководствовался Лондон в испанском конфликте, был принцип невмешательства, желание изолировать конфликт, не дать перерасти ему в общеевропейскую войну. «Если испанская война не закончится быстро или по крайней мере не будет полностью локализована, — заявил влиятельнейший член британского кабинета министров и будущий премьер Великобритании Н. Чемберлен, — можно опасаться в дальнейшем более серьезных потрясений в Европе»<sup>238</sup>.

Позиция официального Парижа в испанском вопросе на этой стадии отличалась от английской. Несмотря на эпизодическую помощь, оказываемую мятежникам рядом крупных французских концернов, например фирмой «Рено»<sup>239</sup>, отношение правительства к воюющим сторонам было вполне однозначным — поддержка законного республиканского правительства. И действительно, государственные интересы Франции, ее военная безопасность — все говорило о том, что Франция должна поддержать Республику.

С другой стороны, было очевидно, что гражданская война в Испании увеличит дипломатические проблемы Франции, главной из которых было то, что Англия — основной союзник Франции — фактически не поддерживала французскую систему союзов на востоке и юго-востоке Европы. По поводу испанского конфликта в Лондоне и Париже единства мнений также не наблюдалось. Из-за своего географического и экономического положения Испания была наиболее важна для Франции, чем для любой другой великой державы. Логика безопасности подсказывала необходимость включения Испании во французскую систему альянсов, но ни восточные союзники Франции, ни Испания не были заинтересованы друг в друге. Победа же Франко в Испании означала возможное присоединение фалангистской Испании к нацистской Германии и фашистской Италии, а значит, и окружение Франции. Кроме того, враждебная Испания угрожала бы интересам Франции в Африке и Средиземноморье, а стратегическое сырье, например пириты, вместо Франции завозились бы в Германию.

Для того чтобы оказать помощь дружественной республике, не требовалось каких-либо чрезвычайных мер. Достаточно было в соответствии с общепризнанными нормами международного права следовать условиям заключенного в 1935 году франко-испанского торгового соглашения, которое давало испанскому правительству возможность закупить оружие во Франции.

Этим и руководствовался 19 июля премьер-министр Испанской республики Хосе Хираль, посылая Леону Блюму, главе правительства Народного фронта Франции, телеграмму следующего содержания: «Застигнуты врасплох внезапным опасным военным переворотом. Прошу Вас без промедления оказать нам помощь оружием и самолетами»<sup>240</sup>. Испанское правительство вскоре после начала мятежа поручило своему послу в Париже Карденасу (который довольно оперативно перешел на сторону националистов) просить французское правительство срочно продать Испанской республике военные материалы и технику, в частности самолеты. Одновременно аналогичное поручение было дано испанскому представителю в Лиге Наций Ф. де лос Риосу, прибывшему в эти дни в Париж.

Сразу после получения телеграммы из Испании глава французского кабинета Блюм провел совещание с тремя министрами — министром авиации Котом, министром иностранных дел Дельбосом и военным министром Даладьё. Решение, принятое премьером Франции, являлось естественной реакцией на события в Испании. Во-первых, основываясь на нормах международного права, правительство Франции имело все основания оказать помощь законному правительству в борьбе с мятежниками. Во-вторых, как уже говорилось, между Францией и Испанией существовало коммерческое соглашение, по которому правительство Испании могло закупить во Франции оружия на сумму до 20 миллионов франков. В-третьих, между находящимися в данный момент у власти французским Народным фронтом и испанским Народным фронтом безусловно существовала определенная идеологическая близость.

Наконец, в стратегических интересах правительства Блюма, придерживавшегося политики антифашизма, было не допустить возникновения враждебного ему режима за Пиренеями\*.

Судя по всему, не было у Блюма и иллюзий в отношении причастности Германии и Италии к испанским событиям. Еще вечером 17 июля, после получения первых известий о мятеже в Испании, французский премьер прямо заявил главе МИД Дельбосу: «После того как 6 мая на выборах в Испании одержал победу Народный фронт и правительство Хирала взяло в свои руки бразды правления, я получил информацию, что всю Испанию с севера до юга охватили беспорядки и что тотчас же выявилась роль Германии и Италии в различных выступлениях мятежников. Конечно, бесполезно обманывать себя. Рим и Берлин приблизительно в течение трех лет тщательно готовили гражданскую войну в Испании. Впрочем, кажется, что в этих двух столицах убеждены, что не позже как через две–три недели республиканское правительство Мадрида будет заменено диктаторским правлением, полностью преданным дуче и фюреру»<sup>241</sup>.

Итак, в ответ на все запросы было выражено принципиальное согласие французского правительства оказать Испанской республике всемерную помощь, причем наиболее активными сторонниками такой позиции были министр авиации П. Кот и военный министр Э. Даладье. Де лос Риос представил французскому правительству подробный список необходимого республиканской Испании оружия на общую сумму в 11 миллионов франков, а затем передал чек для оплаты сделанного заказа<sup>242</sup>.

20 июля премьер-министр Франции телеграфировал в Мадрид утвердительный ответ: «Законное правительство дружественной страны, рожденное законными выборами, просит помощи, и наш моральный долг предоставить ему оружие. Кроме того, это совпадает с интересами Франции, состоящими, вне всякого сомнения, в том, чтобы не допустить установления какой-либо формы фашизма на своих юго-западных и западных границах»<sup>243</sup>. А 21 июля П. Кот заявил представителю испанского правительства, что французские самолеты готовы к отправке в Испанию.

Безусловно, зная о симпатиях правых партий Франции к мятежникам, Блюм попытался начать помощь Испанской республике с минимальным общественным резонансом. Понимая, однако, что отправки вооружения нельзя будет долго хранить в секрете, премьер надеялся,

---

\* Сам Леон Блюм в феврале 1936 года едва не стал жертвой фашистов. 9 февраля автомашина Блюма была остановлена на парижском бульваре Сен-Жермен группой молодых людей из фашиствующей французской лиги «Аксьон франсэз», которая шла за гробом известного историка Жака Бэнвиля. Они узнали Блюма. Тотчас же в окна его машины полетели камни и кирпичи. Обливаясь кровью, спотыкаясь о тротуар, Блюм пытался спастись. Он остался в живых лишь благодаря вмешательству нескольких строительных рабочих, которые приоткрыли ему ворота.

что мятеж будет подавлен до того, как широким кругам общественности станут известны детали французской помощи республиканцам. И все же утечка информации произошла практически незамедлительно: член испанского посольства майор Антонио Барросо, сторонник мятежников, выдал информацию французской правой прессе.

Французское общество немедленно разделилось на сторонников и противников помощи Испанской республике. Левые, и социалисты, и коммунисты, так же как и часть радикалов, поддержала решение Блюма. Правые, католическое общественное мнение, широкий сектор гражданских и военных чиновников, с другой стороны, решительно высказались против поставок оружия, предложив занять позицию нейтралитета по двум основным причинам: из-за опасения, что помощь Франции приведет к европейской войне, и нежелания поддерживать революционные массы Испании, отличавшиеся своим радикализмом. Даже президент Франции говорил Блюму о том, что поставки оружия в Испанию приведут к войне и революции во Франции<sup>244</sup>.

Намерение французского правительства продать оружие Республике было отрицательно воспринято фашистскими державами. Немецкий посол в Париже Вельчек в своем донесении в Берлин 23 июля отмечал, что осуществление этого решения грозит «решительным ухудшением положения мятежников»<sup>245</sup>.

Поведение Франции вызвало определенную реакцию и в Великобритании. Уже 22 июля французский посол в Лондоне Корбен сообщил Блюму, что английское правительство чрезвычайно встревожено «этим непредвиденным обстоятельством» и Блюма приглашают немедленно прибыть в Лондон<sup>246</sup>.

Безусловно, последнее слово принадлежало премьеру Франции, и от его решения зависело, будет ли локализован региональный конфликт или он начнет стремительно разрастаться.

23 июля Леон Блюм и министр иностранных дел в его кабинете радикал И. Дельбос прибыли в Лондон, чтобы принять участие в конференции Англии, Франции и Бельгии, посвященной Локарнским соглашениям, уничтоженным ремилитаризацией Рейнской зоны. Формально испанский вопрос не стоял на повестке дня, но именно здесь западные демократии приняли свое первое роковое решение по испанскому вопросу.

Многое было решено во время беседы, состоявшейся в отеле «Савой» между Блюмом и Дельбосом, в ходе которой они пытались выработать единую концепцию на предстоящих переговорах с Болдуином и Иденом. Французские политики сошлись на том, что важнейший фактор, с которым нужно считаться, состоит в том, что английские консерваторы крайне обеспокоены успехами Народного фронта в самой Франции, не говоря уже о ситуации в Испании. Поэтому, настаивал Дельбос, необходимо показать Англии свою лояльность в испанских событиях. В противном случае Англия могла бы отказаться от своих обязательств по Локарнским соглашениям, что могло быть только первым шагом Лондона на пути отхода от Франции. Блюм колебался<sup>247</sup>.

Действительно, произошло то, чего и ожидали французы. Болдуин решительно потребовал от Блюма не допускать продажи оружия испанскому правительству. Эта позиция правительства Великобритании была объяснена опасением, что любая активная поддержка республиканской Испании со стороны Франции может привести к «серьезным международным последствиям и даже к международному кризису»<sup>248</sup>.

В самом деле, правительству Великобритании, возглавляемому с 1931 года консервативным кабинетом Стэнли Болдуина, гражданская война в Испании представлялась серьезным препятствием для проведения политики соглашения с фашистскими державами и потенциальным источником новой европейской войны. Ко всему прочему в первые шесть месяцев 1936 года из Испании приходили новости о конфликте между контрреволюционной армией и республиканской милицией, а также о росте влияния этой самой «отвратительной» милиции, где ключевую роль играли коммунисты и анархисты, в результате чего страна скатывалась к «большевистскому хаосу», что было на руку Советскому Союзу<sup>249</sup>. В Лондоне не могли из двух зол (коммунисты, анархисты и подобные им леворадикальные течения, с одной стороны, и фашисты — с другой) выбрать меньшее. В данной ситуации с целью гарантировать защиту Гибралтара (важнейшего пункта в имперских коммуникациях с Индией) и значительные британские экономические интересы (40% всех иностранных инвестиций в Испании принадлежали Великобритании) правительство Болдуина немедленно объявило о строжайшем нейтралитете во внутреннем испанском конфликте.

Блюму дали ясно понять, что, если Франция пошлет оружие в Мадрид, она поставит под удар франко-британскую солидарность. Сам Блюм, возможно, желал победы республиканцам над мятежными генералами. Но консервативные силы во французском парламенте, в армии и дипломатическом корпусе, частные бизнесмены и Римская католическая церковь, так же как и часть радикалов и социалистов, поддерживавших баланс в правительстве Народного фронта, высказались против решения главы правительства оказать помощь Испанской республике. Расклад в правительстве Блюма был следующим: за невмешательство выступили 6 социалистов, в том числе и сам Блюм, и 4 радикала, включая Дельбоса, Даладьё и Шотана; против — 8 социалистов и 2 радикала, в том числе Кот.

Нельзя не согласиться с утверждением историка Р. Уили о том, что «июльский кризис в Испании показал миру, что основные элементы в испанском Народном фронте были настроены революционно, а во французском — реформистски»<sup>250</sup>.

Существовала определенная угроза падения кабинета Блюма. Тот же Дельбос на протяжении всей поездки в Англию повторял Леону Блюму: «Поддержать Испанскую республику — это значило бы, во всяком случае, вызвать недовольство Англии, которая должна быть настроена против всякого подобного вмешательства. Тем более, что испанская проблема встает как раз в тот самый момент, когда Лондон ищет почву для соглашения с Германией и Италией»<sup>251</sup>.

Так или иначе, но французский премьер, противореча своим же предыдущим высказываниям и франко-испанскому торговому договору, заявил испанскому послу в Париже о невозможности поставок оружия в Республику. Таким образом, в условиях напряженности системы международных отношений правительство Блюма, хотя и симпатизировало испанскому республиканскому правительству, но, боясь отрицательного влияния помощи для собственной безопасности, отказало ему в поддержке. Тем самым французские лидеры надеялись умиротворить ситуацию в своей стране, укрепить альянс с Англией и избежать превращения испанского конфликта в европейский\*. Тем не менее французский политический ход не предотвратил быстрой интернационализации гражданской войны в Испании.

К этому времени уже была известна реакция Германии и Италии на начало мятежа: Берлин и Рим не скрывали симпатий к мятежникам. Дуче был готов поддержать испанских националистов, но колебался. Гитлер же оказался более решительным. 26 июля 1936 года в Германии было принято решение оказать помощь мятежникам: началась операция «Волшебный огонь»\*\*.

Надо заметить, что вмешательство Германии и Италии в испанские события коренным образом изменило ход не только самой гражданской войны, но и всей международной обстановки во второй половине 1930-х годов.

О начале фашистского вмешательства в испанский конфликт в Париже стало известно 30 июля. Эта новость вызвала в Париже стремление пересмотреть принятое решение не участвовать в испанских событиях на стороне Республики. Блюм заявил, что теперь Франция получила свободу действий, и согласился дать разрешение на вывоз вооружения в республиканскую Испанию. В эти дни французское правительство отправило в Мадрид единственную партию самолетов (12 устаревших истребителей «девуатин» и 5 двухмоторных самолетов «потэз») и других военных материалов<sup>252</sup>. Это сделало министерство авиации, которое возглавлял Пьер Кот.

Тем не менее глубокие внутренние противоречия в стране и сильнейшая оппозиция со стороны Великобритании подобным действиям не позволили Франции принять эффективные меры в пользу Испанской республики. Столкнувшись с такой ситуацией, сопровождавшейся напряженными дискуссиями в кабинете министров, Париж поставил своей задачей-минимум локализацию испанского конфликта.

---

\* В сентябре 1936 года Блюм откровенно заявил одному из депутатов французского парламента: «Для нас дело шло бы не о чем другом, как о перенесении на французскую землю гражданской войны, которая опустошает Испанию. Это была бы революционная авантюра. Я посчитал невозможным пойти на это».

\*\* «Волшебный огонь» — кодовое название кольца огня, за которое проникает вагнеровский герой Зигфрид, чтобы спасти плененную Брунхильду. Подробнее об участии Германии и Италии в гражданской войне в Испании см. в главе 6.

На проходившем 1 августа заседании французского правительства было принято решение предложить двум другим великим державам — Англии и Италии, имеющим сухопутную или морскую границу с Испанией, чтобы они совместно с Францией приняли на себя обязательство не поставлять оружия ни испанскому правительству, ни мятежникам<sup>253</sup>. Одобренный в таком виде план был на следующий день, 2 августа, изложен в виде официального заявления, в котором основным заинтересованным правительствам (уже не уточнялось, каким именно) предлагалось «незамедлительно одобрить и строго соблюдать общие правила невмешательства в отношении Испании»<sup>254</sup>. До получения ответа или в случае непринятия этого предложения французское правительство оставило за собой свободу действий.

Выдвинутый Блюмом проект соглашения о невмешательстве, к которому должны были присоединиться крупные европейские державы, был оформлен французским Министерством иностранных дел, которое к 5 августа разработало его основные статьи, правила и механизм. Основные условия соглашения предусматривали запрещение экспорта в Испанию всякого оружия, а также самолетов и военных кораблей всех типов\*.

Здесь необходимо акцентировать внимание на самом выборе слова «невмешательство», поскольку оно было порождено путаницей смыслового порядка. Выбор этого термина привел к разброду во французском и европейском общественном мнении. Для многих высказываться против невмешательства значило попросту высказаться за вмешательство. Тогда как речь шла совсем о другом: с одной стороны, о том, чтобы признать за испанским правительством его законные права на покупку оружия, а с другой — о том, чтобы выполнять обязательства, взятые на себя Францией в 1935 году, когда она подписала все еще действующее торговое соглашение. Выбор этого двусмысленного термина дал опасную возможность манипулировать колеблющейся частью общественного мнения.

---

\* На самом деле идея «невмешательства» принадлежала британскому премьеру Болдуину. Во время лондонской встречи премьер-министр Великобритании заявил своим французским коллегам: «... пока вполне возможно, что Германия и Италия решатся пойти на вмешательство в гражданскую войну в Испании. В таком случае положение значительно осложнилось бы. Какое бы то ни было обращение за помощью к Лиге Наций представляется английскому правительству преждевременным. Женевское учреждение некомпетентно в вопросах гражданских войн. С другой стороны, обратиться к ней означало бы признать международный характер этого конфликта и, следовательно, рисковать вызвать наихудшие последствия. Интересы мира требуют, чтобы к доктрине “невмешательства”, которая позволила бы локализовать пожар, присоединились все страны».

Обернувшись при этих словах к Леону Блюму, Болдуин спросил:

— Возьмет ли на себя Франция инициативу подобной дипломатической акции?

Леон Блюм ответил:

— Мы изучим этот вопрос.

Параллельно с дипломатическими переговорами, которые Блюм вел с европейскими державами, он отправил в Лондон адмирала Дарлана с целью добиться у Англии смягчения английской позиции и попытаться предложить свое посредничество в переговорах между республиканцами и мятежниками. В Англии ответ был категоричен: встречавшийся с Дарланом лорд Четфилд сказал, что генерал Франко — испанский патриот. Дарлан вернулся ни с чем. С этого дня события стали разворачиваться все стремительней.

5 августа заседание совета кабинета министров прошло в ожесточенных спорах между сторонниками поставок оружия и теми, кто требовал их прекращения. Десять министров и заместителей министров — социалистов, левых радикалов и социалистов-республиканцев высказались за продолжение поставок; восемь социалистов и радикалов — против. Оказавшись в затруднительном положении внутри своего правительства, Блюм 7 августа хотел подать в отставку, но коллеги отговорили его.

8 августа в беседе с вице-председателем испанских кортесов и видным деятелем социалистической партии Испании Хименесом де Асуа Блюм заявил, что социалисты покинут правительство Франции, так как не могут выполнить своих обещаний Испанской республике. Блюм, безусловно, поступил очень хитро, возлагая ответственность за свою отставку на испанское республиканское правительство. Все в Испании, включая председателя правительства Хиралья, понимали, что в случае ухода Блюма к власти во Франции может прийти враждебное Республике правительство правых. Именно поэтому Хираль попросил Блюма не уходить, отказываясь, таким образом, от прав, вытекавших из соглашения 1935 года<sup>255</sup>.

Свалив всю ответственность на республиканское правительство, Блюм решил, что с 8 августа 1936 года Франция закроет свою южную границу для транзита всех военных грузов. Французские политические деятели надеялись, выражаясь словами премьера Блюма, «удержать остальных от того, что мы сами были не в состоянии осуществить». Так как французское правительство по вышеперечисленным причинам было вынуждено отказать в поддержке Испанской республике, оно по крайней мере хотело предостеречь итало-германскую помощь националистам. Годом позже, как зафиксировано в дневнике президента Испанской республики М. Асаньи, Луис де Брукер, президент Социалистического Интернационала и близкий сторонник Блюма, признался ему, что было невозможно проводить иную политическую линию. «Прибыв в Париж во время начала политики невмешательства, Брукер имел беседу с Блюмом, который признался, что альтернативы подобному курсу не было. Если бы он (Блюм. — *А.Н.*) отдал оружие в Испанию, в скором времени во Франции разразилась бы гражданская война. Блюм тогда сказал, что не может рассчитывать на вооруженные силы. Генеральный штаб выступил против оказания помощи Республике. Общество повернулось бы против Блюма, обвиняя его в содействии Москве. Англия не поддержала бы его в случае внешнего конф-



ликта. Де Брукер говорил о «страхе перед Англией» как об одном из мотивов данной политики»<sup>256</sup>.

Через год после этих событий в беседе с советским полпредом Майским бывший премьер Великобритании Ллойд Джордж сурово критиковал французское правительство за его «трусовость, слабость и излишнее угодничество перед Лондоном». Наиболее характерным примером Ллойд Джордж считал именно французскую позицию в отношении событий в Испании. «Я не могу понять, — воскликнул Ллойд Джордж, — как французское правительство может смотреть на постепенный захват Пиренейского полуострова итало-германским фашизмом! Ведь если Франко победит, Франция по трем своим сухопутным границам будет окружена фашистскими диктаторами. Она тогда погибла»<sup>257</sup>. Однако далеко не все в Лондоне разделяли такую точку зрения.

Французское предложение о невмешательстве и коллективном эмбарго оружия было немедленно воспринято британскими официальными лицами с большим удовлетворением. Лондон в этой идее увидел идеальный механизм для укрепления своего нейтралитета, а также для смягчения критики со стороны лейбористской оппозиции, поддерживавшей Республику. Кроме того, французское предложение полностью соответствовало трем основным целям британского правительства в испанском кризисе: изолировать испанский конфликт и в то же время удержать своего союзника Францию от поддержки Республики; уклониться от сотрудничества с СССР в Испании; и, наконец, избежать конфронтации с Италией и Германией в связи с их поддержкой Франко. В Лондоне считали, что, если правительство Блюма поддержит Республику, это будет только на руку Германии и силам, симпатизирующим фашистским странам, а значит, явится вызовом для европейской стабильности.

В то же время решение французского правительства вызвало раздражение у союзника Франции по коллективной безопасности — СССР. 14 сентября Молотов говорил генеральному секретарю ИККИ Г. Димитрову: «Мы не свергаем правительство Блюма, но мы критикуем Блюма»<sup>258</sup>. Еще более резко оценивал действия Блюма Сталин в разговоре с Димитровым 16 декабря 1936 года: «Мы должны и дальше продолжать теперешнюю линию: критиковать Блюма, не доводя до срыва. Блюм — шарлатан»<sup>259</sup>.

За время существования политики невмешательства французское правительство никогда не следовало ей с такой строгостью, как сразу же после 8 августа 1936 года. К этому времени Германия и Италия развернули в больших масштабах интервенцию в поддержку мятежников. Дельбос в беседе с поверенным в делах США Вильсоном признавал, что ответственные лица Франции знали об этом за два дня<sup>260</sup>. Забегая вперед, следует сказать, что, когда для Блюма стало очевидно, что Гитлер, Муссолини и Салазар пренебрегают обязательствами, под которыми в августе поставили свои подписи, французский премьер смягчил контроль на пиренейской границе. Но вред, нанесенный Испанской республике, был уже непоправим. Он сыграл роковую роль в полном

изменении положения, которое за несколько месяцев привело республиканцев на край катастрофы.

Что же касается позиции Великобритании, то основную причину невмешательства следует искать прежде всего в настороженном, если не враждебном, отношении английской политической элиты к красному, почти коммунистическому, как считали в Лондоне, испанскому Народному фронту и до и после мятежа, а также в стремлении добиться общего политического соглашения с Италией и Германией. Выражая свою неприязнь, даже ненависть к коммунизму, глава английской консервативной партии Стэнли Болдуин, для которого Народный фронт и большевизм были однозначны, заявил в первые дни войны: «Чем больше фашисты и большевики убивают друг друга в Испании, тем лучше для нас, англичан»<sup>261</sup>. Английский посол в Испании Чилтон заявлял о своей надежде на то, что «...пошлют достаточно немцев, чтобы закончить войну»<sup>262</sup>. Даже Иден, впоследствии не принявший политики умиротворения и ушедший в отставку, заявил в беседе с Дельбосом, что Англия предпочитала бы победу мятежников победе республиканцев<sup>263</sup>.

Главный антагонист Гитлера на Британских островах У. Черчилль писал: «Когда я читаю, что значительное количество немецких нацистов и итальянских фашистов направляется в Испанию для того, чтобы уничтожить огромное число русских большевиков и французских коммунистов, я сожалею об этом. Но когда я спрашиваю мое сердце, я не могу не чувствовать, что если все эти вооруженные туристы в Испании будут уничтожать друг друга с такой силой, что не останется никого, за исключением представителей прессы, которые расскажут нам об этом, то интересы и безопасность Великобритании будут в известной степени обеспечены»<sup>264</sup>.

Безусловно, Англия стремилась сохранить свои позиции и влияние в Испании в случае победы мятежников. Для этого Великобритания пыталась добиться ослабления обеих воюющих сторон с помощью посредничества и последующего усиления британского влияния.

Наряду с вышеперечисленными факторами, следует назвать еще один, побудивший Великобританию занять подобную позицию в испанском конфликте. Это — англиканство, английский вариант католицизма, самые высокопоставленные представители которого (за исключением настоятеля Кентерберийского собора Хьюлетта Джонсона, прозванного «красным» за сочувствие республиканцам) высказывались, как и прелаты французской и американской католической церкви, за «крестовый поход» против «красного варварства».

Очень большую роль в механизме принятия решений английского и французского правительств играл экономический фактор. Двойственное отношение крупных финансовых кругов Англии и особенно Франции характеризовалось своеобразными экономическими позициями этих стран в Испании.

Как пишет голландский исследователь испанской войны Ван дер Эш, к началу гражданской войны 1936–1939 годов на долю француз-

ского капитала приходилось около 60% общей суммы иностранных инвестиций в Испании, то есть около 600 млн долларов, хотя к 1934 году они составляли всего 8–10%<sup>265</sup>. Испания получала от Франции больше займов, чем от любого другого государства. Огромную сумму составляли французские займы Испании и французские вложения в ценные бумаги испанских компаний — приблизительно 450–480 млн долларов<sup>266</sup>. Наиболее выгодным считалось вложение средств в железные дороги Испании. Французский капитал контролировал более половины железнодорожной сети Испании. Необходимо отметить, что подавляющая часть французских капиталовложений гарантировалась испанским правительством, вначале монархическим, а после 1931 года — республиканским. Это обстоятельство являлось весьма существенным, так как обуславливало политику Франции в отношении Испании. Париж был заинтересован в такой преемственности политической власти в Испании, при которой гарантировалось бы выполнение принятых на себя предыдущими правительствами долговых обязательств. Надо напомнить, что пришедший к власти в феврале 1936 года Народный фронт подтвердил подобные обязательства, в отличие от мятежников, заявивших в самом начале мятежа о готовности порвать с Францией.

Что касается прямых инвестиций Франции в испанскую промышленность, то их размер был примерно в 3 раза меньше, чем фиктивный капитал французских компаний. Наиболее крупными были вложения в горнодобывающую промышленность. 90% добычи свинца в Испании приходилось на долю французской компании «Сосьете миньер э металлуржик де Пеньярройя», принадлежавшей Ротшильдам. Кроме свинцовых рудников в Северной Андалузии, компания владела цинковыми рудниками и угольными шахтами, она проникала в химическую промышленность, построила ряд электростанций и железнодорожную линию<sup>267</sup>. Помимо деятельности указанной компании, французскому капиталу принадлежали основные месторождения калийных солей в Испании к северо-западу от Барселоны (фирма «Суриа»); добыча альмаденской ртuti и разработка железорудных месторождений в районе Альпухары. Существовали французские компании и в химической, газовой, энергетической (компания «Томсон–Хаустон»), автомобильной (фирма «Ситроен»), обрабатывающей промышленности, городском транспорте<sup>268</sup>.

Характерной особенностью прямых капиталовложений французских компаний являлось то, что они были сосредоточены в основном в тех провинциях Испании, которые до конца гражданской войны находились в руках республиканского правительства. Это было одной из причин того, что французский внешнеполитический курс в испанском вопросе отличался особой противоречивостью.

Общая сумма английских монополий в Испании, по данным уже упоминавшегося историка Ван дер Эша, к началу франкистского мятежа составляла около 200 млн долларов, или 20% всех иностранных инвестиций<sup>269</sup>. В отличие от французских, почти все английские капиталовложения были помещены в качестве прямых инвестиций. Основной

сферой приложения английского капитала являлась горнодобывающая промышленность.

Английские компании контролировали подавляющую часть добычи пиритов и серы в Испании. Центр разработок находился в провинции Уэльва (юго-западная Андалузия), с самого начала войны оказавшейся в составе националистической Испании. Самой мощной из действующих здесь английских компаний была «Рио Тинто», которая давала около 50% добычи пиритов в Испании, или четверть мировой добычи этого вида сырья. В целом английский капитал контролировал %<sub>10</sub> добычи серы и пиритов в Испании<sup>270</sup>.

Британские фирмы участвовали в разработке всех основных месторождений железной руды в Испании — Басконии, Южной Андалузии и в Испанском Марокко. Инвестиции английского капитала были также в оловянных и вольфрамовых рудниках, в добыче марганцевой руды и ртути, в разработке угольных месторождений.

Кроме капиталовложений в горнодобывающую промышленность, английский капитал принимал заметное участие и в других отраслях испанской экономики — железнодорожной, текстильной, в судостроении, электроэнергетике, металлургии.

Особенностью английских капиталовложений было их территориальное размещение. Подавляющая часть была сконцентрирована в Андалузии и в провинциях, прилегающих к Бискайскому заливу, то есть в тех районах, которые либо уже в первые месяцы гражданской войны (значительная часть Андалузии), либо к середине 1937 года (Бискайя) находились в руках мятежников. Если учесть, что часть владельцев британских компаний и связанных с ними «большой пятеркой» английских банков одновременно занимали важнейшие государственные посты в Соединенном Королевстве, то в известной мере становится понятным и их более теплое, по сравнению с Францией, отношение к мятежникам.

Наконец, еще одной интересной особенностью английских капиталовложений в испанскую экономику являлась определенная связь с германским капиталом. Например, компания «Рио Тинто» была тесно связана с франкфуртской фирмой «Металлгезельшафт», находившейся под контролем «ИГ Фарбениндустри»<sup>271</sup>. Безусловно, несмотря на партнерство, между ними происходила сильнейшая конкуренция, поэтому как английские, так и немецкие финансисты пытались воспользоваться разразившейся войной в Испании для вытеснения с испанских рынков своих партнеров-конкурентов.

Обладая значительными инвестициями в Испании, Англия и Франция были заинтересованы в этой стране как в источнике сырья и рынке сбыта товаров. С точки зрения сырьевых ресурсов, особенно по отдельным видам, Испания представляла выгодную сырьевую базу. Она была крупнейшим производителем ртути, давая 40–45% мировой добычи этого металла. Доля Испании в мировой добыче серы и пиритов накануне Второй мировой войны была равна 12% и более 50% соответственно. Именно из испанских недр получала пириты для производства

взрывчатых веществ большая часть стран Европы. Накануне мировой войны Испания занимала третье–четвертое место в капиталистическом мире по добыче калийных солей и пятое–шестое — по добыче свинцовой руды. Кроме того, в Испании добывались в значительном количестве медная и железная руды, цинк, вольфрам, серебро и другие полезные ископаемые<sup>272</sup>. Особенно важна в экономическом отношении Испания была для тех стран, которые не имели колоний, прежде всего для Германии; однако Англия и Франция также в определенной мере зависели от поставок испанского сырья.

Англия получила из Испании 87% ртуты, которую она использовала в процессе перевооружения перед Второй мировой войной. За счет испанских источников она покрывала 15–20% своих потребностей в импортной железной руде. Особенно велика была зависимость от испанской железной руды металлургического района Южного Уэльса. Импорт из Испании составлял значительную долю в английском ввозе пиритов. Серьезную конкуренцию на вывоз железной руды, пиритов и ртуты Англии составляла прежде всего Германия<sup>273</sup>.

Зависимость Франции от поставок испанского сырья была значительно меньшей. Исключение составлял лишь ввоз свинца и серебра. Существенное значение имел и импорт пиритов.

Что касается экспорта, то для Англии значительный интерес Испания представляла как рынок сбыта угля. Английские фирмы полностью монополизировали ввоз угля в Испанию, не допуская на ее рынки другие иностранные компании. По данным журнала «Экономист», в 1935 году экспорт английского угля в эту страну составил 1,24 млн тонн<sup>274</sup>. Из других важных статей английского экспорта следует отметить химические продукты. В структурном составе французского экспорта не было преобладания каких-либо статей, к тому же доля Франции в общем экспорте в Испанию постоянно сокращалась еще до гражданской войны.

Следует заметить, что, хотя место испанских рынков в экспорте Англии и Франции не представляется значительным, все-таки по некоторым статьям экспорта роль рынков на Пиренейском полуострове была весьма доходной частью бюджета Англии и Франции. Кроме того, после начавшегося в середине 1937 года нового экономического кризиса борьба за сравнительно малоемкие испанские рынки, несомненно, приобрела важное значение.

В борьбе сторонников и противников Испанской республики значительную роль играли и некоторые политические салоны. Среди них на первое место следует поставить британский «клайвденский клан», вдохновительницей которого была леди Нэнси Астор. Эта группа играла роль ментора консервативной партии. Гости леди Астор принадлежали к очень замкнутому кругу, где формировались политические мнения и намечались министры. Наиболее известными деятелями этого политического салона были сэр Невилл Чемберлен и лорд Галифакс. Одним из фаворитов клана в течение всей испанской войны был богатейший землевладелец и испанский гранд, которого Франко назначил

своим неофициальным представителем в Лондоне, герцог Альба, чьи интриги не раз оказывали влияние на английскую дипломатию.

Во Франции своеобразным аналогом «клайвденского клана» являлись представители «двухсот семейств». Как для лондонского Сити и «клайвденского клана», так и для «двухсот семейств» Народный фронт являлся врагом. Что же говорить об их испанской политике, если для собственной страны был придуман лозунг: «Лучше Гитлер, чем Народный фронт». Подрывая с помощью политики невмешательства тот союз, который привел французские левые силы к власти, они постепенно вызвали раскол французского Народного фронта, что повлекло, помимо других факторов, отказ от испанского собрата и поражение Испанской республики.

На наш взгляд, помимо внутривнутриполитических факторов причины рокового решения Леона Блюма отказать Испанской республике в поддержке следует искать во внешнеполитической ориентации Франции. Ориентиром для Франции являлась Великобритания, которая, в свою очередь, не рассматривала Францию как равного партнера, а последняя следовала в фарватере английской политики. Дело в том, что в сложившейся международной обстановке лета 1936 года Франция, стремясь отвести от себя гитлеровскую угрозу, возлагала основные надежды на Англию и нуждалась в ее поддержке. «Блюм затронул самую чувствительную струну в сердце каждого француза — страх перед новой войной»<sup>275</sup>. Но Блюм и его соратники не понимали одной простой вещи: Великобритания также нуждалась во Франции. На наш взгляд, правительство Стэнли Болдуина во внешней политике придерживалось двух основных принципов: умиротворения и военного союза с Францией, основанного на Локарнском договоре. Кроме того, очевидно, что утверждение Блюма о том, что невмешательство в августе 1936 года спасло Европу от войны, исторически несостоятельно, поскольку фашистские державы в тот момент не были готовы к новой большой войне.

Безусловно, Англия и Франция стремились изолировать внутренний испанский конфликт с целью предотвращения его негативного влияния на систему международных отношений. Именно для этого и был создан Лондонский комитет по невмешательству в испанские дела. Но политическое руководство Англии и Франции явно не рассчитало свои силы. На наш взгляд, они не учли того, насколько эффективно фашистские державы — Германия и Италия — могут попытаться извлечь выгоду из внутреннего испанского конфликта, используя его влияние на международную систему с целью ее дестабилизации.

Целью заключения соглашения по невмешательству являлось стремление предотвратить возникновение большой войны в Европе, и так разрываемой идеологическими противоречиями. С начала испанского конфликта оружие, военные материалы и людские ресурсы потекли рекой из-за рубежа обеим воюющим сторонам. Довольно сложно точно оценить количество такой помощи, но, например, итальянское Министерство иностранных дел открыто заявляло, что в определенное время в Испании находилось около 40 тысяч военнослужащих этой страны<sup>276</sup>.

Авторство соглашения по невмешательству в гражданскую войну в Испании 1936–1939 годов приписывают премьер-министру Франции Леону Блюму. Действительно, именно французское правительство еще 1 августа 1936 года обратилось к заинтересованным сторонам подписать соглашение о невмешательстве во внутренний испанский конфликт.

15 августа 1936 года состоялся обмен нотами между французским и британским правительствами. В этих практически идентичных дипломатических посланиях, содержащих преамбулу и три политические декларации, выразилось стремление проводить общую политическую линию в испанском конфликте. В преамбуле говорилось о том, что оба правительства в отношении испанских событий решили строго соблюдать политику полного невмешательства, прямого или косвенного, во внутренние дела Испании на основе желания избежать разногласий между своими народами. Далее заявлялось, что: 1. будет запрещен любой «экспорт оружия, амуниции, военных материалов, так же как и самолетов, собранных или разобранных, и военных кораблей», на территорию Испании; 2. запрет распространяется и на те контракты, которые находятся в процессе; 3. правительства будут действовать во взаимном согласии и информировать о мерах, принятых в связи с вышеуказанными договоренностями. В заключение говорилось, что данная декларация вступит в силу при условиях, что вторая сторона, а также правительства Германии, Италии, СССР и Португалии примут подобные декларации.

В итоге 27 европейских государств в той или иной степени приняли подобные декларации. Швейцария отказалась присоединиться к соглашению, но все же запретила экспорт оружия и военных материалов из своей страны в Испанию. Однако содержание 27 деклараций, несмотря на всю схожесть, могло истолковываться таким образом, что было довольно трудно говорить, что все государства имели одинаковые намерения.

15 европейских стран продублировали текст деклараций Англии и Франции; 6 государств опустили преамбулу (Германия, Венгрия, Италия, Латвия, Польша, Турция), при этом Италия и Португалия оговорили себе такие условия, что фактически могли в любое время нарушить соглашение по невмешательству.

Следует отметить, что соглашение по невмешательству не являлось формальным договором между участвующими государствами. Это было именно соглашение, основанное на односторонней декларации о намерении проводить определенную политику в отношении испанского конфликта. Отказ от выполнения обязательств декларации не мог быть оценен как нарушение международных правовых норм, следовательно, ничем не грозил данной стране. Таким образом, выполнение условий соглашения целиком и полностью основывалось на доброй воле стран-участниц и сотрудничестве их правительств.

Для координации усилий государств по предотвращению иностранной интервенции в Испанию было решено создать в Лондоне «Международный комитет по применению соглашения о невмешательстве в

дела Испании». Первое заседание Комитета, состоявшего из дипломатических представителей участвовавших стран, прошло в британском Министерстве иностранных дел 9 сентября 1936 года. Президентом Комитета был избран У. Моррисон, но довольно скоро его на этом посту сменил лорд Плимут. Исполнительным секретарем был назначен Ф. Хемминг. Все они являлись представителями Великобритании. С самого начала в Комитете сложилось несколько группировок. Одна из них — «группа пяти» в составе Плимута (председателя), Корбена (посла Франции в Лондоне), К. де Маршьена (посла Бельгии), Пальмшерны (посла Швеции) и Масарика (посла Чехословакии). Этой группе, схожей по своим политическим взглядам и представлявшей западные демократии, противостояла «группа трех» — коалиция из дипломатов фашистских государств: Гранди (Италия), Риббентроп (Германия) и Монтейро (Португалия). Отдельно следует выделить представителя СССР И.М. Майского.

Лондонский комитет очень скоро превратился в арену ожесточенных дипломатических боев, в ходе которых все стороны осыпали друг друга всевозможными эпитетами, порой весьма язвительными. По воспоминаниям участников событий, наиболее невежественным был германский посол Риббентроп, который с присущей ему прямолинейностью постоянно срывал хитроумные планы Гранди и за свою грубость получил прозвище *Brikkendrop*, что Майский переводил как «каменьброс» или «бросатель кирпичей»<sup>277</sup>. (В английском языке есть также идиоматическое выражение «*to drop a brick*», что означает «допустить бестактность».)

Вместо того чтобы сразу заняться изучением жалоб испанского правительства на непрекращающуюся интервенцию фашистских держав, Плимут начал оттягивать этот процесс. Когда же это стало невозможным, было предложено создать постоянный подкомитет для предварительного обсуждения вопросов в составе только 9 членов. 14 сентября такой подкомитет был создан, и в него вошли представители Франции, Великобритании, СССР, Германии, Италии, Португалии, Бельгии, Швеции и Чехословакии. Это было сделано главным образом для того, чтобы избежать проникновения происходящего в Комитете в печать. Такая тактика «глушителя» оказалась весьма плодотворной. Фактически в дебатах участвовали только крупные державы: Великобритания, Франция, СССР, Германия и Италия.

Когда на пленарном заседании Комитета разгорались бурные дебаты, грозившие вызвать нежелательный отклик в общественном мнении, тут же находилось множество причин, чтобы перенести спорный вопрос в подкомитет, где первоначально не велось стенографического отчета, то есть точные данные не могли быть опубликованы в прессе. В течение всей деятельности Лондонского комитета подкомитет собирался гораздо чаще, чем пленарные заседания.

25 сентября 1936 года, находясь в сложном положении и недоумевая по поводу действий (точнее бездействия) западных демократий на международной арене и в Лондонском комитете, испанское правительство



Ларго Кабальеро решило передать на рассмотрение Лиги Наций вопрос о итало-германской интервенции, которая не только не прекратилась после подписания Римом и Берлином соглашения о невмешательстве, но и резко усилилась.

Английские и французские официальные лица пытались убедить Испанскую республику не выносить на обсуждение испанский вопрос. Однако это противоречило не только интересам республиканцев, но и самому духу Ассамблеи Лиги Наций, где каждый член мог выступить по интересовавшему его вопросу.

Республиканская Испания надеялась на то, что механизм Лиги Наций, давший осечку во время итало-эфиопской войны, все же сможет принять действенные меры в отношении испанских событий, тем более что факты фашистской интервенции были налицо. Испанский делегат министр иностранных дел Республики Альварес дель Вайо выступал перед Ассамблеей Лиги Наций и, обсуждая годовой итог работы Лиги, заметил, что внутренний испанский конфликт превратился в «международную гражданскую войну». Он подчеркнул, что система коллективной безопасности должна помогать странам в подавлении мятежей, которые поддерживаются извне. Министр выразил мнение, что соглашение по невмешательству равносильно интервенции против законного правительства. Альварес дель Вайо потребовал, чтобы Лигой Наций был официально поставлен вопрос об опасности, которую представляют для мира во всем мире повторные нарушения соглашения о невмешательстве. Он призвал обеспечить право свободно закупать оружие для Испанской республики и отменить эмбарго. Альварес дель Вайо осудил «чужовищность с юридической точки зрения» политики «невмешательства», которая на практике сводится к реальному, эффективному и прямому вмешательству на стороне мятежников. Но, несмотря на пламенные призывы испанского министра, никакой резолюции по испанскому вопросу принято не было<sup>278</sup>.

Тем временем работа Комитета по невмешательству также не привела к каким-либо позитивным результатам. Наоборот, итало-германская интервенция только усиливалась. В то же время в процесс интернационализации испанского конфликта включился Советский Союз, с октября 1936 года начавший оказывать помощь законному испанскому правительству.

7 октября представитель СССР в Комитете Майский вручил лорду Плимуту очень сухую советскую ноту. В ней были перечислены нарушения фашистскими державами, прежде всего Португалией, соглашения о невмешательстве. Нота заканчивалась следующими словами: «Советское правительство ни в коем случае не может согласиться превратить Соглашение о невмешательстве в ширму, прикрывающую военную помощь мятежниками со стороны некоторых участников Соглашения против законного испанского правительства. Советское правительство вынуждено ввиду этого, заявить, что, если не будут немедленно прекращены нарушения Соглашения о невмешательстве, оно будет считать себя свободным от обязательств, вытекающих из Соглашения»<sup>279</sup>.

16 октября 1936 года руководитель СССР и Генеральный секретарь ЦК ВКП(б) И.В. Сталин послал ставшую знаменитой телеграмму Генеральному секретарю Коммунистической партии Испании Хосе Диасу. В ней говорилось: «Трудящиеся Советского Союза лишь выполняют свой долг, оказывая посильную помощь революционным массам Испании. Они отдают себе отчет, что освобождение Испании от гнета фашистских реакционеров не есть частное дело испанцев, а общее дело всего передового и прогрессивного человечества». Противники и недоброжелатели СССР тут же начали толковать эту фразу в свою пользу. Важно подчеркнуть, что еще до того, как советская помощь республиканцам стала реальным фактом, сторонники Гитлера и Муссолини в Западной Европе и ультраконсервативные силы в Лондоне и Париже уже пытались представить начало гражданской войны в Испании как следствие заговора, инспирированного Москвой.

Прежде всего сталинская телеграмма прямо объявляла, что республиканской Испании будет оказана «всяческая посильная помощь». В первую очередь это касалось современного вооружения, способного противостоять итало-германской военной технике. Так же, как Италия и Германия, СССР прекрасно сознавал возможность испытать новую боевую технику на полях реальных сражений и воспользовался этим случаем. Причем не делалось никакой тайны из того, что это вооружение предназначается «революционным массам Испании»<sup>280</sup>. Есть еще один немаловажный аспект этого судьбоносного решения Сталина. Именно эта телеграмма открыла широкий путь к объединению всех желающих с оружием в руках помочь Испанской республике и вызвала широчайший международный резонанс.

Еще через неделю, 23 октября, Майский, действуя согласно указаниям, полученным от наркома иностранных дел М.М. Литвинова, направил по этому поводу письмо лорду Плимуту. В этот же день Майский огласил его содержание в Комитете по невмешательству, в котором была изложена позиция СССР. В послании Советского правительства говорилось, что «...Соглашение превратилось в пустую разорванную бумажку. Оно перестало фактически существовать...»<sup>281</sup>. В завуалированной форме обвинив Францию и Англию в том, что они способствуют несправедливому делу, СССР предоставил сам себе полную свободу действий. К этому времени несколько судов с советским оружием уже выгрузились в республиканских портах на Средиземноморском побережье. Очевидец тех событий и крупнейший исследователь испанской войны Жорж Сориа пишет, что он сам видел 27 октября, как южнее Мадрида в бой вступили первые советские танки, а неделю спустя появились и истребители<sup>282</sup>.

Сложилась довольно парадоксальная ситуация — Советский Союз не вышел из Лондонского комитета, но и не признавал больше действия Соглашения о невмешательстве. Если учесть, что фашистские державы вообще никогда не следовали соглашению о невмешательстве, но активно участвовали в Комитете, то можно сказать, что соглашение действительно превратилось в «пустую, разорванную бумажку».

В это же время активизировалась консервативная английская пресса, близкая к правительственным кругам. Так, газета «Таймс» прямо заявила, что усилия мятежников по «восстановлению порядка» в Испании заслуживают самой высокой оценки и что английское правительство «теперь с меньшими колебаниями рассмотрит вопрос о признании правительства Франко». Республиканское правительство «Таймс» называла «беспомощным и дискредитированным»<sup>283</sup>. Само английское правительство до наступления зимы делало ставку на быструю победу Франко. Та же «Таймс» 5 ноября предсказывала, что Мадрид будет взят франкистами «на этой неделе»<sup>284</sup>.

Майский в своих мемуарах вспоминает беседу с Черчиллем, состоявшуюся 5 ноября 1936 года. Будущий английский премьер заявил, что «...пройдет неделя — и весь этот неприятный вопрос исчезнет со сцены... Еще день, два, три, и Франко окажется в Мадриде, а тогда кто станет вспоминать об Испанской республике?»<sup>285</sup>.

6 ноября государственный секретарь США К. Хэлл направил своему послу в Испании Бауэрсу телеграмму, запрашивая данные о новом правительстве, которое сформируется в Мадриде после вступления в него националистов<sup>286</sup>.

Победа националистов считалась делом практически решенным. Ответственным было и поведение основных участников Лондонского комитета. Западные демократии закрывали глаза на увеличивающуюся помощь мятежникам со стороны Германии, Италии и Португалии, надеясь, что этого будет достаточно для полной победы Франко и исчезновения испанской проблемы из международных отношений. СССР, с одной стороны, постоянно разоблачал фашистскую интервенцию, а с другой — активно поставлял оружие Республике для спасения Мадрида.

Триумфальная победа франкистов под стенами Мадрида, однако, не состоялась. К середине ноября 1936 года фронт стабилизировался. Мятежники и интервенты отказались от лобовых ударов по столице и стали готовить новое наступление. Стало ясно, что война затягивается, и победа Франко не казалась уже столь убедительной, как месяц назад.

Тем не менее действия Англии и Франции не претерпели никаких изменений. По-прежнему Испания была лишена возможности приобрести оружие у тех стран, которые были связаны договором о невмешательстве. Фактически Мадрид имел возможность получать вооружение только из СССР и Мексики, но это сопровождалось огромными трудностями ввиду географической удаленности этих стран от Испании. В гораздо более выгодном положении находились мятежники, снабжаемые своими соседями — Португалией и Италией, а также Германией.

В то же время работа Комитета по невмешательству не привела к каким-либо позитивным результатам. Наоборот, итало-германская интервенция только усиливалась; в процессе интернационализации испанского конфликта активно участвовал Советский Союз.

27 ноября 1936 года испанское правительство обратилось к специально созванной сессии Совета Лиги Наций с жалобой по 11-й статье Устава Лиги Наций, направленной против вооруженной интервенции

Германии и Италии в Испании и их официального признания правительства мятежников 18 ноября 1936 года. Это, по мнению республиканской Испании, должно было расцениваться как грубейшее нарушение международного права и являлось фактом, угрожавшим мировой безопасности и хорошим взаимоотношениям между государствами<sup>287</sup>.

Несмотря на то, что представители некоторых государств попытались избежать созыва экстренной сессии Совета, она все же состоялась, правда, в отсутствие дипломатов Италии и Эквадора. Альварес дель Вайо вновь выступил с гневной речью, заявив, что в его стране против Республики воюет сразу несколько государств. Он сказал, что на примере Испании мир видит новые формы агрессии, когда иностранные державы провоцируют мятеж, а затем активно его поддерживают с нарушением международных соглашений. Испанский министр отметил, что его обращение к Лиге Наций не является попыткой втянуть организацию во внутренний конфликт с целью помощи или урегулирования. «Это делается лишь для того, — сказал министр, — чтобы помочь Лиге и Европе увидеть как в отдельных странах, так и на международном уровне формирующиеся очаги войны, дабы предотвратить увеличение арены конфликта и заполнить пустоту в деятельности системы невмешательства». В ответ на высказывания испанского дипломата игравший ведущую роль в Лиге Наций английский представитель лорд Крэнборн заявил, что Комитет по невмешательству скрупулезно изучает все нарушения и в скором времени их устранил. Более того, апеллируя к своему предложению о посредничестве, Англия и Франция добились того, что Совет Лиги не выступил с ясным осуждением политики невмешательства<sup>288</sup>.

С середины ноября в деятельности Лондонского комитета начался новый этап. Этот период характеризуется усилением интервенции в Испанию и признанием Франко фашистскими державами. Фашистская интервенция в Испанию приобрела качественно новый характер. Если раньше фашистские страны посылали только военную технику и специалистов, то теперь направляли целые воинские подразделения.

В последних числах ноября 1936 года французское правительство представило английскому правительству проект урегулирования испанского конфликта, который включал в себя несколько этапов. На первом этапе страны—участницы соглашения о невмешательстве в испанские дела подтверждали бы все ранее взятые на себя по этому соглашению обязательства, а также дополнительно обязались бы не направлять в Испанию своих добровольцев. На втором этапе европейские державы брали на себя инициативу в организации перемирия в Испании, которое будет осуществлено не в рамках деятельности Лиги Наций, а через Лондонский комитет по невмешательству. На третьем этапе «под контролем европейских держав» создавалось «временное правительство» для всей Испании, дальнейшая судьба которой будет определена позднее, возможно, путем плебисцита<sup>289</sup>. Смысл этого демарша заключался в словах Дельбоса послу США У. Буллитту, заявившего, что указанный план имеет целью предотвращение захвата Германией и Италией таких позиций в Испании, которые могли быть использованы ими против Франции и Англии<sup>290</sup>.

Лондон это предложение вполне устраивало. Действительно, при реализации подобного плана Англия добивалась своих основных целей. Как республиканцы, так и националисты были бы сильно ослаблены. В составе временного правительства Англия хотела видеть лиц, которые «стояли в стороне» от гражданской войны в Испании<sup>291</sup>. Англичане прекрасно понимали, что за помощью в восстановлении Испании это правительство обратится именно в Лондон. Одновременно такой поворот событий решал и задачу недопущения как утверждения Германии и Италии на Пиренейском полуострове, так и большевизации Испании.

Когда 5 декабря французское и английское правительства выступили с официальным предложением Германии, Италии, Португалии и СССР принять вышеуказанный план, положительный ответ был получен только из Москвы. Остальные страны такого ответа не дали. Германия и Италия меньше всего хотели распространения соглашения о невмешательстве на «добровольцев». В целом фашистские державы не были заинтересованы в перемирии, боясь потерять завоеванные позиции в Испании, и желали полной победы националистов, которым они уже оказали значительную помощь.

Одну из причин демарша Лондона и Парижа о посредничестве следует искать в их попытках не выглядеть в глазах общественного мнения как противники демократии в Испании. Как писал американский посол в Великобритании, «...ни Франция, ни Англия не верят в успех, но они хотят, чтобы их инициатива стала известна до того, как 10 декабря соберется Совет Лиги Наций»<sup>292</sup>.

12 декабря 1936 года Лига Наций впервые приняла резолюцию по испанскому вопросу, в которой указывалось: «Совет напоминает об обязанности каждого государства уважать территориальную целостность и политическую независимость другого государства, обязанности, возлагаемой на членов Лиги Наций ее Уставом. Совет Лиги Наций подтверждает, что все государства обязаны воздерживаться от вмешательства во внутренние дела другого государства». Речь шла об установлении контроля, чтобы обеспечить эффективность невмешательства, и о том, что «Совет Лиги сочувственно относится к деятельности, предпринятой в международном плане Великобританией и Францией, имеющей целью устранить угрозу, которую порождает для мира и дружественных отношений между государствами продолжение событий, происходящих в настоящее время в Испании»<sup>293</sup>.

Выступая перед Советом Лиги, советский представитель М.М. Литвинов очень четко подметил, что происходящие события являются серьезной угрозой для самого существования Лиги Наций. Советский нарком резко высказался в адрес тех «так называемых сторонников Лиги, которые думают, что Лига может нормально функционировать при условии, что никто не будет к ней обращаться и ничего не ожидать от нее»<sup>294</sup>.

Однако, помимо морального удовлетворения, заявление Совета Лиги и сочувствующих членов Совета не дало республиканцам ровным счетом ничего. 7 января 1937 года в передовице «Манчестер Гардиан» было замечено, что «испанский министр, так же как и император Эфио-

пии, предоставили Лиге Наций превосходные произведения на тему коллективной безопасности, которые остались без ответа. Если они ничего не добьются, то по крайней мере их труды останутся в истории как пример тщетного обращения к международной совести»<sup>295</sup>.

К этому следует добавить, что один из участников фашистской интервенции (Германия) давно вышел из Лиги Наций, а другой (Италия) собирался это сделать. Тем не менее, испытывая давление со стороны общественного мнения, западные демократии интенсифицировали работу Комитета по невмешательству. За две недели между испанской жалобой и собранием Совета Лиги было принято два важных решения: запрет на набор добровольцев, направлявшихся в Испанию, в странах, подписавших соглашение, и установление контроля на границах Испании для предотвращения проникновения последних. Следует отметить, что в случае эффективного выполнения данных решений судьба мятежников оказалась бы крайне незавидной.

В течение декабря Германия, Италия и Португалия отвергли предложение о посредничестве<sup>296</sup>. Планы западных демократий потерпели фиаско. Тем не менее 24 декабря 1936 года Великобритания и Франция снова предложили правительствам Германии, Италии, Португалии и СССР оказать им поддержку в вопросе о запрещении выезда в Испанию всем иностранным волонтерам.

Следует акцентировать внимание на этой проблеме. Даже апологеты консервативной политики в испанских делах, каким является, например, голландский историк Ван дер Эш, признают, что если бы английское правительство было действительно заинтересовано в запрещении отправки итало-германских волонтеров в Испанию, то оно не стало бы подписывать «джентльменское» соглашение с Италией, не дождавшись ответа последней на это предложение<sup>297</sup>.

«Джентльменское» соглашение между Италией и Англией было подписано 2 января 1937 года. Центральное положение этого документа гласило, что правительства Англии и Италии «объявляют об отсутствии у них каких-либо желаний изменить или, поскольку это касается их, допустить изменение статус-кво в отношении национального суверенитета территорий в районе Средиземного моря». Смысл этого соглашения уточнялся в нотах, которыми обменялись накануне его подписания внешнеполитические ведомства Италии и Великобритании. Англия заявляла, что любое изменение статус-кво в западной части Средиземного моря было бы фактом, имеющим непосредственное отношение к ней; Рим, со своей стороны, заявлял об отсутствии у Италии планов захвата испанской территории<sup>298</sup>. Теперь Лондон, казалось, мог быть спокоен как минимум за территориальную целостность Испании. Однако многие поспешили пессимистически взглянуть на заключенное соглашение. Так, 9 января «Экономист» в переводной статье под заголовком «Неубедительное обещание» писал: «...сложно представить, что страна (Великобритания. — *А.Н.*) с энтузиазмом воспримет “джентльменское” соглашение. Ведь в канун подписания итальянцы высадили в Испании еще 6000 солдат... Пакт уже нарушен»<sup>299</sup>.

Фактически, подписанием этого пакта Англия санкционировала участие итальянских войск в испанском конфликте. В обмен она получила от итальянского правительства заверения, что никаких территориальных изменений в этом районе не произойдет. В своих мемуарах Иден признает, что Муссолини использовал переговоры в связи с заключением «джентльменского» соглашения для усиления интервенции в Испании<sup>300</sup>, в то же время заявляя, что ему ничего не было известно об отправке итальянских войск в Испанию до 4 января 1937 года. Кроме того, на наш взгляд, заключение данного соглашения с Италией было подчинено целям английской дипломатии по отдалению Муссолини от Гитлера.

Еще раньше, 26 декабря 1936 года, вероятно, зная о готовившемся подписании соглашения между Англией и Италией, английский представитель в Комитете выдвинул идею мирных переговоров, основанных на отводе всех иностранных войск, принимавших участие в конфликте. Этот вопрос дискутировался в течение двух месяцев, несмотря на то, что факты продолжавшейся фашистской интервенции были налицо. Не меняло позиции Лондона и нарушение Италией только что подписанного «джентльменского» соглашения.

Гранди и Риббентроп ухитрились настолько затянуть дебаты, насколько это было нужно для прибытия в националистическую Испанию огромного количества вооружения, необходимого по замыслам фашистских стратегов для нового и последнего штурма Мадрида.

В течение декабря—января 1937 года фашистская интервенция стала приобретать настолько большой масштаб, что английское и французское правительства перед лицом общественного мнения были вынуждены действовать. 9 января британское правительство объявило о немедленном запрете набора добровольцев в Испанию, а также предложило Комитету заняться выработкой программ по добровольцам, наблюдению и контролю над иностранной интервенцией в Испании<sup>301</sup>. В результате британской инициативы 16 февраля Комитетом по невмешательству было достигнуто соглашение о том, что набор добровольцев в странах—участницах соглашения должен быть запрещен с 20 февраля<sup>302</sup>.

В начале марта 1937 года фашистские представители в Комитете, зная, что через несколько дней начнется наступление мятежников под Гвадалахарой, и будучи уверенными в окончательной победе, заявили, что их правительства готовы подписать соглашение об отводе иностранных войск. Но вскоре они оказались в сложном положении.

Речь идет о сражении под Гвадалахарой, которое началось 8 марта 1937 года. Вначале инициатива принадлежала националистам, состоящим почти полностью из итальянских солдат, но в ходе начавшегося 18 марта контрнаступления республиканцев им было нанесено страшнейшее поражение. От полного разгрома итальянский корпус спасло только то, что республиканские части находились в состоянии чрезвычайной усталости и не могли долго преследовать противника. Тем не менее было захвачено много военных трофеев, в том числе итальян-

ской документации, и пленено большое количество солдат и офицеров регулярной итальянской армии\*.

Победа республиканцев под Гвадалахарой имела огромный международный резонанс и произвела колоссальное впечатление во всех странах. Очевидными стали два фактора. Во-первых, теперь не приходилось надеяться на скорое окончание испанской войны. Во-вторых, всем, даже тем, кто очень не хотел замечать фашистской интервенции, пришлось признать факт военного вмешательства Италии в испанские события.

Итальянские лидеры были обескуражены. 24 августа 1937 года Чиано записал в своем дневнике: «Я вспоминаю о днях Гвадалахары. Многие тогда начали дрожать. Мы говорили об этом с Руссо. И у него, и у меня волосы побелели, но мы верили (в победу. — *А.Н.*)»<sup>303</sup>. 23 марта импульсивный итальянский посол в Лондоне Гранди на заседании Лондонского комитета по невмешательству заявил, что ни один итальянский доброволец не уйдет из Испании до победы Франко<sup>304</sup>. Муссолини был в бешенстве от поражения под Гвадалахарой.

«Престижу Муссолини был нанесен серьезный удар, — писал советский полпред в Лондоне Майский. — Итальянский диктатор в течение многих лет шантажировал Европу наглыми жестами и криками о военной непобедимости фашизма. И вдруг под Гвадалахарой его дивизии, впервые столкнувшись с армией другого европейского государства, притом только что созданной, еще неопытной и плохо вооруженной, позорно бежали»<sup>305</sup>. После неожиданного сокрушительного поражения фашистов Гранди и Риббентропу пришлось поставить под вопрос в Комитете по невмешательству ими же одобренный график вывода добровольцев.

Тем временем, несмотря на принятые Комитетом меры, большое количество вооружения, целых воинских соединений, военных советников и просто добровольцев продолжало устремляться в Испанию — как в республиканскую, так и в националистическую. Так как подобные факты мгновенно становились достоянием общественности, Комитет вынужден был принимать дальнейшие шаги по предотвращению иностранной интервенции. Так появился на свет Международный комитет по контролю. 8 марта 1937 года Комитет по невмешательству единогласно принял резолюцию о создании специальной схемы наблюдения за испанскими границами<sup>306</sup>. Международный комитет по контролю должен был инспектировать морские и сухопутные границы Испании с целью не допустить проникновения военных материалов и «добровольцев» в Испанию. Надо оговориться, что из-за позиции фашистских представителей он начал свою работу только с 3 мая 1937 года. С самого начала в действиях Комитета по контролю появилось множество слабостей, позволявших обходить его. Так, например, международный морской патруль не имел права задерживать суда, проходящие под ис-

---

\* Среди трофейных документов были и фотокопии телеграммы, которую дуче отправил своим генералам: «Будучи заранее уверен в вашей победе под Гвадалахарой, я выезжаю завтра из Рима в Ливию».



панским флагом. Нетрудно догадаться, что итальянские, немецкие и советские суда, подходя к зоне контроля, могли просто поменять свой флаг на флаг одной из воюющих в Испании сторон. Основным недостатком, однако, являлось отсутствие каких-либо наказаний против тех стран, которые нарушали правила Комитета по контролю, так как участие в нем основывалось исключительно на доброй воле стран, подписавших соглашение. Именно это и стало причиной гибели Международного комитета по контролю.

Собственно, вся деятельность Комитета продолжалась недолго, так как после инцидентов на Мальорке и в бухте Ибица на Балеарских островах системе контроля, выработанной Лондонским комитетом, был нанесен серьезнейший удар, от которого она уже не смогла оправиться.

Дело в том, что 24 и 26 мая республиканская авиация атаковала порт Пальма на Мальорке, где в это время находились итальянские военные корабли. Хотя эта территория не входила в зону ответственности итальянских контролеров, Гранди и Риббентроп в знак протеста заявили, что отныне будут бойкотировать работу комитета. Спустя несколько дней произошел еще один инцидент, который позволил фашистским державам эффективно срывать работу Комитета по невмешательству вплоть до конца войны в Испании.

29 мая 1937 года в бухте Ибица республиканскими самолетами был, скорее всего случайно, подвергнут бомбардировке немецкий линкор «Дойчланд», который не должен был нести никакой контрольной службы в этих водах. В ответ Гитлер отдал приказ своей средиземноморской эскадре подвергнуть обстрелу мирный город Альмерию. Вот как описывает произошедшее в своих мемуарах глава ВМФ Третьего рейха гросс-адмирал Эрих Редер: «Зашедший со стороны уже спустившегося низко к горизонту солнца самолет не был вовремя замечен; кроме того, он нес на своем фюзеляже фальшивые опознавательные знаки франкистской авиации, и никто не заподозрил его в каких-либо враждебных намерениях. Поэтому он смог сбросить бомбы до того, как зенитная артиллерия линкора открыла огонь. Две бомбы попали в линкор, незначительно повредив его. Но куда более серьезными оказались потери среди личного состава. Тридцать один человек был убит, еще семнадцать восемь ранены. В ответ на это ничем не спровоцированное нападение немедленно должен был быть нанесен ответный удар, чтобы предотвратить повторение подобных инцидентов. Гитлер, который только что вылетел из Берлина на самолете, узнав о нападении на линкор, немедленно вернулся в столицу. На экстренном заседании государственного совета было решено в качестве ответной меры обстрелять контролируемый республиканцами испанский порт Альмерия. 31 мая 1937 года “карманный” линкор “Адмирал Шеер” обстрелял этот укрепленный порт, выпустив по нему несколько 280-миллиметровых снарядов. Республиканские береговые батареи открыли ответный огонь, не причинивший никакого вреда»<sup>307</sup>.

Вскоре двумя неизвестными подводными лодками был атакован еще один германский корабль — крейсер «Лейпциг». Хотя он не получил

никаких повреждений, а принадлежность подводных лодок не была установлена, Германия и Италия заявили, что не будут участвовать в Лондонском комитете до тех пор, пока не получат «серьезные гарантии», что «новые акты агрессии» не будут иметь места<sup>308</sup>.

В то же время немецкие газеты развернули шумную кампанию, угрожая войной Испанской республике. «С нападением на “Дойчланд”, — писала “Фелькишер Beobachter”, — спор об Испании вступил в решающую для Германии стадию... Наступил момент, когда она не может более нести долю ответственности за проводившуюся до сих пор лондонскую политику... Германские военные эскадры... к бою готовы»<sup>309</sup>. Примерно в это время немецкие стратеги действительно наряду с вооруженной интервенцией в Австрию (операция «Отто») задумались и о возможности «втягивания» Германии в войну против «красной Испании». Однако подобная операция под кодовым названием «Рихард» предусматривала только активные действия немецкого флота<sup>310</sup>.

Тогда это был лишь демарш, целью которого было оказать давление на Лондон и Париж, чтобы западные демократии признали за Франко право воюющей стороны. Получив такое право, каудильо и его союзники смогли бы беспрепятственно проводить досмотры судов, идущих в республиканскую Испанию. О том, насколько сильно сократился бы ввоз оружия в Республику в этом случае, можно и не говорить. Перед лицом общественного мнения Англия и Франция не смогли пойти на признание Франко воюющей стороной, так как это значило бы публично продемонстрировать свои симпатии к мятежникам. Комитет оказался в тупике. 14 июля 1937 года в целях возобновления его работы Лондон и Париж предложили новый план контроля, который в дальнейшем получил название «британского плана».

Суть его сводилась к следующему. Во-первых, морской контроль вдоль испанского побережья отменялся, но сохранялись контролеры на судах, направлявшихся в испанские порты. Там, с согласия испанского правительства и Франко, устанавливались группы наблюдателей Комитета, которые были обязаны следить за тем, чтобы на всех разгружавшихся судах имелись контролеры. Это было явно выгодно Германии и Италии, для которых морской контроль был нежелателен.

Во-вторых, сухопутный контроль на франко-испанской и португальско-испанской границах немедленно восстанавливался в том виде, в каком существовал раньше. Это означало закрытие пиренейской границы, через которую Республика получала советское оружие.

В-третьих, за правительством Испанской республики, равно как и за Франко, признавались права воюющей стороны в ограниченном размере при условии, что все иностранные «волонтеры» будут эвакуированы из Испании. Таким образом, Англия и Франция уже были готовы на уравнивание в правах законного правительства и мятежников-националистов.

И наконец, было сказано, что признание прав воюющей стороны вступит в силу лишь после того, как Лондонский комитет по невмешательству убедится, что в эвакуации иностранных добровольцев достигнут «существенный прогресс».

Этот план постигла печальная участь: он полностью провалился, несмотря на попытки его реанимировать. Среди причин произошедшего следует выделить две: с одной стороны, пассивная позиция фашистских держав, желающих как можно больше затягивать обсуждение этого плана; а с другой — его пристрастность. Он давал явные преимущества мятежникам, что не преминули подчеркнуть многие органы прессы. Тем более, что после произошедшей еще 26 апреля 1937 года трагедии в Гернике (тогда немецкая авиация практически полностью уничтожила священный баскский город, не имевший никакой военной промышленности) и развала Северного республиканского фронта, обусловленного огромными поставками фашистских держав Франко, международная общественность была крайне взволнована и возмущена. Кроме того, в Англии начали появляться достаточно сильные симптомы недовольства официальной политикой Лондона в испанском вопросе. Недовольство исходило из деловых и промышленных кругов. Озабоченная защитой своих традиционных интересов в Стране Басков часть элиты торговой и металлургической промышленности сообщила правительству о своем беспокойстве в связи с победой Франко<sup>311</sup>. Судовладельцы, в свою очередь, создали комитет, потребовавший от британского правительства обеспечить безопасность навигации в испанских территориальных водах.

Инсценировав возобновление работы Комитета, лорд Плимут полностью застопорил ее до 16 октября 1937 года — поворотной даты, начиная с которой Лондонский комитет возобновил свою деятельность, сосредоточив ее отныне только на проблеме иностранных добровольцев.

Интервал в деятельности Комитета и подкомитета затянулся на несколько месяцев. Тем временем произошли некоторые важные события.

Во-первых, 19 мая 1937 года вновь, как и в ноябре 1936-го, испанское правительство обратилось к Лиге Наций с жалобой по 11-й статье Устава Лиги Наций на увеличение вооруженной интервенции Германии и Италии в Испанию. Альварес дель Вайо подчеркнул, что особенно после Гвадалахарского сражения и уничтожения Герники доказательства интервенции фашистских государств очевидны как никогда. Совету Лиги предлагалось принять какие-либо меры по предотвращению иностранного вмешательства, тем более что попытки Комитета по невмешательству повлиять на ситуацию, по мнению испанской стороны, ни к чему не привели. Английский и французский представители лишь морально поддержали выступление испанского министра, но посоветовали Совету Лиги воздержаться от активных действий, передав инициативу в Лондонский комитет по невмешательству<sup>312</sup>. В то же время в работе Комитета по невмешательству сложно было увидеть какой-либо прогресс.

29 мая Совет Лиги принял резолюцию по испанскому вопросу, однако в ней выражалась лишь надежда на то, что международные усилия по прекращению внутреннего конфликта в Испании окажутся успешными. Тем не менее в ней подчеркивалась необходимость немедленно-

го и полного вывода иностранных комбатантов\* из Испании. Совет Лиги также призвал членов Лиги, которые одновременно являлись членами Комитета по невмешательству, сделать все от них зависящее для ускорения этого процесса<sup>313</sup>.

Во-вторых, французское правительство под давлением демократических кругов своей страны оказалось вынужденным с середины июля 1937 года открыть франко-испанскую границу (периодически закрывая ее) вплоть до окончания обсуждения «британского плана» в Комитете по невмешательству. А так как это обсуждение затянулось до 5 июля 1938 года, то в течение одиннадцати с половиной месяцев Испанская республика имела возможность получать вооружение через Францию. Вообще пиренейская граница Франции в течение всей войны то открывалась, то закрывалась. До падения правительства Блюма в июне 1937 года практиковалось так называемое гибкое невмешательство — транзит советского оружия через французскую территорию и закупка испанскими республиканцами оружия во Франции. Это происходило из-за давления общественного мнения, требующего прекратить фарс невмешательства. Правительство было вынуждено считаться с массовыми выступлениями в поддержку Испанской республики, принимавшими самые разные формы — начиная с отправки медикаментов и съестных припасов гражданскому населению республиканской зоны и заканчивая формированием интернациональных бригад. Еще одним фактором смягчения политики невмешательства были постоянные международные скандалы, вызываемые вопиющими нарушениями Лондонского соглашения фашистскими участниками.

Действительно, фашистские государства продолжали оказывать помощь Франко оружием и живой силой. Каудильо, воспользовавшись этим, победоносно развернул наступление на севере Испании. Такое положение сохранялось до полного захвата националистами Страны Басков, совпавшего по времени с падением правительства Леона Блюма. Перед лицом трагедии на севере Испании новое правительство Народного фронта во главе с умеренным радикалом Камилем Шотаном приняло решение негласно открыть границу. После же принятия «британского плана» франко-испанская граница была наглухо закрыта до конца войны, во многом предопределив поражение Республики.

В-третьих, ввиду отказа Германии и Италии участвовать в морском патруле английское и французское правительства 16 сентября 1937 года также прекратили патрулирование испанского побережья. Советский Союз заявил, что он больше не будет вносить денежных средств на содержание системы контроля. Таким образом, рухнули главные устои всей системы контроля, и фактически от плана, принятого Комитетом 8 марта 1937 года, ничего не осталось.

И наконец, в сентябре 1937 года состоялась Нионская конференция, единственное достижение англо-французской дипломатии за все время

---

\* Дипломатический термин, использующийся для характеристики иностранных граждан, участвовавших в вооруженном конфликте в Испании.

существование Комитета. 23 августа 1937 года республиканское правительство вновь обратилось в Лигу Наций по 11-й статье Устава. В этой жалобе основной упор делался на нападения на испанские республиканские суда. Причем виновником подобного «криминального поведения» прямо объявлялось итальянское правительство<sup>314</sup>.

Действительно, стремясь затруднить снабжение Испанской республики морским путем, порой единственно возможным ввиду закрытия франко-испанской границы, мятежники и их фашистские союзники широко развернули пиратские действия на Средиземном море и в Атлантике. Особенно активны были итальянские подводные лодки. «Чиано заявил, — сообщал германский посол в Риме Хассель 5 августа 1937 года, — что, хотя предположительные оценки в отношении русского транспорта, возможно, несколько преувеличены, дуче по-прежнему намерен сделать все возможное, чтобы положить ему конец, разумеется, не с помощью надводных кораблей, а с помощью подводных лодок в водах Сицилии; если подлодки будут вынуждены всплыть на поверхность, то они поднимут испанский флаг...»<sup>315</sup>.

Первоначально их мишенями становились советские суда. Но вскоре началась систематическая охота на суда других держав, включая корабли Англии и Франции. Иногда нападения производились военными кораблями Франко, иногда подводными лодками и самолетами «неизвестной национальности».

Терпению западных демократий пришел конец, когда 31 августа «неизвестная» подводная лодка попыталась торпедировать британский эсминец «Хэвок»\*. 10 сентября 1937 года по приглашению Англии и Франции в швейцарском Нионе состоялась конференция девяти держав — Англии, Франции, СССР, Турции, Греции, Югославии, Румынии, Болгарии, Египта. В результате четырехдневной работы 14 сентября 1937 года состоялось подписание Нионского соглашения, по которому англо-французские силы взяли на себя патрулирование Средиземного моря. Другие участники этого соглашения обязались патрулировать собственные территориальные воды. Патрульные корабли должны были открывать огонь по всякой подводной лодке, атакующей любое неиспанское судно<sup>316</sup>. Эффект Нионского соглашения был оглушительным. Волна пиратства в Средиземном море сразу упала. Зимой 1937–1938 года нападения на неиспанские суда стали редким явлением. Гитлер и Муссолини, рассчитывавшие на полную безнаказанность, вынуждены были пойти на попятную. Более того, Италии пришлось присоединиться к этому соглашению.

К осени 1937 года относится и наиболее значительный успех в Лиге Наций, которого добилось республиканское правительство за все время гражданской войны в Испании. Казалось, испанское правительство

---

\* 12 сентября глава МИД Третьего рейха предупреждал своего итальянского коллегу: «... как явствует из заявления, сделанного мне здесь английским послом, англичане перехватили и расшифровали радиотелеграммы итальянских подводных лодок, действующих в Средиземном море».

может рассчитывать на успех в стенах Лиги Наций. Великобритания и Франция, игравшие первостепенные роли и в Лиге, только что оказали отпор пиратским действиям Муссолини, заставив его подчиниться своим требованиям. Республиканцы, хотя и были недовольны тем фактом, что Нионское соглашение не распространялось на испанские суда, все же надеялись, что эра твердой политики в отношении диктаторов распространится и на события непосредственно в Испании.

К этому времени республиканское правительство окончательно убедилось, что системе невмешательства нельзя использовать в качестве препятствия для иностранной интервенции. В таких условиях вопросом жизни и смерти для Испанской республики становилась ликвидация подобной политики. Единственное место, где республиканская инициатива могла рассчитывать на успех, была Лига Наций.

16 сентября 1937 перед Генеральной Ассамблеей Лиги Наций выступил премьер-министр Испанской республики Хуан Негрин. «Гражданские войны не являются предметом рассмотрения Лиги, — сказал премьер, — однако вторжения иностранных государств в другую страну заслоняют собой внутренний конфликт, и это является предметом первостепенного внимания Лиги Наций. Мы всегда были уверены, что величайший риск испанской гражданской войны перерасти в европейский пожар заключается в том факте, что международное право, вместо того чтобы быть использовано, было принесено в жертву требованиям тех, кто сделал шантаж войной инструментом своей внешней политики».

В заключение Негрин попросил выполнить следующие просьбы: 1) признать агрессию Италии и Германии против Испании; 2) ввиду подобного признания Лига Наций как можно скорее должна рассмотреть меры по прекращению данной агрессии; 3) вернуть испанскому правительству его законное право приобретать оружие и военные материалы за рубежом; 4) неиспанские комбатанты должны покинуть территорию Испании; 5) Испания должна участвовать в действиях по охране Средиземного моря<sup>317</sup>.

В ответ на просьбу Негрина испанский вопрос был вынесен на обсуждение специального 6-го Комитета Ассамблеи Лиги Наций, который после жарких дебатов представил на обсуждение Ассамблеи важнейшую резолюцию по испанской проблеме. Главным в этой, безусловно позитивной для Испанской республики, резолюции было заявление о прекращении политики невмешательства<sup>318</sup>. В последний раз в истории Лиги Наций в голосовании участвовали все министры иностранных дел ключевых европейских держав. Вопрос заключался не только в отмене политики невмешательства, но и в том, будет ли остановлена неприкрытая агрессия держав «оси» в отношении Испанской республики. Всем было очевидно стремление Германии и Италии добиваться своих целей силовым путем. На повестке дня стоял вопрос и о судьбе других государств Европы.

Принятие подобной резолюции могло коренным образом повлиять на ход испанского конфликта, да и на развитие европейского кризиса в целом. Однако для успешного голосования в Ассамблее было необхо-

димо единогласное решение всех 34 членов. Итальянские представители, официально не участвовавшие в Ассамблее, делали все возможное для саботажа резолюции. Рим мог рассчитывать на голоса своих сателлитов: Австрии, Венгрии и Албании. Португалия также не имела намерения голосовать не в пользу националистов. В то же время, находясь с визитом в Берлине, Муссолини открыто заявлял о «тысячах итальянцев, погибающих в Испании ради спасения цивилизации от фальшивых богов Женеви и Москвы»<sup>319</sup>.

Многое зависело от позиции Англии и Франции. Иден и Дельбос в целом поддерживали политику невмешательства. «Даже текущая дамба, — заявил Иден, — еще может служить». Однако оба подчеркивали, что система невмешательства не может существовать при открытом нарушении соглашения о невмешательстве в столь грандиозных масштабах.

В итоге Англия и Франция, так же как еще тридцать государств, включая почти всех членов Комитета по невмешательству, проголосовали за принятие резолюции, в которой говорилось об упразднении политики невмешательства в случае, если все иностранные комбатанты не будут немедленно отведены из Испании. К сожалению для Республики, всего два государства — Португалия и Албания — высказались против подобной резолюции, и за отсутствием единогласного решения она принята не была<sup>320</sup>.

Однако резолюция не была принята лишь формально. Голосование показало, что подавляющее большинство европейских стран, включая Англию и Францию, выступает за прекращение политики невмешательства — если не за открытое противодействие агрессорам, то хотя бы за соблюдение тех международных норм, которые фашистские державы с легкостью нарушали. Безусловно, это была моральная победа республиканской Испании и тех сил в Европе, которые были настроены на проведение эффективной политики коллективной безопасности.

Так как всем было понятно, что Италия не собирается выводить свои войска из Испании, республиканцы могли надеяться на скорое прекращение политики невмешательства. Действительно, Муссолини отказался участвовать в переговорах о выводе своих войск с Пиренейского полуострова<sup>321</sup>. 15 октября Иден, выступая перед общественностью, заявил, что его терпению приходит конец. Однако Муссолини не обратил внимания на заявления главы МИД Великобритании. Он прекрасно уловил настроения в британском кабинете министров, который с мая 1937 года возглавлял Невилл Чемберлен. Новый британский премьер сразу взял курс на сближение с фашистскими державами, с Италией, в частности. Одним из первых действий Чемберлена на посту премьера явилось письменное обращение к Муссолини, где глава британского кабинета восхищался личностью дуче и выражал желание наладить добрые отношения между двумя странами. Соответственным было его отношение к резолюции Лиги Наций. Чемберлен не собирался рисковать отношениями с Италией ради спасения Испанской республики. Позиция Франции, чья внешняя политика к этому времени находилась в зависимости от Лондона, мало чем отличалась от ан-

лийской. Хотя, как уже говорилось, под давлением общественности французские власти все же ослабили контроль на своей пиренейской границе.

Эра твердой политики, начавшаяся 29 сентября, когда вступило в силу Нионское соглашение, длилась недолго. Несмотря на то, что Италия все же присоединилась к соглашению, Муссолини отказался от переговоров по испанскому вопросу в целом. 10 октября Италия отвергла переданное ей неделей раньше официальное англо-французское предложение о трехсторонних переговорах. Близкая к правительственным кругам газета «Таймс» сообщила, что на заседании консервативной партии лорд Плимут заявил, что правительство Чемберлена прямо рассматривало происшедшее в Нионе как своего рода предпосылку для «широких переговоров» с Муссолини — прежде всего по испанскому вопросу<sup>322</sup>.

16 октября 1937 года в Лондоне возобновилось обсуждение британского плана отвода добровольцев из Испании. Германия и Италия, не желая обострять обстановку, пошли на уступки. После длительных дискуссий 4 ноября была принята резолюция, сущность которой сводилась к следующему:

— Комитет принимает в целом британский план от 14 июля 1937 года;

— председатель Комитета немедленно обращается к обеим сторонам в испанском конфликте с предложением оказать содействие эвакуации иностранных комбатантов из Испании и согласиться на отправку в Испанию двух комиссий Комитета, которые должны произвести подсчет общего количества воинов-иностранцев, подготовить их эвакуацию и проследить за эффективным ее проведением;

— председатель Комитета доводит до сведения законного правительства Испанской республики, равно как и генерала Франко, что за ними будут признаны права воюющей стороны на условиях, изложенных в британском плане от 14 июля 1937 года;

— контроль на франко-испанской границе восстанавливается незадолго (примерно за неделю) до фактического начала эвакуации иностранных комбатантов из Испании, причем одновременно будет введен и эффективный морской контроль;

— все члены комитета обязуются принять самые энергичные меры к приостановке дальнейшего притока иностранных комбатантов в Испанию<sup>323</sup>.

Вскоре пришли ответы из Испании. В целом как республиканское правительство, так и Франко были согласны. Комитет приступил к разработке практических мер по реализации программы 4 ноября — формированию комиссий для отправки в Испанию, определению размеров финансирования и методов эвакуации иностранных комбатантов, уточнению прав воюющей стороны и т.д. Опять разгорелись жаркие дискуссии, затянувшиеся почти на два месяца.

Примерно в это же время произошло де-факто признание мятежников правительством Чемберлена. Еще 4 ноября 1937 года Чемберлен, выступая в палате общин, заявил о том, что его правительство ведет



переговоры с Франко об обмене агентами, которые не будут, однако, являться дипломатическими представителями<sup>324</sup>. Через неделю в Лондоне и Саламанке было опубликовано коммюнике о завершении этих переговоров. 16 ноября 1937 года английским представителем при Франко был назначен чиновник высокого ранга Роберт Ходжсон, бывший официальный английский агент в Советской России в 1921–1924 годах и поверенный в делах в СССР в 1924–1927 годах. 22 ноября представителем националистов в Лондоне был назначен герцог Альба, который уже с марта 1937 года негласно занимал этот пост.

3 февраля 1938 года произошло последнее из целой серии заседание подкомитета, посвященное разработке практических мер по осуществлению резолюции от 4 ноября 1937 года. Можно было переходить по крайней мере к первым этапам его реализации. Однако именно в этот момент Лондонский комитет по невмешательству практически перестал работать, «погрузился в состояние длительного анабиоза»<sup>325</sup> вплоть до конца войны, иногда вяло обсуждая план контроля вывода комбатантов из Испании. Последняя и кратковременная вспышка энергии Комитета относится к 5 июля 1938 года, когда опять был поднят и тут же забыт вопрос о британском плане. После этого Комитет больше не собирался.

Бездействие Комитета объясняется тем, что в Англии и Франции у власти оказались «герои Мюнхена» — Чемберлен и Даладьё\*. Являясь

---

\* Невилл Чемберлен родился в 1869 году в известной семье британских политиков. Его карьера была обеспечена с детства. Невилл получил прекрасное образование, занимался бизнесом. Со времени Первой мировой войны — на различных государственных постах, избирался в парламент от консервативной партии. В 1922–1937 годах был министром почт, здравоохранения и финансов. В 1930 году был избран председателем консервативной партии. Как министр финансов много лет был озабочен проблемой экономии, в том числе и на вооружениях. В 1937 году стал премьер-министром Великобритании. Всем в своей жизни Чемберлен был обязан стабильности, характерной для Британии того времени. Он готов был платить за нее дорогую цену. Воспитанный в британских аристократических традициях, он верил в международное право и в силу соглашений. Этим умело воспользовался Гитлер. На пороге вступления в новую должность Чемберлен получил характерное напутствие своего старшего брата Остина, гораздо более опытного в иностранных делах политика. «Невилл, — заявил тот, — ты должен помнить, что ничего не понимаешь в делах внешней политики». Чемберлен расценил свои возможности иначе. «Я сам буду своим министром иностранных дел», — сказал он Нэнси Астор. Англии это обошлось очень дорого.

Эдуард Даладьё родился в 1884 году. По профессии — учитель. Участвовал в Первой мировой войне, пережив ужасы окопной бойни. В 1919 году был избран в парламент и стал одним из лидеров радикально-социалистической (радикальной) партии. С 1924 года занимал различные министерские посты, а в 1933, 1934 и 1938–1940 годах — пост премьер-министра. Политический опыт Даладьё приучил его к тому, что всегда можно договориться с представителями других сил — на этом тогда строилась вся парламентская жизнь Франции. Даладьё не учел, что современная ему Европа жила по другим законам, чем французский парламент.

апологетами политики умиротворения и решившие во что бы то ни стало добиться заключения соглашения (типа «Пакта четырех») с фашистскими державами, «человек с зонтиком» и «бык из Воклюза» пожертвовали Испанской республикой ради соглашения с фашистскими державами и спасения Европы от большой войны. В разгар политики умиротворения Муссолини говорил своему министру иностранных дел Чиано о премьер-министре Великобритании Чемберлене и других умиротворителях: «Эти люди сделаны не из того теста, что их фрэнсисы дрейки и другие блистательные авантюристы, которые создали империю. Эти — просто утратившие вкус к жизни сыновья многих поколений богачей, они растеряют свою империю»<sup>326</sup>.

Великобритания и Франция в качестве политической линии, способной локализовать испанский конфликт, выбрали невмешательство в испанские дела. Безусловно, такая политика была продиктована антикоммунизмом многих государственных деятелей Запада, страхом перед «красной» Испанией, что очень умело использовали фашистские державы. Политика невмешательства рассматривалась Лондоном и Парижем как средство если не предотвращения, то по крайней мере замедления процесса, который вел к началу общеевропейской войны. Действительно, влияние гражданской войны в Испании на политическую обстановку в Европе было в какой-то мере ограничено политикой невмешательства. Внутренний испанский конфликт не стал непосредственным катализатором европейской войны, которая разразилась в сентябре 1939 года по другим причинам. Тем не менее, несмотря на то, что политика невмешательства смягчила самое негативное влияние испанского конфликта на кризис межвоенной модели международных отношений, она не смогла предотвратить как минимум трех серьезных факторов, которые чуть позже приобрели решающее значение.

Во-первых, произошла кристаллизация «оси Берлин–Рим», изменившая статус-кво в европейском балансе сил в пользу фашистских держав\*. Кроме того, отвлекающий внимание испанский конфликт в значительной степени помог Третьему рейху осуществить грандиозное перевооружение\*\*.

Во-вторых, политика невмешательства нанесла серьезный удар по позиции Франции, сыграв существенную роль в превращении этой великой державы в младшего партнера Англии.

И наконец, самое важное: губительные разногласия между СССР, с одной стороны, и Англией и Францией, с другой, поставили крест на планах создания системы коллективной безопасности в Европе, а это и побудило Советский Союз действовать в одиночку перед лицом надвигавшейся военной опасности. Война в Испании показала практическую

---

\* Подробнее об этом см. в главе 6.

\*\* В августе 1936 года, через месяц после начала гражданской войны в Испании, была принята программа развития германской армии, которая и создала наступательную силу вермахта.

несовместимость франко-британской политики умиротворения и советской политики коллективной безопасности. Первая требовала абсолютной поддержки невмешательства, в то время как последняя предполагала поддержку одной из сторон конфликта.

Говоря о роли Лондонского комитета по невмешательству в нарастающей европейской кризиса, нельзя не отметить, что его деятельность явилась существенной частью политики умиротворения фашистских государств в 1936–1939 годах. Видя на примере гражданской войны в Испании, что позволяют делать Англия и Франция, нацистская Германия и фашистская Италия начинали все больше верить в безнаказанность своих действий в Европе в целом и интенсифицировали усилия по слову устоев Версальской системы.

На протяжении испанской войны Великобритания и Франция все дальше продвигались по пути умиротворения фашистских держав. Более того, к очагу напряженности на Пиренейском полуострове добавились новые конфликтные ситуации в самом центре Европы, а именно германские притязания в отношении Австрии и Чехословакии.

К этому времени Гитлер перешел от решения военного вопроса к территориальному. Большую роль в этом сыграло выполнение «четырехлетнего плана» переустройства экономической жизни Германии с целью перевода ее на военные рельсы. Этот план, принятый 9 сентября 1936 года, придавал динамику нарастанию кризисных тенденций внутри Версальской системы. Германия стремительно набирала военную мощь, а западные державы, осознавая свою слабость, старались выиграть время для перевооружения. Самое опасное время, по мнению Гитлера, — период строительства вооруженных сил — был пройден. 30 января 1937 года, в годовщину своего прихода к власти, Гитлер заявил о выходе из Версальского договора, который Германия и так уже не соблюдала. Но если прежде речь шла о несоблюдении военных статей, то теперь на повестку дня встал вопрос о границах. Германия перешла ко второму этапу гитлеровской стратегии — «собираанию немецких земель»\*.

---

\* В этой связи следует отметить, что еще в марте 1929 года под давлением тогдашнего министра иностранных дел Веймарской Германии Г. Штреземана Лига Наций приняла резолюцию, которая фактически заложила основы политики германской экспансии в Европе. Резолюция разрешала национальным меньшинствам устанавливать культурные и другие связи с родственным им отечеством. С этого момента Штреземан стал распространять среди деятелей Лиги Наций карту Европы, на которой обозначенная красным цветом немецкая нация выходила за существующие границы Германии и распространялась на территориях Франции — в районе Эльзас—Лотарингии, Италии — в области Южного Тироля, Бельгии — в Эйпене и Мальмеди и Чехословакии — в Судетской области, населенной немецким меньшинством.

## ОТ НЕВМЕШАТЕЛЬСТВА К УМИРОТВОРЕНИЮ

В течение 1937 года центр международной политики постепенно перемещался с Пиренейского полуострова в центр Европы. 30 января Гитлер заявил в рейхстаге: «Время так называемых сюрпризов кончилось». И действительно, в течение 1937 года субботних сюрпризов, подобных ремилитаризации Рейнской области, фюрер Третьего рейха больше не устраивал. Весь год Германия накапливала силы для осуществления замыслов, о которых в конце года Гитлер объявил на знаменитом «совещании Хосбаха». Этот год фюрер Третьего рейха посвятил организации армии, учениям войск, испытаниям новых ВВС в Испании, укреплению «оси Берлин–Рим», выискиванию новых слабых мест в политике Парижа, Лондона, а также Вены.

А что же Англия и Франция — создатели и столпы Версальской Европы? Западные державы в 1937 году продолжали проводить политику невмешательства в испанские события, которая на практике означала блокаду республиканской Испании. Лондон и Париж как бы не замечали все усиливавшегося итало-германского вмешательства на стороне Франко. Более того, постепенно политика невмешательства в гражданскую войну в Испании трансформировалась в политику умиротворения фашистских диктаторов на Европейском континенте. Речь шла уже не о восстановлении исторической справедливости или локализации внутреннего конфликта, а об удовлетворении агрессивных требований Италии и особенно Германии в отношении более слабых стран Европы, что не могло произойти без нарушения основных статей мирных договоров 1919 года. В Берлине не скрывали своих планов, а Великобритания и Франция были словно загипнотизированы растущей мощью фашистских держав. Не последнюю очередь в этом сыграло их сближение, формирование «оси Берлин–Рим». В то же время система коллективной безопасности, способная остановить диктаторов, трещала по швам, а в рядах англо-французского лагеря не наблюдалось должного единства, необходимого для сохранения своих позиций на континенте.

В этих условиях наилучшим способом отвести угрозу от собственной безопасности была признана политика умиротворения, целью которой являлось предотвращение большой войны посредством модернизации Версальской системы. Жертвами такой политики неизбежно становились малые страны Европы. Даже Иден, которого нельзя назвать ревностным приверженцем умиротворения диктаторов, говорил в отношении Испании (первой жертвы политики умиротворения), что готов пойти на любые действия ради достижения европейского мира<sup>327</sup>. В Лондоне надеялись, что после подписания «джентльменского» соглашения с Италией, призванного улучшить англо-итальянские отношения, появился неплохой шанс урегулировать отношения и с Германией.

В Англии рассчитывали убедить Германию решить спорные вопросы, не прибегая к силовым акциям.

Еще 1 февраля 1935 года в лондонской «Таймс» появилась довольно пространная статья лорда Лотиана, который недавно посетил Берлин, где беседовал с Гитлером. Лотиан не был случайной или мало-значащей фигурой на политической сцене Англии. В прошлом редактор журнала «Раунд тэйбл», личный секретарь Ллойд Джорджа, непосредственно участвовавший в выработке Версальского договора, член палаты лордов, заместитель государственного министра по делам Индии, он имел значительный вес в правящих сферах Англии. Он принадлежал к числу самых влиятельных неофициальных лиц в Англии. Основным фактом, определяющим современное положение Европы, утверждал Лотиан в статье, является то, что Германия не хочет войны и готова полностью отказаться от нее как средства разрешения споров со своими соседями при условии, что ей будет предоставлено подлинное равенство. Затем автор риторически вопрошал: а можно ли доверять Германии? Ведь за последние 15 лет заключено сотни две пактов об отказе от войны, но никто не верит им. «...Я думаю, что для этого есть два основания. Имеется прежде всего торжественное заявление самого господина Гитлера, неоспоримого лидера сегодняшней Германии, о чем он говорил также публично. Германия хочет равенства, а не войны; она готова абсолютно отказаться от войны; она подписала договор с Польшей, который устраняет из сферы войны на 10 лет самый болезненный элемент Версальского договора — Коридор (Данцигский. — *А.Н.*); она окончательно и навсегда признает включение Эльзаса-Лотарингии в состав Франции, и наконец (это является наиболее важным), она готова взять обязательство, что не будет вмешиваться силой в дела ее любимой Австрии при условии, если все ее соседи станут поступать так же. Он идет еще дальше и говорит, что готов для доказательства искренности своего стремления к миру подписать пакты о ненападении со всеми соседями Германии, и в области вооружений не требует ничего, кроме «равноправия», и согласен принять международный контроль, если на это пойдут и остальные участники договора. Я не имею ни малейшего сомнения в том, что эта позиция искренна. Германия не хочет войны... Не является секретом, что Гитлер, который и сейчас испытывает сомнения в отношении России, глубоко озабочен в отношении России завтрашнего дня. Он рассматривает коммунизм прежде всего как воинствующую религию, последователи которой контролируют 150 млн человек, огромную территорию и неограниченные природные ресурсы. Россия искренне хочет мира на всех фронтах и будет стремиться к этому еще много лет. Но что представит собой Россия, когда будет организованной, сильной и снаряженной?.. Попытается ли она повторить триумфы ислама? И будет ли Германия тогда рассматриваться как потенциальный враг Европы или как ее передовое укрепление, как угроза или же как защитник новых наций в Восточной Европе? Кто мог бы ответить сегодня на эти вопросы?»<sup>328</sup>. Нельзя не отметить,

что статья лорда Лотиана явилась своего рода манифестом политики умиротворения, которой все более руководствовалось британское правительство.

В конце 1936—начале 1937 года французские и британские политики разного калибра буквально зачастили в гости в Германию. Многим из них удалось встретиться с нацистскими иерархами осенью 1936 года во время Олимпийских игр в Берлине. Они проводились с необычайной пышностью, что должно было подчеркнуть процветание Третьего рейха. Новые руководители Германии казались людьми энергичными, радушными, с ними быстро устанавливалось взаимопонимание. А их внимание и любезность просто очаровывали, взять хотя бы «итальянские ночи», организованные Геббельсом посреди озера, когда за стол садилось сразу более тысячи человек!

Но сильнее всего западных визитеров, конечно, интересовал непосредственно сам фюрер. «Гитлер произвел впечатление на Европу как исключительная личность. Он внушает не только опасения, но и любопытство, а также завоевывает симпатии. Его репутация повышается. Сила притягательности, которой он обладает, выходит за пределы его страны. Короли, князья и всевозможные знаменитости приезжают в столицу, чтобы встретиться с этим выдающимся человеком, который, кажется, держит в своих руках судьбу континента, а также чтобы увидеть эту Германию, которая изменилась и укрепилась под его сокрушительным натиском», — так описывал происходившее в Берлине французский посол Франсуа-Понсе. Это же отмечал и переводчик Гитлера П. Шмидт, участвовавший во всех встречах фюрера с иностранными гостями.

По его свидетельству одной из наиболее примечательных была встреча влиятельного британского политика Д. Ллойд Джорджа и Гитлера в Оберзальцберге, недалеко от Берхтесгадена, в начале сентября 1936 года. «“Я чрезвычайно рад, — сказал Гитлер, идя с протянутой для пожатия рукой навстречу бывшему премьер-министру Великобритании, — приветствовать в моем доме человека, которого мы в Германии всегда считали настоящим победителем в мировой войне”. Ллойд Джордж с улыбкой отрицательно махнул рукой, но мне (Шмидту. — *А.Н.*) показалось, что он испытывает некоторое удовлетворение от этого комплимента бывшего ефрейтора немецкой армии. “А я считаю, мне посчастливилось, — с готовностью ответил Ллойд Джордж, — встретиться с человеком, который после поражения объединил весь немецкий народ и повел за собой к восстановлению”. Глядя из большого окна на солнечный пейзаж Берхтесгадена, он сказал: “Какое замечательное здесь у вас место”».

Это был один из лучших дней Гитлера. Посвежевший после пребывания в горах, слегка загоревший, явно радующийся признанию, которое означал этот визит всемирно известного государственного деятеля, он начал с воодушевлением говорить о своем опыте простого солдата на фронте. “Я часто сталкивался с англичанами”, — сказал он, перечисляя многие хорошо известные места на Западном фронте. Он похвалил

английских солдат и углубился в подробности их оснащения и тактики. Ллойд Джордж оказался удивительно сведущим во всех этих вопросах. Он смог точно сказать Гитлеру, почему какое-либо отдельное наступление было предпринято в определенный день.

После продолжительного разговора на эту тему они стали обсуждать политические дела. Сидя у камина рядом с фюрером и скользя рассеянным взглядом по вершинам заснеженных гор, Ллойд Джордж вспоминал, что еще на Версальской конференции выступал против “карфагенского мира”. Затем разговор коснулся проблем коллективной безопасности. “Союзы всегда опасны, — сказал Ллойд Джордж. — В последнюю войну они способствовали распространению враждебности, как пожар в прерии. Если бы не они, конфликт можно было бы локализовать”. Сознательно или невольно, он в точности выразил мнение Гитлера о коллективной безопасности. Одним из любимых лозунгов Гитлера был: “Никаких многосторонних обязательств, только взаимные пакты о ненападении между соседями”.

Гитлер был весьма очарован своим гостем. Впоследствии он постоянно ссылался на беседу “с великим английским государственным деятелем Ллойд Джорджем”. Бывший британский премьер, все еще обладавший значительным влиянием у себя на родине, также остался под сильным впечатлением от общения с нацистским диктатором. Когда машина Ллойд Джорджа остановилась у отеля, его дочь шутя приветствовала отца нацистским приветствием “Хайль Гитлер!” При этом престарелый Ллойд Джордж посерьезнел и ответил со спокойной решимостью: “Разумеется, хайль Гитлер! Я тоже произношу эти слова, потому что он действительно великий человек”<sup>329</sup>.

Дэвид Ллойд Джордж объяснил, что оценивает германского фюрера как «величайшего живущего немца». В британской «Дейли экспресс» Ллойд Джордж писал о Гитлере: «Прирожденный лидер; магнетическая, динамическая личность, характерная целеустремленность... С Гитлером во главе Германия никогда не вторгнется ни в одну страну». Позже Ллойд Джордж добавил: «Я хотел бы видеть во главе нашей страны человека таких же выдающихся качеств»<sup>330</sup>.

«Многие политические деятели, принадлежавшие ко всем партиям, — отмечает Киркпатрик, — посетили Германию в предвоенные годы и совершили ту же ошибку, хотя и в различной степени. Они рассматривали Гитлера как политического деятеля, принадлежащего к той же школе, что и они, может быть, более возбудимого и опасного, но родственного им. Все они считали, что удастся заставить его прислушаться к голосу разума и что если дела зашли в их нынешний злосчастный тупик, то это в значительной мере в результате того, что с ним плохо обращались. Все они искали случая, чтобы доказать ему, что Германия может осуществить свои законные притязания, не прибегая к силе»<sup>331</sup>.

Хороший повод для урегулирования отношений между западными демократиями и Германией, но уже на официальном уровне представился во время визитов главы Рейхсбанка и министра экономики Треть-

его рейха Ялмара Шахта. Еще в середине 1936 года Шахт посетил Париж, где в беседе с французским премьером предположил, что, в случае если Англия и Франция согласятся на уступки в колониальном вопросе и экономических требованиях Германии, Третий рейх готов пойти на сотрудничество в вопросах европейской политики.

«Я марксист и еврей, — заявил Блюм министру рейха, — однако... мы не сможем ничего добиться, если будем считать идеологические баррикады непреодолимыми». Министр иностранных дел в правительстве Блюма Ивон Дельбос объяснил, что эти слова означают на практике: «...надо уступать Германии, подкармливая ее в мирное время, чтобы избежать войны»<sup>332</sup>. Получалось, что Франция — страна, в течение двухсот лет ведшая непрерывные войны в Центральной Европе с тем, чтобы самой быть хозяйкой своей судьбы, — теперь хваталась за любую возможность обеспечения собственной безопасности, торгуя уступками ради выигрыша времени и надеясь при этом, что либо с течением времени германские аппетиты будут удовлетворены, либо появится очередная «*deus ex machine*» и устранил опасность.

Следует согласиться с мнением историка Г. Вайнберга, что Шахт руководствовался скорее личными мотивами, нежели озвучивал официальное мнение Берлина. Таким маневром Шахт пытался укрепить свои позиции в руководстве экономики рейха, а также повлиять на Гитлера для смягчения агрессивного внешнеполитического курса нацистского фюрера<sup>333</sup>. Несмотря на то, что Шахт не предложил ничего конкретного, британское и французское правительства с энтузиазмом восприняли идею всеобщего урегулирования взамен экономических и колониальных уступок Германии. Надо заметить, что подобные планы урегулирования отношений с Германией — уступки в колониальном вопросе и экономической сфере в обмен на возвращение Третьего рейха в Лигу Наций и отказ от агрессии в Центральной Европе — разрабатывались еще с 1935 года под руководством влиятельного деятеля Форин Оффис Р. Ванситарта.

В январе 1937 года Чемберлен и Иден проинструктировали главного экономического советника британского правительства сэра Фредерика Лейт-Росса начать переговоры с Шахтом для выяснения конкретных планов Германии в этом вопросе. Однако Иден не собирался делать односторонних уступок рейху. Колониальное или экономическое умиротворение, по мнению Форин Оффис, имело бы смысл только при условии гарантий Германии в отношении безопасности Европейского континента. Иден писал Лейт-Россу: «...если идеи Шахта представляют базис для дальнейшей дискуссии, очень важно, чтобы они включали политические обязательства со стороны Германии». Среди таких обязательств глава Форин Оффис выделял: «1. Участие Германии в новом Локарно. 2. Отказ от политики экономической автаркии и как следствие территориальной экспансии. 3. Установление добрососедских отношений с Чехословакией. 4. Готовность к обсуждению мер для устранения существующей гонки вооружений. 5. Возвращение Германии в Лигу Наций»<sup>334</sup>.



2 февраля Лейт-Росс имел конфиденциальную встречу с Шахтом, который заявил, что в обмен на колониальные и другие уступки, все политические требования Британии могут быть выполнены<sup>335</sup>. Британский кабинет полностью проинформировал о ходе беседы своих французских коллег. Шахт заметил, что только политика колониальных и экономических уступок может являться жизнеспособной альтернативой радикальной политической линии Гитлера. Шахт убеждал своего собеседника, что фюрер уполномочил его вести такие переговоры, причем, если его требования будут приняты, Германия якобы готова обещать невмешательство в дела Чехословакии, отказ от агрессии против России, возвращение в «реформированную» Лигу Наций и согласие на ограничение вооружений в качестве части всеобщего урегулирования между Германией, Францией и Великобританией. Секретные переговоры должны были открыть путь к официальным контактам, в частности, во время визита главы германского МИД Нейрата в британскую столицу<sup>336</sup>.

Несмотря на положительный итог встречи Лейт-Росса с Шахтом, в Лондоне существовали определенные сомнения в эффективности таких переговоров. Пессимистические прогнозы вскоре оправдались. Всего через несколько дней, 11 февраля, в беседе с лордом Галифаксом германский посол в Лондоне заявил, что германские колонии должны быть возвращены рейху без каких-либо условий. В ответ Галифакс заметил, что британское правительство может пойти на уступки в колониальном вопросе только в случае генерального умиротворения в Европе; Риббентроп же требовал предоставить Германии свободу рук в Центральной и Восточной Европе<sup>337</sup>.

На следующий день после встречи Лейт-Росса с Шахтом Гитлер прямо заявил британскому послу Фиппсу, что он не видит перспектив в заключении Западного пакта, разоружении и практически во всем остальном. В отношении Западного пакта фюрер был категоричен: переговоры о заключении пакта были уничтожены стремлением Франции «привести Россию в Европу вместо того, чтобы оставить ее в Азии, к которой она, собственно, принадлежит». Как писал Фиппс, во время беседы с германским канцлером последний «внезапно воскликнул, что никакого урегулирования не может быть, пока Германия не получит колонии». «Это недопустимо, — продолжал фюрер, — что Франция, Великобритания, Испания, Италия, Голландия, Португалия и Бельгия могут иметь колонии, а Германия — нет»<sup>338</sup>. А 11 февраля Риббентроп разъяснил Галифаксу, о чем конкретно идет речь: «Многие часто спрашивают, какие колонии Германия хочет вернуть. Он (Гитлер. — *А.Н.*) всегда говорил — все»<sup>339</sup>.

Вскоре Лондон получил новые свидетельства нежелания Берлина идти на компромисс. Японский посол в Италии Сугимура Йотаро сообщил своему британскому коллеге, что во время визита делегации японского МИД в Германию у него сложилось четкое впечатление, что Германия не собирается отдавать абсолютно ничего в обмен за колонии, испытывает опасения в связи с русской угрозой и планирует уничто-

жить Чехословакию<sup>340</sup>. Сам Лейт-Росс сомневался, что Гитлер примет условия Великобритании, однако все же считал разумным продолжить переговоры<sup>341</sup>.

Действительно, британский кабинет решил не оставлять попытки договориться с Германией за счет уступок в колониальном вопросе. 27 апреля 1937 года в письме французскому правительству (чья позиция была крайне важна ввиду того, что основные германские колониальные требования включали передачу французских колоний Того и Камеруна) официальный Лондон, выражая скептицизм в отношении полномочий Шахта вести переговоры, все же утверждал, что любая возможность стабилизировать европейскую ситуацию не должна быть упущена. При этом британский кабинет считал крайне важным, чтобы неформальные контакты с Шахтом трансформировались в официальные переговоры, перешли в «более регулярные дипломатические каналы». Великобритания сообщала Франции об условиях, при которых Германии могли быть сделаны уступки. Среди них были: 1. Заключение договора или серии договоров о ненападении и гарантий в Западной Европе взамен Локарнского договора; 2. Германские меры, в рамках договора или каково иначе, которые бы гарантировали территориальную целостность и суверенитет стран Центральной и Восточной Европы; 3. Возвращение Германии в Лигу Наций; 4. Международное соглашение по ограничению вооружений<sup>342</sup>.

Французские лидеры в принципе согласились на британские предложения, однако совершенный Шахтом визит в Париж в мае 1937 года оправдал самые пессимистические ожидания. Сразу по прибытии в Париж 25 мая Шахт много говорил о желании Германии иметь хорошие отношения с Францией и надежде на то, что его переговоры приведут к улучшению атмосферы в двусторонних отношениях. Однако Шахт прямо заявил, что у него нет предложений политического характера<sup>343</sup>, тем самым отказавшись обсуждать политические вопросы, на что так надеялись и в Париже, и в Лондоне. Кроме того, вскоре стало ясно, что он не имеет достаточных полномочий для принятия серьезных решений. Когда лорд Лотиан по поручению Чемберлена попытался узнать у Гитлера степень полномочий Шахта, фюрер ответил: «Шахт был уполномочен обсуждать экономические проблемы, но что касается политических вопросов, он должен был получить разрешение от него самого (Гитлера)»<sup>344</sup>. Дело в том, что главной целью Гитлера была именно Центральная Европа и он не собирался отказываться от планов агрессии в этом регионе. Более того, и в Риме, и в Берлине чутко уловили настроения правящих кругов Англии и Франции, настроенных на проведение политики умиротворения. Колониальный вопрос являлся слишком малой ценой для удовлетворения амбициозных планов Гитлера.

Еще одной возможностью для снижения напряженности в Европе Англия и Франция видели в заключении Западного пакта четырех держав — Великобритании, Франции, Германии и Италии. Переговоры между этими странами зашли в тупик в ноябре 1936 года, однако Лондон и Париж стремились реанимировать их. Фашистские державы

были не намерены заключать подобного рода пакт, хотя и не говорили об этом открыто. 28 января 1937 года Чиано заявил, что истинным препятствием для заключения Западного пакта является испанский конфликт<sup>345</sup>. Однако вскоре, когда стало ясно, что переговоры по заключению пакта не приводят к каким-либо результатам, итальянский министр признался, что не видит логической связи между заменой Локарно и испанским вопросом. Германское правительство больше беспокоилось о попытках Франции заключить новые пакты о взаимопомощи со странами Малой Антанты. Все это означало, что державы «оси» не намерены были заключать Западный пакт в обозримом будущем<sup>346</sup>.

Еще 26 февраля глава Форин Оффис Иден имел беседу с послом рейха в Лондоне Риббентропом. Иден напомнил Риббентропу, что западные демократии ожидают ответ на предложения о заключении нового пакта, сделанные британским правительством еще в ноябре прошлого года. Иден сообщил послу, что Лондон уже получил ответы из Франции и Бельгии, что говорит о желании этих стран достичь прогресса в этой проблеме. В то же время Германия до сих пор не предоставила своего ответа, что крайне осложняет переговорный процесс. В ответ Риббентроп пообещал сделать все возможное для ускорения принятия решения по Западному пакту в Берлине<sup>347</sup>.

10 марта 1937 был опубликован германский меморандум, отвечавший на британское предложение о заключении «нового Локарно». Фактически германский ответ поставил крест на попытках заключения Западного пакта, основанного на принципах Локарно. Единственное, что оставалось от договора 1925 года, это принцип ко-гарантов. Однако здесь сходство заканчивалось. Берлин настаивал, чтобы Лига Наций была исключена из механизма функционирования пакта. Единственным средством обеспечения безопасности признавались пакты о ненападении. Это исключало возможность оказания французской помощи Польше и странам Малой Антанты до тех пор, пока не будет создана какая-либо «внепартийная» организация для решения подобных вопросов. Берлин предлагал, чтобы Великобритания и Италия стали такими ко-гарантами. А так как Гитлер настаивал на отмене различий между самим определением агрессии, то возможность Франции прийти на помощь своим восточным союзникам была сведена к нулю. Более того, в случае франко-германского конфликта Британия могла выступить на стороне Франции только в случае, если Италия даст на это свое согласие<sup>348</sup>.

Германский меморандум полностью уничтожил систему коллективной безопасности в Европе. Он запрещал Франции прийти на помощь своим восточным союзникам, а странам англо-французского блока — оказать друг другу поддержку. Надо заметить, что ответ итальянского правительства также предлагал условия, не совместимые с Локарнским договором 1925 года. Идея Западного пакта на основе принципов Локарно, таким образом, была похоронена. Германия и Италия не были заинтересованы в реанимации такого пакта.

Тем временем в мае 1937 года Гитлер решил добиться от Англии признания лидерства Германии в Европе. Показательно, что он начал

зонтаж своих планов с Черчилля. Чартвельского затворника пригласили 21 мая в германское посольство, и беседа с Риббентропом продолжалась полных два часа. Германский посол объявил ни больше ни меньше, что фюрер решил гарантировать целостность Британской империи. Черчилль ответил, что эту задачу уже несколько столетий выполняет британский флот. Риббентроп предложил присовокупить германские гарантии. Чего же хотели немцы взамен? Это и было самым интересным для Черчилля. Риббентроп подошел к висящей на стене карте. Рейх нуждается в жизненном пространстве. Широким жестом посол обвел территорию, необходимую Германии. Рейх претендовал на всю Польшу, всю Украину, всю Белоруссию, что означало пятикратное увеличение его площади.

Черчилль выдержал долгую паузу. Затем он сказал, что, хотя англичане «находятся в плохих отношениях с Советской Россией и ненавидят коммунизм так же, как Гитлер, они все же не ненавидят ее настолько». Ни одно британское правительство не потерпит доминирования Германии в Центральной и Восточной Европе. В таком случае, ответил Риббентроп, война неизбежна. Черчилль предостерег посла: «Не недооценивайте Англию, не судите о ней по нынешней администрации. Британия необычная страна, и не многие иностранцы могут ее понять. Она умна. Если вы ввергнете нас еще в одну великую войну, мы приведем с собой весь мир, как это было в последний раз». Риббентроп отмахнулся: «Да, Англия действительно, может быть, умна, но на этот раз она не приведет весь мир против Германии»<sup>349</sup>.

И правда, в 1937 году Англия вряд ли могла это сделать. Правильно оценивая ситуацию, фашистские державы решили перейти в наступление. На повестку дня встал вопрос о германской агрессии в отношении Австрии. Для лучшего понимания ситуации следует совершить небольшой экскурс в историю австрийской проблемы вообще и германо-австрийских отношений в частности.

До 1806 года Австрия была центром Священной Римской империи германской нации; до 1866 года была ведущим германским государством. Лишенная своей исторической роли в Германии Бисмарком, она

---

\* Тем временем число людей, которые, рискуя карьерой, готовы были снабжать Черчилля закрытой информацией, неуклонно увеличивалось. Необходимые сведения сообщали Черчиллю три члена кабинета Чемберлена, из Военного министерства ему писал начальник имперского Генерального штаба сэр Эдмунд Айронсайд, из штаба ВВС — маршал военно-воздушных сил и несколько офицеров, из адмиралтейства — группа адмиралов, из Министерства иностранных дел — ведущие чиновники. Лежа утром в постели и приступая к первому коктейлю, Черчилль сравнивал данные из Берлина с сообщениями любовницы одного из помощников Муссолини, а также с донесениями послов практически из всех крупных столиц. Три французских премьера — Блюм, Фланден и Даладьё — присылали ему свои аналитические обзоры. Именно благодаря Даладьё удалось выяснить, что за 1937 год немцы увеличили мощь своих вооруженных сил в семь раз.

перенесла тяжесть внешнеполитических устремлений на Балканы и в свои центральноевропейские владения, пока не растеряла их все во время Первой мировой войны. Бывшая империя сжалась до немецкоговорящей сердцевины.

Распад Австро-Венгрии в 1918 году и образование на ее территории нескольких национальных государств открыли дорогу к объединению Германии и Австрии. Заметим, что аншлюс (объединение Австрии с Германией) не был идеей только нацистов и вообще правых. Лидер австрийских социал-демократов В. Адлер писал, что Австрия должна будет «присоединиться к Германской империи как федеральное союзное государство, так как, предоставленная самой себе, она не будет экономически жизнеспособным государством»<sup>350</sup>. Такую же задачу ставил и Адольф Гитлер в «Майн кампф». Включение Австрии в рейх служило предпосылкой всех прочих начинаний, а именно экспансии в юго-восточном направлении, о необходимости которой Гитлер заявлял с первых страниц своей книги. Объединение Германии и Австрии «должно быть достигнуто всеми возможными средствами, ценой всех наших жизней».

Падение Германской империи, как казалось, открыло путь к демократическому объединению двух германских народов. 22 октября 1918 года, когда в Берлине стало известно об образовании Временного национального собрания для «немецкой» Австрии, Густав Штреземан, лидер партии Центра, выступил в рейхстаге с речью, в которой подчеркнул культурные связи немцев в Германии и Австрии и выразил надежду, что объединение этих двух стран будет осуществлено в ближайшем будущем<sup>351</sup>. 12 ноября 1918 года национальное собрание Австрии приняло закон, который гласил: «Республика Австрия является составной частью Германской республики». Германия была не против, и Веймарская конституция зафиксировала представительство Австрии в германском рейхсрате. Но Антанта запретила объединение немецкого народа.

Статья 80 Версальского мирного договора обязывала Германию признать независимость Австрии. Австрии запрещалось присоединяться к Германии, причем это положение находилось в вопиющем противоречии с принципом самоопределения. Это условие мира, так же как и многие другие, было принято далеко не всеми в Германии. Еще в первом разделе «Майн кампф» Гитлер писал, что объединение Германии и Австрии — «задача, решить которую надо любыми средствами».

С приходом в 1933 году Гитлера к власти в Германии аншлюс стал одним из главных вопросов внешней политики Третьего рейха. Еще летом 1932 года на совещании со своими приближенными по партии Гитлер заявил: «Мы никогда не сможем осуществить большую политику, не имея крепкого, как сталь, мощного ядра в центральном пункте, ядра из 80 или 100 млн немцев, населяющих сплошную территорию! Моей первой задачей будет поэтому создать такое ядро, которое сделает нас не только непобедимыми, но раз и навсегда обеспечит нам пере-

вес над всеми европейскими нациями. Если это нам удастся, все остальное будет сравнительно легко осуществить. К этому ядру принадлежит Австрия. Это само собой понятно...»<sup>352</sup>.

Проблема заключалась в том, что, начиная с 1933 года, присоединение к Германии для австрийцев означало присоединение именно к нацистской Германии. В октябре 1933 года социал-демократы сняли пункт об аншлюсе из своей программы. Правые партии, поддерживавшие Дольфуса, также не горели желанием попасть в объятия чужого фюрера. С весны 1933 года отношения между Берлином и Веной становились все более напряженными. Германия пыталась активно влиять на внутривнутриполитическую жизнь Австрии, внедряя свою агентуру во все государственные структуры этой страны. В ответ австрийское правительство Энгельберта Дольфуса 19 июня 1933 года запретило деятельность национал-социалистов как политической партии. Однако Берлин не отказался от своей линии в отношении Австрии, что в итоге выразилось в нацистском путче против австрийского правительства, в результате которого в июле 1934 года был убит канцлер Дольфус\*.

В 1934 году правительства Франции, Англии и Италии дважды (17 февраля и 27 сентября) по просьбе австрийского правительства заявили о необходимости сохранить независимость и целостность Австрии. Однако уже на данном этапе проявилась тенденция Лондона к отходу от жестких рамок условий мирных договоров в сторону модернизации Версальской системы. Английский министр иностранных дел Саймон в беседе с Гитлером 25 марта 1935 года по вопросу об аншлюсе заявил: «Великобритания не имеет в Австрии таких интересов, как, например, в Бельгии. Она никогда не вмешивалась в дела Австрии и надеется, что эта проблема будет решена»<sup>353</sup>.

Тем временем, поняв, что грубые методы воздействия не дают желаемого результата, Гитлер сменил тактику, одновременно предпринимая дипломатическое давление на новое австрийское правительство во главе с канцлером Шушнигом. Вместо Рита послом в Австрии был назначен один из лидеров католической партии Центра, канцлер в 1932 году, вице-канцлер при Гитлере в 1933–1934 годах — Франц фон Папен.

---

\* Вскоре после того как Гитлер стал канцлером, он назначил депутата рейхстага Теодора Хабихта инспектором австрийской нацистской партии, а чуть позже помог обосноваться в Мюнхене Альфреду Фрауенфельду — лидеру австрийской нацистской партии, добровольно переехавшему в Германию. Отсюда он каждую ночь выступал по радио, подстрекая своих соратников в Вене к убийству канцлера Дольфуса. За несколько месяцев до июля 1934 года австрийские нацисты с помощью оружия и динамита, предоставленных Германией, развязали в стране настоящий террор. Они взрывали железные дороги, электростанции, правительственные здания, убивали сторонников клерикально-фашистского режима Дольфуса. В конце концов Гитлер согласился создать австрийский легион численностью в несколько тысяч человек, который расположился на границе Австрии и Баварии, и был готов в удобный момент перейти ее и оккупировать страну.

Заявление Гитлера в рейхстаге 21 мая 1935 года, что «Германия не имеет ни намерения, ни желания вмешиваться во внутренние дела Австрии, ее аннексировать или присоединять»<sup>354</sup>, должно было усыпить бдительность мирового общественного мнения и обеспечить дальнейшие шаги на пути к захвату Австрии.

Заметим, что и сам австрийский канцлер не был готов оказывать серьезного сопротивления Гитлеру уже в середине 1930-х годов. «Стоя возле могилы моего предшественника, — писал позднее Шушниг, — я понял: чтобы спасти независимость Австрии, я должен стать приверженцем курса умиротворения... Нужно было делать все, чтобы не дать Гитлеру повода для интервенции; все, чтобы вынудить его соблюдать статус-кво»<sup>355</sup>.

В результате ремилитаризации Рейнской области и реакции великих держав на это событие основной гарант австрийской независимости — треугольник Лондон–Париж–Рим — был существенно ослаблен. С этого времени Австрии, по словам канцлера Шушнига, предстояло проводить тройственную политику: поддерживать заинтересованность западных держав в своей независимости, поддерживать хорошие отношения с Италией и не давать повода Германии для резких действий в отношении Австрии<sup>356</sup>. Американские дипломаты в Берлине отмечали, что австрийское правительство понимает всю значимость оккупации Рейнланда для Центральной и Юго-Восточной Европы<sup>357</sup>. Было также замечено, что «Австрия и Чехословакия в первую очередь пострадают в результате возведения германских фортификаций в Рейнланде»<sup>358</sup>.

25 июня 1936 года австрийский посол в Англии Франкенштейн секретно сообщил Шушнигу о своих беседах с видными политическими деятелями Англии. В беседе с министром иностранных дел Англии Иденом и его предшественником Саймоном посол обратил внимание на то, что в последней речи Ллойд Джорджа в палате общин имелась фраза, что «английский народ никогда не возьмется за оружие в защиту Австрии», и на это высказывание ораторы, представлявшие мнение правительства, никак не отреагировали. Иден заверил австрийского посла, что Германия знает, «какое большое значение имеет для Англии вопрос о независимости Австрии». Франкенштейн обратился также к Уинстону Черчиллю, но последний не посчитал возможным поднять данный вопрос в палате общин и позвонил Остину Чемберлену. Последний же отказался выступить, высказавшись еще более откровенно, чем Ллойд Джордж, против поддержки Австрии. «По мнению Чемберлена, было бы при нынешних условиях безответственно дать Австрии надежду на помощь Великобритании, когда об этом трудно сказать с уверенностью». Однако Франкенштейн все же добился некоторой дипломатической помощи Англии. 30 июля он сообщил Шушнигу, что в своих выступлениях Иден и Остин Чемберлен в палате общин, Галифакс в палате лордов подвергли критике известную фразу Ллойд Джорджа об Австрии<sup>359</sup>.

11 июля 1936 года было подписано «Дружественное соглашение» между Германией и Австрией. В соглашении подтверждалось заявление Гитлера от 21 мая 1935 года и заверялось, что «вопрос об австрий-

ском национал-социализме» есть внутреннее дело Австрии и Германия не окажет на него влияния ни прямо, ни косвенно. В обмен на это заявление австрийское правительство обязалось, что оно «в своей общей политике, и особенно в отношении Германской империи, будет придерживаться той принципиальной линии, которая соответствует факту, что Австрия признает себя немецким государством»<sup>360</sup>.

Реакция в стане западных демократий на австро-германское соглашение была различной. Большинство британской общественности с удовлетворением приняло известие об этом соглашении, полагая, что австро-германское сближение «стабилизирует процессы в Центральной Европе» и послужит укреплению позиций западных демократий в Европе<sup>361</sup>. Британские газеты, правда, высказывали опасения, что данное соглашение приведет к итало-германскому сближению. «Гитлер заплатил ту цену, которую требовала Италия, — писала газета. — Это означает сближение Германии с Римом. В своей речи в рейхстаге в марте 1934 года Гитлер заявлял, что, решив австрийскую проблему, между Германией и Италией не будет существовать более конфликта интересов»<sup>362</sup>. Однако в Англии существовало и другое мнение. 27 июля 1936 года, выступая в палате общин, депутат Мэндерс предположил, что «Германия не в состоянии в данный момент получить Австрию без итальянской поддержки... Поэтому Германия устремит свои взгляды в другом направлении — на северо-восток»<sup>363</sup>.

Для Франции это означало потерю стратегических позиций в Центральной Европе, разрушало систему союзов, которой Париж пытался окружить Германию, а также сближение побежденных и победителей в Первой мировой войне. Во Франции многие рассматривали австро-германское соглашение как еще один шаг Гитлера на пути к аншлусу Австрии, «всего лишь смену методов для получения одной-единственной цели. Думается, что Гитлер устал трясти дерево и согласен подождать, когда яблоко само упадет в его корзину»<sup>364</sup>. Действительно, положение Австрии вызывало большую тревогу в Европе. Один из главных противников политики умиротворения во Франции генерал де Голль еще в октябре 1936 года предсказывал реакцию Франции в отношении германских планов агрессии в Центральной Европе. «Очень просто, — с сарказмом говорил де Голль, — в зависимости от обстоятельств, мы призовем людей либо из резерва первой очереди, либо из запаса. А затем, глядя сквозь амбразуры укреплений, будем безучастно созерцать, как поработают Европу»<sup>365</sup>.

Тем временем официальный Париж, в лице главы МИД Дельбоса, расценивал австро-германское соглашение как шаг на пути нормализации отношений между Германией и Австрией и продолжал надеяться на заключение Дунайского пакта.

14 апреля 1937 года австрийское Министерство иностранных дел сообщало Франкенштейну, что «признание Великобританией и Францией только в принципе независимости Австрии не дает ей возможности согласовывать свою внешнюю политику с Лондоном и Парижем». Она хотела бы рассмотреть вопрос о более тесной политике с этими



странами, «если бы они могли дать эффективные гарантии политической и территориальной целостности Австрии». Однако этот демарш не получил ответа<sup>366</sup>. Англия и Франция все увереннее шли по пути политики умиротворения фашистских держав.

Ключевым рубежом в развитии этой политики следует считать назначение премьер-министром Великобритании Невилла Чемберлена 28 мая 1937 года. Чемберлен являлся убежденным сторонником умиротворения фашистских держав. Кроме того, новый премьер не считал центрально-европейские проблемы непосредственной угрозой британской безопасности.

Чемберлен входил в «клайвденский клан», который, как говорилось выше, имел большое влияние на британский кабинет министров. Поэтому неудивительно, что еще в апреле 1937 года послом в Берлин вместо Эрика Фиппса был назначен Невилл Гендерсон, известный своими прогерманскими настроениями. Роль этого дипломата в развитии всего европейского кризиса нельзя недооценивать.

Свое «кредо» Гендерсон изложил в специальном меморандуме, подготовленном незадолго до назначения в Берлин. Всю проблему англо-германских отношений автор сводил к вопросу об условиях, на каких можно достигнуть договоренности с Третьим рейхом. В первой части меморандума формулируются уступки, на которые должна пойти Англия для соглашения с Германией. Они сводятся к следующему:

а) согласие Англии на аншлюс;

б) признание в принципе права Германии на обладание колониями;

в) согласие Англии на экономическое и политическое господство Германии в Восточной Европе при условии, что Гитлер обяжется соблюдать верность своему заявлению от 21 мая 1935 года добиваться пересмотра Версальского договора только мирными средствами.

Во второй части излагается идея, которая фактически стала основой внешнеполитического курса Англии тех лет.

«Независимо от того, привлекает ли правительство Его Величества или нет осуществление основанного на этих соображениях курса, и от того, совместим ли он с английскими концепциями международной морали и права, было бы в высшей степени неразумным предоставить событиям и дальше плыть по течению... Убеждение, что Англия преграждает путь Германии во всех направлениях, сколь бы обоснованным это направление ни было, продолжает укрепляться. Все большее и большее число немцев начинают приходить к мысли, что, поскольку примирение не удалось, война с Великобританией, если Германия намерена осуществить то, что ей предначертано, неизбежна...

Если Германии закрыт путь для каких-либо авантюр на Западе — а совершенно определенное публичное заявление г-на Идена, что Великобритания будет рассматривать в будущем как казус белли любую агрессию не только против Бельгии, но также против Франции и Голландии, сделало положение в этом вопросе кристально ясным, — то имеем ли мы право противодействовать германской мирной экспансии и эволюции на Востоке?..

Правильный для нас курс, несомненно, должен заключаться в том, чтобы при условии, что мы обеспечим мир на Западе, быть готовым примириться, не испытывая слишком большого беспокойства, с подъемом и расширением неугомонного пангерманизма в Центральной и Восточной Европе... Разве не было бы также разумным сразу признать, не откладывая, что Германия в настоящее время является слишком могущественной, для того чтобы ее можно было убедить или принудить вступить в Восточный пакт, что определенное превосходство Германии на Востоке является неизбежным и что мир на Западе не должен быть принесен в жертву теоретически похвальному, но практически ошибочному идеализму на Востоке... Говоря прямо, Восточная Европа явно не является еще окончательно, на все времена устроенной, не представляет жизненного интереса для Англии. Немцы, безусловно, более цивилизованны, чем славяне, и в конечном счете, если с ними правильно обращаться, потенциально менее опасны для Англии; можно было бы даже утверждать, что было бы несправедливо пытаться не допустить того, чтобы Германия завершила свое единство или чтобы она была подготовлена для войны против славян при условии, что приговoreния ее таковы, чтобы убедить Британскую империю, что они одновременно не направлены против нее...»<sup>367</sup>.

Когда Гендерсон прибыл в Берлин, в его честь был назначен торжественный ужин, на котором присутствовали Г. Гиммлер и А. Розенберг. Гендерсон заявил, что слишком много людей неправильно воспринимают суть национал-социалистического режима. «Если Германия сможет гарантировать мир, — продолжал посол, — то она не найдет более преданного и, как мне кажется, более полезного друга, чем Великобритания». Сама идея мира означала для Гендерсона больше, чем другие традиционные английские ценности, включая многовековую концепцию баланса сил, столь необходимую для защиты Британской империи. Согласно американскому послу Додду, Гендерсон проинформировал германское правительство, что Великобритания не будет возражать, если Гитлер завладеет Австрией и Чехословакией». Он также говорил Додду, что «Германия должна доминировать в Дунайско-Балканском регионе... Англия и Германия должны наладить тесные экономические и политические отношения и контролировать мир»<sup>368</sup>.

Надо заметить, что и Гендерсон, и Чемберлен были уверены, что Провидение выбрало именно их для спасения мира в Европе. Такое стремление к миру любой ценой отодвинуло на второй план британские национальные интересы почти во всей Европе.

Интересно, что менее чем через месяц, 24 июня 1937 года, германский военный министр Бломберг завершил разработку стратегического плана германских вооруженных сил — подробного плана ведения нацистской Германии войны в Европе. Совершенно секретная (было сделано всего четыре копии) «Директива Бломберга от 24 июня 1937 года относительно единой подготовки вооруженных сил к войне» представляла собой развернутую программу действий германской армии на период до 30 сентября 1938 года (предположительно) и была предназна-

чена командующим тремя видами вооруженных сил. Директива состояла из трех частей:

«Часть 1. Общие установки.

1) Общая политическая обстановка дает право предполагать, что Германии не приходится ожидать нападения с какой-либо стороны. В пользу этого утверждения свидетельствуют в первую очередь такие обстоятельства, как отсутствие воли к ведению войны почти у всех народов, особенно народов западных держав, а также недостаточная военная готовность ряда государств, прежде всего России.

Также и Германия не намеревается развязывать войну в Европе.

Несмотря на эти факты, неустойчивое политическое равновесие в мире, не исключающее неожиданных инцидентов, требует постоянной готовности вооруженных сил Германии к войне...

Часть 2. Варианты возможных войн (порядок стратегического развертывания сил).

В основу разработки планов действий для различных вариантов возможных войн (планов стратегического развертывания сил) положить следующие предпосылки, общие и частные задачи:

I. Война на два фронта при сосредоточении главных усилий на Западе (развертывание по варианту "Рот").

1) Предпосылки.

На Западе противником является Франция. Бельгия может встать на сторону Франции либо немедленно, либо позже, либо вообще воздержаться от этого шага. Возможно также, что Франция нарушит нейтралитет Бельгии. Определенно она нарушит нейтралитет Люксембурга.

На Востоке следует, по всей видимости, ожидать враждебной позиции России и Чехословакии. Что касается Польши и Литвы, то можно на первом этапе предполагать их нейтралитет.

От Австрии, Италии, Венгрии и Югославии ожидается по меньшей мере благожелательный нейтралитет. Позиция Англии будет колеблющейся.

Начало войны будет предположительно носить характер внезапного нападения со стороны французских сухопутных войск и военно-воздушных сил, а также вспомогательной операции французского военно-морского флота. На Востоке можно предполагать на какое-то время сдержанную позицию Чехии, если только под политическим

---

\* Это первое из множества кодовых названий немецких военных операций. Немцы употребляли слово «Fall», что в переводе означает «случай» (Fall Rot — случай «Красный» и Fall Grün — случай «Зеленый» — соответствующие названия операций на Западе и против Чехословакии). Сначала, как показывали в Нюрнберге немецкие генералы, эти названия использовались, как это принято у любого военного командования, для обозначения предположительных ситуаций. Однако когда подлинный смысл этих документов стал ясен, они решили употреблять это слово для обозначения планов вооруженной агрессии. Поэтому более точно следовало бы перевести его как «операция», но для удобства в дальнейшем будут употребляться и слова «вариант» или «план».

давлением России она не будет вынуждена начать активные действия (ранее намеченного ею самой срока) в форме налетов авиации, которая будет усилена Россией. Вероятны также операции русских военно-морских сил.

2) Общей задачей вооруженных сил Германии является провести всю подготовку так, чтобы их главная группировка могла действовать против Франции, а на Востоке до определенного момента осуществлялась только оборона самыми малыми силами.

3) В рамках этой общей задачи видам вооруженных сил предстоит решать следующие частные:

а. Сухопутные войска.

Главные усилия сосредоточить на Западе.

Первой задачей сухопутных войск будет, приняв бой возможно ближе к границе, воспрепятствовать продвижению противника в направлении на р. Рейн и форсированию этого рубежа, а также выходу противника в область Шварцвальд и возможно дольше удерживать район Вестергейн севернее р. Мозель.

В случае нейтралитета Бельгии особое значение придается владению районом Эйфель как фланговой позицией и плацдармом для операций против северного крыла французских войск.

Необходимо будет использовать любую возможность для нанесения эффективных частных ударов по французской сухопутной армии.

Восточную Пруссию придется оборонять. Однако при определенной политической обстановке следует считать с потенциальной необходимостью переброски некоторой части или даже главных сил регулярной армии из Восточной Пруссии в империю морским путем.

б. Военно-морской флот.

Главные усилия военно-морских сил сосредоточить в случае войны, в зависимости от обстановки, либо в Балтийском, либо в Северном морях. Стратегической задачей военно-морского флота является обеспечение наших морских коммуникаций на Балтийском море, на Северном море и в океанах. Особое внимание обратить на связь по морю с Восточной Пруссией. Оперативное выполнение этой задачи зависит от соотношения сил на море и должно быть осуществлено путем подавления вражеской морской мощи.

Наряду с защитой наших морских коммуникаций и обеспечением морских сообщений необходимо будет воспрепятствовать движению вражеских кораблей в Северном и Балтийском морях, а также препятствовать соответствующими средствами вражескому судоходству в Атлантическом океане, Средиземном море, по возможности и на других морях. Если военно-морскому флоту удастся воспрепятствовать переброске французских войсковых транспортов из Африки или вообще сорвать эту переброску, то ведение войны на суше будет существенно облегчено.

Во всей предварительной работе учитывать политическую необходимость тщательного соблюдения прав не участвующих в войне государств, сохранения их нейтралитета.

в. Военно-воздушные силы.

Главные усилия воздушной войны будут сосредоточены также на Западе.

В первую очередь военно-воздушные силы должны будут выполнять предположительно следующие задачи:

— вести борьбу с авиацией западных противников, включая ее наземные сооружения, а также наносить удары по главным центрам вражеской авиационной промышленности;

— принимать участие в наземных операциях; в дальнейшем, предположительно, также препятствовать развертыванию наземных сил противника; такая задача может быть поставлена, если действия авиации окажутся единственной возможностью не допустить крупных успехов сухопутных армий противника на начальной стадии войны и если, судя по обстановке, в дальнейшем такой возможности уже не предвидится;

— оборонять энергетические центры Германии, особенно район Берлина, Рурскую область и среднегерманский промышленный район.

Производить налеты на объекты, имеющие преимущественно политическое значение (например, Париж), разрешается в каждом конкретном случае только по моему указанию.

II. Война на два фронта при сосредоточении главных усилий на Юго-Востоке (развертывание по варианту “Грюн”).

1) Предпосылки.

В целях предотвращения возможного нападения на Германию преследующих сил коалиции вражеских государств можно начать войну на Востоке внезапной операцией наших войск против Чехословакии. Предпосылки для проведения такой операции — политические и с точки зрения международного права — должны быть обеспечены заранее.

Следует ожидать, что Польша и Литва, скорее всего, будут придерживаться нейтралитета или по крайней мере выжидательной стратегии, а Австрия, Италия, Югославия займут даже в худшем случае позицию благожелательного нейтралитета. Венгрия, вероятно, рано или поздно присоединится к действиям Германии против Чехословакии. Франция и Россия предположительно откроют военные действия против Германии, при этом Россия будет на первом этапе действовать лишь военноморскими и военно-воздушными силами. Что касается Англии и других не названных здесь, но способных вести войну с Германией стран, то политическое руководство Германии приложит все усилия, чтобы добиться их нейтралитета. Нейтралитет Англии должен рассматриваться как совершенно необходимая предпосылка в варианте “Грюн”.

2) Задачей германских вооруженных сил является провести подготовку к войне с таким расчетом, чтобы главная их группировка могла быстро, внезапно, собрав в кулак всю свою мощь, осуществить вторжение в Чехословакию и чтобы при этом на Западе оставался только минимум сил в качестве тылового прикрытия этой наступательной операции.

Цель и задача этой операции германских вооруженных сил должны состоять в следующем: разгромив вооруженные силы противника и ов-

ладев Богемией (Чехией) и Моравией, заблаговременно и на весь период войны ликвидировать угрозу нападения Чехословакии с тыла, чтобы развязать себе руки для ведения войны на Западе и отнять у русской авиации важнейшую часть ее операционной базы, которая могла бы располагаться на территории Чехословакии.

3) В рамках этой общей задачи видам вооруженных сил предстоит решать следующие частные задачи:

а. Сухопутные войска.

Главные силы действующей армии сосредоточить для удара по Чехословакии.

Организация этой операции будет зависеть от достигнутой немецкими сухопутными войсками к моменту войны численности и степени их готовности к действиям, далее — от состояния подготовительных мер, но также и от позиции Польши. При разработке операции следует учитывать и возможность того, что немецкие войска будут разворачиваться на австрийской территории. Политическое руководство имеет в виду создать для этого необходимые условия.

Сухопутные войска должны начать операцию в тот же момент, что и военно-воздушные силы. Поэтому право установить этот момент я оставляю за собой.

Конечная цель состоит в осуществлении запланированного и разработанного еще в мирное время нападения на Чехословакию. Этот удар должен быстро и внезапно сокрушить чехословацкие укрепления, заставить врасплох и разгромить вооруженные силы противника еще в период мобилизации и, используя национальную раздробленность Чехословакии, в кратчайшие сроки принудить ее к капитуляции. Военной предпосылкой успеха этой операции является полное оснащение и высокая боевая готовность танковых соединений.

Тыловое прикрытие на Западе должно быть сведено до минимума по численности и качеству войск. Сокращать это прикрытие следует по мере совершенствования укреплений. Предел этого сокращения должен учитывать лишь необходимость удержания рейнско-вестфальского промышленного района, а также коммуникаций, связывающих Северную и Южную Германию.

Восточную Пруссию следует оборонять. Но при определенной политической обстановке следует считаться с потенциальной необходимостью переброски некоторой части или даже главных сил регулярной армии из Восточной Пруссии в империю морским путем.

б. Военно-воздушные силы.

Главную группировку авиации бросить против Чехословакии, оставив на Западе только самый необходимый минимум самолетов. Авиации предстоит решать в первую очередь следующие задачи:

— парализовать чешскую мобилизацию; особое внимание обратить на борьбу с чехословацкими военно-воздушными силами и их наземными органами, а также на мобилизационные центры и важнейшие узлы коммуникаций. При этом главная задача состоит в том, чтобы обеспечить эффективность налетов на чешскую государственную тер-

риторию и облегчить сухопутным войскам овладение ею. Однако при постановке задач необходимо в наших собственных интересах, учитывая последующий период времени, обеспечить сохранность всех промышленных и заводских сооружений для их дальнейшего использования, если только сохранение их не будет препятствовать ведению нами операций;

— прикрывать энергетические центры Германии, обратив главное внимание на район Берлина, среднегерманский промышленный район и Рурскую область;

— военно-воздушные силы должны начать операцию против Чехословакии в тот же момент, что и сухопутные войска. Поэтому право установить этот момент я оставляю за собой.

в. Военно-морские силы.

Задача военно-морского флота остается та же, что и в варианте развертывания “Рот”. Следует предусмотреть возможность перемещения главных усилий на Балтийское море.

Часть 3. Особые меры подготовки.

Главным командованиям видов вооруженных сил, не привлекая к этой работе подчиненные штабы, продумать в общем плане следующие особые операции:

1. Особая операция “Отто”<sup>\*</sup>.

Имеется в виду “вооруженная интервенция в Австрию на тот случай, если она восстановит монархию”.

Целью интервенции будет: силой оружия вынудить Австрию отказаться от реставрации монархии.

Для этого придется, используя внутривнутриполитическую раздробленность австрийского народа, бросить войска в общем направлении на Вену и сломить всякое сопротивление.

Авиацию использовать для непосредственной поддержки сухопутных войск. Все прочие действия авиации — только по моему разрешению.

Будут ли участвовать в операции вооруженных сил также отряды партии, решит верховный главнокомандующий.

При разработке особой операции “Отто” учитывать следующее:

а. Акция будет носить одиночный характер, никакого развертывания сил на других направлениях не предусматривается.

б. Акция будет проведена в рамках развертывания варианта “Рот”. Не разрешается планировать особую операцию “Отто” и развертывать силы по варианту “Грюн” как единую акцию. Если выявятся политические предпосылки для обеих операций одновременно, то особая операция “Отто” будет отложена до завершения акции “Грюн”.

Учитывать возможность того, что особая операция “Отто” может перерасти в акцию “Грюн”, включить этот момент в разрабатываемые соображения.

---

\* «Отто» — это Отто Габсбург, молодой претендент на австрийский престол, проживавший тогда в Бельгии.

## II. Особая операция “Рихард”.

Под этим наименованием разумеются вооруженные конфликты с красной Испанией.

Гражданская война в Испании таит в себе ту опасность, что в результате случайных или спровоцированных инцидентов между Германией и красной Испанией могут возникнуть конфликты, которые вызовут состояние войны между обоими государствами.

На этот случай продумать предварительные меры одному только военно-морскому флоту. Сухопутным войскам и военно-воздушным силам и в этом случае продолжать оказывать помощь белой Испании техникой и живой силой. Не исключена возможность переподчинения части сил авиации командованию военно-морского флота.

## III. Особая операция “Расширение вариантов “Рот” и “Грюн”.

Исходная военно-политическая обстановка, положенная в основу планов развертывания “Рот” и “Грюн”, может осложниться тем, что либо Англия, Польша и Литва в отдельности, либо все три названные страны совместно уже с началом войны примкнут к нашим противникам.

В этом случае наше военное положение ухудшилось бы в критической мере, могло бы даже стать безнадежным. Поэтому политическое руководство приложит все усилия, чтобы сохранить нейтралитет этих стран, в первую очередь Англии и Польши.

Тем не менее уже в настоящее время необходимо в качестве дополнений к планам “Рот” и “Грюн” продумать меры на тот случай, если упомянутое намерение политического руководства не осуществится.

В основу соображений положить следующие предпосылки:

### а. Англия.

Англия бросит против нас все имеющиеся в ее распоряжении экономические и военные средства. Прежде всего она будет поддерживать Францию военно-морскими и военно-воздушными силами, а затем попытается, имея в виду французские интересы, использовать в качестве базы территорию Бельгии, возможно, и Голландии.

### б. Польша.

Судя по политической ситуации на данный момент, совершенно невероятно, что Польша примет участие в войне против нас, например на стороне России. Но если это все же случится, то Польша развернет на суше свои силы против Германии по уже известной нам в главных чертах схеме, чтобы в первую очередь захватить Восточную Пруссию, а также — совместно с Чехословакией — Силезию.

Авиация Польши будет частью сил наносить удары по Восточной Пруссии, но наряду с этим также производить налеты на империю совместно с чешско-русскими военно-воздушными силами. На море польские силы будут взаимодействовать с русским флотом, нанося удары по коммуникациям, соединяющим Восточную Пруссию с империей<sup>369</sup>.

Скорее всего ни в Лондоне, ни в Париже с этим документом ознакомлены не были. Британские и французские политические деятели и не представляли, что происходит в недрах Генерального штаба Третье-



го рейха. Поэтому неудивительно, что западные демократии продолжали свой курс на умиротворение Германии. Жертвой этого курса на данный момент могла быть только Австрия.

Еще 29 мая 1937 года австрийский посол в Германии Таушиц сообщил статс-секретарю МИД Австрии Г. Шмидту о своей беседе с новым английским послом в Берлине, состоявшейся в помещении британского посольства. Таушиц был настолько ошарашен этой беседой, что, по его словам, подумал, что попал не в то здание. Касаясь отношений между Австрией и Германией, Гендерсон заявил, что он не будет вмешиваться в эту проблему, но он, однако, не понимает стремлений Австрии к независимости, так как «Австрия такая же немецкая, как и Германия». В Белграде (где Гендерсон был раньше английским послом. — *А.Н.*) он слышал по радио выступления Дольфуса, но Дольфус никогда не говорил об австрийском народе. Он всегда говорил: «Мы немцы и чувствуем себя немцами». В политике Англии главное — поддержать мир в Европе и, по его мнению, положение значительно упростится, если оба государства, Австрия и Германия, станут одним государством<sup>370</sup>. Необходимо отметить, что Гендерсон порой выдавал свое собственное мнение за официальную позицию Лондона. Иден даже был вынужден послать ему телеграмму с напоминанием о том, что в беседе с Герингом и другими официальными лицами «Вам следует быть особенно внимательным, дабы не заходить дальше полученных инструкций или преуменьшать в беседах силу протеста, который Вам может быть поручено заявить». По воспоминаниям самого Гендерсона, он подвергался ожесточенной критике у себя на родине, а британские журналисты прозвали его «наш нацистский посол в Берлине»<sup>371</sup>.

1 июня 1937 года посол Германии в Австрии Папен сообщил министру иностранных дел рейха о беседе с Гендерсоном, прибывшим в Вену на юбилей «Юнион-клуба». Гендерсон заявил, что он полностью согласен с фюрером, что первой и величайшей угрозой для Европы является большевизм и этой точке зрения надо подчинить все остальные проблемы. Когда Папен затронул австрийский вопрос, Гендерсон ответил, что «Англия полностью понимает историческую необходимость разрешения австрийского вопроса, исходя из исторической перспективы Германской империи». Папен обратил внимание Гендерсона на то, что английский посланник в Вене (Уолфорд Селби. — *А.Н.*) придерживается иной точки зрения и защищает перед Лондоном тезис об австрийской независимости. На это Гендерсон ответил, что он это знает, но он уверен, что именно его точка зрения будет принята в Лондоне. Надо признать, что Гендерсон был весьма близок к истине.

В сентябре 1937 года Гендерсон имел знаменательную беседу с Герингом. Британский посол хотел получить от рейхсмаршала список претензий Германии к Великобритании и целей рейха на международном арене. Сославшись на отсутствие одобрения со стороны Гитлера, Геринг отказал Гендерсону, наивно полагавшему, что такое в принципе возможно. Тем не менее «первый паладин рейха» отчетливо нарисовал послу внешнеполитические устремления Германии. Так, аншлюс, по

мнению Геринга, являлся неизбежным событием. Он поведал Гендерсону, что заявил австрийским дипломатам, что «чем быстрее они согласятся с этой неизбежностью, тем лучше будет для них самих». Судетскую проблему Геринг признал более серьезной, однако «как только Австрия станет частью рейха, чехам придется что-нибудь сделать для своих германских подданных или вовсе потерять их». При этом в отношении тирольских немцев Геринг был категоричен: «Итальянский Тироль не входит в сферу интересов Германии. Германия следует быть сдержанной и не навлекать на себя вражду всего мира; она (Германия. — *А.Н.*) хорошо усвоила урок (Первой мировой войны. — *А.Н.*)... Она может определенно заявить, что ни к чему не стремится ни на Западе, ни на Юге, ни на Севере». По поводу германо-британских интересов Геринг заявил, что рейх готов признать британские интересы на морях и существование ее империи, а Великобритания должна признать доминирующее влияние Германии в Центральной Европе. В противном случае рейху «не останется ничего, кроме как посвятить себя уничтожению британской империи». Главная проблема, по мнению Геринга, заключалась в том, что «немцы искренне не могут понять, почему Англия стремится запретить немцам быть включенными в Германию. Они могут понять, что политика Франции традиционно заключается в том, чтобы противодействовать германскому единству, но они не понимают, какие интересы при этом преследует Англия»<sup>372</sup>. В Лондоне постепенно тоже приходили к мысли о неизбежности аншлюса.

Германский посол в Лондоне Эрнст Верман сообщал 9 ноября 1937 года в Берлин, что во время беседы лидера судетских немцев Конрада Генлейна с Ванситтартом, заместителем министра иностранных дел Англии, в Лондоне в октябре 1937 года последний выразил следующее соображение: Англия считает объединение Германии и Австрии неизбежным; но если это будет произведено путем путча, в Австрии могут произойти серьезные осложнения. Он считает более целесообразным, если Австрия неожиданно будет оккупирована Германией<sup>373</sup>.

«Скоро голова Шушнига будет в моих руках!» — заявил Гитлер в присутствии французского посла в Берлине Франсуа-Понсе осенью 1937 года. Эта фраза быстро облетела дипломатические кулуары Западной Европы. Доходили из Берлина и другие любопытные истории. «Слыхали вы последнюю новость о Гитлере? — обратился один из дипломатов к корреспонденту лондонской “Таймс” в Вене Гедие. — Известно ли вам, что он уединился в Берхтесгадене и запретил беспокоить его по государственным делам? Так слушайте, от моего коллеги в Берлине я точно узнал, чем фюрер занят. Он собрал огромную коллекцию почтовых открыток с видами Вены, основных городов и населенных пунктов австрийских провинций и в течение многих часов решает, какие из них будут превращены в Коричневые дома (штаб-квартиры национал-социалистической партии. — *А.Н.*). Он повесил большой план венских улиц и часами сидит за чертежным столом, изображая архитектурные уродства, которыми заменит мягкие и мечтательные фасады в стиле барокко после своего триумфального въезда в столицу Австрии.

Шифрованное письмо моего коллеги кончается словами: “угроза или старческое слабоумие? Я не знаю”<sup>374</sup>.

5 ноября 1937 года состоялось совещание в имперской канцелярии в Берлине, известное в истории как «хосбахское совещание», на котором Гитлер объявил о своем стремлении аннексировать Австрию и Чехословакию\*.

Вскоре Галифакс получил приглашение Геринга посетить Германию. Считалось, что это всего лишь частный визит и что лорд Галифакс прибыл на международную охотничью выставку, старательно организованную Герингом. Берлинцы сразу же прозвали гостя «лорд Галалифакс» («Галали» — Halali — немецкий эквивалент охотничьего клича «ату!»)<sup>375</sup>.

На самом деле поездка Галифакса являлась составной частью тех усилий, которые предпринимал Чемберлен, чтобы установить хорошие или по крайней мере терпимые отношения с Германией, и этот визит был использован для встречи Галифакса с лидерами Третьего рейха. Фактически целью поездки Галифакса к Гитлеру было создать блок четырех держав — Великобритания, Франция, Германии и Италии. С другой стороны, принятие приглашения немцев было откровенным ударом по союзнической солидарности с французами — их демонстративно не пригласили на встречу.

19 ноября 1937 года в немецком Оберзальцберге состоялась встреча между представителем английского правительства и Гитлером. Присутствовал и министр иностранных дел Германии Нейрат. Встреча началась с конфуза. Прибыв в горное поместье Гитлера, Галифакс остался в машине — английские виконты не открывают двери сами. Когда к машине приблизился человек в черных брюках, недовольный виконт попросил его поторопиться. Свою ошибку Галифакс понял только по реакции шофера, который, повернувшись, хрипло прошептал: «Фюрер!» Окончательно круша приличия, Галифакс объяснил Гитлеру в чем дело. Меньше всего Адольф Гитлер хотел, чтобы его принимали за слугу. И хотя английский лорд вслух смеялся над своей оплошностью, начало уже было малообещающим<sup>376</sup>.

Тем не менее, как вспоминал Шмидт, «Гитлер с дружеской улыбкой встретил Галифакса на ступеньках у входа, показал весь дом, после чего мы расположились за непривычно низким столом в его кабинете. “Я не привез из Лондона никаких новых предложений, — была первая фраза Галифакса. — Я в основном приехал, чтобы выяснить, каковы взгляды правительства Германии на существующую политическую обстановку, и посмотреть, какие могут быть возможности для поиска решения”.

Это было опасное напоминание о списке вопросов Идена, который когда-то так рассердил Гитлера, и он реагировал соответственно. Пока я переводил слова Галифакса, он сердито хмурился, и я подумал, что он надуетея и откажется говорить. Но Гитлеру было трудно долго сидеть

---

\* Подробнее об этом см. в главе 6.

молча. Поэтому, несмотря на досаду, он пустился в длинные рассуждения и представил пожелания Германии в виде весьма категоричных требований. Этот сердитый Гитлер очень отличался от того спокойного, дружелюбного канцлера, с которым говорили Саймон и Иден два года тому назад. Он уже не прощупывал осторожно свой путь, как в 1935 году, а явно уверовал в свои силы и в слабость других людей.

Он начал с горьких жалоб на британскую прессу, которая, как он выразился, попыталась торпедировать визит Галифакса, публикуя домыслы о требованиях Германии. Галифакс, к еще большему недовольству Гитлера, прибегнул в ответ к стереотипному оправданию насчет свободы британской прессы. Затем Гитлер стал говорить об отношениях Германии с Юго-Восточной Европой. «Западные державы постоянно ставят на моем пути преграды в Юго-Восточной Европе! — выкрикнул Гитлер. — И мне приписываются политические амбиции, которых у меня никогда не было»<sup>377</sup>.

Несмотря на гневную реакцию фюрера, Галифакс все же вернулся к непосредственной цели своего визита. Британский посланник заметил, что англо-германское сближение не должно быть истолковано Францией и Италией как попытка вбить клин между Англией и Францией. Соглашение между Англией и Германией не должно — продолжал Галифакс — нанести ущерб итало-германской «оси» и хорошим англо-французским отношениям. Напротив, англо-германские переговоры могли бы подготовить почву для создания пакта четырех западных держав, на основе которого мог быть построен европейский мир. На это Гитлер ответил, что, если западные державы желают сотрудничества с Германией, он в первую очередь должен знать, как Германия будет расцениваться остальными партнерами: как государство в условиях Версальского договора или же как страна, более не связанная моральным и материальным клеймом Версаля.

Галифакс заявил, что Германия расценивается исключительно как великая и суверенная страна. Кроме того, английская сторона не думает, что статус-кво должно оставаться в силе при всех условиях. «Там (в Лондоне. — *А.Н.*) признают, что надо приспособливаться к новым условиям, исправлять старые ошибки, иметь в виду ставшее необходимым изменение существующего положения». В ходе беседы Галифакс пояснил, о каких изменениях статус-кво идет речь: «К этим вопросам относятся Данциг, Австрия и Чехословакия. Англия заинтересована лишь в том, чтобы эти изменения были произведены путем мирной эволюции и чтобы можно было избежать методов, которые могут причинить дальнейшие потрясения, которых не желали бы ни фюрер, ни другие страны». На это Гитлер ответил, что урегулирование чехословацкой и австрийской проблем должно проходить на разумной основе. Касаясь Австрии, фюрер заявил, что выполнение соглашения от 11 июля должно снять все спорные вопросы между двумя странами<sup>378</sup>.

По мнению Шмидта, в целом эта встреча не была благоприятной: «Едва ли можно было представить больший контраст между двумя людьми. Галифакс, глубоко религиозный представитель йоркширской

знати, восторженный приверженец мира, и Гитлер, своевольный и бескомпромиссный по характеру, а теперь еще более утвердившийся в этих склонностях своей натуры благодаря недавним успехам и уже явно проявившейся слабости его противников.

Когда разговор коснулся основополагающих идей, оба они оказались на совершенно противоположных позициях. Расовые теории Гитлера оказались так же чужды Галифаксу, как и религиозные концепции последнего насчет любви к ближнему — Гитлеру. Впоследствии он (Гитлер. — *А.Н.*) иногда вскользь говорил о нем как об “английском проповеднике”.

Разговор за обедом не принес ничего нового, хотя Гитлер подавил свое раздражение и снова был любезным и приветливым хозяином, которого я так хорошо знал. Галифакс не выказывал признаков волнения или разочарования. Он все время оставался типичным, спокойным, флегматичным англичанином и попрощался с Гитлером, не проявляя никакой досады»<sup>379</sup>. Интересно, что Гитлер позволил себе дать несколько советов Галифаксу в отношении британской имперской политики. Так, германский канцлер посоветовал англичанам решить свои индийские проблемы расстрелом Ганди. Галифакс и слушавший его отчет Чемберлен были в восторге от юмора Гитлера. Представить себе, что фюрер был серьезен, они попросту не могли.

После встречи с Гитлером Галифакс направился в гости к Герингу. «Он (Геринг. — *А.Н.*) касался тех же самых вопросов, что и Гитлер, — вспоминал Шмидт, — но с неизмеримо большей дипломатичностью. Он оставался очень спокойным, даже в вопросе об Австрии, и обсуждал все темы так, будто решения, которые ищет Германия, неизбежны и неоспоримы. “Ни при каких обстоятельствах мы не применим силу”, — успокаивающе говорил он. По этому вопросу он, казалось, тоже получил намек то ли от Гитлера, то ли от Нейрата, потому что добавил: “В этом не будет никакой надобности”»<sup>380</sup>.

24 ноября 1937 года Галифакс сделал на заседании английского правительства отчет о своей поездке\*. Выслушав его, Н. Чемберлен отметил, что цель поездки заключалась в выяснении позиции немцев по вопросу о возможности достижения англо-германского соглашения, и выразил глубокое удовлетворение итогами визита<sup>381</sup>. За день до этого, 23 ноября, Иден предварительно проинформировал французского посла

---

\* Интересно, что после возвращения Галифакса в Лондон была создана группа, включавшая наиболее влиятельных консерваторов и лиц, обладавших сверхкрупными состояниями. Ее столпами были: Галифакс, его дочь леди Фавершэм, лорд Брокет, маркиз Лондондерри, леди Нэнси Астор, лорд Стэм, группа герцога Вестминстерского (самый богатый человек в Англии), Агахан, магараджа Хайдерабада (наиболее влиятельный и состоятельный человек в Индии). Они стремились предотвратить возникновение войны, добивались сближения с Германией, противодействовали какому-либо вмешательству России в дела Европы и Азии, полагая, что Россия угрожает английскому господству в Индии и вообще в Азии.

Корбена об итогах визита Галифакса в Берлин. Он сказал, что «отношения Германии и Великобритании могут быть превосходно улучшены вне Женева, что германо-австрийский договор от 11 июля 1936 года может прояснить существующую «деликатную ситуацию» и «Чехословакии нужно следовать этому примеру»<sup>382</sup>.

29 ноября 1937 года в Лондоне состоялась конференция руководителей английского и французского правительств, рассматривавшая важнейшие международные проблемы в свете итогов визита Галифакса в Берлин и наметившая программу действий на будущее. Британскую сторону представляли Н. Чемберлен, Иден, Галифакс, Ванситарт и другие, французскую — премьер Шотан\*, Дельбос, Корбен, Леже, Масильи. Британский премьер Чемберлен, открывая конференцию, подчеркнул важность данной англо-французской встречи для решения важнейших международных проблем. Интересно, что в своем дневнике Чемберлен записал, что он не будет использовать силу, если австрийский и чехословацкий вопросы разрешаться мирными средствами»<sup>383</sup>.

Германский посол в Париже Вельчек сообщил в Берлин, что французская пресса почти целиком удовлетворена ходом данной конференции, особенно что касается проблем Центральной Европы<sup>384</sup>. Однако очевидно, что французская пресса не была информирована должным образом о ходе этого форума. Галифакс доложил о своих переговорах с Гитлером и другими руководителями Германии. Фактически речь шла о цене, которую требовал Гитлер за полное умиротворение, то есть за согласие на участие в «Пакте четырех». Галифакс затронул три главные проблемы, обсуждаемые им с нацистской верхушкой: судьба Центральной и Восточной Европы, позиция Германии в отношении Лиги Наций и разоружения, а также колониальный вопрос<sup>385</sup>.

Наиболее интересным представляется первый пункт. Обсуждая вопросы, касавшиеся данного региона, Чемберлен в очередной раз заявил, что проблемы Центральной и Восточной Европы не могут стать препятствием на пути заключения «Пакта четырех». Иден заявил французам: «Вопрос об Австрии имеет больший интерес для Италии, чем для Англии. Более того, в Англии понимают, что в определенное время должна установиться более тесная связь между Германией и Австрией. Хотят, однако, чтобы решение силой было предотвращено».

Касаясь Чехословакии, Чемберлен подчеркнул, что «британское правительство не могло бы пойти настолько далеко, чтобы предоставить (Чехословакии. — *А.Н.*) гарантии в случае агрессии». Он также предупредил французскую делегацию, что «Великобритания ни за что не рискнет быть втянутой в войну из-за Чехословакии, страны, далеко

---

\* После отставки Блума в июне 1937 года главой правительства стал один из лидеров радикалов Камиль Шотан. Правительство, в котором И. Дельбос остался министром иностранных дел, а Л. Блум — вице-премьером, продолжало считаться правительством Народного фронта, но на деле все больше отступало от его программы. Во внешней политике правительство Шотана в целом придерживалось принципа «умиротворения» фашистских держав.

отстоящей от Англии, с которой англичане едва ли знакомы»<sup>386</sup>. Таким образом, добиться британских гарантий на случай войны Франции и Чехословакии против Германии Шотану и Дельбосу не удалось.

Со своей стороны, французские лидеры не сильно настаивали на британской помощи. Дельбос не обсуждал вопрос о геополитической важности Чехословакии или о том, насколько подорвется вера во Францию, оставившую в беде своего союзника, у других стран Восточной Европы, независимость которых Париж обещал обеспечить. Вместо этого французский министр подчеркивал, что французские обязательства могут быть как применимы, так и неприменимы к единственно реально существовавшей угрозе — беспорядкам среди германского меньшинства в Чехословакии, поддержанным германскими вооруженными силами. Шотан отметил, что договор Франции с Чехословакией вступит в действие, если со стороны Германии будет иметь место вооруженное вмешательство, но если Германия осуществит аннексию Судетской области без прямого «акта агрессии», то договор «не вступит в силу»<sup>387</sup>.

Чемберлен ухватился за предоставленную ему возможность и превратил ее в рациональное обоснование умиротворения: «Представляется желательным попытаться достигнуть какого-либо соглашения с Германией по Центральной Европе, каковы бы ни были цели Германии, даже если она захочет включить в свой состав кого-либо из соседей; можно будет на деле надеяться на отсрочку осуществления германских планов и даже на сдерживание рейха на такое время, в течение которого планы эти станут в долгосрочной перспективе непрактичными»<sup>388</sup>.

При рассмотрении итогов англо-французских переговоров на заседании английского правительства Чемберлен сообщил, что была достигнута договоренность «продолжить попытку добиться общего урегулирования с Германией»<sup>389</sup>. В продолжение этой линии на заседании внешнеполитического комитета английского правительства 24 января и 3 февраля 1938 года подробно рассматривались вопросы, которые должны были быть урегулированы в англо-германском соглашении. При этом был поднят также вопрос о советско-французском и советско-чехословацком договорах о взаимопомощи. Участники заседания не скрывали, что они считали эти договоры препятствием к достижению соглашения с Германией. Английский посол в Берлине Н. Гендерсон, принимавший участие в дискуссии, прямо заявил, что «Чехословакии необходимо будет избавиться от ее соглашения с Советской Россией»<sup>390</sup>.

Англо-французские переговоры, безусловно, укрепили единство англо-французского лагеря. Однако укреплению подверглась лишь та линия англо-французского сотрудничества, которая предполагала проведение политики умиротворения. Напротив, сторонники жесткого курса в отношении фашистских держав, такие, как Иден (с лета 1937 года перешедший в оппозицию к политике Чемберлена по умиротворению фашистских держав) и Дельбос, потерпели поражение. Еще раньше Дельбос говорил американскому послу в Париже, что он (Дельбос) «день и ночь ломает голову над тем, как не допустить сползания Центральной Европы в руки Германии». Однако «никаких работающих схем

в этом направлении создать не получается. Каждый раз, когда мы предлагаем Чехословакии, Румынии, Югославии или Австрии объединиться вместе с Францией для противодействия Германии, они отвечают: «Мы были бы очень рады это сделать, если Англия присоединится к французским гарантиям нашей безопасности в отношении Германии. Франция недостаточно сильна, чтобы в одиночку нас защитить, особенно ввиду нового статуса Бельгии. Поэтому мы не можем проводить антигерманскую политику».

Стратегическое положение Франции Дельбос обрисовал следующим образом: ввиду того, что Германия серьезно укрепила свою фортификационную линию по Рейну, в случае войны французская армия сможет атаковать Германию только на узкой 150-километровой полосе от Люксембурга до Карлсруэ, что позволит Германии держать сравнительно небольшой гарнизон на Западе, в то время как основная часть вермахта будет задействована в операциях против Чехословакии и Австрии. В заключение Дельбос сказал, что Франция более не способна поддерживать статус-кво в Центральной Европе против совместных действий Германии и Италии. Франция может занять твердую позицию только при абсолютной поддержке Великобритании»<sup>391</sup>.

В то же время ноябрьские совещания ярко показали, что определенная часть французской политической элиты, в первую очередь Шотан, ратуют за проведение политики умиротворения диктаторов не меньше, чем Чемберлен. Так, вернувшись в Париж, Шотан имел беседу с американским послом Буллитом. Новый французский премьер говорил послу, что и он, и Чемберлен считают, что Берлин абсолютно прав в отношении отмены статьи 16 в Уставе Лиги Наций. Однако Шотан подчеркнул, что «ни Дельбос, ни Эррио и Поль-Бонкур не поддерживают его... они до сих пор не понимают, что их бог умер. Они стоят на коленях перед алтарем Лиги Наций, с которого уже давно было убрано божество»<sup>392</sup>.

Подобную точку зрения разделяли и в британском парламенте. Там считали, что любые действия Германии в Восточной Европе не должны ни в коей мере стать поводом для войны (*casus belli*) между Германией и Англией. Выступая в палате лордов, лорд Арнольд заявлял, что население Германии составляет 70 миллионов человек, и, если немцы в Австрии и Чехословакии объединятся с Германией, население последней будет 80 миллионов. Далее лорд вопрошал: «Стоит ли Британии воевать во имя предотвращения этого, даже если подобное и возможно?» Другой член палаты лордов отмечал, что постоянный мир в Европе невозможен без более близкого взаимопонимания Берлина и Лондона, даже если ради этого потребуется пожертвовать чем-либо в Центральной Европе<sup>393</sup>.

Оценивая итоги англо-французской конференции, Риббентроп писал в Берлин: «Речь о сложной системе гарантийных пактов больше не идет, как это было в 1935-м; даже вопрос о Западном пакте не поднимался. Возвращение (Германии. — *А.Н.*) в Лигу Наций также не ставится условиям урегулирования спорных вопросов. Они (Англия и



Франция. — *А.Н.*) настаивают лишь на том, чтобы любое изменение существующей ситуации произошло исключительно мирным путем... Позиции Англии и Франции в данный момент гораздо более компромиссные, нежели они были в начале этого года... В случае с Францией это объясняется ослаблением ее позиций в Европе, в частности, после оккупации Рейнской области в марте прошлого года... Так же, как и в случае с Рейнландом, позиция Франции полностью зависит от решений британского кабинета»<sup>394</sup>.

Действительно, точка зрения руководителей Франции совпадала с политикой Англии, несмотря на то, что нарушение независимости Австрии противоречило интересам Франции в Европе более глубоко, чем интересам Великобритании. Осенью 1937 года германский посол в Вене Папен посетил Париж. В беседе с вице-премьером Блюмом он поставил условием достижения франко-германского «согласия» предоставление «свободы рук в Австрии»<sup>395</sup>. «Месье Блюм, — пишет в своих мемуарах Папен, — принял меня в отделанной со вкусом квартире и с большим интересом выслушал то, что я имел ему сообщить. Я просил его передать своим партийным коллегам, что автономная Австрия в составе общегерманской федерации станет шагом вперед на пути к европейскому объединению, создание которого являлось целью самих социалистов. Если в конце концов в отношении Австрии и Германии произойдет отказ от политики Ришелье “разделяй и властвуй”, то этот шаг будет сторницей оплачен улучшением отношений между Францией и Германией, что является неременным условием достижения европейского мира и безопасности. Только таким путем Германия получит возможность возвратиться к своей традиционной роли в Центральной Европе и превратиться в бастион на пути наступающего на запад коммунизма. Поэтому, говорил я ему, я буду чрезвычайно благодарен, если Франция сможет отказаться от своего отрицательного отношения ко всяким изменениям в статусе Австрии и благосклонно отнесется к эволюционному развитию отношений этой страны с Германией. Блюм не мог дать никаких гарантий, но пообещал обсудить вопрос с членами своей партии и различными министрами»<sup>396</sup>.

В письме от 11 ноября 1937 года Папен сообщал Нейрату о своей беседе в Париже и с министром финансов Франции Жоржем Боннэ. Папен изложил своему собеседнику суть германской политики в отношении Австрии как эволюционное развитие соглашения от 11 июля 1936 года. Боннэ ответил, что Франция ничего не имеет против этой политики, только «не следует делать шаги в этом направлении на путях внезапности». «Боннэ — отмечал нацистский посол — продемонстрировал совершенное понимание моей деятельности в Австрии, а когда он организовал мою встречу с месье Шотаном, я выяснил, что премьер-министр вполне готов к обсуждению нового подхода к проблемам Центральной Европы»<sup>397</sup>. 23 ноября в донесении в Берлин влиятельный германский дипломат Э. Вайцекер отмечал: «Франция готова к переговорам с нами, однако подобная позиция, возможно, не будет сохраняться длительное время»<sup>398</sup>.

Москвой также были сделаны определенные выводы. 27 ноября 1937 года новый советский полпред в Париже Я.З. Суриц отмечал преклонение французов перед военным потенциалом и мощью Великобритании и стремление всеми средствами сохранить общий курс с Англией. Эта политическая линия пользовалась почти единодушной поддержкой во Франции. Основные аргументы в поддержку этой политической линии были хорошо известны: обе страны имели много общего в характере демократического режима; только Англия обладала возможностями защитить Францию от германской опасности. Кроме того, как отмечал Суриц, этот курс коренился в общем страхе перед «красной опасностью» и в общем неприятии социальной революции. Суриц подчеркивал, что громадное большинство французов рассматривало «ось Париж — Лондон» как наиболее важную, основную гарантию против агрессии фашистских государств<sup>399</sup>.

В целом общая ориентация Парижа на Лондон и проведение политики умиротворения западными державами вызвало глубокое разочарование в Москве. Подводя итоги англо-французским переговорам в Лондоне в конце ноября 1937 года и визитам французского министра иностранных дел Дельбоса в Польшу и в страны Малой Антанты в декабре, заместитель наркома В. Потемкин писал Сурицу в Париж: «Рукою неисправимых соглашателей — англичан и наших друзей французов, раболепно следующих лондонской указке, — нанесены новые удары международному авторитету Лиги Наций и концепции коллективной безопасности. Можно сказать, что на наших глазах и Англия, и Франция отходят от своих прежних позиций в обоих указанных вопросах и определенно сползают в сторону враждебного нам международно-политического лагерь»<sup>400</sup>.

Растущее недовольство Кремля внешнеполитической линией Франции нашло отражение и в решениях Политбюро. В ноябре 1937 года Литвинов предложил организовать визит французского министра иностранных дел Дельбоса в Москву в связи с его поездкой по странам Восточной Европы. Однако позиция Политбюро была негативной. 19 ноября оно приняло решение: «Отклонить предложение т. Литвинова о Дельбосе. Если французы в Москве или Париже заговорят с нашими людьми о поездке Дельбоса в Москву, ответить, что мы не понимаем, для чего, собственно, сейчас нужна поездка Дельбоса в Москву. Нам самим не проявлять инициативы»<sup>401</sup>.

Недовольство Кремля и его стремление к изменениям во внешней политике Франции ясно видны в директивах руководства Коминтерна М. Торезу в ноябре 1937 года: «Основное во внешней политике — добиться самостоятельной политики во Франции, не подчиненной воле английских консерваторов, в пользу мира, и решительное противодействие фашистским агрессорам»<sup>402</sup>.

Тем временем 2 декабря 1937 года Дельбос отправился в дипломатическое турне по странам Восточной и Центральной Европы. По пути в Варшаву Дельбос имел в вагоне поезда на Силезском вокзале Берлина встречу с Нейратом. Во время короткой беседы Дельбос заверил гер-

манского министра, что в Лондоне был достигнут «решительный прогресс в смысле нормализации отношений между Англией, Францией и Германией»<sup>403</sup>. В Польше эта беседа вызвала просто сенсацию — писал германский поверенный в делах в Варшаве. «В ней увидели, — сообщал он, — знак ослабления напряженности между Германией и Францией и доказательство, что путешествие Дельбоса в Варшаву не вызовет беспокойства в Германии»<sup>404</sup>. По словам американского посла в Варшаве, беседы Дельбоса с польскими официальными лицами проходили в духе взаимного доверия и благожелательности. «Бек понял, — писал посол, — что Франция под влиянием Великобритании пришла к пониманию важности двусторонних пактов, взамен пактов коллективной безопасности»<sup>405</sup>.

6 декабря Дельбос покинул Варшаву и направился в столицы Малой Антанты. Германские посланники в Бухаресте и Белграде сообщали в Берлин, что руководители Румынии и Югославии вынесли ясное впечатление из бесед с Дельбосом, что Франция более расположена, чем прежде, к соглашению с Германией<sup>406</sup>.

В итоге дипломатических бесед в Берлине, Париже, Лондоне, Варшаве, Бухаресте, Белграде и Праге ярко проявился переход французской внешней политики с позиций коллективной безопасности на позицию поддержки политики умиротворения.

Характерно, что, несмотря на приглашение французского посланника в Вене Г. Пюо, Дельбос отказался посетить Австрию, над которой реально нависла угроза германского поглощения. По австрийскому вопросу французская дипломатия вяло обменивалась мнениями с иностранными правительствами, с правительством СССР вообще обошла этот вопрос, но с германским правительством находилась в постоянном контакте.

Тем временем 7 декабря 1937 года в совершенно секретном порядке генерал В. фон Бломберг разослал командующему составу вермахта первое дополнение к своей июньской директиве о подготовке вооруженных сил к войне. «Директива от 24 июня 1937 года вместе с прилагаемым 1-м дополнением к ней остается в силе до 30 сентября 1938 года, — отмечал Бломберг и продолжал:

1) Процесс изменения внешнеполитической обстановки все более отодвигает на задний план вариант “Рот” (война на Западе. — *А.Н.*), повышая вероятность применения варианта “Грюн” (война против Чехословакии. — *А.Н.*).

2) Если в течение 1938 года общая политическая обстановка не изменится коренным образом в пользу наших противников, то можно до конца 1937/1938 мобилизационного года, т.е. до осени 1938 года, ожидать моего решения об окончательном отказе от варианта “Рот” (война на два фронта при сосредоточении главных усилий на Западе).

3) Согласно указаниям фюрера и канцлера империи политические предпосылки для начала действий по плану “Грюн” изменились, а цели соответствующей войны расширились.

Главное внимание во всех предварительных разработках, касающихся мобилизации и развертывания сил, уже в настоящий момент сосредоточить на варианте “Грюн”...»<sup>407</sup>.

Парадоксально, но факт: в то время как западные демократии все дальше шли по пути умиротворения, германские генералы составляли все более смелые и дерзкие планы по завованию и подчинению европейских стран.

Конец 1937 года ознаменовал существенный крен в политике западных демократий в сторону умиротворения агрессоров. В декабре 1937 года член американской дипломатической миссии в Вене У. Карр докладывал госсекретарю К. Хэллу о своей встрече с директором европейского отдела «Таймс» Ф. Берчалом. В отношении австрийского вопроса последний сообщил своему собеседнику, что, насколько ему известно из информированных источников, Германия собирается захватить Австрию в марте 1938 года<sup>408</sup>.

Действительно, в то время как западные державы шли на уступки фашистским странам, последние набирали мощь и готовились перехватить инициативу в международной политике. В этом плане характерны достаточно прямолинейные, но отражавшие суть дела слова одного неназванного нациста: «Мы имеем полный контроль над Шушнигом. Муссолини теперь полностью зависит от Гитлера. Чемберлен боится и посылает Галифакса выпрашивать условия, пытаюсь выторговывать Центральную Европу взамен колоний. Чемберлен получил ответ, что Центральная Европа является делом Германии, а не его, и Германия возьмет колонии тогда, когда она будет к этому готова... Французский Народный фронт разваливается, и скоро Франция — благодаря изобретательной чемберленовской политике невмешательства — получит на юге фашистский режим Франко, и ей понадобится держать 300 тысяч солдат на Пиренеях. Дело Шушника безнадежно, так как Чехословакия не поддержит его без участия Италии, а наши позиции в Венгрии более чем прочны. Благодаря февралю 1934 года рабочие не поддержат Шушника. Игра сделана! Эти идиоты англичане теперь пытаются узнать цену Муссолини за предательство Гитлера. Конечно же, Муссолини назовет цену, а потом предаст англичан. Фашистские державы не доверяют друг другу, это правда, но гораздо больше они ненавидят западные демократии»<sup>409</sup>.

С нового 1938 года Германия перешла к более активным действиям в австрийском вопросе. В январе Геринг сообщил австрийскому статс-секретарю Шмидту, что аншлюс неизбежен. Когда же последний предложил урегулировать австро-германские отношения на разумной основе, Геринг заявил, что если австрийцам не нравится слово «аннексия», они могут называть это «партнерством»<sup>410</sup>. В первых числах января 1938 года в Линце состоялась конференция австрийских национал-социалистов, на которой были оглашены инструкции из Берлина: быть готовыми к путчу.

Вскоре в Вене полицией были арестованы нацистские заговорщики. Стражи порядка изъяли документы, которые получили название «бумаги Тафса». В них содержались инструкции заместителя Гитлера по пар-

тии Рудольфа Гесса лидерам австрийских нацистов Леопольду и Тафсу: «Общая ситуация в Германии показывает, что пришло время для действий в Австрии. Англия занята конфликтом на Ближнем Востоке; более того, она до сих пор втянута в абиссинский кризис и испанский конфликт, который создает угрозу Гибралтару. Франция неспособна к решительным действиям ввиду внутренних социальных проблем, тяжелого экономического положения и неясности испанской ситуации. Чехословакия находится в тяжелом положении из-за резкого роста активности генлейновской партии, словацкого и венгерского меньшинства, а также ослабления положения Франции в Европе. Югославия опасается восстановления Габсбургской монархии, которое возродит старый конфликт между сербами, хорватами и словенцами; она приветствует любое действие, которое раз и навсегда снимет вопрос о реставрации Габсбургов в Австрии. Наконец, позиции Италии оказались ослаблены в результате войны в Эфиопии и испанского конфликта до такой степени, что она теперь зависит от германской дружбы и не станет активно противодействовать любым акциям, которые не затрагивают ее непосредственных жизненных интересов. Предполагается, что новые гарантии в отношении границы по Бреннеру обеспечат нейтралитет Муссолини»<sup>411</sup>. В другом меморандуме, написанном самим Тафсом, содержалась просьба к германским войскам войти в Австрию по причине невозможности далее терпеть режим Шушнига. Один из документов предлагал убийство Папена или его военного атташе в качестве повода для вторжения<sup>412</sup>.

Надо заметить, что, несмотря на то, что австрийская полиция арестовала Тафса, она не предъявила официального протеста Берлину. Однако события в Вене вызвали беспокойство в Париже. Еще в начале января 1938 года германский министр иностранных дел Нейрат заявил Франсуа-Понсе, что Германия готовится разрешить вопрос об Австрии. Посол Франции немедленно поставил об этом в известность свое правительство. Однако никаких существенных шагов Париж предпринимать в защиту Австрии не стал. 10 февраля 1938 года Риббентроп заявил одному из лидеров французских правых, слепому депутату от Парижа Ж. Скапини, что «коммунисты и другие элементы во Франции стремятся сделать невозможным всякое улучшение франко-германских взаимоотношений». Риббентроп предупредил, что «пока не прояснится эта атмосфера, не может быть достигнут какой-либо политический прогресс» во взаимоотношениях двух стран, при этом он напомнил о существовании франко-советского пакта и заключил, что «если он (Риббентроп. — *А.Н.*) еще в недалеком прошлом являлся сторонником франко-германского сближения, то сегодня его мысль сориентирована в другом направлении». Скапини сразу же информировал об этом посла Франсуа-Понсе, а последний сообщил в Париж, что «атмосфера во франко-германских отношениях снова омрачилась». «Успехи, достигнутые в последнее время с таким трудом, поставлены под вопрос, и у нацистских руководителей создается впечатление, что решительно все затраченные ими усилия оказались напрасными»<sup>413</sup>.

В то же время германский посол в Париже Вельчек сообщал в Берлин, что Франция видит необходимость в соглашении Праги, Вены и Будапешта. С другой стороны, французская пресса критикует Италию за недалекость ее политики, сомневаясь в том, что Германия адекватно заплатит Италии за ее отход из Центральной Европы поддержкой в Средиземноморском регионе и Африке<sup>414</sup>.

11 февраля посол направил Дельбосу специальное донесение, в котором сообщил, что, по мнению Скапини, Риббентроп «выразил желание видеть франко-германские отношения улучшившимися»<sup>415</sup>. Пока же дипломаты рейха вводили французов в заблуждение надеждами на достижение «согласия» между Францией и Германией, Берлин активизировал свою деятельность по подготовке аншлюса\*.

В конце января Шушниг проинформировал Папена о своем намерении встретиться с Гитлером. Шушниг согласился на встречу при соблюдении ряда условий: «1. Он должен быть приглашен Гитлером. 2. Он должен быть заранее проинформирован о вопросах, вынесенных на обсуждение, и получить подтверждение, что соглашение от 11 июля 1936 года останется в силе. 3. Гитлер должен скоординировать со мной (Шушнигом. — А.Н.) коммюнике по итогам встречи, в котором будет подтверждено соглашение от 11 июля»<sup>416</sup>.

Однако вскоре Папен был освобожден от своей должности посла в Вене. «В тот вечер я спокойно сидел в своем кабинете в представительстве, — вспоминал Ф. фон Папен, — когда раздался телефонный звонок. На проводе был Ламмерс, статс-секретарь берлинской рейхсканцелярии: “Фюрер просил меня проинформировать вас о том, что ваша миссия в Вене закончена. Я хотел сказать вам об этом прежде, чем вы прочтете об этом в газетах”. От изумления я едва не лишился дара речи. “Вы можете сообщить мне причины этого неожиданного решения? — спросил я. — Наверняка фюрер мог сказать мне об этом на прошлой неделе, когда я был в Берлине”. “Решение принято только что, — ответил он. — Герр фон Нейрат (министр иностранных дел), а также Хассель и Дирксен (послы в Риме и Токио) тоже отставлены. Мне очень жаль, но никакой дополнительной информации в настоящий момент я дать не могу”».

Будучи человеком, всегда готовым примириться с пощечиной от высшего начальства, Папен на следующий после увольнения день поспешил к Гитлеру, «чтобы выяснить, что же происходит». Разжалованный посол приехал в Берхтесгаден 5 февраля и застал фюрера «чрезвычайно усталым и рассеянным». «Я высказал ему свое сожаление по поводу его отказа от моих услуг и добавил, что всегда был уверен в нашем полном согласии по вопросам политики в отношении Авст-

---

\* Нельзя не отметить, что нацистская пропаганда имела большой успех во Франции. Пацифистски настроенное общественное мнение призывало любой ценой избежать войны. Не будем проявлять героизм ради Австрии, лучше укроемся за нашей линией Мажино, — заявил П.-Э. Фланден во французском парламенте. «Мы предпочитаем получить пощечину, нежели пулю в лоб!» — так во Франции предлагали решить австрийскую проблему.

рии, — вспоминал Папен. — Казалось, что он не может ни на чем сфокусировать взгляд и мысленно находится где-то далеко. Он (Гитлер. — *А.Н.*) постарался объяснить мое увольнение пустыми отговорками. Мне пришлось определенно сказать ему, что я приехал в Берхтесгаден вовсе не для того, чтобы жаловаться по поводу потери своего поста, и не с просьбами о новом назначении... И только после того, как я напомнил ему о данном им четыре года назад в Байрейте обещании проводить в отношении Австрии умеренную и ответственную политику, Гитлер, Папен, понял, о чем я ему говорю».

«Моего преемника, — заявил Папен Гитлеру, — ожидают трудные времена. Было достаточно трудно создать фундамент взаимного доверия с очень многими влиятельными австрийцами, хотя в их число и не входит канцлер Австрии. Тем не менее начиная с декабря Шушниг высказывает желание лично встретиться с фюрером, чтобы попытаться решить многие насущные проблемы. Я приветствовал эту идею, которая показывает по крайней мере нынешнюю уверенность австрийского канцлера в том, что свободный обмен мнениями на основе июльского соглашения не может принести никакого вреда. Поэтому я хотел бы, в качестве своего последнего официального акта, еще раз рекомендовать провести такую встречу прежде, чем Гитлер предпочтет воспользоваться другими методами.

Эта идея, кажется, привлекла внимание Гитлера. Неожиданно он, как мне показалось, наконец осознал тот факт, что Шушниг готов пойти на компромисс, и исполнился по этому поводу громадного энтузиазма. “Это великолепная идея! — воскликнул он. — Пожалуйста, немедленно отправляйтесь назад в Вену и организуйте нашу встречу в течение нескольких ближайших дней. Я буду очень рад пригласить сюда герра Шушнига и переговорить с ним по всем вопросам”.

“Едва ли мне удобно сделать это, — возразил я. — Я уже сообщил австрийскому правительству о своем отзыве. Вам придется поручить это дело поверенному в делах. Более того, — добавил я, — пресса по всему миру уже сообщила о моем увольнении и сделала из этого всевозможные малоприятные выводы”.

“Это не имеет никакого значения, — ответил Гитлер. — Умоляю вас, герр фон Папен, снова принять на себя управление представительством до тех пор, пока не будет достигнута договоренность о встрече с Шушнигом”<sup>417</sup>.

Вернувшись в Вену 7 февраля Папен передал Шушнигу слова фюрера: «Гитлер приглашает Вас на встречу в Берхтесгаден обсудить все разногласия, проявившиеся в результате соглашения от 11 июля 1936 года между двумя нациями... Данное соглашение между Австрией и Германией будет сохранено и подтверждено... Гитлер согласен принять ваши предложения и выступить с совместным коммюнике, в которое будет включено соглашение от 11 июля 1936 года»<sup>418</sup>. Шушниг согласился и проинформировал австрийский кабинет министров о своем решении отправиться с Германию. Кроме того, о его планах были извещены Муссолини, британский и французский послы, а также папский нунций.

12 февраля 1938 года\* Папен, Шушниг и статс-секретарь МИД Австрии Г. Шмидт прибыли на виллу Гитлера Бергхоф, вблизи Берхтесгадена. Гитлер, одетый в черные брюки и коричневую рубашку, встретил своих гостей исключительно любезно и лично провел Шушнига в свой кабинет, где они до обеда беседовали один на один<sup>419</sup>.

Курту фон Шушнигу исполнился сорок один год. «Все, кто знал его, — пишет У. Ширер, — согласятся, что это был человек с безупречными манерами австрийского аристократа, поэтому неудивительно, что разговор он начал с красивых слов о великолепном виде из окна, отменной погоде, сказал несколько лестных слов о кабинете, который, несомненно, был свидетелем многих встреч, оказавших огромное влияние на развитие событий»<sup>420</sup>. Гитлер перебил его: «Мы встретились здесь не для того, чтобы обсуждать вид из окна или беседовать о погоде». И тут разразилась буря. Как вспоминал позднее австрийский канцлер, последовавший затем двухчасовой «разговор походил в некотором роде на монолог».

В течение двух часов Гитлер говорил австрийскому канцлеру о его неправильной — немецкой — политике. «Вы сделали все, чтобы не проводить дружественную политику, — кипел Гитлер. — Вся история Австрии — это непрекращающаяся государственная измена. Так было в прошлом, и сейчас не лучше. Этому историческому парадоксу пора положить конец. И я могу сказать вам прямо сейчас, герр Шушниг, что твердо намерен положить этому конец. Германский рейх — одна из великих держав, и никто не повысит голоса, если она решит свои пограничные проблемы».

Шокированный вспышкой Гитлера, обходительный австрийский канцлер старался казаться спокойным, но отстаивал свою точку зрения. Он заметил, что имеет несколько иной, чем у хозяина, взгляд на роль Австрии в германской истории. «Вклад Австрии в этом отношении, — настаивал он, — весьма велик».

*Гитлер:* Ноль. Я говорю вам, абсолютный ноль! На протяжении всей истории Австрия саботировала любую национальную идею. Габсбурги и католическая церковь только тем и занимались, что саботировали.

*Шушниг:* Все равно, герр рейхсканцлер, вклад Австрии нельзя отделить от общей картины германской культуры. Возьмите, например, Бетховена...

---

\* Четыре года назад в этот день правительство Дольфуса, в состав которого входил и Шушниг, устроило бойню австрийских социал-демократов. 12 февраля 1934 года семнадцать тысяч правительственных солдат и боевиков из австро-фашистской милиции подвергли артиллерийскому обстрелу рабочие кварталы Вены. При этом было убито около тысячи мужчин, женщин и детей и около четырех тысяч ранено. С демократическими свободами в Австрии было покончено. Последовавшее за этим правление Дольфуса, а потом и Шушнига было клерикально-фашистской диктатурой. Она, конечно, была менее жесткой, чем диктатура нацистского варианта. Тем не менее у австрийцев отняли политическую свободу, на них обрушились репрессии, каких не было даже при Габсбургах.



*Гитлер:* Ах, Бетховена?! Позвольте вам заметить, что Бетховен родился в низовьях Рейна.

*Шушниц:* Но жить он пожелал в Австрии, как и многие другие...

*Гитлер:* Очень может быть. Но я еще раз повторяю, что так больше продолжаться не может. На меня возложена историческая миссия, и я эту миссию выполню, потому что судьба избрала для этой цели именно меня... Кто не со мной, тот будет уничтожен... Я направил Германию по самому трудному за всю ее историю пути; я добился того, чего не добивался никакой другой немец. И не с помощью силы, позвольте вам заметить. Меня питает любовь моего народа...

*Шушниц:* Герр рейхсканцлер, я охотно верю этому.

После часового разговора Шушниц попросил своего противника изложить жалобы. «Мы сделаем все, — сказал он, — чтобы устранить препятствия, стоящие на пути взаимопонимания, насколько это возможно».

*Гитлер:* Это вы так говорите, герр Шушниц. Но я вам говорю, что намерен решить так называемый австрийский вопрос тем или иным способом.

Потом он пустился в пространные рассуждения, обвиняя Австрию в том, что она укрепляет границу с Германией. Это обвинение Шушниц отверг.

*Гитлер:* Послушайте, неужели вы думаете, что можете передвинуть камень в Австрии, чтобы я не узнал об этом уже на следующий день? ...Мне достаточно приказать, и вся ваша нелепая система обороны в одну ночь разлетится на мелкие кусочки. Вы же не думаете, что сможете задержать меня хотя бы на полчаса, верно? ...Мне бы очень хотелось уберечь Австрию от этого, потому что такая мера приведет к кровопролитию. Вслед за армией двинутся отряды СА и австрийский легион. И никто не сможет остановить их справедливого гнева, даже я!

После этих угроз Гитлер грубо напомнил Шушницу, называя его по фамилии, не упоминая его ранга, как того требует дипломатический этикет, об изоляции Австрии и, следовательно, ее беспомощности.

Шушниц предположил, что Австрия не останется одинокой перед лицом нацистской агрессии. В ответ Гитлер заявил: «Легко говорить о войне, сидя здесь, в этих удобных креслах. Но война означает бесконечные страдания для миллионов. Готовы ли вы взять на себя такую ответственность, господин Шушниц? Не думайте, что кто-либо на земле может отвлечь меня от моих решений! Италия? У меня с Муссолини одинаковые взгляды, и теснейшие узы дружбы связывают меня с Италией. Англия? Она не двинет пальцем ради Австрии... Франция? Два года назад мы вошли в Рейнскую зону с горстью солдат, тогда я рисковал всем. Если бы Франция выступила тогда, нам пришлось бы отступить. Но теперь время Франции прошло. До сих пор я достигал всего, чего хотел!..»<sup>421</sup>.

И наконец Гитлер заявил: «Я даю вам еще одну возможность, последнюю, прийти к соглашению, герр Шушниц. Или мы с вами находим решение, или события будут развиваться своим чередом. Подумайте,

герр Шушниг, хорошенько подумайте. Я могу ждать только до сегодняшнего вечера...» Шушниг поинтересовался, какие конкретные условия ставит германский канцлер. «Мы можем обсудить их после полудня», — сказал Гитлер.

Во время обеда Гитлер, что с удивлением отметил Шушниг, пребывал в отличном настроении. Он говорил о лошадях и домах. Он собирался строить самые высокие в мире небоскребы. «Американцы увидят, — говорил он Шушнигу, — что в Германии дома строят выше и лучше, чем в Соединенных Штатах». Что касается измотанного австрийского канцлера, то он, как заметил Папен, «выглядел встревоженным и озабоченным»<sup>422</sup>. Шушниг слыл заядлым курильщиком, но в присутствии Гитлера курить ему не разрешили. Правда, после кофе, когда все перешли в соседнюю комнату, Гитлер извинился и вышел, и Шушнигу удалось покурить. Тогда же у него появилась возможность сообщить заместителю министра иностранных дел Гвидо Шмидту о плохих новостях. Однако вскоре положение еще больше ухудшилось.

Через несколько часов австрийская делегация во главе с Шушнигом была принята недавно назначенным министром иностранных дел рейха Риббентропом. В присутствии Папена ей был вручен проект соглашения — «предел уступок, сделанных фюрером», как заявил Риббентроп. Проект содержал следующие требования: 1. Назначить Зейсс-Инкварта министром общественной безопасности с правами полного и неограниченного контроля над полицейскими силами Австрии; 2. Другого национал-социалиста Г. Фишбека — членом правительства по вопросам австро-германских экономических отношений и смежных с ними областей; 3. Освободить всех находящихся в заключении нацистов, прекратить судебные дела против них, в том числе и против участников убийства Дольфуса; 4. Восстановить их в должностях и правах; 5. Принять в австрийскую армию для несения службы 100 германских офицеров и послать столько же австрийских офицеров в германскую армию; 6. Предоставить нацистам свободу пропаганды, принять их в Отечественный фронт на равных с другими его составными частями; 7. За все это германское правительство готово подтвердить соглашение от 11 июля 1936 года — «снова заявить о признании независимости Австрии и невмешательства в ее внутренние дела».

Шушниг вспоминал позднее, что сразу понял: подпиши он такой ультиматум, это будет означать конец независимости Австрии. «Риббентроп советовал мне принять требования сразу. Я возражал и ссылаясь на предшествующие соглашения, подписанные с фон Папеном перед приездом в Берхтесгаден. Я дал понять Риббентропу, что не ожидал таких необоснованных требований...» В самый решающий момент молодой австрийский канцлер дрогнул. Шушниг робко осведомился, может ли рассчитывать на добрую волю со стороны Германии — иными словами, намерено ли правительство рейха соблюдать условия соглашения. Он уверяет, что получил «утвердительный» ответ. Потом его принялся обрабатывать Папен. Изворотливый посол — «сатана в цилиндре», как его называли современники — выразил «удивление», прочи-

тав ультиматум: «Это же незаконное посягательство на суверенитет Австрии!» Шушниг вспоминает, что Папен долго извинялся и выражал недоумение по поводу условий ультиматума, и тем не менее он посоветовал австрийскому канцлеру принять условия фюрера. «Потом он стал убеждать меня, что я могу быть уверен в том, что если соглашусь на эти условия, то Гитлер позаботится, чтобы Германия соблюдала условия договора, а у Австрии в дальнейшем не возникало никаких трудностей».

В ходе переговоров Шушниг добился только согласия на то, чтобы Фишбек был назначен не членом правительства, а федеральным комиссаром; количество офицеров, подлежащих обмену для несения службы в армиях обоих государств, должно было составлять хотя и 100, но направляться в две очереди по 50 человек. После этого Шушниг был снова доставлен к фюреру.

*Гитлер:* Герр Шушниг... вот проект документа. Обсуждать тут нечего. Я не отступлю от своих требований ни на йоту. Или вы подпишете его и выполните мои требования в течение трех дней, или я отдаю приказ войскам вступить на территорию Австрии.

Шушниг сдался. Он заявил Гитлеру, что готов подписать документ, но напомнил, что по австрийской конституции только президент республики имеет право подписывать такой документ и отвечать за соблюдение условий. Он, конечно, постарается убедить президента принять условия фюрера, но гарантировать ничего не может.

— Вы должны гарантировать это! — закричал Гитлер.

— Но как же я могу, герр рейхсканцлер?

— Я, урожденный австриец, — в ярости заявил фюрер, — самим провидением предназначен создать великогерманскую империю! А вы становитесь на моем пути! Смотрите, я вас растопчу!

Сделав вид, что его терпение иссякло, фюрер распахнул двери и крикнул: «Генерал Кейтель!»\*. В. Кейтель являлся недавно назначенным руководителем ОКВ — главного командования вермахта. В своих мемуарах он вспоминает, что Гитлер пригласил его и других генералов только для того, «чтобы Шушниг смог увидеть несколько мундиров. Мы, генералы, не играли роли на переговорах и не подозревали об их задачах или целях бесед до отъезда Шушнига; нам было ужасно скучно»<sup>423</sup>. Вместе с Кейтелем, по мысли Гитлера, австрийского канцлера

---

\* Личный адъютант Гитлера вспоминал, как «вызванный Гитлером Кейтель, который сидел, спрятавшись в зимнем саду, пристегнул саблю, бросил по примеру Гитлера взгляд в большое зеркало и, убедившись в воинственности своей внешности, бряцая оружием, поднялся по лестнице в кабинет Гитлера». Вечером за ужином Гитлер в лицах изобразил, как он «доконал» несчастного канцлера: «Когда Кейтель вошел, я спросил его: “Кейтель, сколько дивизий стоит на границе?” Затем я спросил: “Кейтель, что докладывает разведка об армии противника?” На этот вопрос Кейтель презрительно ответил: “Вообще и говорить не о чем, мой фюрер”». Никакого выступления не состоялось, кроме выступления «бога войны» Вильгельма Кейтеля, — хохотал Гитлер.

должны были запугивать генералы Рейхенау, возглавлявший армейские силы, стоявшие на германо-австрийской границе, и Шперрле — командир авиации в данном районе.

Потом фюрер повернулся к австрийскому канцлеру и сказал: «Вас позовут позже». Это был чистый блеф, но встревоженный австрийский канцлер, видя вокруг себя столько генералов, мог этого и не знать. Папен пишет, что Кейтель позднее рассказал ему, как Гитлер встретил его широкой улыбкой, а когда он спросил, какие будут приказы, ответил: «Никаких. Просто я хочу, чтобы вы были здесь».

Но на Шушнига и доктора Шмидта, ожидавших в приемной, это произвело впечатление. Шмидт, прошептал, что он не удивится, если их через пять минут арестуют.

Через полчаса Гитлер снова принял австрийцев и сообщил им, что первый раз в своей жизни он изменил свое мнение. Шушнигу было предложено подписать документ и доложить его президенту. Гитлер дал на выполнение всех требований еще три дня, заявив: «В противном случае дела пойдут своим естественным путем». В тот же день, 12 февраля 1938 года, Шушниг подписал соглашение без дальнейшей дискуссии.

Однако у Гитлера было припасено еще одно унижение, через которое должен был пройти Шушниг. Когда австрийский канцлер предложил вставить в газетный репортаж пассаж о том, что во время встречи было подтверждено желание соблюдать договор от 11 июля 1936 года, Гитлер воскликнул: «О нет! Сначала вы должны выполнить условия нашего соглашения. А пресса напишет вот что: “Сегодня фюрер и рейхсканцлер встретился в Бергхофе с австрийским канцлером”. И все». Отклонив приглашение Гитлера остаться на обед, Шушниг и Шмидт поехали по горной дороге обратно в Зальцбург. Вечер был тусклый и мгlistый. Вездесущий Папен провожал их до границы. Атмосфера была напряженной. Папен вспоминает о «гнетущей тишине». Он не мог удержаться от того, чтобы не подбодрить австрийских друзей: «Ну что вы! Вы же видели, каким иногда бывает фюрер, хотя через минуту он может быть совершенно другим. А иногда, знаете ли, он просто очарователен!»<sup>424</sup>.

Вернувшись со встречи, австрийский канцлер устало сказал: «Десять часов боролся с сумасшедшим».

Шушниг называет остальные четыре недели после встречи в Берхтесгадене временем агонии Австрии<sup>425</sup>. Президент Австрии Миклас согласился с несколькими требованиями, но категорически отказался назначить Зейсс-Инкварта министром внутренних дел. Шушниг предложил три варианта развития событий: «1. Канцлер уходит в отставку, и президент назначает нового канцлера для формирования кабинета, который не будет связан берхтесгаденским соглашением. 2. Берхтесгаденское соглашение выполняется новым канцлером. 3. Соглашение выполняется, и канцлер остается на своей должности»<sup>426</sup>. В итоге был выбран именно третий вариант. Уже 16 февраля стало известно о реорганизации австрийского кабинета. Шмидт стал министром иностран-

ных дел, Эдмунд Глейзе Хорстенау — министром без портфеля, Артур Зейсс-Инкварт — министром внутренних дел и безопасности. Была объявлена амнистия нацистам<sup>427</sup>.

«Австрийский канцлер Шушниг, — пишет известный немецкий исследователь фашизма Э. Нольте, и с ним трудно не согласиться, — первым из иностранных государственных деятелей должен был испытать на себе, что безудержная эмоциональность этого полководца и государственного деятеля в одном лице изливается не только в публичных речах. Внешняя политика, как и внутренняя, полна угроз и насилия; но она раньше отличалась от нее тем, что объективные условия не проявлялись в манерах ее представителей. Гитлер, напротив, бушевал и неистовствовал в личном разговоре с Шушнигом и вызвал Кейтеля таким же угрожающим тоном, как вождь какого-нибудь племени мог вызвать начальника своей стражи, чтобы устрасшить посетителя своей татуировкой»<sup>428</sup>.

То, что Шушниг, ветеран политической арены, несмотря на относительно молодой возраст, видевший убийство своего предшественника нацистами, был человеком достаточно смелым, вряд ли кто-то был готов оспаривать. Однако не вызывает сомнения, что его капитуляция перед Гитлером 11 февраля 1938 года под угрозой военного нападения на страну посеяла сомнение в душах его соотечественников и тех, кто наблюдал за тем, как разворачивались события в тот драматический период.

Соглашение от 12 февраля 1938 года, навязанное Гитлером Австрии и означавшее начало конца ее независимости, не встретило протеста со стороны западных демократий. Французский посол в Берлине после беседы с Риббентропом доносил Дельбосу, что встреча двух канцлеров в Берхтесгадене является «лишь этапом на пути поглощения Германией Австрии»<sup>429</sup>. Гитлер же продолжал убеждать Париж, что решение австрийского вопроса послужит толчком к улучшению франко-германских отношений. Фюрер говорил Франсуа-Понсе, что он «продолжает желать установления хороших отношений» между Германией и Францией и добивается «европейского умиротворения», которому будет содействовать и соглашение рейха с Австрией. Гитлер был недоволен «непониманием» Франции того, что «австро-германский конфликт достиг опасной степени напряженности» и в результате его дальнейшего развития может «вспыхнуть пожар». Обращаясь к французскому послу, фюрер спросил его: «Может ли Франция сожалеть по поводу того, что этот пожар был предотвращен? Могла бы она сама, будучи на месте Германии, оказаться незаинтересованной в судьбе братьев по языку и расе, населяющих соседнюю страну? Наоборот, она должна радоваться тому, что соглашение оказалось достигнутым». Из заявлений Гитлера вытекало, что Германия сама, без какого-либо участия других держав, разрешит австрийский вопрос. Франсуа-Понсе подчеркнул в ответ большую заинтересованность Франции в данном вопросе. Он сказал фюреру, что «французское правительство будет радо всему тому, что укрепит существующий мир, всему, что будет содействовать обеспечению независимости и целостности Австрии»<sup>430</sup>.

Надо заметить, что австрийское правительство само информировало дружественные державы, что соглашение от 12 февраля 1938 года не меняет сути соглашения 11 июля 1936 года. Опираясь на это, Дельбос заявил, что нет никакого основания, чтобы Франция опротестовала Берхтесгаденское соглашение<sup>431</sup>. Вельчек писал в Берлин, что «похоже, в Париже нет четкого плана действий в отношении австрийских событий. Во Франции не видят моральной основы для активного противодействия германским планам. Австрийская независимость была гарантирована фронтом Стрезы и Лигой наций — оба института сейчас практически мертвы. Париж вряд ли решится на какие-либо действия, не имеющие под собой юридического базиса. Многие во Франции уже говорят *Fini Austriae*»<sup>432</sup>.

Тем временем 18 февраля в Париж пришла новая телеграмма из посольства в Берлине. Франсуа-Понсе сообщил, что Риббентроп снова заявил ему, что австрийская проблема касается только Германии и Австрии и что Берлин будет рассматривать «как недопустимое вмешательство всякую инициативу третьей стороны»<sup>433</sup>. В тот же день французский посланник Г. Пюо имел беседу в Вене с Шушнигом, в ходе которой австрийский канцлер сказал, что Германия основательно сблизилась с Англией, а в лице Галифакса «Гитлер нашел поддержку в своем давлении на Австрию»<sup>434</sup>. 18 февраля в Париж пришло и сообщение из США, в котором было отмечено, что правительство США не вмешается в германо-австрийский конфликт на стороне Австрии<sup>435</sup>.

Во Франции росла озабоченность в связи с угрозой независимости Австрии. Под давлением этих настроений 18 февраля французское правительство предложило Чемберлену выступить с совместным демаршем в Берлине. В нем должна была быть подчеркнута важность суверенитета Австрии для мира и равновесия сил в Европе и заявлено, что всякие попытки со стороны Германии силой изменить статус-кво в Центральной Европе встретят решительное сопротивление западных держав. Иден поддерживал это предложение. Дельбос предлагал представителям британского правительства совместно с французским до 20 февраля выступить в Берлине со следующим заявлением: «а) Шушниг, по нашему мнению, готов пойти на уступки так далеко, настолько ему позволит законная забота об австрийской обороне; б) реальная независимость Австрии сочетается с интересами европейского мира, и мы не можем остаться безразличными перед инициативами, клонящими ее к уничтожению; с) любой акт насилия, имеющий своей целью поставить под вопрос территориальное статус-кво в Центральной Европе, натолкнется на решительное противодействие западных держав»<sup>436</sup>.

20 февраля 1938 года Гитлер выступил в рейхстаге с речью, в которой, выразив удовлетворение по поводу подписания соглашения 12 февраля с Австрией и поблагодарив Шушнига за солидарность в вопросах политики обеих стран, снова угрожающе напомнил: «Более десяти миллионов немцев живут в двух государствах, расположенных возле наших границ... Не может быть сомнений, что политическое отделение

от рейха не должно привести к лишению их прав, точнее, основного права — на самоопределение. Для мировой державы нестерпимо сознавать, что братья по расе, поддерживающие ее, подвергаются жесточайшим преследованиям и мучениям за свое стремление быть вместе с нацией, разделить ее судьбу»<sup>437</sup>. Далее Гитлер откровенно объявил о своем плане объединения всех немцев, живущих вдоль нынешних границ Германии. «В интересы германского рейха входит защита этих немцев, которые живут вдоль наших границ, но не могут самостоятельно отстаивать свою политическую и духовную свободу»<sup>438</sup>, — заключил фюрер. Толпы нацистов слушали эту речь и в Австрии. Они срывали красно-бело-красные австрийские знамена, водружая красные знамена со свастикой. Полиция, руководимая теперь Зейсс-Инквартом, не вмешивалась в их действия.

Французская «Ган» так отреагировала на речь Гитлера: «Фюрер говорил о “духе взаимопонимания”. Шушниг заявил, что в Берхтесгадене все было сделано “ради мира”. Но какой же мир может быть основан на безжалостно навязанном диктате?»<sup>439</sup>. Британская «Таймс» критиковала правительство за то, что оно отказывается от защиты своих интересов в Центральной и Восточной Европе<sup>440</sup>.

23 февраля в беседе с Нейратом Фрасуа-Понсе предупредил германского министра, что Франция не может согласиться с аннексией Австрии рейхом, чья независимость гарантирована международными договорами. В ответ Нейрат заявил, что не видит возможным вмешательство Франции в то, что он считает внутренним делом Германии. «Было бы гораздо мудрее, — говорил Нейрат, — примириться с принципом национального самоопределения, которым Франция всегда руководствовалась в других случаях, вместо того, чтобы искать союзников для предотвращения возможного слияния Германии и Австрии». В ответ на замечание французского посла, что 80-миллионный рейх в центре Европы будет угрожать безопасности Франции и всему балансу сил в Европе, Нейрат заметил, что то же самое можно сказать и о мобилизации негров из французских колоний для создания военного превосходства в Европе. Когда же Франсуа-Понсе заявил, что для восстановления баланса сил Франции придется снова сблизиться с Советским Союзом, Нейрат лишь пожелал ему удачи в этом начинании<sup>441</sup>.

Тем временем Шушниг решил дать ответ на речь Гитлера. 24 февраля он выступил в австрийском бундестаге с речью, транслировавшейся по радио на всю страну. Анализируя соглашение 11 июля 1936 года и 12 февраля 1938 года, он заявил, что никаких больше уступок быть не может: «Все! Хватит!». Шушниг выделил три пункта: «1. Австрия приветствует мир с Германией и намерена сохранить его при любых обстоятельствах. 2. Предел ее возможностей (в поддержании мира. — *А.Н.*) четко прописан в соглашении от 11 июля 1936 года, и дальше этого Австрия не пойдет. 3. Австрия может и будет жить. Она никогда добровольно не прекратит своего существования». Речь он закончил пламенным призывом в рифму (по-немецки): «Истинные немцы и красно-бело-красные! Так будет, пока мы живы!»<sup>442</sup>.

Европейская политическая элита восприняла речь Шушнига как волю к сопротивлению, а речь Гитлера как угрозу не остановиться ни перед чем, даже перед войной с Австрией. Муссолини, получивший копию текста выступления австрийского канцлера еще до самого выступления, оценил ее положительно<sup>443</sup>. Эррио во Франции признавался, что речь Шушнига заставила его рыдать.

В конце февраля в Париже состоялись парламентские дебаты по вопросам внешней политики. Выступления депутатов самых разных партий наглядно продемонстрировали дилемму французской политики в австрийском вопросе. Так, признанный эксперт во проблемам Центральной Европы, депутат Э. Пезе заявил, что если Франция бросит на произвол судьбы Центральную Европу, то это произойдет из-за визитов Галифакса, М. Стоядиновича (премьер-министра Югославии) и Фландена в Берлин. Он предложил депутатам сравнить ситуацию 1931 года с нынешней. «Тогда Австрия была несчастной, безоружной, в плохом экономическом состоянии, страдающей от независимости, предоставленной ей Англией и Францией. Тогда ей было отказано в таможенном союзе с Германией. А Бриан тогда заявил, что необходимо остановить развитие опасного проекта (аншлюса. — *А.Н.*). В 1938 году Австрия процветает и желает остаться независимой, но Англия и Франция не имеют больше такого же желания противодействовать аншлюсу, как в 1931-м, хотя обе страны понимают необходимость австрийской независимости и представляют, какие последствия повлечет за собой поглощение Австрии рейхом. Они просто опасаются провоцировать Гитлера».

«Если Австрия падет, — говорил Пезе, — тогда все увидят, насколько ее независимость была необходима для сохранения и дальнейшего развития экономики Дунайского бассейна. Никто не заинтересован в судьбе храброго австрийского канцлера, который всего с 7 миллионами пытается сопротивляться Германии. Нужно было слышать его речь — маленький Давид противостоит гитлеровскому Голиафу, который пятнадцать дней назад предьявил ему жестокий и наглый ультиматум». Депутат предупредил правительства Англии и Франции, что их молчание повлечет за собой «тяжкую ответственность в последующих событиях... Еще есть время остановить Гитлера, если Франция и Англия откликнутся на слова Шушнига». Комментируя заявление Чемберлена от 21 февраля о том, что малые страны не должны думать, будто Лига Наций может гарантировать им защиту от нападения сильных держав, Пезе сказал: «Странно, девятнадцать лет они говорили о поддержке Лиги, о том, что в нужный момент она готова оказать помощь. Что ж, момент пришел, а никакой помощи нет. Мы связаны контрактом, честью и реализмом для защиты Австрии. Когда Австрия и Чехословакия находятся под угрозой, именно мы должны дрожать»<sup>444</sup>.

С призывом к действиям для спасения Австрии выступали и другие депутаты. Так, депутат А. Оберкирх говорил: «Независимость Австрии

---

\* Надо оговориться, что под воздействием развития событий дуче вскоре изменил свою позицию.



касается независимости всех; никогда раньше Австрия не была так важна для Европы, уберите опору, и здание рухнет. Франция рискует быть смертельно раненой. Каковы будут последствия аншлюса, как непосредственные, так и в перспективе? Все балканские государства окажутся под контролем германской экономики. Если Германия займет Австрию, она получит общую границу с Италией. Если Австрия будет атакована, политический эффект для Европы окажется катастрофическим. Австрийский канцлер сказал, что «если аншлюс произойдет, то мы (Австрия. — *А.Н.*) перестанем служить мостом для двух великих культур — Запада и Востока»<sup>445</sup>.

Наконец на трибуну под неодобрительные возгласы левых и коммунистов поднялся Фланден. Оратор высказывался в поддержку линии Чемберлена на умиротворение диктаторов и не скрывал своей прогерманской ориентации. Фланден говорил о беспомощности Лиги Наций, заявив, что если бы Лига признала итальянские завоевания в Эфиопии, то Италия не пошла бы на сближение с Германией и не отказалась бы выступить в защиту Австрии. Фланден призвал укрыться за «линией Мажино», которая, по его словам, в случае германского нападения послужит надежной защитой до тех пор, пока свободолюбивые нации не придут к нам на помощь, как это было в 1914 году. «Я думаю, — заявил Фланден, — что абсолютно необходимо, чтобы правительство начало переговоры с Италией и Германией»<sup>446</sup>.

Шотан и Дельбос уклонились от каких-либо конкретных высказываний в отношении поддержки Австрии. Выступая перед депутатами, Дельбос заявил: «Франция должна сохранить свою традиционную политику — оставаться верной Лиге Наций и оборонительному франко-советскому пакту». Министр указал, что «независимость Австрии является важнейшим фактором европейского порядка». Однако Дельбос тут же предупредил, что он излагает политику правительства по австрийскому вопросу с оговоркой, так как по этому вопросу ведутся в настоящее время переговоры, в ходе которых и будет окончательно определена позиция Франции<sup>447</sup>.

Резонанс заседания во французском парламенте оказался чрезвычайно сильным в Европе. Интересно заметить, что Папен тут же заявил Шушнигу, что Германия не потерпит вмешательства в австрийские дела со стороны Франции или Чехословакии<sup>448</sup>. К этому времени Гитлер все больше убеждался в том, что его действия в отношении Австрии останутся безнаказанными. Почву для подобных размышлений давала политика, проводимая английским премьером Чемберленом.

25 февраля французскому послу Корбену в Форин Оффис вручили меморандум, содержащий ответ британского правительства на французский запрос. В нем французское правительство упрекали в том, что его предложения по австрийскому вопросу облечены лишь в словесные формулы, «не подкрепленные указаниями на конкретные действия». Все три пункта (а, б, с) вышеуказанных французских предложений отвергались. Британский кабинет министров указывал, что после достигнутого 12 февраля «соглашения» между Гитлером и Шушнигом собы-



*Тюрьма Ландсберг. Здесь была написана «Майн кампф»*



*Гитлер объявляет указ о восстановлении всеобщей воинской повинности.  
16 марта 1935 года*



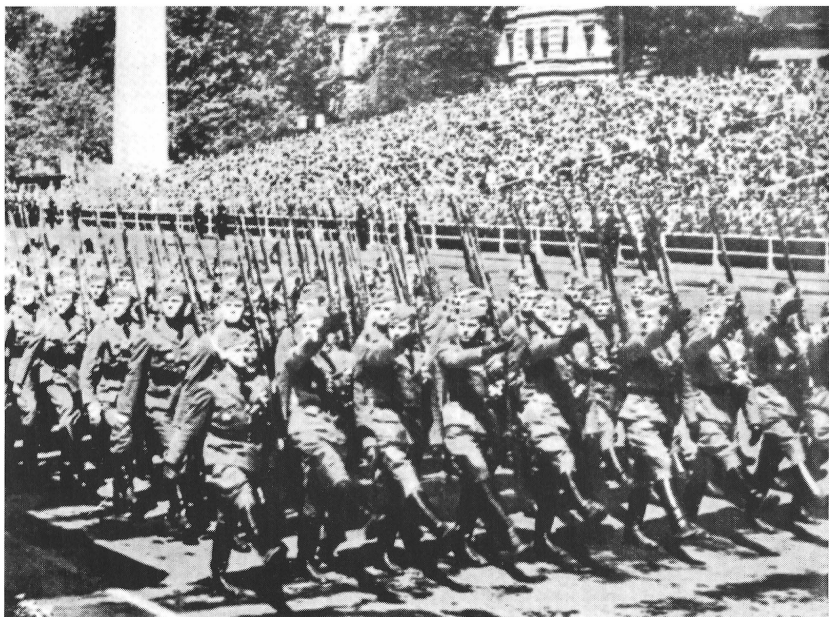
*День «Цет»: вермахт входит в Рейнскую область. 7 марта 1936 года*



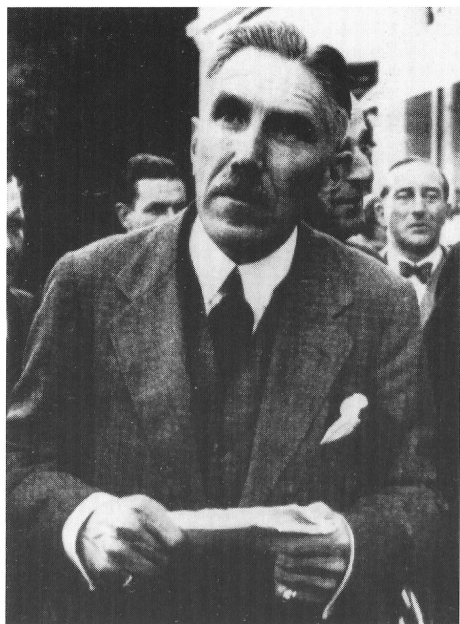
*Глава Третьего рейха приветствует наследника Второго рейха. Гитлер беседует с принцем Вильгельмом, сыном свергнутого в 1918 году кайзера*



*Британские визитеры Гитлера. Герцог и герцогиня Виндзорские на вилле Бергхоф в 1937 году*



*Парад легиона «Кондор», принимавшего участие в гражданской войне в Испании (1936–1939)*



*Франц фон Папен —  
«сатана в цилиндре»,  
подготовивший аншлюс*



*Аннексия Австрии (аншлюс).  
Гитлер на параде 8-й армии в Вене. 16 марта 1938 года*



*Риббентроп,  
Чиано и Гитлер*



*Гитлер во время Мюнхенской конференции. Сентябрь 1938 года*





*Гитлер,  
Муссолини,  
Даладье  
и Чемберлен  
подписывают  
Мюнхенское  
соглашение.  
30 сентября  
1938 года*





*Гитлер и Чемберлен в Мюнхене. Сентябрь 1938 года*



*Чемберлен привозит из Германии «мир для нашего поколения»*



*Оккупация Судетской области. Октябрь 1938 года*



*Гитлер и генералы на маневрах в Австрии в начале 1939 года*



*Эмиль Хаха. Несчастный президент Чехо-Словакии*



*Вермахт входит в Чехословакию. Март 1939 года*



*Германская армия и флот оккупируют Мемель. 23 марта 1939 года*



*Гитлер провожает немецкую пехоту, марширующую к границам Польши в сентябре 1939 года. Началась Вторая мировая война*

тия в Австрии могут принять характер «нормальной эволюции». Вельчек писал в Берлин, что британский министр иностранных дел Иден высказывался за принятие решительных мер в отношении ситуации в Центральной Европе, однако встретил жесткую оппозицию со стороны Чемберлена, для которого этот регион и Австрия были лишь частью англо-итальянских взаимоотношений<sup>449</sup>.

Еще 17 февраля Д. Гранди стал свидетелем «самой экстраординарной встречи, на которой когда-либо присутствовал». В беседе с итальянским послом в Лондоне Чемберлен и Иден обсуждали возможность англо-итальянской встречи в Риме. Иден отказался вести какие-либо переговоры с Италией в Риме, пока испанский вопрос не будет урегулирован. Раздраженный Чемберлен в присутствии Гранди оборвал своего министра на полуслове. «Переговоры, — заявил Чемберлен, — будут иметь место, и будут иметь место в Риме». По словам шокированного Гранди, Чемберлен и Иден выглядели «как два смертельных врага, как два петуха, готовых сцепиться в драке»<sup>450</sup>.

Действительно, между Иденом и Чемберленом существовали серьезные разногласия по вопросам внешней политики. В итоге 21 февраля 1938 года глава Форин Оффис был вынужден покинуть свой пост. Уход Идена вселил еще больше уверенности в Гитлера. В Берлине сочли, что раз Чемберлен готов пожертвовать собственным министерством иностранных дел ради умиротворения диктаторов, то им не следует опасаться решительных действий со стороны Великобритании. Как сообщал в Берлин Вельчек, во Франции отставку Идена посчитали знаком ослабления Лиги Наций, свидетельством «незаинтересованности Британии в делах континентальной Европы, особенно в Дунайском бассейне ... попытками сближения не только с Италией, но и “осью Берлин–Рим” в целом»<sup>451</sup>. После беседы с английским послом в Вене Папен докладывал Гитлеру, что отставка Идена состоялась не столько из-за его позиции в отношении Италии, сколько из-за его готовности солидаризоваться с Францией по австрийскому вопросу»<sup>452</sup>.

Отставка Идена сняла последнее препятствие на пути британской политики умиротворения. Новый министр иностранных дел лорд Галифакс не видел смысла в совместном англо-французском демарше в поддержку австрийской независимости. Он также не видел оснований считать берхтесгаденское соглашение ультиматумом, основываясь на отсутствии просьбы о помощи со стороны австрийского правительства. Что касается заявлений, сделанных Англией, Францией и Италией в феврале 1934 года, то они, по мнению Галифакса, были фактически аннулированы с тех пор, как Италия покинула лагерь западных держав.

Британское правительство отказывалось даже на словах сделать какое-либо предупреждение Гитлеру, упорно стремилось «разрешить» австрийскую проблему на основе тех положений, которые Галифакс высказал Гитлеру 19 ноября 1937 года<sup>453</sup>. Надо заметить, что эту «новую ориентировку» британского правительства (так западные дипломаты называли политическую линию Чемберлена после ухода с

поста министра иностранных дел Идена) по отношению к австрийской проблеме целиком одобряли и руководители госдепартамента США<sup>454</sup>.

Депутат палаты общин А. Гендерсон, обращаясь к Чемберлену, говорил: «...Я хотел бы напомнить премьер-министру о недавней декларации французского министра иностранных дел, что независимость Австрии является важнейшим элементом европейского мира». Он предлагал правительству Его Величества использовать свое дипломатическое влияние для поддержки позиции Дельбоса<sup>455</sup>. Однако Чемберлен расценивал берхтесгаденские события как встречу двух государственных деятелей, в результате которой они выработали определенные условия для улучшения взаимоотношений, включавших в себя всеобщую амнистию и некоторые изменения в австрийском кабинете.

2 марта Дельбос направил Корбену ноту в ответ на британский меморандум от 25 февраля, в которой выражалось сожаление по поводу отказа английского правительства выступить с совместным предупреждением Берлину по австрийскому вопросу. В ней указывалось, что «уклонение западных держав» от совместных действий «вдохновило правительство рейха на новые мероприятия на пути реализации германского плана» в отношении Австрии<sup>456</sup>.

Как раз в тот день, когда Корбен вручил ноту Галифаксу, 3 марта 1938 года, британский посол Гендерсон попытался выяснить намерения Гитлера. Фюрер заявил, что «в урегулирование своих отношений с родственными странами или со странами с большим количеством немецкого населения Германия не позволит вмешиваться третьим державам... Если Англия в дальнейшем будет противодействовать германским попыткам произвести здесь справедливое и разумное урегулирование, то тогда наступит момент, когда придется воевать». В ходе беседы Гитлер заявил: «Если когда-либо в Австрии или Чехословакии будут стрелять в немцев, Германская империя немедленно вступится... Если в Австрии или Чехословакии произойдут взрывы изнутри, Германия не останется нейтральной, а будет действовать молниеносно»<sup>457</sup>. Гендерсон в ответ заверил Гитлера и Риббентропа в том, что жалобы британского посланника в Вене германскому послу Папену по поводу германского «давления на Австрию» совсем не обязательно представляют «мнение британского правительства» и «он сам, сэр Невилл Гендерсон, высказывался за аншлюс»<sup>458</sup>.

6 марта в британской газете «Обсервер» прямо был поставлен вопрос о целесообразности британской поддержки Австрии. Автор статьи спрашивал: является ли Австрия гармоничным государством? «Это вызывает большие сомнения. Значительная часть населения активно требует более тесного союза с рейхом. Конфликт будет означать войну. Это семейное дело германской расы. Нам там делать нечего»<sup>459</sup>, — отмечало одно из влиятельнейших британских периодических изданий.

В то же время с целью укрепления своих позиций против претензий Гитлера Шушниц решил провести народный плебисцит по вопросу о не-

зависимости страны\*. 9 марта Шушниг в речи, произнесенной по радио в Инсбруке, провозгласил проведение 13 марта 1938 года голосования «за свободную и немецкую, независимую и социальную, христианскую и единую Австрию»<sup>460</sup>. Заявляя о намерении провести плебисцит, Шушниг не стал консультироваться с представителями западных демократий, однако канцлер обратился за советом к Муссолини. Ответ дуче гласил: «Плебисцит — это ошибка. Если результат будет удовлетворительным, народ скажет, что плебисцита был подтасован. Если результат будет плохим, положение правительства окажется невыносимым, а если он не даст определенных результатов, тогда он вообще бесполезен»<sup>461</sup>. Но Шушниг на этот раз не прислушался к советам из Италии; больше Муссолини ему слышать не приходилось. А Гендерсон так прокомментировал объявление плебисцита: «... Я боюсь, что доктор Шушниг рискует независимостью Австрии, пытаясь спасти собственное положение»<sup>462</sup>.

Тем временем в Англию для нанесения прощального визита (в связи с переходом на другую работу — главой МИД Германии) прибыл Риббентроп. Сразу по прибытии он начал зондирование британской позиции в отношении австрийского вопроса. Свою первую беседу он провел с Галифаксом, заявив последнему, что плебисцит — это обман 80% населения Австрии. Он обвинил Англию и Францию в попытке воздействия на Австрию и посоветовал Галифаксу рекомендовать Шушнигу отменить плебисцит. Галифакс не согласился с упреками Риббентропа и заявил, что британское правительство «не будет препятствовать соглашению, достигнутому мирными средствами. Оно признает реальность, с точки зрения Германии, проблем, связанных с Австрией и Чехословакией»<sup>463</sup>.

На следующий день Риббентроп встречался с Инскипом, британским министром координации обороны. Министр высказал мнение, что, если Германия будет более терпеливой, австрийский вопрос рано или поздно решится в пользу Берлина; он может с уверенностью утверждать, что Англия не прибегнет к военной интервенции, если австрийский вопрос будет решен мирными средствами<sup>464</sup>.

Риббентроп сделал из этих бесед вывод, что Англия не выступит в защиту Австрии. «Совсем иначе будет, если произойдет большой международный конфликт по поводу Австрии, то есть при вмешательстве Франции. Поэтому важно поставить вопрос: как поведут себя Франция и ее союзники? Я думаю, что ни Франция и ее союзники, ни Италия не вступят в войну из-за немецкого решения австрийского вопроса. Но это при условии, если австрийский вопрос будет решен в самое короткое время. Если же насильственное решение затянется во времени, возникнут серьезные осложнения»<sup>465</sup>.

---

\* Согласно показаниям президента Микласа на суде над австрийскими нацистами в Вене, идея плебисцита была подсказана Шушнигу из Франции. Папен в своих мемуарах полагает, что «отцом» идеи плебисцита можно считать французского посла в Вене Пюо, личного друга канцлера, однако признает, что Шушниг воспринял эту идею как собственную.



Само известие о проведении плебисцита вызвало крайнее раздражение в Берлине. Неожиданная весть привела Адольфа Гитлера в ярость. В дневнике ближайшего сотрудника начальника ОКВ генерала Йодля за 10 марта 1938 года описывается первая реакция в столице рейха: «Совершенно неожиданно, не посоветовавшись со своими министрами, Шушниг объявил, что плебисцит состоится в воскресенье 13 марта... Фюрер не намерен этого терпеть. В ночь на 10 марта он вызывает Геринга. Генерала Рейхенау вызывают из Каира с заседаний Олимпийского комитета, генерал Шоберт (командующий Мюнхенским военным округом на границе с Австрией) тоже получает приказание прибыть, как и (австрийский) министр Глайзе Хорстенау. Риббентроп задерживается в Лондоне. Министерство иностранных дел возглавляет Нейрат»<sup>466</sup>.

Гитлер небезосновательно полагал, что в результате голосования австрийский народ проголосует за сохранение независимости своей страны, что сделало бы аншлюс весьма проблематичным. Австрийцы, может быть, и хотели бы объединиться с Германией, но захотели ли их большинство объединиться именно с нацистской Германией? А после провала идеи аншлюса на референдуме Гитлеру было бы гораздо труднее добиться нейтралитета Великобритании и Франции. 9 марта фюрер уполномочил Зейсс-Инкварта добиваться отмены плебисцита.

А 10 марта 1938 года Гитлер решился на военную оккупацию Австрии, чем, несомненно, поразил своих генералов. Чтобы предотвратить плебисцит, назначенный Шушнигом на воскресенье, армии предстояло войти в Австрию в субботу. Планом такая скоротечная операция не была предусмотрена. Гитлер вызвал Кейтеля на 10 утра, но тот, прежде чем поспешить к фюреру, встретился с Йодлем и генералом Максом фон Фибаном, начальником оперативного штаба ОКВ. Находчивый Йодль вспомнил о плане «Отто», который был разработан на случай предотвращения попытки посадить на австрийский престол Отто Габсбурга. Поскольку это был единственный реально существовавший план военных действий против Австрии, Гитлер согласился довольствоваться им. «Приготовьте план “Отто”», — приказал он. Кейтель отправился в штаб ОКВ, чтобы посоветоваться с начальником Генерального штаба генералом Беком. Когда он попросил Бека ознакомить его с деталями плана «Отто», тот ответил: «Мы ничего не готовили. Ничего не делалось, абсолютно ничего». Бека вызвали в рейхсканцелярию. На встречу с Гитлером он взял с собой генерала фон Манштейна, который собирался покинуть Берлин, чтобы занять пост командира дивизии. Гитлер сказал им, что к субботе армия должна быть готова вступить на территорию Австрии. Никто из генералов против военной агрессии не возражал. Смущало их лишь то, что за столь короткий срок трудно подготовиться к военным действиям. Манштейн принял за работу — надо было подготовить проекты необходимых приказов. Работу он закончил через пять часов — в 6 вечера. Согласно дневнику Йодля, в 18.30 мобилизационные приказы были направлены в три армейских корпуса и в

ВВС. 11 марта, в 2 часа ночи, Гитлер издал Директиву ОКВ 1 по плану «Отто». Он так торопился, что даже не подписал ее. Его подпись на директиве появилась только в час дня<sup>467</sup>.

Надо заметить, что международная обстановка благоприятствовала динамичным действиям фюрера при решении австрийского вопроса. 10 марта 1938 года кабинет министров Шотана ушел в отставку. Вплоть до 13 марта Франция оставалась без правительства\*. Муссолини удалился в свою загородную резиденцию Рока делле Каминате; на попытки связаться с ним итальянский министр иностранных дел заявлял, что это невозможно. Позиция Англии по австрийскому вопросу к этому времени мало у кого вызывала сомнения.

11 марта начались демонстрации нацистов во всех крупных городах Австрии. В час дня Гитлер, как уже говорилось, поставил свою подпись под директивой о вторжении германских войск 12 марта в 12 часов в Австрию.

#### «Директива № 1.

1. Я намерен, если другие средства не приведут к цели, осуществить вторжение в Австрию вооруженными силами, чтобы установить там конституционные порядки и пресечь дальнейшие акты насилия над настроенным в пользу Германии населением.

2. Командование всей операцией в целом я принимаю на себя.

Руководствуясь моими директивами,

— главнокомандующему сухопутными войсками осуществить наземные операции силами 8-й армии в том составе, который был представлен мне на утверждение, а также приданными ей частями военно-воздушных сил, СС и полиции — в соответствии с приложением к настоящей директиве;

— главнокомандующему военно-воздушными силами организовать действия авиации в том составе, который был мне представлен.

3. Задачи.

а) Сухопутным войскам:

Вступить на территорию Австрии в соответствии с представленным мне планом. Ближайшая задача сухопутных войск — оккупировать Верхнюю Австрию, Зальцбург, Нижнюю Австрию, Тироль, быстро овладеть Веной и выставить заслон на австрийско-чешской границе.

б) Военно-воздушным силам:

Вести демонстративные действия и сбрасывать пропагандистские материалы; овладеть австрийскими аэродромами для возможного приема дополнительных сил; оказывать необходимую поддержку сухопутным войскам соответственно их запросам, а также держать боевые соединения в готовности к выполнению особых задач.

4. Выделенным для операции соединениям сухопутных войск и военно-воздушных сил находиться в походной и боевой готовности не позднее 12.00 12 марта 1938 г.

---

\* Новое правительство возглавил Л. Блум, однако оно продержалось меньше месяца.

Право разрешить переход и перелет через границу, а также назначить соответствующие сроки для этого я оставляю за собой.

5. Войскам действовать с учетом того, что мы не хотим вести войну с братским народом. Мы заинтересованы в том, чтобы вся операция прошла без применения силы, как мирное вступление в страну, население которой приветствует наши действия. Поэтому избегать всяких провокаций. Но если будет оказано сопротивление, то сломить его с полной беспощадностью силой оружия.

Переходящие на нашу сторону австрийские соединения немедленно принимать под немецкое командование.

6. На границах Германии с другими государствами никаких оборонных мер до особого распоряжения не принимать.

Адольф Гитлер»<sup>468</sup>.

С утра 11 марта в европейские столицы стала стекаться информация о закрытии австро-германской границы и передвижениях германских войск в сторону Австрии. Однако официальный Берлин и его посольства все отрицали<sup>469</sup>.

Австрийский канцлер не решился оказать отпор германской агрессии. В 14 часов 11 марта Зейсс-Инкварт сообщил Герингу о решении Шушнига отменить плебисцит. Но Геринг ответил, что этого недостаточно. После совещания с Гитлером он сообщил Зейсс-Инкварту новый ультиматум: «Положение можно спасти только в том случае, если канцлер немедленно подаст в отставку и если через два часа Зейсс-Инкварт будет назначен канцлером. Если в течение этого времени ничего не будет сделано, начнется вторжение германских войск в Австрию»<sup>470</sup>.

В сложившейся критической ситуации Шушниг в первую очередь обратился за помощью к Муссолини. Однако никакого ответа получено не было<sup>471</sup>. Когда новость о новом ультиматуме достигла Франции, там было срочно созвано совещание с участием формально оставшихся в должности Шотана, Дельбоса и различных официальных лиц Кэ д'Орсэ. Париж срочно связался с Лондоном и Римом. Французский поверенный в делах пытался войти в контакт с Чиано, но итальянский министр иностранных дел отверг идею совместного демарша Англии, Франции и Италии в Берлине.

В три часа дня Шушниг запросил совета у британского правительства. Ответ в Вену пришел уже через полтора часа. За это время состоялась встреча между Риббентропом и Галифаксом. После этой беседы английскому посольству в Вене было дано указание передать Шушнигу, что «мы (правительство Великобритании. — *А.Н.*) очень резко обратили внимание Риббентропа на то, какое впечатление произведет в Англии такое прямое вмешательство в австрийские дела, как требование отставки канцлера, подкрепленное ультиматумом, и особенно после того, как было обещано отменить плебисцит. Ответ Риббентропа не был обнадеживающим, но он обещал связаться по телефону с Берлином». Галифакс также добавил, что «британское правительство не может взять на себя ответственность советовать канцлеру какие-либо действия, которые

могут принести его стране опасности, против которых британское правительство не в состоянии гарантировать защиту»<sup>472</sup>.

Тем временем, поняв, что Лондон не поддержит Францию в решительных действиях, направленных на защиту Австрии, Париж решил еще раз обратиться в Рим. Французский поверенный в делах получил указание узнать у Чиано, согласится ли Италия на консультации по австрийскому вопросу. Такое же поручение получил от своего правительства и британский посол в Риме Перт. Однако Чиано ответил французскому представителю в Риме через своего личного секретаря, что если целью консультации является вопрос об Австрии, то «итальянское правительство не считает возможным обсуждать его с Францией или Великобританией». Через день английский посол в Риме добился встречи с Чиано, но последний сказал ему то же, что и французскому дипломату, добавив, что это указание Муссолини<sup>473</sup>.

В этих условиях Шушниг был вынужден уступить. В 17.00 Геринг связался по телефону с нацистским гауляйтером в Австрии Одило Глобокнигом, находившимся на нелегальном положении в германском посольстве в Вене\*.

*«Глобокниг: Я должен сообщить следующее: Зейсс-Инкварт вел переговоры до 16.30 с канцлером. Последний заявил, что не в состоянии распустить кабинет до 17.30, так как это технически невозможно.*

*Геринг: До 19.30 кабинет должен быть сформирован и одновременно проведены различные мероприятия. Зейсс-Инкварт там?*

*Глобокниг: Его здесь нет. Он ведет переговоры. Поэтому он прислал меня сюда сообщить об этом по телефону.*

*Геринг: Что он велел сказать? Доложить точно!*

*Глобокниг: Он велел сказать, что не в состоянии...*

*Геринг: Что он вообще велел сказать?*

*Глобокниг: Он велел сказать, что сомневается в необходимости ввода сейчас партийных формирований из-за границы.*

*Геринг: Не об этом речь! Я хочу знать, что случилось. Он сказал вам, что является канцлером?*

*Глобокниг: Так точно!*

*Геринг: Так! Дальше! К какому времени он может сформировать кабинет?*

*Глобокниг: Он сможет сформировать кабинет, возможно, до 21.18.*

*Геринг: Кабинет должен быть сформирован до 19.30.*

*Глобокниг: До 19.30.*

*Геринг: Для этого туда сейчас прибудет Кеплер. Что касается состава кабинета, то Кеплер привезет список лиц. Да, я забыл: Фишбек! Фишбек должен получить торговлю и экономику.*

---

\* Всего в тот роковой день состоялось двадцать семь телефонных разговоров Геринга с австрийскими нацистами в Вене, начиная с 2.45 утра 11 марта. Сохранилась поминутная запись лавины угроз и обманов, обрушившихся на венских собеседников. Запись эту, как бы иронично это ни звучало, вел личный «исследовательский институт» Геринга. Из этих документов, обнаруженных после войны в Министерстве авиации Германии, хорошо видно, как за несколько часов телефонных переговоров между Берлином и Веной была решена судьба Австрии.

*Глобокниг:* Это совершенно ясно. Слушаюсь!

*Геринг:* Кальтенбруннер должен получить безопасность, а Лёр — вооруженные силы. Впрочем, сначала армией должен руководить сам Зейсс-Инкварт. С юстицией ясно. Знаете, кто?

*Глобокниг:* Да! Да!

*Геринг:* Назовите фамилию!

*Глобокниг:* Ваш шурин, не так ли?

*Геринг:* Да!

*Глобокниг:* Ну вот!

*Геринг:* Обратите внимание на то, чтобы все работники прессы были немедленно убраны и заменены нашими людьми...»<sup>474</sup>.

В 19 часов 50 минут Шушниг выступил по радио с речью о своей отставке и заявил: «Президент Миклас просил меня сообщить австрийскому народу, что мы уступаем силе, так как мы не готовы в этой ужасной обстановке к пролитию крови, и мы решили приказать войскам не оказывать серьезного — не оказывать никакого — сопротивления».

Зейсс-Инкварт сообщил по телефону в Берлин, что ультиматум принят\*. По условиям ультиматума вторжение войск должно было быть отменено. Однако Гитлер заявил, что теперь уже поздно. Одновременно Геринг продиктовал специальному представителю Гитлера в Авст-

---

\* Как вспоминал О. Гюнше, личный адъютант фюрера, этот телефонный звонок явился причиной совершенно курьезной ситуации в рейхсканцелярии. Гюнше рассказывал: «Вечером раздался звонок из Вены. Гитлер приказал переключить телефон в музыкальный салон, который был более изолирован. У телефона был руководитель австрийских нацистов Зейсс-Инкварт. Гитлер еще не успел ничего сказать, как связь прервалась. Поскольку Гитлеру обычно не хватало терпения вести междугородные телефонные разговоры, он теперь занервничал вдвойне. Гитлеру вообще не везло с телефоном. На линии часто включались посторонние разговоры, которые вели к курьезам. Иногда спрашивали, кто он такой, и получив ответ, заявляли: “Да ты спятил!” В Байрейте во время его разговора кто-то поинтересовался, который час. Однажды, когда Гитлер говорил с Евой Браун, его прервали стереотипной фразой: “Частные разговоры запрещены”».

При разговоре с Веной 11 марта коммутатор рейхсканцелярии оказался не на высоте. По непонятной причине не хватило тока для переключения на аппарат квартиры фюрера. Гитлер и Геринг отправились наконец в маленькое помещение коммутатора, и Гитлер взял трубку. Через некоторое время кто-то отозвался, но это был старший механик телефонной связи. Гитлер еще больше занервничал и предоставил Герингу выполнять этот тяжелый труд. Герингу, который занял своей тушей почти все помещение, удается наконец связаться с Зейсс-Инквартом. Он кричит в трубку: “Алло, Зейсс, что там у вас происходит?” Полминуты он слушает, а затем вполголоса о чем-то быстро спрашивает Гитлера. Тот, стоя у дивана, опершись на него коленом, от волнения вертит в руках шнур от портъеры. В возбуждении он так энергично дергает за шнурок, что вся портъера падает на диван. Гитлер кричит:

— Да, да, пусть действует!

Геринг заканчивает разговор словами:

— Все в порядке, договорились. До скорого свидания!»

рии (находившемуся в Вене под видом секретаря посольства) Вильгельму Кеплеру текст телеграммы нового канцлера: «Временное австрийское правительство, видя после отставки правительства Шушнига свою задачу в том, чтобы восстановить спокойствие и порядок в Австрии, обращается к германскому правительству с настоятельной просьбой поддержать его в выполнении этой задачи и помочь предотвратить кровопролитие. С этой целью оно просит германское правительство как можно скорее прислать немецкие войска»<sup>475</sup>.

Вечером 11 марта Галифакс предложил английскому послу в Берлине Гендерсону выразить германскому правительству протест против вмешательства во внутренние дела Австрии<sup>476</sup>. Подобный протест был сделан и французской стороной<sup>477</sup>. В обоих протестах отмечалось, что нарушение Германией независимости Австрии может повлечь за собой непредсказуемые последствия в Европе. Гендерсон добился приема Герингом, одновременно он послал письмо Нейрату\*. Геринг уверял посла, что австрийские национал-социалисты предъявили ультиматум канцлеру Австрии, а германские войска, вступившие в Австрию, будут выведены, как только будет установлен порядок, и что они были приглашены австрийским правительством. Нейрат в ответной ноте заявил, что английское правительство не имеет права претендовать на роль защитника независимости Австрии, так как отношения между Австрией и Германией являются внутренним делом немецкого народа<sup>478</sup>.

В 20 часов 48 минут Кеплер вышел на связь с Герингом.

«Кеплер: Я хотел бы Вам кратко доложить: президент Миклас отказался что-либо сделать. Но, несмотря на это, правительство прекратило деятельность. Я разговаривал с Шушнигом, и он сказал мне, что они сложили полномочия... Зейсс заявил по радио, что он продолжает вести дела в качестве министра внутренних дел... Старое правительство дало указания, чтобы армия не оказывала сопротивления. Поэтому запрещено открывать огонь.

Геринг: Ну, это ерунда!.. Имейте в виду: главное заключается в том, чтобы Зейсс-Инкварт теперь завладел всем правительством, занял радиостанции и т.д. И вот что: Зейсс-Инкварт должен прислать сюда следующую телеграмму. Записывайте! «Временное австрийское правительство, видя после отставки правительства Шушнига свою задачу в том, чтобы восстановить спокойствие и порядок в Австрии, обращается к германскому правительству с настоятельной просьбой поддержать его в выполнении этой задачи и помочь предотвратить кровопролитие. С этой целью оно просит германское правительство как можно скорее прислать немецкие войска».

Кеплер: Но по улицам маршируют отряды СА и СС. Ведь все спокойно.

---

\* После смены руководства германского МИД Нейрат занимал специально для него созданную должность председателя Тайного совета министров, а после захвата Чехословакии в 1939 году стал главой протектората Богемия и Моравия.

*Геринг:* Вот что: границы должны быть закрыты, чтобы они там не смогли переправиться со своими состояниями.

*Кеплер:* Так точно!

*Геринг:* И кроме того, он должен прежде всего руководить внешней политикой.

*Кеплер:* Да, для этого у нас никого нет.

*Геринг:* Это неважно. Ею должен теперь руководить Зейсс-Инкварт. Ему надо привлечь несколько человек, которых мы предложили. Он должен сформировать временное правительство. Что скажет президент республики, не имеет значения. Ему следует сформировать правительство, как он и запланировал, и сообщить о его составе в информации для заграницы.

*Кеплер:* Есть!

*Геринг:* Он единственный, кто имеет власть в Австрии. Итак, наши войска переходят сегодня границу»<sup>479</sup>.

Одновременно немецкие пропагандисты спешно распространяли слухи о вступлении чехословацких войск в Австрию, прибытии французских коммунистов в эту страну с целью организации революции, захвате власти «красными» и убийствах национал-социалистов и просьбе Зейсс-Инкварта в связи с этим к германским войскам вступить в Австрию для поддержания порядка<sup>480</sup>. Интересно, что в это самое же время высокопоставленные австрийские дипломаты в Берлине (посол Таушиц и военный атташе генерал-майор Поль) веселились на вечеринке в доме начальника Верховного командования вермахта генерала Кейтеля и совершенно не подозревали о происходившем у них на родине<sup>481</sup>.

В десять часов вечера Зейсс-Инкварт вошел в комнату, где президент Австрии с ее канцлером обсуждали последние события, и заявил: «Только что Геринг позвонил мне и сказал: “Вы, Зейсс-Инкварт, должны прислать мне телеграмму с просьбой о германской военной помощи ввиду того факта, что коммунисты и другие устроили сильнейшие беспорядки в австрийских городах и правительство Австрии не в состоянии более самостоятельно контролировать ситуацию”». (Естественно, все это было ложью; на самом деле нацисты, упоенные победой, провели ночь, грабя еврейские магазины и избивая прохожих.) Вскоре Кеплер по приказу Зейсс-Инкварта послал телеграмму с одним-единственным словом: «Согласен»<sup>482</sup>.

Заметим, что сам Зейсс-Инкварт не горел желанием приглашать германские войска, надеясь на то, что вся полнота власти в Австрии окажется в его руках, но под давлением Гитлера и Геринга был вынужден уступить. Более того, в своих мемуарах сторонник эволюционного развития германо-австрийских отношений Ф. фон Папен пишет буквально следующее: «Теперь нам известно, что Зейсс-Инкварт и не посылал подобной телеграммы, что она была сфабрикована и помещена в архив по приказу германского министра почт и телеграфа уже после событий. Я помню, что в тот момент в одну из приемных вышел Нейрат и сообщил нам, что Зейсс-Инкварт собирается прислать телеграмму с прось-

бой о вооруженной интервенции. «Во имя неба, — сказал я, — проследите, чтобы это не была вторая Эмская депеша\*. Требование должно быть подлинное и ясно выраженное»<sup>483</sup>.

Спротивления вторжению вермахта оказано не было. Правда, не все шло по плану, над чем позднее иронизировал У. Черчилль: «Триумфальное вступление в Вену было мечтой австрийского ефрейтора. В ночь на субботу 12 марта нацистская партия в столице намеревалась устроить факельное шествие в честь героя-победителя. Но никто не явился. Поэтому трех ошеломленных баварцев из интендантской службы, приехавших поездом, чтобы подготовить квартиры для постоя вторгающихся войск, с триумфом пронесли на руках по улицам города. О причине срыва этого плана стало известно не скоро. Германская военная машина тяжело прогромыкала через границу и застряла у Линца. Несмотря на превосходную погоду и хорошие условия, большая часть танков вышла из строя. Обнаружились дефекты тяжелой моторизованной артиллерии, и дорога от Линца до Вены оказалась забитой остановившимися тяжелыми машинами. Ответственность за затор, показавший, что на данном этапе своего восстановления германская армия еще не находится в полной готовности, была возложена на командующего 4-й группой армий фаворита Гитлера генерала фон Рейхенау.

Проезжая на машине через Линц, Гитлер увидел этот затор и пришел в бешенство. Легкие танки были выведены из колонны и в беспорядке вошли в Вену рано утром в воскресенье. Бронемашин и тяжелые моторизованные артиллерийские орудия были погружены на железнодорожные платформы и только благодаря этому успели к церемонии. Хорошо известны снимки, на которых показан Гитлер, едущий по улицам Вены среди ликующих или испуганных толп народа. Но этот момент мистической славы был омрачен элементом беспокойства. Фюрер был разъярен явными недостатками своей военной машины. Он обрушился на своих генералов, но и те не остались в долгу. Они напомнили ему о его нежелании прислушаться к Фричу и принять к сведению его предупреждение о том, что Германия не в состоянии пойти на риск большого конфликта. Но видимость была соблюдена. Состоялись официальные торжества и парады»<sup>484</sup>.

С будущим премьер-министром Великобритании весьма обоснованно полемизирует руководивший моторизованной группой германской армии вторжения генерал Г. Гудериан. «Уинстона Черчилля, — пишет он в своих мемуарах, — очевидно, дезинформировали. Насколько я знаю, из Баварии до Вены поезда 12 марта не ходили. “Троим сильно удивленным баварцам” пришлось бы лететь туда. Немецкие бо-

---

\* Имеется в виду инцидент, приведший к франко-прусской войне. Бисмарк намеренно искажил текст посланного ему 13 июля 1870 года из Эмса сообщения о переговорах короля Вильгельма I с французским послом Бенедетти, придав ему оскорбительный для французского правительства смысл («впечатление красной тряпки для галльского быка» — по словам самого «железного канцлера»).



евые машины задержались в Линце по моему приказу для встречи Гитлера, и ни по какой другой причине. В любом случае они достигли Вены тем же днем. Погода была плохая; к полудню начался дождь, а ночью была сильная вьюга. Единственную дорогу из Линца в Вену ремонтировали, и отдельные ее участки находились в очень плохом состоянии. Большинство танков добрались до Вены без поломок. Дефектов в тяжелой артиллерии не проявилось по той причине, что у нас не было тяжелой артиллерии. И заторов на дороге не было никогда. Генерал фон Рейхенау только что получил командование над 4-й группой армий 4 февраля 1938 года, и едва ли он мог отвечать за снаряжение своих войск, которыми командовал только пять недель. И его предшественник, генерал-полковник фон Браухич, занимал свою должность еще столь недолго, что его тоже нельзя было винить в чем-либо.

... Я лично встретил Гитлера в Линце. Его можно было назвать каким угодно, только не разъяренным. Это был, пожалуй, единственный случай, когда я видел его глубоко тронутым. Пока он обращался к взволнованной толпе внизу, я стоял рядом с ним на балконе ратуши в Линце и видел его вблизи. Слезы текли у Гитлера по щекам, и слезы эти были искренними.

На тот момент у нас были только легкие танки. Тяжелых танков не существовало, так же как и тяжелой артиллерии, и потому их никак нельзя было перевезти на открытых железнодорожных платформах.

Та же самая военная машина, которая сейчас “продвигалась весьма неторопливо”, доказала свои возможности уже весной 1940 года, быстро и легко справившись с устаревшими армиями держав Запада. Очевидно, что в своих мемуарах Уинстон Черчилль усиленно пытается доказать, что политические лидеры Великобритании и Франции могли вступить в войну в 1938 году и что у них имелись на тот момент хорошие шансы на победу. Военные же лидеры этих стран были настроены более скептически, и не без причин. Они знали о слабости своих армий, хотя и не знали, как улучшить положение»<sup>485</sup>.

Но факт остается фактом. Если бы Австрия решила сопротивляться, ее пятидесятитысячная армия вполне смогла бы задержать вермахт в горах. Однако австрийское население встречало германскую армию с цветами. «Идея с флагами и украшениями на танках оказалась удачной (Гудериан добился разрешения Гитлера украсить германские танки флагами и зеленью, дабы продемонстрировать дружелюбные намерения вермахта и братство между двумя народами. — А.Н.). Народ видел, — вспоминает Гудериан, — что у нас дружеские намерения, и нас везде встречали радушно. Ветераны Первой мировой войны с наградными знаками на груди приветствовали нас, когда мы проезжали мимо. На каждой остановке танки засыпали цветами, а солдатам давали хлеб. Им пожимали руки, целовали, люди плакали от счастья. Не случилось ни одного неприятного инцидента, омрачившего бы событие, которого долгие годы с нетерпением ждали обе стороны. Дети одной нации, в течение многих десятилетий разделенной нерадивыми политиками надвое, наконец-то смогли объединиться... Улицы (в Вене

11 марта. — *А.Н.*) были полны счастливых и возбужденных людей. Поэтому неудивительно, что появление первых немецких солдат послужило сигналом к всеобщей бурной радости. Авангард промаршировал мимо Оперы вслед за австрийским военным оркестром и в присутствии командира Венской дивизии австрийской армии генерала Штумпфля. По окончании марша военных на улице снова началось массовое веселье. Меня несли на руках, пуговицы с моей шинели оторвали на сувениры. *Нас встречали очень дружелюбно*<sup>486</sup>.

Австрийцы, казалось, ощущали, что, лишившись империи и оставшись в одиночестве в Центральной Европе, им лучше избрать для себя будущее провинции Германской империи, а не второстепенного актера на европейской сцене.

12 марта в 8 часов Гитлер вылетел из Берлина в Мюнхен, в 15 часов 50 минут он был уже в Браунау на австрийской территории, а в 20 часов Зейсс-Инкварт приветствовал фюрера в его родном городе Линце. В ответной речи фюрер заявил: «И если однажды судьба принудила меня покинуть этот город, чтобы стать вождем рейха, то она же возложила на меня миссию. Этой миссией могло быть только присоединение моей любимой Родины к германскому рейху. Я верил в это, я жил и боролся ради этого, и я считаю, что теперь эту миссию выполнил»<sup>487</sup>. В свою очередь, Зейсс-Инкварт гордо заявил фюреру, что статья 88 Сен-Жерменского договора, закрепляющая независимость Австрии и делающая Лигу Наций гарантом этой независимости, отменена.

Гитлер торжественно объявил, что Австрия будет присоединена к Германии и это будет утверждено плебисцитом, а также дал новое название своей родине в составе Третьего рейха — *Остмарк*<sup>\*</sup>. В тот же день Зейсс-Инкварт заставил президента австрийской республики Ми-

---

\* Древнее немецкое название Австрии — Остеррайх Гитлер заменил новым — Остмарк, но чиновники в Берлине вскоре перестали его использовать. Их больше устраивало слово «Gau» (земля), что приблизительно соответствует историческому «Laender», таким, как Тироль, Зальцбург, Штирия и Каринтия. Вена стала просто одним из городов рейха, провинциальным центром. «Бывший австрийский бродяжка, — пишет очевидец, американский журналист У. Ширер, — став диктатором, стер свою родину с политической карты, лишил ее некогда блистательную столицу последних остатков славы. Настроения разочарования охватили австрийцев. В течение первых недель поведение нацистов в Вене превзошло все, что я видел в Германии. Это была оргия садистов. Множество евреев ежедневно сдирали на улицах плакаты, которые так или иначе напоминали о Шушнице, чистили сточные канавы. В то время как они работали под присмотром ухмылявшихся штурмовиков, вокруг собиралась толпа, из которой постоянно слышались насмешки и издевательства. Евреи — и мужчин, и женщин — хватали прямо на улицах и заставляли чистить общественные туалеты и отхожие места в казармах СА и СС. Десятки тысяч представителей этой национальности были брошены в тюрьмы. Их имущество оказалось конфисковано или разграблено. Из окна своей квартиры на Плосслгассе я видел, как эсэсовцы выносили серебро, гобелены, картины и другие ценности из особняка Ротшильда. Сам барон Луи де Ротшильд заплатил большой выкуп, чтобы покинуть Австрию; его сталелитейные заводы были присоединены к заводам Германа Геринга».

класса подать в отставку, после чего своей властью подписал и опубликовал закон об аншлюсе, в котором говорилось, что Австрия отныне является одной из земель Германской империи и что в воскресенье 10 апреля 1938 года состоится «свободное и тайное голосование... о воссоединении с Германской империей».

Англия и Франция, казалось, были удовлетворены своими чисто платоническими протестами и не собирались противодействовать свершившемуся факту. 12 марта посол Британии в Риме лорд Перт имел беседу с Чиано по поводу австрийского вопроса. Глава МИД Италии, пожав плечами, сказал: «Ничего не поделаешь, мы не можем заставить людей быть независимыми, если они сами этого не хотят». Он также рассказал Перту, что Муссолини был осведомлен о решении Шушнига провести плебисцит и советовал этого не делать<sup>488</sup>. Британская «Дэйли телеграф» писала, что «ни французское, ни британское, ни тем более итальянское правительства не были готовы пролить кровь ради того, что сам господин Шушниг не был готов защищать с оружием в руках»<sup>489</sup>.

12 марта английский посол в Париже Фиппс сообщил французскому кабинету министров, что правительство Его Величества не считает необходимым ставить вопрос о вторжении в Австрию перед Лигой наций<sup>490</sup>. Через два часа Галифакс телеграфировал Герингу, сообщив, что английское правительство приняло к сведению его обещание вывести войска из Австрии, как только положение стабилизируется, и провести свободные выборы. Еще через полчаса Галифакс предложил английскому послу в Риме более не настаивать на встрече с Муссолини, так как позиция Италии уже ясна<sup>491</sup>.

14 марта, после того как аншлюс свершился, английский премьер Чемберлен выступал в палате общин по поводу австрийского вопроса. Он заявил, что английское правительство не имело никаких обязательств перед Австрией. Соглашения от февраля и сентября 1934-го, апреля 1935 года говорят о необходимости консультации с французскими и итальянскими правительствами, если независимости и неприкосновенности Австрии будет угрожать опасность. Консультации состоялись. Итальянское правительство не выразило свою точку зрения, но его отношение известно из опубликованных в печати заявлений. Результатом консультации с Францией явился обоюдный демарш в Берлине. Отвергая обвинения в том, что британское правительство «дало свое согласие на съедение Австрии германским рейхом», Чемберлен заметил, что «мы (Великобритания. — *А.Н.*) никогда не отказывали в признании специальных интересов Германии в развитии ее отношений с Австрией». В заключение премьер сказал, что Англия должна внимательно изучить вновь создающуюся ситуацию в кратчайшие сроки, но с учетом всех обстоятельств<sup>492</sup>.

Большинство парламентариев было согласно с Чемберленом. Так, лорд Редесдэйл говорил: «Существовала лишь одна альтернатива развития австрийских событий — гражданская война, такая же кровавая, как испанская, в центре Европы... По моему мнению, господин Гитлер предотвратил катастрофу, не пролив ни капли крови». В Англии разда-

вались и обеспокоенные происходящими событиями голоса. Так, «Ньюс Кроникл» призывала, чтобы «английская политика была реалистичной, дабы мы (Великобритания. — *А.Н.*) не были обмануты простыми лозунгами»<sup>493</sup>.

Тем не менее британская общественность в целом одобряла политику Чемберлена. 19 марта «Таймс» писала: «Во всей Европе постепенно приходят к мысли, что запрещение аншлюса являлось ошибкой, и если господин Гитлер достиг этого с согласия народов двух стран, он имел все возможности рассчитывать на добрую волю мирового сообщества»<sup>494</sup>. Через несколько дней та же газета отмечала, что «никто в этой стране (Великобритании. — *А.Н.*) никогда серьезно не считал, что статус-кво Австрии должно поддерживаться вечно»<sup>495</sup>.

Аншлюс был принят Лондоном как свершившийся факт. Гитлер искусно закамуфлировал свои действия. Даже при желании механизм Лиги Наций было бы довольно трудно привести в действие. Фюрер правильно рассчитал, что фронт Стрезы распался и Англия с Италией вряд ли выступят с совместными акциями. Угрозу со стороны Франции, чьи интересы, пожалуй, в наибольшей степени были затронуты исчезновением Австрии, Гитлер попытался свести к минимуму. Аншлюс произошел в тот момент, когда Францию охватил правительственный кризис. И все же Париж сделал попытку добиться совместного решительного демарша с Лондоном. Однако Британия уже следовала курсом умиротворения, основанного на признании коллапса коллективной безопасности и Лиги Наций. У Франции оставалось два выбора: последовать в фарватере английской политики, пожертвовав своими позициями в Центральной Европе, или организовать сопротивление германской агрессии на базе все еще существовавшей системы коллективной безопасности. 12 марта американский посол Х. Вильсон сообщал из Берлина о встрече с Франсуа-Понсе. Х. Вильсон нашел французского посла в «крайнем нервном возбуждении». «Его тезисы, — писал Х. Вильсон, — были довольно просты: страны мира сделали непоправимую ошибку, позволив Германии шаг за шагом проводить свою политику. Они только разожгли ее аппетит, и кто знает, кто будет следующей жертвой»<sup>496</sup>.

Франция не смогла выработать четкой позиции в отношении австрийских событий, в то время как аншлюс произошел де-факто. Как сообщал Вельчек в Берлин, французская пресса независимо от политической ориентации так оценивала причины поведения Парижа в отношении австрийского вопроса: «Тревожное внутреннее положение и слабость французской внешней политики; отчужденность Англии от событий в Центральной Европе; тот факт, что Италия отказалась выступить на стороне западных держав в австрийском вопросе»<sup>497</sup>.

10 апреля 1938 года в Австрии было устроено большое театрализованное представление — проведение одновременно в Германии и «Остмарке» плебисцита по уже состоявшемуся аншлюсу. 9 апреля, накануне плебисцита, Гитлер завершил предвыборную кампанию в Вене.

---

\* О позиции Италии в австрийском вопросе подробнее см. в главе 6.

«Человек, который когда-то бродил по этим улицам голодный и грязный, — небезосновательно пишет Ширер, — за четыре года завоевал в Германии власть, равную власти Гогенцоллернов, и теперь присоединил к ней власть Габсбургов. В своей заключительной речи фюрер заявил: “Я верю, что по воле бога юношей покинул эту страну и уехал в рейх, который воспитал меня, сделал вождем нации и позволил вернуть свою родину в лоно рейха.

Существует высший порядок, а мы только его слуги. Когда 9 марта Шушниг нарушил свое слово, я вмиг понял, что это судьба. То, что произошло в последующие три дня, является воплощением предначертания провидения. В три дня господь бог сразил их!.. В день предательства на меня снизошла милость, которая позволила объединить мою родину с рейхом... Я возношу хвалу всевышнему, позволившему мне вернуться на родину, с тем чтобы я мог ввести ее в состав рейха. Пусть завтра каждый немец вспомнит об этом и смиренно преклонит голову перед богом всемогущим, который за три недели сотворил для нас чудо!”»<sup>498</sup>.

В результате за объединение в Германии проголосовало 99,08, а в Австрии — 99,75% населения. По этому поводу «Манчестер Гардиан» писала: «...по причине мистической сущности союза (Германии и Австрии. — *А.Н.*) ответ “нет” означал еретического характера предательство. Плебисцит являлся ортодоксальным текстом, возможностью покаяться в своих грехах, а для остального мира — раскрытием воинственного характера гитлеровского государства»<sup>499</sup>.

С карты Европы исчезло суверенное государство, чья независимость была гарантирована Лигой Наций, поддержана соглашением между великими державами в Стресе, договорами с Венгрией и Италией и де-факто остальными странами мира, имевшими с Австрией дипломатические отношения. Несмотря на то, что покорение Австрии произошло бескровно, ни у кого не вызывало сомнения, что Вене пришлось похоронить собственную независимость из-за невероятного давления со стороны Германии. Единственной причиной, почему поглощение Австрии произошло без кровопролития, были соответствующие приказы Шушнига не оказывать сопротивления вермахту\* и Гитлера, который

---

\* За подобное поведение Шушниг был по-своему «отблагодарен» Гитлером. Сразу после вторжения немецких войск Шушниг был арестован и подвергался поистине унижительному обращению. С 12 марта по 28 мая Шушнига содержали под домашним арестом. В течение всего этого времени гестапо заботилось о том, чтобы он не спал. Потом его перевели в штаб-квартиру гестапо, размещавшуюся в венской гостинице «Метрополь». Там его поместили в маленькую комнатку на пятом этаже. В ней он провел последующие семнадцать месяцев. Его заставляли с помощью полотенца, выданного для личного пользования, наводить чистоту в комнатах эсэсовских охранников, мыть раковины, помойные ведра, унитазы. К 11 марта — первой годовщине своего падения — Шушниг потерял более двадцати пяти килограммов, но эсэсовский врач докладывал, что он в отличном состоянии. Позднее бывший австрийский канцлер был переведен в концлагерь Заксенхаузен, а затем в Дахау. К концу войны вместе с ним сидели и другие высокопоставленные жертвы

приказал: «Поведение войск должно производить впечатление, что мы не хотим войны с нашими австрийскими братьями. В наших же интересах, чтобы операция прошла без насилия, а выглядела как мирный вход войск, приветствуемый населением. Таким образом, следует избегать всяких провокаций. Тем не менее, если сопротивление будет оказано, его следует жестоко подавить силой оружия»<sup>500</sup>.

Аншлюс Австрии вывел на новый виток противоречия между западными демократиями и фашистскими державами. Теперь ключевой точкой европейского кризиса оказалась Центральная Европа. Успех Гитлера в Австрии вдохновил диктатора на новые агрессивные действия. Основной целью Гитлера являлось уничтожение условий Версальских договоров. Австрия — порождение Сен-Жерменского договора — должна была исчезнуть с карты Европы. Однако при осуществлении аншлюса Гитлер пользовался именно принципами мирных договоров 1919 года — вильсоновской доктриной самоопределения народов, что помогло фюреру усыпить бдительность западных демократий. Пропагандируя страдания 10 миллионов немецких братьев за пределами Германии, Гитлер наращивал свое влияние в Центральной Европе. Те методы — запугивание, шантаж, ультиматум, которые использовала Германия при захвате Австрии, ясно показали, что инициатива в международных делах постепенно переходит к диктаторам. В то же время, Гитлер постоянно твердил о желании разрешить все спорные вопросы исключительно мирными средствами, что являлось еще одной приманкой для Англии и Франции. Одновременно Германия наращивала свой военный потенциал, дабы в ближайшее время перейти в наступление.

Основываясь на системе коллективной безопасности, миролюбивые страны Европы вполне могли остановить диктаторов. Надо заметить, что к этому времени одна из основ этой системы — Лига Наций — была полностью дискредитирована. Германская оккупация Австрии в этом плане является показательным событием. Аншлюс был прямым нарушением мирных договоров и собственных обещаний Гитлера. Но европейские страны как бы не заметили этого, а Лига Наций была попросту исключена из австрийских событий. Когда 18 марта 1938 года Гитлер официально уведомил Лигу о прекращении существования государства Австрия, никакой реакции также не последовало<sup>501k</sup>.

Само по себе поглощение Австрии не являлось большой потерей для Лиги Наций. В стенах Лиги австрийцы всегда были послушными исполнителями инструкций из Рима. Австрия не поддержала коллективные санкции против Италии и была одной из первых, кто признал

---

гнева Гитлера: бывший премьер-министр Франции Леон Блюм с мадам Блюм, большое число генералов, принц Филипп Гессенский, жену которого принцессу Мафальду, дочь короля Италии, эсэсовцы замучили в Бухенвальде в 1944 году в отместку Виктору Эммануилу, который перешел на сторону союзников. Шушниг был освобожден американскими войсками 4 мая 1945 года, проведя, таким образом, семь лет в заключении.

итальянскую аннексию Эфиопии. Однако с карты Европы исчезло суверенное государство — член Лиги Наций. Более того, становилось очевидным, что следующим объектом германской экспансии становится еще один член Лиги — Чехословакия. Аншлюс Австрии ясно показал, что процесс развала Лиги вступил в решающую стадию.

С другой стороны, продолжало существовать еще одно ядро системы коллективной безопасности — региональные блоки, в первую очередь с участием Франции, СССР и Чехословакии. Поэтому можно сказать, что даже после аншлюса существовало два курса по отношению к агрессивным планам европейских диктаторов. Вскоре после аншлюса советское внешнеполитическое ведомство выступило с официальным заявлением, в котором говорилось, что «захват Австрии представляется величайшим событием после Первой мировой войны, чреватым величайшими опасностями»<sup>502</sup>. В документе подчеркивалось, что аншлюс покончил с устойчивостью в Центральной Европе и создал непосредственную опасность для самого существования Чехословацкого государства, ликвидация которого неумолимо вела к подрыву равновесия на всем Европейском континенте.

17 марта 1938 года с заявлением выступил и глава внешнеполитического ведомства СССР М.М. Литвинов. Он констатировал, что захват Германией Австрии, расположенной в центре Европы, создал несомненную опасность для всех европейских государств. «В первую очередь возникает угроза Чехословакии, а затем опасность в силу заразительности агрессии грозит разрастись в новые международные конфликты и уже сказывается в создавшемся тревожном положении на польско-литовской границе». Касаясь обязательств, лежащих на СССР на основе устава Лиги Наций и договоров о взаимной помощи с Францией и Чехословакией, нарком заявил, что Советское правительство «по-прежнему готово участвовать в коллективных действиях, которые были бы решены совместно с ним и которые имели бы целью приостановить дальнейшее развитие агрессии и устранение усилившейся опасности новой мировой бойни. Оно согласно приступить немедленно к обсуждению с другими державами в Лиге Наций и вне ее практических мер, диктуемых обстоятельствами. Медлить с принятием мер нельзя, — заявил советский нарком, — завтра уже может быть поздно, но сегодня время для этого еще не прошло, если все государства, в особенности великие державы, займут твердую недвусмысленную позицию в отношении проблемы коллективного спасения мира»<sup>503</sup>.

Тексты этого заявления были направлены правительствам Великобритании, Франции, США, Чехословакии, Балканских, Прибалтийских, Скандинавских государств, Польши, Бельгии и Турции. Советское правительство предлагало создать международную конференцию с целью принятия мер для коллективной защиты мира на континенте. Причем обязательным участником такой конференции СССР считал Чехословакию<sup>504</sup>.

Говоря об этой инициативе Москвы, которая, безусловно, была направлена на сохранение Версальской системы, нельзя забывать об

одном очень важном факторе. К этому времени имидж Советского Союза в международном сообществе потерпел серьезный урон из-за событий, происходивших в СССР. По стране прокатывались волны репрессий, затронувшие сотни тысяч руководителей разного уровня. В июне 1937 года был вынесен смертный приговор группе высших военачальников Красной Армии во главе с заместителем наркома обороны маршалом М. Тухачевским. За два последующих года Красная Армия была обезглавлена и ослаблена чистками. Ситуация в СССР, с точки зрения любого зарубежного наблюдателя, становилась все более непредсказуемой и нестабильной. Президент Чехословакии Э. Бенеш в беседе с советским полпредом С. Александровским в декабре 1937 года рекомендовал «не закрывать глаза на факт ослабления международного значения СССР»<sup>505</sup>. Для многих в Европе СССР перестал быть надежным внешнеполитическим партнером.

В итоге предложение Советского Союза о коллективных мерах по защите европейского мира не встретило поддержки у западных держав. В первую очередь это касалось Великобритании — лидера западных стран, на позицию которой ориентировались другие государства Европы. А она была настроена не на коллективный отпор агрессорам, а на замирение с ними путем уступок за счет малых стран Европы. Чемберлен, Галифакс, Гендерсон желали избежать войны любой ценой. Именно таким образом Лондон пытался модернизировать Версальскую систему.

На заседании Внешнеполитического комитета правительства 15 марта Чемберлен высказался по поводу своего видения ситуации. В протоколе заседания говорится, что премьер «не думает, что прошедшие события (аншлюс Австрии. — *А.Н.*) должны побуждать правительство к изменению его политики; наоборот, последние события укрепили его уверенность в правильности этой политики, и он сожалеет лишь о том, что этот курс не был начат раньше»<sup>506</sup>.

18 марта 1938 года Форин Оффис представил на рассмотрение Внешнеполитического комитета английского правительства меморандум относительно развития событий в Центральной Европе. В нем предлагалось три возможных курса британской политики: 1. заключить «большой альянс» с участием Франции и других стран против агрессии; 2. взять обязательство оказать помощь Франции в случае выполнения ею своих договорных обязательств в отношении Чехословакии; 3. не брать новых обязательств<sup>507</sup>. Британское правительство в лице самых влиятельных членов кабинета — Чемберлена, Галифакса и Инскипа — склонялось именно к третьему варианту. Выступая, Галифакс говорил, что чем теснее «Англия связывает себя с Францией и Россией, тем труднее будет достигнуть действительного соглашения с Германией». Подводя итоги заседания, Галифакс констатировал общее мнение, что Англии не следует брать на себя каких-либо новых обязательств<sup>508</sup>.

Заметим, что многие современники тех событий высказывали мнение, что если бы Гитлер мог сам назначать премьера Великобритании, то он остановил бы свой выбор именно на Невилле Чемберлене. В целом



это соответствует истине. Гитлер же искусно обратил доктрину умиротворения против самих умиротворителей.

Что же касается Франции, то Париж так и не смог выработать собственной позиции по австрийскому вопросу. 13 марта премьер-министром Франции вновь стал Леон Блюм, однако его правительство просуществовало меньше месяца. Новый французский кабинет министров возглавил Эдуард Даладье. Даладье назвал свой кабинет «правительством национальной обороны», в который вошли представители партии радикалов, республиканско-социалистического союза и правоцентристских групп. Социалистическая партия отказалась от участия в правительстве. Министерство иностранных дел возглавил радикал Жорж Боннэ, министерство внутренних дел — радикал Альбер Сарро. Поль Рейно занял пост министра юстиции, Жорж Мандель — колоний.

Первым внешнеполитическим актом нового французского правительства явился визит Даладье и Боннэ в Лондон в апреле 1938 года. Париж был всерьез обеспокоен развитием международной обстановки. Еще 22 марта британский кабинет отправил ноту французскому правительству, в которой сообщалось, что Англия не считает возможным взять на себя какие-либо новые обязательства в Европе<sup>509</sup>.

Однако, выступая 24 марта в палате общин, Чемберлен заявил, что, если в Европе начнется война, «представляется вполне возможным почти немедленное вовлечение в нее других стран помимо участников первоначального конфликта. Это особенно относится к таким двум странам, как Великобритания и Франция, которые связаны давними узами дружбы и интересы которых тесно переплетаются»<sup>510</sup> \*.

---

\* Вслед за Чемберленом выступал его антагонист в консервативной партии Уинстон Черчилль. Будущий премьер-министр Великобритании произнес речь, которую многие посчитали «лучшей речью его жизни». По мнению Черчилля, овладение нацистами Веной, «центром всех коммуникаций всех стран, которые входили в старую Австро-Венгерскую империю, и всех стран, лежащих на юго-востоке Европы», создает угрозу для всего Дунайского бассейна, особенно для Чехословакии. При этом Черчилль напомнил слушателям, что чешская армия в три раза превосходит по численности английскую, ее военные запасы втрое превышают итальянские.

Первые слова Черчилля были встречены смехом. Он оборвал смеющихся: «Смейтесь, но слушайте», — и обратил внимание присутствующих на три государства Малой Антанты: Чехословакию, Румынию и Югославию. Они являлись странами «второго ранга», но, вместе взятые, образовывали мощную силу. Первая страна давала военные заводы, вторая — нефть, третья — жизненно важное сырье. Перед каждой теперь стояла альтернатива: подчиниться, подобно Австрии, или предпринять эффективные меры самозащиты. Малой Антанте следовало сблизиться с двумя другими дунайскими странами — Венгрией и Болгарией. Это поставит заслон движению рейха на Восток. В то же время Британия и Франция должны пообещать начать боевые действия против Германии в случае ее нападения на любую страну в Восточной Европе. Перед Германией тогда встанет опасность ведения войны на два фронта. Если намеченные планы привести в исполнение в 1938 году («а это последний срок»), то войны еще можно будет избежать.

В этот же день английский посол во Франции информировал французского министра иностранных дел, что правительство Великобритании выполнит свои обязательства в отношении Франции по Локарнскому договору в случае неспровоцированной агрессии и предлагает конфиденциально обсудить технические вопросы между британским и французским командованием<sup>511</sup>.

Единство англо-французского лагеря все еще могло сыграть роль барьера на пути развития кризисных тенденций в Европе. Многие зависело от того, в каком направлении и на каких условиях будет развиваться это сотрудничество. «Укрепление франко-британской дружбы, — писала “Юманитэ”, — должно дополнить гарантии, которыми Франция располагает, но отнюдь не заменить их»<sup>512</sup>. Близкая же к правительственным кругам «Тан» незадолго до переговоров сформулировала свое видение ситуации: «Вся политическая проблема настоящего времени состоит в том, чтобы создать лучшие возможности для лояльного сотрудничества двух групп держав»<sup>513</sup>. Под этими двумя группами, естественно, подразумевались «ось Берлин–Рим» и англо-французский лагерь. В Великобритании придерживались именно второго варианта, что наглядно продемонстрировали ближайшие события.

---

Эта речь имела отклики повсюду. Нарком иностранных дел СССР Литвинов публично одобрил предложения Черчилля. Во Франции слышались голоса поддержки. Но, как отмечал в дневнике Гарольд Николсон, «правительство предало свою страну, эти тори думают только о красной опасности и ведут дело к распаду империи». Лорд Бутби писал: «С 1935 по 1939 год я наблюдал политических лидеров Британии, и я пришел к выводу, который с тех пор не изменился: исключая двоих, Уинстона Черчилля и Леопольда Эмери, они были запуганными людьми... жалкой комбинацией трусости и жадности».

Премьер Чемберлен 18 марта 1938 года сообщил своему кабинету, что претензии Гитлера, по его убеждению, ограничены в Европе Судетами. Черчилль в тот же день прокомментировал это заявление: «Если смертельная катастрофа вовлечет в себя британскую нацию и Британскую империю, историки через тысячу лет будут озадаченно размышлять над тайной наших поступков. Они никогда не поймут, как могла эта победоносная нация, имея все в своих руках, упасть так низко, отказаться от всего, чем она овладела благодаря безмерным жертвам и абсолютной победе, — все оказалось унесенным ветром! Ныне победители унижены, а те, кто бросил свое оружие и просил о перемирии, устремились к мировому господству. Происходит гигантская трансформация... Наступило время поднять за собой нацию. Мы должны преодолеть все препятствия и постараться объединить силу и дух нашего народа, снова поднять британскую нацию перед всем миром; ибо эта нация, воював в своей прежней энергии, может даже в этот час спасти цивилизацию».

Ни одна из популярных газет не поместила этой речи, зато все опубликовали полное изложение речи премьера Чемберлена. «Гардиан» писала: «Мистер Чемберлен возобладавал над противниками в собственном лагере». На следующий день «Ивнинг стандарт» расторгла контракт с Черчиллем, поскольку, как объяснял редактор, его взгляды на внешнюю политику «совершенно очевидно противоречат воззрениям нации».

16 апреля 1938 года было заключено англо-итальянское соглашение, приносившее в жертву Абиссинию и Испанскую республику. Ключевой вопрос этого соглашения — испанский — был чрезвычайно важен для Англии. Значительная часть английской политической элиты шла на переговоры с фашистской Италией для того, чтобы достичь компромиссного урегулирования затянувшегося испанского конфликта. При этом проблема роли и места испанского вопроса в предстоящих переговорах с Италией вызвала резкие разногласия в британском кабинете министров.

Как сообщил американскому поверенному в делах представитель Министерства иностранных дел Англии, в середине февраля 1938 года в английском правительстве существовала следующая расстановка сил. Сам Чемберлен, а также большинство министров его правительства, посол в Риме лорд Перт считали необходимым пойти на соглашение с Муссолини немедленно, полагая нецелесообразным добиваться от Италии предварительных уступок по наиболее острым вопросам, прежде всего по испанскому, и тем самым оттягивать соглашение<sup>514</sup>.

Однако, по мнению главы Форин Оффис Идена, уступки в испанском вопросе со стороны Муссолини были принципиально важны как гарантия прочности последующих договоров с фашистскими державами. Министр иностранных дел Великобритании говорил американскому поверенному в делах, что склонить Муссолини к удовлетворительному соглашению относительно Испании «существенно необходимо с точки зрения общего урегулирования в Европе»<sup>515</sup>. Как известно, позиции Чемберлена оказались куда прочнее, и Идену пришлось оставить свой пост.

Заключение англо-итальянского соглашения полностью подтверждало курс британской внешней политики, суть которой заключалась в умиротворении фашистских держав. Его небезосновательно называют «средиземноморским Мюнхеном». Таким образом, в то время как Германию Лондон собирался умиротворять за счет уступок в Центральной Европе, ключевую роль в определении дальнейших отношений между Англией и фашистской Италией должен был играть испанский вопрос. С практической точки зрения, Лондон поступал верно: Эфиопия уже была захвачена Италией, а положение Испанской республики было отчаянным, в победу республиканцев трудно было поверить.

В самой Англии официальные газеты преподносили соглашение с Италией как успех британской дипломатии. Журнал «Экономист» писал, что англо-итальянское соглашение, «несомненно, знаменует собой в наиболее эффективной форме отход Великобритании от коллективного разрешения мировых проблем»<sup>516</sup>. Однако на самом деле последствия англо-итальянского соглашения для Версальской системы были самыми негативными. Речь шла уже не о невмешательстве во внутренний испанский конфликт, а о примирении с фактом итальянской агрессии на территории суверенного европейского государства.

Поглощение Германией Австрии и англо-итальянское соглашение являлись той точкой безвозврата, после которой остановить запущен-

ный Лондоном маховик политики умиротворения двух фашистских режимов уже было невозможно.

28–29 апреля 1938 года в Лондоне состоялись англо-французские переговоры. На повестке дня стояли следующие вопросы: положение в Центральной Европе в связи с захватом Австрии Германией, вопрос о Чехословакии, война в Испании и политика невмешательства и ряд других. Опубликованное после окончания переговоров коммюнике констатировало «полное согласие по всем обсуждающимся проблемам»<sup>517</sup>. Оба правительства решили продолжить контакты между генеральными штабами, предусмотренные Лондонским соглашением от 19 марта 1936 года. Было признано, что обе стороны связаны друг с другом «общностью интересов»<sup>518</sup>.

Англо-французские переговоры имели крайне важное значение для всего последующего развития событий в Европе. С одной стороны, они укрепили единство англо-французского блока. Но с другой — укреплению подверглась и была окончательно принята линия на умиротворение агрессоров. Действительно, после аншлюса Австрии и «средиземноморского Мюнхена» у Лондона не осталось иной альтернативы, как продолжить курс на умиротворение Германии и Италии, а у Парижа безальтернативной стала политика следования в фарватере Великобритании. К апрелю 1938 года инициатива в международной политике была окончательно утеряна западными демократиями и бесповоротно перешла в руки фашистских держав. Попытка модернизации Версальской системы на основе ограниченных уступок фашистским державам провалилась. К середине 1938 года Версальский договор был полностью обесценен. От основы европейского порядка осталось лишь несколько «выборочных» статей, еще не нарушенных Германией и Италией. Сен-Жерменский договор вообще перестал существовать. Лига Наций превратилась в своего рода элитный клуб по обсуждению, но не решению насущных политических проблем. Стало очевидно, что Германия и Италия настроены не на изменение каких-либо статей мирных договоров, а на коренную перестройку европейского статус-кво.

## «ОСЬ БЕРЛИН–РИМ»

К середине 1938 года Англии и Франции пришлось столкнуться с монолитным блоком фашистских держав, проводивших на Европейском континенте согласованную внешнюю политику. Однако процесс создания союза между Германией и Италией проходил далеко не гладко, хотя в большой исторической перспективе и представлялся практически неотвратимым как ввиду общности идеологий, так и наличия общих стратегических противников.

Тем не менее и по внешнеполитическим, и по идеологическим вопросам в начале 1930-х годов между Италией и Германией шла острая борьба. Итальянские идеологи претендовали на ведущую роль в мировом фашистском движении. С этой целью была выдвинута концепция «универсального фашизма», предполагавшая создание фашистского интернационала<sup>519</sup>. Итальянские фашисты оказывали финансовую помощь фашистским движениям в европейских странах и даже США, стремились организовать их по итальянскому образцу.

Однако с приходом национал-социалистской партии Гитлера к власти в Германии усилилось наметившееся ранее противодействие итальянским теориям об универсальном значении фашизма. Во многом именно поэтому по инициативе Муссолини в июне 1933 года были созданы «Комитеты действия за универсализацию опыта Рима» (КАУР) во главе с Е. Козельски. Между национал-социалистами и фашистами началось острое соперничество за лидерство среди европейских фашистских движений. Стремясь придать фашизму вид респектабельности, итальянский пропагандистский аппарат отмежевался в тот период от некоторых наиболее одиозных программ национал-социализма, таких, как расовая и антисемитская. Обе партии придавали немаловажное значение утверждению своего идеологического приоритета. В конце 1934 года в Монре́ был проведен международный фашистский конгресс под эгидой КАУР. На нем присутствовали делегаты почти 30 стран, но представители НСДАП приглашены не были. В следующем году были проведены еще две встречи, однако в целом притязания итальянского фашизма на гегемонию в международном масштабе оказались несостоятельными. Итальянскому «универсальному фашизму» Третий рейх противопоставил «коричневый интернационал», которым руководили Розенберг и Геббельс\*.

---

\* Термином «коричневый интернационал» впервые воспользовался советский публицист и историк Э. Генри для обозначения международной антикоммунистической сети, созданной в 1930-е годы руководителем внешнеполитического бюро НСДАП А. Розенбергом. Уже в 1934–1935 годах Э. Генри писал, что вокруг Розенберга и его «интернационала» роятся бесчисленные международные «общества» и «лиги», являющиеся, в сущности, замаскированными секциями внешнеполитического бюро нацистской партии.

Таким образом, на рубеже 1920–1930-х годов возникло два варианта «нового европейского порядка» — национал-социалистский и фашистский. Основу первого составляли идеи расовой народной общности и нордического вождизма, главной чертой второго являлась «универсальная фашистская идея». С этого времени началось идейно-теоретическое противостояние национал-социализма и фашизма на международной арене, дополняемое состоянием соперничества (и сотрудничества) между соответствующими организациями двух стран.

Столкновение на идеологической почве переменялись с соперничеством на международной арене. Действительно, внешнеполитические интересы Германии и Италии в Европе часто не совпадали и даже сталкивались, в частности, по вопросу об Австрии. Дело в том, что одной из основ внешнеполитической концепции Италии в середине 1930-х годов было поддержание независимости Австрии. Можно выделить две причины, почему в Риме расценивали существование суверенной Австрии необходимым элементом собственной безопасности. Во-первых, угроза со стороны маленькой Австрии в отношении Южного Тироля и даже выхода к Адриатическому морю не могла сравниться с реальностью притязаний Третьего рейха на населенный немцами регион. Во-вторых, Австрия должна была служить преградой на пути германского проникновения на Балканы, считавшиеся в Риме итальянской сферой влияния.

Германия стремилась к аншлюсу Австрии, Италия же рассматривала ее как важнейший форпост для укрепления своих позиций в придунайских странах. 18 марта 1933 года имперский комиссар юстиции рейха Франк выступил с речью по мюнхенскому радио, в которой заявил, что Австрия — это «последняя часть Германии, в которой еще осмеливаются подавлять немецкие национальные стремления... Я предупреждаю австрийское правительство дружески и братски не заставлять национал-социалистов империи взять на себя задачу обеспечения свободы своих единомышленников в Австрии»<sup>520</sup>. Австрийский канцлер Дольфус обратился к Италии с просьбой о помощи против нажима со стороны Германии. 11–17 апреля 1933 года в Риме состоялись встречи и переговоры между Муссолини и Дольфусом. Дуче дал понять своему собеседнику, что сохранение независимости Австрии является «основным пунктом его европейской политики»<sup>521</sup>. Первое обострение итало-германских противоречий из-за Австрии произошло уже в октябре 1933 года, когда нацисты в этой стране организовали покушение на канцлера Дольфуса.

30 января 1934 года Гитлер, выступая в рейхстаге, заявил, что Австрия «является составной частью Германской империи». В ответ Англия, Франция и Италия опубликовали 17 февраля коммюнике, в котором заявили о необходимости сохранить независимость и целостность Австрии в соответствии с действующими договорами. Через месяц, 17 марта, правительства Италии, Австрии и Венгрии подписали «Римские протоколы» о сотрудничестве и проведении консультаций, как только это понадобится, по требованию хотя бы одного из них<sup>522</sup>.

14 июня 1934 года состоялась первая встреча Гитлера и Муссолини\*. Фюрер попытался добиться от Италии хотя бы нейтралитета в австрийском вопросе. Гитлер изложил свое мнение об Австрии в пяти пунктах: 1. Вопрос об аншлюсе не актуален и не интересует его; 2. Он будет настаивать на том, что австрийское правительство должен возглавить человек, независимый от партий; 3. Это лицо должно провести выборы; 4. После выборов национал-социалисты должны быть включены в правительство; 5. Экономические проблемы Австрии будут рассматриваться Германией и Италией в тесных консультациях. Гитлер пытался обмануть дуче, обещая не настаивать на аншлюсе, добиться нейтральной позиции Италии в австрийском вопросе, которая дала бы возможность нацистам осуществить захват власти, что автоматически привело бы к аншлюсу. Однако, несмотря на то, что беседа продолжалась два с половиной часа и Гитлер дал подробный анализ внутреннего положения Австрии и высказал пожелание, чтобы Муссолини отказал Австрии в поддержке, позиция Италии осталась неясной. На следующий день переговоры были продолжены. В результате оба участника договорились о том, что «австрийский вопрос не должен и не будет препятствием на пути улучшения отношений» между Италией и Германией<sup>523</sup>. Надо заметить, что каждый из диктаторов понял эту формулировку по-своему, что вскоре показали события, произошедшие в Вене.

В июле 1934 года итало-германские отношения резко обострились. Причиной тому стала попытка нацистского переворота в Австрии. 25 июля 1934 года около полудня сто пятьдесят четыре члена, штандарта СС «89», одетые в австрийскую военную форму, ворвались в федеральную канцелярию. Дольфус был ранен выстрелом в горло. Нападавшие потребовали от канцлера подать в отставку, но Дольфус отказался. Нацисты не позволили оказать какую-либо медицинскую помощь австрийскому канцлеру и оставили его истекать кровью на диване. В нескольких кварталах от канцелярии нацисты захватили радиостанцию и передали в эфир сообщение, что Дольфус подал в отставку. Гитлер узнал обо всем на ежегодном Вагнеровском фестивале в Байрейте, где

---

\* Характерно, что это был первый государственный визит Гитлера. Совершенно не случайно, что поездка состоялась именно в Италию, ведь в «Майн кампф» будущий фюрер писал, что союзниками Германии могут быть только Италия и Великобритания. С дуче Гитлер попытался наладить отношения в 1934 году, а с англичанами спустя год было подписано уже упоминавшееся морское соглашение.

Поездка в Италию для фюрера была не слишком удачной. Отношение Муссолини к Гитлеру в те времена было чуть ли не презрительным. Когда фюрер, выходя из самолета и приветствуя дуче, воскликнул: «Ave imperator!», то Муссолини ответил: «Ave imitator!» Гитлер, прибывший в гражданском платье и в коротеньком старом макинтоше цвета беж, смотрелся просто комично на фоне Муссолини, одетым в строгое соответствие с правилами протокола в парадный мундир верховного главы фашистской армии. «Глупый маленький клоун» — так дуче охарактеризовал своего визитера. Заметим, что больше Муссолини издеваться над Гитлером не пришлось.

слушал «Золото Рейна». Новость необычайно взволновала его. Фриделинда Вагнер, внучка великого композитора, сидела в семейной ложе по соседству и была свидетельницей происходящего. Два адъютанта, рассказывала она позднее, получали новости из Вены по телефону, который стоял в ее ложе, а потом шепотом докладывали о них Гитлеру. «После спектакля фюрер казался очень взволнованным. Волнение его возрастало по мере того, как он пересказывал нам страшные новости... Он с трудом прогнал со своего лица выражение довольства и намеренно заказал, как обычно, обед в ресторане. “Я должен выйти показать себя, — сказал он, — иначе люди подумают, что я к этому причастен”»<sup>524</sup>.

В 6 вечера Дольфус умер от ран, однако заговорщики действовали неумело, и правительственным войскам, возглавляемым доктором Куртом фон Шушнигом, удалось взять верх. Кроме того, Муссолини, следуя договору с Австрией, узнав о попытке государственного переворота, спешно мобилизовал четыре дивизии на перевале Бреннер, не позволив Германии вмешаться в австрийские события.

Гитлер быстро отступил. Подготовленное официальным германским агентством «ДНБ» сообщение, где выражалась радость по поводу падения Дольфуса и провозглашалась Великая Германия, образование которой неизбежно, в полночь было срочно изъято и заменено другим, в котором выражалась скорбь по поводу «жестокое убийства» и все дело представлялось как чисто австрийское. Назначенный из Берлина инспектором австрийской нацистской партии Т. Хабихт был смещен, германский посол в Вене отозван и уволен, а Папен, который едва избежал участи Дольфуса месяц назад во время «кровавой чистки» штурмовиков, был в срочном порядке направлен в Вену для восстановления, как заявил Гитлер, «нормальных дружественных отношений» с Австрией.

Чувство радости сменилось у Гитлера страхом. «Мы стоим, — сказал он (и я до сих пор с тех пор слышу его истерический голос, — писал в своих мемуарах Папен), — на пороге второго Сараево!»<sup>525</sup>. Фюрер извлек из этого урок. Нацистский путч в Вене, так же как «пивной путч» в Мюнхене в 1923 году, оказался преждевременным. Германия была еще недостаточно сильна в военном отношении, чтобы поддерживать такую авантюру.

Муссолини тогда предпринял довольно решительные действия, сконцентрировав войска на границе с Австрией. В речи, которой он разразился в этот момент, Муссолини назидательно говорил в отношении Германии: «Тридцать веков истории позволяют нам с сожалением смотреть на некоторые доктрины, возникшие за Альпами и разделяемые людьми, предки которых еще не умели писать, в то время как в Риме были Цезарь, Вергилий и Август»<sup>526</sup>.

Дуче был взбешен действиями нацистов и шокирован жестоким убийством австрийского канцлера. Итальянский лидер послал вице-

---

\* Убийство в Сараево 28 июня 1914 года наследника австро-венгерского престола Фердинанда и его жены было использовано Германией и Австро-Венгрией как повод для развязывания Первой мировой войны.



канцлеру Австрии Рюдигеру фон Штарембергу телеграмму со словами: «Независимость Австрии — это тот принцип, ради которого Италия сражалась и будет сражаться впредь с еще большим рвением». Когда же Штаремберг выразил благодарность за итальянскую помощь, дуче ответил: «То, что я сделал, я сделал для Европы. Это будет означать конец европейской цивилизации, если нация убийц и гомосексуалистов распространит свое влияние в Европе». Муссолини (впрочем, как большинство в Европе) не сомневался, что за убийством Дольфуса стоял именно Гитлер, и, не стесняясь в выражениях, назвал последнего «опасным дураком», а само движение национал-социализма — «революцией германского первобытного леса против романо-латинской цивилизации»<sup>527</sup>.

Нацистский путч заставил Муссолини по-иному взглянуть на растущую угрозу со стороны Германии как для независимой Австрии, так и для северных границ самой Италии. События лета 1934 года побудили Муссолини стремиться к более тесному сотрудничеству с Англией и Францией в вопросе защиты независимости Австрии. В то же время идеологические и геополитические мотивы, стремление Муссолини к славе и завоеваниям резко снижали возможность совместной защиты Австрии Италией и западными демократиями, в первую очередь Францией. Все же 7 января 1935 года было заключено итало-французское соглашение. В числе прочего Италия и Франция согласились проводить консультации с целью сохранения независимости Австрии. К этому соглашению присоединилась также Великобритания.

Более благоприятные условия для итало-германского сближения, с одной стороны, и охлаждения отношений Италии с Англией и Францией — с другой создала итальянская агрессия против Эфиопии, начавшаяся 3 октября 1935 года. «На следующий после вторжения итальянских войск в Абиссинию день, — пишет американский журналист и исследователь Ширер, — я провел на Вильгельмштрассе, беседуя с официальными лицами и членами партийного руководства. Из записки в дневнике, сделанной вечером того же дня, видно, как быстро оценили ситуацию немцы: “На Вильгельмштрассе все очень довольны. Или Муссолини застрелит в Африке, что ослабит его положение в Европе и позволит Гитлеру захватить Австрию, находящуюся пока под защитой дуче, или он быстро победит, что явится вызовом для Англии и Франции. Тогда можно считать, что он созрел для союза с Гитлером против западных демократий. В любом случае выигрывает Гитлер”»<sup>528</sup>.

Дело в том, что захват Эфиопии фашистской Италией создавал непосредственную угрозу коммуникациям Англии в Красном море, имевшим исключительно большое значение для ее колониальной империи. Что касается Франции, то ее обещание поддержать колониальные притязания Италии в Африке отнюдь не предполагало итальянской оккупации всей Эфиопии. Франция имела здесь свои интересы, в частности, владела единственной железной дорогой, через которую шло 80% французской внешней торговли. Напротив, Германия не имела серьезных интересов в Эфиопии и с тем большей легкостью готова была пре-

доставить Италии свободу действий в этой стране. Более того, выйдя из Лиги Наций, Германия могла позволить себе не участвовать в экономических санкциях, объявленных этой международной организацией против Италии в ответ на ее агрессию в Эфиопии.

Итало-германское сближение становилось все более определенным вследствие общности интересов в борьбе за новый передел мира. Еще накануне агрессии Италии против Эфиопии германский посол в Риме У. фон Хассель писал: «Итальянская политика в Абиссинии выгодна нам потому, что она вводит элемент динамики в застойное положение по колониальному вопросу»<sup>529</sup>. А германский министр иностранных дел в это же время прогнозировал: «Тот факт, что итальянское правительство неожиданно начало стремиться к установлению с нами хороших отношений, объясняется вполне естественно нынешней сложной ситуацией и ее ухудшением в будущем в связи с абиссинской авантюрой. В наших интересах пойти им навстречу в подходящий момент. Наступит день, когда мы сможем вести переговоры и решить с Италией австрийский вопрос»<sup>530</sup>.

Со своей стороны, советник итальянского посольства в Берлине М. Маджистрати сообщал по поводу германской позиции следующее. Первоначально в Берлине существовали опасения, что итало-французское сотрудничество в эфиопском вопросе складывалось на антигерманской основе. Лишь к концу 1935 года произошли позитивные перемены в позиции Германии в отношении Италии. В Берлине полагают, подчеркнул советник, что итальянская агрессия в Восточной Африке способствует ослаблению «фронта Стрезы», создает прецедент для выдвижения германских политических и экономических требований. Поражение Италии в войне, по мнению нацистского руководства, могло быть использовано против самой Германии и ее политической программы, затруднило бы ревизию Версальских договоров<sup>531</sup>.

В самом итальянском руководстве в это время можно было наблюдать столкновение двух политических групп по вопросам проведения внешнеполитического курса страны. Одна из них была представлена дипломатами старой школы эпохи либерализма и предполагала многостороннюю ориентацию итальянской внешней политики. Ее наиболее авторитетными выразителями были заместитель министра иностранных дел Ф. Сувич и посол в Берлине (до середины 1935 года) В. Черрути, а также ряд других официальных лиц фашистского режима<sup>532</sup>.

Однако в это же время активно формировалась и другая линия, которая предполагала одностороннюю ориентацию на Германию, исходя при этом из идеологической общности двух стран, а в конечном счете и общности их политических интересов и целей на международной арене. Но для этого необходимо было преодолеть острое соперничество между фашистскими государствами, прежде всего в австрийском вопросе и в Юго-Восточной Европе, разграничить сферы влияния, договориться о согласованной линии поведения в международных делах.

Между тем война в Эфиопии подходила к концу. 2 мая 1936 года итальянские войска вошли в Аддис-Абебу. Муссолини заявил, что

война окончена\*. Хотя Италия и одержала в ней победу, одновременно обнаружилась и определенная военная слабость итальянского фашизма. Италии понадобилось почти семь месяцев для того, чтобы сломить сопротивление армии, вооруженной в большей части винтовками старых образцов, охотничьими ружьями, копьями и ножами. Против этой армии итальянцы использовали современные танки, самолеты, газы (впервые ипритовые бомбы были сброшены на эфиопов 2 января 1936 года; в сражении в Тембиене, где эфиопы снова наступали, химическое оружие применялось вновь) и т.д.

После захвата Эфиопии итальянские фашисты все в большей мере втягивались в политику агрессии в районе Средиземного моря и в Африке. Это вполне устраивало Гитлера, который таким образом получал большую свободу рук в Центральной Европе.

11 июля 1936 года было подписано австро-германское соглашение. Гитлер действительно мог рассчитывать по крайней мере на нейтралитет Италии. С началом эфиопской войны Италия оказалась практически изолированной в Европе как со стороны ведущих держав, так и со стороны Лиги Наций. Подвергнутая экономическим санкциям, Италия стала во многом зависеть от поставок сырья из Германии, что сделало режимы двух диктаторов ближе в экономическом плане. Кроме того, приход к власти во Франции правительства Народного фронта, олицетворявшего все то, что Муссолини презирал, не могло не сблизить Италию и Германию, не скрывавшую такого же презрения к «еврейско-большевистской» Франции.

Многие австрийские политические деятели стали опасаться, что итало-австрийская дружба может быть принесена в жертву итало-германскому сближению.

В этих условиях Вена с подачи Италии выдвинула идею о переговорах с Германией. Берлин также был заинтересован в нормализации отношений с Австрией в условиях неспокойной международной обстановки, вызванной ремилитаризацией Рейнланда. Австрийские политики вели переговоры с Германией с оглядкой на позицию Муссолини, который, хотя и выступил за возобновление нормальных отношений между Германией и Австрией, все же не был готов к полной сдаче своих позиций в Центральной Европе.

---

\* Надо заметить, что к этому времени итальянцы контролировали только треть страны. В Эфиопии продолжали действовать несколько полупартизанских армий численностью по несколько десятков тысяч человек. Некоторые из них кружили вокруг Аддис-Абебы, а некоторые — контролировали целые провинции. Ни террор, развязанный фашистами в 1937 году, ни попытки проведения более либеральной политики в 1938–1939 годах не дали Италии возможности установить контроль над территорией созданной здесь колонии «Восточная Африка». Во время «гибкой политики» итальянцев в 1938 году масштабы национально-освободительной борьбы несколько снизились, но в 1939 году война вспыхнула с новой силой. В 1941 году англо-эфиопская армия разгромила итальянцев. Точка в итало-абиссинской войне была поставлена окончательно.

Муссолини поступали противоречивые сигналы от итальянских дипломатов в Австрии. Условно их можно поделить на две группы. Первую возглавлял посол Италии в Вене Габриеле Прециози, который был близок к вице-канцлеру Штарембергу и его полувоенной фашистской организации хеймвер. Ему противостояла группа сенатора Франческо Салаты, главы Итальянского института культуры в Вене, отстаивавшего позиции канцлера Шушнига. Интрига состояла в том, что в то время как Штаремберг считался ярым сторонником австрийской независимости, Шушник скорее выступал за сближение с Германией. Таким образом, Штаремберг являлся препятствием на пути сближения Германии и Австрии, за которое с некоторых пор выступал дуче. В итоге победу одержала группа Салаты, который вскоре стал послом, а Штаремберг под нажимом Муссолини и Шушнига был вынужден покинуть пост вице-канцлера<sup>533</sup>.

Именно Муссолини посоветовал Шушнигу, какого рода уступки следует сделать Германии. Когда Шушник впервые сообщил дуче о желании австрийского правительства нормализовать отношения с Германией, Муссолини сразу же поддержал его: «Австро-германский договор будет означать окончательный надлом западных демократий. Место Австрии на стороне динамичных держав. Это тот способ, которым вы лучше всего обеспечите вашу независимость»<sup>534</sup>. В то время как последнее утверждение представляется весьма спорным, в целом реакция дуче показывала, что австро-германское соглашение, по его мнению, должно было способствовать сближению Берлина и Рима и созданию блока фашистских держав, включавших и Австрию.

Западные державы и Советский Союз были серьезно обеспокоены и встревожены сближением Австрии и Германии. В конце 1936 года британский и французский министры иностранных дел Иден и Дельбос попытались заблокировать заключение австро-германского соглашения. Они пригласили австрийского канцлера на Генеральную ассамблею Лиги Наций в Женеве. Однако, когда Муссолини выступил против визита Шушнига<sup>535</sup>, австрийский канцлер отклонил предложения министров, заявив, что «внутренняя и внешняя политика Австрии представляет собой ясную картину, не нуждающуюся в разъяснениях»<sup>536</sup>.

Муссолини, готовый уступить инициативу в австрийском вопросе Гитлеру, тем не менее выступал против участия западных демократий в делах Австрии. Более того, летом 1936 года дуче все еще оставался главным защитником австрийской независимости и не собирался предоставлять Германии полный карт-бланш в отношении Австрии, то есть в отношении ее присоединения к рейху. Однако изменение баланса сил в Центральной Европе не могло быть не замечено как в Англии и Франции, так и в Советском Союзе. Действительно, австро-германское соглашение ясно показало усиление Германии в Центральной Европе и ослабление позиций Италии в этом регионе.

Тем временем, соответствуя новому, прогерманскому, курсу во внешнеполитической линии Италии, Муссолини произвел изменения в кабинете министров. 9 июня 1936 года ключевой пост министра иностр-

ранных дел занял зять Муссолини 33-летний граф Чиано. Основной внешнеполитического курса Чиано было итало-германское сближение. Одновременно Италия стремилась обеспечить признание суверенитета Рима над Эфиопией. В беседе с германским послом фон Хасселем Чиано заявил, что, так как Лига Наций отменила санкции в отношении Италии, для Рима было бы полезно, если германское правительство официально признает итальянский суверенитет над Абиссинией, когда для этого будет подходящий момент<sup>537</sup>.

Такой момент представился очень скоро. 18 июня 1936 года британский министр иностранных дел Иден провозгласил, что экономическое эмбарго будет снято с Италии немедленно. А уже 29 июня Хассель информировал Чиано, что Гитлер займет «благожелательную позицию, как только вопрос о признании станет актуальным»<sup>538</sup>. Готовность признать итальянский суверенитет над Эфиопией обуславливалась скорее не молчаливой поддержкой Муссолини акции в Рейнланде и не идеологической близостью двух режимов, а реальными политическими расчетами. На протяжении весны и лета 1936 года Англия и Франция пытались наладить отношения с Италией, испорченные во время итало-абиссинской войны. А такого развития событий — возвращения Италии в лагерь западных стран — Гитлер допустить не мог. Надо заметить, что подобные опасения фюрера были напрасны: как показывают дипломатические документы, летом 1936 года Муссолини уже определился с внешнеполитической ориентацией Италии<sup>539</sup>. В июне 1936 года Муссолини четко сформулировал приоритеты внешней политики в инструкциях Гранди: никакого Средиземноморского пакта с Англией, который «свяжет Италию в будущем»; французы теперь «прибиты к советскому кресту», особенно после победы Народного фронта дуче не желает иметь с ними дело<sup>540</sup>. Однако в Берлине не были уверены в истинных намерениях Муссолини, а дуче был не прочь создать иллюзию многовекторности своей внешней политики.

Тем временем итало-германские противоречия сохранялись. Так, экономическое проникновение Германии на юго-востоке Европы вызвало серьезные опасения в Риме. Доля германского капитала в странах Юго-Восточной Европы значительно увеличилась. Вместе с экономическим проникновением Берлин увеличивал и свое политическое влияние на страны этого региона. В этой связи глава МИД Германии Нейрат отмечал, что австро-германское соглашение создало новые возможности не только в Австрии, но и «во всей Юго-Восточной Европе»<sup>541</sup>. Безусловно, пропорционально увеличению германского влияния в этой части континента падало влияние Италии.

Поэтому неудивительно, что, несмотря на сближение Италии и Германии, в Берлине не могли оценивать политический курс Муссолини в отношении Австрии как «окончательный»<sup>542</sup>. Следует отметить, что подобные колебания были присущи и австрийским правящим кругам.

10 октября 1936 года канцлер Шушниг встретился в Будапеште с Герингом. Последний предложил Шушнигу согласиться на «Цузамменшлюс» с установлением единой валюты и общей тарифной политики.

За это он обещал дать Австрии 600 самолетов и подготовить в германских лагерях и за счет Германии австрийских летчиков. В беседе с венгерским министром иностранных дел К. Канья Геринг тогда же откровенно сказал, что, подписав соглашение 11 июля и обещав не применять насилия в отношении Австрии, Германия все же не отказывается полностью от Австрии. Геринг дал понять, что это зависит от позиции Муссолини. Рассчитывая, что Канья не преминет сообщить дуче, союзнику Венгрии по «Римским протоколам», об этой беседе, и стремясь использовать это для давления на Муссолини, Геринг стал развешивать перед Канья картину той огромной опасности, которая грозит Италии со стороны Англии. В этих условиях, утверждал Геринг, Италия «вынуждена будет искать союза и поддержки со стороны Германии»<sup>543</sup>.

Однако дело было не столько в угрозе со стороны Англии, сколько в начавшейся гражданской войне в Испании, где фашистские державы выступили единым фронтом. Действительно, сильнейшим импульсом для укрепления сотрудничества Германии и Италии стали их совместные действия во время испанского конфликта. Дело в том, что именно объединенные военные и дипломатические усилия двух фашистских держав сделали реальностью переход их сотрудничества из теоретической в практическую плоскость. Следует ненадолго вернуться к испанским событиям, а точнее, к истории итало-германской интервенции в гражданскую войну в Испании.

Мятежные генералы обратились за помощью к фашистским державам уже 19 июля 1936 года. Главный вопрос, который встал перед лидерами националистического мятежа, заключался в том, как перебросить костяк своей армии из Марокко в континентальную Испанию. Молниеносной и бескровной победы противникам законного правительства, как отмечалось выше, достичь не удалось. Трудность для мятежников заключалась в том, что подавляющая часть флота осталась верна Республике; это произошло, поскольку рядовые моряки, поддерживавшие Республику, буквально вырезали весь офицерский состав кораблей, симпатизирующий националистам.

В первую очередь националисты обратились в Рим. Генерал Франко обещал фашистскому руководству, что, если Италия пойдет ему навстречу, отношения между двумя странами «станут более чем дружественными»<sup>544</sup>. Каудильо также убеждал Муссолини, что в случае успеха Италия и Испания (в качестве младшего партнера) смогут создать такой баланс сил в Средиземноморье, который будет выгоден дуче в борьбе против Англии и Франции<sup>545</sup>.

Муссолини манили в испанском конфликте как потенциальные стратегические приобретения, так и возможность удовлетворить свое самлюбие, свои амбициозные планы по созданию Великой Римской империи, наконец, взять своеобразный реванш за Эфиопию. Однако Рим колебался.

Не получив сразу помощи из Италии<sup>546</sup>, Франко продолжал настаивать, посылая одну телеграмму за другой. Генерал указывал на «близорукую политику» Рима, утверждая, что итальянская помощь «позволит

влиянию Рима превалировать над Берлином в будущей политике Испании»<sup>547</sup>. Хотя Муссолини был достаточно осторожен, чтобы рисковать войной с Англией или Францией, его заинтересованность в испанском вопросе и в оказании помощи Франко была поддержана потоком телеграмм из стана националистов. Сдержанность же дуче объяснялась донесениями о том, что Франция согласилась оказать военную помощь Испанской республике<sup>548</sup>. Однако к 25 июля Муссолини был полностью проинформирован о давлении Лондона, парализовавшем кабинет Блюма, и знал, что Франция твердо решила не вмешиваться в испанский конфликт. Дуче все больше склонялся к мысли о помощи мятежникам.

Скорее всего окончательное решение о помощи мятежникам Муссолини принял после детального изучения донесений из Москвы, из которых следовало, что Советский Союз не собирается оказывать активную поддержку Испанской республике<sup>549</sup>. Кроме того, узнав о германских поставках националистам, Муссолини просто не мог оставаться в стороне<sup>550</sup>.

Начав вмешательство в испанский конфликт на стороне националистов, Муссолини еще раз четко продемонстрировал новый характер своей внешней политики — солидарность с нацистской Германией и отказ от сотрудничества с западными державами.

В Германии также рассматривали националистов как своих союзников в борьбе против Испанской республики. Германский лидер сразу же уловил возможность использовать события на Иберийском полуострове с максимальной выгодой для себя.

У Гитлера появился неплохой шанс, спекулируя на угрозе коммунизма в Европе, разлучить своих будущих противников, не допустить «франко-советского окружения Германии». Престиж антифашистского Народного фронта во Франции в случае неудачи его собрата за Пиренеями был бы подорван. Фюрер мог сыграть и на противоречиях общественного мнения во Франции и Англии. Кроме того, идеологическая и политическая борьба между Францией и Италией в Испании, отнимавшая у обеих стран много сил, могла позволить Гитлеру свободней чувствовать себя на востоке и юго-востоке Европы. Вмешавшись в испанскую войну, Франция уделяла бы меньше внимания Чехословакии, а Италия — Австрии. Напуганные «угрозой большевизма» Италия, а может, и Британия могли бы стать союзницами Германии, оставив на западе Францию в одиночестве.

Нацистский режим видел в Испании и сырьевую базу, необходимую для набравшей мощь гигантской немецкой военной машины. Именно просьба Франко о помощи могла сдвинуть немецкое военное планирование из теоретической плоскости в практическую, помочь накопить боевой опыт молодому вермахту, освоить тактические новинки. Наконец, в стратегическом, геополитическом плане успешное участие Германии в испанских событиях являлось настолько выгодным, что было бы крайне неразумным отказаться от него. Воодушевленный успешной операцией в Рейнланде, Берлин начал действовать. Тем не менее в конце июля в руководстве рейха еще существовали некоторые колебания.

Вечером 25 июля 1936 года Гитлер и большинство нацистских иерархов находились в баварском городе Байрейте, куда они отправились, чтобы послушать музыку Рихарда Вагнера. После заключительного аккорда представления Гитлер посетил семейный дом Вагнеров, где его уже ожидали три делегата из Испанского Марокко. Они пришли за помощью к фюреру. «Никто не знал позиции Гитлера. Сначала он немного подбодрил делегатов, посланных Франко, и вежливо расспросил их о шансах генерала на успех. Затем, — вспоминал один из делегатов, — фюрер высказал свою озабоченность риском красной опасности, овладевающей Европой. Гитлер вызвал Геринга и военного министра Бломберга и проинформировал их о принятом решении в присутствии трех делегатов. Сопровождая последних до дверей, Гитлер закончил встречу сообщением человеку, который послал их: “Передайте генералу Франко мои наилучшие пожелания и победы над коммунизмом”»<sup>551</sup>. 26 июля 1936 года, как говорилось выше, «первый паладин» рейха Герман Геринг, который на протяжении всей испанской войны курировал немецкое участие в этом конфликте, дал распоряжение начать операцию «Волшебный огонь».

27 июля Гитлер приказал комиссии в составе Геринга, Кейтеля и Канариса отправить Франко двадцать «Юнкерсов-52», которые достигли места назначения 28 июля, раньше итальянских бомбардировщиков. 30 июля двенадцать бомбардировщиков «Савойя-81» вылетели из Сардинии в Испанское Марокко. Однако из-за нехватки бензина только девять достигли цели. Один упал в море, второй совершил вынужденную посадку близ Бекране (Французское Марокко), а третий разбился в Заиде (Алжир)<sup>552</sup>. На помощь итальянским летчикам, совершившим вынужденную посадку, пришли испанские мятежники, сбросившие с самолета пакет с обмундированием иностранного легиона. Однако хитрость не удалась. Французская жандармерия арестовала пилотов. Из их документов следовало, что они являются офицерами и унтер-офицерами итальянской военной авиации. Итальянские официальные лица все отрицали. Чиано на встрече с английскими и французскими дипломатами также отверг предположение о фашистской интервенции в Испанию<sup>553</sup>.

Однако тайна вмешательства перестала существовать. 2 августа в территориальные воды Испании вошли соединения германских и итальянских кораблей. В конце июля в Германии был создан особый штаб «W», которым руководил сначала генерал Вильберг, а затем генерал Енеке. Подобные шаги предпринял и Муссолини. Надо сказать, что, давая столь мощный импульс интернационализации конфликта, Гитлер и Муссолини не сомневались в скорой победе Франко: никто из них не предполагал, что сопротивление республиканцев окажется столь долгим и упорным. Можно сказать, что на протяжении испанской войны военная помощь националистам со стороны Германии и Италии носила кумулятивный характер. В итало-германской интервенции, как и вообще во всем противоречивом процессе участия великих держав в военных событиях в Испании, ясно прослеживаются несколько эпохальных, решающих моментов.



Первым из них была так называемая «битва за пролив» — переброска войск мятежников в Испанию через Гибралтарский пролив. Вмешательство Италии и Германии в эти события имело решающее значение, так как позволило националистам избежать быстрого поражения. Постепенно вооруженная интервенция на суше, на море и в воздухе начала приобретать все более широкие масштабы и, бесспорно, стала главным и определяющим фактором военного превосходства франкистов.

Уже 5 августа 1936 года состоялась первая встреча между главами итальянской и германской разведок — генералом Марио Роаттой и адмиралом Вильгельмом Канарисом. Несмотря на проявившуюся с самого начала скрытую экономическую борьбу за испанские сырьевые рынки, Италия и Германия разработали предварительные схемы совместной помощи мятежниками, которые вскоре были детально разработаны на новых встречах Канариса и Роатты<sup>554</sup>.

В то же время в Риме были озабочены развитием англо-германских отношений. Визит одного из первых лиц Форин Оффис Ванситтарта в Берлин в августе 1936 года и назначение Риббентропа послом в Лондон беспокоили дуче, так как Муссолини опасался политического сближения Германии и Англии<sup>555</sup>. Временно замещавший посла Гранди в Лондоне Витетти писал в Рим, что назначение Риббентропа произошло в тот момент, когда политический климат не мог не быть лучше для Германии. Чиано резюмировал, что британский курс в отношении Германии представляет собой двойственную картину. С одной стороны, Лондон боится германского перевооружения и «нацистской агрессивности», с другой — высоко оценивает заслугу Германии в сдерживании «советского влияния». В то время как германская пропаганда подчеркивает эту составляющую своей внешней политики, она также указывает на угрозу, исходящую от Италии, британским имперским интересам. Данный элемент германской политики беспокоил Чиано. В заключение глава итальянского МИД выражал надежду, что миссия Риббентропа (все были прекрасно осведомлены о «дипломатических» способностях последнего. — *А.Н.*) нанесет серьезный удар по попыткам англо-германского сближения<sup>556</sup>.

Тем временем в конце августа усилиями Канариса и Роатты в Испании была создана совместная военная миссия для координации итало-германской интервенции. Военным представителем Италии был назначен Эмилио Фалделла, будущий глава итальянской экспедиционной армии в Испании; представителем вермахта была назначен Вальтер Варлимонт<sup>557</sup>.

Характерной особенностью немецкой помощи было то, что в отличие от Италии Германия в основном посылала в Испанию вооружение и советников. Исключением являлись только летчики. Основной упор делался на поставки экспериментальных танков и особенно самолетов. Еще осенью 1936 года был создан немецкий легион «Кондор» — подразделение добровольцев Люфтваффе номер 88. Название предложил Геринг, чтобы дать понять, что основной задачей являлось испытание воздушной мощи Германии.

В этом плане интересно мнение главы имперского Министерства авиации Альбрехта Кессельринга (получившего звание фельдмаршала 19 июля 1940 года). «Когда в воскресный день июля 1936 года мы получили доклад немца — члена ЗО (зарубежной организации национал-социалистической партии), проживающего за рубежом, который информировал нас о том, в чем нуждается Франко, а также о директивах Гитлера из Байрейта, я серьезно забеспокоился. Военно-воздушные силы тогда только-только создали свои руководящие органы и первые части и подразделения. Обучение личного состава слаженным совместным действиям еще только началось. Те немногочисленные части истребительной авиации, которые уже были сформированы, имели на вооружении первый боевой самолет нашего собственного производства “Арадо”, а бомбардировочные эскадрильи, состоявшие из “Ю-52”, могли лишь ускорить боевую подготовку экипажей, но воевать были еще не готовы. Разведывательная авиация по уровню своей готовности к участию в боевых действиях занимала промежуточное положение между истребительной и бомбардировочной — в ее частях проходили испытания новые типы машин. Правда, у нас были великолепные зенитные орудия калибра 8,8 сантиметра. Что касается уровня индивидуальной подготовки личного состава, то в этом плане вторжение не являлось для нас головной болью. Мы располагали замечательным человеческим материалом, готовность которого сражаться заслуживала восхищения. Но энтузиазм не мог заменить умения. Кроме того, для оказания поддержки нашим союзникам в Испании привлекались лучшие кадры, что наносило ущерб нашей работе по обучению личного состава.

С другой стороны, нам был очень кстати определенный тактический и технический опыт, который представлял для нас огромную ценность. Особенно это касалось, например, отработки дальних перелетов при перегоне самолетов из Берлина в Испанию через Рим. Прекрасные летные качества “Ме-109”, который начал поступать в наши части ВВС, надолго обеспечили нашим летчикам истребительной авиации чувство превосходства, в то время как испытания пикирующего бомбардировщика “Ю-87” показали важность этой машины. В итоге она стала нашим основным оружием и оставалась им до 1942 года. Наконец, опыт, полученный в результате применения батарей зенитных орудий калибра 8,8 сантиметра против воздушных и наземных целей, подтолкнул нас как к их тактическому использованию, так и к созданию зенитно-артиллерийских частей на их основе.

В Германии в связи с возросшей потребностью в людских ресурсах, военной технике и оборудовании нам, само собой, пришлось столкнуться с целым рядом трудностей в сфере подготовки и обучения личного состава. И все же мы достигли поставленной цели, в чем была заслуга и штаба, и самих войск, и промышленности, и гражданского воздушного транспорта. Фельдмаршал Шперрле (произведен в фельдмаршалы 19 июля 1940 года после победы над Францией. — *А.Н.*) и его последователи — фон Рихтгофен и Фолькманн — могли смело

сказать, что их летчики и контингент германской армии сделали возможной победу Франко»<sup>558</sup>.

Другой стороной военной интервенции Германии являлись действия ее флота. Немецкое адмиралтейство в докладе Гитлеру от 22 августа заявляло, что в испанских водах находится «почти весь германский флот». Забегая вперед, следует отметить, что 6 апреля 1938 года уже самим фюрером было заявлено, что значительная часть немецкой авиации также находится в Испании. Хотя вермахт не вводил регулярные сухопутные войска в Испанию, четыре роты, оснащенные легкими танками «Панцер I», присоединились к легиону «Кондор» наряду с несколькими сотнями военных советников под командованием подполковника Вильгельма Риттера фон Тома, последователя Гейнца Гудериана. Непосредственно боевые части, численностью приблизительно в 5 тысяч человек, собрались под командованием генерала Гуго Шперрле (тогда известного под фамилией Сандер). Свои первые шаги легион сделал 31 октября 1936 года, имея в своем составе 3829 человек и 92 самолета, а также танки, противоздушные орудия и другую технику<sup>559</sup>.

В целом легион состоял из 6500 человек. В наземную его часть входило 600 человек со 180 танками, в воздушную — до 106 наличных самолетов (27% франкистской авиации). Ротация танкистов и летчиков создавала почти идеальные условия для подготовки к ведению современной войны. Легион «Кондор» потерял в боях 96 самолетов и 300 летчиков, но была пройдена школа современного воздушного боя и бомбометания. Люфтваффе получил 14 тысяч испытанных в боях летчиков. Танковые части отработали скоростные маневры. Были испытаны такие модели, как истребитель «Бф-109» и штурмовик «Юнкерс-87», принесшие немцам небывалый успех в начальной фазе Второй мировой войны. Командир легиона «Кондор» Шперрле через три года, будучи уже маршалом авиации, возглавлял бомбовые рейды против Лондона<sup>560</sup>.

Вмешательство Италии в испанские события носило несколько иной характер. Фактически эта фашистская страна находилась в состоянии войны с республиканской Испанией, посылая туда не только технику, но и целые воинские контингенты. В целом итальянских солдат, воевавших против Республики с 1936 по 1939 год, по разным данным, насчитывается от 80 до 150 тысяч<sup>561</sup>. Муссолини уже в августе 1936 года направил первые подразделения пехоты регулярной армии Италии, пока что облаченные в форму бойцов иностранного легиона. Газета «Пополо д'Италия», орган фашистских властей, писала 20 мая 1938 года: «Мы решительно участвовали в войне с самого начала»<sup>562</sup>. Уже с начала августа консулы США в Севилье и Виго докладывали в Вашингтон о прибытии в эти города итальянских самолетов и пилотов<sup>563</sup>. Самолеты «Савойя» и «Капрони» бомбили города на территории всей республиканской Испании.

Вмешательство в испанскую войну на стороне мятежников, несмотря на участие в Комитете по невмешательству, ухудшало отношения фашистских держав с западными демократиями, но одновременно вело

к еще большему сближению двух диктаторских режимов. Единство фашистских держав было укреплено и их общим негативным отношением к Лиге Наций. Обе державы так или иначе пострадали от Лиги: Германия, — так как Лига была создана на основе мирных договоров, которые в Берлине считали унижительными; Италия — в результате санкций, примененных к ней во время итало-эфиопской, всего лишь колониальной, как считали в Риме, войны. Лига Наций являлась для фашистских стран мощнейшим раздражителем. Будучи мировым общественным органом, она представляла трибуну тем, кто стоял на пути держав «оси», будь то правительство Абиссинии в изгнании или законное республиканское правительство Испании\*.

Однако из этого «недостатка» Лиги фашистские державы извлекли максимум пользы. Лига Наций объявлялась ими агентом мирового коммунизма. В условиях сильнейшего идеологического противостояния в Европе в целом и в отдельных странах (например, Франции) в частности такого рода пропаганда имела большой успех. Кроме того, на протяжении 1936–1938 годов фашистские страны весьма успешно оказывали давление на малые страны Европы, добиваясь их отказа от участия в мероприятиях Лиги Наций, направленных против агрессоров.

В сентябре 1936 года Геринг с энтузиазмом говорил Маджистрати о духе товарищества, которое пропитывает отношения между Италией и Германией. Он также заявил, что «национал-социализм и фашизм действительно общие и параллельные идеологии». С воодушевлением рассказывая о подвигах итальянских и германских летчиков в Испании, Геринг призвал Рим рассматривать Италию как часть европейской «оси» из Германии, Австрии, Венгрии, Польши и Югославии<sup>564</sup>.

Призывая Италию присоединиться к такой «оси», Геринг тем не менее постарался избежать разговора на тему англо-германских отношений, что не могло не вызывать тревогу в Риме, особенно в свете английских предложений о созыве совещания локарнских держав и заключения Западного пакта. Дабы избежать опасного англо-германского сближения, дуче перешел в наступление на позиции Лондона. Случай представился довольно скоро. В конце сентября Рим посетил один из наиболее проитальянски настроенных членов нацистской иерархии Ганс Франк.

Муссолини заявил, что Британия четко придерживается альянса с Францией, а Франция, в свою очередь, является союзником Советской России. Великобритания и Франция, несмотря на все различия, являются неразделимыми союзниками, обе страны «богаты, консервативны и демократичны». Короче говоря, у них нет ничего общего с новыми динамичными обществами, которые дуче и фюрер создали в Италии и Германии. Муссолини предположил полный провал миссии Риббентропа в попытке наладить отношения с Англией. Он призвал Франка

---

\* Характерен тост, произнесенный Гитлером во время визита в Рим весной 1938 года: «Германия и Италия оставили далеко позади утопии Лиги Наций, которой Европа вверила свою судьбу!»

усилить давление на Лондон по колониальному вопросу, ведь «немцы так же, как и итальянцы, являются народом без жизненного пространства». В этом Италия всегда окажет Германии максимум поддержки. Дуче также предложил Гитлеру урегулировать отношения с католической церковью, подчеркнув, что религия «неуловима, как туман», и самой грамотной политикой в этом отношении является разделение ролей церкви и государства. Ввиду того, что итало-германские отношения значительно улучшились, Муссолини заявил о возможности в недалеком будущем посетить Германию, но после проведения тщательной подготовки. Это, по словам дуче, должно произвести «невероятную сенсацию». В ответ Франк предложил министру иностранных дел Чиано посетить Германию и встретиться с фюрером. Оба визита должны будут подразумевать ясное понимание того, что Средиземноморье является в такой же степени сферой влияния Италии, как Балтика — сферой влияния Германии. Кроме того, Муссолини заявил, что считает Австрию «немецким государством»<sup>565</sup>.

Для многих ключевых фигур фашистской иерархии, таких, как недавно назначенный глава Генштаба итальянской армии Альберто Парини, война с Англией представлялась единственным способом для достижения гегемонии в Средиземноморье и расширения колониальной империи в Африке<sup>566</sup>. Пожалуй, в 1936 году такую точку зрения разделял и сам дуче. Поэтому улучшение итало-германских отношений было приоритетом во внешней политике Италии, начиная с середины 1936 года. Неудивительно, что к визиту Чиано в Берлин было приковано столь пристальное внимание.

19 октября Берлин выпустил официальное коммюнике, сообщавшее, что министр иностранных дел Италии граф Чиано сегодня вечером прибудет в столицу Германии, где встретится с Нейратом, а через три дня отправится к Гитлеру в Берхтесгаден. В коммюнике было заявлено, что Италия и Германия не стремятся создавать какие-либо блоки, напротив, намерены проводить политику, направленную на сохранение мира в Европе. Инструментом такой политики должно было стать создание «Пакта четырех». Одновременно отмечалось, что Германия и Италия занимают «близкие, если не одинаковые» позиции в плане своего негативного отношения к Лиге Наций<sup>567</sup>. «Джорнале д'Италия» отмечал важнейшее значение визита Чиано для европейской политики, «основанное на четко сформулированных намерениях, конструктивных целях для реализации ясных планов в отношениях между двумя странами и на международной арене», среди которых отмечалась схожесть позиций Италии и Германии по отношению к Лиге Наций и коммунизму<sup>568</sup>.

В Берлине постарались организовать наилучший прием зятю Муссолини. Чиано был поражен гала-представлением «Дона Джованни» в Мюнхене и восторженным приемом толпы, руководимой самим фюрером. Официальной целью визита было объявлено признание Германией итальянского суверенитета над Эфиопией. Однако в частных беседах речь шла и об Испании. Немецкая пресса писала, что итало-герман-

ское стремление бороться с большевизмом в Европе, и в Испании в частности, является ключевым пунктом визита Чиано<sup>569</sup>. Было оговорено об усилении военных поставок националистам с целью скорейшего взятия испанской столицы. Чиано и Нейрат договорились о «признании Франко после взятия Мадрида и о совместных акциях по предотвращению создания Каталонского государства»<sup>570</sup>.

Итальянская дипломатия приготовила для фюрера своеобразный сюрприз. Чиано заявил Нейрату, что Рим располагает документами, подтверждающими враждебное отношение Великобритании к Гитлеру и Германии. Нейрат предложил продемонстрировать эти доказательства Гитлеру. 24 октября Чиано встретился с Гитлером, который назвал Муссолини «ведущим политиком мира». В ответ итальянский министр вручил фюреру выкраденную итальянской разведкой в Лондоне копию досье английского МИД «Германская опасность». Там было 32 документа, которые Иден подобрал для доверительного ознакомления членов британского кабинета. Фюрер тотчас же прочел циркуляр Идена и телеграмму Фиппса, который расценивал правительство рейха как сборище «опасных авантюристов». После минуты молчания Гитлер пришел в ярость: «По мнению англичан, в настоящее время в мире существуют две страны, руководимых авантюристами: Германия и Италия. Но Англия тоже управлялась авантюристами, когда она создала свою империю. В настоящее время ею правят только бездарности...». Германский диктатор заявил, что Италия и Германия должны сформировать блок, направленный против демократических стран, и добавил, что признает Средиземное море итальянским и что Германия будет готова к войне через три года.

«Надо перейти в наступление, — заявил Гитлер. — И, с точки зрения тактики, полем действия для проведения маневра нужно использовать антибольшевизм. Действительно, многие страны, будучи обеспокоенными итало-германской дружбой, из страха перед пангерманизмом или итальянским империализмом, объединились бы против нас в случае, если они увидят в итало-германском союзе барьер против внутренней и внешней угрозы большевизма, будут склонны включиться в нашу систему»<sup>571</sup>.

25 октября 1936 года в виде протокола из девяти статей были оформлены союзнические отношения между Римом и Берлином. Чиано заявил, что итало-германский протокол о сотрудничестве затрагивает шесть пунктов: Эфиопия, Локарно, Лига Наций, Дунайский регион, испанская ситуация, угроза социальной структуре Европы<sup>572</sup>. Действительно, итало-германское соглашение подразумевало официальное признание Германией захвата Италией Эфиопии, разграничение сфер влияния двух фашистских государств на Балканах и в Дунайском бассейне, договоренность о согласованной линии в отношении Западного пакта и Лиги Наций, а также координацию совместных действия в гражданской войне в Испании и Лондонском комитете по невмешательству.

1 ноября в речи на Соборной площади в Милане Муссолини дал название растущему сотрудничеству Германии и Италии. По образно-

му выражению дуче, соглашение, заключенное во время поездки Чиано, получило название «ось Берлин–Рим»<sup>\*</sup>. Муссолини обрушился с критикой на западные демократии и заявил, что единственная страна, которая помогала Италии во время действия санкций и признала итальянский суверенитет над Эфиопией, — это Германия. Ввиду того, что, по словам дуче, австрийский вопрос решен июльскими соглашениями, более не должно существовать причин для разногласий между двумя великими нациями. «Это взаимопонимание, эта диагональ Берлин–Рим не есть линия раздела, но ось, вокруг которой могут объединиться все европейские государства, воодушевленные волей к сотрудничеству и миру», — заключил Муссолини<sup>573</sup>. Именно «ось» между Берлином и Римом, по мнению дуче, должна была помочь в создании «справедливой и мирной Европы»<sup>574</sup>.

В целом суть соглашения состояла в предварительном разграничении сфер влияния в Европе. Были согласованы планы совместной борьбы против Испанской республики. Несмотря на заявление итальянского правительства о том, что судьба Австрии «не должна являться предметом торга с Берлином и подтверждением важности Римских протоколов и австро-германского соглашения 11 июля»<sup>575</sup>, в результате итало-германских переговоров был зафиксирован отказ Италии от прежней позиции в отношении Австрии. Муссолини надеялся компенсировать сдачу позиций в Центральной Европе включением в орбиту своего влияния балканских стран и захватом ключевых позиций в Средиземноморье, в том числе в Испании. После подписания этого соглашения Муссолини окончательно отверг тактику лавирования между западными демократиями и Германией, сделав выбор в пользу сотрудничества с Третьим рейхом для обеспечения своих имперских планов, причем в Лондоне и Париже этого заметить должным образом не смогли. В Риме был изобретен специальный термин «параллельной политики», впоследствии превратившийся в концепцию «параллельной войны», то есть такой внешнеполитической линии, которая совпадала с курсом нацистской Германии в Европе.

18 ноября 1936 года правительства Германии и Италии официально признали правительство Франко. Подобный шаг должен был придать новый мощный импульс усилиям националистов. Таким образом, фашистские державы интенсифицировали помощь Франко не только по военным, но и по дипломатическим каналам. Гитлер назначил имперским представителем при Франко генерала в резерве Вильгельма фон Фаупеля. Муссолини, в свою очередь, остановил свой выбор на члене дипломатического корпуса Италии Филиппо Анфузо. В конце ноября 1936 года Муссолини, недовольный положением вещей в испанском конфликте, приказал Чиано выяснить позицию Берлина в отношении испанских событий и узнать, как Германия видит осуществление «быстрой победы» националистов<sup>576</sup>. Точки зрения в Берлине и Риме совпа-

---

<sup>\*</sup> Термин «ось» ввел в дипломатический лексикон венгерский политик Дьюла Гёмбёш еще в 1935 году.

дали: необходимо было увеличить качество и количество помощи франкистам.

Действительно, итало-германская интервенция приобретала все более широкие масштабы. Это объяснялось тем, что в осенние дни 1936 года всему миру казалось, что гражданская война в Испании вот-вот закончится. На республиканский Мадрид со всех сторон наступали националисты, некоторые подразделения франкистов находились уже в городе. В самой столице активно действовала так называемая пятая колонна. Триумфальный въезд Франко в Мадрид был назначен на 7 ноября. Создавалось впечатление, что нужно лишь немного поднажать и город падет. Соответственно активизировалась фашистская помощь националистам. Тем не менее эту важнейшую битву испанской войны мятежники и итало-германские интервенты проиграли. Тщетность итало-германской помощи вызывала раздражение как в Берлине, так и в Риме, что было тут же замечено во всей Европе. Однако данный факт заставлял державы «оси» оказывать еще большую поддержку Франко.

Совместными дипломатическими усилиями была отмечена и деятельность фашистских представителей в Лондонском комитете по невмешательству в испанские дела. Члены Лондонского комитета, представлявшие Германию и Италию, — Риббентроп и Гранди — на протяжении всей войны весьма умело срывали все решения, которые могли бы ограничить итало-германскую интервенцию в Испанию.

19 января 1937 года германский посол в Италии Хассель выступил в университете Колони с лекцией с многозначительным названием «Европейская миссия Германии и Италии». В ней он заявил, что Германия и Италия должны вместе предотвратить надвигающуюся катастрофу Европы. Главную задачу германский посол видел в «спасении Испании для Европы и возвращении России к европейским идеям». Для этого, по его мнению, «западный капитализм и русский большевизм должны были быть заменены новыми политическими формами». Проводниками этих «новых форм» оказывались Германия и Италия, которые благодаря своему центральному положению на континенте имеют возможность «выполнить историческую миссию — исправить ошибки и Запада, и Востока Европы»<sup>577</sup>.

30 января 1937 года в своем выступлении в рейхстаге Гитлер заявил, что «Германия убирает свою подпись с Версальского договора». Гитлер с гордостью подводил итоги своего четырехлетнего правления. Гордость была вполне оправдана, ибо успехи во внутренней и внешней политике были весьма ощутимы. Действительно, германский фюрер покончил с безработицей, произвел бум в деловом мире, создал мощную армию, авиацию и флот, снабдив их значительным количеством оружия и обещая дать еще больше. Он единолично порвал цепи Версаля, занял Рейнскую зону. Пребывая в начале своего правления в полной изоляции, теперь он имел надежных союзников в лице Муссолини и Франко. Он оторвал Польшу от Франции. Но самое главное заключалось, вероятно, в том, что он пробудил энергию в немцах, возродил их веру в нацию, укрепил мысль о роли нации как величайшей в мире.



Разница между процветающей, воинственной Германией, ведущей смелую политику, и западными увядающими демократиями, которые колебались и терпели провал за провалом, была очевидна. Несмотря на охватившую их тревогу, ни Великобритания, ни Франция ничего не сделали, чтобы помешать Гитлеру нарушить мирный договор и оккупировать Рейнскую зону; не смогли они остановить и Муссолини в Абиссинии. Теперь, в 1937 году, они предпринимали попытки остановить Германию и Италию в их стремлении предрешить исход гражданской войны в Испании. Всем было прекрасно известно, что предпринимают Италия и Германия для обеспечения победы Франко. Тем не менее правительства Лондона и Парижа годами вели бесплодные политические дебаты с Берлином и Римом, дабы гарантировать их «невмешательство» в испанские дела.

В то же время Гитлер и Муссолини продолжали «исправлять ошибки» Старого Света: итало-германская интервенция в Испанию усиливалась с каждым днем. Более того, за время войны в Испании отношения между Муссолини и Гитлером становились все ближе. Муссолини как основатель фашизма объявлял себя главным борцом против коммунизма в Испании и являлся главным защитником Франко на дипломатической арене. Германия оказывала националистам гораздо более ограниченную помощь, чем Италия. Именно Италия отправляла свои регулярные войска в Испанию и пиратствовала в Средиземном море. Подобные действия Италии вносили серьезный элемент напряженности в и так недобрососедские отношения с западными демократиями. Особенно это касалось Англии, для которой район Средиземноморья представлял важные стратегические интересы. Отсюда и попытки урегулировать отношения с Италией в этом регионе, выразившиеся в первую очередь в подписании англо-итальянского «джентльменского» соглашения в начале января 1937 года.

В свете отмеченного выше разделения сфер влияния между двумя фашистскими государствами Германия как бы отдавала район Средиземного моря «на откуп» Италии. Это соответствовало геополитическим интересам рейха. В Италии же твердо взяли курс на создание средиземноморской империи, превращение Средиземного моря в *Magre postrum* Италии. Однако, завязнув в этом регионе, имевшем вторичное значение для Германии, Италия не могла уделять достаточного внимания германской активности в остальной части континента.

В первую очередь это касалось Австрии. В январе 1937 года в Рим прибыл Геринг и имел встречу с Муссолини. Британский дипломат в Италии сообщал, что испанский вопрос является главной целью визита Геринга<sup>57b</sup>. Действительно, стороны вновь согласовали детали совместной интервенции в Испанию. Однако на вопрос о позиции Муссолини в отношении Австрии Геринг не получил прямого ответа. Геринг начал убеждать дуче, что германское вмешательство в испанский конфликт обуславливается исключительно экономическими мотивами, а не территориальными притязаниями. Средиземноморский регион, по словам Геринга, полностью является сферой интересов Италии, где Рим стал-

живается с английским влиянием. Геринг пообещал поддержку Германии в случае войны с Англией, но при двух условиях. Во-первых, для укрепления морской мощи германскому флоту необходимо еще три—четыре года. А во-вторых, Берлин должен получить согласие Италии на германское доминирование в Австрии. Фактически, предлагая поддержку в войне с Англией, Германия взамен требовала согласие Италии на аншлюс<sup>579</sup>.

Вот как описывает встречу Геринга и дуче непосредственный участник этих переговоров П. Шмидт: «...Я впервые вошел в знаменитый дворец Венеция. Небольшой лифт, предназначенный лишь для двоих, забрал Геринга и итальянского начальника протокольного отдела, *chef de protocole*, на второй этаж, так что мне пришлось поспешно подняться по исторической лестнице, шагая через две ступеньки, чтобы, запыхавшись, встретить своего начальника у двери лифта. Нас провели по коридорам, украшенным средневековыми доспехами и другими военными трофеями в зал Высшего фашистского совета, мрачную комнату средних размеров. Длинные столы и возвышение для Муссолини, а также стулья — все было обтянуто темным-синим бархатом. Мы прошли в приемную Муссолини, где нас приветствовал Чиано. Затем открылась дверь в столь часто описываемый кабинет итальянского диктатора. У меня создалось впечатление огромной, аскетически голой комнаты. На значительном расстоянии у стены напротив нас находилось несколько разрозненных предметов мебели и глобус. Комната с ее холодным мраморным полом и серыми стенами поразила меня своим непривлекательным, недружелюбным и неприветливым видом.

Когда мы вошли, в дальнем конце комнаты поднялся какой-то человек, и, приглядевшись, я увидел длинный гладкий стол и несколько простых стульев в венецианском стиле. Это был Муссолини, который шел через всю комнату нам навстречу. Он поднял руку в фашистском приветствии, обменялся рукопожатием с Герингом и дружелюбно кивнул мне. Отличительной чертой его кабинета была обнаженность. Здесь было несколько книг, но нигде никаких бумаг.

Мы сели — Муссолини за своим письменным столом, а я и Геринг напротив него на стульях для посетителей. Чиано, которому его тесть не уделил много внимания, устроился на стуле рядом с нами. Положение в Испании обсуждалось в первую очередь. Различными техническими подробностями обменивались в некоторой степени осторожно, обе стороны притворялись, даже друг перед другом, что немцы и итальянцы, сражавшиеся на стороне Франко, добровольцы, не имеющие официального отношения к правительству. В ходе беседы Геринг стал откровеннее, с явным удовлетворением приводя подробности того, как в начале гражданской войны в Испании марокканские войска Франко были переброшены в Испанию с помощью немецких транспортных самолетов “Юнкерс 52”. “Франко должен быть нам за это благодарен, — сказал Геринг, задумчиво добавив: надеюсь, он потом об этом вспомнит”.

Оба ожесточенно критиковали испанскую стратегию и тактику, хотя храбрость испанцев, в том числе и противников Франко, так называе-

мых красных, полностью признавали и Геринг, и Муссолини. Оба пренебрежительно отзывались о военном снаряжении, поставляемом республиканцам Россией, особенно о самолетах, и были полностью уверены в их собственном превосходстве над Красной Армией.

Они перешли к обсуждению общей политической ситуации в Европе, и Муссолини воспользовался сильными выражениями, осуждая Лигу Наций и политику санкций, которую проводили Англия и Франция. Слушая его, никто никогда и не подумал бы, что всего два года тому назад в Стресе он вместе с Англией и Францией осудил введение воинской повинности в Германии или что лишь годом ранее послал итальянские дивизии на пограничный пункт Бреннер, когда в Австрии был убит Дольфус во время национал-социалистского путча. Времена изменились, и само обсуждение австрийского вопроса показало, как основательно изменилась позиция самого Муссолини. Геринг был очень откровенен в этом вопросе, прямо сказав Муссолини, что аншлюс произойдет и что это событие ближайшего будущего.

Муссолини, который хорошо говорил по-немецки, внимательно слушал Геринга, но, очевидно, не смог понять это высказывание, потому что только после моего перевода энергично покачал головой. Это был единственный знак несогласия с его стороны в тот день. Его молчание было явным свидетельством того, что хоть он и продолжал относиться к аншлюсу со смешанным чувством, он сознавал, что это произойдет.

Я был скорее заинтересован, чем удивлен, увидев, насколько далеко Муссолини уже отошел от западных держав и как он теперь разделял взгляды Германии на основные вопросы европейской политики. Этот человек с коротким коренастым телом, очень прямым, выразительным взглядом и скупыми жестами высказывал свое мнение с лаконичной латинской ясностью. Когда он проницательно смотрел на меня и Геринга своими большими карими глазами, я чувствовал, что это политик, отнюдь не питающий иллюзий на свой счет, трезвомыслящий, прозаичный римлянин, стоящий обеими ногами на земле, который точно знает чего хочет. В беседах, которые впоследствии имели место между ним и Гитлером, меня всегда поражало ясное, четкое и реалистичное построение фраз Муссолини по контрасту с размытыми общими фразами Гитлера. В этом состояло большое различие между двумя диктаторами — во всяком случае, пока Муссолини мог принимать в Италии более или менее самостоятельные решения. По мере того как итальянец все больше оказывался в положении вассала Гитлера, он становился все более молчаливым. Когда я оглядываюсь назад, вспоминая постепенное изменение в его поведении на протяжении множества бесед, я склонен думать, что Муссолини осознал раньше многих других, куда приведет их этот путь, и, разумеется, предвидел зловещее зарево катастрофы задолго до своего немецкого соратника. Но к тому времени он уже потерял свободу действий»<sup>580</sup>.

Муссолини заявил, что больше не пошлет войска на Бреннерский перевал против Германии, как это он сделал в июле 1934 года. Из этого

можно было заключить: Италия не помешает аншлюсу. Но Геринг остался недоволен. Он видел, что Муссолини встревожен, и боялся, что Рим сообщит об этих переговорах австрийскому правительству. В беседе германского посла в Риме Хасселя с Чиано выяснилось, что дуче действительно встревожен. Хассель успокаивал Чиано, обещая, что Германия ничего не предпримет без консультаций с Италией<sup>581</sup>. Собственно, Муссолини никогда полностью не доверял Германии. Для этого у итальянского лидера были основания. Так, он прекрасно знал об участии Берлина в кровавых событиях 1934 года. Однако Геринг беззастенчиво лгал дуче, утверждая обратное.

К весне 1937 года в Риме действительно преобладали пессимистические настроения по поводу развития австрийских событий. Чиано признавал в беседе с венгерским министром иностранных дел Канья, что аншлюс рано или поздно должен произойти. «В будущем Италия не сможет поддерживать независимость Австрии силой оружия. Однако, — говорил зять Муссолини, — целью итальянской внешней политики является по возможности дольше блокировать объединение Австрии с Германией»<sup>582</sup>.

26 марта в Белграде было подписано соглашение между Италией и Югославией. Такое сближение с государством, к которому Муссолини питал недружественные чувства с самого прихода дуче к власти, явилось ярким примером попыток Италии затормозить поглощение Австрии Германией. Еще раньше Чиано отклонил предложение Риббентропа о присоединении Италии к Антикоминтерновскому пакту. Итальянский министр заявил, что не видит необходимости в заключении пакта, когда Италия и так ведет борьбу с большевизмом в Испании<sup>583</sup>.

Тем не менее между Германией и Италией шли тесные переговоры по поводу будущих совместных действий против западных демократий. Главным врагом была признана Великобритания. В этой связи Геринг подчеркивал, что державам «оси» необходимо оставаться союзниками и еще сильнее консолидировать свои усилия в ближайшем будущем. Берлин, по словам маршала, более не искал политического сближения с Англией. Великобритания является главным противником Германии в будущей войне<sup>584</sup>. Скорее всего Муссолини придерживался такого же мнения. Не зря Чиано называл «джентльменское» соглашение «перемирием». Еще в начале 1937 года дуче распорядился начать работу над новой итальянской морской программой. В начале марта Чиано информировал Хасселя, что он уполномочил посла в Берлине Б. Аттолико начать переговоры с Герингом о создании совместной итало-германской координационной комиссии, которая «обеспечит автаркию на случай войны»<sup>585</sup>. (Такая комиссия начала работу уже в мае 1937 года.)

К этому стоит добавить, что отношения Италии с Англией и Францией постоянно ухудшались ввиду участия итальянских войск в гражданской войне в Испании в нарушение ранее подписанных соглашений, что стало совсем очевидным после Гвадалахарской битвы в марте 1937 года. Все это означало изменение итальянской позиции в австрийском вопросе.

Встреча Муссолини и Шушнига в Венеции 22–23 апреля 1937 года была показательна в плане отхода Италии от своей первоначальной позиции в отношении Австрии. Хотя дуче вновь говорил о необходимости сохранения суверенитета этой страны, окончательное коммюнике не содержало ни слова о независимости Австрии. Более того, дуче весьма красноречиво продемонстрировал канцлеру приоритеты своей внешней политики, предпочтя проводам своего гостя до железнодорожной станции визит в порт на встречу германского крейсера. В Министерстве иностранных дел Австрии считали, что австро-итальянские отношения могут улучшиться лишь в случае окончания гражданской войны в Испании и, соответственно, прекращения тесного итало-германского сотрудничества. В ходе бесед с Шушнигом Муссолини подчеркнул, что европейский континент разделен идеологическими противоречиями. «Европейская ситуация сейчас, — заявил дуче, — характеризуется существованием двух блоков, которые автоматически формируются на идеологической основе»<sup>586</sup>.

Примерно в это же время некоторые германские дипломаты сообщали, что уже можно говорить о негласном согласии Италии на аншлюс. Хассель писал в Берлин: «Усиливающаяся тенденция доминирования средиземноморских интересов во внешней политике Италии... делает практически незаменимой германскую поддержку для дальнейших имперских устремлений Муссолини. Отсюда Чиано теперь рассматривает аншлюс как неизбежное развитие событий, и даже Муссолини, выступавший против аншлюса в 1934 году по внутренним политическим причинам, теперь склонен оттягивать его, нежели предотвращать»<sup>587</sup>.

Как уже отмечалось выше, в июне 1937 года Бломбергом был разработан план ведения войны в Европе. К середине 1937 года в Берлине, как и в Риме, определились с приоритетами своей внешней политики. Гитлер пересмотрел свои отношения с Великобританией в пользу «оси Берлин — Рим». В этом плане показателен несостоявшийся визит главы МИД рейха Нейрата в Лондон в июне 1937 года. Несмотря на опасения Италии, что Германия может пойти на сближение с Англией, подписав соглашение по типу англо-германского морского соглашения 1935 года, Нейрат прямо заявил итальянскому послу Аттолико, что Германия ничего не подпишет и не договорится ни до чего, что Муссолини посчитал бы нежелательным или угрожающим итальянским интересам<sup>588</sup>.

Более того, Гитлер, посчитав, что англичане не могут сполна удовлетворить интересы Германии, и вовсе отменил визит Нейрата в Великобританию<sup>589</sup>. Британские официальные лица несколько раз пытались узнать точную дату визита Нейрата в Лондон, но всякий раз получали отказ. Наконец в сентябре 1937 года министр иностранных дел рейха сообщил британскому послу Гендерсону, что в данный момент его занимает исключительно предстоящий визит дуче в Германию, а после он собирается отдохнуть на своей горной вилле. В отношении же итало-германских отношений Нейрат заявил, что во время визита Муссолини не может быть никаких переговоров «даже с друзьями “оси Берлин–Рим”»<sup>590</sup>. Приоритеты были расставлены более чем ясно.

Действительно, в тот момент Гитлера интересовали вопросы Центральной Европы, в частности Австрия. Здесь ему необходимо было заручиться итальянской поддержкой. Муссолини же, не на шутку встревоженный возможным англо-германским сближением, решил предотвратить подобное развитие событий путем создания иллюзии у Лондона в своем желании улучшить отношения между Италией и Англией. Надо заметить, что подобный курс, с воодушевлением воспринятый новым британским премьером Чемберленом, в итоге привел к заключению нового англо-итальянского соглашения в 1938 году.

Пока же главный центр международной жизни перемещался в Центральную Европу. 1 сентября в докладе Нейрату германский посол в Австрии Папен писал, что из беседы с Шушнигом он сделал вывод: нет смысла ожидать изменения его политической линии. Предложение о таможенной унии, о совместной политике в военных делах Шушниг отклоняет. Поэтому, писал Папен, «возникает вопрос, который я уже поставил перед фюрером: если мы пришли к убеждению, что линия, принятая 11 июля, не может быть осуществлена с бундесканцлером Шушнигом, то не следует ли поставить себе задачу путем взаимодействия внешних и внутренних факторов сменить канцлера?» Одновременно предпринимались новые шаги для выяснения позиции Италии. В министерстве иностранных дел Германии планировали, что на предстоящей встрече Гитлера и Муссолини следует добиться соглашения Италии на военное и экономическое сближение Германии с Австрией, но сохранить фасад независимости для Австрии, учитывая неоднократные заявления Муссолини по этому вопросу.

Встреча Гитлера и Муссолини состоялась 25–29 сентября 1937 года. 25 сентября специальный поезд Муссолини встречали на небольшой пограничной станции германским почетным эскортом. При въезде дуче в Мюнхен фюрер устроил итальянскому диктатору грандиозный прием. Всю дорогу от вокзала до города Муссолини ехал между двумя рядами бюстов римских императоров. Прибыв в Мюнхен, Муссолини приветствовал толпу, собравшуюся на центральной площади, над которой доминировала вывешенная на высокой колонне гигантская буква М, его монограмма, обрамленная колоссальной короной.

Переговоры двух диктаторов, проходившие в пятикомнатных апартаментах Гитлера, были первыми за пять лет после их последней встречи в Венеции. Беседа началась с забавной церемонии: Муссолини назначил Гитлера почетным капралом фашистской милицейской гвардии. Сам разговор длился всего лишь чуть больше часа и касался скорее общих, чем отдельных тем. Как свидетельствует переводчик Шмидт, Гитлер рассуждал пространно и неопределенно, тогда как Муссолини говорил коротко и ясно, однако не выдавая ничего секретного. Из этой беседы вытекало, что обе страны были вполне единодушны в дружеском отношении к Японии, наиболее возможной опоре Франко и в презрении к западным демократическим государствам Великобритании и Франции. Фактически это была единственная политическая беседа Гитлера и Муссолини в течение всего визита<sup>591</sup>.

После посещения Мюнхена дуче отправился в турне по Третьему рейху\*. Муссолини путешествовал по Германии в специальном поезде. Гитлер всегда провожал его на вокзале, потом отъезжал вслед на своем личном поезде, обгоняя дуче по пути, чтобы снова встретить гостя в месте назначения.

Несомненно, самой великолепной церемонией визита Муссолини в Германию был его триумфальный въезд в Берлин. «Поезд Гитлера неожиданно расположился вдоль поезда Муссолини на параллельном пути станции Шпандау-Вест и находился на одном уровне с нашим — шедевр вождения поездов, — вспоминал очевидец. — Каждый из тяжелых поездов тащили два локомотива, и позднее я узнал, что машинисты несколько дней отработывали этот маневр. Так, в течение четверти часа поезда шли бок о бок, и мы могли с удобством вести беседу с теми, кто находился в другом поезде. Прямо перед станцией Хеерштрассе немецкий поезд начал почти неощутимо набирать скорость и достиг вокзальной платформы на несколько секунд раньше нашего итальянского поезда. Железнодорожники так тщательно все рассчитали, что Гитлер успел пройти несколько шагов вдоль платформы и протянуть руку Муссолини в тот момент, когда остановился поезд последнего».

28 сентября, в семь часов вечера, в Берлине состоялся огромный митинг\*\*. Гитлер чествовал своего гостя — «одного из величайших людей всех веков, одного из тех редких гениев, которых создает не история, а которые сами творят историю». Фюрер превозносил содружество двух империй, которые, как заявил германский диктатор, «начислывают сто пятнадцать миллионов человек, решивших бок о бок сражаться против разрушительной заразы демократического интернационала и оказать сопротивление любым попыткам внести раскол...».

Со своей стороны, Муссолини на совершенно непонятном из-за сильного итальянского акцента немецком языке торжественно заявил: «“Ось Берлин–Рим” сформировалась в 1935 году и в течение двух последних лет великолепно работала для еще более тесного сотрудничест-

---

\* Во время германского турне Муссолини произошел один очень интересный эпизод. В ходе своего визита дуче посетил военные маневры вермахта в Мекленбурге и Померании. Они проходили под лозунгом «Фронт на Восток!» Однако итальянский диктатор был не единственным иностранным гостем: на маневрах присутствовал и начальник британского Генерального штаба фельдмаршал Кирилл Джон Деверелл. Таким образом, создалась интересная ситуация: в сентябре 1937 года на одном из немецких полигонов стояли рядом Гитлер, Муссолини и глава Генерального штаба Его Величества.

\*\* Берлин в те дни напоминал оперную сцену: монументальные колонны, украшенные ликторскими пучками и огромными орлами с распростертыми крыльями, итальянские и германские фашистские знамена, тяжело ниспадавшие с крыш. Яркий свет прожекторов придавал спектаклю театральный вид. 60 тысяч эсэсовцев плотной стеной отделяли Муссолини от толпы. Раздаются возгласы «Хайль дуче!», слышны фанфары оркестра, исполнявшего марш из «Аиды».

ва наших двух народов и для мира в Европе... Мой визит не следует расценивать по тем же стандартам, по которым судят об обычных дипломатических или политических визитах. Я не собираюсь отправиться завтра куда-то еще... Самые великие и подлинно демократические государства, которые сегодня известны миру, это Германия и Италия... Мы боремся, — заключил дуче, — чтобы не допустить упадка Европы, спасти культуру, которая может еще возродиться при условии, если она отвергнет фальшивых и лживых богов в Женеве и Москве...».

Митинг завершился неожиданным образом и, как показали последующие события, весьма символично. Еще до его открытия небо стали затягивать тучи. Слова диктаторов, кричавших в микрофон, то и дело заглушались раскатами грома. Свою речь Муссолини заканчивал под ослепительные вспышки молний и проливным дождем. В завершение дуче произнес фатальную фразу, решившую судьбу и Италии, и его собственную. «Когда фашист обретает друга, — прокричал Муссолини в хрипящий микрофон под шум дождя, — он идет с ним вместе до конца»<sup>592</sup>.

Визит Муссолини сыграл очень важную роль в итало-германском сближении\*. Как мы видели, фюрер устроил итальянскому лидеру королевский прием с многотысячными митингами и фейерверками, а также наградил дуче высшим немецким орденом и золотым партийным значком, который до этого носил он один. Вернувшись в Рим, Муссолини произнес несколько речей с похвальными словами в адрес Гитлера и нацистской Германии. А уже 30 сентября Нейрат сообщил германским послам, что в ходе бесед было признано, что интересы Италии в Испании будут иметь «достойное преимущество», а «особые пожелания» Германии в отношении Австрии не будут умаляться Италией. Гитлер также получил согласие Муссолини на вмешательство Германии в австрийские дела, «если австрийский вопрос будет использован другой стороной».

Менее чем через месяц, 20 сентября 1937 года, в Риме состоялись переговоры между Чиано, Хасселем и японским послом в Италии Маасаки Хота, в ходе которых были выработаны предварительные условия присоединения Италии к Антикоминтерновскому пакту<sup>593</sup>. Вскоре в Рим из Англии по поручению Гитлера прибыл Риббентроп. Он заявил Муссолини, что его миссия в Лондоне не имела успеха: германские и британские внешнеполитические цели — несовместимы. Далее Риббентроп предложил дуче присоединиться к Антикоминтерновскому пакту. Надо заметить, что еще недавно Муссолини отказался от участия в этом пакте. Однако теперь он с энтузиазмом воспринял предложение посланника фюрера<sup>594</sup>.

6 ноября 1937 года Италия официально присоединилась к Антикоминтерновскому пакту Германии и Японии, а спустя месяц, 11 декабря,

---

\* Вечером 28 сентября после митинга на Олимпийском стадионе французский посол в Берлине пророчески изрек: «Итак, кажется, сами силы природы возвещают людям о несчастьях, которые вскоре обрушатся на их головы благодаря союзу двух диктаторов».



вышла из Лиги Наций и заключила соглашение с Германией об экономическом сотрудничестве в «ненормальное время», то есть во время войны<sup>595</sup>. Внешнеполитический курс Муссолини был более чем ясен. Вскоре Гитлером был снят со своей должности посла в Италии фон Хассель, которого Чиано назвал «врагом “оси Берлин — Рим” и фашизма»<sup>596</sup>. Линия Берлина на укрепление союзнических отношений более не вызвала сомнения. Однако между Италией и Германией еще оставались нерешенные вопросы, а именно позиция Рима в отношении аншлюса.

Тем временем 5 ноября 1937 года в имперской канцелярии состоялось совещание с участием Гитлера, военного министра Бломберга, главнокомандующего армией генерал-полковника Фрича, главнокомандующего военно-морским флотом генерал-адмирала Редера, главнокомандующего военно-воздушным флотом генерал-полковника Геринга, министра иностранных дел Нейрата, адъютанта Гитлера полковника Ф. Хосбаха. На так называемом совещании Хосбаха Гитлер подробно изложил линию своей политики на ближайшие годы. Происходившие во время этого совещания события оказались настолько важными для судьбы Версальской Европы, что, пожалуй, следует внимательно изучить протокольную запись полковника Хосбаха.

«Встреча началась в 16.15 и закончилась в 20.30. Говорил в основном Гитлер. То, что он скажет, начал он, является плодом “долгих размышлений и пребывания в течение четырех с половиной лет у власти”. Он объяснил: это настолько важно, что в случае его смерти все сказанное им следует считать его последней волей и завещанием.

“Целью германской политики, — заявил Гитлер, — является обеспечение безопасности и сохранения народа и обеспечение его численного роста. Таким образом, речь идет о проблеме пространства. Свыше 85 миллионов человек насчитывает германский народ, который по количеству людей и по компактности территории, занятой им в Европе, представляет собой такое монолитное расовое ядро, какого нет ни в одной другой стране; он имеет большее право, нежели другие народы, на более обширное жизненное пространство. Если в расширении пространства не удалось добиться политического результата, подобающего германской расе, то это является следствием многовекового исторического развития. Дальнейшее пребывание в таком политическом состоянии представляет собой величайшую опасность для сохранения германской нации на ее сегодняшнем уровне. Остановить сокращение немецкого населения в Австрии и Чехословакии так же невозможно, как и сохранить его на нынешнем уровне в самой Германии. Вместо роста начнется стерилизация, в результате которой через несколько лет неизбежно возникнут трудности социального характера. Политические и философские идеи имеют силу лишь до тех пор, пока они составляют основу для осуществления реальных жизненных потребностей народа. Будущее германского народа зависит поэтому исключительно от решения проблемы пространства. Такое решение можно, естественно, искать лишь в течение ближайшего времени, охватывающего продолжительность жизни примерно трех поколений.

Немецкий народ со своим мощным расовым ядром находит для этого благоприятнейшие предпосылки в центре Европейского континента. А что всякое расширение пространства может происходить только путем преодоления сопротивления и причем с риском, это доказано историей всех времен, в том числе Римской империей, Британской империей. Неизбежны также и неудачи. Ни раньше, ни сейчас не было и нет территории без хозяина; наступающий всегда наталкивается на владельца.

Для Германии вопрос стоит так: где можно добиться максимального выигрыша путем минимальных усилий?

Германская политика должна иметь в виду двух заклятых врагов — Англию и Францию, для которых мощный германский колосс в самом центре Европы является бельмом на глазу, причем оба государства заняли отрицательную позицию в вопросе дальнейшего усиления Германии как в Европе, так и в других частях света и могут опереться в этой своей отрицательной позиции на поддержку всех политических партий. В создании германских военных баз в других частях света обе эти страны видят угрозу их морским коммуникациям, обеспечение германской торговли и, как следствие этого, укрепление германских позиций в Европе. Англия не может ничего уступить нам из своих колониальных владений вследствие сопротивления доминионов. После того как переход Абиссинии во владение Италии нанес ущерб престижу Англии, невозможно рассчитывать на возвращение Восточной Африки. Положительная позиция Англии в лучшем случае может выразиться в том, что она даст нам понять, чтобы мы удовлетворили наши колониальные интересы путем захвата таких колоний, которые в настоящее время не находятся во владении Англии, — таких, например, как Ангола. В том же смысле может выразиться и положительная позиция Франции. Серьезный разговор о возвращении нам колоний может состояться лишь в такой момент, когда Англия будет находиться в бедственном положении, а германская империя будет сильной и вооруженной. Фюрер не разделяет мнения, что (Британская) империя несокрушима. Сопротивление Британской империи оказывают скорее не завоеванные страны, а конкуренты. Невозможно сравнить в смысле прочности Британскую империю с Римской. Последней не противостоял со времени Пунических войн сколько-нибудь серьезный политический противник. Лишь в результате ослабляющего воздействия христианства и явлений старения, появляющихся в каждом государстве, Древний Рим не смог устоять перед натиском германцев.

А рядом с Британской империей уже сегодня существует несколько государств, превосходящих ее по мощи. Английская метрополия в состоянии защищать свои колониальные владения только в союзе с другими государствами, но никак не своими силами. Как может, например, Англия защитить одна, скажем, Канаду, если на нее нападет Америка, или же свои владения в Восточной Азии, если на них посягнет Япония! Выпячивание английской короны как носителя сплоченности империи уже является признанием того, что империю невозможно сохранить в

течение длительного времени. На это указывают следующие значительные факты.

а. Стремление Ирландии к самостоятельности.

б. Конституционная борьба в Индии, где Англия в результате проведения полумер дала индусам возможность использовать с течением времени невыполнение ею своих обещаний конституционных прав как средство борьбы против ее владычества.

в. Ослабление английских позиций в Восточной Азии в результате действий Японии.

г. Противоречия в районе Средиземного моря с Италией, которая — призванная своей историей, подталкиваемая необходимостью и руководимая гением — укрепляет свои позиции и в связи с этим все больше и больше вынуждена выступать против английских интересов. Исход абиссинской войны — это удар по престижу Англии; этот удар Италия стремится усилить с помощью подстрекательства магометанских стран. В итоге следует констатировать, что, несмотря на всю идейную прочность, политически невозможно в течение значительного времени сохранить империю силами 45 миллионов англичан. Соотношение численности населения империи и метрополии — 9:1 — является для нас предостережением, указывающим, чтобы мы при расширении пространства не сужали нашу базу — численность нашего народа.

Положение Франции более благоприятно, чем положение Англии. Французская империя территориально расположена лучше, жители ее колониальных владений используются для несения военной службы. Но Франция переживает внутривнутриполитические трудности. В жизни народов парламентская форма правления занимает примерно 10 процентов, а авторитарная — около 90 процентов. Во всяком случае, в наших политических расчетах следует учитывать следующие факторы силы: Англия, Франция, Россия и соседние более мелкие государства”.

Следовательно: “Для решения германского вопроса может быть только один путь — путь насилия, а он всегда связан с риском. Борьба Фридриха Великого за Силезию и войны Бисмарка против Австрии и Франции были связаны с величайшим риском, а быстрота, с какой действовала Пруссия в 1870 г., не позволила Австрии вступить в войну. Если при дальнейшем рассуждении исходить из решения применять силу, связанную с риском, то тогда остается еще дать ответ на вопросы: “когда?” и “как?”. При этом необходимо решить три варианта:

Первый вариант:

Время осуществления — с 1943 по 1945 г.

После этого периода можно ожидать лишь изменения обстановки не в нашу пользу.

Вооружение армии, военно-морского флота и военно-воздушных сил, а также формирование офицерского корпуса в общих чертах закончено. Материально-техническое оснащение и вооружение являются современными, и если продолжать ждать, то имеется опасность, что они устареют. В первую очередь невозможно все время сохранять в секрете “специальные виды оружия”. Пополнение резервов ограни-

вается лишь очередными призывами рекрутов. Дополнительных возможностей пополнения путем призыва старших возрастов, не прошедших боевой подготовки, больше не будет.

Если учесть вооружение, которое к тому времени произведут другие страны, мы станем относительно слабее. Если мы не выступим до 1943–1945 гг., то вследствие отсутствия запасов каждый год может наступить продовольственный кризис, для преодоления которого нет достаточных валютных средств. В этом следует усматривать “слабую сторону режима”. К тому же мир ожидает нашего удара и из года в год предпринимает все более решительные контрмеры. Поскольку мир отгородился, мы вынуждены наступать. Какова будет в действительности обстановка в 1943–1945 гг., сегодня никто не знает. Определенно лишь одно, а именно: что мы не можем дольше ждать.

Таким образом, с одной стороны, имеются мощные вооруженные силы, которые необходимо поддержать на должном уровне, и происходит процесс старения движения (национал-социалистического. — *А.Н.*) и его вождей. С другой стороны, у нас в перспективе снижение жизненного уровня и ограничение рождаемости. Все это не оставляет иного выбора, кроме как действовать. Если фюрер будет еще жив, то не позже 1943–1945 гг. он намерен обязательно решить проблему пространства для Германии. Необходимость действовать раньше 1943–1945 гг. может появиться при втором и третьем вариантах.

Второй вариант:

Если социальные противоречия во Франции приведут к такому внутривластительному кризису, который охватит и французскую армию и ее нельзя будет использовать для войны против Германии, то это будет означать, что наступил момент для выступления против Чехии.

Третий вариант:

Если Франция окажется настолько скованной в результате войны с каким-либо другим государством, что она не сможет “выступить” против Германии.

В целях улучшения нашего военно-политического положения в любом случае военных осложнений нашей первой задачей должен быть разгром Чехии и одновременно Австрии, чтобы снять угрозу с фланга при возможном наступлении на запад. В случае конфликта с Францией, пожалуй, нельзя будет ожидать, что Чехия объявит нам войну в один и тот же день, что и Франция. По мере нашего ослабления, однако, в Чехии будет возрастать желание принять участие в войне, причем ее вмешательство может выразиться в наступлении на Силезию, на север или на запад.

Если же Чехия будет разгромлена и будет установлена граница Германии с Венгрией, то в случае нашего конфликта с Францией можно будет скорее ожидать, что Польша займет нейтральную позицию. Наши соглашения с Польшей сохраняют силу до тех пор, пока мощь Германии несокрушима. Если Германию постигнут неудачи, то надо ожидать, что Польша выступит против Восточной Пруссии, а, возможно, также против Померании и Силезии”.

Таковы были варианты уничтожения Версальской системы, разработанные Адольфом Гитлером. Но как же поступят Франция, Англия, Италия и Россия в случае глобальной катастрофы? На этот вопрос Гитлер ответил довольно обстоятельно. Фюрер считал, “что Англия, а также предположительно и Франция втихомолку уже списали со счетов Чехию и согласились с тем, что когда-нибудь этот вопрос будет решен Германией. Трудности, переживаемые империей, а также перспектива вновь быть втянутой в длительную европейскую войну являются решающими для неучастия Англии в войне против Германии. Английская позиция наверняка не останется без влияния на позицию Франции. Выступление Франции без поддержки Англии с перспективой, что наступление захлебнется перед нашими западными укреплениями, является маловероятным. Без участия Англии нельзя ожидать также, чтобы Франция прошла через Бельгию и Голландию, от чего и мы должны отказаться в случае конфликта с Францией, так как это неизбежно будет иметь следствием враждебное отношение Англии. Естественно, во всяком случае при осуществлении нами нападения на Чехию и Австрию, обеспечить прикрытие на Западе”.

После этого Гитлер перечислил преимущества, связанные с аннексией Чехословакии и Австрии: лучшее стратегическое положение Германии, высвобождение войск “для других целей”, дополнительное продовольствие для шести миллионов немцев рейха и людские резервы (приблизительно 12 миллионов немцев), из которых можно формировать двенадцать армейских дивизий.

Он забыл упомянуть о том, как могут повести себя в данном случае Италия и Россия, и вернулся к этому вопросу. Фюрер подверг сомнению возможность вмешательства Советского Союза, “учитывая позицию Японии”. Италия не будет возражать “против уничтожения чехов”, но было неясно, как она отнесется к захвату Австрии. Это зависело главным образом от того, “будет ли к тому моменту еще жив дуче”.

“Если события будут развиваться по второму варианту — парализация Франции в результате гражданской войны, то вследствие выхода из строя опаснейшего противника необходимо использовать обстановку для нанесения удара против Чехии в любое время”.

Третий вариант предусматривал, что Франция будет находиться в состоянии войны с Италией, — на этот конфликт Гитлер также очень рассчитывал. Именно поэтому, объяснял он, его политика и направлена на затягивание гражданской войны в Испании, которая ссорила Италию с Англией и Францией.

“Поскольку наши интересы направлены на продолжение войны (в Испании. — *А.Н.*), задача нашей политики в ближайшее время будет состоять в том, чтобы обеспечить тыл Италии для дальнейшего пребывания на Балеарских островах. Но ни Франция, ни Англия не могут согласиться с тем, что итальянцы закрепятся на Балеарских островах. Это может привести к войне Франции и Англии против Италии, причем Испания — если она будет целиком находиться в руках белых (Франко) — может выступить на стороне противников Италии. В такой

войне поражение Италии является маловероятным. Для пополнения ее сырьевых ресурсов открыт путь через Германию... Поскольку высадка франко-английских войск на побережье Италии, очевидно, отпадает, а наступление французов через Альпы в Верхнюю Италию является затруднительным и может захлебнуться перед сильными итальянскими укреплениями, основные действия будут происходить в Северной Африке. В результате угрозы, которая возникнет для французских транспортных коммуникаций со стороны итальянского флота, в значительной степени окажется парализованной транспортировка войск из Северной Африки во Францию, так что на границах против Италии и Германии она будет располагать только войсками, находящимися в собственно Франции.

Если Германия воспользуется этой войной для решения чешского и австрийского вопросов, то с большой вероятностью можно предположить, что Англия, находясь в состоянии войны против Италии, также не решится выступить против Германии. А без поддержки Англии нельзя ожидать, чтобы Франция начала войну против Германии.

Момент для нашего нападения на Чехию и Австрию должен быть поставлен в зависимость от хода итало-англо-французской войны и не должен, скажем, совпадать с началом военных действий этих трех государств. Фюрер не думает также заключать военных соглашений с Италией, а намерен, используя эту благоприятную возможность, которая может представиться лишь один раз, самостоятельно начать и провести кампанию против Чехии, причем нападение на Чехию должно быть осуществлено «молниеносно»<sup>597</sup>.

5 ноября 1937 года, в половине девятого, когда на Берлин опустился вечер, встреча закончилась. Жребий был брошен. Гитлер объявил о своем окончательном решении встать на путь войны. «Десять лет, начиная с появления “Майн кампф”, диктатор твердил, что “жизненное пространство” Германия обретет на Востоке, — пишет Ширер, — и нужно быть готовым отобрать его силой; но тогда, десять лет назад, он был мало кому известным агитатором, а книга его, по свидетельству фельдмаршала фон Бломберга, считалась среди солдат, да и не только среди солдат, “обыкновенной пропагандой” и “продавалась чуть ли не насильно”. Но теперь шефам вермахта и министру иностранных дел был представлен план с конкретными сроками агрессии против двух соседних государств, что должно было привести к войне в Европе. Им предстояло закончить подготовку к 1938 году, самое позднее — к 1943–1945 годам»<sup>598</sup>.

Интересна реакция слушателей. По свидетельству Хосбаха, они были потрясены. Нацистские генералы в целом поддержали цели Гитлера. Зато нарисованная им перспектива вовлечения Германии в войну, да еще на два фронта, вызвала тревогу. В осторожных выражениях генералы Бломберг и Фрич попытались объяснить фюреру, что армия еще не готова выдержать столкновение с западными державами. Она не может пойти на этот риск, даже если Англия и Франция окажутся в состоянии войны с Италией. Кроме того, чехословацкие укрепления

«крайне затруднят» наступление. Опасение высказал и министр иностранных дел Нейрат. Итало-англо-французский конфликт, заметил он, еще нельзя считать делом близкого будущего. Тем не менее фюрер остался непоколебим\*.

На следующий день после совещания с генералами, 6 ноября 1937 года, во время подписания договора о присоединении Италии к Антикоминтерновскому пакту, Риббентроп в беседе с Муссолини поднял вопрос об аншлюсе. Дуче в целом согласился с утверждением Риббентропа, что проблема статуса Австрии является делом «второстепенной важности» и «определенно» должна быть решена. Австрия, — сказал Муссолини, — является германской в плане расы, языка и культуры. Австрийский вопрос более не является проблемой Германии и Италии, теперь это «международная проблема». Муссолини «устал быть часовым независимости Австрии, и особенно в свете того, что австрийцы более не хотят быть независимыми». Австрия, — продолжал дуче, — это «Германия номер два». Она ничего не может сделать без Германии и еще меньше — против германских интересов. Муссолини заявил, что он больше не интересуется австрийскими делами, приоритеты его внешней политики находятся в Средиземноморье и итальянских колониях. Дуче высказал идею, что было бы лучше, «если дела пойдут своим естественным образом». Если в Австрии будет кризис, Италия ничего не предпримет<sup>599</sup>. Интересно заметить, что ни Гитлер, ни Муссолини не планировали, что аншлюс Австрии произойдет в самом ближайшем будущем.

10–12 января 1938 года на конференции трех держав — Италии, Австрии и Венгрии — в Будапеште итальянский министр иностранных дел Чиано отклонил предложение австрийской делегации о включении в документы конференции фразы об австрийской независимости. Чиано заявил, что независимости Австрии никто не угрожает; кроме того, он хотел бы избежать всего того, что может произвести неблагоприятное впечатление в Берлине. Оказавшийся в опале из-за своей антигерманской ориентации Фулвио Сувич, отправляя корреспонденцию в Рим из Вашингтона (куда он был отправлен послом), не мог не удержаться от комментариев, что итало-германское сближение, вне всякого сомнения, облегчает постепенное поглощение Австрии гитлеровским рейхом<sup>600</sup>.

Тем временем 4 февраля Гитлер произвел перестановку ключевых постов в руководстве армии и МИД. Фюрер не забыл, кто и как возражал ему во время ноябрьского совещания, и решил порвать с традици-

---

\* 9 ноября 1937 года, то есть через четыре дня после совещания, генерал фон Фрич добился встречи с Гитлером. Записи их беседы не сохранилось, но можно предположить, что главнокомандующий сухопутными войсками повторил свои доводы, направленные против планов Гитлера, и — ничего не добился. Гитлер не намеревался терпеть оппозицию со стороны своих генералов и министра иностранных дел. Он отказался принять Нейрата и отправился на длительный отдых в свою резиденцию в горах Берхтесгаден.

онной политической и военной элитой. Своих постов лишились В. фон Бломберг, В. фон Фрич, К. фон Нейрат, а также Я. Шахт\*.

5 февраля нацистский официоз — газета «Фелькишер беобахтер» вышла с кричащими заголовками: «Концентрация всей полноты власти в руках фюрера!» На этот раз, по словам очевидца, ведущая ежедневная нацистская газета не преувеличивала<sup>601</sup>.

4 февраля 1938 года является своего рода поворотным пунктом в истории Третьего рейха, заметной вехой на пути к войне. Можно сказать, что в этот день завершилась «нацистская революция». Гитлер устранил последних противников на том пути, по которому давно хотел повести Германию, как только она будет достаточно хорошо вооружена.

12 февраля в Берхтесгадене Шушнигу было навязано ультимативное соглашение. Официальная итальянская печать опубликовала сооб-

---

\* Действительно, рискованные внешнеполитические планы Гитлера встретили скептическую реакцию военного министра Бломберга, командующего сухопутными силами Фрича и министра иностранных дел Нейрата. Гитлер решил не дожидаться вызревания оппозиции. Бломберг сам поставил себя в трудное положение. Он женился, и вскоре выяснилось, что его избранница — бывшая проститутка. Это вызвало шок в военной среде, отличавшейся строгими взглядами. 25 января 1938 года Гитлер отправил главнокомандующего в отставку при одобрении генералитета. Но теперь что-то нужно было делать с Фричем, который имел безупречную репутацию. Выдвинуть против Фрича политические обвинения было опасно: его могло поддержать офицерство, которое все еще слабо контролировалось НСДАП. Опыт с Бломбергом подсказал нацистским вождям решение. Против Фрича было сфабриковано дело по обвинению в гомосексуализме. Был найден лжесвидетель, который действительно шантажировал офицера-гомосексуалиста, напоминавшего генерала даже фамилией. Несмотря на то, что дело держалось в секрете, посвященные в скандал генералы были шокированы. Офицеры, преданные Фричу, сумели найти человека, которого действительно шантажировал лжесвидетель. И тот, и другой были арестованы военными. Это параллельное расследование несло Гитлеру угрозу — армия могла действовать как самостоятельная организация. Однако суд, оправдавший уже снятого с должности Фрича, состоялся через несколько месяцев, когда обстановка в мире и в самой Германии серьезно изменилась. Командование армией было реорганизовано. Военное министерство ликвидировалось, руководство вооруженными силами возлагалось на Верховное командование вермахта (ОКВ) во главе с самим фюрером. В ходе реорганизации 18 генералов были уволены, а 44 понижены в должности. 4 февраля Гитлер заменил не только военных, которые без энтузиазма восприняли планы войны, но и министра иностранных дел старой школы Нейрата. Этот пост занял исполнительный Риббентроп. Встретив как-то в театре журналиста Вальтера Функа, Гитлер отвел его в сторону и попросил взять на себя пост Ялмара Шахта — министра экономики — и следовать указаниям уполномоченного за выполнение четырехлетнего плана Геринга. Министерство финансов, Министерство иностранных дел и, главное, армия к весне 1938 года были подчинены германскому диктатору — отныне в руках Гитлера была сосредоточена вся полнота власти.



шение, в котором было сказано, что «ответственные круги в Италии считают, что встреча в Берхтесгадене и решения, принятые федеральным канцлером Шушнигом, являются естественным развитием отношений, установленных соглашением от 11 июля 1936 года на базе искреннего взаимного сотрудничества между двумя державами»<sup>602</sup>.

20 февраля Гитлер выступал с речью в рейхстаге. Аттолико сообщал в Рим, что выступление фюрера носило антибританский характер. После нескольких лет «колебания, потраченного времени и бесплодных контактов» Гитлеру стало ясно, что правительство Великобритании фатально не может понять нужд Германии. Наоборот, отношения Берлина с Италией Муссолини процветают. Фюрер подчеркнул, что взаимопонимание с Италией является чрезвычайно полезным и важным, особенно в свете трехстороннего соглашения (Антикоминтерновского пакта Германии, Японии и Италии. — *А.Н.*) и совместных военных обязательств в Испании. Аттолико также выделил заявление Гитлера в отношении Австрии, о которой он говорил уже как о фактически части рейха. Новая внешняя политика, проводимая Риббентропом и Гитлером, заключил Аттолико, цементирует доминирующие позиции Германии в сердце Европы<sup>603</sup>. Советник итальянского посольства в Берлине М. Маджистрати, однако, предупреждал Муссолини и Чиано, что Гитлер скорее говорил об идеологической близости «оси Берлин — Рим», нежели о практическом политическом сотрудничестве. Дипломат высказывал опасения, что Берлин будет делать то, что ему выгодно, без предварительных консультаций с Италией<sup>604</sup>.

Действительно, в Риме были крайне озабочены ситуацией вокруг Австрии. Это видно, например, из дневника Чиано. Министр иностранных дел с неудовлетворением отмечал, что произошла «тихая нацификация Австрии, и теперь аншлюс неизбежен. Единственное, что можно сделать, это задержать ход событий как можно дольше». Чиано даже предлагал югославскому представителю Кристичу обдумать вопрос об альянсе между Италией и Югославией. Горизонтальная ось, по словам Чиано, может позволить создать и вертикальную<sup>605</sup>.

В то время как официально дуче выражал нейтралитет в отношении австрийских событий, в приватном кругу Муссолини был раздражен. «Он был зол на то, какими методами Германия решает австрийский вопрос. Они (немцы. — *А.Н.*) должны были вначале оповестить нас, а потом действовать»<sup>606</sup>. 23 февраля Чиано писал: «А что, собственно, мы могли сделать? Начать войну с Германией? После первого же выстрела вся Австрия без исключения окажется на стороне Германии». Далее он продолжал: «Страна, чья независимость держится на поддержке из-за рубежа, — обречена. Итальянская поддержка Австрии была на практике невозможна, ведь как только итальянский солдат ступит на австрийскую землю, результатом будет “священный союз” (union sacrée) против нас»<sup>607</sup>.

4 марта в беседе с итальянским военным атташе Джузеппе Теуччи, Гитлер напомнил тот факт, что три года назад нацистское правительство поддержало Муссолини, когда Италия оказалась в международной

изоляции из-за войны в Эфиопии. Фюрер отметил, что британцы проявили свою «незаинтересованность» в австрийском вопросе в надежде ослабить связь между державами «оси». Гитлер отверг подобные попытки. «Правда заключается в том, — сказал фюрер, — что мы должны быть едины с тем, чтобы нас не поглотили по очереди». Гитлер надеялся, что Муссолини не забудет этого. Первый заместитель Геринга Эрхард Мильх был еще более откровенен: «Австрия является исключительно германским делом; если Британия или любая другая держава планирует встать на пути действий Германии — это будет означать войну. Таковы слова фюрера»<sup>608</sup>.

Стоит ли говорить, что война с Германией являлась последним из того, чего хотел дуче. Муссолини требовалась поддержка Берлина в продолжавшейся гражданской войне в Испании, а фашистская военная машина теперь работала на будущую войну в Средиземноморье. Итальянское военное планирование, сконцентрированное на защите Австрии в 1933–1935 годах, теперь было сфокусировано на империалистических войнах Муссолини, где противниками могли быть только Англия и Франция. (Тем не менее надо заметить, что сразу после аншлюса по приказу Муссолини был подготовлен план обороны Альто Адидже — населенный преимущественно немцами район Триеста — и некоторых других регионов северной Италии на случай возможного германского нападения<sup>609</sup>.)

В начале марта в Рим прибыл польский министр иностранных дел Бек и имел беседу с Муссолини. На вопрос дуче, сколько времени может продолжаться австрийский кризис, Бек ответил: «Может, год, а может, и 48 часов». Выражение лица Муссолини мгновенно изменилось. Он сложил голову на руки и после короткого молчания с беспокойством спросил: «Вы думаете, все произойдет так быстро?» Однако тут же с твердой интонацией в голосе добавил, что Франция и Англия «ошибаются, если думают, что Муссолини будет таскать для них каштаны из огня». Дуче заметил, что «соседство Германии, безусловно, неудобно для любой нации, но теперь это практически неизбежно, и я не буду подставлять под удар интересы итальянской нации». Таким образом, в отношении австрийского вопроса Муссолини действовал по логике, суть которой он сам же однажды и изложил: «Когда какое-либо событие неизбежно, лучше, если оно произойдет с нами, чем несмотря на нас, или, еще хуже, против нас»<sup>610</sup>.

Надо заметить, что одновременно Муссолини вел переговоры с Великобританией. Английское правительство спешило заключить договор с Италией, так как было уверено в скорой победе Франко в гражданской войне в Испании. В конфиденциальном письме итальянскому послу в Лондоне Гранди в январе 1938 года Чемберлен писал: «Я хочу, чтобы сам дуче знал сегодня, что, в то время как моей ближайшей целью является заключение прочного и постоянного договора с дуче и фашистской Италией, моя конечная и не менее важная цель состоит в заключении постоянного и как можно более прочного договора с фюрером и национал-социалистической Германией. Я рассматриваю дого-

вор с Италией как необходимый шаг к последующему заключению договора со второй державой “оси Берлин — Рим”, а именно — с Германией»<sup>611</sup>. Английское правительство намеревалось подключить к соглашению и Францию. Можно сказать, что фоном англо-итальянских переговоров являлась идея создания «четырёхугольника Париж — Лондон — Рим — Берлин»<sup>612</sup>.

Когда Гранди предложил британскому премьеру начать переговоры об англо-итальянских отношениях, Чемберлен с охотой согласился. В противном случае, по его мнению, фашистские диктаторы могли сблизиться еще сильнее, и последняя надежда на сохранение австрийской независимости исчезла бы. Чемберлен, в отличие от своего министра иностранных дел, считал, что, если Англии и Италии удастся наладить более теплые взаимоотношения, позиция Муссолини в отношении австрийского вопроса изменится в сторону противодействия аншлюсу.

Уже 8 марта 1938 года англо-итальянские переговоры вступили в решающую стадию. Основной вопрос заключался в следующем: английское правительство добивается признания Лигой Наций захвата Италией Абиссинии, Муссолини, со своей стороны, дает Англии «конкретное доказательство» искренности своих обещаний об отводе итальянских войск из Испании, эвакуируя свои части с Балеарских островов<sup>613</sup>.

Тем временем 11 марта Австрии был предъявлен новый ультиматум, повлекший за собой аншлюс. 10 марта Муссолини и Чиано проинформировали Берлин, что выступали против проведения плебисцита и, более того, намерены полностью воздержаться от участия в австрийских событиях<sup>614</sup>. На обращение французского правительства с предложением о совместном демарше Англии, Франции и Италии против действий Берлина Чиано ответил отрицательно<sup>615</sup>. «После санкций, непризнания империи и других недружественных действий 1935 года неужели они ожидают восстановления фронта Стрезы сейчас, когда Ганнибал у ворот? — объяснял Чиано. — Благодаря своей политике Англия и Франция потеряли Австрию, а мы в то же время приобрели Абиссинию»<sup>616</sup>.

Германскому дипломатическому сотруднику он заметил: «Мы не участвуем ни в чем, что направлено против Германии». Более того, в этот день в Берлин поступила телеграмма из Рима, в которой было заявлено: «Если возникнут слухи, что Муссолини дал совет провести плебисцит, он хотел бы уведомить, что, хотя он ни в коей мере не вмешивается во внутренние дела Австрии, он категорически предлагал не проводить плебисцита».

Показательно, что в особом распоряжении германского ОКВ № 1 11 марта 1937 года говорилось: «Инструкция о действиях при встрече с чехословацкими и итальянскими регулярными войсками или милиционными частями».

1. В случае встречи с чехословацкими регулярными войсками или милиционными частями на территории Австрии рассматривать их как противника.

2. Итальянцев повсеместно приветствовать как друзей, тем более что Муссолини объявил о своем невмешательстве в решение австрийского вопроса»<sup>617</sup>.

По сообщениям американского посла в Берлине Х. Вильсона, итальянский высокопоставленный чиновник сказал дипломату буквально следующее: «Один раз мы уже послали войска на Бреннер, второй раз при существующих обстоятельствах будет означать войну»<sup>618</sup>. По словам другого американского посла — в Риме, итальянское правительство вплоть до 9 марта не было информировано о предстоящем плебисците<sup>619</sup>. Первая реакция в Риме на это известие была положительной. Однако вскоре итальянской прессе было предписано освещать австрийские события в прогерманском ключе, а с 12 марта итальянские информационные агентства должны были подчеркивать, что развитие австрийского кризиса никак не отразится на итало-германских отношениях<sup>620</sup>.

Вечером 12 марта Большой фашистский совет заявил, что итальянское правительство «не намерено вмешиваться в австрийские события в той или иной форме и препятствовать развитию национального движения, чей логический эпилог можно легко предугадать». Было также подчеркнуто, что, если бы итальянское правительство приняло предложение Парижа, это могло только усугубить международную ситуацию. Большой фашистский совет, таким образом, поддерживает линию правительства в отношении Австрии, так как она основывается на реалистическом представлении ситуации и отвечает национальным интересам Италии<sup>621</sup>.

13 марта во всех итальянских газетах было напечатано послание Гитлера Муссолини<sup>622</sup>. Дело в том, что Гитлер вместе со своим эмиссаром принцем Гессенским Филиппом отправил дуче письмо, в котором утверждал, что между Австрией и Чехословакией установились опасные для Германии взаимоотношения, что в Австрии угнетаются немцы, что все попытки установить дружеские соглашения с Австрией не увенчались успехом, соглашения 11 июля 1936 года и 12 февраля 1938 года правительством Шушнига грубо нарушаются, что в Австрии наступила анархия и т.д. Далее фюрер утверждал, что Австрия и Чехословакия вступили на путь заговора с целью реставрировать династию Габсбургов «и настроить против Германии по меньшей мере 20 миллионов человек». Он изложил суть своих требований, предъявленных Шушнигу, убеждая Муссолини, что они «более чем скромные», но Шушниг не выполнил их. Плебисцит, назначенный австрийским канцлером, фюрер назвал пародией.

«Сознавая свой долг как фюрер и канцлер Германии, — писал Гитлер, — а также являясь сыном этой земли, я не могу оставаться безучастным перед лицом развивающихся событий. Теперь я намерен восстановить закон и порядок на своей родине, дать людям возможность определить свою судьбу наверняка, открыто и четко... Как бы ни проводился этот плебисцит, я хочу заверить Ваше превосходительство как дуче фашистской Италии:

1. Этот шаг следует рассматривать как национальную самооборону. Такой шаг предпринял бы любой сильный человек, окажись он на моем месте. Вы, Ваше превосходительство, не смогли бы поступить по-другому, если бы на карту была поставлена судьба итальянцев...

2. В критический для Италии момент я доказал Вам искренность своих симпатий. Можете не сомневаться, что и в будущем мое отношение не изменится.

3. К каким бы последствиям ни привели надвигающиеся события, я провел четкую границу между Германией и Францией. Теперь я провожу такую же четкую границу между Италией и нами. Это Бреннер...

Ваш друг навечно

Адольф Гитлер».

Таким образом Гитлер особенно подчеркивал, что интересы Италии при аншлюсе затронуты не будут<sup>623</sup>. Первоначально Муссолини не поверил в реальность происходившего, посчитав заявление о вторжении германский войск в Австрию лишь блефом Гитлера. Лишь когда принц сообщил, что решение действительно принято и ничего, к сожалению, нельзя отменить, дуче заявил посланцу Гитлера: «Австрия мне безразлична». И Гитлер, узнав об этом, с восторгом прокричал в телефон: «Передайте Муссолини, что я этого никогда не забуду... Никогда, никогда, никогда, что бы ни случилось!.. Как только дело с Австрией будет закончено, я буду рядом с ним в любом деле, против всех... Послушайте! Я заключу с ним любой договор!»<sup>624</sup>. Такая бурная реакция Гитлера, скорее всего, говорит о том, что он до конца так и не был уверен в позиции своего союзника по «оси».

14 марта в «Джурнале д'Италия» известный публицист В. Гайда писал в отношении аншлюса, что «Италия всегда выступала против окружения и унижения Германии» и даже в 1934 году Рим не вмешивался в австро-германские отношения, а лишь «защищал итальянскую территорию от возможных последствий»<sup>625</sup>.

Выступая в итальянском парламенте, Муссолини подтвердил, что «ось Берлин–Рим» является фундаментальной основой итальянской внешней политики. Тем же, кто спрашивал, почему итальянское правительство не встало на защиту Австрии, дуче ответил, что Италия никогда не давала письменных или устных гарантий в отношении независимости Австрии. Первыми, кто должен был встать на защиту суверенитета Австрии, говорил Муссолини, должны были быть сами австрийцы. В 1936 году, после создания «оси», Муссолини советовал Шушнигу урегулировать свои отношения с Берлином. Австро-германское соглашение от 11 июля 1936 года было заключено с одобрения дуче. Во время встречи в Венеции в апреле 1937 года он ясно дал понять канцлеру, что австрийская независимость — дело прежде всего самих австрийцев. Встреча двух канцлеров 12 февраля 1938 года показала «мощное желание достичь компромиссного решения, которое лишь задержало, но не могло предотвратить финала австрийского вопроса».

Когда 7 марта Шушниг обратился к Муссолини за советом по поводу проведения плебисцита, дуче ответил, что это будет ошибкой, «это

бомба, которая взорвется у вас в руках». Последние события показали, что большинство в Австрии поддерживает аншлюс. Дуче добавил, что лучше согласиться, нежели противоборствовать неизбежности исторического развития. В отношении германской угрозы итальянским границам Муссолини заявил, что заверения Гитлера о нерушимости границы по Бреннеру были категоричны. «Для нас, фашистов, границы, все границы являются священными: мы их не обсуждаем, мы их защищаем».

Дуче отметил, что в глазах Германии австрийский кризис явился важнейшей проверкой «оси Берлин — Рим» на прочность. Расчеты «демократов, масонов и Третьего Интернационала» на то, что два тоталитарных режима сцепятся из-за Австрии, оказались ошибочными, подобные надежды Муссолини назвал «детскими». Он заключил, что теперь два фашистских государства могут идти в ногу, дабы дать беспокойному Европейскому континенту новое равновесие. Происходящее в данный момент в Европе Муссолини назвал «национальной революцией», которую итальянцы прекрасно понимают в связи с собственной недавней историей Рисорджименто<sup>626</sup>. Надо заметить, что Муссолини упустил из виду существенное различие между либеральным характером объединения Италии и тоталитарной сущностью нацизма и фашизма.

Американский посол в Риме У. Филлипс, комментируя речь Муссолини, писал в Вашингтон, что выступление дуче было рассчитано в первую очередь на реакцию общественного мнения, которое опасается, что теперь их страна будет играть подчиненную роль в итало-германском сотрудничестве<sup>627</sup>. Американские дипломаты в Вене также отмечали, что многие вопросы по поводу позиции Италии так и остались без ответа. Только два месяца назад, отмечалось в документе, Римские протоколы были подтверждены в Будапеште. Чиано информировал австрийских представителей, что Австрия может продолжать рассчитывать на итальянскую поддержку. Теперь не только интересы Италии, но и положение Венгрии оказалось под угрозой в связи с германской аннексией Австрии, которая сделала обе страны соседями Германии<sup>628</sup>.

Французский посол в Берлине Франсуа-Понсе так прокомментировал своему американскому коллеге итоги аншлюса для отношений между дуче и фюрером: «Муссолини теперь обречен играть подчиненную роль в итало-германском союзе... дуче переоценил собственные умственные способности»<sup>629</sup>.

Интересно заметить, что сразу после аншлюса Муссолини активизировал отношения с Югославией и Венгрией. По сообщениям американских дипломатов, Чиано по поручению дуче предлагал Будапешту рассмотреть вопрос о создании «горизонтальной оси», а также урегулировать свои отношения с Югославией и Румынией «как можно скорее». Глава итальянского Генерального штаба генерал Париани говорил о необходимости усиления итало-венгерского военного сотрудничества<sup>630</sup>.

После аншлюса исчезло последнее препятствие для образования монолитного блока фашистских держав. Муссолини еще с начала 1930-х годов говорил о будущей фашизации Европы. Нельзя не согласиться с мнением историка Й. Петерсена<sup>631</sup>, что, несмотря на все раз-

личия и натянутые отношения, совместный антилиберализм, антиплутократизм, антимарксизм и антибольшевизм явились широкой платформой для действий Рима и Берлина. Так, в 1936–1937 годах противоречие между демократическими и тоталитарными государствами выявилось в первую очередь на полях сражений гражданской войны в Испании. После 1933 года Муссолини многое и в разных формах выиграл в результате прихода Гитлера к власти в Германии. Используя военно-политическое возрождение Германии, дуче в 1935–1936 годах захватил Абиссинию. Угрожающая тень Гитлера в те годы как бы стояла за спиной итальянского диктатора.

Но вскоре тот же ветер стал дуть в лицо Муссолини. Гитлер также выиграл от внешнеполитических авантур итальянского фашизма. Первым примером явилась ремилитаризация Рейнской области. Завязнув в испанских событиях, Муссолини был вынужден уступить Гитлеру Центральную Европу, получив взамен карт-бланш в Средиземноморском регионе. Чем теснее становились отношения фюрера и дуче, тем больше сужались возможности внешнеполитических действий Муссолини. Однако политике тех лет не следует рассматривать только под углом зрения политики баланса сил. Современные авторитетные историки сходятся на мнении, что имперские амбиции фашистской Италии следует воспринимать гораздо серьезнее, чем это делалось раньше<sup>632</sup>. Будучи убежденным в упадке западных государств, диктатор верил в будущую роль фашистской Италии. Он предвидел «Год 2000» (название запланированной книги), когда уже только Советский Союз, Япония, Германия и Италия как мировые империи поделят мир на сферы своего господства. В результате походов на Францию и Англию Италия должна стать их наследницей в Средиземном море. Муссолини считал, что только он в состоянии руководить Италией во время этих «договоренностей с Историей». В своих секретных и открытых заявлениях он изображал Италию пленницей Средиземного моря. Нужно было сорвать засовы с дверей этой тюрьмы, подавить охранников у врат Гибралтара и Суэца. Только тогда станет возможным продвижение к мировым морям. Для такой глобальной политики Италии необходимо континентальное прикрытие тыла. Поэтому «ось Рим — Берлин» соответствовала, по мнению дуче, основной исторической необходимости<sup>633</sup>.

Однако сохранение баланса сил в Средиземноморском регионе являлось той общей внешнеполитической доминантой, которая сближала Италию и западные державы, служила своеобразным мостиком между фашистским режимом Италии и парламентскими демократиями Англии и Франции на протяжении 1920-х и первой половины 1930-х годов. Ценой, которую пришлось заплатить Италии за резкий поворот своей внешней политики в сторону дружбы с нацистской Германией, оказалась Центральная Европа в целом и Австрия в частности. В то время как Италия была равным партнером во «фронте Стрезы», в итало-германском союзе она постепенно скатывалась до ранга младшего партнера. Нельзя не согласиться с мнением британского историка Уискеманн,

которая заметила, что в какой-то момент Италия стала играть роль «одной из пешек в игре Гитлера»<sup>634</sup>.

Надо заметить, что союз под названием «ось Берлин — Рим» не был популярен и в самой Италии. Гитлеровская Германия во многом оказалась опасным переизданием вильгельмовского милитаризма и империализма. Католическая субкультура относилась к Берлину не только с большой сдержанностью, но даже с недоверием и осуждением. Ее представители ощущали потенциальную разрушительную силу неогерманского язычества и разожженного в народе расизма. В области традиционной культуры также имело место явное сопротивление союзу с Гитлером. Тайно существовавший в Италии антифашизм оказался в целом антинационал-социалистическим. Здесь наиболее остро воспринималась исходившая от нацистской Германии угроза самому существованию человека.

Однако большинство фашистских иерархов во главе с самими Муссолини уже в конце 1936 года твердо стояли на позициях итало-германского альянса. Голосов тех, кто выступал против односторонней внешнеполитической ориентации Италии (например, дипломата старой школы Флавио Сувича, маршала Пьетро Бадольо или бывшего министра иностранных дел Дино Гранди), больше не было слышно. Открытая оппозиция новому курсу Муссолини грозила обернуться политическим небытием.

В Берлине наряду с серьезной недооценкой мощи СССР едва ли какой-нибудь другой субъективный фактор играл при принятии решения столь большую роль, как позиция Италии. Главным сторонником сближения с Италией был сам Гитлер. Однако в Германии были и недовольные тесным итало-германским сотрудничеством. В консервативных кругах, в государственном аппарате, в сухопутных войсках и в экономике преобладали скептические настроения и звучали предостерегающие голоса. Напротив, в окружении национал-социалистической партии и ее организаций, в области спорта и воспитания молодежи, а также на флоте и в военно-воздушных силах во многих случаях проявлялось подчеркнуто позитивное отношение к Италии. Здесь верили в ускорение динамики развития Германии, укрепление нации благодаря фашизму. Нацистские расовые идеологи видели итальянцев как «прямых потомков» Римской империи, которые представляли «последнюю славу арийцев».

В целом надо подчеркнуть, что отношения держав «оси», нашедшие свое окончательное оформление в «Стальном пакте», заключенном 22 мая 1939 года, носили весьма своеобразный, изменчивый и непостоянный характер. Миф и реальность уже в момент возникновения «оси» представляли странную смесь. Миф «оси Берлин—Рим», провозглашенный Муссолини 1 ноября 1936 года, оказался намного эффективнее реальности союзного договора. В интерпретации обеих сторон данный пакт эмоционально и идеологически всячески превозносился как символ нерасторжимого военного, военно-технического, экономического и культурного союза двух связанных друг с другом общим мировоззрением и дружбой народов и двух систем.



Однако миф и реальность резко расходились друг с другом. То, что в остальной Европе считали плановым, до деталей согласованным сотрудничеством между двумя разновидностями фашизма и что, согласно собственным декларациям обоих режимов, выдавалось за действия, вызванные естественной солидарностью, на самом деле оказалось существованием, обусловленным во многом недоверием, незнанием и намеренной скрытностью. Однако именно этот фактор — восприятие итало-германского сотрудничества в Европе — и обусловил то влияние, которое оказала консолидация держав «оси» на развитие кризиса Версальской системы.

Сотрудничество держав «оси» дало и практические результаты. В первую очередь это касалось изменения геополитического положения в Центральной Европе и Западном Средиземноморье. К середине 1938 года события в Испании приняли необратимый характер. Исход войны был предрешен. Единственное, что оставалось республиканской Испании, разрезанной на две части, это продолжать героическое сопротивление превосходившим силам противника. К этому времени определились основные итоги испанской войны для великих европейских держав.

Можно с уверенностью сказать, что в результате гражданской войны в Испании Франция была полностью вытеснена с испанских рынков, а Англия понесла серьезные потери в экономическом плане. Многие ресурсы, которые могли помочь, в первую очередь Франции, в перевооружении и более успешном отражении немецкой агрессии, были безвозвратно потеряны. Гораздо серьезней, нежели потеря экономических позиций, поражение Испанской республики сказалось на геостратегическом положении западных держав. В худшем положении опять оказалась Франция.

С самого начала итало-германской интервенции Берлин и Рим одной из своих задач считали окружение Франции, создание на ее южных границах нового потенциального фронта, утверждение на важнейших французских коммуникациях. Уже 6 ноября 1937 года Муссолини говорил Риббентропу: «Это факт, что мы создали в Пальма (главный город Балеарских островов. — *А.Н.*) военно-воздушную и военно-морскую базу. Мы постоянно держим там наши корабли и располагаем тремя аэродромами. Мы думаем сохранить такое положение до тех пор, пока это будет возможно. Во всяком случае, Франко должен понять, что даже после нашей возможной эвакуации Мальорка должна остаться итальянской базой на случай войны с Францией»<sup>635</sup>.

Безопасность границы на Пиренеях всегда имела для Франции жизненно важное значение. Это понимали давно: еще Мазарини в 1659 году заключил с Испанией знаменитый Пиренейский договор, урегулировавший традиционные конфликты между двумя странами. С тех пор пиренейская граница почти не нарушалась, за исключением наполеоновского вторжения, и считалась самой спокойной и надежной границей Франции.

Действительно, безопасность пиренейской границы всегда была прямо связана с проблемой безопасности самой Франции. В 1913 году

в связи с опасностью европейского конфликта Пуанкаре добился в переговорах с королем Альфонсом XIII подтверждения нейтралитета Испании, что позволило Франции в годы Первой мировой войны снять свои войска с южной границы. Более того, промышленность ее северных департаментов, находившихся под угрозой, в 1914–1916 годах переводилась на юг, к испанской границе. Французские политические лидеры считали аксиомой, что утверждение какого-либо иностранного государства на территории Пиренейского полуострова представляет опасность для Франции. «Старое правило нашей традиционной политики состоит в том, — писал Поль-Бонкур, — чтобы на полуострове не было никакого иного государства, кроме Испании»<sup>636</sup>.

Политическая ориентация мятежников не могла вызывать сомнений. Если в отношении Англии националисты высказывались осторожно, то высказывания франкистских дипломатов и пропагандистов, обращенных к Франции, никак нельзя было назвать дружественными.

В свете происходивших в Европе событий политические и военные круги Франции должны были ясно представлять складывающуюся геополитическую мозаику: после ремилитаризации Рейнской зоны Германия приблизила потенциальный фронт непосредственно к французской границе, создание «оси Берлин–Рим» обозначило еще один возможный фронт — франко-итальянский. Наконец, результатом победы мятежников в Испании стало бы создание третьего фронта — на франко-испанской границе. Отечественные исследователи Белоусова и Кремер в своей работе приводят цитату из статьи французского генерала Нисселя, опубликованную 9 февраля 1937 года в газете «Франс милитэр» и специально посвященную военно-стратегическим последствиям германской кампании в Испании. «Основное для нас в случае осложнений в Европе, — писал генерал, — быть спокойными за состояние нашей границы на Пиренеях... Защита Пиренеев при условии враждебности Испании потребует от нас 150–200 тысяч человек»<sup>637</sup>.

Французские политики и военные, скорее всего, отдавали себе отчет в том, какие последствия ждут их страну в результате победы Франко в Испании. Окончательный триумф каудильо в союзе с Италией и Германией, безусловно, создавал большие проблемы для Франции в случае военного конфликта с фашистскими державами как в территориальном плане, так и в области морского и воздушного сообщения. Особенно серьезная угроза возникала для морских коммуникаций Франции в Средиземном море. Военно-воздушные базы на испанской территории предоставили бы возможность предпринимать массированные воздушные налеты на территорию Франции. В целом для большинства французских стратегов было очевидно, что в условиях победы националистов в Испании Франции пришлось бы держать на своей пиренейской границе достаточно большой армейский контингент.

Союзник Франции по коллективной безопасности СССР на страницах официальной прессы также предупреждал французское руководство. Например, 23 февраля 1937 года на страницах «Правды» появилась статья, посвященная проблеме безопасности Франции в условиях

гражданской войны в Испании. Там, в частности, было сказано: «Союз между Римом и Берлином предвидит создание второго фронта на франко-итальянской границе. Результатом победы мятежников должно быть создание третьего фронта — на франко-испанской границе»<sup>638</sup>.

В июле 1938 года в некоторых французских газетах был опубликован секретный документ немецкого военного командования. Добытый французской разведкой доклад влиятельного германского генерала В. фон Рейхенау недвусмысленно угрожал безопасности Франции. «Мы разместились, — писал Рейхенау, — на жизненно важных стратегических линиях Франции и Англии. В этом заключается первостепенное значение нашей интервенции в Испании. Но это положение для Франции не может быть реализовано до конца, если в случае войны мы не будем в состоянии использовать построенные в Испании воздушные базы в качестве трамплина для атаки французского юга, который до сих пор был для нас вне пределов досягаемости... Мы основательно подготовили к боевым действиям против Франции итало-испано-германскую границу на Пиренеях»<sup>639</sup>.

Одновременно с докладом Рейхенау английская печать опубликовала статью начальника службы авиации Франко генерала Кинделана. «В первые же недели войны с Францией, — писал генерал, — мы сможем превратить в пепел Бордо, Тулузу, Марсель, Биарриц, Байонну и разрушить французскую железнодорожную сеть. Война с Францией подняла бы наш боевой дух и обеспечила бы нам поддержку старых врагов этой страны, которые постоянно вспоминают о своей ненависти прежних дней... Мировая война, без сомнения, сделает Францию державой третьего или четвертого ранга»<sup>640</sup>.

Забегая вперед, следует заметить, что Франко показал себя дальновидным и хитрым политиком и не дал втянуть Испанию во Вторую мировую войну на стороне держав «оси». Планам оккупации Иберийского полуострова не суждено было сбыться. Тем не менее Франция была вынуждена держать на франко-испанской границе значительный контингент своих войск. Кроме того, закрепившись на Балеарских островах и в Сеуте, немецкие орудия и итальянский флот поставили под угрозу переброску французской колониальной армии в Северной Африке, составляющей треть всех вооруженных сил Франции. Становится ясным, какое преимущество получили державы «оси» накануне войны в чисто военном плане. К этому стоит добавить, что именно во время гражданской войны в Испании фашистские вооруженные силы опробовали новую боевую технику, совершенствовали вооружения, отработывали способы их применения. Большая роль здесь отводилась тактике тотальной войны. «...Вторжение легиона “Кондор” в Испанию, — пишет в своих мемуарах А. Кессельринг, — было тяжким бременем, грозящим подорвать всю работу по созданию люфтваффе. Однако в долгосрочном плане оно оказалось весьма полезным. По мере того как одна эскадрилья за другой получали боевое крещение, наметился заметный прогресс в отработке летчиками совместных действий в воздухе. Полеты “по приборам”, на которые раньше смотрели как на нечто

вроде черной магии, стали обычным делом»<sup>641</sup>. Стоит ли говорить, что опыт германских летчиков, накопленный в Испании, сыграл значительную роль в победах люфтваффе в годы Второй мировой войны.

Однако в начале 1938 года для самого существования Версальской системы гораздо важнее испанского конфликта явилось поглощение Австрии Германией. В результате аншлюса баланс сил в Европе изменился самым серьезным образом. Присоединив Австрию, население Германии увеличилось на шесть с половиной миллионов человек — примерно на столько же, сколько Германия потеряла в результате Версальских мирных договоров, с той лишь разницей, что теперь население Германии являлось гомогенным и этнически единым. Контроль над Веной давал Третьему рейху возможность доминировать в Юго-Восточной Европе. Австрия являлась ключом к германскому проникновению как на Балканы, так и в Адриатику. За одну ночь Германия стала граничить с Италией, Югославией и Венгрией.

Но самое главное территориальное преимущество новой ситуации заключалось в изменении границы с Чехословакией. Германия почти окружила эту страну своими границами, получив возможность обойти с флангов защитные сооружения чехословаков. Фактически Чехословакия оказалась беззащитной перед угрозой германского вторжения. Кроме того, вермахт пополнился дополнительным 100-тысячным контингентом, составлявшим пять дивизий, включая две пехотные и две горные.

Экономическая выгода от присоединения Австрии также оказалась чрезвычайно большой. Наряду с запасами стали и железной руды в руки Берлина попал весь золотой и валютный запас Австрии, который оказался как нельзя кстати в условиях намечавшегося экономического кризиса и дефицита сырья и иностранной валюты в Германии. Нельзя не отметить, что захват Австрии удался Гитлеру гораздо легче, чем он сам представлял еще в конце 1937 года.

В мае 1938 года Гитлер посетил Италию\*. Этот визит должен был знаменовать собой исчезновение разногласий между двумя тоталитарными режимами. В Риме постарались организовать наилучший прием нацистскому фюреру. На проведение мероприятий было выделено 400 миллионов лир. Были предприняты беспрецедентные меры безопасности. По Италии прокатилась волна арестов подозреваемых в антигерманских настроениях. Вместе с Гитлером прибыло 5 тысяч нацистских полицейских для помощи своим итальянским коллегам. На пути следования фюрера были построены регулярные войска, милиция, карабине-

---

\* Интересно, что недавнее празднование 49-летия ввело Гитлера в минор. Фюрер считал, что его могут убить на пути в Италию. Всю дорогу на Апеннины он составлял завещание и приводил в порядок свои дела. За исключением подарков родственникам, все свое имущество, Бергхоф, мебель и картины он завещал нацистской партии. Он оплатил поездку в Италию Евы Браун, но она постоянно была в отдалении, лишь из толпы наблюдая за Гитлером, сидевшим в автомобиле рядом с королем Италии Виктором-Эммануилом.

ры, а также множество агентов в штатском. Небо патрулировали самолеты итальянских ВВС, зенитные батареи были приведены в боевую готовность.

«На каждой украшенной станции вплоть до Лейпцига, где нас застала ночь, — пишет П. Шмидт, — нас приветствовали толпы, восторженно кричавшие “Хайль!”. Цветы и знамена приветствовали нас и на станции Бреннер, где платформа была покрыта ковром, вдоль края которого выстроились формирования итальянской армии и фашистской партии. Пока наш поезд замедлял ход, звучали национальные гимны, и герцог Пистойя, представитель короля Италии, в сопровождении большой делегации в роскошных мундирах подошел к поезду, чтобы встретить нас. Во время нашего путешествия по Южному Тиролю жители приходили на станции посмотреть на нас, но вели себя довольно спокойно. Когда мы подъехали к Бользано, атмосфера отрешенной меланхолии вдруг развеялась, и на всем остатке пути до Рима нас приветствовали с безудержным энтузиазмом»<sup>642</sup>.

В день приезда Гитлера, 3 мая 1938 года, его встречали король Италии и дуче. При этой встрече также присутствовали послы Германии, Японии, националистической Испании, Венгрии, Югославии и Маньчжоу-Го. Интересно отметить, что дипломатические представители других государств, не признавших итальянскую империю, не были приглашены на встречи германских и итальянских лидеров. «Король Виктор Эммануил и Муссолини, — продолжает Шмидт, — и сопровождающие их лица встретили нас на железнодорожном вокзале, специально построенном для этого случая. В город мы въехали в карете, запряженной четверкой лошадей, и я подумал, когда нас встречал принц Колонна, губернатор Рима, возле древних городских ворот: “Теперь я сам сажу в сказочной карете, которой так восхищался в прошлом году на коронации в Лондоне”. Мимо огромных фонтанов с иллюминацией мы двинулись древним триумфальным путем римлян. Муссолини расширил его, чтобы получилась настоящая Виа Триумфалис вдоль подножия Палатинского холма. До самой арки императора Константина бесчисленные огни освещали дорогу так ярко, что было светло как днем. По обе стороны дороги в специальных металлических контейнерах сверкало пламя, ярко освещавшее пилоны, стяги и радостные толпы людей»<sup>643</sup>.

В течение нескольких дней Гитлер и Муссолини инспектировали итальянские вооруженные силы — флот в Неаполе, армию в Риме, авиацию в Фурбаре. Кроме того, для Гитлера были устроены разнообразные мероприятия, такие, как массовые танцы в национальных костюмах или спортивное представление на олимпийском стадионе — «Джовенти Италия дель Литторио». В целом, по словам американского посла в Риме, все было сделано для того, чтобы продемонстрировать миру солидарность «оси Берлин–Рим»<sup>644</sup>.

«Программа, представлявшая редкое сочетание хорошего вкуса и роскоши, — подтверждает это впечатление Шмидт, — не разочаровала нас. В Неаполе состоялся морской парад, где с крейсера “Юлий Цезарь” я видел, как одновременно сотня подводных лодок погрузилась в

воду и через несколько минут с точностью часового механизма дала залп. Торжественное представление “Аиды” в театре Сан-Карло в тот вечер казалось почти скучным и обыденным, а музыка Верди серой и слабой по сравнению с фантастическими сценами, бравурными звуками и красками предыдущих дней.

Муссолини и граф Чиано явно старались избежать любой серьезной политической дискуссии, хотя Гитлер и особенно Риббентроп постоянно стремились к ней. Программа была специально построена таким образом, что не осталось времени для серьезной беседы, но даже во время различных светских встреч, на которых Гитлер и Риббентроп были всегда готовы для дискуссий, Муссолини и Чиано вполне явно давали понять, что сами они не готовы. Это впечатление подтвердилось, оставив позади все сомнения, когда мы передали Чиано договор об итало-германском союзе: несмотря на все красивые речи, мы еще не стали официальными союзниками. Гитлер, несомненно, рассматривал этот договор как жизненно необходимый для своих планов безоговорочно привязать к себе Италию. Несколько дней спустя Чиано передал нам “проект договора с поправками”. Этот документ оказался совершенно бессмысленным, а пустота его приравнивалась к полному отказу. В краткой беседе у Риббентропа с Чиано был на этот счет ожесточенный спор — гротескный контраст тому, что представлялось миру на публичных подмостках.

“Солидарность, существующая между нашими двумя правительствами, — сказал Чиано с улыбкой, показавшейся мне саркастической, — в течение этих дней была выказана так явно, что формальный договор о союзе является излишним”.

“Моим неколебимым желанием и завещанием немецкому народу является то, что граница в виде Альп, возведенная самой природой, провидением и историей между нами и Италией, будет рассматриваться как навеки нерушимая”, — сказал Гитлер, обращаясь к Муссолини, поднимая тост на официальном банкете. Он также, без сомнения, заметил, что австрийская афера все еще вызывает неловкость, и хотел этой гарантией нерушимости границы ослабить беспокойство итальянцев, которые с марта имели могущественную Германию в качестве непосредственного соседа. Это был единственный политический результат в вихре празднеств», — подытоживает Шмидт<sup>645</sup>.

14 мая Муссолини выступил с речью перед жителями Генуи, в которой дал свое видение места и роли Италии в Европе в связи с визитом Гитлера. Обращаясь к толпе, дуче говорил: «В шесть часов вечера 11 марта Италия оказалась на распутье, и требовалось принять немедленное решение. От этого решения зависели порядок, мир или война и тем самым судьба Европы. Но так как эти события не явились для нас сюрпризом и были предвидены в своем логическом развитии, мы незамедлительно и четко сказали “нет” дипломатическим шагам, которые в данном случае могли привести к непредсказуемым последствиям.

Враги Италии и антифашисты всех мастей были жестоко разочарованы и пришли в ярость. Не вызывает сомнения тот факт, что они жаж-

дали столкновения между тоталитарными державами, которое могло привести к самым тяжелым последствиям, не исключая войну, даже если такая война открыла бы двери триумфу большевизма в Европе.

Фашистская Италия не может принять позорную и бесполезную политику Габсбургов и Меттернихов, препятствующую стремлению нации к единству. Мы действовали в духе верности дружбы с Германией. Теперь два мира — германский и романский — находятся в постоянном контакте. Их дружба вечна. Сотрудничество двух революций, призванных решить судьбу столетия, не может не быть плодотворным.

Цели нашей политики ясны. Мы хотим мира, мира со всеми странами. И я могу сказать вам, что национал-социалистическая Германия желает мира не менее искренне, чем мы. Но чтобы защитить этот мир, мы должны вооружаться»<sup>646</sup>.

Цели политики Германии для многих также были ясны. Укрепив отношения с Италией, чему еще больше способствовал триумфальный визит Гитлера в Италию, и убедившись в нежелании западных демократий идти на решительные меры для предотвращения германских действий, воодушевленный австрийской победой фюрер немедленно переключил внимание на Чехословакию.

Следует отметить, что образование «оси Берлин–Рим» сыграло очень большую роль в нарастании кризиса Версальской модели международных отношений. Сразу два агрессивных государства, нацеленные на слом европейского порядка, объединили свои усилия в этом направлении. Устранив взаимные противоречия, Германия и Италия решили добиваться своих целей силовым путем.

В результате к середине 1938 года конфликтный потенциал Версальской системы стремительно возрастал. Силы, стремившиеся сохранить статус-кво на континенте, уже не могли должным образом противостоять увеличивавшейся мощи деструктивных факторов. Понимая это, фашистские державы интенсифицировали свои усилия на пути ликвидации Версальской системы.

## ЧЕХОСЛОВАЦКИЙ КРИЗИС

После захвата Австрии ситуация на Европейском континенте становилась все тревожнее. Динамичная политика фашистских держав продолжала расшатывать устои находившейся в кризисе Версальской системы. Европейские государства с опаской гадали, кто будет следующим в списке претензий Германии и Италии. Наиболее проблемным положение выглядело для Чехословакии, имевшей в своем составе значительное немецкое меньшинство.

Чехия издревле была связана с Германией теснейшими культурными узами. Будучи частью Священной Римской империи германской нации, эта земля глубокого впитала немецкую культуру, здесь выросли немецкие города. В XVIII веке родным языком образованных чехов был немецкий. И лишь в XIX веке усилиями чешской интеллигенции, говорившей по-немецки, стал возрождаться литературный чешский язык. Богемия (Чехия) стала промышленно развитой частью Австрийской империи.

В 1918 году Австро-Венгрия рухнула, и возникло новое государство чехов и словаков — Чехословацкая республика (ЧСР). Она была плодом деятельности двух выдающихся умов Чехословакии — Томаша Масарика, сына кучера, известного ученого и в дальнейшем первого президента страны, и Эдуарда Бенеша, крестьянского сына, закончившего Пражский университет и три высших учебных заведения Франции, проработавшего много лет на посту министра иностранных дел и ставшего вторым президентом Чехословакии после отставки Масарика в 1935 году.

Промышленно развитая Чехия, входившая ранее в австрийскую часть империи, соединилась с аграрной Словакией, прежде подчинявшейся венграм. В Чехословакии помимо 7,2 миллиона чехов жило 3,5 миллиона немцев, 2,5 миллиона словаков, 0,7 миллиона венгров и пол-миллиона украинцев-русинов, около 100 тысяч поляков. Положение усугублялось еще и тем, что эти меньшинства жили на территориях, прилегающих к их этническим отечествам, что делало их требования о присоединении к соответствующим странам еще более весомыми в свете преваляровавшего версальского принципа самоопределения. Эти люди тянулись к своей «родине» — к Венгрии, Польше, России и Германии, хотя судетские немцы никогда не входили в состав рейха, разве что во времена Священной Римской империи. В общем, эти меньшинства требовали большей автономии.

В межвоенный период Чехословакия сумела сохранить парламентскую демократию. В 1918 году чешские и словацкие эмигранты, договариваясь о создании Чехословакии, согласились на предоставлении словакам широкой автономии. Обещания были подтверждены на Вер-



сальском конгрессе. Однако на деле автономия не была предоставлена. Правящая элита формировалась преимущественно из чехов, которые приступили к созданию единой чехословацкой нации на основе прежде всего чешской культуры. Несмотря на демократический характер, Чехословакия по сути стала одной из минимперий, возникших в Восточной Европе после Первой мировой войны и поддерживаемых силовым полем Версаля<sup>647</sup>.

Несомненно, по сравнению с положением национальных меньшинств в странах Запада, даже в Америке, положение их в Чехословакии было не столь плохим. Они имели полные демократические и гражданские права, включая право голоса, у них были свои школы, свои культурные учреждения. Лидеры их политических партий иногда занимали министерские посты в центральном правительстве. Тем не менее Чехословакии, так долго находившейся под австрийским гнетом, предстояло решить еще много проблем в области национальной политики. «Нередки были случаи проявления шовинизма и бестактности. Помнится, — пишет современник событий, — как во время одного из посещений Чехословакии я стал свидетелем кампании протеста, проводимой словаками против осуждения к пятнадцати годам тюремного заключения по обвинению “в измене” доктора Войтеха Туки, уважаемого профессора, которого можно было обвинить разве что в том, что он добивался автономии для словаков. Кроме того, национальные меньшинства видели, что правительство не выполняет обещаний, данных Масариком и Бенешем на Парижской мирной конференции в 1919 году, и не создает в стране кантональной системы, наподобие швейцарской»<sup>648</sup>.

Националистическая политика чешских лидеров создавала «пятую колонну» и внутри республики. Чешские руководители Чехословакии сурово пресекали стремление словаков хоть к какой-нибудь самостоятельности. В жизни судетских немцев также возникали проблемы, связанные с национальной политикой чешского руководства. «Вопрос о дискриминации судетских немцев в ЧСР неоднозначен. С одной стороны, налицо были ущемления прав неславянских национальностей в области национальной культуры, школьного дела, употребления национальных языков. С другой стороны, эти проявления происходили на неформальном, неофициальном уровне»<sup>649</sup>; — делает вывод отечественный исследователь проблемы судетских немцев С.В. Кретинин. Немцы имели свои партии, включая социал-демократов, получавших большинство голосов соотечественников.

После прихода нацистов к власти в Германии оживилось националистическое движение судетских немцев, которое приобрело нацистскую окраску. Гитлер ненавидел чехов со времен своей жизни в Вене, считая их «славянскими недочеловеками». Послевоенную Чехословакию он воспринимал как «искусственное порождение Версаля». Субсидирование судетских немцев-сепаратистов началось в 1935 году. Была создана Судето-немецкая партия (СНП) во главе с К. Генлейном. Первоначально он выступал за широкую автономию немцев в ЧСР и

тесные связи с рейхом, однако по мере усиления гитлеровской Германии требования судетских немцев радикализировались.

В то же время Чехословакия политически и экономически была наиболее передовой из всех государств-преемников. Она была демократической страной, а ее уровень жизни был сопоставим со швейцарским. Она обладала крупной армией, и большая часть ее превосходной военной техники была сконструирована и изготовлена у себя, в Чехии; она была связана военными союзами с Францией и Советским Союзом\*. Тем не менее положение Чехословакии на международной арене в новых геополитических условиях не могло не вызывать серьезных опасений.

Даже правая французская пресса забила тревогу по поводу положения этой страны. Так, «Еко де Пари» писала: «Захватив Австрию, гитлеровская Германия будет доминировать над Венгрией. Если Франция и Англия четко не заявят, что они будут защищать Чехословакию, германская гегемония будет завершена в самое короткое время»<sup>650</sup>. Британский «Экономист» называл Чехословакию «бастионом Европы», которым «Запад не может себе позволить пожертвовать»<sup>651</sup>.

Вечером 11 марта 1938 года, когда оставались считанные часы до вторжения германских войск в Австрию, в Доме летчиков в Берлине Геринг, только что произведенный в рейхсмаршалы, устроил грандиозный прием. Сам виновник торжества появился около 11-ти и сразу же уединился с посланником Чехословакии в Берлине Мастны. «Даю вам слово чести, — заявил фельдмаршал, — что Чехословакия не имеет ни малейшего основания испытывать какие-либо опасения в отношении Германии. Германское правительство будет и впредь проводить политику улучшения отношений между двумя странами. Но при этом Германия желала бы получить заверение от чехословацкого правительства, что оно не намерено в связи с событиями в Австрии проводить мобилизацию». За полчаса Мастны успел съездить в посольство и связаться по телефону с Прагой. Когда он привез желаемое заверение, Геринг открыл ему небольшой «секрет». Фюрер отлучился на несколько дней из Берлина и возложил на него все заботы по руководству рейхом. Таким образом, сделанное фельдмаршалом заявление следует рассматривать как официальную позицию правительства, а сам Гитлер является поручителем его «слова чести»<sup>652</sup>.

Действительно, в западных столицах преобладала мысль о том, что пока Третий рейх не «переварит» Австрию, Гитлер вряд ли решится на агрессивные действия в отношении Чехословакии. И все же обстановка была тревожной. Уже 14 марта 1938 года чехословацкий посланник в Париже С. Осуский признавался американскому дипломату, что события в Австрии серьезно усилили опасность для его страны. Он также заявил, что для Чехословакии крайне важно, чтобы Франция и Вели-

---

\* Надо заметить, что СССР был очень заинтересован в существовании мощной Чехословакии. Не зря Гитлер называл Чехословакию «авианосцем Советской России».

кобритания четко выразили свою позицию по поводу событий в Центральной Европе, а именно: готовы ли они выполнить свои обязательства в отношении Чехословакии. На вопрос о возможности урегулировать отношения между Германией и Чехословакией Осуский ответил, что истинная проблема заключается в том, что впервые за последнее время у Германии нет сильных противников, способных противостоять стремлению Третьего рейха к доминированию в Центральной Европе. «Италия продала свои позиции за Эфиопию. Единственная страна на пути Германии — это небольшая страна, Чехословакия». В заключение беседы Осуский заметил, что уступки Германии будут более чем бесполезными<sup>653</sup>.

Надо заметить, что антагонизм Гитлера в отношении Чехословакии был глубоким и давним. Фюрер не мог смириться с существованием в самом центре Европы — в Богемии и Моравии — сильного славянского государства, включавшего в себя существенное германское меньшинство. Однако до поры до времени нацисты не заявляли открыто о своих притязаниях, ожидая пока рейх накопит достаточно мощи.

Начиная с 1935 года, года национальных выборов в Чехословакии, Берлин стал оказывать поддержку партии судетских немцев во главе с Генлейном. В Германии осознавали, что, пока не будет достигнут существенный прогресс в перевооружении, речь может идти лишь о дипломатической поддержке немецкого меньшинства. Надо заметить, что на этом поприще Берлину удалось добиться неплохих результатов. Так, в первые годы правления Гитлера значительно улучшились германо-польские отношения, прошедшие трансформацию от открытого противостояния к поддержке Варшавой германских действий в Центральной Европе. В этих условиях, с учетом ремилитаризации Рейнской области, укрепления западной границы, аншлюса Австрии, Германия к 1938 году могла сконцентрировать внимание на «решении чехословацкого вопроса». Гитлер мечтал сокрушить Чехословакию путем быстрой военной операции, что высвободило бы значительную часть германских войск для дальнейшей экспансии и дало бы Германии огромные стратегические преимущества. Однако, несмотря на явное нежелание западных демократий воевать, фюрер все же не был уверен, что локальная война не превратится в мировую. Поэтому главной целью Берлина являлась дипломатическая изоляция Чехословакии на международной арене, для чего должны были быть использованы требования судетских немцев применения принципа наций на самоопределение и запугивание красной опасностью и распространением большевизма в Европе.

Нацистская агитация нашла в Судетах благодатную почву. Там, где инцидентов на национальной почве между немцами и чехами не происходило, их придумывали и провоцировали из Берлина, а ведомство доктора Геббельса обращало внимание всего мира к несправедливостям Праги в отношении «несчастливого» германского меньшинства. Лозунг же борьбы с большевизмом объяснялся в Берлине пактом о взаимопомощи между Прагой и Москвой. Учитывая серьезное изменение гео-

стратегических позиций Чехословакии в связи с захватом Австрии, положение этой страны выглядело весьма незавидным.

Подобное развитие событий не могло не вызвать тревогу у советского союзника Чехословакии. «Захват Австрии, — говорилось в официальном заявлении НКВД, — представляется величайшим событием после Первой мировой войны, чреватым величайшими опасностями»<sup>654</sup>. В документе подчеркивалось, что аншлюс покончил с устойчивостью в Центральной Европе и создал непосредственную опасность для самого существования Чехословацкого государства, ликвидация которого неумолимо вела к подрыву равновесия на всем Европейском континенте.

Как уже говорилось, в марте 1938 года Советское правительство безуспешно предлагало созвать международную конференцию с целью принятия мер для коллективной защиты мира на Европейском континенте. Кроме того, Советский Союз подтвердил свои обязательства в рамках договора о взаимной помощи между СССР и Чехословакией<sup>655</sup>. Причем Москва настаивала на немедленном принятии конкретных мер, так как существовал ряд моментов, значительно осложнявших выполнение СССР своего союзнического долга. Во-первых, договоры о взаимной помощи СССР с Францией и Чехословакией не были (и об этом говорилось выше) подкреплены военными конвенциями. Во-вторых, выполнение взаимных обязательств СССР и Чехословакии по оказанию помощи ставилось по настоянию чехословацкой стороны в зависимости от поведения Франции. Указанными обстоятельствами и мотивировалось советское предложение созвать совещание представителей генеральных штабов СССР, Франции и Чехословакии<sup>656</sup>.

К этому времени Франция находилась в сильной зависимости от позиции Лондона по внешнеполитическим вопросам. Не последнюю роль здесь играло тяжелое экономическое положение Франции. По словам историка М. Томаса, «неустойчивое экономическое положение и финансовый кризис в сентябре 1938 года являются теми факторами, которые заслуживают большего внимания при оценке позиции Франции во время чешского кризиса»<sup>657</sup>. Что же касается Великобритании, то, как показывают британские архивные документы, позиция Англии по чехословацкому вопросу сформировалась еще в 1937 году. Уже тогда в Лондоне вызывала серьезную обеспокоенность ситуация с судетскими немцами в Чехословакии. В итоге в Великобритании возобладало мнение, что «судетские немцы притесняются со стороны чехов»<sup>658</sup>. Чехословацкому правительству было рекомендовано приложить все усилия, чтобы снять все жалобы немецкого меньшинства<sup>659</sup>. В целом, начиная с 1937 года, в Форин Оффис достаточно четко представляли, что Германия желает ликвидации Чехословакии в ее существовавших границах. В этих условиях предлагалось избавиться от главной проблемы, связанной с Судетами, и таким образом по крайней мере выиграть время<sup>660</sup>.

К весне 1938 года, как известно, Англия уже проводила активную политику умиротворения агрессоров. Наряду с этим в Великобритании

имела место сильнейшая недооценка истинных устремлений Гитлера. Так, «Санди Таймс» писала, что, «если существует какой-либо компромисс, позволяющий ему (Гитлеру. — *А.Н.*) обеспечить достойное обращение с немцами в Чехословакии без войны, он выберет именно его»<sup>661</sup>.

Предложенная СССР конференция могла помешать Лондону в его планах достижения всеобъемлющего договора с державами «оси» или, еще хуже, стать катализатором для нового конфликта. Этого Великобритания допустить не могла. Соответственно, и позиция Франции в отношении подобной конференции являлась негативной.

Еще 18 февраля 1938 года после беседы с Дельбосом американский посол Буллит писал в Вашингтон: «Впервые с тех пор, как я занял этот пост, у меня возникают сомнения в том, что Франция окажет поддержку Чехословакии, разве что в результате открытого и вопиющего вторжения Германии»<sup>662</sup>. Американские дипломаты располагали и другими сведениями. Как заявил 14 марта Осуский Х. Вильсону, по его сведениям, французское правительство «недавно» заявило Лондону буквально следующее: «Мы (французское правительство) абсолютно намерены в случае германской агрессии против Чехословакии немедленно прийти на помощь Чехословакии. Мы не просим вас (британское правительство) взять какие-либо обязательства. Однако мы предлагаем вам принять к сведению следующее: вы хотите избежать быть втянутыми в войну в Центральной Европе; мы начнем войну немедленно, если Германия атакует Чехословакию; в таком случае вы неизбежно будете втянуты в войну если не сразу, то на более поздней стадии. Единственный путь, который гарантирует то, что Англия не будет втянута в войну, заключается в принятии вами такого же твердого решения, как наше, немедленно прийти на помощь Чехословакии в случае нападения на нее»<sup>663</sup>.

Однако британское правительство не готово было пойти на такие меры. Тем временем, в условиях отказа Великобритании и одной из сторон пакта о взаимопомощи — Франции — поддержать идею проведения конференции, в Москве состоялось совещание по чехословацкой проблеме. С докладом выступал советский полпред С.С. Александровский. Итог совещания был таков: Советский Союз и в новой обстановке выполнит свои обязательства, вытекающие из союзнического пакта о взаимопомощи с Чехословакией<sup>664</sup>.

23 апреля Александровский проинформировал о принятом решении чехословацкого посланника в СССР З. Фирлингера, который немедленно передал информацию в Прагу. По договору от 16 мая советская помощь была обусловлена оказанием помощи со стороны Франции. Теоретически в случае отказа последней СССР мог помочь Чехословакии в порядке своего добровольного решения, конечно, если бы из Праги поступила подобная просьба. В публичном выступлении 26 апреля 1938 года Председатель Президиума Верховного Совета СССР М.И. Калинин, формально первое лицо в государстве, заметил, что «пакт не запрещает каждой из сторон прийти на помощь, не дожидаясь Франции»<sup>665</sup>.

Состоявшиеся в Лондоне 28–29 апреля 1938 года англо-французские переговоры показали, что обе страны намерены проводить в чехословацком вопросе политическую линию на умиротворение Германии. Лорд Галифакс заявил, что «правительство Его Величества не может рассматривать позицию Франции и Великобритании как очень обнадеживающую в случае германского нападения на Чехословакию» и что оно «не может взять на себя новые военные обязательства». Галифакс отметил, что при создавшемся положении Англии и Франция не смогут помешать «немедленному успеху» военных действий рейха против Чехословакии. Поэтому им следует использовать все свое влияние, чтобы заставить Бенеша добиться «разрешения проблемы немецкого меньшинства в Чехословакии на основе соглашения с представителями этого меньшинства»<sup>666</sup>.

Даладье заявил, что опасность, исходившая от Германии, грозит уничтожить не только Чехословакию, но разрушить основы европейского равновесия. «Вслед за Австрией сегодня пришла очередь Чехословакии, а потом настанет очередь Румынии, и опасность всеобщего военного конфликта еще больше возрастет». Перед лицом такой перспективы, по мнению Даладье, Англия и Франции должны теснее объединить свои усилия и действия против германской угрозы и защитить независимость Чехословакии, привлекая к этому Польшу, Румынию и Югославию. Французский премьер, развивая свою точку зрения, указывал: «Франция связана с Чехословакией договором, который содержит обязательство взаимной помощи; этот договор... был заключен правительством Бриана, который всю свою жизнь посвятил умиротворению Европы. В глазах французского правительства данный договор представляет большую жизненную силу, и оно полно решимости исполнить содержащиеся в нем обязательства». Даладье согласился с тем, чтобы «Англия и Франция предприняли новое усилие в Праге, но, если его результаты окажутся неэффективными, они не должны позволить Гитлеру разрушить чехословацкое государство»<sup>667</sup>.

Однако британский премьер Н. Чемберлен был непреклонен: «Англия никогда не хотела подписывать какой бы то ни было договор по Центральной Европе, и она категорически отказалась от этого. Англия согласилась лишь защищать границы Франции и Бельгии. Этим и ограничиваются ее обязательства. А французское правительство требует сейчас распространения этих обязательств и на Чехословакию. Но английское правительство не может удовлетворить это французское требование по принципиальным соображениям, ибо Чехословакия не относится с достаточным уважением к судетскому национальному меньшинству. Английское правительство не может удовлетворить французское требование и по практическим соображениям: если западные державы оказались бы втянутыми в войну с Германией, то усилия рейха были бы направлены на то, чтобы добиться возможно более быстрой победы, ибо в Берлине понимают, что в случае затягивания войны шансов на победу будет все меньше и меньше. Между тем нанести сокрушительный удар по Англии можно было бы лишь с воздуха. Превыше всего я опасаясь, как бы моя

страна не была вовлечена в конфликт до того момента, пока она не будет располагать средствами защиты от нападения с воздуха!»<sup>668</sup>.

Чемберлен предлагал рекомендовать Бенешу пойти на максимальные уступки Германии, чтобы «не поставить своих союзников в крайне тяжелое положение», сообщить ему, на какую помощь и в каком случае Чехословакия может рассчитывать и «в каком случае эта помощь ему не может быть предоставлена»<sup>669</sup>.

В то же время, 22 апреля 1938 года, чехословацкий посланник в Париже проинформировал Вильсона о том, что на следующей неделе переговоры между правительством Чехословакии и судетскими немцами должны вступить в решающую фазу. Осуский заявил, что его правительство делает все необходимое для удовлетворения требований судетских немцев и возможности Чехословакии и Германии жить в мире. Ответ на эти предложения должен показать, основаны ли требования меньшинства на доброй воле или это только повод для Германии уничтожить Чехословакию<sup>670</sup>.

Надо заметить, что еще 28 марта 1938 года Гитлер принял в Берлине лидера судетских нацистов К. Генлейна. Отныне Генлейн считался «штатгальтером» в Чехословакии. Перед ним была поставлена задача: используя в качестве предлога требование о предоставлении самоуправления немецкому меньшинству, спровоцировать политический кризис. Генлейн изложил свою точку зрения следующим образом: мы должны постоянно выдвигать такие требования, чтобы нас никогда нельзя было удовлетворить. Гитлер согласился. 24 апреля 1939 года лидер судетских немцев обозначил подобные неприемлемые для Праги требования, выступая в Карловых Варах. Они вошли в историю как «Карлбадская (немецкое название Карловых Вар. — *А.Н.*) программа»<sup>671</sup>. Немецкая пресса прямо называла речь Генлейна ультиматумом<sup>672</sup>.

Тем временем завершилось англо-французское совещание. По его итогам британский кабинет согласился лишь на официальный запрос в Берлин с требованием к германскому правительству высказать свою позицию по судетскому вопросу. Более того, такой демарш мог быть осуществлен только в случае англо-французского обращения в Прагу с настоятельной просьбой президенту Бенешу сделать максимум уступок в отношении судетских немцев<sup>673</sup>. Однако Чемберлен добавил, что, если Германия прибегнет к силе, а Франция будет вынуждена вмешаться, Англия не может гарантировать того, что она не поступит так же. Таким образом, по мнению британского премьера, Берлин будет вынужден либо согласиться на разумный компромисс, либо пойти на риск всеобщей войны, которая разразится не из-за проблемы судетских немцев, а из-за стремления Германии уничтожить Чехословакию.

Даладье, выслушав эту фразу Чемберлена, тут же заявил, что точка зрения британского правительства близка к его собственной позиции<sup>674</sup>. В итоге участники конференции пришли к согласию в том, что «французское и английское правительства предпримут в Праге шаги с тем, чтобы добиться максимальных уступок от доктора Бенеша»<sup>675</sup>, и что они будут действовать в этом же духе и в Берлине.

Следует заметить, что Чемберлен использовал англо-французские переговоры для демонстрации французам своей позиции в судетском вопросе — позиции арбитра, но не союзника. Чемберлен пытался «оказывать влияние» на Гитлера, однако в реальности он только уменьшал решимость Даладье защищать франко-чехословацкий союз.

Так, Чемберлен говорил французам, что в случае оказания Францией помощи Чехословакии Англия останется в стороне<sup>675</sup>. Даладье и Боннэ заявили, что готовы убедить Чехословакию принять любое решение, включая ее нейтрализацию, лишь бы избежать войны<sup>677</sup>. Была достигнута договоренность, что Лондон активизирует свое посредничество между Берлином и Прагой с целью урегулирования чехословацкого вопроса без войны\*.

Суть достигнутой договоренности была сформулирована постоянным заместителем министра иностранных дел Великобритании А. Кадоганом следующим образом: «Договорились, что обе страны будут настаивать, чтобы Бенеш сделал максимум возможного, и что нам следует спросить Берлин, чего они хотят»<sup>678</sup>.

Тем временем Советский Союз весьма ясно выразил свою позицию на этот счет; он готов был помочь Чехословакии еще весной 1938 года, и в Праге об этом знали. 17 сентября 1938 года на встрече с журналистами министр иностранных дел Чехословакии К. Крофта заявил, что «СССР делает для Чехословакии больше, чем можно требовать от него согласно договору»<sup>679</sup>. На следующий день в беседе с посланником США министр, касаясь советской помощи, сообщил, что, «хотя инициатива по-прежнему остается за Францией, им частным образом дали

---

\* На следующий день после англо-французских переговоров британская газета «Дейли экспресс» в статье, озаглавленной «Снова чехи», утверждала: «Мы не любим этой братии (чехов. — *А.Н.*). Невозможно, чтобы английское правительство взяло на себя обязательство заставить нас сражаться за такое полуразвалившееся государство, каким является Чехословакия. Если Франция свяжет себя обязательствами с чехами, Англия должна будет держаться от нее подальше».

Чехословацкий посол в Англии Я. Масарик с грустью говорил: «В палате общин так мало депутатов, которые знают хотя бы, где находится Чехословакия. Однажды во время разговора с несколькими крупными деятелями, когда я показал им на карте мира Чехословакию, у меня создалось впечатление, что они видят ее впервые. Действительно, задумчиво посмотрев на карту, они сказали: “О! Это любопытно! Какая забавная форма! Можно подумать, что перед тобой большая сосиска”. Но это — трагическое сравнение. Мой коллега в Берлине, Мастны, рассказывал мне, что Геринг, обедая в один прекрасный день в посольстве Франции, внезапно сказал Понсе: “Видите на этой карте контуры Чехословакии? Разве это не вызов здравому смыслу? Это аппендикс — рудиментарный орган Европы. Его необходимо будет удалить! А кстати, — небрежно обратился Геринг к Понсе, — какую позицию заняла бы Франция в подобном случае?” И так как посол ответил: “Франция выполнит свои обязательства и окажет помощь чехам”, — Геринг закончил со свирепым видом: “Ну что ж, тем хуже!”»



понять, что в случае крайней необходимости Советы могут прийти на помощь их стране независимо от Франции»<sup>680</sup>. О том же свидетельствовали и многие другие официальные лица.

Однако в советском предложении было несколько уязвимых мест, которые заставляли задуматься чехословацких политиков. Главной проблемой являлось отсутствие общей границы между Чехословакией и СССР. Отношения Советского Союза с Польшей были таковы, что в отрицательной реакции Варшавы на саму идею прохода советских войск по территории Польши можно было не сомневаться. Позиция Румынии — еще одной страны, находившейся между СССР и Чехословакией, — была скорее неблагоприятной, чем положительной. Правительства этих стран опасались, что, впустив советские армии на свою территорию, они потеряют контроль над ситуацией и в их государствах начнутся большевистские революции. Подобные страхи испытывала и Прага. Наконец, в Европе не существовало единого мнения об истинной силе Красной Армии. Ее боеспособность у многих вызывала сомнение ввиду проводившихся в СССР чисток командного состава.

Рассчитывать на поддержку союзников по Малой Антанте Чехословакии также не приходилось. Сложившаяся морально-политическая атмосфера оказывала разлагающее воздействие на региональные группировки стран Центральной и Юго-Восточной Европы — Малую Антанту и Балканский пакт, побуждая их участников занимать позиции выжидания, дистанцироваться от предполагаемых жертв фашистской агрессии, вступать на путь умиротворения своими средствами. На сессии Постоянного Совета Малой Антанты в Синае (Румыния), проходившей 4–5 мая 1938 года, главы внешнеполитических ведомств Румынии и Югославии дали ясно понять, что их союзнические обязательства не простираются дальше обещаний по оказанию помощи Праге в случае нападения Венгрии. Югославский и румынский представители уклонились от каких-либо гарантий в отношении германской агрессии, тем самым окончательно похоронив проекты договоров о взаимной помощи между тремя государствами Малой Антанты. Дальнейшее ослабление Малой Антанты последовало 23 августа, когда в Бледе (Югославия) было подписано соглашение между членами Малой Антанты и Венгрией. Оно предусматривало предоставление Венгрии равноправия в области вооружений и пересмотр соответствующих статей Трианонского мирного договора, а также отказ от применения силы во взаимных отношениях в духе пакта Бриана–Келлога. Также были парафированы соглашения Венгрии с Югославией и Румынией по вопросу о положении национальных меньшинств. Отсутствие подобного венгерско-чехословацкого соглашения являлось серьезным нарушением принципа единства действий Малой Антанты, что вело к подрыву ее связей с союзниками и тем самым ослаблению позиций Праги<sup>681</sup>.

В этих условиях Чехословакия предпочла политику выжидания. Несмотря на предложения, в частности от чехословацкого посланника в

Москве Фирлингера, проявить инициативу и начать переговоры с Советским Союзом о практической реализации договоров между Чехословакией, Францией и СССР, Прага хранила молчание. В телеграмме президента Фирлингеру говорилось: «В предшествующих отношениях между Парижем—Прагой—Москвой всегда соблюдался принцип, что Прага не проявляет инициативы и что особенно в военных делах она сама не будет вести переговоров. Неоднократно было сказано Парижу, что мы в своей ситуации из-за лояльности перед Польшей и Румынией сделать этого не можем... Мы сообщили о своей позиции в Париж и лишь после получения его ответа примем окончательное решение»<sup>682</sup>.

7 мая 1938 года ответ был получен: британский и французский посланники предприняли демарш с целью убедить чехословацкое руководство в необходимости максимальных уступок Германии. На практике Праге предстояло сделать выбор между советской линией, основанной на идее коллективной безопасности, и англо-французской политикой умиротворения.

9 мая английский посольство уведомило МИД Германии, что если Берлин конфиденциально сообщит, какого именно решения судетского вопроса они добиваются, то «английское правительство оказывало бы в Праге такой нажим, что правительство Чехословакии вынуждено было бы удовлетворить требования Германии».

Еще через два дня, 11 мая 1938 года, американский посол в Париже докладывал в Вашингтон о настроениях во французских правящих кругах по поводу чехословацкой проблемы: «Мое впечатление, полученное после беседы с Даладьё в отношении возможных действий Франции в случае германского нападения на Чехословакию, было подкреплено вчера ночью, когда Шотан выразил уверенность, что кроме протестов Франция не сделает “абсолютно ничего”. С другой стороны, Леже вчера говорил мне, что, если Германия атакует Чехословакию, Франция автоматически вступит в войну немедленно, а Англия неизбежно последует за ней. Я имел беседы с многими французскими политиками и думаю, что точка зрения Леже гораздо дальше от реальности, нежели точка зрения, высказываемая Даладьё и Шотаном»<sup>683</sup>. Такова была позиция французской политической элиты в мае 1938 года.

17 мая президент Чехословакии Бенеш принял британского посланника Б. Ньютона. Чуть раньше Ньютон говорил министру иностранных дел Чехословакии об «абсолютной необходимости» пойти на уступки Германии<sup>684</sup>. Основной акцент в беседе Бенеш сделал на состоянии советско-чехословацких отношений. По словам президента, эти отношения «всегда были и остаются второстепенным вопросом, зависящим от позиции Франции и Великобритании. Нынешний союз Чехословакии с Россией полностью зависит от франко-русского договора, и если Западная Европа утратит интерес к России, то Чехословакия его тоже утратит». Бенеш заверил посланника, что «его страна будет следовать за Западной Европой и будет связана с Западной, а не

с Восточной Европой. Всякая связь с Россией только через Западную Европу — вот генеральный принцип, положенный в основу внешнеполитической концепции и международной политики Чехословакии», — заключил президент<sup>685</sup>.

На следующий день Бенеша посетил советский полпред Александровский. Речь вновь шла о советско-чехословацких отношениях. Президент сосредоточил основное внимание на вопросе о путях и формах реализации договоров о взаимной помощи между СССР, Францией и Чехословакией. «СССР, Франция и Чехословакия, — заявил Бенеш, — конечно, должны договориться между собой о размерах и способах взаимной помощи, но об этом должны говорить между собой Франция и СССР. Вернее, Франция должна говорить за себя и за Чехословакию»<sup>686</sup>.

Позиция самой Франции в данном вопросе оставалась неясной. Находясь в середине мая 1938 года в Женеве, нарком иностранных дел СССР встретился с министрами иностранных дел Франции и Англии — Боннэ и Галифаксом. Боннэ, в частности, поинтересовался, какова будет позиция СССР в случае германской агрессии против Чехословакии. Как сообщал Литвинов в Москву, французский министр ставил вопрос таким образом, что чувствовалось его желание получить ответ, который был бы равносителен отказу СССР от оказания помощи Чехословакии. Он явно хотел воспользоваться этим ответом для того, чтобы Франции было легче уклониться от выполнения своих обязательств в отношении Чехословакии<sup>687</sup>.

В беседе с американским послом Буллитом Боннэ заявил, что без Великобритании Франция не намерена оказывать помощь Чехословакии, однако публично он «вынужден был бы говорить противоположное», как это и делает французское правительство<sup>688</sup>. Боннэ утверждал, что поляки и венгры скорее будут сражаться, чем пропустят советские войска на помощь Чехословакии. А фронтальная атака на Германию будет означать «почти немедленную гибель всего молодого поколения Франции»<sup>689</sup>. Даладьё в беседе с американским дипломатом также отмечал, что Франция не в состоянии оказать военную помощь Чехословакии<sup>690</sup>.

Германский поверенный в делах во Франции сообщал в Берлин, что заверения французских официальных лиц о верности своим международным обязательствам «не исключают перемены в политике. Особенно заметны перемены в отношениях с Германией. Если Франция рассчитывает на разрядку напряженности в этом вопросе, то ее отношения с Советским Союзом будут сведены к нулю»<sup>691</sup>. А уже 30 апреля в Берлине стал известен разговор Даладьё с английским журналистом. Временный поверенный в делах Германии в Лондоне Кордт сообщал в Министерство иностранных дел рейха об этой беседе, во время которой Даладьё резко спросил своего собеседника: «Когда вы (англичане. — *А.Н.*) решите оказать давление на Прагу? Мы связаны соглашением чести с Чехословакией в силу договора. У Франции связаны руки. Но вы свободны. Я надеюсь, вы понимаете всю срочность и трудность си-

туации. Мир в Европе в настоящий момент зависит от решения Чехословакии и от того, что сделает в связи с этим ваше правительство, в частности Чемберлен»<sup>692</sup>.

На следующий день, 1 мая 1938 года, германский посол Вельчек нанес протокольный визит новому министру иностранных дел Франции Ж. Боннэ. По словам посла, французский министр прежде всего выразил свою симпатию германской культуре, а затем высказал свое восхищение возвышением и новыми успехами Германии. Боннэ заявил, что после присоединения Австрии перед Германией «открывается прекрасная и правильная программа действий». Что касается Чехословакии, то Боннэ дал понять, что Франция заинтересована только в одном — чтобы Германия какими-либо насильственными, грубыми действиями не поставила французов перед необходимостью выполнить свои обязательства<sup>693</sup>.

В самой Франции весьма пессимистично оценивали свои шансы на успешную операцию в поддержку Чехословакии. На заседании Постоянного комитета национальной обороны 15 марта 1938 года превалировало мнение, что Франция вряд ли может оказать поддержку своему союзнику. Французская мобилизация, возможно, оттянет значительные части вермахта на западную границу, однако преодоление германских фортификационных сооружений займет у французской армии большое количество времени<sup>694</sup>. Надо заметить, что французские военные чрезмерно переоценивали мощь так называемой «линии Зигфрида». Французская армия могла пройти через Бельгию, однако бельгийский король Леопольд четко заявил французскому правительству, что Бельгия не пропустит французов через свою территорию, даже если Лига Наций потребует соблюдения 16-ю статью Устава и пропустить французские войска на помощь жертве агрессии<sup>695</sup>. Интересно, что 28 марта глава французского Генштаба генерал Гамелен заявил Черчиллю, что, если начнется война из-за Чехословакии, французы не смогут атаковать Германию на западе или Италию в Альпах, но нападут на итальянскую Ливию<sup>696</sup>. А 25 апреля тот же Гамелен заявил влиятельному британскому политику Л. Хор-Белише, что «Франция не в состоянии оказать военную поддержку Чехословакии»<sup>697</sup>.

Одновременно французский посол Франсуа-Понсе посетил Берлине Риббентропа и заверил его, что «французское правительство так же, как и британское, делает в Праге все, чтобы добиться решения проблемы судетских немцев». Риббентроп нашел «гротескной» мысль, что Германия и Франция могут начать войну по этому поводу. Он заявил: «Я не могу себе представить, чтобы два льва сражались из-за чешской мыши»<sup>698</sup>.

Тем временем в Германии разрабатывали планы нападения на Чехословакию. Впервые подобный план был представлен генерал-фельдмаршалом фон Бломбергом 24 июня 1937 года. Гитлер проработал его, выступая перед генералами 5 ноября. Он предупреждал тогда, что «обрушиться на чехов» следует «молниеносно» и что произойти это может уже в 1938 году. Легкий захват Австрии сделал операцию «Грюн» делом

срочным. Однако план нужно было привести в соответствие с современными требованиями.

Непосредственное планирование операции «Грюн» началось сразу после захвата Австрии. Несмотря на оппозицию со стороны некоторых генералов, в первую очередь Бека\*, Гитлер, главнокомандующий вермахтом фон Браухич и начальник германского Генерального штаба Кейтель интенсивно работали над военной операцией. По свидетельству Йодля, Гитлер приказал «энергично продолжать подготовительные мероприятия к проведению плана «Грюн», пересмотрев его «ввиду изменившегося стратегического положения», то есть с учетом того, что нападение на Чехословакию можно будет совершить и с юга, используя австрийскую территорию.

21 апреля 1938 года Гитлер призвал к себе генерала Кейтеля. Благодаря стенографическим записям майора Шмундта, военного помощника Гитлера, в нашем распоряжении есть отчет об этой встрече, во время которой, по существу, была решена судьба Чехословакии. Успех операции связывался с нанесением молниеносного стратегического удара: «В политическом отношении первые четыре дня военных действий имеют решающее значение. Если в течение этого времени не будут достигнуты решающие успехи, то вероятно возникновение европейского кризиса. Совершившиеся факты должны убедительно продемонстрировать бесперспективность внешнего военного вмешательства, вызвать vystупление союзников (заманчивые перспективы в дележе военной добычи!), деморализовать “Грюн” (то есть, Чехословакию. — А.Н.)»<sup>699</sup>.

Заручившись поддержкой Италии во время своего визита в Рим, Гитлер решил форсировать события. 22 мая 1938 года в Чехословакии должны были начаться муниципальные выборы. По мере приближения выборов организации судетских немцев резко активизировали свои действия. Они попытались представить выборы как референдум по вопросу о судьбе Судетской области. Дальнейшие события американский историк У. Ширер описывает так: «В Судетской области начались волнения с применением оружия. В течение всего мая геббельсовская пропаганда нагнетала напряженность, выдавая один за другим неверо-

---

\* Тогдашний начальник Генерального штаба сухопутных войск вермахта генерал Бек скептически относился к возможностям молниеносного проведения операции «Грюн». В своем меморандуме от 3 июня 1938 года, представленном ОКВ, он утверждал, что соотношение сил между Германией и Чехословакией ставит эту возможность под сомнение. По его расчетам, 26 пехотным, 3 танковым и одной ландверной дивизиям Германии и 4 дивизиям, которые могли быть сформированы к 15 августа из австрийских войск, Чехословакия способна была противопоставить 17 пехотных, 4 моторизованные и 17 резервных дивизий. На основе анализа этого соотношения сил Бек делал вывод: «Здравый смысл говорит за то, что успех внезапного нападения не может быть достигнут...»

ятные рассказы о “чешском терроре” против судетских немцев\*. Обстановка, казалось, обострилась до предела<sup>700</sup>.

20 мая генерал Кейтель направил Гитлеру докладную записку — вариант плана нападения на Чехословакию, над которым генералы работали с 21 апреля. Кейтель писал: «Мой фюрер! К началу нового мобилизационного года в сухопутных войсках, 1 октября 1938 года, должны быть даны новые стратегические директивы, политические принципы и предпосылки которых вы предполагали составить лично. Однако на промежуточный период необходимо заменить новой редакцией часть директивы, касающуюся операции “Грюн”, с учетом обстановки, возникшей в результате включения Австрии в состав великой Германии и в связи с предположением относительно последних намерений чешского Генерального штаба»<sup>701</sup>.

В этот же день Гитлер подписал новую директиву по операции «Грюн». Фактически, она представляет собой модель плана нацистской агрессии, с которой многим странам предстояло столкнуться в период гибели Версальской Европы. «В мои намерения, — так начинался этот документ, — не входит военный разгром Чехословакии уже в ближайшее время и без наличия повода с чехословацкой стороны, если только меня не вынудит к этому неизбежное развитие внутривосточной обстановки в самой Чехословакии или если политические события в Европе не создадут для выступления особенно благоприятные и, может быть, неповторимые возможности».

Далее рассматриваются три «политические возможности для начала акции». Нападение «без подходящего внешнего повода или без удовлетворительного оправдания его с политической точки зрения» отвергается.

«Акция скорее всего начнется:

а) после некоторого периода нарастающих дипломатических столкновений и напряженности, связанных с военными приготовлениями и используемых для того, чтобы обвинить противника в развязывании войны...

б) или молниеносными действиями на основе серьезного инцидента, вследствие которого Германия будет недопустимым образом спро-

---

\* Пропагандистские центры, созданные Берлином за пределами Германии, распространяли по Западной Европе разнообразные инсинуации и фантастические небылицы. В качестве одного из образцов такой продукции можно назвать книгу некоего К. Витца, изданную в сентябре 1938 года в Женеве на французском языке. Ее заголовок был почти научным: «Аспекты проблемы Чехословакии. Советский коридор в центре Европы». Свои суждения автор высказывает весьма категорично. «Они (чехи) предоставили свою страну большевикам и позволили им превратить ее в базу для военных операций... Благодаря передаче участков территории и аэродромов, советский воздушный флот имеет базу в центре Европы. Даже Рим, Лондон и Стокгольм находятся теперь в пределах радиуса действий бомбардировщиков специального типа, которые — Советы громко хвастались этим еще в 1934 году — способны покрывать расстояние в 2000 км без посадки».

воцирована и получит моральное право на военные мероприятия в глазах хотя бы части мирового общественного мнения.

С военной и политической точки зрения более благоприятен вариант «б»».

Что касается непосредственно военных действий, то по плану они должны были увенчаться успехом через четыре дня и показать враждебным государствам, которые захотят вмешаться, безнадежность положения Чехословакии с военной точки зрения. В то же время такие действия должны были побудить государства, имевшие территориальные претензии к Чехословакии, немедленно присоединиться к агрессивным действиям Германии. Этими государствами были Венгрия и Польша. План строился в расчете на вмешательство с их стороны. Выполнение Францией союзнических обязательств по отношению к Чехословакии ставилось под сомнение, однако следовало ожидать «попытку со стороны России оказать помощь».

Германское верховное командование, по крайней мере Кейтель и Гитлер, было уверено в невмешательстве Франции, поэтому считало, что «для прикрытия тылов с запада потребуются только малые силы». Упор делался на то, что «основная масса вооруженных сил должна быть использована при вторжении в Чехословакию». «Задача основной части армии», поддерживаемой люфтваффе, состояла в том, чтобы «разбить чехословацкую армию и оккупировать Богемию и Моравию в кратчайшие сроки».

Война против Чехословакии должна была стать тотальной. Впервые был сделан упор на то, что директива называется «пропагандистской войной» и «экономической войной». Это включалось в общий план нападения:

«Пропагандистская война имеет целью, с одной стороны, запугать Чехословакию и подорвать ее силы сопротивления, с другой — дать национальным меньшинствам стимул к поддержке военных действий, а на нейтральные страны повлиять в нужном нам направлении... Экономическая война имеет целью привести в действие все имеющиеся в распоряжении экономические средства, чтобы ускорить окончательный развал Чехословакии... В период операций в интересах скорейшего повышения общего военно-экономического потенциала необходимо быстрое выявление и восстановление важных предприятий. По этой причине для нас имеет решающее значение обеспечить сохранность чешских заводов и промышленных сооружений, насколько это возможно в ходе военных операций»<sup>702</sup>.

Гитлер и его окружение впервые сформулировали «свой» способ ведения войны, тотальной и лишенной «предрассудков». Заметим, что эта модель нацистской агрессии практически не менялась и использовалась с большим успехом, особенно накануне и в начальный период Второй мировой войны.

Весь май 1938 года пропагандистская машина Геббельса снабжала мир историями о «терроре чехов» против немцев Судетской области. В то же время чешская разведка сумела добыть документы, свидетель-

ствовавшие о готовящихся военных действиях Третьего рейха. Начальник Генерального штаба Чехословакии генерал Крейци 21 мая сообщил германскому военному атташе полковнику Туссену, что у него есть неопровержимые доказательства того, что в Саксонии сконцентрировано от восьми до десяти дивизий. В это же время в Судетах чехословацкой военной полицией были убиты два активиста немецкой судетской партии: чешские солдаты застрелили двух пьяных немцев, которые пытались проехать на мотоциклах через блокпост<sup>703</sup>. 19 мая Генлейн прекратил все переговоры об урегулировании судетского вопроса с Прагой. Одновременно поползли слухи о передвижении германских войск у границ ЧСР. Над Чехословакией нависла угроза германского вторжения.

20 мая состоялось экстренное заседание чехословацкого кабинета министров во дворце Градчаны под председательством президента Бенеша. Вскоре Чехословакия провела частичную мобилизацию. Были призваны первая категория запаса и некоторые резервисты из технических родов войск. Правительство Чехословакии в отличие от австрийских лидеров, столкнувшихся с такой же проблемой двумя месяцами ранее, не собиралось сдаваться без боя. Надо заметить, что к этому времени Чехословакия располагала прекрасной системой обороны. В Судетах чехи построили мощную линию обороны по последнему слову техники. С запада ЧСР была надежно прикрыта. Правда, после аншлюса Германия стала нависать над чешской обороной с юга, но, по оценке заместителя начальника немецкого генштаба Ф. Гальдера, «для германской армии было практически невозможно напасть на Чехословакию с юга»<sup>704</sup> из-за проблем с коммуникациями в этих горных районах. А чехословацкий президент Бенеш так оценивал перспективы войны: «...даже если Чехословакии не будет оказана помощь, она в состоянии драться четыре месяца, отступая на восток»<sup>705</sup>. За это время Франция могла бы спокойно нанести удар в тыл Германии. А вот передача Судет Германии сделала бы Чехословакию беззащитной.

Послу Франции в Лондоне Корбену было немедленно предписано встретиться с лордом Галифаксом и потребовать совместного выступления британского и французского правительств с целью предотвратить нацистскую агрессию<sup>706</sup>. Галифакс, взяв инициативу в свои руки, проинструктировал британского посла в Германии, и 21 мая Гендерсон и Франсуа-Понсэ, британский и французский послы в Берлине, предупредили Риббентропа, что германская акция в отношении Чехословакии будет означать европейскую войну<sup>707</sup>. Такая, пусть и временная, сплоченность действий Англии и Франции заставила Гитлера отступить\*.

---

\* Надо заметить, что сам Гендерсон не был настроен так категорично. Более того, он характеризовал чехов как «свиноголовую расу», а президента Бенеша, выпускника Карлова, Парижского и Дижонского университетов, как «самого свиноголового в своем стаде». Немцам он говорил: «Великобритания не собирается рисковать ни одним своим матросом или летчиком ради Чехословакии».



«...Когда Германия ничего не предприняла, — вспоминает один из приближенных Гитлера, — мировая пресса торжествующе заявила, что немецкий диктатор отступил. Достаточно лишь показать ему свое противостояние, как сделали это чехи, писали газеты, чтобы заставить его образумиться. И нарочно нельзя было придумать лучшего способа привести Гитлера в бешенство. Открыто обвинить диктатора в слабости — это меньше всего могло бы заставить его образумиться»<sup>708</sup>. Негодование фюрера усиливалось еще и потому, что его публично обвинили в планировании агрессии, которую он действительно планировал.

Один из сотрудников французского МИД, обсуждая события майского кризиса с американскими дипломатами, очень четко подметил, что «впервые в игре мяч оказался на французской половине площадки». Он также говорил о возобновлении франко-британской солидарности, однако заметил, что поддержка Лондона в следующем кризисе маловероятна<sup>709</sup>.

Ознакомившись с заявлением французского правительства от 21 мая о том, что оно готово выполнить свои обязательства перед Чехословакией, англичане предупредили французов, что Англия, со своей стороны, «не пошла дальше заявления, сделанного премьер-министром в парламенте 24 марта». 22 мая английский посол в Париже Фиппс официально заявил Боннэ, что британское правительство не обязано и не намерено помогать Франции, если она вступит в войну с целью защиты Чехословакии от германской агрессии. Лондон также призвал, чтобы, прежде чем принимать какие-либо меры, которые могут обострить положение или привести к войне, французы проконсультировались с английским правительством<sup>710</sup>.

Отражая в целом настроения британской общественности, «Санди Таймс» писала: «Германия не хочет европейской войны, атака прессы (германской. — *А.Н.*) на нашу страну, и на премьер-министра в частности, основывается на полном непонимании целей британской политики. Наша роль — роль посредника, и наши действия неделю назад оказались жесткими только из-за возникшей опасности»<sup>711</sup>.

Правительство Чемберлена предприняло также очередной демарш в Праге, оказывая давление на Чехословакию, с тем чтобы побудить ее к уступкам Германии. Касаясь итогов совещания, состоявшегося в те дни в Форин Оффис, Кадоган писал: «Было решено использовать в отношении Бенеша большую дубинку»<sup>712</sup>.

Учитывая позицию Великобритании, Берлин продолжал подготовку к агрессии против Чехословакии. Проведя несколько дней в Оберзальцберге в дурном настроении, распаясь от гнева, вынашивая мысли расчитаться с Чехословакией и особенно с президентом Бенешем, который, по мнению Гитлера, намеренно его унизил, 28 мая германский фюрер неожиданно появился в Берлине и созвал высших офицеров вермахта в канцелярию, чтобы огласить им свое решение\*.

---

\* В эти дни начальником штаба германской армии стал пятидесятичетырехлетний генерал из Баварии Ф. Гальдер, который впоследствии активнейшим образом участвовал в разработке плана «Барбаросса». Гальдер прервал tradi-

Через восемь месяцев Гитлер сам рассказывал об этом в речи, произнесенной в рейхстаге:

«Я решил раз и навсегда покончить с судетским вопросом. 28 мая я приказал:

1. К 2 октября должны быть закончены военные приготовления для действий против Чехословакии.

2. Строительство оборонительных укреплений на западе должно быть расширено и ускорено. Была запланирована немедленная мобилизация 96 дивизий для начала...»

Своим ближайшим соратникам — Герингу, Кейтелю, Браухичу, Беку, адмиралу Редеру, Риббентропу и Нейрату Гитлер громогласно заявил: «Стереть Чехословакию с карты — мое непоколебимое решение!» Снова на повестку дня был вынесен план операции «Грюн» с целью его пересмотра.

В дневнике Йодля сохранились записи о том, над чем лихорадочно бился ум Гитлера: «Намерение фюрера не активизировать решение чешской проблемы изменилось в связи с концентрацией чешских войск, проведенной 21 мая при отсутствии угрозы со стороны Германии и без видимых причин. Сдержанность Германии может привести к потере фюрером престижа, чего он не желает допускать. Поэтому 30 мая издается новая директива по операции “Грюн”»<sup>713</sup>.

Уничтожение Чехословакии должно было, по мнению Гитлера, обеспечить Германии тыл «для наступления на запад, то есть против Англии и Франции» вплоть до Ла-Манша. Гитлер в очередной раз высказал убеждение, что Англия и Франция не вмешаются в конфликт. Одновременно работы по сооружению Западного вала были переданы из военного ведомства в ведение министерства Ф. Тогда, прославившегося сооружением гигантских автобанов.

Два дня спустя, 30 мая 1938 года, Гитлер утвердил новый вариант плана захвата Чехословакии. Новая директива по операции «Грюн», подписанная Гитлером 30 мая, мало чем отличалась от варианта, предложенного ему за девять дней до этого. Однако в ней имелись два значительных изменения. Вместо первой фразы директивы от 21 мая, гласящей: «В мои намерения не входит военный разгром Чехословакии уже в ближайшее время», — директиву от 30 мая открывает другая фраза: «Моим непоколебимым решением является разбить Чехословакию в ближайшем будущем путем проведения военной кампании».

Что такое «ближайшее будущее», Кейтель объяснил в сопроводительном письме: «Исполнение директивы необходимо обеспечить не

---

цию: впервые штаб германской армии возглавил не прусский протестант, а баварский католик, хобби которого были математика и ботаника. Он производил впечатление университетского ученого. История испытала его моральную стойкость: временами сомневаясь в нацизме, Гальдер в конечном счете склонился перед Гитлером. После провала заговора против Гитлера осенью 1938 года, Гальдер отошел от заговорщиков, считая, что обязан выполнять долг солдата, верного присяге.

позднее чем 1.10.1938 г.». Этой даты Гитлер придерживался неотступно, несмотря ни на какие трудности, балансируя на грани войны.

Гитлер отмечал в директиве: «Дело политического руководства — выждать или создать подходящий для этого момент, выгодный в политическом и военном отношении. Неизбежное развитие внутривнутриполитической обстановки в Чехословакии и другие политические события в Европе, создающие неожиданно благоприятные и, возможно, неповторимые условия для выступления, могут побудить меня к действиям в более ранние сроки. Правильный выбор и решительное использование благоприятного момента обеспечат успех акции. В соответствии с этим необходимо немедленно приступить к осуществлению подготовительных мероприятий».

Германский фюрер был уверен, что «для ведения вооруженной борьбы важно максимально использовать фактор внезапности... Тем самым уже в первые два—три дня войны нужно создать обстановку, которая продемонстрирует вынашиваемым планы интервенции вражеским государствам бесперспективность военной обстановки для Чехословакии, а также побудить государства, имеющие территориальные претензии к Чехословакии, немедленно выступить против нее. В этом случае надо рассчитывать на выступление Венгрии и Польши против Чехословакии, особенно если при недвусмысленной поддержке нас Италией Франция будет медлить и опасаться развязывания европейской войны в случае ее выступления против Германии. Надо предвидеть вероятность военной поддержки Чехословакии со стороны России, преимущественно силами авиации. Если в первые дни войны не будут достигнуты ощутимые успехи в операциях наземных войск, то можно с уверенностью ожидать возникновения кризиса в Европе. Сознание этого должно побудить командование сверху донизу к решительным и отважным действиям»<sup>714</sup>.

После издания этих директив в Германии началась интенсивная подготовка к нападению на Чехословакию. Была установлена и точная дата завершения этих приготовлений («день X»), с тем чтобы в любой момент после этой даты — в зависимости от общей обстановки — Гитлер мог принять решение о вторжении\*. Сначала этой датой было назначено 1 октября, но впоследствии окончательным «днем X» было назначено 28 сентября 1938 года<sup>715</sup>.

Между тем 30 мая глава МИД Чехословакии Крофта в беседе с советским полпредом повторил принципиальное положение Бенеша о том, что в треугольнике Париж—Москва—Прага «Чехословакия не

---

\* К этому времени лидер судетских нацистов К. Генлейн уже получил инструкции из Берлина. Выработанный план действий был достаточно прост: «Мы должны требовать столько, чтобы нас нельзя было удовлетворить». Непринятие этих требований чехословацким правительством могло быть в любой момент использовано для организации инцидентов и конфликтов, чтобы в конце концов вызвать в стране политический кризис и создать повод для ввода немецких войск в Чехословакию.

может быть инициатором, не может выступать раньше Франции». Крофта сослался на то, что по условиям советско-чехословацкого договора Чехословакия «не могла бы пойти против намерений Франции», но «вслед за ней охотно пойдет на любой разговор». Однако Крофта стремился показать, что Чехословакия в принципе не отказывается от советской помощи. Так, он заявил, что «уверенность в том, что СССР совершенно серьезно и без всяких колебаний намеревается и готовится оказать помощь Чехословакии в случае действительной нужды, действует очень успокоительно и ободряюще на Чехословакию»<sup>716</sup>.

В целом заявления Бенеша и Крофты показали, что Прага рассчитывает на советскую помощь, но только при условии, что она будет сочетаться с помощью Франции. Чтобы оказать поддержку Чехословакии, Советский Союз должен был предварительно добиться выполнения Францией ее союзнических обязательств. В то же время, когда чехословацкий посланник во Франции Осуский поставил перед Боннэ вопрос о военных переговорах с СССР, он получил, как говорил Фирлингер Литвинову, ответ, что «ввиду успешного сотрудничества между Англией и Францией такие переговоры теперь несвоевременны»<sup>717</sup>.

17 июня, после беседы с Боннэ, германский посол Вельчек доносил в Берлин: «Боннэ постоянно думает о франко-германской Антанте и желает как можно более тесного контакта между нами»<sup>718</sup>. Через несколько дней Риббентроп пригласил к себе Франсуа-Понсе. Глава германского МИД проявил неудовольствие «привычкой Франции находиться там, где ее интересы непосредственно не затронуты». В ответ французский посол заявил, что союзы, заключенные Францией, были результатом «исторического развития». Далее Франсуа-Понсе продолжал: «Пример русско-французских отношений показывает, что такие союзы подлежат эволюции так же, как и сами отношения». Риббентроп сразу же подхватил эту идею и выразил надежду, что там, где задеты интересы Германии, французские союзы пройдут такую же эволюцию, как и союз с Россией<sup>719</sup>.

18 июня в плане директивы нападения на Чехословакию Гитлер писал: «Акция против Чехословакии будет предпринята, если так же, как во время реокупации демилитаризованной зоны и вторжения в Австрию, а я в этом твердо убежден, Франция не выступит, а Великобритания тем более не вмешается»<sup>720</sup>.

В начале июня 1938 года судетские немцы представили чехословацкому правительству список своих требований. Прага, в свою очередь, начала их рассматривать; этот процесс затянулся до сентября, когда судетский кризис вступил в свою завершающую стадию. В целом же летом 1938 года серьезных событий вокруг Чехословакии не происходило. Однако именно в это время, между двумя фазами чехословацкого кризиса, произошла окончательная расстановка противоборствующих сторон, определявших баланс сил на континенте. Как бы подводя итог переговорам между Великобританией, Францией и Германией, статс-секретарь германского МИД Вайцзекер писал Риббентропу 26 июля 1938 года: «Возможно, что чешская проблема, сегодня — яблоко раздо-

ра, завтра станет отправным пунктом взаимопонимания и сотрудничества (западных демократий. — *А.Н.*) с Германией»<sup>721</sup>.

Тем временем обстановка вокруг Чехословакии накалялась. Судетские немцы постоянно провоцировали Прагу, Германия угрожала применить силу для обеспечения их прав, в то время как умиротворители шли на уступки Гитлеру. Противники войны с Чехословакией в самой Германии потерпели фиаско. Л. Бек был вынужден подать в отставку, адмирал Г. Гузе был переведен на незначительный пост, а Вайцзекер более не высказывался против военной операции. Но для успешного «решения» чехословацкого вопроса фюреру требовалось еще одно условие. Оно состояло в международной изоляции Чехословакии, в ликвидации союзнических договоров этой страны с Францией и СССР. Париж находился в русле британской политики умиротворения, и его позиция не столь беспокоила Гитлера. Совершенно иначе обстояло дело с Советским Союзом. В случае выступления СССР в защиту Чехословакии реакцию Франции, а вслед за ней и Великобритании предугадать было очень трудно.

Безусловно, это понимали и в Лондоне. В этой связи кабинет Чемберлена с июня 1938 года готовил план «нейтрализации» Чехословакии. Еще 25 мая Галифакс вынес на рассмотрение британского кабинета министров вопрос о будущем политическом курсе Англии. Отметив, что французское правительство постоянно выражает опасения, как бы ему не пришлось делать выбор между бесчестьем и войной, Галифакс считал необходимым «добиться освобождения французов от их обязательств». Он высказался за превращение Чехословакии в нейтральное государство. Англии неудобно ставить вопрос о ликвидации договоров о союзе Чехословакии с Францией и Россией, говорил глава Форин Оффис, но в случае нейтрализации Чехословакии «эти союзы буду автоматически ликвидированы». Таким образом, оказывая давление на Прагу, Великобритания рассчитывала убедить ее отказаться от пакта о взаимопомощи с СССР, выполнение условий которого привело бы к началу европейской войны.

В Великобритании продолжали надеяться на улучшение англо-германских отношений. 20 июля «Таймс» писала: «Не является секретом, что британское правительство надеется, что чехословацкое урегулирование улучшит возможности для возобновления англо-германских переговоров»<sup>722</sup>.

В августе Лондон направил в Чехословакию с ее согласия лорда Ренсимена в качестве посредника в урегулировании судетской проблемы, означавшем передачу части районов Германии. Миссия Ренсимена была воспринята в Англии «всеми с воодушевлением»<sup>723</sup>.

Сообщая о ней в палате общин, Чемберлен уклонился от прямых ответов — уникальный случай в истории британского парламента. Премьер-министр заявил, что посылает Ренсимена «в ответ на просьбу правительства Чехословакии». На самом же деле миссия Ренсимена была навязана чешскому правительству. При этом все, в том числе и Чемберлен, понимали, что посредничество Ренсимена между чешским

правительством и судетскими лидерами невозможно и немислимо. Они знали, что Генлейн, лидер судетских нацистов, не волен вести переговоры и что дело сводится к переговорам между Берлином и Прагой. С этого времени давление Лондона и Парижа на Чехословакию еще больше усилилось. Как отмечал помощник министра иностранных дел Англии О. Харви, «Ренсимен был подключен к делу, чтобы помочь правительству в грязной работе»<sup>724</sup>.

Дело в том, что Чемберлен, оказавшись на грани войны 19–22 мая, решил непосредственно вмешаться в судетскую проблему. Он был намерен не выпускать больше из-под контроля ход судетского кризиса. Для этого им был использован визит британской королевской четы в Париж, начавшийся 19 июля 1938 года\*.

Сопровождавший высоких гостей Галифакс на встрече с Даладье предложил французскому премьеру поддержать миссию лорда Ренсима, который должен был на месте разработать меры по урегулированию конфликта между судетскими немцами и чехословацким правительством — стать «беспристрастным арбитром» в судетском вопросе<sup>725</sup>, а на практике убедить лидеров Чехословакии пойти на существенные уступки германской судетской партии. За несколько дней до государственного визита Чемберлен отправил письмо Даладье, в котором высказывал свою убежденность в скором заключении Западного пакта. Чемберлен просил обсудить эти вопросы с Галифаксом и дать свое согласие на миссию Ренсима<sup>726</sup>.

Первоначально и Даладье, и чехословацкий президент Бенеш отвергли миссию Ренсима, так как она объективно вела к изменению границ Чехословакии. Но в случае отказа Даладье боялся потерять поддержку Великобритании в судетском вопросе. В итоге Чемберлену все же удалось заручиться поддержкой Даладье на визит Ренсима в Чехословакию и Германию. Последствия такого решения французского премьера трудно переоценить. Если раньше официальный Париж был против каких-либо изменений границ Чехословакии, то теперь, одобряя миссию Ренсима, Даладье де-факто признавал тезис Чемберлена о невозможности существования Чехословакии в ее первоначальных границах. Более того, ассоциируя Францию с миссией Ренсима, Даладье

---

\* В условиях огромной международной напряженности была изменена одна из важнейших британских традиций. Английская королевская чета, вместо того чтобы совершить свою первую поездку в одну из стран империи, как того требовала традиция, направилась с официальным визитом в Париж. Приезд короля Георга VI и королевы Елизаветы на парижский вокзал был обставлен с триумфальной торжественностью. Караул нес полк зуавов. В 1903 году эти знаменитые зуавы на этом же самом месте растрогали до слез Эдуарда VII, напомнив ему Крымскую войну и битву под Балаклавой, где впервые в истории английские и французские пехотинцы сражались плечом к плечу. На улицах под ослепительным солнцем, на мостовой, на тротуарах — повсюду в Париже, украшенном как никогда, публика была настроена восторженно. Но это не помешало кому-то в толпе сказать: «А в 1914 году война вспыхнула несколько недель спустя после визита во Францию его отца, короля Георга Пятого!..»

закрепил право Чемберлена вести переговоры с Гитлером по судетскому вопросу от имени англо-французского лагеря. Надо заметить, что, соглашаясь на подобные уступки, французский премьер, вероятно, рассчитывал на то, что судетские территории отойдут к рейху без ущерба для экономической и военной мощи своего союзника.

Принимая такое, по сути, рискованное решение, Даладье совершил фатальную ошибку. Просчет французского премьера не просто радикально снизил возможности Чехословакии защитить свой суверенитет, но и поставил крест на системе французской безопасности. Даладье недооценил масштаба политики умиротворения Чемберлена, который был готов идти до конца в своем стремлении договориться с Гитлером, тем самым позволяя (вольно или невольно) фюреру осуществить его конечную цель в судетском вопросе — полное уничтожение Чехословацкого государства. Несмотря на секретные сообщения (в которых Лондон отказывал Франции в поддержке в случае войны из-за Чехословакии), Даладье, по-видимому, надеялся хотя бы на минимум британской поддержки в противодействии Германии. И только на Мюнхенской конференции стало ясно, насколько он ошибался.

Кроме того, Даладье допустил еще ряд тактических ошибок. Во-первых, правительство Франции фактически потеряло возможность иметь право голоса в решении судетского вопроса с тех пор, как Даладье предоставил Чемберлену право вести переговоры с Гитлером по этой проблеме от лица Англии и Франции. Во-вторых, французский премьер не сумел в июле 1938 года добиться от Чемберлена прояснения британской позиции по судетскому кризису в случае провала миссии Ренсимена. Даладье не смог убедить Чемберлена отречься от секретных посланий и потребовать от британского премьера поддержки как в случае войны, так и за столом переговоров. В отсутствие последнего обстоятельства французское правительство не могло чувствовать себя уверенно в отношении Германии.

Еще 17 июля специальный представитель Гитлера и его личный помощник Ф. Видеман заверил Галифакса, что германское правительство не планирует использовать силу в «нынешних обстоятельствах», однако он не может дать подобное заверение «на продолжительное время». На следующий день английский посол в Праге Ньютон получил указание предложить Бенешу услуги «беспристрастной персоны с хорошей репутацией»<sup>727</sup>. 26 июля в палате общин Чембрелен объявил о миссии Ренсимена. Открывая дебаты, депутат Сиклэир заявил, что Чехословакия должна сделать наиболее щедрые уступки «разумным требованиям» судетских немцев «с учетом сохранения безопасности собственно государства» и получить британскую поддержку против «несправедливых и агрессивных требований»<sup>728</sup>.

С 3 августа по 16 сентября 1938 года престарелый и глуховатый лорд Ренсимен провел в Чехословакии с миссией посредника между судетскими немцами и официальной Прагой<sup>729</sup>. Разъезжая между Судетской областью и Прагой, Ренсимен делал все более дружественные жесты в отношении судетских немцев и оказывал все более сильный

нажим на чешское правительство, чтобы оно предоставило судетским немцам все, чего те пожелают. Технически его миссия заключалась в поиске условий для переговоров, удовлетворявших обе стороны. Однако все попытки Ренсимена наладить диалог между партией Генлейна и официальной Прагой ни к чему не приводили.

18 августа Ренсимен впервые встретился с Генлейном. Лорд остался недоволен беседой. Лидер судетских немцев заявил, что германский народ должен защищать свои дома от чешского вторжения, инспирированного правительством. Тем не менее он надеется на продолжение переговоров ради предотвращения войны. 22 августа Генлейн имел беседу с участником миссии Ренсимена Ф. Эштон-Гуэтקיном. Генлейн заявил, что видит пять возможностей развития событий: 1. сохранение статус-кво — что неприемлемо; 2. местная автономия; 3. отделение от Чехословакии и создание независимого государства; 4. аншлюс судетских районов с Германией; 5. включение в состав Германии всей Богемии и Моравии. Сам Генлейн до сих пор предпочитает второй вариант. Кроме того, он высказал желание видеть Англию и Германию друзьями, а соглашение по судетскому вопросу должно этому способствовать<sup>730</sup>. Однако компромисса найти так и не удалось.

23 августа советник Чемберлена Горас Вильсон обсуждал ситуацию вокруг миссии Ренсимена с германским дипломатом Т. Кродтом. Последний заявил, что существование Чехословакии в качестве советского форпоста для нападения на Германию возмутительно. Г. Вильсон согласился со своим собеседником и добавил, что мирное урегулирование проблемы должно помочь установлению сотрудничества Англии и Германии. В отличие от анархии и варварства большевизма, — продолжал Г. Вильсон, — Великобритания и Германия фактически являются двумя странами, где торжествует порядок. Британия должна признать экономическое преобладание Германии на юго-востоке Европы. В Берлине увидят, — заключил Г. Вильсон, — что британское правительство готово к последствиям провала миссии Ренсимена<sup>731</sup>.

В то же время Риббентроп писал, что миссия «Ренсимена лишь поощряет действия Чехословакии. Упрямство Бенеша является нетерпимым и основывается лишь на том, что он может рассчитывать на иностранную помощь. Германским дипломатам было сообщено, что Гитлер «категорически настроен решить чешский вопрос силой оружия». Он считает конец октября крайним сроком. Если другие державы неожиданно вмешаются в события, Германия примет вызов и сокрушит их»<sup>732</sup>.

Вся эта дипломатическая переписка происходила на фоне усиленных германских военных приготовлений и маневров, что не могло не вызывать самых серьезных опасений в Лондоне и Париже. Поэтому неудивительно, что английская и французская дипломатия все больше усиливала давление на правительство Чехословакии, добиваясь, чтобы оно удовлетворило требования нацистов в отношении Судетской области. По словам О. Харви, Лондон и Париж стремились к тому, чтобы Чехословакия «совершила самоубийство с целью избежать убийства»<sup>733</sup>.



Излагая высказывания чехословацкого посланника в Лондоне Я. Масарика, И.М. Майский сообщал в Москву, что «английское правительство всемерно давило на Чехословакию, рекомендуя ей максимальные уступки судетским немцам. Почти каждую неделю Галифакс вызывал к себе Масарика и советовал, обращал его внимание, указывал, предостерегал, даже грозил, требуя все новых уступок» партии Генлейна<sup>734</sup>.

Надо заметить, что в Лондоне раздавались и голоса в поддержку иной линии в чехословацком вопросе, правда, они были в меньшинстве. Так, Черчилль заявил своим избирателям: «В этом древнем лесу Тейдон-Бойс, само название которого напоминает нам об эпохе норманнов, в самом сердце мирной, живущей под властью законов Англии, нам трудно осознать ярость страстей, бушующих в Европе. За этот тревожный месяц вы, несомненно, читали в газетах одну неделю хорошие сообщения, другую неделю плохие; сегодня лучше, завтра хуже. Однако я обязан сказать вам, что вся Европа и весь мир неуклонно идут к кризису, который невозможно оттянуть надолго.

Войны, бесспорно, можно избежать. Однако угроза миру не будет устранена до тех пор, пока не будут расформированы призванные под ружье германские армии. Ибо, когда страна, которой никто не угрожает, которой некого бояться, приводит в боевую готовность полтора миллиона солдат, она делает очень серьезный шаг... Мне кажется, и я обязан ясно сказать вам об этом, что эти огромные силы приведены в боевую готовность не без намерения достигнуть решающих результатов в весьма ограниченный отрезок времени...»<sup>735</sup>.

Действительно, в германском ОКВ кипела работа. Составлялись окончательные планы, согласно которым войска должны были быть готовы к вторжению в Чехословакию к 1 октября\*.

30 августа 1938 года, в Лондоне состоялось заседание британского кабинета министров, во многом определившее дальнейший ход судетского кризиса. Министр иностранных дел Галифакс сделал для членов кабинета обзор международной обстановки. Единственным средством

---

\* Надо заметить, что фюрер не забывал и о западных рубежах рейха. 26 августа Гитлер отправился инспектировать западные оборонительные сооружения. Его сопровождали Йодль, доктор Тодт (инженер, начальник строительства Западного вала), Гиммлер и несколько партийных функционеров. 27 августа к ним присоединился генерал Вильгельм Адам, прямолинейный, способный баварец, командовавший войсками на западных границах. 29 августа в личном автомобиле Гитлера произошла удивительная сцена, когда Адам заявил, что хотел бы поговорить с фюрером наедине. Не без некоторой издевки, как вспоминал впоследствии сам генерал, Гитлер попросил Гиммлера и соратников по партии выйти из машины. Адам без лишних слов заявил, что, несмотря на шумиху, поднятую вокруг Западного вала, он не сможет удержать его с теми войсками, которые находятся в его распоряжении. С Гитлером случилась истерика, и он пустился в разглагольствования о том, как сделал Германию более сильной, чем Англия и Франция, вместе взятые. «Человек, который не удержит укреплений, — кричал Гитлер, — мерзавец!»

предотвратить нападение Германии на Чехословакию, признал он, было предупредить Гитлера о решимости Англии вступить в этом случае в войну. Однако Галифакс был против подобного курса. «...Он спрашивает себя, — говорится в протоколе, — оправдано ли идти на безусловную войну сейчас ради предупреждения возможной войны в будущем?»

«Нельзя гарантировать, — заявил он, — что эта политика принесет успех, но единственной альтернативой является применение прямой угрозы в отношении Германии. Он хочет, чтобы ясно было понято: если эта политика потерпит неудачу, правительству будет предъявлен упрек, что, прояви оно только мужество в своих убеждениях, оно могло бы предотвратить несчастье. Его обвинят также в отказе от принципов коллективной безопасности и тому подобное. Но эта критика не трогает его... Кабинет единодушен, — заявил Чемберлен в итоге заседания, — в отношении того, что мы не должны высказывать угрозу в адрес господина Гитлера, что если он вступит в Чехословакию, то объявим ему войну»<sup>736</sup>.

За неделю до этого, 24 августа 1938 года, Бенеш встретился с лидерами судетских немцев Себековским и Кундтом. Через несколько дней чехословацкий премьер изложил свой «Третий план». В нем предлагалось разделить страну на двадцать районов, причем в трех из них судетские немцы получали автономию. Кроме того, для оказания помощи немецким районам выделялся значительный заём, а государственная полиция покидала эти территории. Специальная комиссия должна была внести конституционные изменения по этому поводу.

30 августа, именно в тот день, когда Великобритания фактически решила «сдать» Чехословакию, данный план был отправлен на рассмотрение в Судеты. Бенеш предлагал больше, чем когда-либо до этого. Однако эти предложения являлись пределом уступок судетским немцам со стороны официальной Праги. Пойти на дальнейшие уступки означало поставить под угрозу национальную безопасность Чехословакии. В этих условиях позиция Ренсимена оказалась весьма непростой. Пожилой дипломат-миллионер был вымотан постоянными дискуссиями «в этой проклятой стране»<sup>737</sup> (Чехословакии. — *А.Н.*). Было решено, что Ренсимен опубликует доклад о своей миссии не позднее 15 сентября 1938 года.

Фактически речь шла о территориальной целостности Чехословакии. В отличие от Великобритании, вопрос о сохранении Чехословакии в существовавших границах для СССР был весьма актуален, так как в конечном счете затрагивал жизненные интересы национальной безопасности Советского Союза. Поэтому СССР предпринял энергичные меры с целью не допустить изменения статус-кво, тем более без своего участия. Москва полностью подтвердила свою программу мер, обеспечивавших защиту Чехословакии.

Париж также не мог спокойно отнестись к территориальным изменениям в Центральной Европе. В начале сентября правительство Франции впервые официально запросило о том, какую позицию займет Со-

ветский Союз в случае нападения на Чехословакию. 2 сентября нарком иностранных дел, отвечая французскому поверенному в делах Ж. Пайяру, заметил, что «Франция обязана помогать Чехословакии независимо от нашей помощи, в то время как наша помощь обусловлена французской», и что «мы (СССР. — *А.Н.*) имеем большее право интересоваться помощью Франции». Французский дипломат уклонился от ответа, заявив, что ему поручено ограничиться зондажем советской позиции. Литвинов же дал четкий ответ: «При условии оказания помощи Францией мы исполнены решимости выполнить все наши обязательства по советско-чехословацкому пакту, используя все доступные нам для этого пути»<sup>738</sup>.

Советский нарком перевел дискуссию в практическое русло. Литвинов сделал упор на «определении конкретной помощи». Москва, в частности, считала «необходимым созвать совещание представителей советской, французской и чехословацкой армий», ибо без таких «практических мер ... трудно представить себе общую защиту Чехословакии тремя государствами». Однако французский дипломат вновь уклонился от ответа<sup>739</sup>.

Вопрос упирался в практическую плоскость, а именно: каким образом СССР может оказать помощь Чехословакии. Когда Литвинов заявил, что, «если Польша и Румыния чинят теперь затруднения, то их поведение, в особенности Румынии, может быть иным, если Лига Наций вынесет решение об агрессии», французский дипломат резонно засомневался<sup>740</sup>. Действительно, как было показано выше, к этому времени Лига Наций была полностью исключена из развития европейского кризиса, и вряд ли ее позиция могла каким-нибудь образом повлиять на ход событий. Надо заметить, что и сам Литвинов позже отмечал, что «мы не ставили свою помощь в зависимость от решений Лиги Наций, о которой мы говорили лишь в связи с позицией Румынии»<sup>741</sup>.

В заключение советский нарком предложил созвать совещание государств, заинтересованных в сохранении мира в Европе. «Мы считаем, — подчеркнул Литвинов, — что в настоящий момент такое совещание с участием Англии, Франции и СССР и вынесение общей декларации, которая, несомненно, получит моральную поддержку Рузвельта, имеет большие шансы удержать Гитлера от военной авантюры, чем всякие другие меры. Вместе с тем следует действовать быстро, прежде чем Гитлер окончательно ангажируется», — заключил беседу Литвинов<sup>742</sup>.

Сказанное Литвиновым не содержало ничего принципиально нового по сравнению с прежними советскими предложениями. Отличие было в том, что весной 1938 года эти предложения были высказаны в разное время, теперь же они были сведены воедино. С одной стороны, это была комплексная программа защиты Чехословакии, с другой — главный вопрос о конкретных путях оказания помощи Советским государством так и не был прояснен.

На предложение о созыве конференции западные державы ответили отказом, так как такая конференция явно не вписывалась в механизм политики умиротворения и могла спровоцировать Гитлера на реше-

тельные меры в отношении чехословацкой проблемы. Толчком к вовлечению Франции в противодействие агрессии могли послужить совместные действия Чехословакии и СССР. Однако с весны 1938 года Прага не считала возможным предпринимать любые акции без участия в них Франции.

В этих условиях большое значение приобретал созыв совещания генеральных штабов Франции, Чехословакии и Советского Союза. В результате подобного совещания можно было по крайней мере выработать конкретную программу взаимодействия трех союзнических держав в случае эскалации чехословацкого кризиса.

Сразу же после окончания переговоров с Пайяром НКВД проинформировал о ходе беседы чехословацкого посланника, английских дипломатов, а также поручил советским полпредам в Париже и Праге проинформировать министров иностранных дел Франции и Чехословакии<sup>743</sup>. Сделано это было не случайно. Поведение Пайяра еще во время беседы с Литвиновым вызвало у советского наркома подозрения. Литвинов сделал вывод, что «Пайяр старался получить от нас (СССР. — *А.Н.*) уклончивые или негативные ответы, чтобы на нас свалить затем ответственность»<sup>744</sup>. К аналогичным наблюдениям пришел и советский полпред в Париже в отношении Боннэ: «Предпринимая демарш в Москве, Боннэ втайне рассчитывал, что мы дадим ответ отрицательный или, во всяком случае, способный вооружить доводами против контактов»<sup>745</sup>.

Действительно, в телеграмме Пайяра в Париж от 2 сентября ни слова не говорится о совещании генеральных штабов, именно о том пункте, который занимал ключевое место в системе советских предложений<sup>746</sup>. 5 сентября французский поверенный в делах посетил НКВД СССР, чтобы перепроверить, насколько точно им понято заявление Литвинова. Заместитель наркома Потемкин пункт за пунктом обсудил с Пайяром ответ Советского правительства. По каждому моменту Потемкин мог констатировать, что его собеседник правильно изложил суть сказанного наркомом. «По вопросу о конкретных формах помощи Чехословакии в ответе Советского правительства предлагается созыв совещания представителей генштабов Франции, СССР и Чехословакии. Пайяр осведомился: представляем ли мы себе такое совещание с неперменным и единовременным участием представителей всех трех поименованных стран? Я ответил, что точный смысл нашего ответа именно таков»<sup>747</sup>. Таким образом, если с французской стороны и имелись какие-либо неясности относительно заявления Литвинова, то они были устранены 5 сентября.

Подобная позиция Москвы разочаровала министра иностранных дел Франции. 11 сентября, встретившись в Женеве с Литвиновым, Боннэ не стал отвечать на советские предложения. Министр сделал упор на нежелании Великобритании поддерживать советские предложения. Кроме того, он напомнил о сопротивлении Польши и Румынии проходу войск Красной Армии. В то же время Боннэ воздерживался от каких-либо собственных инициатив<sup>748</sup>.

Надо признать, что Боннэ был абсолютно прав, утверждая подобное. Действительно, Лондон не желал вмешательства Советского Союза в решение чехословацкой проблемы, опасаясь, что такое вмешательство вызовет соответствующую реакцию во Франции и, как следствие, начало большой войны, которой британский кабинет желал избежать любой ценой. Франция же не была готова оставить свой союз с Великобританией ради совместных действий с СССР по спасению Чехословакии. В подобной ситуации, имея в виду отрицательное отношение Польши и Румынии к проходу советских войск по их территории, Франция рисковала остаться один на один с Германией, чего Париж допустить не мог. Таким образом, единственно верная политика, по мнению французских политических деятелей, на тот момент заключалась в следовании британскому курсу умиротворения держав «оси».

Проконсультировавшись с западными союзниками, 5 сентября Бенеш удовлетворил все требования судетских немцев, кроме выхода Судет из состава Чехословакии. Немцы получили широкую культурную и политическую автономию, ЧСР должна была стать конфедерацией кантонов. «Боже мой! — воскликнул на следующий день Карл Герман Франк, заместитель Генлейна. — Они дали нам все!»<sup>749</sup>. Теперь Гитлер более не мог спекулировать на неравноправном положении немцев в государстве чехов. Поэтому 7 сентября Генлейн прервал всякие переговоры с чехословацкими властями\*.

Началась стремительная эскалация мюнхенского кризиса. В этот же день в передовице «Таймс» открыто был поставлен вопрос о том, не следует ли чехословацкому правительству подумать о передаче Германии Судетской области<sup>750</sup>.

Один из деятелей консервативной партии, Г. Ченнон, отмечал в дневнике, что эта передовая статья явилась результатом договоренности Галифакса с издателем «Таймс» Дж. Даусоном и была «пробным

---

\* Интересно, что в это же время в дополнение к судето-немецкой партии по указанию гитлеровского руководства в Германии был создан так называемый добровольческий судето-немецкий корпус под командованием Генлейна. По сообщениям нацистского официоза «Фелкишер Беобахтер», этот корпус насчитывал около 40 000 человек. Генлейн получал указания непосредственно от Гитлера. Его штаб находился в Дондорфе, в Баварии. К нему были прикомандированы советники от вермахта, СС и СА. Советник от вермахта Кёхлинг, как указывалось в одном из документов ОКВ, в сентябре 1938 года «получил от фюрера обширные полномочия военного характера». В том же документе говорилось, что назначение корпуса Генлейна — «защита судетских немцев и поддержка дальнейших волнений и столкновений. Комплектование добровольческого корпуса производится в Германии. Он вооружается только австрийским оружием. Добровольческий корпус должен начать действовать как можно скорее». Однако корпус не предназначался для ведения военных действий как обычное армейское соединение. Гитлеровское руководство решило приберечь его для «выполнения полицейских задач», т.е. фактически для террористических актов. Поэтому он был в конце сентября подчинен, по образу войск СС, Гиммлеру.

шаром», запущенным с целью выявить позицию общественности и подготовить ее к опубликованию доклада Ренсимена с аналогичными предложениями<sup>751</sup>.

Одновременно в Судетах стали раздаваться призывы к восстанию, инспирированные из Берлина. В Лондоне получали все новые сведения о том, что Гитлер собирается напасть на Чехословакию в самое ближайшее время<sup>752</sup>. Действительно, 3 сентября в Бергхофе, а 9–10 сентября в Нюрнберге состоялись совещания Гитлера и высшего генералитета германской армии, на которых были разработаны детали операции «Грюн» против Чехословакии. Новый глава Генерального штаба Гальдер, как и командующий сухопутными войсками Браухич, полагал, что «успех операции наверняка обеспечен». Ее намечалось осуществить силами 2-й армии генерал-полковника Рундштедта, 14-й армии генерала пехоты Листа, 12-й армии генерал-полковника Лееба, 10-й армии генерала артиллерии Рейхенау и 4-го армейского корпуса. Выполнение главной задачи возлагалось на 2-ю и 14-ю армии, которые должны были наступать по сходящимся направлениям на Оломоуц и Брно, чтобы взять основные силы чехословацкой армии в «клевещи». Главный удар мыслилось нанести с севера силами 2-й армии. 10-й армии было предписано наступать на Пльзень, 12-я армия должна была тесно взаимодействовать с 14-й армией, наступавшей из Австрии.

На военно-воздушные силы вермахта возлагалась задача уничтожить в кратчайший срок чехословацкую авиацию, не допустить налетов на Германию, воспрепятствовать мобилизации и развертыванию армии Чехословакии, парализовать ее государственное и военное руководство. Действия авиации должны были заставить чехословаков врасплох. Чтобы добиться внезапности, нацистское командование решило даже не предупреждать «расположенные в Праге дипломатические» представительства перед первым воздушным налетом, несмотря на то, что последствия этого в случае, если в дипломатических представительствах будут жертвы, могут быть очень тяжелыми (например, гибель представителей дружественных или нейтральных держав).

Обосновывая план операции «Грюн» на совещании, проходившем 9 и 10 сентября, Гальдер говорил: «Задача: воспрепятствовать отходу чешской армии из района Моравии, Богемии. Разбить ее. Добиться быстрого исхода операции». Срок готовности к войне был установлен с таким расчетом, чтобы она могла быть развязана в любой момент с использованием «политического повода», начиная с 1 октября.

Еще 30 августа Гитлер заявил на совещании с генералами, что план «Грюн» вступит в действие «в результате инцидента», который «даст Германии оправдание для военной интервенции». Штаб ОКВ тщательно увязал действия вермахта с организацией инцидента. «Установление дня и часа, когда произойдет этот инцидент, — писал Йодль, — чрезвычайно важно. Это должно произойти в благоприятных для действий наших превосходящих сил авиации метеорологических условиях. Час инцидента должен быть установлен с таким расчетом, чтобы об инциденте стало официально известно в Германии в полдень дня «X-1»...

Если по техническим причинам организация инцидента желательна в вечерние часы, то днем “X” может стать не следующий день, а лишь второй день после инцидента. Во всяком случае, необходимо соблюдать принцип: не предпринимать перед инцидентом никаких мероприятий, которые возбудили бы подозрение о мобилизации, а после инцидента “X” действовать как можно быстрее». Причем характерной особенностью подготовки агрессии рейха против Чехословакии являлось сосредоточение и развертывание вооруженных сил для внезапного масштабного удара под видом многочисленных учений и маневров<sup>753</sup>.

10 сентября 1938 года Геринг выступил на партийном съезде с воинственной речью: «Незначительная часть Европы попирает права человеческой расы... Жалкая раса пигмеев — чехов — угнетает культурный народ, а за всем этим стоит Москва и вечная маска еврейского дьявола!»<sup>754</sup>.

В этот же день французский министр иностранных дел Боннэ вызвал британского посла и спросил его, что ответит Великобритания, если Франция спросит: «Мы выступаем, идете ли вы с нами?» Через два дня министр иностранных дел Великобритании через британского посла в Париже ответил холодным языком дипломатического протокола: «Я, конечно, понимаю, насколько важно было бы для французского правительства иметь ясный ответ на этот вопрос. Однако, как Вы уже сказали, Боннэ, сам по себе вопрос, хотя ясный по форме, невозможно отделить от обстоятельств, в которых он может быть поставлен и которые сейчас могут быть только гипотетическими. Кроме того, в этом вопросе правительство Его Величества не может иметь в виду только собственную позицию, поскольку любое принятое им решение или любой его шаг будет фактически обязательством и для доминионов. Их правительства, несомненно, не захотят, чтобы их позиция предreshалась за них заранее, пока не известны обстоятельства, о которых они пожелают иметь свое суждение. Поэтому в той мере, насколько я могу ответить сейчас на вопрос Боннэ, этот ответ должен быть следующим: хотя правительство Его Величества никогда не допустит угрозы безопасности Франции, оно не в состоянии делать точные заявления о характере своих будущих действий или об их сроках в обстановке, которую оно не может сейчас предвидеть». Черчилль так прокомментировал этот диалог: «Нужно признать, что, если Боннэ искал предлогов для того, чтобы покинуть чехов на произвол судьбы, его поиски оказались безуспешными»<sup>755</sup>.

11 сентября 1938 года Галифакс высказал соображение, что присоединение к Германии Судетской области — это единственная надежда избежать войны. Для решения этого вопроса он считал желательным созвать конференцию четырех держав — Великобритании, Франции, Германии и Италии<sup>756</sup>. В тот же день вопрос о созыве конференции был обсужден британским послом в Париже Фипсом с генеральным секретарем МИД Франции А. Леже. Французский дипломат выразил согласие с идеей созыва такой конференции, отметив при этом нежелательность приглашения на нее Советского Союза<sup>757</sup>.

12 сентября, в последний день партийного съезда в Нюрнберге, Гитлер обрушился на Чехословакию с грубыми оскорблениями и угрозами. «Я могу лишь сказать представителям этих демократических государств (Великобритании и Франции. — *А.Н.*), что если эти угнетенные существа (судетские немцы) не могут сами добиться справедливости и помощи, они получают и то и другое от нас! — выкрикнул Гитлер. — Немцы в Чехословакии не беззащитны и не покинуты!»<sup>758</sup>. В Судетах вспыхнуло восстание местных нацистов, но через два дня оно было подавлено. Судетские немцы — социал-демократы — сражались на стороне чехов. Бежав в Германию, Генлейн 15 сентября выступил по радио и потребовал передачи Судет Германии. Он провозгласил: «Мы хотим домой — в Рейх»<sup>759</sup>.

Судетский кризис разразился с новой силой. Даладье оказался перед дилеммой: либо мобилизация французской армии, либо переговоры о будущем Судет с Германией. В сложившейся ситуации выбор, очевидно, падал на второй вариант: Даладье обратился к Чемберлену с просьбой о созыве конференции Великобритании, Франции и Германии для урегулирования судетской проблемы. «Я, со своей стороны, — писал Даладье в Лондон, — не вижу другого срочного мероприятия, как только предложить Гитлеру совместное совещание глав правительств Англии, Германии и Франции. Это совещание имело бы своей целью сохранить все еще имеющиеся возможности дружественного урегулирования, о котором сам Гитлер заявил в своей речи в Нюрнберге»<sup>760</sup>.

Однако не желавший потерять роль арбитра в судетском кризисе и склонный к «персональной дипломатии» Чемберлен проигнорировал предложение французского премьера и «принял решение осуществить прямое действие в Берлине»<sup>761</sup>, то есть отправиться на встречу с Гитлером. Чемберлен послал Гитлеру предложение о личной встрече, чтобы «выяснить в беседе с ним, есть ли еще какая-нибудь надежда спасти мир»<sup>762</sup>. Послание состояло всего из семи строк: «Ввиду усиливающейся критической ситуации предлагаю немедленно нанести Вам визит, чтобы сделать попытку найти мирное решение. Я мог бы прилететь к Вам самолетом и готов отбыть завтра. Пожалуйста, сообщите мне о ближайшем времени, когда Вы можете принять меня, и о месте встречи. Я был бы благодарен за очень скорый ответ. Невилл Чемберлен»<sup>763</sup>. В свою очередь, получив телеграмму британского премьера, Гитлер воскликнул: «...Я словно упал с неба!»

Надо заметить, что вояж Чемберлена в Германию являлся далеко не спонтанной акцией. У британского премьера был свой план на случай обострения судетского кризиса. Он был разработан еще 30 августа 1938 года. «Существует план, — говорится в архивном документе из досье Чемберлена, — который надлежит назвать “планом Z”. Он известен и должен быть известен только премьер-министру, министру финансов, министру иностранных дел, сэру Невиллу Гендерсону и мне (ближайшему советнику Чемберлена Горасу Вильсону, составившему этот документ. — *А.Н.*)... “План Z” должен вступить в силу только при опреде-



ленных обстоятельствах... Успех плана, если он будет выполняться, зависит от полной его неожиданности, и поэтому исключительно важно, чтобы о нем ничего не говорилось».

Суть плана британского премьера сводилась к следующему: воспользовавшись острой ситуацией в последнюю минуту, лично отправиться на переговоры к Гитлеру, дабы спасти мир от войны. Информировать Гитлера о намерении премьера встретиться с ним предполагалось сначала лишь в тот момент, когда Чемберлен находился бы на пути в Германию. Внезапное появление британского политического лидера должно было, по расчетам Лондона, лишить германского канцлера возможности уклониться от встречи. В соответствии с этим замыслом Гендерсона вызвали в английскую столицу и дали следующие инструкции. «Гендерсон, — говорится в меморандуме, составленном Вильсоном и датированном 31 августа 1938 года, — после того, как ему скажут, что “план Z” вступает в действие, должен удостовериться, где именно находится Гитлер в данный момент, не сообщая, однако, почему это интересует его. Если время позволит, Гендерсон получит второе уведомление с указанием времени прибытия, уполномочивающее его поставить в известность Риббентропа. Опять же, если время позволит, хотелось бы, чтобы Гендерсон сделал это до того, как мы публично объявим здесь (в Лондоне. — *А.Н.*) о начале выполнения “плана Z”. Местом прибытия должен быть Берлин, связь поддерживается с Гендерсоном и Риббентропом».

Однако такой план был не лишен изъянов. У британских политиков еще был на памяти конфуз, имевший место с Саймоном в 1935 году. Уже после объявления даты его визита в Берлин Гитлер, сославшись на болезнь, отказался принять британского министра иностранных дел. Об этих опасениях Вильсон сообщил Гендерсону в письме 9 сентября 1938 года. Британский посол счел намеченную процедуру слишком рискованной. Предварительное уведомление, по его мнению, давало больше шансов на то, что фюрер согласится принять английского премьера.

В «план Z» внесли соответствующие изменения. Было условлено, что, когда решат приступить к его осуществлению, Гендерсону направят срочную телеграмму для передачи Гитлеру с предложением о визите английского премьера. В какую форму облечь это предложение должно было зависеть от ожидавшегося выступления Гитлера на партийном съезде в Нюрнберге 12 сентября. «Если речь будет “прискорбной”, нам придется заявить, что премьер-министр с сожалением должен сделать на основании этой речи вывод, будто г-н Гитлер, по-видимому, не усматривает возможности удовлетворительно решить проблему мирными средствами. Премьер-министр еще не пришел к столь пессимистическому выводу и полагает, что можно найти какой-то выход. По его мнению, этот выход лучше всего искать в рамках прямого обмена мнениями между г-ном Гитлером и им. Он намерен прибыть в Берлин ... (дата) в ... часов. Времени, разумеется, мало, и поэтому он вынужден уведомить о своем прибытии лишь незадолго до него.

Он, однако, надеется, что г-н Гитлер пожелает встретиться с ним. Премьер-министр готов прибыть в любое место, которое будет сочтено подходящим для этой цели.

Если же выступление произведет впечатление “умеренного”, послание следует сформулировать так: после изучения текста этой речи премьер-министр вправе думать, что наши усилия добиться мирного и удовлетворительного решения окажутся, возможно, успешными»<sup>764</sup>.

О наличии заранее подготовленного плана действий Чемберлен сообщил ошеломленным членам кабинета лишь на заседании 14 сентября. «Он (Чемберлен. — *А.Н.*) уже высказывал своим коллегам соображение, — говорится в протоколе заседания, — что может наступить момент, когда мы приблизимся вплотную к какому-либо роковому и непоправимому акту со стороны Германии; она может быть, например, на пороге вторжения в Чехословакию, решив, несмотря на наши предупреждения, пойти на риск. Еще до заседания кабинета 30 августа у премьера возник план, который мог бы быть осуществлен мгновенно и дал бы шанс спасти мир в последнюю минуту... План заключался в следующем: как только станет ясно, что решение не может быть достигнуто никаким другим путем, премьер-министр лично направится в Германию и встретится с Гитлером»<sup>765</sup>.

Чемберлену было почти семьдесят лет. Он никогда раньше не пользовался самолетом, но теперь «готов был лететь сломя голову к диктатору Германии, чтобы увенчать свою политическую карьеру лаврами миротворца, предотвратившего новую мировую войну. Игра стоила свеч»<sup>766</sup>.

Этот «смелый поступок» вызвал «сильное облегчение» в британском обществе<sup>767</sup>. Решение Чемберлена отправиться на встречу с Гитлером было названо «абсолютно правильным»<sup>768</sup>. Даже самые суровые критики внешней политики Чемберлена из числа журналистов аплодировали премьер-министру, когда он объявил, что отправляется в Берхтесгаден. Поэт Джон Мэйсфилд сочинил поэму, настоящую хвалебную песнь под названием «Невилл Чемберлен», которая была опубликована в «Таймс» 16 сентября.

В то же время немалое число англичан полагали, что Чемберлен собирается сказать Гитлеру то, что не сказал кайзеру британский премьер Асквит двадцать четыре года назад, — что Британия выступит за поруганные права малой нации. И действительно, в сентябре 1938 года над политиками и общественностью того времени нависала тень 1914 года. Тогда из-за небольшой страны Сербии Европа была ввергнута в катастрофическую войну, унесшую сотни тысяч английских и французских жизней, не говоря уже о других народах.

Организация Гейнлейна активизировалась в Судетах, и Прага ввела здесь военное положение. Германские газеты объявили о царстве террора в Судетенланде. В Праге вечерние выпуски газет вышли с другой новостью. «Читайте, читайте! — кричали газетчики. — Глава могущественной Британской империи едет на поклон к Гитлеру!» В Лондоне Черчилль предложил министру иностранных дел Галифаксу сообщить

Германии, что она, в случае посягательства на чехословацкую землю, будет находиться в состоянии войны с Британией. 15 сентября он писал в «Дейли телеграф», что чехи будут отчаянно сражаться и выведут из строя от 300 до 400 тысяч солдат противника. Весь мир придет на помощь Чехословакии<sup>769</sup>.

Чемберлен же придерживался иного мнения. 15 сентября 1938 года глава британского кабинета министров впервые в жизни сел в самолет. В сопровождении своего советника Г. Вильсона и главы Центрально-европейского отдела Форин Оффис У. Стрэнга Чемберлен прибыл в Берхтесгаден. Интересно, что встречавшие его в почетном карауле эсэсовцы были взяты из охраны концлагеря Дахау, из дивизии «Мертвая голова». Выходя из самолета, Чемберлен сказал встречавшему его Риббентропу: «Я перенес полет очень хорошо, хотя на части пути была плохая погода, а я никогда раньше не летал на аэроплане»<sup>770</sup>.

Чемберлен прибыл в Германию без своего переводчика, поэтому многое о характере его поездки можно узнать не только из дипломатических документов, но и из мемуаров личного переводчика Гитлера П. Шмидта, который повсюду сопровождал британских гостей. «Когда мы ехали в открытых автомобилях по Мюнхену к вокзалу, — отмечает Шмидт, — народ очень тепло приветствовал Чемберлена — гораздо теплее, как мне показалось, чем приветствовали Муссолини год тому назад. Мы пообедали в вагоне-ресторане Гитлера по пути в Берхтесгаден. Эта сцена до сих пор жива в моей памяти. На протяжении почти всей трехчасовой поездки мимо проезжали армейские транспорты, с солдатами в новой форме, со стволами винтовок, нацеленными в небо, что создавало драматический фон. «Посланец мира Чемберлен», как прозвали его потом в Германии, составлял любопытный контраст с этой воинственной картиной.

Когда мы подъезжали к Берхтесгадену, начался дождь, а когда направились вместе с Чемберленом в машине в Бергхоф, небо потемнело и облака закрыли горы. На ступеньках Бергхофа Чемберлена встретил Гитлер, одетый в хаки со свастикой на рукаве. После приветствий, рукопожатий, представлений все мы расселись вокруг чайного стола в большой комнате с видом на гору Унтерсберг, в которой Гитлер принимал Ллойд Джорджа и герцога Виндзорского. Угрожающей была не только погода, в комнате ощущалась напряженность.

После обычных замечаний о погоде Чемберлен задал вопрос, желает ли Гитлер говорить с ним наедине или хочет воспользоваться поддержкой своих советников. «Разумеется, герр Шмидт должен присутствовать как переводчик, — сказал Гитлер, — но как переводчик он нейтрален и не входит ни в какую группу».

Это была та же простая, почти лишенная мебели комната, в которой год тому назад встречались Гитлер и Галифакс. Как и тогда, беседа, в которой тоже решался вопрос мира или войны, проходила отнюдь не в безмятежной обстановке и иногда становилась довольно бурной. Она продолжалась около трех часов. Так как только что закончился партийный съезд, Гитлер был явно настроен на продолжительные речи, и время

от времени он так далеко заходил в своем гневе против Бенеша и Чехословакии, что его разглагольствования продолжались до бесконечности.

Глава кабинета министров Великобритании начал беседу с фюрером с заявления о его стремлении к англо-германскому сближению и выразил пожелание обменяться общими взглядами о политике обеих стран. Гитлер ответил довольно спокойно, представив полный список жалоб на соседей Германии, который он всегда выдвигал в первую очередь. Подробно обсудили Версальский договор, Лигу Наций и разоружение, а также экономические трудности, безработицу и национал-социалистскую реконструкцию. Чемберлен в повышенном тоне упрекнули за позицию британской прессы, за “вмешательство” Великобритании в немецкие дела и в отношения рейха с Юго-Западной Европой, включая Австрию.

Чемберлен внимательно слушал, открыто глядя на Гитлера. Ничто в его лице с правильными, типично английскими чертами, с кустистыми бровями, заостренным носом и сильным ртом не выдавало, что происходило за его высоким лбом. Его брат, сэр Остин, сидевший напротив Штреземана в Локарно, всегда так выглядел, но в Невилле Чемберлене не было ничего от отрешенной холодности брата. Напротив, он живо реагировал на отдельные пункты, выдвинутые Гитлером, с дружеской, почти заговорщической улыбкой дав заготовленный ответ насчет свободы прессы. Затем, глядя Гитлеру прямо в лицо, он подчеркнул, что готов обсуждать любую возможность исправления несправедливостей в отношении Германии, но что при любых обстоятельствах использование силы следует исключить.

“Силы! — воскликнул Гитлер. — Кто говорит о силе? Герр Бенеш применяет силу к моим соотечественникам в Судетской области, герр Бенеш провел мобилизацию в мае, а не я”. Снаружи лил дождь, завывал ветер. “Я больше этого не потерплю. Я решу этот вопрос тем или иным образом. Я возьму дело в свои руки!” Гитлер решительно потребовал передачи Судетской области: “Три миллиона немцев, проживающих в Чехословакии, должны вернуться в лоно рейха”. Кроме того, Гитлер настаивал на ликвидации договоров Чехословакии о взаимопомощи с другими странами. Германский канцлер заявил, что ему сорок девять лет и что он хочет, если Германии суждено быть вовлеченной в мировую войну из-за Чехословакии, провести страну через кризис, будучи еще в расцвете сил. Конечно, ему будет жаль, если из-за этой проблемы вспыхнет мировая война. Но даже такая опасность не поколеблет его решимости. Он готов к любой войне, даже мировой, ради достижения своей цели. Остальной мир пусть делает что хочет. Он же не отступит назад ни на шаг.

В этот момент Чемберлен, который до сих пор выслушивал все, что говорилось, с серьезным спокойствием, тоже пришел в волнение. “Если я Вас правильно понял, — сказал он. — Вы в любом случае готовы выступить против Чехословакии”. После секундной паузы он добавил: “Если это так, то зачем Вы пригласили меня в Берхтесгаден? В таком случае мне лучше немедленно вернуться. Теперь что-либо иное кажется бессмысленным”.

В тот момент вопрос о мире и войне действительно находился на лезвии бритвы. Но произошло нечто удивительное: Гитлер отступил. «Если при рассмотрении судетского вопроса Вы готовы признать право народов на самоопределение, — сказал он в один из своих внезапных переходов от ярости к полному спокойствию и собранности, — то мы можем продолжить дискуссию, чтобы посмотреть, как этот принцип можно применить на практике». Фюрер заявил, что он хочет мира, но готов к мировой войне из-за чехословацкой проблемы; ему сорок девять лет, и лучше, чтобы война пришла, пока он еще в расцвете сил. Впрочем, войны можно избежать, если Великобритания согласится на передачу Судет Германии на основе права наций на самоопределение.

«Если я должен дать Вам ответ на вопрос о самоопределении, — сказал Чемберлен, — то мне нужно сначала проконсультироваться с моими коллегами. Следовательно, предлагаю на этом вопросе сделать перерыв в нашей беседе, чтобы я мог немедленно вернуться в Англию для консультаций, а затем снова встретиться с Вами». Когда я перевел эти слова насчет перерыва в дискуссии, Гитлер поднял глаза в тревоге, но когда понял, что Чемберлен собирается встретиться с ним снова, согласился с явным облегчением».

Довольный Чемберлен пообещал провести консультации со своим кабинетом, а также с французскими коллегами. Это был решающий момент. Теперь ситуация отличалась от ситуации 1914 года. Величайшая империя мира уступала грубой силе. Ликующий Гитлер легко дал обещание не предпринимать военных действий до следующей встречи, если, конечно, не «произойдет какой-нибудь особенно ужасный инцидент»<sup>771</sup>.

На самом деле для германского диктатора такой поворот событий не явился неожиданностью. В то самое время, когда в Берхтесгадене проходила эта встреча, Генлейн, находясь в Эгере, написал Гитлеру письмо. На письме стоит дата — 15 сентября. Это произошло как раз перед тем, как Генлейн пересек границу Германии: «Мой фюрер! Вчера я сказал англичанам (Ренсимену), что базой для дальнейших переговоров может быть... только воссоединение с Германией. Вполне вероятно, Чемберлен предложит такое воссоединение»<sup>772</sup>.

Германский фюрер сумел обаять премьер-министра Великобритании. «Несмотря на суровость и беспощадность, которые, как мне казалось, я прочел на его лице, у меня сложилось впечатление, что это человек, на слово которого можно положиться»<sup>773</sup>, — так британский премьер охарактеризовал нацистского лидера\*. Пока британский лидер

---

\* А ведь еще 3 сентября 1938 года Чемберлен жаловался в одном из частных писем: «Разве не ужасно сознавать, что судьба сотен миллионов людей зависит от одного человека, а он — наполовину сумасшедший?» В свою очередь, сразу после отъезда Чемберлена Гитлер заявил своим приближенным, подшучивающим над «старомодным англичанином»: «Этот старик впервые в своей жизни сел на самолет, чтобы приехать ко мне». А затем иронически заметил: «Ему придется еще раз послужить мишенью для ваших острот».

пребывал в плену иллюзий, Гитлер продолжал военные и политические приготовления для нападения на Чехословакию.

16 сентября британский «Спектэйтор» предупреждал: «Если позволить Германии занять Судеты, она получит все тщательно разработанные сооружения, военные заводы “Шкода” в Пилзене... другими словами, Чехословакия окажется под контролем Германии»<sup>774</sup>.

А что же Чемберлен? Вернувшись в Лондон 16 сентября, премьер посетил короля и вечером собрал заседание «внутреннего кабинета», в состав которого входили министры, пользовавшиеся его наибольшим доверием, — Саймон, Хор и Галифакс. Были приглашены также Г. Вильсон и срочно вызванный из Праги Ренсимен. Кратко изложив содержание беседы с Гитлером, Чемберлен высказал соображение, предназначенное для самого узкого круга лиц. «Премьер-министр полагает, — говорится в протоколе заседания “большой четверки”, — что прежде всего следует решить вопрос, готовы ли мы в принципе согласиться на самоопределение. Во-вторых, нам следует обдумать, что мы должны потребовать взамен этого».

Далее Чемберлен подробно рассказал о своих переговорах с Гитлером. Кризис к моменту его отлета в Германию, отметил он, достиг критической точки. Если бы он не решился на этот визит, то военные действия, очевидно, уже начались бы. Теперь же Гитлер не приведет в движение военную машину, пока будет обсуждаться данный вопрос.

Отчету премьера, по тактическим соображениям, предшествовало пространное выступление присутствовавшего на заседании лорда Ренсимена. Он осветил обстановку в Чехословакии в самых мрачных тонах. Вывод его был несколько удивительным: страна не может больше существовать в настоящем виде. В своем стремлении умиротворить Германию Ренсимен пошел даже дальше Гитлера. Он выступал за передачу Судетской области Германии без плебисцита. Он горячо рекомендовал пресекать легальными методами любые антигерманские выступления в Чехословакии «со стороны партий или отдельных лиц». Он настаивал, что Чехословакия, даже лишившись горных преград и укреплений и, следовательно, оказавшись беззащитной перед Германией, тем не менее должна «так строить свою внешнюю политику, чтобы дать гарантии соседям, что она ни при каких обстоятельствах не нападет на них и не предпримет других агрессивных действий в соответствии с условиями договоров с другими государствами».

«Когда он (Чемберлен. — *А.Н.*) покинул Гитлера, — говорится далее в протоколе заседания, — у него не было уверенности относительно того, какое впечатление он на него произвел. Он отметил, однако, что, когда они вышли из кабинета, манеры Гитлера совершенно изменились; он остановился на половине лестницы и высказал сожаление, что плохая погода лишила его возможности показать премьер-министру вид, открывающийся с вершины горы. Г-н Гитлер выразил надежду сделать это когда-либо в другой раз. Сведения, полученные из других источников, говорят о том, что у фюрера осталось самое благоприятное впечатление. Это имело первостепенное значение, поскольку будущий

ход переговоров зависел прежде всего от личного контакта... Премьер-министр полагает, что, если удастся урегулировать существующие в настоящее время трудности, можно надеяться достигнуть соглашения также и по другим вопросам».

В заключение Чемберлен обратился с просьбой к своим коллегам одобрить предложение, предусматривавшее согласие Англии на принцип «самоопределения», что на самом деле означало крах чехословацкой государственности. Все точки над «i» в мотивировке предложенного Чемберленом курса поставил министр координации обороны Т. Инскип. «Мы должны смотреть фактам в лицо, — сказал он. — Речь идет не о том, чтобы вести войну за сохранение Чехословакии... но о войне, имеющей целью остановить Гитлера. Такая война причинит огромные страдания и ущерб, и, наряду с возможным уничтожением Гитлера, она, безусловно, может уничтожить и нечто гораздо большее. Результатом ее могут быть перемены в положении Европы, которые не будут приятны ни для кого, кроме Москвы и большевиков. Несмотря на тяжесть принимаемого решения, он лично не испытывает никаких сомнений в отношении того, каким оно будет, и согласен с премьер-министром».

Министр колоний М. Макдональд, в свою очередь, подчеркнул, что применение принципа «самоопределения» в отношении Чехословакии ставит перед правительством сложную дилемму. Его мысль сводилась к следующему: «Премьер-министр сказал, что если мы, прежде чем согласиться на применение принципа, начнем выдвигать условия, то г-н Гитлер осуществит какой-либо насильственный акт. Следовательно, если мы хотим, чтобы отношения с г-ном Гитлером развивались благоприятно, мы должны принять принцип самоопределения без оговорок и поднять вопрос об условиях лишь после этого. Поддерживать такую позицию, с точки зрения нашего народа, трудно. Он спросил, не представляется ли возможным сказать г-ну Гитлеру, что мы принимаем самоопределение, но, разумеется, мы хотим сесть с ним рядом и уточнить детали, с тем чтобы осуществить правильное применение принципа (самоопределения. — *А.Н.*). Это обеспечит нам необходимую защиту. Вполне возможно, полагает он, что мы добьемся от г-на Гитлера разумного урегулирования»

В заключительном выступлении Чемберлен выразил своим коллегам глубокую признательность за поддержку предложенного им курса. При этом он отклонил высказанную некоторыми членами кабинета мысль добиться некоторых уступок от Гитлера в отношении формы передачи Судет Германии.

«Премьер-министр, — говорится в протоколе, — упомянул о последних телеграммах из Чехословакии, свидетельствующих о росте сопротивления общественного мнения осуществлению самоопределения. Это может привести к стремительным действиям со стороны г-на Гитлера, которые мы не сможем остановить. Премьер-министр признал, что попытка г-на Гитлера разрешить вопрос о самоопределении силой, без должной договоренности, не явится решением, к которому жела-

тельно быть причастным. Тем не менее он возражает против того, чтобы при возобновлении переговоров у него были связаны руки точно установленными пределами, за которые он не сможет выйти<sup>775</sup>.

Одобрение кабинетом «принципа самоопределения» С. Хор именуется в своих мемуарах «поворотным пунктом» в развитии кризиса. Это означало, признает он, отторжение Судетской области и расчленение чехословацкого государства<sup>776</sup>.

18 сентября на англо-французской встрече в Лондоне Чемберлен передал требования Гитлера Даладье и Боннэ и предложил принять их в качестве так называемого «англо-французского плана» по урегулированию судетского кризиса. По его условиям, Великобритания и Франция «рекомендовали» Чехословакии без проведения плебисцита передать рейху территории, на которых проживало более 50% немцев, а сама Чехословакия занимала бы позицию нейтралитета, близкую бельгийской. Даладье все же настоял на создании специальной международной комиссии для определения тех районов, которые должны были отойти к Германии, а также для создания таких условий, при которых, отдавая указанные районы рейху, Чехословакия не теряла бы своей экономической и военной мощи. Кроме того, Франция и Великобритания должны были гарантировать новые границы Чехословакии от неспровоцированной агрессии.

Англо-французские переговоры вначале «не двигались с места». Каждая из сторон старалась переложить на другую ответственность за формальное выдвижение идеи расчленения Чехословакии\*. Проявив незаурядное мастерство полемиста, Чемберлен сослался на предложение Ренсимаена принять принцип самоопределения, подчеркнул остроту ситуации и весьма искусно загнал Даладье «в угол». Французский премьер, однако, в соответствии с разработанной тактикой заявил: связанная с Чехословакией договором, Франция не покинет своего союзника. «Игра в футбол» продолжалась два с лишним часа, пока Даладье не сказал, что никогда не был «фанатичным сторонником Версальского договора» и что в Лондон приехал для выяснения, как можно «сохранить мир, не ставя при этом под угрозу существование Чехословакии». Тогда объявили перерыв.

«Как это часто бывает в международных переговорах, – заметил Чемберлен, рассказывая на заседании кабинета об итогах визита французских государственных деятелей в Лондон, – самый мрачный час был перед перерывом. Во время завтрака происходили полезные конфиденциальные беседы. Г-н Даладье доверительно сообщил ему (Чемберлену), что, имея самые серьезные возражения против принятия принципа самоопределения в общей форме (а это повлекло бы за собой вопрос о других меньшинствах), он полагал, что смог бы добиться согласия Бенеша на уступку территории в частном случае, касающемся судетских немцев. Как г-н Бонне заявил министру иностранных дел, воз-

---

\* Так, Даладье заявил англичанам: «Мы связаны честью по отношению к Чехословакии... Вы должны действовать!»



возможность разрешения имеющихся трудностей зависит от того, готова ли Англия в какой-либо форме присоединиться к международной гарантии Чехословакии».

После завтрака, уже в «более свободной», по выражению Чемберлена, атмосфере, возобновились переговоры. В определенной мере они походили на спектакль, разыгранный специально «для истории». Даладье заявил, что идея плебисцита неприемлема для правительства Франции. Чемберлен, желая помочь своему партнеру хоть в какой-то мере «спасти лицо», высказал предложение решить вопрос о положении судетских немцев путем прямой передачи Германии части чехословацкой территории. Даладье «согласился», что можно было бы рассмотреть вопрос о «передаче в той или иной форме части территории Судет»<sup>777</sup>.

«Кажется чудовищным, как мы с расчетливым цинизмом подписались под уничтожением свободы 9 миллионов человек» — писал в своем дневнике британский генерал Э. Айронсайд<sup>778</sup>. Французский посол в Лондоне Корбен в беседе с американскими дипломатами признал, что принятые англичанами и французами решения являются «самым позорным» актом французского правительства за многие годы<sup>779</sup>.

Тот же день, 18 сентября 1938 года, когда Чемберлен был занят тем, что склонял свой кабинет и французов принять предлагаемую им тактику уступок, для Гитлера и его генералов тоже выдался крайне напряженным. В Берлине шли лихорадочные приготовления к войне против Чехословакии. Был издан приказ о боевой готовности для пяти армий — 2, 8, 10, 12 и 14-й, которые имели в своем составе 36 дивизий, в том числе три танковые.

На следующий день Лондон и Париж вручили чехословацкому правительству ноты, содержавшие требования о передаче рейху Судетской области. Одновременно английские и французские правительства потребовали согласия Чехословакии на замену ее договоров о взаимопомощи общей гарантией от неспровоцированной агрессии, выражая готовность принять участие в этой гарантии<sup>780</sup>. «Манчестер Гардиан» писала, что англо-французское предложение является ничем иным, как «ультиматумом, с коротким временным лимитом»<sup>781</sup>.

«Новость поразила нас, как удар грома, — писал один из западных корреспондентов. — Никто не хотел этому верить. Чехословаки не могли себе представить, чтобы подобное предложение, которое, учитывая его неизбежные последствия, означало прямую угрозу независимости Чехословакии, сделали те, кого они считали своими друзьями...»<sup>782</sup>.

Ультиматум Прагой был отвергнут. Бенеш был готов пойти на арбитраж и третейский суд Лиги Наций, который был предусмотрен германо-чехословацким договором 1925 года, но не принимал ультиматум. Послы дружественных держав продолжали давить на Бенеша, угрожая тем, что Чехословакия может оказаться с Гитлером один на один.

19 сентября впервые за все время чехословацкого кризиса президент Бенеш обратился с официальным запросом к советскому прави-

тельству. «Я все время ощущал, — сообщал советский полпред, — что Бенешу в отношении советской помощи, так сказать, и хочется и колется прибегнуть к этому средству защиты интересов Чехословакии. В последних разговорах со мной он каждый раз судорожно хватался за возможность нашей помощи и вызывал меня для разговоров как раз тогда, когда получал очередной крепкий удар от Англии и Франции. Как только он несколько оправлялся или думал, что находил выход из положения путем нового дипломатического хода, он немедленно проявлял значительно меньшую заинтересованность в нашем отношении»<sup>783</sup>.

Беседу с Александровским 19 сентября президент начал с характеристики сложившейся ситуации. Она стала предельно критической: по его оценке, в случае отклонения англо-французских предложений, как ему дали понять, Англия и Франция могут отказать в помощи против агрессора. Нападения Германии в таком случае можно ожидать не позднее 22 сентября, поэтому, вполне возможно, уже завтра, 20 сентября, Чехословакии придется провести мобилизацию. Бенеш заявил, что «Чехословакии не останется никакого другого выхода, как защищаться при всех условиях».

Чехословацкий президент желал знать позицию СССР. Бенеш просил Советское правительство дать как можно скорее ответ на следующие вопросы: «1. Окажет ли СССР согласно договору немедленную действительную помощь, если Франция останется верной и тоже окажет помощь. 2. В случае нападения Бенеш немедленно обратится с телеграммой в Совет Лиги Наций с просьбой привести в действие статьи 16 и 17 ... поможет ли СССР в качестве члена Лиги Наций на основании упомянутых статей»<sup>784</sup>.

В тот же день чехословацкая просьба была обсуждена Политбюро ЦК ВКП(б) и в Прагу были отправлены утвердительные ответы на оба вопроса Бенеша<sup>785</sup>. Ответ Советского правительства был передан по телеграфу советскому полпредству в Прагу и одновременно продублирован через чехословацкого посланника в Москве. Обе телеграммы, доставленные Александровским и Фирлингером, стали известны в Праге 20 сентября во время заседания чехословацкого правительства, на котором обсуждалось англо-французское заявление.

В сложившейся для Чехословакии ситуации следовало ожидать, что Бенеш обратится к Москве с вопросом, поможет ли СССР без Франции. Этот вопрос как бы висел в воздухе. «Потом настало долгое молчание, которое наконец нарушил советский посланник: “Господин президент, нет ли у Вас еще иного вопроса, который касался бы русской акции, если бы обращение к Лиге Наций оказалось бы невозможным в результате какой-либо неожиданности?” Бенеш долго смотрел на Александровского, но ничего не ответил. Советский посланник молча поднялся, покачал головой, поклонился и вышел»<sup>786</sup>.

Почему же чехословацкий президент не задал такого важного, решающего для безопасности своей страны вопроса? Этому есть два взаимодополняющих объяснения. Во-первых, не вызывает сомнения тот

факт, что Прага испытывала серьезные колебания в отношении вопроса советской военной помощи. Речь шла не только и не столько о последствиях такой помощи, сколько о путях ее оказания. Действительно, как СССР мог прийти на помощь Чехословакии в случае германского нападения? Существовало три возможных варианта: 1. Советский Союз, пройдя через страны Балтии, атакует немецкую Восточную Пруссию, оттягивая тем самым на себя часть войск вермахта; 2. Красная Армия проходит через территорию Польши непосредственно на помощь Чехословакии; 3. СССР приходит на помощь Чехословакии через территорию Румынии. Легко заметить, что все три варианта предполагали проход Красной Армии по территории других стран, которые к тому же относились к СССР либо просто враждебно, как Польша, либо недружественно. Польша даже грозила заблокировать продвижение Красной Армии по территории других стран, например Румынии. По информации французского МИД, польский посланник в Бухаресте заявлял, что если советские войска предпримут попытку пройти через румынскую территорию, то Польша оккупирует Словакию<sup>787</sup>.

Тем не менее наиболее вероятным представлялся именно третий вариант. Хотя нельзя забывать, что СССР не признал аннексии Бессарабии Румынией в 1919 году, Бухарест все же являлся союзником Чехословакии по Малой Антанте и был заинтересован в ее дальнейшем существовании. С другой стороны, Румынию связывал и союзный договор с Польшей. В данной связи надо заметить, что в историографии этой проблемы существует масса точек зрения по вопросу оказания советской помощи по румынскому направлению — от негативных, считающих, что Румыния не допустила бы прохода Красной Армии, до позитивных, полагающих, что проход советских войск был все же возможен<sup>788</sup>. Стоит ли говорить о тех сомнениях, которые испытывали чехословацкие лидеры, ведь для них это был вопрос не академического характера, а выживания собственного государства. Политика Праги в таком контексте выглядит весьма логично — здесь мы сталкиваемся со вторым объяснением мотивации Чехословакии в дни кризиса. 21 сентября английский и французский посланники в Чехословакии заявили чехословацкому правительству, что в случае если оно не примет англо-французских предложений, французское правительство «не выполнит договора» с Чехословакией. «Если же чехи объединятся с русскими, — подчеркнули они, — война может принять характер крестового похода против большевиков. Тогда правительствам Англии и Франции будет очень трудно остаться в стороне»<sup>789</sup>.

Тем временем на польско-чехословацкой границе концентрировались польские войска. 19 сентября Бек направил послу Польши в Берлине Ю. Липскому сообщение, в котором говорилось, что через два дня Польша будет располагать у чехословацких границ значительными воинскими силами и что он готов вступить в личный контакт с Гитлером или Герингом по вопросу о согласовании действий Германии и Польши против Чехословакии. На следующий день Липский сделал Гитлеру соответствующее заявление, подчеркнув, что Польша с целью осущест-

вления своих требований не остановится «перед применением силы». Гитлер заверил Липского, что в таком случае Германия окажется на стороне Польши<sup>790</sup>.

21 сентября 1938 года Варшава предъявила чехословацкому правительству ультимативное требование о передаче Польше Тешена, а также денонсировала польско-чехословацкий арбитражный договор. Спешка Варшавы объяснялась стремлением не оказаться в стороне от возможного сближения Англии, Франции, Германии и Италии, а также нежеланием просить Тешен у Германии<sup>791</sup>.

В тот же день, 21 сентября, в британской прессе появилось письмо Черчилля, в котором «чартвельский затворник» призывал Лондон и Париж занять жесткую позицию в отношении Германии: «Расчленение Чехословакии под нажимом Англии и Франции равносильно полной капитуляции западных демократий перед нацистской угрозой применения силы. Такой крах не принесет мира или безопасности ни Англии, ни Франции. Наоборот, он поставит эти две страны в положение, которое будет становиться все слабее и опаснее. Одна лишь нейтрализация Чехословакии означает высвобождение 25 германских дивизий, которые будут угрожать Западному фронту; кроме того, она откроет торжествующим нацистам путь к Черному морю. Речь идет об угрозе не только Чехословакии, но и свободе и демократии всех стран. Мнение, будто можно обеспечить безопасность, бросив малое государство на съедение волкам, — роковое заблуждение. Военный потенциал Германии будет возрастать в течение короткого времени гораздо быстрее, чем Франция и Англия смогут завершить мероприятия, необходимые для их обороны»<sup>792</sup>.

22 сентября Прага, сообщая о непосредственной опасности нападения со стороны Польши, обратилось за поддержкой к СССР. На следующий день Москва вновь продемонстрировала готовность оказать помощь Чехословакии. Польскому правительству было заявлено, что, в случае если бы польские войска вторглись в пределы Чехословакии, Советский Союз считал бы это актом агрессии и денонсировал бы договор о ненападении с Польшей<sup>793</sup>. Чехословацкий посланник в Москве Фирлингер сразу же был поставлен в известность об этом заявлении<sup>794</sup>.

Тем не менее в отсутствии уверенности в эффективности советской помощи у Праги не оставалось иного выбора, как принять англо-французские условия, исключавшие, в свою очередь, советскую помощь. Чехословакия стояла перед тем же выбором, что и вся Европа: мир ценой уступок или жесткая позиция ценой риска большой войны. Выбор был сделан в пользу первого. Чехословацкое руководство все сильнее склонялось к принятию англо-французских предложений. А их принятие, по словам самого Бенеша, означало, что «аннулируются ныне действующие договоры Чехословакии»<sup>795</sup>. Это касалось и пакта о взаимной помощи между СССР и Чехословакией.

21 сентября, выступая на заседании 6-й политической комиссии Лиги Наций, Литвинов заявил: «После принятия Чехословакией ульти-

матума, включающего эвентуальное денонсирование советско-чехословацкого пакта, Советское правительство имело моральное право также немедленно отказаться от этого пакта»<sup>796</sup>. Москва тем не менее подчеркнула, что не отказывается от своих обязательств по отношению к Чехословакии и готова оказать ей поддержку. «...В настоящее время пятое государство — Чехословакия — испытывает вмешательство во внутренние дела со стороны соседнего государства и находится под угрозой громко провозглашенной агрессии, — отметил Литвинов на заседании Ассамблеи Лиги. — Один из старейших, культурнейших, трудолюбивейших европейских народов, обретший после многовекового угнетения свою государственную самостоятельность, не сегодня завтра может оказаться вынужденным с оружием в руках отстаивать эту самостоятельность... Когда за несколько дней до моего отъезда в Женеву французское правительство в первый раз обратилось к нам с запросом о нашей позиции в случае нападения на Чехословакию, я дал от имени своего правительства совершенно четкий и недвусмысленный ответ, а именно: мы намерены выполнить свои обязательства по пакту и вместе с Францией оказывать помощь Чехословакии доступными нам путями. Наше военное руководство готово немедленно принять участие в совещании с представителями французского и чехословацкого военных ведомств для обсуждения мероприятий, диктуемых моментом... Только третьего дня чехословацкое правительство впервые запросило Советское правительство, готово ли оно, в соответствии с чехословацким пактом, оказать немедленную и действенную помощь Чехословакии в случае, если Франция, верная своим обязательствам, окажет такую же помощь, и на это Советское правительство дало совершенно ясный и положительный ответ»<sup>797</sup>.

На следующий день, 22 сентября, нарком иностранных дел СССР имел в Женеве встречу с членом английского парламента лордом Бутби. Возвратившись сразу же в Лондон, Бутби изложил содержание этой беседы Галифаксу. Бутби передал ему сообщение Литвинова, что он на протяжении последней недели несколько раз виделся с чехами и каждый раз заверял их в готовности Советского Союза оказать Чехословакии в случае нападения на нее Германии эффективную помощь. «Литвинов считает желательным также созвать совещание заинтересованных держав, — сообщил Бутби, — и полагает, что общий ультиматум (Англии, Франции и России), предъявленный Германии, может все еще оказаться эффективным. По его мнению, твердое заявление, что Россия примет участие в случае войны против Германии, является единственным средством, которое может произвести впечатление на г-на фон Риббентропа»<sup>798</sup>.

М.М. Литвинов также имел в Женеве беседу с английскими представителями на Ассамблее Лиги Наций лордом-хранителем печати де ла Уарром и заместителем министра иностранных дел Англии Р. Батлером. Батлер телеграфировал в Форин Оффис об этой беседе: Литвинов заявил, что «если Франция вступит в войну, чтобы оказать помощь чехам, то русские также выступят». Он сказал, что «давно стремится

начать переговоры между Великобританией, Францией и Россией и во время этой неофициальной встречи хотел бы предложить нам созвать совещание названных трех держав вместе с Румынией и другими небольшими государствами, предпочтительно в Париже, чтобы показать немцам, что мы собираемся действовать». Однако Чемберлен увидел в этих донесениях «огромную опасность», так как осуществление их могло, по его мнению, «усилить большевизм во всем мире». Тем не менее Москва продолжала проводить свою линию. 25 сентября Литвинов сказал в Лиге Наций: «Советское правительство, не ищущее предложений, чтобы уклониться от выполнения своих обязательств, ответило Праге, что в случае помощи Франции в указанных чехословацким правительством условиях вступит в силу советско-чехословацкий договор»<sup>799</sup>. Однако помощь Франции так и не пришла.

Как было показано выше, СССР с целью сохранения конструктивной политики коллективной безопасности несколько раз предлагал западным державам созвать конференцию для разрешения кризисной ситуации вокруг Чехословакии. Действительно, совместными усилиями СССР, Англии и Франции было по силам остановить деструктивную политику фашистских держав, направленных на слом Версальской системы. «Поистине поразительно, — писал впоследствии Черчилль, — что это публичное и недвусмысленное заявление одной из величайших заинтересованных держав не оказало влияния на переговоры Чемберлена или на поведение Франции в данном кризисе. Мне приходилось слышать утверждения, что в силу географических условий Россия не имела возможности послать войска в Чехословакию и что помощь России в случае войны была бы ограничена скромной поддержкой с воздуха. Соглашение Румынии, а также в меньшей степени Венгрии на пропуск русских войск через их территорию было, конечно, необходимо. Такого согласия вполне можно было бы добиться по крайней мере от Румынии, как указывал мне Майский, с помощью нажима и гарантий великого союза под эгидой Лиги Наций. Из России в Чехословакию через Карпаты вели две железные дороги — северная, от Черновцов, через Буковину, и южная, по венгерской территории, через Дебрецен. Одни эти железные дороги, которые проходят далеко от Бухареста и Будапешта, вполне могли бы обеспечить снабжение русской армии в 30 дивизий. В качестве фактора сохранения мира эти возможности оказали бы серьезное сдерживающее влияние на Гитлера и почти наверняка привели бы к гораздо более серьезным событиям в случае войны. Вместо этого все время подчеркивалось двуличие Советского Союза и его вероломство. Советские предложения фактически игнорировали. Эти предложения не были использованы для влияния на Гитлера, к ним отнеслись с равнодушием, чтобы не сказать с презрением, которое запомнилось Сталину. События шли своим чередом так, как будто Советской России не существовало. Впоследствии мы дорого заплатили за это»<sup>800</sup>.

Западные союзники продолжали давить на Прагу. Когда Бенеш восклидал на очередные условия послов Франции и Великобритании: «Это

ультиматум!», ему отвечали: «Это только советы». Бенеш напоминал о франко-чехословацком договоре. Французы утверждали, что если ЧСР будет неуступчива, договор не будет иметь значения. 21 сентября Бенеш согласился на требования Чемберлена и Даладье. «Нас подло предали», — в частном порядке заявил чехословацкий президент.

Униженное англо-французскими предложениями чехословацкое правительство вышло в отставку. Было создано беспартийное правительство во главе с генералом Я. Сыровы, который во время Первой мировой войны командовал чешскими легионами в Сибири.

22 сентября 1938 года к границам Чехословакии подошли польские и венгерские войска. Судетские немцы (свободный корпус, возглавляемый Генлейном) захватили чешские города Аш и Эгер. В этот же день президент Бенеш обратился по радио к чешскому народу с исполненным достоинства призывом к спокойствию. Четвертьмиллионный митинг протеста пражан был ему ответом. Тогда Бенеш объявил мобилизацию<sup>801</sup>.

Известие о начале мобилизации привело к скандалу на следующей встрече Гитлера с Чемберленом, состоявшейся 22–23 сентября в небольшом рейнском городке Годесберг.

Оказавшись второй раз за неделю в Германии, Чемберлен пребывал в прекрасном настроении. Он проследовал по улицам Годесберга, украшенным свастиками и британскими флагами, в свою резиденцию — гостиницу «Петерсхоф», расположенную на вершине горы Петерсберг на правом берегу Рейна и похожую на замок.

Германский же канцлер заметно нервничал. «Утром 22-го, — вспоминает У. Ширер, — я завтракал на террасе гостиницы “Дризен”, где должна была состояться встреча. Гитлер прошел мимо. Он направлялся на берег, чтобы взглянуть на свою яхту. Мне показалось, что у него тик. Через каждые несколько шагов у него странно подергивалось правое плечо и одновременно дергалась левая нога. Под глазами залегли неестественные синие круги. Похоже (об этом записано в моем дневнике), он находился на грани нервного срыва. “Terpichfresser”, — пробормотал мой сосед-немец, редактор одной из газет, человек, втайне ненавидевший нацизм. Он объяснил, что события, разворачивающиеся вокруг Чехословакии, довели Гитлера до маниакального состояния, что за предшествующие несколько дней он не единожды терял контроль над собой, падал на пол и грыз угол ковра, отсюда и прозвище — Ковроед. Накануне вечером я беседовал в “Дризене” с некоторыми партийными функционерами и слышал, как фюрера называли этим прозвищем — шепотом, конечно»<sup>802</sup>.

Вечером 22 сентября британский премьер-министр пересек Рейн на пароме и направился в гостиницу «Дризен»\*, где его уже ждал Гитлер. Фюрер встретил Чемберлена у входа в отель весьма дружескими распросами о его путешествии и размещении в отеле. Из конференц-зала

---

\* Это была та самая гостиница, откуда летом 1934 года фюрер поспешно выехал, чтобы расправиться с Ремом и его штурмовиками.

открывался величественный вид на Рейн и Зибенгебирге. Но государственные деятели не обращали внимания на декорации природы и, не бросив ни одного взгляда из окна, расселись на конце длинного стола для совещаний.

«Чемберлен, — вспоминает Шмидт, — открыл заседание информацией о совещании в Лондоне с целью узнать мнение кабинета министров по вопросу о признании права Судетской области на самоопределение. С принципом самоопределения согласился кабинет, а также французские министры, прибывшие в Лондон по его приглашению. Даже чехословацкое правительство выразило свое согласие. Вместе с французами он выработал в Лондоне план, по которому территории, где живут судетские немцы, передаются Германии. В этом плане были предусмотрены даже подробности новой границы. В заключение он объявил о гарантиях, которые Франция и Великобритания собирались дать по новой германо-чехословацкой границе. Германия, со своей стороны, должна была заключить пакт о ненападении с Чехословакией.

После этого разъярения Чемберлен откинулся на спинку стула с выражением удовлетворения на лице, как бы говоря: “Разве не великолепно я потрудился за эти пять дней?” “Правильно ли я понял, что правительства Англии, Франции и Чехословакии согласны передать Судетскую область Германии?” — спросил Гитлер\*. “Да”, — ответил улыбаясь премьер-министр Великобритании. Тогда Гитлер спокойно заявил, почти сожалея, но вполне твердо: “Мне очень жаль, мистер Чемберлен, но я не могу больше обсуждать эти вопросы. После событий последних дней это решение уже не имеет практического смысла”.

Чемберлен удивленно выпрямился. Он вспыхнул от гнева, осознав отношение Гитлера, его неблагодарность за все его труды. Я заметил, — пишет немецкий переводчик, — что его добрые глаза гневно блеснули из-под кустистых бровей. Чемберлен увидел, что его “дом мира”, с таким трудом построенный за счет Чехословакии, рассыпается, словно картонный домик. Он был “разочарован и озадачен одновременно” и мог с полной уверенностью сказать, что “фюрер получил от него все, что требовал”. Он сказал, что не понимает, почему теперь Гитлер вдруг заявляет, будто это решение больше не имеет практического смысла, если удовлетворяются все его пожелания, высказанные в Берхтесгадене<sup>803</sup>.

Однако фюрера не трогали беды британского премьер-министра. Он выдвигал требование немедленной оккупации Судетской облас-

---

\* Гитлер знал, что Чехословакия приняла англо-французские предложения. Йодль отметил в своем дневнике, что 21 сентября в 11.30 утра, за день до того, как Чемберлен прибыл в Годесберг, ему, Йодлю, позвонил адъютант фюрера и сказал: «Пять минут назад фюрер получил известие, что Прага, судя по всему, безоговорочно согласна». В 12.45 начальники отделов получили приказ продолжать подготовку операции «Грюн», но при этом не упускать из виду мирное проникновение. В то же время вполне возможно, что Гитлер не знал англо-французских условий, пока ему не рассказал о них британский премьер-министр.



ти Германией, причем проблема эта «должна быть решена окончательно не позднее 1 октября». «Притеснение судетских немцев и террор, развязанный Бенешем, не допускают промедления», — хриплым голосом заявил Гитлер. Под рукой оказалась карта, на которой фюрер отметил, какие именно территории подлежат немедленной оккупации.

После этого Чемберлен, «переполненный дурными предчувствиями», как он позднее заявил в палате общин, отправился в свою резиденцию на другой берег Рейна, чтобы решить, что же делать. В 19.20 генерал Кейтель позвонил по телефону из Годесберга в штаб сухопутных войск: «Дату (день «X») пока точно назвать нельзя. Продолжайте подготовку согласно плану. Операция «Грюн» начнется не раньше 30 сентября. Если она начнется раньше, то это будет, скорее всего, импровизация». Перед Гитлером стояла дилемма. Как он изложил в директиве ОКВ после майского кризиса, его цель заключалась в том, чтобы «военными действиями уничтожить Чехословакию», о чем Чемберлен, конечно, не знал. Принять англо-французский план, с которым Чехословакия согласилась, хотя и неохотно, означало не только получить Судетскую область, но и нанести ощутимый удар Чехословакии, поскольку она становилась беззащитной. Но это не были военные действия. Фюрер же намеревался не только унижить президента Бенеша, который нанес ему обиду в мае, но и доказать беспхребетность правительств западных стран. Для этого была необходима именно военная оккупация.

Вечером 22 сентября германский канцлер и британский премьер-министр больше не встречались. Все утро 23 сентября Чемберлен прошагал по балкону отеля. После завтрака он послал Гитлеру письмо: «Думаю, — писал он, — Вы не сознаете невозможность моего согласия на принятие такого плана, поскольку я полагаю, общественное мнение в моей стране, во Франции и во всем мире сочтет его нарушающим принципы, уже согласованные ранее и не предусматривающие угрозу применения силы... В случае, если немецкие войска войдут на эту территорию, как Вы предлагаете, нет никакого сомнения, что у чехословацкого правительства не будет другого выбора, кроме как отдать приказ своим вооруженным силам оказать сопротивление».

Как вспоминал Шмидт, переводивший послание Чемберлена Гитлеру, хотя письмо было изложено во вполне дружелюбной форме и начиналось словами «Мой дорогой Рейхсканцлер», впечатление, произведенное им, было подобно взрыву. Казалось, переговоры с первого же дня зашли в тупик. Между Гитлером, Риббентропом и их советниками развернулись лихорадочные дискуссии. Наконец Гитлер продикутовал ответ, сводившийся к пространному, далеко не дружелюбному повторению того, что было им сказано накануне: «Когда Вы, Ваше Превосходительство, сообщаете мне, что передача рейху судетских территорий была признана в принципе, я должен с сожалением указать, что теоретическое признание принципов в отношении Германии было уже согла-

совано ранее». Он напомнил Чемберлену о четырнадцати пунктах Вильсона — обещания, которые были самым постыдным образом нарушены. «Я заинтересован, Ваше Превосходительство, — писал он, — не в признании принципа, а единственно в его реализации и, таким образом, в том, чтобы в возможно более короткое время страдания несчастных жертв чешской тирании закончились, а достоинству великой державы воздалось должное»<sup>804</sup>.

Ближе к вечеру 23 сентября 1938 года Шмидт вручил письмо Гитлера британскому премьеру. Ответ Чемберлена был краток. В своем письме Чемберлен снова проявил свою склонность к примирению, говоря, что готов «как посредник» передать предложения, «на которых Вы, Ваше Превосходительство, категорически настаиваете, как это было вчера вечером», чехословацкому правительству. Поэтому он попросил Гитлера позволить передать ему эти предложения в форме меморандума и объявил, что предполагает вернуться в Лондон и приступить к необходимым приготовлениям для передачи меморандума.

Перед отъездом он еще раз встретился с Гитлером в отеле «Дризен». Встреча началась в половине одиннадцатого вечера 23 сентября. Гитлер представил свои требования в виде меморандума и приложил карту. Чемберлен был поставлен в жесткие временные рамки. Чехословакия должна была начать эвакуацию населения с территорий, отходящих к Германии, в 8 часов утра 26 сентября, то есть через два дня, и завершить ее 28 сентября.

На Чемберлена и остальных англичан документ произвел сокрушительное впечатление. «Но это же ультиматум!» — воскликнул Чемберлен, возмущенно вздымая руки. «Ничего подобного!» — живо возразил Гитлер. «Diktat», — вставил Гендерсон, который всегда любил вернуть в разговор немецкое слово. Гитлер парировал: «Это вовсе не диктат. Взгляните на документ, он озаглавлен словом “меморандум”». Переговоры зашли в тупик.

В этот момент адъютант принес фюреру срочную телеграмму. Гитлер пробежал ее глазами и передал переводчику Шмидту: «Прочтите господину Чемберлену». Шмидт прочитал: «Только что Бенеш объявил по радио всеобщую мобилизацию в Чехословакии».

По словам Шмидта, в комнате наступила глубокая тишина. Едва слышным голосом Гитлер сказал оцепеневшему Чемберлену: «Теперь вопрос, конечно, закрыт. Чехословакия и не подумает отдать Германии какие-либо территории». Тем не менее фюрер заметил: «Несмотря на эту неслыханную провокацию, я, разумеется, сдержу слово ничего не предпринимать против Чехословакии, пока продолжаются переговоры, — во всяком случае, мистер Чемберлен, пока Вы находитесь на земле Германии».

Переговоры продолжились и затянулись до поздней ночи. В конце концов Чемберлен спросил, является ли меморандум Гитлера его последним словом. Когда Гитлер ответил, что да, является, премьер-министр заявил, что не видит смысла продолжать переговоры. Чемберлен

с грустью отметил, что сделал все, что мог, но его попытки не увенчались успехом. Он уезжает с тяжелым чувством, потому что надежды, с которыми он приехал в Германию, разбиты.

Но Гитлер не хотел, чтобы Чемберлен сорвался с крючка. «Вы один из немногих, для кого я когда-либо делал подобное, — с живостью заметил фюрер. — Я готов установить окончательную дату для эвакуации чехов — 1 октября, если это упростит вашу задачу». Скавав это, Гитлер взял карандаш и сам исправил дату. В действительности это не было уступкой, ведь 1 октября было давно назначенным днем «Х»\*.

Это, казалось, подействовало на премьер-министра. Чемберлен «высоко оценил соображения фюрера по этому вопросу». Тем не менее британский премьер добавил, что не готов принять или отвергнуть предложения, а может только передать их. Лед, однако, был сломан. К половине второго ночи, когда встреча подошла к концу, несмотря на все разногласия, эти два человека были близки друг другу как никогда. «Я имел возможность, — вспоминал американский журналист, — наблюдать сцену их прощания у дверей отеля с расстояния двадцати пяти футов из своей импровизированной радиостудии, которую оборудовал в комнате портье. Сердечность их прощания поразила меня». А Шмидт записал слова прощания, которые не удалось расслышать Ширеру: «Чемберлен сердечно попрощался с фюрером. Он сказал, что у него появилось чувство, будто между ним и фюрером установились отношения доверия в результате переговоров, прошедших в последние дни... Он не терял надежды, что существующие трудности будут преодолены. После этого он был бы рад обсудить оставшиеся проблемы с фюрером в том же духе. Фюрер поблагодарил Чемберлена за эти слова и сказал, что тоже на это надеется. Как он неоднократно отмечал, чешская проблема — его последние территориальные притязания в Европе». Когда Чемберлен около двух часов ночи вернулся в гостиницу, один из журналистов спросил его: «Положение безнадежно, сэр?» «Я бы этого не сказал, — ответил премьер-министр. — Теперь все зависит от чехов»<sup>805</sup>.

Что же узнал мир на следующий день после переговоров: фюрер заявил, что «англо-французский план» его не удовлетворяет. Вместо этого Гитлер выдвинул новые условия, известные как Годесбергский диктат, по сути, не оставлявший Чехословакии никаких шансов на

---

\* Меморандум предписывал вывести все чешские войска, в том числе подразделения полиции, к 1 октября с больших территорий, заштрихованных на карте красным цветом. Судьбу территорий, заштрихованных зеленым цветом, предстояло решить в ходе плебисцита. Все военные сооружения на этих территориях предписывалось оставить нетронутыми. Коммерческие, транспортные материалы, особенно подвижной состав железных дорог, передавались немцам неповрежденными. Наконец, не должны были вывозиться продукты питания, товары, скот, сырье и т.д. Сотни тысяч чехов, проживавших в Судетской области, лишились права забрать с собой свой скраб или корову.

суверенное существование. Гитлер потребовал, чтобы к 28 сентября германские войска оккупировали Судеты. Чемберлен же вместо того, чтобы прервать переговоры и вернуться в Лондон, стал обсуждать с Гитлером условия нового ультиматума. Единственное, на что дал согласие фюрер, это передвинуть сроки оккупации судетских районов на 1 октября. Чемберлен в ответ согласился передать требования Германии в Прагу. Капитуляция Чемберлена была более чем очевидна.

Британский премьер вернулся в Лондон днем 24 сентября. Отчитываясь на заседании английского правительства о поездке в Годесберг, Чемберлен был вынужден признать, что в результате этих новых требований Гитлера он оказался в состоянии шока<sup>806</sup>. Британской общественности Чемберлен заявил: «Меморандум и карта были вручены мне при последнем свидании с канцлером, которое началось в половине одиннадцатого и продолжалось до глубокой ночи. Впервые в меморандуме был указан определенный срок. Ввиду этого я говорил в данном случае очень откровенно. Я подчеркнул со всей возможной решительностью весь риск, сопряженный с настойчивым требованием подобных условий, а также страшные последствия войны в случае ее возникновения. Я заявил, что язык и тон этих документов, которые я назвал скорее ультиматумом, чем меморандумом, глубоко шокируют общественное мнение в нейтральных странах. Я горько упрекнул канцлера за то, что он никак не откликнулся на мои усилия по сохранению мира. Я должен добавить, что Гитлер подтвердил со всей серьезностью сказанное им мне в Берхтесгадене, а именно, что это последнее его территориальное притязание в Европе и что у него нет желания включать в рейх народы других рас, кроме германской»<sup>807</sup>.

Еще 23 сентября министр иностранных дел Великобритании Галифакс вызвал чехословацкого посла Я. Масарика и вручил ему немецкое послание, привезенное Чемберленом. При этом Галифакс принялся убеждать Масарика, что требования надо принять. Масарик горячо возражал. «Когда он получит Судетскую область, он навсегда оставит Европу в покое, — возразил министр.

Посол перебил его:

— Я удивлен, это преступная наивность! — воскликнул он.

— Но в этом вопросе Чемберлен лишь почтальон.

— Надо ли тогда считать, что английский премьер является почтальоном убийцы и преступника?

— К сожалению, это так»<sup>808</sup>.

Ответ Чехословакии на годесбергский ультиматум был как нельзя более гордым: «Нация святого Вацлава, Яна Гуса и Томаша Масарика не будет нацией рабов»<sup>809</sup>.

Французскому премьеру Даладье в данной ситуации не оставалось иного выхода, как предпринять жесткие действия. Французское правительство отвергло Годесбергский диктат. В ночь на 24 сентября афиши, расклеенные на зданиях мэрий во Франции, объявили о призыве под ружье резервистов. Париж сразу преобразился: наскоро

создавались бомбоубежища, на людных площадях появились зенитные орудия\*.

Учитывая, что в Лондоне также отказались выполнить требования Гитлера, казалось, что в англо-французском лагере наконец наметилось единство целей и действий. 25–26 сентября на англо-французской конференции Чемберлен твердо пообещал оказать Франции поддержку в случае войны<sup>810</sup>. При этом глава французского Генштаба генерал Гамелен проинформировал Чемберлена: 35 дивизий чехословаков могут в Судетах сдерживать 40 немецких, а вот несколько десятков французских дивизий прорвут немецкие заслоны на недостроенной линии Зигфрида<sup>811</sup>.

26 сентября Галифакс заявил прессе: «На протяжении последней недели господин Чемберлен вместе с германским канцлером пытались урегулировать чехословацкий вопрос мирным путем. Этого все еще возможно добиться путем переговоров. Германское требование о передаче Судетской области принято французским, британским и чехословацким правительствами, однако, если вопреки всем усилиям, совершенным британским премьер-министром, Германия атакует Чехословакию, немедленным результатом будет выступление Франции в защиту последней, а также вмешательство Великобритании и России на стороне Франции»<sup>812</sup>.

И все же Чемберлен был намерен довести свой план мирного урегулирования судетской проблемы до конца. Его имя было связано с линией мира, а война вела к непредсказуемым последствиям, революционной перестройке Версальской системы в нечто новое, возможно-му вмешательству других стран, включая СССР. Этого английского консерватору не желали. В Берлин со специальным письмом фюреру был отправлен ближайший советник Чемберлена Г. Вильсон. Он должен был разработать план передачи Судет, но с предупреждением Германии, что, если вермахт войдет в Чехословакию и Франция выполнит свои обязательства, Великобритания будет на стороне последней<sup>813</sup>.

26 сентября 1938 года в пять часов утра Г. Вильсон в сопровождении посла Гендерсона и первого секретаря британского посольства

---

\* Одновременно в Париже без устали работала «пятая колонна» Гитлера. По всей французской столице были расклеены яркие плакаты с кричащими лозунгами: ««Французы, вас обманули!», «Довольно шантажировать патриотизмом!» и т.д. Газетные заголовки правых газет говорили сами за себя. «Долой войну!» — писала во всю полосу «Аксьон франсэз», а чуть пониже: «Французы не хотят сражаться ни за евреев, ни за русских, ни за пражских франкмасонов». Во весь лист газеты «Эвр» был напечатан призыв: «Обеспечим же мир, пока нет войны!». В газете «Жур» заголовок гласил: «Неужели собираются воевать из-за процедурного вопроса?» Даже провинциальные газеты не остались в стороне. В «Эклер де Нис» ультрамаринными огромными буквами была набрана фраза: «Все чехи и словаки мира вместе взятые не стоят жизни одного французского солдата!»

Киркпатрика был принят Гитлером в рейхсканцелярии. Они застали германского канцлера в отвратительном расположении духа. «На этом совещании, — вспоминал Шмидт, — Гитлер в первый и единственный раз в моем присутствии полностью потерял самообладание. Письмо вызвало одну из самых бурных реакций, которые мне доводилось наблюдать. “Правительство Чехословакии только что сообщило мне, — писал Чемберлен, — что оно расценивает содержащиеся в Вашем Меморандуме условия как полностью неприемлемые”.

В письме Чемберлена содержался намек вроде “я же Вам говорил”, и, казалось, он поддерживает позицию чехословаков. Гитлер, слушавший со все возрастающим беспокойством, вдруг вскочил с криком: “Здесь не о чем вести переговоры!” и кинулся к двери. Это была чрезвычайно неприятная сцена, особенно когда Гитлер вроде бы осознал, оказавшись у двери, насколько недопустимым было его поведение, и вернулся на место, как непослушный мальчишка. Теперь он взял себя в руки, и я (Шмидт. — *А.Н.*) смог продолжить чтение письма вслух. Однако когда я закончил, он позволил себе впасть в еще большую ярость, чем я когда-либо мог наблюдать во время дипломатических встреч. “С немцами обходятся как с грязными неграми... — кричал Гитлер. — 1 октября я поставлю Чехословакию на место! Если Франция и Англия хотят нападать, пусть нападают! Мне это совершенно безразлично!” Спокойные попытки Вильсона призвать Гитлера к благоразумию лишь усиливали его ярость; Гендерсон бился с Риббентропом, возбужденно толковавшим о Бенеше как о террористе, а о чехах как о поджигателях войны»<sup>814</sup>.

В чем же, собственно, заключался план Чемберлена. Так как Чехословакия готова отдать Гитлеру то, что он требует, а именно Судетскую область, необходимо срочно организовать встречу чешских и немецких представителей и «договориться о способе передачи территории». Чемберлен добавлял, что ему хотелось бы, чтобы на этой встрече присутствовали представители Англии. Гитлер ответил, что готов вступить в переговоры с чехами, если они примут годесбергский ультиматум, только что ими отвергнутый, и согласятся на оккупацию Судетской области немецкими войсками 1 октября. Он заметил, что положительный ответ должен быть получен в течение сорока четырех часов, то есть к двум часам дня 28 сентября.

Пребывая в воинственном расположении духа, Гитлер произнес свою знаменитую речь во Дворце спорта 26 сентября, несколько часов спустя после встречи с англичанами. «Вопрос, который волнует нас больше всего в эти последние несколько недель, известен всем нам, — сказал он. — Он называется не столько Чехословакия, сколько герр Бенеш. В этом имени сконцентрированы сегодня чувства миллионов людей, оно заставляет их отдаиваться или наполняет их фанатичной решимостью!.. Теперь он выдворяет немцев! Но на этом его мелкие игры прекратятся... Теперь решение остается за ним. Мир или война! Или он принимает наше предложение и наконец предоставляет свободу немцам, или мы придем и возьмем эту свободу сами!»

Но в этой речи были и другие тона. Гитлер дружелюбно отзывался о Чемберлене и добавил часто цитируемую многозначительную фразу: «Я заверил мистера Чемберлена, что как только чехи урегулируют вопрос со своими меньшинствами... у меня больше не будет интересов в чешском государстве. Я ему это гарантирую. Нам чехи не нужны»<sup>815</sup>.

«Впервые за время моего пребывания в Германии, — записал в своем дневнике Ширер, — я видел его (Гитлера. — *А.Н.*) таким — он в буквальном смысле утратил контроль над собой. Когда он сел, вскочил Геббельс и прокричал в микрофон: “Одно можно сказать наверняка: 1918 год никогда не повторится!” Гитлер взглянул на него дикими глазами, как будто Геббельс произнес именно те слова, которые он, Гитлер, искал весь вечер, но так и не нашел. Он приподнялся, дотянулся правой рукой до микрофона, прокричал во всю мощь своих легких: “Ja!” — и устало сел на место. Никогда не забуду того фанатичного огня, который горел в его глазах в этот момент»<sup>816</sup>.

На следующий день, 27 сентября, фюрер вновь встретился с Вильсоном, который ночью получил от Чемберлена новое послание для Гитлера. Премьер-министр предлагал гарантию Великобритании, что эвакуация чехов будет осуществлена, если Германия, со своей стороны, воздержится от применения силы.

Гитлер отказался обсуждать это предложение, даже когда Вильсон спросил, что сообщить Чемберлену в ответ. Гитлер продолжал твердить, что теперь у чехословацкого правительства есть только две возможности — принять предложения Германии или отказаться от них. «И если они предпочтут отказаться, я раздавлю Чехословакию! — сердито выкрикнул он. — Если чехи не согласятся на мои требования до 14 часов 28 сентября, в октябре я введу немецкие войска на территорию Судет». Вильсон и его помощники сидели беспомощно: они ничего не могли противопоставить такой ярости.

Неожиданно Вильсон поднялся. Твердым голосом, медленно взвешивая каждое слово, он сказал: «При таких обстоятельствах я должен выполнить еще одно поручение моего премьер-министра. Я должен просить Вас, Канцлер, принять к сведению следующее сообщение: “Если Франция, выполняя свои обязательства, будет активно вовлечена во враждебные действия против Германии, Соединенное Королевство сочтет необходимым для себя поддержать Францию”».

Гитлер гневно ответил, что принял сообщение к сведению. «Это значит, — добавил он, — что, если Франция сделает свой выбор, напад на Германию, Англия сочтет своим долгом тоже напасть на Германию». Повысив голос, он продолжал: «Если Франция и Англия хотят развязать войну, они могут сделать это. Мне это совершенно безразлично. Я готов ко всем случайностям. Я могу лишь учесть эту позицию. Таким образом, на следующей неделе мы окажемся в состоянии войны друг с другом». Это были его последние слова Вильсону и ответ Чемберлену. Правда, в тот же вечер переводчику Шмидту пришлось переводить витиеватое письмо на имя британского премьер-министра, которое Гитлер составил уже в более примирительных выражениях<sup>817</sup>.

Тем временем в час дня 27 сентября Гитлер издал «совершенно секретный» приказ, в котором ударным частям — примерно двадцать один усиленный полк, или семь дивизий, — предписывалось покинуть места проведения учений и выйти на рубеж атаки на чешской границе. «Они должны быть готовы, — говорилось в приказе, — начать действия против «зеленых» 30 сентября, уведомив об этом накануне не позднее полудня». Через несколько часов был издан приказ о дальнейшей скрытной мобилизации. В ходе ее было сформировано пять новых дивизий для размещения на западной границе<sup>818</sup>.

Не бездействовали и в Праге. Укрепления в Судетах заняли около 800 тысяч чехословацких солдат. У Германии было примерно столько же, но на двух фронтах. Однако чехословаки не верили, что у них есть шансы при борьбе один на один. В Англии с ужасом ждали удара немецкой авиации. Из Лондона, готовившегося к бомбардировкам, эвакуировали детей\*. Войска Франции, Германии и Чехословакии занимали позиции вдоль границы; Венгрия и Польша надеялись на свой кусок Чехословакии. Но Румыния и Югославия предостерегли Венгрию от вмешательства, а Италия и не думала о мобилизации. Британский флот готовился к выходу в море, собираясь блокировать германское побережье.

Говоря о перспективах войны осенью 1938 года, нельзя не согласиться с мнением У. Ширера, что «1 октября 1938 года Германия была не готова вести войну против Чехословакии, Англии и Франции одновременно, не говоря уже о России. Развязав войну, Германия быстро бы ее проиграла, и это стало бы концом для Гитлера и Третьего рейха»<sup>819</sup>. Согласно воспоминаниям маршала М.В. Захарова, «если бы СССР, Франция и Англия действовали сообща, соотношение сил было следующим: 51 немецкая дивизия на трех (!) фронтах против 90 русских, 65 французских и 38 чешских дивизий. Шансы Германии при всем престиже ее войск были крайне невелики»<sup>820</sup>.

27 сентября, когда Г. Вильсон еще был в Германии, Англия объявила о мобилизации флота. Даладье в последней попытке предотвратить возможное повторение катастрофы 1870 года, при поддержке секретаря Кэ д'Орсэ Леже, принял решение оказать давление непосредственно на Гитлера с целью убедить фюрера начать переговоры. По сведениям американских дипломатов в Берлине, утром 28 сентября Франсуа-

---

\* Заметим, что Германия оказалась в состоянии нанести бомбовый удар по Великобритании только через два (!) года после описываемых событий. Первый массированный налет на Лондон состоялся 7 сентября 1940 года. И хотя осенью 1938 году Великобритания была совершенно неподготовленной для отражения воздушных налетов на свою столицу, решающая воздушная битва за Англию была невозможна, пока немцы не заняли Францию, а также Голландию и Бельгию, и не получили таким образом необходимые базы на близком расстоянии от берегов «Туманного Альбиона». Без этих баз истребители того времени не могли бы эскортировать свои бомбардировщики. В то же время германские армии были неспособны нанести французам поражение в 1938 или 1939 году.



Понсе лично предупредил Гитлера, что германское нападение на Чехословакию будет означать войну с Францией<sup>821</sup>. «Вы обманываетесь, Канцлер, — говорил французский посол, — если думаете, что можете ограничить конфликт Чехословакией. Если Вы нападете на эту страну, то ввергнете в огонь всю Европу... Вы, конечно, уверены, что выиграете эту войну, — продолжал он, — точно так же, как мы верим, что разобьем вас. Но зачем Вам идти на такой риск, если Ваши основные требования могут быть выполнены и без войны»<sup>822</sup>.

Тем временем в телеграмме, отправленной 27 сентября на имя премьер-министра Великобритании, Гитлер предлагал еще раз попытаться найти выход из кризиса. Его письмо-воззвание к Чемберлену было хорошо продумано. В сдержанных выражениях Гитлер отрицал тот факт, что его предложения полностью лишат чехов гарантий на существование как нации, что немецкие войска продвинулись дальше демаркационной линии. Гитлер выражал готовность обсудить с чехами детали и «дать гарантии Чехословакии». Чехи держатся только потому, что надеются начать европейскую войну, заручившись поддержкой Англии и Франции, но он, Гитлер, все еще не теряет надежду сохранить мир. «Я вынужден передать это дело на Ваш суд, — писал он в заключение. — Учитывая все факты. Вы сами решите, следует ли Вам продолжать попытки... противодействовать этим маневрам и в последнюю минуту призвать правительство Чехословакии прислушаться к голосу разума».

Почувствовав, что «дело мира» еще не проиграно, Чемберлен вновь принял давить на Бенеша. В Лондоне полным ходом шло рытье траншей, эвакуация школьников, больниц. На парижских вокзалах поезда брали штурмом, на дорогах, ведущих из столицы, образовывались пробки. Смысл философии западной политической элиты Чемберлен изложил в своем обращении к нации вечером 27 сентября: «Страшно, невероятно, невысказано! Мы роем траншеи... здесь... из-за спора, разгоревшегося в далекой стране между людьми, о которых мы ничего не знаем... Я, не раздумывая ни секунды, готов в третий раз отправиться в Германию, если это принесет пользу... Как бы мы ни сочувствовали маленькому народу, вступившему в конфликт с сильным соседом, мы не можем только из-за этого вовлекать в войну всю Британскую империю. Если нам и придется воевать, то по более серьезному поводу... Я сам — человек миролюбивый до глубины души. Мне страшно представить вооруженное столкновение между народами; но если я буду убежден в том, что какая-то нация решила господствовать над миром посредством силы, то соглашусь, что ей надо противостоять. Иначе людям, верящим в свободу, незачем жить; но война — вещь ужасная, поэтому мы должны тщательно все взвесить, прежде чем принять решение, — слишком многое ставится на карту»<sup>823</sup>.

Отвечая Гитлеру, Чемберлен заявил: «Прочитав Ваше письмо, я пришел к выводу, что Вы сможете достичь всего очень быстро и не прибегая к войне. Я готов сам немедленно прибыть в Берлин, чтобы обсудить вместе с вами и с правительством Чехословакии подготови-

тельные меры по передаче территорий в присутствии представителей Франции и Италии, если Вы того пожелаете. Я убежден, что в течение недели мы придем к соглашению. Я не поверю, что из-за задержки на несколько дней решения давно возникшей проблемы Вы возьмете на себя ответственность начать мировую войну, которая может привести к гибели цивилизации»<sup>824</sup>.

В то же время Чемберлен послал телеграмму Муссолини с уведомлением об этом последнем призыве к Гитлеру: «Я надеюсь, что Ваше Превосходительство сообщит германскому канцлеру о согласии быть представленным и призовет его принять мое предложение, которое спасет наши народы от войны»<sup>825</sup>. Дуче говорил своему министру Чиано: «Англичане не хотят воевать. Они стараются отступать, отступать как можно медленнее, но не воевать»<sup>826</sup>. Однако и Муссолини, в чьи планы война с сильным противником совершенно не входила, стал уговаривать Гитлера пойти на переговоры с британцами. Американский президент Рузвельт также предложил в своих посланиях от 26 и 28 сентября руководителям правительств Великобритании, Франции, Германии и Италии созвать конференцию и принять на ней решение по чехословацкому вопросу<sup>827</sup>.

Откликнувшись на призыв Чемберлена и Рузвельта, дуче выступил с инициативой новой международной конференции по Чехословакии. Муссолини сообщил Гитлеру, что по просьбе Великобритании он готов выступить посредником на предстоящей конференции<sup>828</sup>.

В одиннадцать утра 28 сентября 1938 года Муссолини связался с итальянским послом в Берлине Б. Аттолико.

«*Муссолини*: Это говорит дуче. Вы слышите меня?

*Аттолико*: Да, я вас слышу.

*Муссолини*: Просите канцлера немедленно вас принять. Передайте ему, что британское правительство через лорда Перта (британский посол в Риме. — *А.Н.*) просило меня быть посредником в решении судетского вопроса. Разногласия очень незначительны. Передайте канцлеру, что я и фашистская Италия на его стороне. Конечно, он сам будет принимать решение, но скажите ему, что я за то, чтобы принять предложение англичан. Вы слышите меня?

*Аттолико*: Да, я вас слышу.

*Муссолини*: Поторопитесь!»

Аттолико немедленно поспешил к Гитлеру и буквально ворвался в канцелярию. Там уже находился Франсуа-Понсе, склонявший Гитлера принять французские предложения, отдававшие Германии достаточно большие куски территории своей союзницы. «Слегка сутулый Аттолико задыхался от волнения, — вспоминает очевидец тех событий, — его лицо пылало возбуждением. “У меня для Вас срочное сообщение от дуче, фюрер!” — безо всяких церемоний воскликнул он, еще не успев подойти к Гитлеру. “Британское правительство только что дало мне знать через посла в Риме, что оно согласно с посредничеством дуче в судетском вопросе. Оно считает область расхождений сравнительно узкой”. И сделал интересное дополнение: “Дуче сообщает Вам, что

каким бы ни было Ваше решение, фюрер, фашистская Италия стоит позади Вас”. И быстро продолжил: “Однако дуче придерживается мнения, что было бы разумно принять британское предложение, и просит Вас воздержаться от мобилизации”. Гитлер, уже призадумавшийся после разговора с Франсуа-Понсе, находился явно под впечатлением от сообщения Муссолини. Аттолико напряженно смотрел на него. Именно в этот момент было принято решение в пользу мира. Это произошло как раз незадолго до полудня 28 сентября, за два часа до истечения гитлеровского ультиматума. Гитлер ответил: “Скажите дуче, что я принимаю его предложение”».

После того, как Франсуа-Понсе и Аттолико\* покинули канцелярию Гитлера, в дверях неожиданно появился британский посол Гендерсон с письмом Чемберлена. Прочитав послание, Гитлер ответил, что должен связаться с Муссолини относительно этого предложения. «Я отложил мобилизацию в Германии на двадцать четыре часа, идя навстречу пожеланиям моего великого итальянского союзника», — сказал Гитлер Гендерсону<sup>829</sup>.

В тот же день Гитлер позвонил Муссолини и окончательно сделал свой выбор. За несколько минут до истечения срока ультиматума Гитлер распорядился быстро разослать приглашения главам правительств Англии, Франции и Италии встретиться с ним в Мюнхене завтра в полдень для обсуждения чешского вопроса. В этот самый момент Чемберлен выступал в палате общин с общим обзором последних событий. В этот момент британский премьер рассказывал о письме, которое он послал Муссолини, и о результатах этого шага: «Гитлер согласился отложить мобилизацию на 24 часа...». В этот момент в зал принесли послание Гитлера. Сидевший на галерее для пэров Галифакс передал его Саймону, тот прочел и протянул премьер-министру. В тишине был слышен вопрос Чемберлена: «Должен ли я сказать об этом сейчас?» Когда Саймон улыбнулся, премьер объявил: «Это еще не все. Я могу сообщить палате еще кое-что. Гитлер сейчас уведомил меня, что он приглашает меня встретиться с ним в Мюнхене завтра утром. Он пригласил также Муссолини и Даладье. Муссолини дал согласие, и я не сомневаюсь, что Даладье поступит так же. Мне нет нужды говорить, каков будет мой ответ... Палата, я уверен, согласится отпустить меня сейчас, чтобы я мог подумать о том, что может дать это последнее усилие»<sup>830</sup>.

Молчание продолжалось лишь мгновение, затем зал утонул в приветствиях. Но ликовали не все. Иден не смог этого вынести, он вышел. Гарольду Николсону потребовалось немалое мужество, чтобы остаться. Г. Макмиллан вспоминает: «Я увидел одного человека, сидящего молча, втянув голову в плечи, всем своим видом демонстрирующего

---

\* По свидетельству очевидцев из ближайшего окружения Гитлера, Аттолико приходил к Гитлеру аж четыре раза. Когда он в третий раз ушел из рейсканцелярии, Гитлер со смешанным чувством досады и удовлетворения сказал принесшему ему газеты камердинеру Г. Линге: «У него — полные штаны! Если бы мы следовали его советам, никогда не довели бы дела до конца».

нечто среднее между отчаянием и возмущением. Это был Черчилль». Чемберлен немедленно ответил Гитлеру: «После прочтения Вашего письма я определенно чувствую, что Вы можете получить все существенное, не обращаясь к войне, и вскоре. Я готов прибыть немедленно, чтобы обсудить все обстоятельства с Вами и представителями Чешского правительства совместно с представителями Франции и Италии, если Вы того желаете»<sup>831</sup>.

Британский премьер-министр в третий раз за неполные две недели вылетел в Германию на переговоры с Гитлером...

## НА ПУТИ К МИРОВОЙ ВОЙНЕ

29 сентября 1938 года в Мюнхене открылась конференция четырех европейских держав: Германии, Италии, Великобритании и Франции\*. Это была уникальная конференция, похожая одновременно и на тайный заговор, и на хорошо отрепетированный спектакль. По настоянию Гитлера, от участия в форуме устранялась непосредственная жертва сговора — Чехословакия. Чехословацкий посол в Берлине В. Мاستны ожидал окончательного решения в приемной. Таким образом, заговорщики обсуждали судьбу независимого государства, не интересуясь мнением его представителя. Фактически Чехословакия была низведена до положения страны, потерпевшей военное поражение от победоносной коалиции, заседавшей в основном зале. СССР в Мюнхен вообще приглашен не был, что было справедливо воспринято как изоляция Москвы из европейской политики.

Не было единства и в англо-французском лагере. В течение 28 сентября между Чемберленом и Даладье не происходило никаких контактов, не было и попыток выработать общий план поведения на конференции. Это неудивительно, ведь британский и французский премьер-

---

\* По-видимому, приезд Чемберлена и Даладье в Мюнхен спас Гитлера от переворота, который готовила группа генералов, стремившихся помешать агрессивным планам фюрера. Заговорщики (в их числе были генерал Гальдер, генерал фон Вицлебен и другие) считали, что начало войны в существовавших условиях обернется для Германии катастрофой. «Планировалось, — рассказывал на Нюрнбергском процессе Гальдер, — занять силами войск рейхсканцелярию и те правительственные учреждения, в частности министерства, которыми руководили нацисты и сторонники Гитлера. Мы были намерены избежать кровопролития; потом арестованные должны были предстать перед судом всего немецкого народа... В тот день (28 сентября), в полдень, ко мне в кабинет зашел Вицлебен. Мы обсудили положение дел. Он хотел, чтобы я отдал приказ действовать. Мы обсудили, сколько ему понадобится времени и т.д. Во время нашего разговора пришло известие о том, что британский премьер-министр и французский премьер согласились приехать к Гитлеру для дальнейших переговоров. Это произошло в присутствии Вицлебена. Тогда я отменил приказ, так как полученные новости лишали наш план всякого смысла... Мы были абсолютно уверены в успехе. Но вот приехал господин Чемберлен и одним махом ликвидировал опасность возникновения войны... Час для применения силы так и не настал... Оставалось ждать более подходящего случая...» Если, как утверждают заговорщики, они действительно готовы были осуществить свой план, то поездка Чемберлена в Мюнхен, конечно, выбивала у них почву из-под ног. Однако вряд ли генералы смогли бы арестовать Гитлера и судить его как военного преступника, когда было очевидно, что ему вот-вот удастся совершить крупные завоевания, не прибегая к войне.

министры прибыли в Мюнхен с разными целями и задачами. Оба лидера выступали за мирное разрешение конфликта, и оба понимали, что Чехословакии придется отдать часть территорий Германии. Однако, если Чемберлен, нарушая данное Даладье слово, готов был пожертвовать теми территориями Чехословакии, которые были необходимы для чешской национальной безопасности, то Даладье был категорически против этого. Таким образом, можно говорить, что фундаментальный конфликт интересов внутри англо-французского блока, тлеющий на протяжении всего кризиса Версальской системы, продолжался и на Мюнхенской конференции.

Во время конференции Чемберлен продолжал играть роль арбитра, в то время как Даладье и Леже пытались спасти необходимые для государственной безопасности Чехословакии районы. Французская делегация сумела добиться включения в договор пункта о создании международной комиссии, на чье усмотрение отдавалась передача наиболее важных стратегических территорий в Судетах. Однако Даладье не преуспел в самом главном — ему не удалось добиться эффективных индивидуальных гарантий Великобритании по новым границам Чехословакии. В условиях, когда во Франции становилось ясно, что, скорее всего, Гитлер не остановится на достигнутом, отсутствие британских гарантий окончательно сломало волю большинства французских политиков к проведению жесткой линии в отношении Германии.

В то же время Гитлер и Муссолини выступали единым фронтом. Рано утром 29 сентября Гитлер отправился в Куфштейн, город на бывшей австро-германской границе, чтобы встретить Муссолини и договориться о совместных действиях во время конференции. По пути в Мюнхен Гитлер пребывал в воинственном настроении и по карте объяснял дуче, как он намерен «ликвидировать» Чехословакию.

Конференция началась 29 сентября в 12.45 в так называемом Доме фюрера, или «Коричневом доме», в центре Мюнхена. Переговоры проходили спокойно и скорее напоминали формальную передачу Гитлеру того, что он хотел получить в назначенные им сроки\*.

До начала конференции Гитлер заехал за Муссолини и вместе с ним отправился в Дом фюрера. Там, в кабинете Гитлера, германский и итальянский диктаторы ожидали прибытия Чемберлена и Даладье. Около часу дня барабанная дробь выставленного почетного караула эсэсовцев возвестила о прибытии Чемберлена. Отдав верхнюю одежду, Чемберлен поднялся по украшенной цветами лестнице и направился в кабинет Гитлера. В коридорах стояли эсэсовцы с холодными строгими лицами.

---

\* На улицах Мюнхена ничто не указывало на то, что здесь происходила конференция четырех великих европейских держав. По приказу Гитлера всякие уличные демонстрации в его честь в эти дни были запрещены. Гитлер хотел этим подчеркнуть перед иностранными государственными деятелями, что национал-социалистская Германия презирает международные конференции. Конференции и парламентские заседания Гитлер характеризовал одним словом: «говорильня».

Они имели указание производить впечатление готовых к походу солдат. На приветствие эсэсовцев «Хайль Гитлер» Чемберлен отвечал дружеским кивком головы.

Присутствовавший на конференции личный адъютант фюрера Гюнше отмечает, что Гитлер, как и его эсэсовцы, держался как молодцеватый солдат. Его вид должен был показать Чемберлену, что перед ним человек, которого чехи вывели из себя. Он уселся с Муссолини в середине комнаты и, не поднимаясь навстречу, ждал, пока Чемберлен подойдет к нему. При вспышке магния фотографа Гофмана Гитлер холодно, не меняя выражения лица, протянул Чемберлену руку.

Муссолини так же сдержанно поздоровался с Чемберленом. В это время открылась дверь, и вошел Даладье. Гитлер встретил его таким же образом, как и Чемберлена. Без дальнейших церемоний Гитлер предложил главам правительств Англии, Франции и Италии занять места за круглым столом у камина.

Гитлер, как всегда, сел спиной к окну, чтобы его лицо оставалось в тени. Слева от него уселся Чемберлен, озабоченный и смущенный. Даладье и Муссолини устроились на диване справа от Гитлера; оба надели на себя маску достоинства и решительности. Пресловутая Мюнхенская конференция началась<sup>832</sup>.

Прежде всего четверо главных участников кратко изложили позиции своих стран. Все высказались против силового решения, даже Гитлер, подчеркнувший, что он целиком за мирное урегулирование вопроса. По словам главного переводчика конференции П. Шмидта, «преобладала атмосфера доброжелательства, нарушенная лишь раз или два яростными нападениями Гитлера на Бенеша и Чехословакию и выступлениями Даладье, который принял вызов». Собравшиеся перешли к делу после того, как выступил Муссолини. Дуче заявил, что, «чтобы способствовать практическому решению проблемы», он привез с собой четкие предложения в письменном виде»<sup>833</sup>.

То, что дуче от своего имени выдвинул в качестве компромиссного решения, на самом деле было в спешном порядке составлено в Берлине Герингом, Нейратом и Вайцзекером. С согласия Гитлера Шмидт спешно перевел текст проекта на французский, после чего он был передан итальянскому послу Аттолико, который на следующий день передал его по телефону в Рим дуче, незадолго до того, как Муссолини сел в поезд, чтобы отправиться в Мюнхен. Вот что представляли собой «итальянские предложения», которые не только предопределили повестку дня переговоров, но и легли в основу Мюнхенского соглашения. Характерно, что итоговый текст очень напоминал отвергнутый годесбергский ультиматум. Но этого не поняли ни Даладье с Чемберленом, ни их послы, присутствовавшие на переговорах.

В целом роли в мюнхенском спектакле распределились следующим образом: Гитлер как главный режиссер выдвигал свои требования и контролировал их исполнение; Муссолини доводил нацистские требования до сведения других актеров как бы от своего имени, так как он был единственным из присутствовавших, кто знал все четыре языка,

включая итальянский; Чемберлен и Даладьё, внося несущественные изменения и грамматические поправки в текст, с одобрением его принимали. Даладьё отметил, что проект отличают «объективность и реализм», Чемберлен также отозвался о нем с похвалой\*.

«Из всех конференций, — пишет очевидец, английский дипломат Киркпатрик, — мюнхенская конференция была особенно плохо организована. Не было ни председателя, ни повестки дня, ни согласованной процедуры. Временами все четыре представителя говорили сразу, временами заседание разбивалось на островки отдельных разговоров. По мере того как день истекал и приближалась ночь, все больше людей появлялось в зале, и она наконец стала походить на зал ожидания на станции Ватерлоо. Послы бегали в машбюро с проектами и контрпроектами. Телефонная связь внутри здания из-за плохой подготовки вышла из строя, и делегации считали, что скорее было передать какое-либо поручение своему штату в гостиницах, послав туда автомашину, чем пытаться связаться по телефону. И наконец, в момент подписания соглашения обнаружилось, что в роскошной чернильнице отсутствовали чернила»<sup>834</sup>.

Конференция закончилась довольно прозаично. После десяти часов переговоров, в 23.00 со своего места поднялся Муссолини и заявил: «Послушайте, вот текст, сейчас его нужно либо принять, либо отвергнуть. Я не могу больше ждать, мой поезд отходит в полночь»<sup>835</sup>. В 2.30 30 сентября 1938 года документ был подписан.

Гитлер, Чемберлен, Муссолини и Даладьё (именно в таком порядке) поставили свои подписи под Мюнхенским соглашением. Его содержание сводилось к следующим основным положениям:

1. Чехословакия передавала Германии Судетскую область вместе со всеми находящимися на ее территории военными сооружениями.

---

\* Как вспоминал Шмидт, в Мюнхене произошла лишь одна заминка — небольшая стычка Гитлера с Чемберленом. «Он (Чемберлен. — *А.Н.*) настойчиво поднимал один вопрос, который в целом не имел большого значения. Он касался передачи Германии чехословацкой общественной собственности на уступаемой территории. Чемберлен настойчиво добивался ответа на вопрос, кто компенсирует чехословацкому правительству стоимость зданий и сооружений, которые перейдут Германии вместе с территорией Судет. Было очевидно, что в этом случае говорит не премьер-министр и политик, а бывший министр финансов и деловой человек. Гитлер становился все более беспокойным. «Эти сооружения и здания построили за счет налогов, уплаченных судетскими немцами, — говорил он со все возрастающим нетерпением, — и поэтому не может быть и речи о возмещении ущерба». Но этого было недостаточно, чтобы удовлетворить Чемберлена в вопросах собственности. Наконец Гитлер взорвался. «Наше время слишком драгоценно, чтобы тратить его на такие банальности!» — крикнул он Чемберлену. Это произошло, когда Чемберлен в довершение всего поднял также вопрос, останется ли и скот на судетской территории или некоторое количество домашнего скота не следует уводить на ту территорию, которая останется от Чехословакии». Больше британский премьер не отважился перечить Гитлеру.



2. Срок эвакуации чешской армии и населения устанавливался с 1 по 10 октября. 3. Чехословацкое правительство обязывалось в трехмесячный срок «урегулировать» вопросы, касающиеся польского и венгерского национальных меньшинств (т.е. удовлетворить территориальные притязания Польши и Венгрии. — *А.Н.*). 4. Окончательное определение границ поручается международной комиссии. 5. Если «национальные проблемы» не будут разрешены, созывается новое «совещание глав правительств четырех держав». Последняя статья договора носила не только уничижительный, но и издевательский характер: после «урегулирования» всех названных вопросов страны-участницы соглашения «дадут Чехословакии гарантии против неспровоцированной агрессии»<sup>836</sup>.

Предложенный Муссолини еще в 1933 году «Пакт четырех» стал реальностью.

После подписания Мюнхенского соглашения Чемберлен и Даладьё вызвали представителей расчленяемой страны. «Теперь я иду к умирающему человеку, чтобы дать ему божественное причастие», — сказал Франсуа-Понсе ранним утром 30 сентября, собираясь сообщить чехам, союзникам Франции, о приговоре, вынесенном относительно них и в их отсутствие. «Но у меня с собой нет даже бальзама, — добавил он, — чтобы пролить на его раны»<sup>837</sup>.

Представители Чехословакии — посол в Берлине В. Мاستны и чиновник министерства иностранных дел Х. Масарик — прибыли на конференцию во время вечернего заседания. Гитлер наотрез отказался допускать чехов в зал переговоров. Холодно встретив, их проводили в прилегающую к помещению переговоров комнату. Там они просидели в томительном ожидании с двух до семи, после чего на них, образно выражаясь, «обвалилась крыша». В семь часов к ним вошел Ф. Эштон-Гуэткин, член комиссии Ренсимена, а теперь человек из свиты Чемберлена, и обрушил на чехов дурные вести: достигнуто общее соглашение, о деталях которого он ничего сказать еще не может, но ясно одно — условия его гораздо жестче, чем франко-британские предложения. Когда Масарик спросил, получат ли возможность выступить представители Чехословакии, англичанин, как вспоминал впоследствии сам Масарик, заметил, что он, вероятно, не представляет, насколько тяжелое положение великих держав, и не понимает, как трудно вести переговоры с Гитлером.

В десять часов вечера двух несчастных чехов проводили к советнику премьер-министра Г. Вильсону. От имени Чемберлена он ознакомил их с основными пунктами четырехстороннего соглашения и вручил карту Судетской области, на которой были отмечены территории с населением, подлежащим немедленной эвакуации. Когда чехи попытались протестовать, англичанин резко оборвал их, заметив, что ему больше нечего сказать, и быстро вышел из комнаты. Чехи заявили протест Эштон-Гуэткину, который находился с ними, но их протесты оказались тщетными.

«Если вы не примете условий, — уговаривал он их, — то вам придется улаживать свои дела с Германией один на один. Может быть,

французы изложат вам то же самое в более мягкой форме, но, поверьте мне, они разделяют нашу точку зрения. Они — незаинтересованная сторона».

Оставался один болезненный момент — по крайней мере для жертв — сообщить чехам, с чем они должны расстаться и в какие сроки. Гитлера и Муссолини эта процедура не интересовала, они ушли, перепоручив сделать это союзникам Чехословакии — представителям Франции и Англии. Эта сцена живо описана Масариком в его отчете Министерству иностранных дел Чехословакии: «Атмосфера была гнетущей, вот-вот должны были зачитать приговор. Французы нервничали, заботясь о сохранении собственного престижа. Господин Чемберлен в длинной вступительной речи ссылался на соглашение, а затем вручил его текст доктору Мастны\*... Господин Чемберлен все время зевал, даже не пытаясь прикрывать рот. Я спросил Даладье и Леже, ожидают ли они какого-либо ответа от нашего правительства или заявления по поводу соглашения... Леже объяснил, что ответа не требуется, что план принят и что нашему правительству необходимо в этот же день, самое позднее в три часа дня, прислать своего представителя в Берлин, чтобы уточнить детали, связанные с эвакуацией из первой зоны... Господин Чемберлен не скрывал скуки. Нам передали вторую карту с небольшими поправками. После этого с нами было покончено, и мы могли удалиться»<sup>838</sup>.

Международная комиссия, в которую пустили и представителей Чехословакии, должна была решать все спорные проблемы и затем провести референдумы в районах со смешанным населением — жители сами должны были определить, кому они будут принадлежать. Такое право не давалось больше никому в Европе. Великобритания и Франция обещали гарантировать новые границы Чехословакии, когда будут удовлетворены претензии также Венгрии и Польши\*\*.

«Я помню этот роковой вечер, — пишет У. Ширер, — победный блеск в глазах Гитлера, спускавшегося после встречи по широким сту-

---

\* По словам французской журналистки Ж. Табуи, Мастны, узнав о приговоре для своей страны, разразился громкими рыданиями. Успокоить его пытался Франсуа-Понсе. «Поверьте мне, — говорил посол, — все это не окончательно, это лишь момент истории, которая начинается и которая вскоре все поставит под вопрос!»

\*\* Международной комиссии не позднее конца ноября 1938 года предстояло организовать плебисцит в районах со смешанным этническим составом населения, после чего надлежало определить новые границы. В приложении к соглашению Англия и Франция заявили, что они «не отказываются от своего предложения... о международных гарантиях новых границ Чехословацкого государства на случай неспровоцированной агрессии. Когда будет решен вопрос с польским и венгерским меньшинствами, Германия и Италия, в свою очередь, дадут гарантии Чехословакии». Обещание провести плебисцит так и не было выполнено. Ни Германия, ни Италия не дали Чехословакии гарантий даже после того, как был разрешен вопрос о польском и венгерском меньшинствах. Англия и Франция также не стали выполнять своих гарантий.

пенькам Фюрерхауса, напыщенность Муссолини, одетого в сшитую по специальному заказу форму, позевывание Чемберлена и его состояние блаженной сонливости по возвращении в отель “Регина Палас”. В тот вечер я записал в своем дневнике: “Даладье казался сломленным и подавленным. Он заехал в “Регину”, чтобы попрощаться с Чемберленом... Кто-то спросил, вернее, начал спрашивать: “Месье президент, вы удовлетворены соглашением?” Он обернулся, словно хотел что-то ответить, но был слишком утомлен и подавлен, чтобы говорить, и предпочел уйти молча...”<sup>839</sup>.

На следующее утро после конференции Чемберлен попросил еще одного свидания с Гитлером и вновь встретился с фюрером. «Бледный и угрюмый Гитлер казался совсем другим. Он с отсутствующим видом слушал замечания Чемберлена насчет англо-германских отношений, разоружения и экономических вопросов, сравнительно мало участвуя в разговоре. Сказанное премьер-министром явилось только прелюдией к тому, что последовало дальше. После того, что немецкому диктатору показалось нескончаемым потоком предложений о дальнейшем сотрудничестве в деле прекращения гражданской войны в Испании, которую немецкие и итальянские «добровольцы» выигрывали для Франко, политическом спокойствии в Европе и даже о решении русского вопроса, премьер-министр извлек из кармана знаменитую англо-германскую декларацию: «Мы, фюрер Германии и канцлер и английский премьер-министр, провели сегодня еще одну встречу и пришли к согласию о том, что вопрос англо-германских отношений имеет первостепенное значение для обеих сторон и для Европы. Мы рассматриваем Соглашение, подписанное прошлой ночью, и англо-германское Соглашение по военно-морскому флоту как символ желания наших двух народов никогда больше не вступать в войну друг с другом. Мы убеждены, что метод консультаций будет методом, принятым в решении любых других вопросов, которые могут касаться наших двух стран, и мы полны решимости продолжать наши усилия, направленные на устранение возможных источников разногласий и, следовательно, на сохранение мира в Европе». Гитлер, — вспоминал Шмидт, — без всякого энтузиазма подписал предложенную декларацию<sup>840</sup>».

Действительно, Мюнхенское соглашение принесло «передышку и надежду»<sup>841</sup> британскому обществу. На родине Чемберлена встречала восторженная толпа лондонцев, исполнявшая хвалебную песнь «Потому что он прекрасный парень» в честь «старого доброго Нэвилла». Довольному премьеру показалось, что он сбросил полсотни лет. В Хестоне, где приземлился его самолет, Чемберлен помахал совместной англо-

---

\* Напротив, британский премьер-министр был крайне доволен. Как вспоминал очевидец, Чемберлен с абсолютно счастливым выражением лица засунул документ во внутренний карман сюртука и долго пожимал руку Гитлеру. Выходя из дома, глава правительства Великобритании особенно любезно снимал шляпу в ответ на нацистское приветствие эсэсовцев, которые не могли скрыть своего удивления при виде довольного Чемберлена.

германской декларацией (пресловутая бумажка содержала всего полстраницы текста) и прочел ее толпе видных деятелей и других лиц, собравшихся приветствовать его. Когда его автомобиль ехал с аэродрома мимо громко приветствовавшей его толпы, Чемберлен сказал сидевшему рядом с ним Галифаксу: «Все это кончится через три месяца». Однако из окна здания на Даунинг-стрит «прекрасный парень» снова помахал своим клочком бумаги и сказал следующее: «Вторично из Германии на Даунинг-стрит привезен почетный мир\*. Я верю, что это будет мир для нашего времени»<sup>842</sup>.

Чемберлен говорил о «триумфе английской дипломатии». Среди поздравивших Чемберлена был американский президент Франклин Рузвельт. «Хороший человек!» — сказал он. Руководители стран Британского содружества были еще более красноречивы. Премьер-министр Канады писал: «Осмелюсь передать горячие поздравления канадского народа и вместе с ними выражение его искренней благодарности, которое ощущается по всему доминиону из конца в конец. Мои коллеги и правительство разделяют со мной безграничное восхищение услугой, оказанной вами человечеству». Австралийский премьер-министр пошел еще дальше: «Мои коллеги вместе со мной желают выразить самые горячие поздравления в связи с исходом переговоров в Мюнхене. Австралийцы вместе со всеми народами Британской империи чувствуют себя в неоплатном долгу перед вами и выражают благодарность по поводу ваших непрестанных усилий в деле сохранения мира»<sup>843</sup>. В честь Чемберлена, «апостола мира», в Бельгии даже была выпущена специальная медаль; греческие поклонники британского премьера просили кусочек от его зонтика, чтобы сохранить как священную реликвию.

В то же время, комментируя Мюнхенское соглашение, антагонист Чемберлена в правящей консервативной партии и его будущий преемник У. Черчилль писал: «Нет никакой заслуги в том, чтобы оттянуть войну на год, если через год война будет гораздо тяжелее и ее труднее будет выиграть... Решение французского правительства покинуть на произвол судьбы своего верного союзника Чехословакию было печальной ошибкой, имевшей печальные последствия... Мы вынуждены с прискорбием констатировать, что английский парламент не только дал свое согласие, но и толкало французское правительство на роковую путь». Выступая в британском парламенте, Черчилль заявил: «Мы потерпели полное и абсолютное поражение... Грабитель, грозя пистолетом, потребовал один фунт. Получив его, он потребовал два».

Черчилля поддержал лишь один член британского кабинета. Военно-морской министр Дафф Купер, объявивший во время кризиса мобилизацию флота, подал в отставку. «Все это время, — завил он в парламенте, — существовало глубокое разногласие между премьер-министром и мной. Премьер-министр считает, что к Гитлеру нужно

---

\* Чемберлен имел в виду возвращение Б. Дизраэли с Берлинского конгресса в 1878 году.

обращаться на языке вежливого благоразумия. Я полагаю, что он лучше понимает язык бронированного кулака... Премьер-министр доверяет доброй воле и слову Гитлера, хотя, когда Гитлер нарушил Версальский договор, он обещал соблюдать Локарнский. Когда Гитлер нарушил Локарнский договор, он обязался больше ни во что не вмешиваться и не предъявлять дальнейших территориальных претензий в Европе. Когда он силой вторгся в Австрию, он уполномочил своих подручных дать авторитетное заверение, что не будет вмешиваться в дела Чехословакии. Это было менее шести месяцев назад. И все же премьер-министр считает, что он может полагаться на добросовестность Гитлера».

В своем выступлении в палате общин Черчилль заявил: «По-моему, если бы чехов предоставили самим себе, если бы им сказали, что они не получают помощи от западных держав, они могли бы добиться лучших условий, чем те, которые они получили в результате всех этих колоссальных пертурбаций. Вряд ли условия могли быть хуже. Все кончено. Молчаливая, скорбная, покинутая, сломленная Чехословакия скрывается во мраке. Она во всех отношениях пострадала от связей с Францией, чьей политикой она так долго руководствовалась... Я нахожу невыносимым сознание, что наша страна входит в орбиту нацистской Германии, подпадает под ее власть и влияние, и что наше существование начинает зависеть от ее доброй воли или прихоти. Именно чтобы помешать этому, я всеми силами настаивал на укреплении всех твердынь обороны: во-первых, на своевременном создании военно-воздушных сил, которые превосходили бы любые другие, способные достигнуть наших берегов; во-вторых, на сплочении коллективной мощи многих стран и, в-третьих, на заключении союзов и военных конвенций, конечно, в рамках Устава (Лиги Наций. — *А.Н.*) для того, чтобы собрать силы и хотя бы задержать поступательное движение этой державы. Все это оказалось тщетным. Однако народ должен знать правду. Он должен знать, что нашей обороной недопустимо пренебрегали и что она полна недостатков. Он должен знать, что мы без войны потерпели поражение, последствия которого мы будем испытывать очень долго. Он должен знать, что мы пережили ужасный этап нашей истории, когда было нарушено все равновесие Европы и когда на время западным демократиям вынесен ужасный приговор: “Тебя взвесили и нашли легковесным”. И не думайте, что это конец. Это только начало расплаты. Это только первый глоток, первое предвкушение чаши горечи, которую мы будем пить год за годом, если только мы не встанем, как встарь, на защиту свободы, вновь обретая могучим усилием нравственное здоровье и воинственную энергию»<sup>844</sup>.

Сторонники Черчилля и Купера (30–40 депутатов) воздержались при голосовании по поводу Мюнхена, так как не хотели оказаться вместе с лейбористами и либералами, которые прямо проголосовали против правящего кабинета. Но большинство депутатов было в восторге от Мюнхенского договора. Только в Москве и в Праге говорили о Мюнхенском сговоре. «За завесой изящных фраз о том, что Чемберлен в Мюнхене якобы спас всеобщий мир, — писала “Правда” 4 октября

1938 года, — совершен акт, который по своему бесстыдству превзошел все, что имело место после первой империалистической войны»<sup>845</sup>.

Во Франции правые газеты писали: «Победа! Победа! Сотни тысяч парижан вышли на улицы... Мир достигнут, он достигнут для молодых и старых, для матерей и их детей»<sup>846</sup>. «Мюнхенская встреча — это охапка дров, брошенная в священный очаг в момент, когда пламя уменьшилось и готово угаснуть»<sup>847</sup>, — с вдохновением писал лидер французских социалистов Л. Блюм в орган своей партии газету «Попюлер».

Правда, сам французский премьер, подписавший Мюнхенское соглашение, не был настроен так оптимистично. Подлетая 30 сентября к парижскому аэродрому и видя внизу огромную толпу народа, Даладьё заявил: «Эти тысячи людей пришли, чтобы меня освистать. Прикажете пилоту сделать несколько кругов над аэродромом. Я еще не успел обдумать ни краткую речь, которую мне хотелось бы произнести, ни тем более как мне держаться при выходе». Однако, когда самолет все же приземлился, толпа, среди которой находились члены французского кабинета, сената, представители промышленности, банков и члены дипломатического корпуса, не только не освистала главу французского правительства, но и устроила ему бурную овацию. Под крики: «Да, здравствует Даладьё! Да здравствует Чемберлен!» Даладьё на руках вынесли к автомобилю.

Прибыв в Париж, Даладьё собрал заседание правительства в здании военного министерства. Перед зданием собралась огромная рукоплещущая толпа, требующая, чтобы Даладьё вышел к ней. Увлекаемый остальными министрами к окну, французский премьер вполголоса пробормотал: «Глупцы, если бы они знали, чему аплодируют». Вечером того же дня Даладьё заявил американскому послу: «Я не разделяю взглядов Чемберлена, который только что заявил, что Мюнхен — это “мир для вашего поколения”. У меня нет ни малейшего доверия к словам Германии. Диктаторская манера, с которой Гитлер со мной обращался, отвратительна». 1 октября Леон Блюм выразил истинные чувства французов, начиная свою статью в «Попюлер» знаменитой фразой: «Я испытываю двойственное чувство трусливого облегчения и стыда»<sup>848</sup>.

Гитлер же, провозжая гостей по окончании конференции, с неподражаемым презрением говорил Риббентропу: «Это ужасно, какие передо мной ничтожества!» Чуть позже он так оценивал итоги Мюнхена: «Неслыханное достижение. Вы думаете, что я сам полгода назад считал возможным, что Чехословакия будет мне как бы поднесена на блюде ее друзьями?.. То, что произошло, может произойти лишь один раз в истории». Риббентроп особо выделил роль Чемберлена в достигнутом соглашении: «Этот старик сегодня подписал смертный приговор Британской империи, предоставив нам проставить дату приведения этого приговора в исполнение». Муссолини высказался в обычной для него грубоватой манере: «Теперь фашизм не остановится. Карты надо не переплетать, а оставлять их несброшюрованными»<sup>849</sup>.

Формально чехословацкий кризис был урегулирован. Передача Судет Германии произошла мирным путем, чего и добивались в Вели-

кобритании. В исторической литературе бытует мнение, что Гитлер был разочарован мирным урегулированием конфликта, желая быстрой победоносной операции против Чехословакии. Данный факт подтверждают и непосредственные свидетели тех событий. «Этот тип, — заявил германский канцлер в кругу своих приближенных, имея в виду Чемберлена, — испортил мне вступление в Прагу». Французский посол в Берлине в своих мемуарах пишет, что Гитлер «ни в коем случае не думал, что он достиг успеха в Мюнхене. Наоборот, он считал, что отказался от своей первоначальной цели, пошел на компромисс и капитулировал»<sup>850</sup>. По словам Франсуа-Понсе, Гитлер чувствовал себя обманутым британцами. Гудериан вспоминал, что в конце октября 1938 года фюрер был озлоблен на англичан: «...он счел поведение Чемберлена в Годесберге по отношению к себе неприемлемым и был возмущен преднамеренной грубостью некоторых известных лиц, являвшихся к нему с визитом. Послу Англии Гендерсону Гитлер заявил так: “В следующий раз, если хоть один ваш человек придет ко мне неряшливо одетым, я велю моему послу заявиться к вашему королю в свитере. Так и передайте моему правительству”»<sup>851</sup>.

«Немецкий диктатор, — пишет личный переводчик Гитлера, — был глубоко разочарован тем, что народ Германии перед лицом войны вел себя совсем не так, как предписывалось национал-социалистским учебником героизма. Вместо того чтобы выказывать восторг от перспективы поднять оружие на врага, население Берлина и Мюнхена продемонстрировало самым явным образом свое неприятие войны и радость от того, что сохранен мир. Некоторая часть привычных аплодисментов, конечно, досталась и Гитлеру, человеку войны, но в Мюнхене по крайней мере они не шли ни в какое сравнение со спонтанным выражением симпатии, которое, как я сам видел, оказывали Чемберлену и Даладье за пределами отеля. Я также слышал, что, когда той ночью в городе узнали о подписании Мюнхенского соглашения, состоялось много радостных застолий с обильными возлияниями в виде отличного пива, что и привело к появлению на улицах и площадях бесчисленных жизнерадостных пошатающихся личностей.

Должно быть, мир Гитлера частично рухнул, когда на следующий день он узнал обо всем этом, и я вдруг понял, почему он выглядел таким изменившимся и отрешенным во время разговора с Чемберленом. Не прошло и двух недель, как Гитлер сказал в своей знаменитой саарбрюккенской речи: “В наших рядах оказались слабовольные люди, которые, возможно, и не осознали, что пришлось принять суровое решение... Я знаю то, чего, судя по всему, весь остальной мир, а также некоторые люди в Германии так и не поняли: народ 1938 года — это не народ 1918 года”. И снова это явилось явным показателем его разочарования в поведении немцев. “Стоит только прийти к власти мистеру Даффу Куперу, мистеру Идену или мистеру Черчиллю вместо Чемберлена, и мы отлично знаем, что первой целью этих людей будет развязывание новой мировой войны... Поэтому нашим долгом является быть настороже и заботиться о безопасности рейха”»<sup>852</sup>.

Возможно, Гитлер действительно стремился молниеносно уничтожить Чехословакию путем блицкрига\*. Однако в свете изучения истории Версальской системы истинные желания нацистского диктатора на тот момент не имеют принципиального значения. Факт остается фактом: в результате Мюнхенского сговора Великобритания и Франция, еще недавно считавшиеся столпами европейской политики, расписались в неспособности противостоять агрессорам. Интересно, что, отвечая на вопрос, заданный ему представителем Чехословакии на Нюрнбергском процессе: «Напала бы Германия на Чехословакию в 1938 году, если бы западные державы поддержали Прагу?», фельдмаршал Кейтель ответил: «Конечно, нет. Мы не были достаточно сильны с военной точки зрения. Целью Мюнхена (то есть достижения соглашения в Мюнхене) было вытеснить Россию из Европы, выиграть время и завершить вооружение Германии»<sup>853</sup>.

В день заключения Мюнхенского соглашения и накануне подписания англо-германской декларации о «желании двух народов никогда более не воевать друг с другом» Гитлер говорил Муссолини о том, что «настанет время, когда мы будем вместе сражаться против Франции и Великобритании». Инициатива в международных делах окончательно перешла в руки Гитлера.

Из числа объективных и субъективных причин, обусловивших слабость позиций западных лидеров в Мюнхене, следует выделить несколько. Со стороны Великобритании — это недооценка сущности нацизма и, наоборот, известная переоценка французской военной силы. Со стороны Франции — это прежде всего дефицит политической воли, возраставшее стремление держать равнение на своего английского партнера. Наконец, обе страны фактически сбрасывали со счетов возможность Советского Союза, их естественного союзника против Германии. В данном случае основную причину следует, пожалуй, искать в области идеологических противоречий.

30 сентября Чехословакия склонилась перед мюнхенскими решениями. «Мы хотим, — заявила официальная Прага, — заявить перед всем миром о своем протесте против решений, в которых мы не участвовали». Президент Бенеш выступил по радио: «Не ожидайте от меня ни единого слова упрека. Но вот что я скажу: жертва, которую нас заставили сделать, огромна и бесконечно несправедлива». 5 октября Бенеш сложил с себя полномочия президента. Он уехал из Чехословакии и нашел убежище в Англии (где было создано правительство в изгнании), что помогло ему избежать судьбы Шушнига, оказавшегося после аншлюса на долгие годы в германском концлагере. В этот же день было сформировано новое правительство Чехословакии, главой которого ос-

---

\* Все генералы, близкие Гитлеру, которым удалось пережить войну, соглашались с тем, что если бы не Мюнхенское соглашение, то фюрер напал бы на Чехословакию 1 октября 1938 года. Они также полагали, что, вопреки сомнениям Лондона и Парижа, Великобритания, Франция и СССР все равно оказались бы втянуты в войну.



тался генерал Сыровы, смененный позднее Р. Бераном. Министром иностранных дел стал аграрий Ф. Хвалковский\*, который всю свою дипломатическую карьеру сделал в Германии и Италии, постоянно выступая за сближение с ними. Хвалковский оставался министром иностранных дел до последнего дня существования второй республики. 30 ноября 1938 года президентом Чехословакии стал Эмиль Гаха — «совершенно ничтожная личность»<sup>854</sup>, по словам Черчилля, занимавший с 1925 по 1938 год пост президента Верховного административного суда республики. Очевидец выборов Гахи турецкий дипломат писал в своих воспоминаниях: «Парламент Чехословакии, избравший третьего президента республики, больше напоминал церковь во время похоронного богослужения»<sup>855</sup>. 7 и 8 октября Словакии и Закарпатской Украине была предоставлена автономия, а само государство стало теперь писаться через дефис: «Чехо-Словакия». Примечательно, что уже 7 октября 1938 года директор политического департамента Министерства иностранных дел рейха Э. Верман составил меморандум, в котором предлагал создание «независимой Словакии», «слабой конституционно», которая будет, соответственно, «наилучшим образом служить германским потребностям проникновения на Восток и его заселения»<sup>856</sup>.

Заняв пост министра, Хвалковский прежде всего заверил временного поверенного в делах германского дипломатического представительства в Праге, что он хочет сделать все возможное, чтобы удовлетворить Германию. По указанию нового министра чехословацкий посланник в Берлине Мастны в начале октября заявил Герингу, что внешнеполитический курс нового правительства обращен к Германии, а внутри страны левые силы подавлены и симпатии к западным державам и СССР угасают. 13 октября Хвалковский встретился в Берлине с Гитлером, который потребовал, чтобы Чехословакия разорвала существовавшие у нее союзнические связи, прежде всего с СССР, отказалась от обещанных ей в Мюнхене гарантий, не пыталась заручиться гарантией Советского Союза, запретила деятельность коммунистической партии, сократила свои вооруженные силы и т.п. Хвалковский принял эти требования к исполнению. Он заверил Гитлера, что чехословацкая политика, основанная на пактах с Францией и СССР, уже мертва, и, если Германия желает, он может эти пакты и формально денонсировать<sup>857</sup>.

---

\* Интересную характеристику, причем не лишённую обоснованности, дал Хвалковскому турецкий дипломат Я.К. Караосманоглу: «Можно было подумать, что он играет с нами в прятки; этого скользкого, изворотливого человека ни на минуту нельзя было удержать. Он исчезал на ходу, а говоря с вами о чем-нибудь, мог, не закончив фразу, перескочить на другую тему. Я ему однажды сказал: “Мы вас так редко видим, что чуть было не затосковали”. А он, улыбаясь, ответил: “Я и сам тоскую по себе”. По правде говоря, эта фраза, достойная уст Гамлета, сильно тронула меня. Непостоянство Хвалковского, слывшего слугой немцев, и его непоседливость создавали впечатление, что его терзают угрызения совести. Мне стало почти жаль его».

Хвалковский без промедления отозвал со своих постов посланников из Лондона и Парижа — Масарика и Оуского. 22 октября 1938 года Хвалковский проинформировал советского полпреда Александровского в Праге о своей беседе с Гитлером, который сказал, что «если заметит попытки работать против него, то уничтожит Чехословакию в несколько часов». После этого глава пражского МИД добавил, «что СССР и Франция должны договориться между собой о судьбе своих договоров с Чехословакией и сказать ей, что они освобождают ее от обязательств»<sup>858</sup>.

Тем временем предусмотренные мюнхенским соглашением четыре зоны в чехословацких пограничных областях были к 7 октября 1938 года заняты германской армией. Пятую же зону, а также территорию, на которой должен был быть проведен плебисцит, призвана была определить международная комиссия в составе статс-секретаря МИД рейха Вайцекера (председатель комиссии), послов Англии, Франции и Италии в Берлине, а также представителя Чехо-Словакии.

Характерно, что во время деятельности международной комиссии по передаче Германии наиболее важных районов Судет, Франция не смогла заручиться поддержкой из Лондона и сохранить за своим союзником необходимые территории. Даладье уже не выступал против нацистской интерпретации Мюнхенского соглашения, так как ввиду отсутствия британской поддержки считал это бесполезным. Территориальные притязания к обездоленной Чехословакии отныне решались только в Берлине.

Немецко-итальянский трибунал собрался в октябре 1938 года в великолепной обстановке венского замка Бельведер, который когда-то был летней резиденцией принца Евгения. «Карта оспариваемых территорий была разложена на большом столе, вокруг которого стояли Риббентроп и Чиано со своими советниками. В руке у каждого из премьер-министров был толстый карандаш, и в ходе разговора они подправляли линию границы, проведенную экспертами в качестве основы для обсуждения. “Если Вы собираетесь защищать интересы Чехии таким образом, — ехидно улыбаясь, воскликнул Чиано, обращаясь к Риббентропу, — Гаха “наградит Вас орденом”. Жирной чертой он изменил линию границы в пользу Венгрии. “Определенно, это слишком далеко”, — возразил Риббентроп, прислушиваясь к нашептываниям эксперта из Министрства иностранных дел, и исправил только что проведенную линию. Министры иностранных дел довольно долго продолжали спорить таким образом, стирая и вновь проводя новые линии; карандаши становились все короче, а границы толще. “Комиссии по границам будет трудно разглядеть линию, — прошептал один из участников итальянской делегации. — Эти толстые карандашные отметки занимают каждая по несколько километров в ширину”»<sup>859</sup>, — так описывает трагический спектакль очевидец. Комиссия, естественно, решила все проблемы в пользу Гитлера, а референдумы и вовсе отменили. 13 октября все смешанные территории были переданы Германии.

В результате деятельности комиссии Чехословакия потеряла все стратегически важные территории в Судетах, утратив какую-либо спо-

способность сопротивляться германской агрессии. Франко-чехословацкий и франко-советский пакты о взаимопомощи были уничтожены, развалилась Малая Антанта и французские «тыловые союзы». Франция лишилась своей системы безопасности в Европе, оказавшись и в военном, и в психологическом плане полностью зависимой от Великобритании\*.

Чемберлен же был в восторге, пребывая в уверенности, что подписанная британско-германская декларация имеет какое-то значение. Однако британский премьер-министр не учел, какие последствия повлекло за собой заключение Мюнхенского соглашения. Чемберлен как бы не заметил, что Чехословакия лишилась наиболее важных в стратегическом отношении территорий, что долина Дуная теперь открыта для политического и экономического проникновения нацизма, что Франция осталась без своей системы безопасности в Центральной Европе и что Великобритания и Франция оказались окончательно изолированными от Советского Союза.

По условиям Мюнхенского соглашения Гитлер получил все то, что он требовал в Годесберге, а международная комиссия под давлением его угроз дала ему еще больше. Окончательное соглашение, подписанное 20 ноября 1938 года, обязывало Чехословакию отдать Германии 11 тысяч квадратных миль своей территории, на которой проживало 2 миллиона 800 тысяч судетских немцев и 800 тысяч чехов.

Престиж и авторитет самого Гитлера достиг необычайных высот. Вся Германия чрезвычайно гордилась бескровной победой Гитлера не только над Чехословакией, но и над Англией и Францией. Немцы не уставали повторять, что всего в течение полугода их фюрер завоевал Австрию и Судетскую область, увеличил население Третьего рейха на 10 миллионов человек, захватил огромную, важную в стратегическом отношении территорию, после чего перед Германией открылась возможность добиваться господства в Юго-Восточной Европе. И при этом не погиб ни один немец! Интуиция помогла Гитлеру не только предугадать слабость малых государств Центральной Европы, но и провидеть поведение двух крупнейших государств — Англии и Франции и заставить их подчиниться его воле. Он изобрел и применил на практике с невероятным успехом стратегию и методы «политической войны», сводившей на нет необходимость войны как таковой.

Примерно за четыре с половиной года этот человек, не отличавшийся знатностью происхождения, превратил безоружную, ввергнутую в хаос и практически разоренную Германию, которая считалась самой

---

\* Один из ведущих французских политиков Л. Марен в первые дни после Мюнхена совершенно справедливо заметил: «Франция, ослабленная, обезоруженная, покинутая Польшей и Румынией, которые больше не верят в ее могущество, почти лишенная поддержки Англии, Франция, пожертвовавшая Чехословакией, чтобы избежать войны, вести и выиграть которую она чувствовала себя неспособной, только что признала перед всем миром свое бессилие. Это больше не Франция Фоша и Клемансо, Марны и Вердена».

слабой из больших государств Европы, в самое сильное государство Старого Света, перед которым трепетали даже Англия и Франция. Неудивительно, что Йодль в ночь подписания Мюнхенского соглашения записал в своем дневнике: «Мюнхенский пакт подписан. Чехословакии как государства больше не существует... Фюрер с его гением и целеустремленностью, которую не поколебала даже опасность возникновения мировой войны, опять одержал победу без применения силы. Остается надеяться, что те, кто не верил в его гений, теперь переубеждены навечно»<sup>860</sup>.

Мюнхенское соглашение коренным образом меняло положение в Центральной Европе. Захватив Австрию, а затем часть Чехословакии, Германия значительно укрепила свои позиции. Мюнхен не случайно называют пиком политики умиротворения. Однако, будучи апогеем данной англо-французской внешнеполитической линии, Мюнхен одновременно поставил крест на существовании Версальской системы. Для подтверждения данного тезиса следует более подробно остановиться на стратегических последствиях Мюнхенского соглашения.

Самым прямым последствием Мюнхенского соглашения явилось катастрофическое ослабление некогда сильной Чехословакии. Как уже говорилось, новая Чехо-Словакия должна была отдать Германии территорию, на которой проживало 2 миллиона 800 тыс. немцев и почти 800 тыс. чехов, обращение с которыми со стороны новых властей трудно было назвать безупречным. Там находилось 70% черной металлургии, 70% источников электроэнергии, 66% каменного угля, 80% металлургической промышленности, 80% текстильной промышленности, 86% сырья химической промышленности ЧСР. В Германию были привезены 40 тысяч квалифицированных чешских рабочих. Три бронетанковые дивизии вермахта были оснащены танками, пушками и грузовиками, собранными на чешских заводах. Два самых крупных чешских завода — «Шкода» в Праге и государственный Чешский оборонный завод — были включены в собственность рейха. Французское экономическое влияние в Восточной Европе быстро было заполнено германским.

Это касалось и стратегических, и экономических, и политических аспектов всего существования этого центральноевропейского государства. Естественные преграды и возведенные фортификационные линии практически полностью оказались в руках Германии. Последствия этого ясно проявились в марте 1939 года, когда германские войска оккупировали Богемию и Моравию всего за несколько часов. Потеря Судет сказалась крайне негативно и на экономике Чехословакии. В политическом плане принцип самоопределения был грубо нарушен. Третий рейх аннексировал территории с 719 тысячами чехов<sup>861</sup>, многие из которых населяли чисто чешские районы Судет. Причем подобная несправедливость была одобрена англо-французскими представителями в международной комиссии, что еще раз убедило Гитлера в безнаказанности своих действий.

Польша и Венгрия не преминули воспользоваться случаем и отобрали у ослабшего соседа приграничные районы.

Вся государственная структура Чехословакии после Мюнхена была настолько расшатана, что независимость страны была поставлена под вопрос. Символом коллапса чехословацкой государственности явилась отставка Эдуарда Бенеша с поста президента и образование Второй республики, на внешнеполитической арене зависимой от Германии, а внутри представлявшей собой чешско-словацко-рутенийскую федерацию, основанную на авторитарных принципах.

Последствия Мюнхенского соглашения были разрушительны не только для Чехословакии, но и для всей Европы. Во Франции и Англии многие искренне надеялись, что мир, который подразумевал обеспечение их собственной безопасности, будет достигнут, если Германия получит желаемое в Чехословакии и в целом в Центральной Европе. Однако вскоре стало ясно, что Мюнхен не только не создал условия для мирного развития Европы, но, наоборот, ускорил начало войны путем ослабления позиций западных демократий и усиления мощи Третьего рейха. Причину изменения баланса сил, который с каждым днем менялся в пользу Германии, найти не сложно. Судьба Европы во многом зависела от событий, происходивших в самом центре континента. А эта часть Европейского континента после Мюнхена оказалась под контролем Германии. Выражение Бисмарка «хозяин Богемии является хозяином Европы» оказалось абсолютно верным. Существование сильной независимой Чехословакии являлось важнейшим фактором стабильности в регионе Дунайского бассейна и на Балканах и в целом было основой существовавшего статус-кво в Версальской системе.

После того как Мюнхенское соглашение было заключено, Германии более не было необходимости скрывать свои подлинные цели в чехословацком кризисе. 27 ноября редактор «Франкфуртер Цайтунг» Рудольф Кирхер отразил их на страницах своей газеты. «Самая сложная и важная задача, — писал Кирхер, — ликвидация на нашем восточном фланге франко-русско-чехословацкого барьера и установление дружественных отношений с Прагой — теперь определенно решена. Недавний кризис ясно показал значение и силу различных государств, а также их истинные устремления и цели. Легко заметить, что наши экономические и политические позиции сильно, если не сказать экстраординарно, улучшились в результате решения чехословацкого вопроса. Ликвидация угрозы нападения со стороны Чехословакии на нашем юго-восточном фланге и создание мощнейших фортификаций на рейнском рубеже оцениваются экспертами во всем мире как полное изменение стратегической ситуации в Европе. Для всех информированных людей в мире понятно, что ни английское, ни французское и, тем более, американское перевооружение не способно изменить создавшуюся стратегическую ситуацию.

Для Германии и, мы можем добавить, для Италии значительно возросли источники снабжения продовольствием и сырьем. Изменение наших отношений со странами Юго-Восточной Европы ни в коей мере не повлияет на ситуацию в негативном смысле. Тот факт, что Англия и Франция могут получать снабжения из колоний или что США создают

атлантический флот, означает гораздо меньше для Германии, чем считают на Западе.

В настоящий момент между западными странами и Германией не существует неразрешимых проблем. В таком случае Германии, действуя в полном согласии с Италией, надлежит играть ведущую роль в Юго-Восточной Европе. Следует также признать, что великому партнеру Германии, фашистской Италии, суждено играть главную роль в Средиземноморском регионе, а Англии следует ограничить свои притязания в Средиземноморье, Красном море и Индийском океане в пользу естественных прав Италии. Наконец, Франция должна признать, что в Средиземноморском регионе, так же как в Восточной Европе, новые отношения между государствами не могут более основываться на альянсах.

В общем, статус-кво, существовавший до сих пор на Европейском континенте, полностью изменился, и это должно быть признано как свершившийся и неоспоримый факт»<sup>862</sup>.

Безусловно, не вызывает сомнения тот факт, что геостратегическое положение Германии в результате «решения чехословацкого вопроса» сильнее всего изменилось. Во-первых, Третий рейх нейтрализовал опасного и серьезного противника. По мнению германских генералов, чехословацкая армия в отношении снаряжения, стратегии, подготовленности и боевого духа на голову превосходила все остальные армии Центральной Европы, включая Польшу\*. Как выяснилось после оккупации Богемии и Моравии, по качеству вооружения чехословацкая армия превосходила даже вермахт. «В Брно, — признавал глава танковых войск Германии Г. Гудериан, — я осмотрел оснащение чешских бронетанковых подразделений и нашел их в полном порядке. Они впоследствии сослужили нам службу в польской и французской кампаниях»<sup>863</sup>.

Чехословакия располагала и мощнейшими фортификационными сооружениями для защиты своих границ, преодоление которых требовало длительного времени. Даже незащищенная в марте австрийская часть чехословацко-германской границы за время, прошедшее после аншлюса, была существенно укреплена. Кроме того, Чехословакия располагала грамотно расположенными аэродромами, которые, с одной стороны, могли сразу же после начала конфликта принять советскую помощь, а с другой — позволяли ВВС Чехословакии в самые короткие сроки подвергнуть бомбардировке Берлин, Вену, Дрезден, Бреслау и другие германские города. Чехословацкая армия насчитывала 40 прекрасно экипированных современным оружием дивизий, а еще как минимум пять могли быть созданы в военное время. Соотношение сил между армией Чехословакии и вермахтом, таким образом, составляло

---

\* Гитлер говорил позднее: «То, что мы узнали о военной мощи Чехословакии после Мюнхена, ужаснуло нас: мы подвергали себя большой опасности. Чешские генералы подготовили серьезный план. Только тогда я понял, почему мои генералы меня удерживали».

то же соотношение сил, которое существовало между французами и немцами при Вердене\*! Стоит ли говорить, что Чехословакия и без посторонней помощи могла продержаться хотя бы несколько месяцев. И это при том, что Германии пришлось бы бросить в бой более 60 дивизий. Теперь же вермахт мог применить эти силы в любой другой точке Европы.

8 февраля 1939 года военный корреспондент «Таймс» Лидделл Харт писал: «Теперь мы поставлены перед фактом, что германская реокупация Рейнланда, аншлюс, германские, венгерские и польские приобретения за счет Чехословакии решительно изменили баланс сил в Европе. В то время как события устранили любое позволительное оправдание для войны, они также оказали необратимый эффект на европейскую безопасность в военном плане. Не только вермахт получил свободу маневра, но Германия ликвидировала исходившую ввиду географического положения Чехословакии угрозу, а именно оперативную военно-воздушную базу, находящуюся вблизи важнейших германских пунктов. Франция, наоборот, лишилась мощного фактора, сковывающего германские силы, от концентрации против нее. В случае войны сорок чешских дивизий могли бы сдерживать значительные части вермахта, что являлось отличным содействием французской армии»<sup>864</sup>.

Экономические позиции Германии также были значительно усилены благодаря Мюнхену. Чехословакия, унаследовавшая 80% индустриальной мощи Австро-Венгрии, была одной из шести наиболее развитых промышленных держав в Европе наряду с Германией, Великобританией, Францией, Италией и Бельгией. Ее военная индустрия была мощнее итальянской. Так, в 1937 году Чехословакия производила на 90% железа и 15% стали больше, чем Италия. На всей территории Восточной Европы от Балтики до Эгейского моря из 3 млн тонн железа и 4,7 млн тонн стали в 1937 году Чехословакии принадлежало 1,7 млн и 2,3 млн тонн железа и стали соответственно. Тяжелая промышленность Чехословакии производила больше, чем 11 стран этого региона вместе взятые, включая Польшу<sup>865</sup>.

Подчинив Чехословакию, Германия получила более половины экономического военного потенциала восточной части Центральной Европы. Остальные страны региона были не в состоянии самостоятельно обеспечивать себя ресурсами, необходимыми для военной промышленности. В то же время чехословацкая промышленность могла полностью обеспечивать (и обеспечивала) военные нужды Румынии и Югославии. Становится понятным, в какой степени зависимости от Германии после Мюнхена и последующей аннексии Чехословакии оказались страны

---

\* Сражение под Верденом — одно из крупнейших сражений Западного фронта Первой мировой войны (29 февраля — 18 декабря 1916 года) вошло в военную историю под названием «Верденская мясорубка», настолько огромными оказались потери сражавшихся сторон на сравнительно небольшом участке фронта. Германские потери составили 280 тысяч человек убитыми и ранеными, французские — 315 тысяч человек.

Юго-Восточной Европы. К этому следует добавить, что Чехословакия обладала и развитой химической промышленностью. В целом в Германии не зря называли эту страну «кузницей мира». В результате Мюнхенского соглашения эта кузница стала работать исключительно на Германию и ее союзников. Поэтому нет ничего удивительного в том, что, начиная с октября 1938 года, германский военный потенциал стал расти с огромной скоростью.

В конце ноября в германской прессе был опубликован материал о существовавшем положении дел в вооруженных силах Третьего рейха. «Германская армия — говорилось в документе — после аншлюса Австрии и Судетской области составляет 18 армейских корпусов и 43 дивизии, плюс три горные дивизии, пять бронетанковых дивизий и кавалерийской бригады»<sup>866</sup>.

Германские геостратегические позиции усилились не только благодаря фактическому исчезновению чехословацкой армии, представлявшей серьезную угрозу, но и благодаря тому факту, что риск войны на два фронта — на Востоке и на Западе — был значительно снижен. Чехословакия, будучи союзницей Франции и СССР, являлась связующим звеном между Западом и Востоком и создавала условия для совместного выступления против Германии. После Мюнхена угроза войны на два фронта для Германии перестала быть столь реальной. Не секрет, что оппозиция Гитлеру среди генералов вермахта основывалась именно на боязни, что фюрер втянет Германию в подобную войну и с Западом, и с Востоком. После сентябрьских событий 1938 года, когда этого не произошло, влияние Гитлера в армии усилилось еще сильнее. Фюрер взял под полный контроль руководство вооруженными силами Германии.

Подчинение Чехословакии Третьему рейху открывало перед Германией путь к доминированию над всем Дунайским бассейном. Только после Мюнхена Германия могла реализовать грандиозные планы по созданию *Mittleuropa* (реализованную, кстати, к началу 1940-х годов), которая простиралась бы от Северного и Балтийского морей до азиатского континента. В Берлине не собирались терять зря время. Уже в октябре 1938 года имперский министр экономики В. Функ предпринял визит в Белград, Софию и Анкару. О результатах этого турне вскоре можно было узнать из германской прессы. «Югославия, Болгария и Турция представляют собой своего рода “ось”, которая простирается от германских границ до Черного моря. Это делает возможным обсуждать далеко идущие экономические планы, касающиеся всех трех стран. Благодаря огромному значению Дуная можно создать экономическую зону на юго-востоке, которая бы соединила Северное и Черное моря и была бы полностью самодостаточной. Юго-Восточная Европа и Малая Азия располагают всем, что необходимо германским нуждам, и, кроме того, Германия покупает в этих странах вдвое больше, чем Англия, Франция и США вместе взятые»<sup>867</sup>. Надо заметить, что Германия весьма преуспела на этом поприще. Взамен кредитов и готовой продукции рейха в Германию потекли стратегические ресурсы из стран Юго-Восточной Европы: Болгария поставляла продовольственные товары, Ру-



мыния — нефть и т.д. Экономике этих стран оказывались во все большей зависимости от германской экономики.

Экономическое подчинение Чехословакии и юго-восточных европейских стран Германии было, безусловно, важным последствием Мюнхена. Но куда серьезней оказалось политическое значение Мюнхенского соглашения. Как было указано выше, вся система коллективной безопасности была уничтожена. Теперь все европейские государства думали только о самовыживании, и единственным правильным курсом казалась прогерманская внешнеполитическая ориентация.

В первую очередь это касалось малых и средних стран Европы, таких, как Польша и Венгрия. И если первой эффект от ситуации, созданной Мюнхенскими соглашениями, почувствовала на себе Венгрия, то основную угрозу Мюнхен, как ни странно, создал для существования Польши\*. Использование выражения «как ни странно» в данном контексте объясняется той позицией, которую заняла Польша в дни Мюнхенского кризиса. Несмотря на то, что в не самой далекой перспективе Мюнхенское соглашение должно было отразиться на безопасности Польши, Варшава не только всячески поддерживала действия Германии, но и сама поучаствовала в разделе Чехословакии. Фактически Мюнхенская конференция была дипломатическим поражением Польши, «крахом иррациональной игры Ю. Бека и пилсудчиков в великую державу в Восточной Европе»<sup>868</sup>.

Еще с середины июня 1938 года между польским послом в Берлине Ю. Липским и Герингом начались переговоры о сотрудничестве, в том числе и военном, в деле «полного расчленения Чехословакии» и ее ликвидации<sup>869</sup>. 27 сентября Бек дал Липскому директиву договориться с Герингом о том, чтобы Польша заранее была информирована о начале Германией военной акции против Чехословакии. «Для вашей секретной информации сообщаю, — писал Бек, — что мы располагаем вооруженными силами, готовыми к действию. В зависимости от развития событий мы можем принять необходимые действия вслед за началом германо-чехословацкого конфликта»<sup>870</sup>.

Сразу после Мюнхенской конференции, 30 сентября 1938 года, польское правительство в ультимативной форме потребовало от Чехословакии немедленной передачи чешской Силезии — Тешинскую область. «Героические черты характера польского народа, — пишет в своих мемуарах Черчилль, — не должны заставлять нас закрывать глаза на его безрассудство и неблагодарность, которые в течение ряда веков причиняли ему неизмеримые страдания. В 1919 году это была страна, которую победа союзников после многих поколений раздела и рабства

---

\* Еще в 1922 году германский генерал фон Сект определил отношение немецкой армии к этому вопросу: «Существование Польши непереносимо и несовместимо с условиями существования Германии. Польша должна исчезнуть — и исчезнет с нашей помощью — из-за своей внутренней слабости и действий России... Уничтожение Польши должно стать основой политики Германии... Это будет достигнуто силами России и при помощи России».

превратила в независимую республику и одну из главных европейских держав. Теперь, в 1938 году, из-за такого незначительного вопроса, как Тешин, поляки порвали со всеми своими друзьями во Франции, в Англии и в США, которые вернули их к единой национальной жизни и в помощи которых они должны были скоро так сильно нуждаться. Мы увидели, как теперь, пока на них падал отблеск могущества Германии, они поспешили захватить свою долю при разграблении и разорении Чехословакии. В момент кризиса для английского и французского послов были закрыты все двери. Их не допускали даже к польскому министру иностранных дел. Нужно считать тайной и трагедией европейской истории тот факт, что народ, способный на любой героизм, отдельные представители которого талантливы, доблестны, обаятельны, постоянно проявляет такие огромные недостатки почти во всех аспектах своей государственной жизни. Слава в периоды мятежей и горя; гнусность и позор в периоды триумфа. Храбрейшими из храбрых слишком часто руководили гнуснейшие из гнусных! И все же всегда существовали две Польши: одна из них боролась за правду, а другая пресмыкалась в подлости»<sup>871</sup>.

Деморализованное чехословацкое правительство уступило давлению Польши. 1 октября глава МИД Венгрии К. Канья поздравил своего польского коллегу Бека «с достижением быстрого успеха» и просил «в духе прежней солидарности не давать Чехословакии никаких гарантий, особенно в том, что касается ее границ, пока не будет решена венгерская проблема». Министр выразил надежду на скорое присоединение к Венгрии тех районов Чехословакии, где большинство населения составляли венгры. В отношении Словакии и Закарпатской Украины он отметил, что эти территории могут добиться «права на самоопределение, если этот вопрос достаточно четко и, главное, громко, будет поднят на международной арене «заинтересованными сторонами»»<sup>872</sup>.

Для координации действий «заинтересованных сторон» 5 октября по приглашению Бека в Варшаву приехал начальник канцелярии Министерства иностранных дел Венгрии граф К. Чаки. Он сообщил, что Венгрия не препятствует образованию независимой Словакии, наоборот, будет всячески поддерживать независимое словацкое государство. Также Чаки заявил, что венгерское правительство придает большое значение достижению общей границы с Польшей путем аннексии Закарпатской Украины. От имени своего правительства он просил, чтобы польские войска оккупировали Закарпатье при возможном участии венгерских вооруженных сил. Бек с удовлетворением воспринял заявление о поддержке Венгрией идей независимой Словакии, но отказался от возможности использования польских войск в оккупации Закарпатя «ввиду отсутствия моральных мотивов»<sup>873</sup>.

На самом деле Варшава опасалась внешнеполитических осложнений, прежде всего со стороны Германии, чьи планы в отношении этой части Чехословакии Беку были еще не ясны. Действительно, в первые дни октября 1938 года в Берлине не было ясности относительно ближайшего будущего Чехословакии. Геринг и некоторые представители

Министерства иностранных дел полагали, что захват Венгрией восточной части Чехословакии облегчит установление германского контроля над чешскими землями. Но это мнение не разделяло командование вермахта, считавшее, что общая польско-венгерская граница нежелательна, так как интересам рейха противоречит создание на его восточных границах замкнутого блока государств, контролирующего коммуникационную сеть Восточной Европы.

В случае создания общей границы польско-венгерский альянс мог теоретически принять и антигерманскую направленность. Британский посланник в Варшаве Г. Кеннард неоднократно обращал внимание своего правительства на эту проблему. 6 октября он писал, что следовало бы подумать о пользе для Европы общей венгерско-польской границы. Спустя неделю он сообщил, что Польша очень обеспокоена будущим Словакии и Закарпатья. Она стремится к отделению их от Чехословакии, с тем чтобы «по крайней мере Подкарпатская Русь была включена в состав Венгрии и таким путем создана общая венгерско-польская граница». По мнению Кеннарда, такой план Бека имеет антигерманскую направленность. Кроме того, подчеркивал дипломат, Польша весьма чувствительна ко всяким «украинским планам» под эгидой Германии. В этом вопросе в Польше едины как правящие круги, так и оппозиция. Последняя предлагает даже раздел Закарпатья между Венгрией и Румынией, чтобы элиминировать ее противодействие. Кеннард указывал, что такая линия внешней политики Польши соответствует британской политике в Центральной и Восточной Европе<sup>874</sup>.

Однако хозяином в Центральной Европе отныне была Германия. В Берлине же не желали создания общей венгерско-польской границы. В итоге было решено временно поддерживать лозунг автономии Словакии и Закарпатской Украины в составе федеративной Чехословакии.

19 октября 1938 года Бек отправился в Румынию, где в Галаце-на-Дунае вел переговоры с королем Каролом и министром иностранных дел Н. Комненом. Глава польского МИД высказался за включение в состав Румынии района Закарпатья с румынским населением, потребовав взамен согласия Румынии на оккупацию Венгрией всего Закарпатья. Кроме того, он предложил гарантии венгерско-румынских границ и совместной обороны против СССР. Однако понимания с румынской стороны он не встретил. Король не возражал против улучшения румынско-венгерских отношений, но выступил против раздела и оккупации Закарпатья, так как это, по его мнению, вызвало бы отрицательную реакцию Германии. По той же причине румынская сторона отвергла и план «третьей Европы»<sup>875</sup>.

2 ноября 1938 года в Вене состоялась арбитражная конференция по решению чехословацко-венгерского спора. Первоначально в арбитраже предполагалось участие Германии, Италии с возможным привлечением Польши. Однако условием участия Польши Берлин поставил уступку в вопросе Данцига и «коридора»<sup>876</sup>. Это был уже намек на переход Германии к следующему этапу экспансии. На таких условиях Польша согла-

ситься участвовать в арбитражной комиссии не могла. В результате арбитражной конференции фактически выиграла только Германия, продемонстрировав свое неограниченное влияние и власть в Центральной Европе. Оставив в составе Чехословакии большую часть Закарпатья, она и дальше могла оказывать попеременное давление на Венгрию и Польшу. Действительно, создав «украинский Пьемонт» в Закарпатье, Германия получила сильный рычаг давления на Польшу, в которой проживало от 5 до 7 миллионов украинцев. Реорганизация послевоенной Европы по этническому признаку должна была дать серьезный повод для беспочвенности в Варшаве. Однако польские руководители не хотели или не могли понять этого.

Более того, польские руководители, упоенные легкой победой над брошенной западными союзниками Чехословакией, не желали останавливаться на достигнутом — Варшава уже мыслила совместный германо-польский раздел Советского Союза\*. Осенью 1938 года польский посол в Москве В. Гжибовский утверждал в разговоре с вице-министром иностранных дел Польши Я. Шембеком, что «ослабление Советской России возрастает» и «русская проблема назревает». Гжибовский заявил, что Польша «должна иметь влияние на судьбу этой проблемы», напомнив, что в истории уже был момент, когда Польша имела «решающее слово в русских делах» (очевидно, имеется в виду польско-шведская интервенция в Россию в период Смутного времени. — *А.Н.*). Он привел также слова Пилсудского: «На Россию я пойду сам»<sup>877</sup>.

В Германии действительно в свое время рассчитывали на союз с Польшей против СССР. Только к концу 1938 года эти соображения давно устарели. Характерно высказывание германского военного атташе в СССР генерала Кёстринга в беседе со своим литовским коллегой: «Польша является клячей, которую Германия впрягла в свою упряжь на время... Если Польша рассчитывает на помощь Германии в ее войне с СССР, то во всяком случае германские войска, вступив в “коридор” и в Силезию, оттуда никогда не уйдут»<sup>878</sup>. Свидетельством ухудшения отношения германского руководства к Польше стало выступление Гитлера 9 октября 1938 года в Саарбрюкене с речью, в которой ни разу не прозвучало слово «Польша», а единственным другом был назван Муссолини. В отношении Варшавы стала применяться новая политическая тактика, включавшая поощрение украинских националистов из ОУН, тесно сотрудничавших с главнокомандованием вермахта, германским МИД и внешнеполитическим бюро Розенберга. 10 октября 1938 года венское радио начало вести передачи на украинском языке, которые вскоре стали также ретранслироваться из Гратца и Лейпцига. Речь в них шла о стремлении украинского народа к независимости, а форма

---

\* Как известно, польские лидеры не просто глубоко заблуждались, но даже не представляли масштабов катастрофы, которая постигнет их страну менее чем через год. 17 сентября 1939 года «уродливое детище Версальской системы», по словам Молотова, в очередной раз подвергнется разделу между великими европейскими державами.

изложения и содержание программ имели антипольскую и антисоветскую направленность. Одним из тезисов этих радиопередач стало осуждение как преступных намерений польского руководства установить общую границу с Венгрией за счет захвата территории закарпатских украинцев.

Антипольская пропаганда с использованием украинских националистов создавала соответствующий фон и новую направленность в польско-германских отношениях. Антипольский акцент передач имел одновременно и антисоветскую окраску, что в некотором роде ставило пилсудчиков в одну плоскость с большевиками. Это означало, что для Германии они перекочевали из стана друзей в стан врага.

Тревожный звонок для польских руководителей прозвучал 24 октября 1938 года. В этот день глава МИД рейха Риббентроп, выполняя поручение Гитлера, пригласил посла Липского в Берхтесгаден, где беседовал с ним в течение трех часов. Беседа проходила в Гранд-отеле, где в это же время находился и гауляйтер Данцига (немецкое название Гданьска) А. Форстер, прибывший самолетом по специальному распоряжению фюрера.

Риббентроп предложил осуществить «генеральное очищение» польско-германских отношений, которое бы достойно увенчало дело, начатое Пилсудским и Гитлером. Далее он изложил восемь пунктов, выполнение которых, по его мнению, позволило бы поднять польско-германские отношения на качественно новый уровень. Главными из них было возвращение Гданьска в состав рейха и присоединение Польши к Антикоминтерновскому пакту. «Момент, которого в глубине души так опасались пилсудчики, — пишет современный исследователь С.В. Морозов, — наступил. Гитлеровцы дали понять, что готовы из-за Гданьска, в случае необходимости, разговаривать с ними с позиции силы. Среди условий, перечисленных Риббентропом Липскому, были два, на которые Вежбовая (официальная Варшава. — *А.Н.*) не согласилась бы ни при каких условиях — включение Гданьска в состав рейха и присоединение Польши к Антикоминтерновскому пакту. Выполнение последнего условия нарушило бы так называемую политику равновесия и покончило бы с политической карьерой Бека»<sup>879</sup>. Нельзя не согласиться с утверждением, что «беседа Риббентроп–Липский завершила длившийся с 26 января 1934 года период польско-германского политического сотрудничества»<sup>880</sup>.

В первые месяцы 1939 года Берлин все еще подкармливал польское руководство будущей добычей на Востоке. Так, Гитлер заметил в беседе с Беком 5 января, что между Германией и Польшей существует полная общность интересов в отношении России<sup>881</sup>. Отвечая на следующий день на вопрос Риббентропа, не отказалось ли польское правительство от устремлений Пилсудского в отношении Украины, Бек подчеркнул, что поляки «уже были в Киеве и что эти устремления, несомненно, все еще живы и сегодня»<sup>882</sup>.

26 января 1939 года, во время визита в Польшу, Риббентроп снова поднял этот вопрос. Гитлеровский министр опять предложил Беку ус-

тановить сотрудничество между Германией и Польшей в отношении Советского Союза, а также по вопросу о создании «Великой Украины». «Г-н Бек не скрывал, — указано далее в записи беседы, — что Польша претендует на Советскую Украину и на выход к Черному морю». Выслушав такие заявления польского министра, Риббентроп поставил вопрос о присоединении Польши к Антикоминтерновскому пакту, с тем чтобы она оказалась с Германией в «одной лодке». Бек заверил его, что «серьезно продумает» поставленный вопрос<sup>883</sup>.

После окончания визита германские журналисты задали вопрос послу Третьего рейха в Варшаве Г. Мольтке.

«Журналист: Будет ли достаточно этой ясной польской позиции и на тот случай, если произойдет столкновение между Германией и Россией? По моему мнению, Польша 27 ноября 1938 года, когда осложнения на Востоке, казалось, стали актуальными, дала понять в польско-советской декларации (в ней было заявлено, что «основой отношений между Польшей и СССР остаются все существующие договоры, в том числе и Договор о ненападении 1934 года»<sup>884</sup>. — А.Н.), что она не станет активно поддерживать Германию против Советского Союза.

Мольтке: Декларация от ноября 1938 года не имеет значения и в этом смысле понимается также и в Берлине. Обстановка полностью ясна. Мы знаем, что Польша в случае германо-русского конфликта будет стоять на нашей стороне. Это совершенно определено»<sup>885</sup>.

Между тем менее чем за неделю до этого заявления, 22 января 1939 года, на совещании Риббентропа с германским генералитетом прямо говорилось о том, что германо-польская декларация о ненападении 1934 года будет соблюдаться лишь до тех пор, пока это будет целесообразно. Предусматривалось, что будут приняты меры к тому, чтобы «обострить отношения с Польшей в такой степени, что будет возможно лишь военное решение вопроса»<sup>886</sup>. Рейх готовился сокрушить Польшу военной силой и стереть ее с карты Европы.

Маргинальное положение Польши даже на центральноевропейской дипломатической арене стало более чем очевидным. Концепция союза Польши и Венгрии с опорой на Рим как противовеса Германии и активное участие совместно с Третьим рейхом в расчленении самого сильного в регионе потенциального противника германской экспансии, Чехословакии, была абсурдной. Надежда на мгновенное улучшение отношений между Польшей и послемиюнхенской Чехословакией и сближение между ними оказалось очередной иррациональной идеей Бека. Словакию как возможное связующее звено между Польшей и Венгрией Варшава оттолкнула «пограничными поправками» в Татрах в ноябре 1938 года. Соединение же в одном блоке — «третьей Европы» — Венгрии, Румынии и Югославии с их взаимной враждебностью было невысказанным. К тому же гаранты такого союза, Польша и Италия, никак не могли быть восприняты как защитники национального суверенитета стран Центральной и Юго-Восточной Европы. Территориальные приобретения Польши стали той приманкой, за которую она в очередной раз заплатила потерей собственной государственности.

Что же касается Венгрии, то после падения Чехословакии, которая служила своеобразным бастионом между Венгрией и Германией, у Венгрии не оставалось иного выбора, как подчиниться влиянию Германии. Парадокс ситуации заключался в том, что со времен Трианонского мирного договора между Будапештом и Прагой существовали враждебные отношения. Когда независимость и единство Чехословакии были уничтожены, Венгрия получила южные районы Словакии и Закарпатскую Украину. Однако цена за эти приобретения оказалась довольно высока: после Мюнхена Венгрия оказалась фактически вассалом Германии. Италия, на которую Будапешт полагался с 1927 года, только способствовала установлению германского влияния в Венгрии. Канья — министр иностранных дел, который пытался проводить самостоятельную политику, — был заменен на известного своими прогерманскими настроениями графа Чаки. С этого времени в Будапеште происходит процесс определения новой внешнеполитической линии Венгрии, без ассистирования Польши, с учетом абсолютного господства Германии в Центральной Европе, — процесс постепенного превращения Венгрии в вассала Третьего рейха.

Сразу же после назначения новый венгерский министр иностранных дел сделал заявление, в котором публично подтвердил, что отныне венгерская внешняя политика основана на дружбе с Германией и Италией. Во время визита Чиано в Венгрию 19–22 декабря верность этой страны «оси Берлин–Рим» была закреплена окончательно. 30 декабря 1938 года венгерский премьер-министр Бела Имреди заявил: «Венгрия связана с Германией древними узами боевого братства, а с Италией — уважением старинного противника... Цели, преследуемые политикой двух великих держав, заключаются в обеспечении солидной основы для мира в Европе и создания более справедливого порядка, в котором венгры будут играть роль, на которую они имеют право»<sup>887</sup>.

13 января 1939 года Венгрия заявила о желании присоединиться к Антикоминтерновскому пакту. Одновременно внутри страны германскому меньшинству количеством от 500 до 650 тысяч человек были предоставлены разнообразные льготы. В результате Венгрия превратилась в плацдарм для развития германского давления как на Чехословакию, так и Югославию с Румынией, а также германским форпостом в будущей войне на Востоке. Интересно отметить, что Советский Союз порвал дипломатические отношения с Венгрией 4 февраля 1939 года после ее присоединения к Антикоминтерновскому пакту на том основании, что политика Венгрии перестала быть независимой и подчиняется давлению извне.

Мюнхен вызвал и серьезные изменения в международных отношениях на Балканах. Развал Малой Антанты оказал отрицательное воздействие на Балканский пакт и резко снизил его значение в качестве регионального политического блока, подорвав его роль в международных делах. Надо заметить, что отдельные балканские государства были в разной степени затронуты происшедшими событиями. В наибольшей мере оказались ослабленными международные позиции Югославии и

Румынии, которые в новых, послемиюнхенских условиях стали объектами прямого нажима со стороны Германии. Все балканские страны встали на путь лавирования между западными демократиями и блоком держав «оси».

Наряду с ослаблением старых региональных связей Мюнхен принес балканским странам резкий рост межнациональных и межгосударственных противоречий. Особенно это касается Югославии и Румынии. Повышение уровня конфликтности на Балканах было закономерным следствием миюнхенской политики. В разгигании противоречий между балканскими странами Германия видела один из методов установления своей гегемонии в этом регионе. На примере Балкан также хорошо видно, в какой международной изоляции оказался Советский Союз.

Действительно, после Мюнхенского соглашения СССР на какое-то время был выключен из европейской дипломатии. В условиях, когда основа советской внешнеполитической концепции — политика коллективной безопасности — была похоронена Великобританией и Францией, Советский Союз стал искать другие пути обеспечения собственной безопасности. СССР не собиpался в одиночку противостоять державам «оси», так же как и не имел намерения выступать в поддержку западных демократий в случае их войны с фашистскими государствами. После Мюнхена каждая страна защищала свое существование, исходя исключительно из собственных возможностей, не рассчитывая более на поддержку других стран и существование каких-либо договоров.

Великобритания и Франция решили уступить Центральную Европу Германии, дабы, как им казалось, предотвратить новую мировую войну. В результате геостратегические позиции западных демократий серьезно ухудшились. Покорение Чехословакии лишило союзников поддержки 21 регулярной дивизии, 15 или 16 уже мобилизованных дивизий второго эшелона чешской армии, а также линии чешских горных крепостей, которая в дни Мюнхена требовала развертывания 30 германских дивизий, то есть основных сил мобильной и полностью подготовленной германской армии.

В результате падения Чехословакии англо-французский лагерь потерял силы, равные примерно 35 дивизиям. Кроме того, в руки Германии попали заводы «Шкода» — второй по значению арсенал Центральной Европы, который в период с августа 1938 года по сентябрь 1939 года выпустил почти столько же продукции, сколько, например, выпустили все английские военные заводы за то же время\*.

Еще более катастрофическим для западных демократий было изменение в соотношении сил французской и германской армий. С каждым месяцем после 1938 года германская армия росла не только по численности личного состава, числу соединений и накоплению резервов, но и по качеству и зрелости. Прогресс в подготовке войск и в их опытности

---

\* Интересно отметить, что в то время как вся Германия трудилась под усиленным нажимом, почти равным напряжению военного времени, французские рабочие еще в начале 1936 года добились желанной 40-часовой рабочей недели.



шел рука об руку с непрерывным ростом вооружений. Во французской армии не было подобных улучшений и роста. Ее догоняли во всех отношениях. В 1935 году Франция без помощи своих прежних союзников могла бы вторгнуться в Германию и снова оккупировать ее почти без серьезных боев. В 1936 году все еще не могло быть никаких сомнений в ее подавляющем превосходстве. Такое же положение сохранялось и в 1938 году. Именно сознание слабости заставило германское верховное командование прилагать все силы, чтобы удерживать Гитлера от каждого из успешных ударов, которые укрепляли его славу. В последовавший за Мюнхеном год германская армия приближалась к полной боевой готовности, хотя у нее было меньше обученных резервов, чем у французов. Поскольку источником сил этой армии служило население, уже вдвое превосходившее по численности население Франции, полное превосходство германской армии над французской было лишь вопросом времени. Нацистская Германия имела преимущество и в моральном состоянии. Отказ от помощи союзнику, в особенности под воздействием страха перед войной, сознание того, что Франция уступила Германии, подрывали дух французской армии. В то время как в Германии уверенность, успех и сознание растущей мощи разжигали воинственные инстинкты расы, признание собственной слабости обескураживало французских военных любых рангов.

Более того, только за один 1938 год Гитлер в результате аннексии присоединил к рейху и подчинил своей абсолютной власти 6 миллионов 750 тысяч австрийцев и 3 миллиона 500 тысяч судетских немцев — свыше 10 миллионов подданных, работников и солдат. Баланс сил в Европе окончательно склонился в пользу нацистской Германии.

На какое-то время в Лондоне и Париже возобладала уверенность, что Гитлер развернет свою агрессию в восточном направлении — против СССР. Эти настроения особенно усилились после подписания во время Мюнхенской конференции англо-германской декларации о «желании двух народов никогда более не воевать друг с другом» и схожей по духу франко-германской декларации 6 декабря 1938 года\*.

---

\* Спустя некоторое время после Мюнхена, у Гитлера, видимо, появилась идея отколоть Францию от ее британского союзника. 18 октября 1938 года Гитлер принимал французского посла Франсуа-Понсе в «Орлином гнезде». Это удивительное сооружение, расположенное высоко над Берхтесгаденом, возводилось в течение трех лет и обошлось очень дорого. Добираться туда было чрезвычайно трудно. Сперва надо было преодолеть 16 км по дороге, как бы прилепившейся к скале, потом — длинный туннель, прорубленный в горной породе, а оттуда подняться на лифте более чем на сто метров. В результате человек оказывался на горе высотой почти две тысячи метров, откуда открывалась захватывающая панорама Альп. Вдалеке виднелся Зальцбург. Описывая позднее это убежище, Франсуа-Понсе удивлялся: «Кем же было задумано это строение — человеком, обладающим здравым умом, или человеком, обуреваемым манией величия, жаждой повелевать и одиночеством?» Фюрер яростно обрушился на Великобританию. Французскому послу показа-

«Правительства Германии и Франции разделяют убеждение, что мирные и добрососедские отношения между Германией и Францией составляют один из основных элементов для условий стабилизации в Европе и сохранения мира» — говорилось в заявлении, торжественно подписанном Риббентропом и Боннэ 6 декабря 1938 года в Часовом зале на Кэ д'Орсэ. «Это происходило в той же комнате, где десятью годами ранее, — отмечал Шмидт, — я видел, как Штреземан, Бриан и Келлог ставят свои подписи под пактом о запрете войны. “Оба правительства... торжественно признают бесспорной границу между их странами в том виде, в каком она проложена в настоящее время... Оба правительства твердо решили в отношениях их с третьими державами по всем вопросам, затрагивающим обе их страны... консультироваться друг с другом, если будущее развитие таких отношений может привести к международным трудностям”. Это был обманчивый фасад, — пишет очевидец, — позади которого вскоре после подписания заявления в другой комнате французского Министерства иностранных дел между Боннэ и Риббентропом состоялась отнюдь не благодушная беседа о ситуации в целом»<sup>888</sup>.

Тем не менее, возвратившись в Берлин, Риббентроп мог заявить, касаясь советско-французского договора о взаимопомощи, что подписанная в Париже декларация окончательно «отколола Францию от СССР и устраняет последние остатки опасности русско-французского сотрудничества»<sup>889</sup>. Глава МИД Франции сделал иной вывод. Извещая французских послов о своих переговорах с нацистским коллегой, Боннэ писал: «Германская политика отныне ориентируется на борьбу против большевизма. Германия проявляет свою волю к экспансии на восток»<sup>890</sup>.

Как отмечало советское полпредство в Лондоне, сразу же после Мюнхена в политических кругах Англии, а также в печати дискутировался вопрос о том, что «теперь Гитлер пойдет на восток и что его ближайшим крупным объектом является Украина». Не подлежит сомнению, указывало полпредство, что целый ряд влиятельных деятелей «прямо нашептывали Гитлеру эту восточную авантюру, обещая ему по крайней мере благожелательный нейтралитет...»<sup>891</sup>. В своем секретном дневнике министр внутренних дел США Г. Икес не мог не отметить: «Англия ползает на брюхе перед Гитлером, боясь коммунизма»<sup>892</sup>.

Таких же взглядов придерживались и в Париже. 11 ноября 1938 года советский полпред в Париже Суриц сообщал в Москву: «Весь опыт

---

лось, что лицо у фюрера бледное и усталое, но это несколько не помешало ему обрушиться на «Альбион». Фюрер утверждал, что от Британии исходит угроза, слышатся призывы к оружию, что она слишком эгоистична, высокомерна, что именно она хотела помешать духу Мюнхена. С Францией же все обстоит наоборот, и потому Гитлер хотел бы установить с ней более тесные дружеские связи. Чтобы доказать это, он готов подписать дружественный пакт, гарантирующий незыблемость существующих границ (это означало, что Германия не претендует на Эльзас и Лотарингию), а в будущем — устранение разногласий путем консультаций.

предшествующих лет, особенно история с Чехословакией, как будто говорит за то, что при беспредельной уступчивости Франции, при ее безбрежной готовности идти на жертвы почва для соглашения всегда найдется, найдется на путях дальнейших и новых уступок. Все жертвы, которые до сих пор приносились Гитлеру, очень сильно ослабили Францию, лишили ее преимущественного положения в Европе, отняли у нее почти всех ее союзников, но все же отличались той особенностью, что на данном отрезке времени, на сегодняшний день, не задели непосредственных территориальных интересов самой Франции и проводились преимущественно за счет третьих и слабых стран. Никто сейчас, например, не сомневается, что Мюнхен для Франции равносителен Седану\*, но все это с точки зрения будущих перспектив, будущей расстановки сил. Непосредственным же результатом этого Седана, результатом на сегодняшний день, является, однако, расчленение не Франции, а Чехословакии. За счет каких третьих стран Франция может еще и сейчас делать уступки Германии и купить ее благоволение? В этой связи особенно популярна версия о “Дранг нах Остен”, версия о предоставлении Германии свободы действий и свободы рук на Востоке. В конечном счете при этом, естественно, имеется в виду предоставление свободы действий против СССР. В том, что теперешние властители Франции вкупе с их английскими коллегами не прочь были бы разрешить все спорные и “проклятые” вопросы за счет СССР, конечно, нет сомнения...»<sup>893</sup>.

Союзный договор с Польшей, сотрудничество с Малой Антантой и франко-советский пакт, отмечал заместитель наркома иностранных дел СССР В.П. Потемкин в беседе с послом Третьей республики в СССР 9 февраля 1939 года, «признаются уже как будто пройденными этапами внешней политики Франции, едва ли не достоянием истории». Характерно, что, выступая в Национальном собрании с речью об итогах мюнхенской конференции 4 октября 1939 года, премьер-министр Франции Даладьё утверждал, что Мюнхенское соглашение позволило избежать применения силы, дало Чехословакии международные гарантии безопасности и т.д. Даладьё призвал улучшать отношения с Германией, «которая является нашим соседом, которая была нашим врагом и с которой мы хотим установить прочный мир». В то же время Даладьё ни одним словом не упомянул о советско-французских отношениях, хотя Франция имела с СССР договор о взаимопомощи<sup>894</sup>.

В Москве, естественно, вызывало раздражение подобное поведение западных политиков, их стремление «отдать» Гитлеру Советскую Ук-

---

\* В период франко-прусской войны (1870–1871) в сражении при Седане 2 сентября 1870 года французская армия потерпела крупное поражение. Остатки французской армии во главе с императором Наполеоном III оказались запертыми в Седанской крепости. По приказу Наполеона III был поднят белый флаг. Стотысячная французская армия вместе с императором сдалась в плен. Со времени франко-прусской войны слово «Седан» стало во Франции символом жестокого политического или военного поражения.

раину. Этот факт сыграет огромную роль в провале англо-франко-советских переговоров летом 1939 года. Пока же СССР оказался в изоляции, но не собирался сдаваться. «Похоже на то, — говорилось в отчетном докладе ЦК ВКП(б) в марте 1939 года, — что этот подозрительный шум имел своей целью поднять ярость Советского Союза против Германии, отравить атмосферу и спровоцировать конфликт с Германией без видимых на то оснований. Конечно, вполне возможно, что в Германии имеются сумасшедшие, мечтающие присоединить слона, т.е. Советскую Украину, к козявке, т.е. к так называемой Карпатской Украине. И если действительно имеются там такие сумасброды, можно не сомневаться, что в нашей стране найдется необходимое количество смиренных рубах для таких сумасшедших»<sup>895</sup>.

Гитлер же прекрасно понимал, каким образом можно использовать «слабости» западных демократий, и нацеливался на новые акты агрессии. «Окрики и приказы со стороны фашистских агрессоров по адресу правительств так называемых демократических государств, — писала “Правда” 19 декабря, — становятся с каждым днем все наглее и циничнее»<sup>896</sup>.

Еще 13 ноября 1938 года личный секретарь министра иностранных дел Великобритании О. Харви сделал запись: «Скучная информация, секретная и открытая, получаемая нами теперь из Германии, показывает, что германское правительство смеется над нами, презирает нас и намеревается морально и материально лишить нас наших мировых позиций»<sup>897</sup>. На следующий день лорд Галифакс сделал на заседании внешнеполитического комитета правительства резюме полученных им секретных сообщений, свидетелествовавших о том, что фашистский рейх придерживается «все более антианглийской позиции и что он намерен добиваться развала Британской империи и, по возможности, установления мирового господства немцев»<sup>898</sup>.

В середине декабря в Лондон прибыл первый секретарь английского посольства в Берлине И. Киркпатрик, который привез с собой материалы, говорящие о том, что Берлин планирует агрессию не только на восток, но и на запад. Однако Чемберлен все еще надеялся на успех намеченного им курса. Касаясь предложений о мерах по укреплению способности Англии оказывать отпор германской агрессии, он заявил на заседании правительства, что эти предложения противоречат его «представлениям о следующей акции Гитлера, которая будет обращена на восток, и в этом случае Англия могла бы вообще остаться вне войны»<sup>899</sup>.

Начиная с нового 1939 года в Лондон и Париж полетели все более тревожные новости: Германия не собирается воевать с Советским Союзом. Действительно, 19 января стало известно, что после длительного пребывания в Оберзальцберге Гитлер заявил, касаясь войны против СССР, что нужно еще время для ее «основательной подготовки»<sup>900</sup>.

В этот же день, 19 января 1939 года, английскому правительству была представлена записка Форин Оффиса, в которой обобщалась информация о планах нацистов, полученная из различных секретных ис-

точников. Во введении к этой записке Галифакс указывал: «...до сих пор было общепринятым ожидать, что устремления Гитлера будут направлены на восток и в особенности что он планирует что-то в отношении Украины. За самое последнее время мы получаем сообщения, свидетельствующие о том, что он может счесть момент подходящим для того, чтобы нанести решительный удар по западным державам». Форин Оффис располагал в то время сведениями и о том, что Третий рейх намерен начать крупные военные акции с разгрома Польши<sup>901</sup>.

Французский Генеральный штаб также к концу января 1939 года пришел к заключению, что Германия скорее начнет атаку на западе, чем войну против СССР<sup>902</sup>.

К марту 1939 года дальнейшие планы политики Третьего рейха в Европе приобрели уже конкретную форму. Было решено оккупировать Чехословакию, что дало бы Германии возможность «держать в руках» также Венгрию, Румынию и Югославию. Предусматривался захват Мемеля (немецкое название литовского порта Клайпеда; порт на Балтийском море с населением около 40 тысяч человек, был утрачен Германией в результате Версальского договора и вошел в состав Литвы), в результате чего Берлин рассчитывал «твердо стать на ноги также в Прибалтике». Если раньше имелось в виду привлечь Польшу к участию в войне против СССР, то теперь было решено, что сама Польша станет объектом нападения вермахта. Все эти меры должны были «укрепить тылы» Германии, после чего намечалось разгромить Францию и добиться капитуляции Британской империи. Последней и решающей задачей германской политики считалась война против Советского Союза<sup>903</sup>.

Судьба оставшейся части Чехословакии и Мемеля была решена еще в октябре 1938 года. 21 октября в совершенно секретном указании ОКВ Гитлер поставил перед германскими вооруженными силами задачи, которые им придется решать в ближайшее время: 1) окончательная ликвидация остальной части Чехии и 2) овладение Мемельской областью. В отношении Чехословакии фюрер заявил, что необходимо обеспечить возможность в любой момент разгромить оставшуюся часть Чехии, если она попытается проводить враждебную Германии политику.

«Меры подготовки, — говорилось в документе, — которые вооруженным силам надлежит принять с этой целью, будут по своему объему гораздо ограниченнее, чем те, которых в свое время потребовал план “Грюн”. Но, не предусматривая планомерной мобилизации, они должны обеспечить постоянную и значительно более высокую степень боевой готовности. Структура, организация и степень боевой готовности предусмотренных для выполнения упомянутых задач частей и соединений должны уже в мирное время учитывать предстоящее нападение на Чехию, чтобы лишить ее всякой возможности организованной защиты. Цель нападения: быстро овладеть территорией Чехии и выставить заслон на ее границе со Словакией. Подготовку вести так, чтобы одновременно было возможно также выполнение требований плана “Оборона границ на западе”.

Самостоятельные задачи сухопутных войск и военно-воздушных сил следующие:

А. Сухопутные войска.

Части, расположенные вблизи Чехии, а также некоторые моторизованные соединения подготовить к стремительному нападению на Чехию. Их число будет зависеть от оставшихся еще у Чехии сил. Необходимо обеспечить быстрый и решительный успех. Разработать порядок развертывания сил и подготовки к наступлению. Неиспользованные силы держать в боевой готовности с таким расчетом, чтобы можно было их бросить — смотря по обстановке — либо на оборону границ, либо на усиление наступающей армии.

Б. Военно-воздушные силы.

Обеспечить быстрое продвижение сухопутных войск своевременным подавлением чешской авиации. Для этой цели прежде всего подготовить налеты силами соединений, расположенных вблизи границы. Они должны действовать, вылетая с баз мирного времени. В какой мере потребуются дополнительные более крупные силы, может определить лишь ход изменения военно-политической обстановки в Чехии. Наряду с этим готовить одновременное развертывание (перебазирование) прочих сил воздушного нападения против западных держав.

В отношении «Окончательной ликвидации остальной части Чехии» фюрер дополнительно приказал:

Разработку вести, исходя из предположения, что серьезного сопротивления оказано не будет. Также и вне Германии всем должно быть совершенно ясно, что осуществляется лишь усмирительная акция, а не военная кампания...»

Что касается захвата Мемельской области, то в документе было отмечено, что «политическая обстановка, особенно военные трения между Польшей и Литвой, могут поставить перед германскими вооруженными силами задачу овладения Мемельской областью. Руководством для боевых действий будет служить моя директива № 1 от 18.3.1938 г. Действия организовать так, чтобы завершить их в кратчайший срок.

Решения главнокомандующих видами вооруженных сил представить мне к 10.1.1939 г.

Адольф Гитлер»<sup>904</sup>.

Наступил новый поворотный момент в истории Третьего рейха и Версальской Европы. Впервые Гитлеру предстояло завоевать ненемецкие земли. На протяжении предшествующих шести недель он убеждал Чемберлена — публично и в частных беседах, — что Судетская область его последнее территориальное притязание в Европе. И хотя британский премьер, приняв слова Гитлера на веру, проявил непостижимую недалекость, были тем не менее основания полагать, что немецкий диктатор остановится, только полностью «переварив» тех немцев, которые раньше жили за пределами рейха, а теперь оказались в пределах его границ. Ведь Гитлер неоднократно повторял, что не потерпит чехов в Третьем рейхе. Он писал в «Майн кампф» и упоминал в своих выступлениях, развивая нацистское учение, что для того, чтобы Германия

была сильной, ей необходимо стать чистой в расовом отношении страной, избавившись от других народов, особенно славян. Однако Гитлер заявлял также — о чем в Лондоне, вероятно, забыли — чуть ли не на каждой странице своего программного труда, что будущее Германии связано с завоеванием «жизненного пространства» на Востоке — завоеванием земель, более тысячи лет принадлежавших славянским народам.

17 октября 1938 года Геринг принял словацких лидеров во главе с Фердинандом Дурчаньским, а также лидера немецкого меньшинства в Словакии Франца Кармазина. Дурчаньский, заместитель премьер-министра новой, автономной Словакии, уверил фельдмаршала, что в действительности словаки хотят «полной независимости и тесных политических, экономических и военных контактов с Германией».

Это отвечало планам Гитлера. Немецкая стратегия относительно Чехословакии предусматривала достижение двух целей: отделение Словакии от Праги и подготовку к ликвидации остатков государственности посредством военной оккупации Богемии и Моравии.

Новое, прогермански настроенное правительство Чехословакии ближе к новому 1939 году, похоже, само начало сознавать, что вопрос с их страной уже решен. Незадолго до Рождества, дабы еще больше ублажить Гитлера, чешский кабинет запретил Коммунистическую партию и уволил из школ всех учителей-евреев. Наконец, 21 января 1939 года глава МИД Чехо-Словакии Хвалковски добился приема у Гитлера. Цель визита заключалась в том, чтобы выяснить, возможно ли сохранить хоть остатки независимости страны. Чешский министр иностранных дел раболепствовал перед немецким диктатором, который открыто запугивал его, заявляя, что от катастрофы Чехословакия спасла только «сдержанность Германии». Однако, если Чехословакия не переменит своего отношения к Германии, грозил Гитлер, он, фюрер, «уничтожит» ее. Чехи должны забыть свою историю, которая не более чем «ученический вздор», и делать то, что велят немцы, — в этом их единственное спасение. Чехословакия должна выйти из Лиги Наций; значительно сократить свою армию («она все равно не играет никакой роли»); присоединиться к Антикоминтерновскому пакту; позволить Германии диктовать внешнюю политику; подписать выгодное для нее экономическое соглашение, одно из условий которого заключается в том, что Чехословакия не должна без согласия Германии развивать новые отрасли промышленности; уволить всех официальных лиц и редакторов, не проявляющих дружелюбия к рейху; объявить вне закона евреев, как это сделала Германия в соответствии с Нюрнбергскими законами («У нас евреи будут просто уничтожены» — заявил Гитлер своему посетителю). Гитлер потребовал также, чтобы чехословацкий национальный банк передал часть своего золотого запаса в Рейхсбанк — почти 400 миллионов чешских крон золотом.

В тот же день Риббентроп предъявил Хвалковскому ряд требований, угрожая «катастрофическими последствиями», если чехи не одумаются и не станут делать то, что им велят. Более того, глава нацистского МИД запретил Хвалковскому сообщать о германских требованиях анг-

личанам и французам и приказал немедленно приступить к их выполнению, не рассуждая о немецких гарантиях неприкосновенности чешских границ. После этого униженный министр отправился домой, в Прагу.

В начале марта 1939 года в Чехо-Словакии разразился внутренний кризис. 7 марта в столицу Словакии Братиславу прибыл посланник Гитлера австрийский канцлер А. Зейсс-Инкварт. Он предложил словацкому премьеру Й. Тисо провозгласить независимость Словакии и вступить с Германией в таможенную и финансовую унию. 9 марта Тисо прибыл в Вену и сообщил о том, что предложение принято, после чего провозглашение словацкой независимости было намечено на 12 марта. Однако об этих планах стало известно официальной Праге, и президент Гаха отправил в отставку братиславское правительство. Чешские войска заняли основные города Словакии, а в Братиславу были введены танки. Берлин был обескуражен силовым решением вопроса и потребовал вывода войск. 10 марта чешские войска были выведены, и 11 марта было сформировано новое, второе правительство Тисо<sup>905</sup>.

12 марта 1939 года Гитлер, используя слова Юлия Цезаря, заявил своим приближенным: «Жребий брошен». На следующий день словацкий премьер уже был в рейхсканцелярии. «Чехословакия, — заявил Гитлер, — обязана исключительно Германии тем, что ее не перекроили окончательно». Со стороны рейха «была проявлена удивительная сдержанность», но чехи этого не оценили. «За последние недели, — продолжал фюрер, все больше взвинчивая себя, — положение стало невыносимым. Опять возродился дух Бенеша». Словаки, как выяснилось, тоже расстроили германского канцлера. «После Мюнхена, — заявил Гитлер, — он поссорился со своими друзьями — венграми, не позволив им захватить Словакию, поскольку полагал, что она хочет быть независимой. Сейчас он вызвал Тисо, чтобы выяснить этот вопрос в самые короткие сроки... Вопрос ставился так: хочет Словакия быть независимой или нет? Это вопрос не дней, а часов. Если Словакия хочет быть независимой, он поддержит ее и даже даст ей гарантии... Если она будет колебаться и откажется отделиться от Праги, то судьба ее решится в результате событий, ответственность за которые он не несет».

В этот момент Риббентроп вручил Гитлеру донесение, в котором говорилось, что венгерские войска начали продвижение к границам Словакии. Фюрер прочитал донесение и сообщил Тисо о его содержании, после чего выразил надежду, что Словакия быстро примет решение. В ответ Тисо попросил «извинить его, если после всего сказанного канцлером он не сможет дать ответ сразу», и поспешил добавить, что словаки докажут: они достойны благоволения фюрера<sup>906</sup>.

Фактически Тисо получил в Берлине указание в форме ультиматума: либо он объявляет Словакию самостоятельным государством, либо германские войска ее оккупируют. Тисо выбрал первый вариант, и 14 марта 1939 года в час дня Словакия впервые в своей истории была провозглашена независимым государством. Премьером остался Й. Тисо, вице-премьером стал В. Тука.



15 марта 1939 года Чехо-Словакия перестала существовать как суверенное государство. Хотя Англия и Франция обещали ей свои гарантии, никакой помощи вплоть до последнего дня своего существования Прага так и не получила. Характерно, что британское правительство располагало точными сведениями о предстоящих событиях еще за четыре дня. Однако в Лондоне сделали вид, что «ничего не видят и ничего не слышат»<sup>907</sup>. Только 14 марта в связи с поступавшими в Лондон все более тревожными сообщениями Галифакс созвал совещание для рассмотрения вопроса о позиции Англии. Решили, писал его помощник О. Харви об этом совещании, что «мы не должны прибегать к пустым угрозам, поскольку мы не намерены бороться за Чехословакию... Мы не должны считать, что мы каким-то образом гарантировали Чехословакию»<sup>908</sup>.

В этих условиях стареющий и подавленный президент распадающегося государства Гаха просил Гитлера о встрече\*. 14 марта, в 22.40, на берлинский вокзал прибыл поезд с президентом Гахой и министром иностранных дел Чехо-Словакии Хвалковским. Самолетом президент воспользоваться не мог из-за большого сердца.

Протокольная часть была организована немцами безукоризненно. В Берлине чехословацкого президента встретили так, как положено встречать главу государства\*\*. Поздно вечером Гитлер принял своих гостей в недавно построенном огромном здании новой рейхсканцелярии.

Здесь чехов, так же как австрийского канцлера Шушнига год назад, ждала катастрофа. Едва началась беседа, Гитлер ультимативно потребовал, чтобы Гаха немедленно подписал заранее заготовленный документ, согласно которому Чехия становилась протекторатом Германии, а Словакия объявляется самостоятельной. На этот раз Гитлер не ограничился появлением Кейтеля в роли «воинствующего Марса», который должен был символизировать перед Шушнигом концентрацию германских войск на границе. Фюрер без обиняков заявил Гахе, что германские войска уже оккупируют Чехословакию<sup>909</sup>.

---

\* На этот счет точки зрения историков расходятся. Некоторые убеждены, что немцы заставили Гаху приехать в Берлин. Их убежденность основана, вероятно, на сообщении французского посла в Берлине, который ссылался на «надежные источники». Но из обнаруженных впоследствии документов министерства иностранных дел Германии очевидно, что инициатива исходила от Гахи. 13 марта через германскую миссию в Праге он обратился с просьбой о встрече с Гитлером, а потом повторил ее 14 марта. Во второй половине дня 14 марта Гитлер согласился встретиться с ним.

\*\* На вокзале был выстроен почетный караул, министр иностранных дел Германии лично приветствовал высокого гостя и даже вручил его дочери букет чудесных цветов. В отеле «Адлон», где были размещены гости, в одном из лучших номеров для мисс Гахи был приготовлен набор шоколадных конфет — личный подарок Адольфа Гитлера, полагавшего, что все разделяют его любовь к сладкому. Когда президент со своим министром иностранных дел прибыли в рейхсканцелярию, их встретил почетный караул СС. К Гитлеру их не допускали до 1.15.

«В шесть утра, — заявил Гитлер, — немецкой армии предписано двинуться со всех сторон на территорию Чехии, а немецкой авиации занять чешские аэродромы. При этом возможны два варианта. Если вступление немецких войск встретит сопротивление, то это сопротивление будет подавлено путем применения грубой силы. Если же вступление немецких войск пройдет мирно, то фюреру будет легче предоставить Чехословакии автономию и определенную национальную свободу, а чехам — привычный для них образ жизни...

Это последняя добрая услуга, которую он может оказать чешскому народу... Возможно, визит Гахи предотвратит самое худшее... Время идет. В шесть часов немецкие войска вступят на территорию Чехословакии. Ему неловко говорить об этом, но каждому чешскому батальону противостоит немецкая дивизия. Он посоветовал бы сейчас Гахе с Хвалковским удалиться и обсудить, что делать»<sup>910</sup>.

Этого президенту Чехословакии не потребовалось\*. Гаха сразу сказал Гитлеру: «Положение ясно. Сопротивление было бы безумием. Но что сейчас, в 2 часа ночи, когда до вторжения осталось всего четыре часа, он может предпринять, чтобы чешский народ не оказал сопротивления?» Гитлер парировал: «Если не подпишете, немецкие бомбардировщики превратят Прагу в кучу мусора и золы!»<sup>911</sup>.

Вскоре президент Чехословакии потерял сознание. Немедленно был вызван личный врач фюрера доктор Моррель\*\*. Он сделал укол Гахе, после чего тот пришел в себя. Президент почувствовал себя достаточно бодро, чтобы взять телефонную трубку, которую вложили ему в руку, и поговорить с Прагой по каналу, заказанному Риббентропом. Гаха рассказал чешскому правительству о том, что произошло, и дал совет подчиниться требованиям немцев. Потом, получив второй укрепляющий укол от доктора Морреля, президент республики, существование которой близилось к закату, снова встретился с Адольфом Гитлером и подписал смертный приговор собственной стране. Это случилось 15 марта 1939 года, в без пяти минут четыре утра.

Текст документа гласил: «Берлин, 15 марта 1939 года. Сегодня фюрер принял президента Чехословакии доктора Гаху и министра иностранных дел Чехословакии доктора Хвалковского по их просьбе. На встрече присутствовал министр иностранных дел фон Риббентроп. На встрече, прошедшей в доверительной атмосфере, обсуждалось серьезное положение, сложившееся в Чехословакии в результате событий последних недель. Обе стороны высказали единодушное мнение, что их усилия должны быть направлены на поддержание спокойствия, порядка и мира в этой части Центральной Европы. Президент Чехословакии заявил, что

---

\* По словам очевидца, Гаха и Хвалковски сидели словно каменные изваяния. «Только по их глазам, — писал Шмидт, — можно было догадаться, что они живые».

\*\* Доктор Моррель был врачом-шарлатаном, специализировавшимся на лечении кожных и венерических болезней, но при этом считался специалистом по уколам (позднее он чуть не свел своими уколами Гитлера в могилу).

для достижения этой цели и мирного урегулирования он готов вверить судьбу чешского народа и самой страны в руки фюрера и германского рейха. Фюрер выслушал это заявление и выразил намерение взять чешский народ под защиту германского рейха и гарантировать ему автономное развитие в соответствии с национальными традициями»<sup>912</sup>.

В 6 утра 15 марта немецкие войска вошли на территорию Богемии и Моравии. Им не было оказано сопротивления, и к вечеру Гитлер с триумфом прибыл в Прагу. «В течение тысячелетий, — заявил фюрер, — провинции Богемия и Моравия являлись частью жизненного пространства для немецкого народа... Чехословакия продемонстрировала свою неспособность выжить и пала жертвой распада. Германский рейх не может более терпеть беспорядки на этих землях... Сегодня, следуя закону самосохранения, он полон решимости восстановить основы разумного порядка в Центральной Европе. Тысячелетняя история доказала, что именно на немецкий народ благодаря величию его духа и отличительным качествам возложена эта миссия»<sup>913</sup>.

На следующий день Гитлер объявил о создании протектората Богемия и Моравия, который должен был получить автономию и самоуправление, что на самом деле означало: чехи окончательно попали под пяту Германии. Вся полнота власти передавалась «рейхспротектору», его статс-секретарю и главе гражданской администрации, которые назначались фюрером. Чтобы успокоить общественное мнение Англии и Франции, Гитлер вновь вспомнил об «умеренном» Нейрате и назначил его протектором. Два лидера судетских нацистов — Конрад Генлейн и Карл Герман Франк — были назначены соответственно главой гражданской администрации и статс-секретарем.

16 марта 1939 года Гитлер получил телеграмму от словацкого премьера Тисо (составленную, естественно, в Берлине). Немецкие войска тотчас вошли в Словакию и взяли ее под «защиту» рейха. 18 марта Гитлер прибыл в Вену, чтобы одобрить «Договор о защите», который 23 марта подписали в Берлине Риббентроп и Тука. В договор был включен секретный протокол, по которому Германия получала право использовать мощности словацкой экономики. Словакия превратилась в вассала Третьего рейха.

«Фюрер властвует сегодня над массой в восемьдесят миллионов человек. Прежняя Священная Римская империя германской нации восстановлена. А с Чехией, как говорил Бисмарк, “Германия держит в

---

\* Одна из секретарш Гитлера вспоминала, что после подписания документов он вбежал в комнату, обнял по очереди всех женщин, которые там находились, и воскликнул: «Дети мои, это величайший день в моей жизни! Я войду в историю как величайший деятель Германии!» «Ему не приходило в голову, — пишет Ширер (и с ним нельзя не согласиться), — да и как могло прийти? — что конец Чехословакии означал начало конца Германии. На рассвете 15 марта 1939 года Германия ступила на дорогу, ведущую к войне, и, как известно, к поражению и катастрофе. Эта дорога была прямой и короткой. Встав на нее, Гитлер уже не мог остановиться, как не могли в свое время остановиться Александр Македонский и Наполеон».

своих руках всю Европу»<sup>914</sup>, — заявил один из высокопоставленных французских политиков. И был абсолютно прав.

Что же касается западных демократий, то правительства Великобритании и Франции ограничились лишь формальными протестами против нарушения Германией Мюнхенского соглашения. 15 марта глава Форин Оффис Галифакс с облегчением признавался французскому послу, что наконец «естественным способом» покончено с обязательством предоставлять Чехо-Словакии гарантии, что было для Англии и Франции «несколько тягостным»<sup>915</sup>. Правда, по сведениям польских дипломатов, «члены англо-польского правительства были полностью шокированы чешскими событиями»<sup>916</sup>.

15 марта Чемберлен был вынужден заявить в палате общин: «Оккупация Богемии германскими вооруженными силами началась сегодня в шесть часов утра. Чешский народ получил от своего правительства приказ не оказывать сопротивления». Затем британский премьер сказал, что гарантия, данная им Чехословакии, по его мнению, уже недействительна\*... «Таково, — продолжал премьер-министр, — было положение до вчерашнего дня. Однако оно изменилось, поскольку словацкий парламент объявил Словакию самостоятельной. Эта декларация кладет конец внутреннему распаду государства, границы которого мы намеревались гарантировать, и правительство Его Величества не может поэтому считать себя связанным этим обязательством... Естественно, — сказал в заключение Чемберлен, — что я горько сожалею о случившемся. Однако мы не допустим, чтобы это заставило нас свернуть с нашего пути. Будем помнить, что чаяния народов всего мира по-прежнему сосредоточены в надежде на мир»<sup>917</sup>.

Однако 17 марта характер выступления Чемберлена серьезно изменился. В этот день, накануне семидесятилетия, британский премьер должен был выступать с речью в своем родном городе Бирмингеме. Он подготовил проект речи, посвященной внутреннему положению, в которой делал особый акцент на социальном обеспечении. Но в поезде по пути в Бирмингем Чемберлен решил отказаться от первого варианта своей речи и тут же набросал тезисы совершенно отличного от него варианта. Перед всей Британией и почти перед всем миром, так как речь передавалась по радио, Чемберлен извинился за «очень сдержанное и осторожное... несколько прохладное и объективное заявление», которое он счел себя обязанным сделать двумя днями ранее в палате общин. «Я надеюсь сегодня вечером внести поправки в это заявление», — сказал он. Премьер-министр Великобритании наконец понял, что Адольф Гитлер его обманул.

---

\* Пятью месяцами раньше, отмечал Черчилль в своих мемуарах, после Мюнхена, министр по делам доминионов сэр Томас Инскип сказал об этой гарантии: «Правительство Его Величества считает себя морально обязанным в отношении Чехословакии сохранять эту гарантию. Поэтому, в случае акта неспровоцированной агрессии против Чехословакии, правительство Его Величества будет, бесспорно, обязано принять все имеющиеся в его распоряжении меры для охраны целостности Чехословакии».

«Его тон, — пишет биограф Чемберлена, — был совсем иным... Располагая более полными сведениями и получив энергичные представления насчет мнения палаты, общественности и доминионов, он отложил в сторону давно написанную речь по внутренним вопросам и социальному обслуживанию и взял быка за рога». Премьер упрекнул Гитлера за грубое личное нарушение обязательств Мюнхенского соглашения. Он процитировал все данные Гитлером заверения: «Это мое последнее территориальное притязание в Европе»; «Я больше не заинтересован в Чешском государстве и могу гарантировать это. Нам не нужно больше чехов». «Я убежден, — сказал Чемберлен, — что после Мюнхена значительное большинство английского народа разделяло мое искреннее желание проводить ту же политику и дальше. Однако сегодня я разделяю его разочарование, его негодование в связи с тем, что эти надежды так произвольно рассеяны. Как можно примирить события этой недели с заверениями, которые я вам прочитал? Кто может не сочувствовать гордому мужественному народу, который так внезапно стал жертвой вторжения, свобода которого урезана и национальная независимость утрачена? ...Нам теперь говорится, что этот захват территории был продиктован беспорядками в Чехословакии... Если и были беспорядки, то разве они не были инспирированы извне? Последнее ли это нападение на малое государство или же за ним последует новое? Не является ли это фактически шагом в направлении попытки добиться мирового господства силой?»<sup>918</sup>.

В этот раз Чемберлен оказался абсолютно прав. Но было уже поздно. Германия заняла доминирующее положение в Европе и была готова в любой момент развязать новую мировую войну, имея прекрасные геополитические стартовые возможности. В Берлине после разрушения Чехо-Словакии не могли не испытывать торжества и удовлетворения. Германским военным удалось захватить огромное количество вооружения, причем они были поражены громадным количеством военных материалов, которые пополнили вооруженные силы рейха при захвате Чехии и Моравии. Одних только пулеметов было получено 40 тысяч\*. «Немцы заявляют, что чехословацкая армия была в 5 раз лучше оснащена по сравнению с германской армией» — писала британская пресса<sup>919</sup>.

Ликвидация Чехо-Словакии существенно улучшила стратегическое положение Германии. Гитлеру теперь было не нужно контролировать чехо-словацкую границу, и он получил на случай войны дополнитель-

---

\* Следует отметить, что чешские и словацкие антифашисты по мере сил старались, чтобы хоть часть вооружения не попала в арсеналы Третьего рейха. Газета «Дейли экспресс» 21 марта 1939 года сообщала, что, вопреки приказу президента Гахи о сдаче всего военного материала и оружия в распоряжение командования германских войск, около тысячи чехословацких самолетов еще накануне германской оккупации вылетели со своих аэродромов и совершили посадку на польской, румынской, югославской и советской территориях. Офицеры германского штаба ВВС установили, что на пражском аэродроме после отлета этих чехословацких самолетов бетонные стены бензохранилищ были пробиты и все содержавшееся в них горючее вытекло. К тому же исчезли секретные данные о составе особо прочного бетона, формулы стальных сплавов, чертежи новой автоматической винтовки с завода «Шкода».

ные свободные дивизии и прекрасную базу для авиации, радиус действия которой распространился отныне на большую часть Балкан, не говоря уже о Венгрии и Польше. Третьему рейху удалось захватить и значительную часть золотого и валютного запаса чешского эмиссионного банка. Полученная таким образом сумма (50 млн долларов) являлась весьма ценной поддержкой для страны, которая была почти полностью лишена средств для международных платежей и испытывала значительные экономические трудности.

Захват Чехо-Словакии значительно улучшал и продовольственное снабжение Германии и давал ей большой резерв рабочей силы (до 3 млн рабочих), который потребовался бы Гитлеру в случае всеобщей мобилизации. Немаловажным последствием ликвидации Чехо-Словакии наряду с ростом материальных сил Германии был также дальнейший подъем национализма в рейхе. Всего лишь за один год — с марта 1938 года по март 1939 года — Гитлер исключительно дипломатическими, мирными методами (надо учесть, что дипломатия Третьего рейха в основном заключалась в демагогии, пустых обещаниях, шантаже и запугивании силой) присоединил к Германии 20 миллионов человек.

Захват Чехии означал конец истории Версальской Европы и неминуемое начало катастрофы, которую теперь остановить не представлялось возможным. Если раньше захваты Германии можно было оправдать реализацией принципа права наций на самоопределение — того самого принципа, на котором покоился европейский порядок, — то уничтожение суверенного славянского государства германским рейхом однозначно показало истинные намерения Гитлера.

Дальнейшие события, развивавшиеся с калейдоскопической быстротой, со всей ясностью показали, куда направляет Европу разрушительная воля нацистского фюрера. Уже 20 марта в Берлине Гитлер ждал, как совсем недавно Тису и Гаху, министра иностранных дел Литвы Урбиса.

И действительно, 22 марта 1939 года под угрозой прямого насилия Литва подписала с Германией соглашение о передаче ей Клайпеды (Мемеля) с прилегающей территорией. Гитлер с цинизмом бескровного победителя назвал схожую с чехословацкой операцией по присоединению Клайпеды «гахаизацией Литвы»<sup>\*</sup>.

Еще 21 марта Вайцзер уведомил литовское правительство, что во избежание пустой траты времени его полномочные представители должны прилететь в Берлин завтра специальным самолетом, чтобы подписать документ о передаче района Мемеля Германии. Литовцы прибыли в Берлин к вечеру 22 марта, но, несмотря на давление, оказанное на них с немецкой стороны Риббентропом, которого подстегивал

---

<sup>\*</sup> Поскольку военно-морской флот не имел возможности отличиться и снискать славу при захвате сухопутной Австрии и Судетской области, Гитлер предусматривал взять Мемель с моря. В ноябре 1938 года планы были разработаны и получили кодовое название «Транспортные учения “Штеттин”». Гитлеру и адмиралу Редеру так хотелось провести демонстрацию военно-морской мощи, что 22 марта, через неделю после триумфального въезда фюрера в Прагу, они отправились в плавание на карманном линкоре «Дойчланд» из Свиномюнде в Мемель, и у беззащитной Литвы после получения германского ультиматума времени на размышление не оставалось.

Гитлер, страдавший от морской болезни, сдались не сразу. Но в конце концов в 1.30 ночи Риббентроп передал фюреру по радио, что литовцы документ подписали.

В 14 часов 30 минут 23 марта 1939 года Гитлер с триумфом вошел в очередной завоеванный город — Мемель и выступил в «Штадттеатре» с речью перед неистовствовавшей толпой «освобожденных» немцев. Так был перечеркнут еще один пункт Версальского договора. Свершилось еще одно бескровное завоевание. Оккупировав Мемель и Клайпедский край, Третий рейх навязали Литве соответствующий «договор». Правительства Англии и Франции не воспрепятствовали этому новому акту германской агрессии, хотя под Клайпедской конвенцией стояли их подписи: в 1924 году представители Франции, Англии, Италии и Японии подписали в Париже конвенцию, согласно которой Клайпедский край признавался составной частью Литвы. Это было последнее завоевание подобного рода\*.

23 марта 1939 года был заключен германо-румынский договор «Об укреплении экономических связей», по которому Румыния, по существу, превращалась в аграрно-сырьевой придаток военной экономики Германии. В эти же дни закончилась гражданская война в Испании — войска националистов во главе с Франко вошли в Мадрид. Испанская республика была потоплена в крови. Через два месяца, 22 мая 1939 года, был заключен «Стальной пакт» — военный союз между Германией и Италией, успевшей к этому времени захватить Албанию. Германия была готова к войне. Эра дипломатических триумфов фюрера закончилась. Вопрос о возвращении Германии польского Данцига уже не обсуждался на международной конференции. Новый «Мюнхен» не входил в планы германского диктатора. Да и свобода маневра у фюрера была крайне ограничена. Даже Чемберлен потерял веру в «добрые» намерения Адольфа Гитлера.

Версальская система, созданная в 1919 году усилиями Великобритании и Франции, вступила в эпоху агонии и краха. Силы, пытавшиеся сохранить или модернизировать межвоенный порядок, были вынуждены уступить под натиском агрессивных действий фашистских диктаторов. Фактически вопрос о новой мировой войне был решен уже весной 1939 года: в течение последнего мирного лета выкристаллизовывалась лишь окончательная расстановка сил перед началом самой грандиозной схватки в истории.

3 апреля 1939 года была окончательно разработана «Операция Вайс»: не позднее 1 сентября 1939 года Германия должна была напасть на Польшу<sup>90</sup>. И действительно, 1 сентября 1939 года армии вермахта перешли границу и вторглись в Польшу. Началась Вторая мировая война.

---

\* После захвата Клайпеды Гитлер заявил своему камердинеру: «Да, Линге! Вы живете в великую эпоху. Такие мелочи мы делаем теперь между прочим. Вы слышали басню о слоне и мыши, в которой слон мимоходом раздавливает крошечную мышь? Таков закон природы: сильный проглатывает слабого». Уже через шесть лет Гитлер и его рейх сами выступили в роли «мыши».

## Заключение

Приход Гитлера к власти в Германии в январе 1933 года обозначил одну из величайших катастроф мировой истории. Но, с его, Адольфа Гитлера, точки зрения, карточный домик, олицетворявший европейский порядок, рассыпался тихо и мирно, по крайней мере безо всякой катастрофы. Обладая инстинктами изгоя и безошибочным взглядом, высскивающим психологические слабости, он ставил своих противников во все более и более невыгодные ситуации, пока они, полностью деморализованные, не признавали его верховенства. В международном плане он умело и безжалостно эксплуатировал больную совесть демократических стран в связи с Версальским договором. Все его величайшие внешнеполитические триумфы приходятся на первые пять лет правления, 1933–1939 годы, и имели в своей основе предположения жертв, будто его целью было привести Версальскую Европу в соответствие с провозглашенными ею же принципами.

15 марта 1939 года войска вермахта вошли в Прагу. Захват столицы Чехословакии уже не менял ни соотношения сил, ни предсказуемого течения событий, но в рамках принципов Версаля оккупация Чехословакии представляла собой водораздел, поскольку окончательно продемонстрировала, что Гитлер стремился к господству в Европе, а не к отстаиванию принципов самоопределения и равноправия. Пришел конец иллюзиям западных умиротворителей. Последние остатки Версальских договоров были уничтожены.

Кризисные моменты были изначально заложены в послевоенной модели международных отношений. Появление же в 1933 году на авансцене европейской политики нацистской Германии, безусловно, стимулировало весь комплекс межгосударственных противоречий, что повлекло за собой снижение стабильности Версальской системы. Непосредственно же фаза кризиса европейского порядка началась с середины 1930-х годов, когда Германия и Италия открыто взяли курс на ликвидацию мирных договоров 1919 года. Характер реакции великих держав на системоразрушающие действия этих государств обусловил суть и динамику кризиса Версальской системы и дипломатической борьбы в Европе накануне Второй мировой войны.

Следует выделить четыре рубежных события, в результате которых война в Европе стала неизбежной. Традиционно за начало этого процесса берут вторжение итальянской армии в Эфиопию в 1935 году. Действительно, оно сыграло значительную роль в нарастании кризисных тенденций Версальской системы. И все же за исходную точку отсчета кризиса следует, на наш взгляд, принять ремилитаризацию Рейнской области 7 марта 1936 года. Фактически Германия впервые после окончания Первой мировой войны откровенно нарушила границы, закрепленные в Версале, что явилось серьезным ударом по существо-



вашему статус-кво на континенте. События марта 1936 года показали, что Берлин встал на путь насильственного изменения европейского порядка.

Следующим катализатором для развития кризиса явилась начавшаяся в июле 1936 года гражданская война в Испании. Под давлением Лондона Париж был вынужден проводить невыгодную для себя политику невмешательства в испанский конфликт. В итоге англо-французская линия нанесла серьезный удар по позициям Франции и уничтожила возможность создания эффективной системы коллективной безопасности в Европе. В то же время фашистские державы извлекли максимум возможного из событий на Пиренейском полуострове. Они получили необходимые ресурсы, опробовали новую военную технику, наконец, итало-германская интервенция в гражданскую войну в Испании сыграла решающую роль в формировании блока фашистских держав.

К 1938 году Гитлер почувствовал себя достаточно сильным, чтобы пересечь национальные границы, установленные Версалем. Третьей вехой в развитии кризиса Версальской системы явился аншлюс Австрии в марте 1938 года. Роль этого события также чрезвычайно велика. С одной стороны, аншлюс закрепил переход англо-французской политики на рельсы умиротворения — стратегии, которая вела к разрушению Версальской системы. С другой — австрийские события устранили последние противоречия между фашистской Италией и нацистской Германией и окончательно укрепили их в мысли о целесообразности добиваться своих целей силовым путем.

Результатом такой политики стало кардинальное изменение баланса сил на континенте. Заключение Мюнхенского соглашения в сентябре 1938 года стало последней вехой в развитии кризиса Версальской системы, обозначив одновременно начало фазы распада данной модели международных отношений. Великобритания и Франция предпочли уступить Центральную Европу Германии ради иллюзорного шанса на сохранение мира на континенте. В результате стратегические и политические позиции западных демократий оказались серьезно ослаблены. Была ликвидирована англо-французская гегемония в Европе; уничтожена система военных союзов Франции, заключенных в разное время с малыми странами Европы. Франко-советский пакт о взаимопомощи был полностью обесценен. Была окончательно дискредитирована Лига Наций. Нацистская Германия получила наилучшие возможности для дальнейшей экспансии, в том числе и для агрессии против Великобритании и Франции.

На протяжении всего пяти лет в Европе произошло сразу несколько серьезнейших кризисов, спровоцированных в той или иной мере агрессивными державами. Ни на один из них страны-столпы Версальской Европы — Великобритания и Франция — не смогли найти адекватного ответа. Более того, с каждым витком кризиса их позиции только ухудшались и, как следствие, возрастала сила держав «оси» — Германии и Италии. Версальская система трещала по швам, пока наконец в начале 1939 года фаза кризиса окончательно не перешла в фазу распада и краха

межвоенной модели международных отношений. Фактически война в Европе уже была предрешена.

В целом во второй половине 1930-х годов в Европе существовало три глобальных линии политического развития. Одна линия была направлена на слом европейского порядка. Нацистская Германия и фашистская Италия не желали мириться с существовавшим статус-кво и намеревались осуществить его коренное переустройство — уничтожить Версальскую Европу. Две другие линии должны были стать ответом на вызов фашистских государств. Великим державам, стремившимся сохранить свои позиции на Европейском континенте, следовало сделать выбор между политикой коллективной безопасности, более рискованной, но (в случае успеха) и более эффективной, и политикой умиротворения, менее рискованной, но, как показала история, совершенно неэффективной.

21 февраля 1945 года агонизирующий фюрер объяснял Мартину Борману, где и когда он допустил роковую ошибку: «Мы должны были атаковать в 1938 году. Это был последний шанс, когда мы могли локализовать войну». По мнению Гитлера, Англия и Франция остались бы пассивными в течение быстрой и короткой войны против Чехословакии: «Мы могли бы выиграть время, необходимое нам для консолидации наших позиций, и могли бы отложить мировую войну на несколько лет». Доживавший последние месяцы фюрер во всем обвинял покойного Чемберлена, который якобы обвел его вокруг пальца, купив время для английского перевооружения<sup>921</sup>.

Однако на самом деле именно Гитлер сумел обмануть лидеров западных стран. В течение 1933–1939 годов западные демократии проводили свою политическую линию, не поняв самого главного: Гитлер являлся экспансионистом в чистом виде, причем вооруженный расовой доктриной, а Муссолини представлял собой империалиста, мечтавшего о завоеваниях в масштабах величия Римской империи. Фатальное непонимание сути диктаторских режимов со стороны Великобритании и Франции не позволило найти выход из кризиса международной системы и привело к ее распаду и последовавшей за ним самой разрушительной войны в истории человечества.

Фюрер стремился уничтожить Версальскую Европу, рожденную на национальном унижении Германии, и создать на ее месте новый порядок — порядок во главе с «тысячелетним» германским рейхом. Германскому диктатору удалось выйти победителем из дипломатической борьбы в Европе накануне Второй мировой войны. Но не более. Ввергнув Европу в ужасающую войну, Гитлер не только не достиг своих целей и был повержен, но и обрек Старый Свет на потерю лидирующих позиций в международной политике — позиций, которые Европа занимала более тысячи лет.

## Примечания

<sup>1</sup> См.: Ширер. Взлет и падение третьего рейха. М., 1991. Т. 2. С. 125–126.

<sup>2</sup> См. напр.: Овсянный И.Д. Тайна, в которой война рождалась (Как империалисты подготовили и развязали вторую мировую войну). М., 1975; Сиполс В.Я. Дипломатическая борьба накануне второй мировой войны. М., 1988; Европа между миром и войной. М., 1992; Стегарь С.А. Дипломатия Франции перед второй мировой войной. М., 1980; Трухановский В.Г. Внешняя политика Англии на первом этапе общего кризиса капитализма 1918–1939. М., 1962; Gatzke H. European Diplomacy between Two Wars, 1919–1939. Chicago, 1972; Gilbert M. Roots of Appeasement. New York, 1966; Henig R. The Origins of the Second World War 1933–1939. L.-N.Y., 1985; Kitchen M. Europe between the Wars. New York, 1988; The Origins of the Second World War Reconsidered: A.J.P. Taylor and the Historians. London, New York, 1999 и др.

<sup>3</sup> См. напр.: Овинников Р.С. За кулисами политики «невмешательства». М., 1959; Война и революция в Испании. 1936–1939. М., 1968; Аскарате М., Сандоваль Х. 986 дней борьбы. Национально-революционная война испанского народа. М., 1964; Ибаррури Д. Национально-революционная война испанского народа против итало-германских интервентов и фашистских мятежников (1936–1939) // Вопросы истории. 1953. № 11; Прицкер Д.П. Подвиг испанской республики, 1936–1939. М., 1962; Малай В.В. Начало гражданской войны в Испании в 1936 году и проблема невмешательства. По материалам Архива внешней политики РФ // Новая и новейшая история. 2006. № 6; Alpert M. A New International History of the Spanish Civil War. London, 1994 и др.

<sup>4</sup> См. напр.: Поляков В.Г. Англия и мюнхенский сговор (март–сентябрь 1938 г.). М., 1960; Трухановский В.Г. Внешняя политика Англии на первом этапе общего кризиса капитализма (1918–1939). М., 1962; Десятков С.Г. Уайтхолл и мюнхенская политика // Новая и новейшая история. 1979. № 3–5; Волков Ф.Д. Тайны Уайтхолла и Даунинг-стрит. М., 1980; Севостьянов Г.Н. Мюнхен и дипломатия США // Новая и новейшая история. 1987. № 4; Мюнхен — преддверие войны. М., 1988; Иванов А.Г. Великобритания и мюнхенский сговор (в свете архивных документов) // Новая и новейшая история. 1988. № 6; Eubank K. Munich. Norman, 1963; Ripka H. Munich: Before and After. New-York, 1969; Haigh R.H. Defence Policy Between the Wars, 1919–1938, Culminating in the Munich Agreement of September 1938. Manhattan, 1979; Gilbert T. Treachery at Munich. London, 1988; Leibovitz C. Chamberlain-Hitler Deal. Edmonton, 1993; Lacaze Y. France and Munich: a Study of Decision Making in International Affairs. Boulder, 1995; The Munich Crisis, 1938. Prelude to World War II. London, 1999 и др.

<sup>5</sup> В апреле 2003 года Public Record Office был укрупнен и реорганизован в National Archives (далее — PRO).

<sup>6</sup> National Archives at College Park, Maryland. RG59 General Records of the Department of State Decimal File. 1910–1963 (далее — N.A.).

- <sup>7</sup> Архив внешней политики Российской Федерации (далее — АВП РФ).
- <sup>8</sup> Российский государственный архив социально-политической истории (далее — РГАСПИ).
- <sup>9</sup> Documents on British Foreign Policy 1919–1939 (далее — DBFP). Ser. 2 Vol. 17; Ser. 3. Vol. 1, 2, 3, 4, 7. L., 1979; British Documents on Foreign Affairs: Reports and Papers from the Foreign Office Confidential Print (далее — BDFP). Part II. Ser. F. V. 12, 13, 14, 22, 23, 27, 48. L., 1995.
- <sup>10</sup> Documents on German Foreign Policy 1918–1945 (далее — DGFP). Series C. V. 1, 3, 4, 5, 6; Series D. V. 1, 2, 3. L., 1949–56.
- <sup>11</sup> I documenti diplomatici italiani (далее — DDI). 8a serie. Vol. 4–8. Roma, 1993.
- <sup>12</sup> Documents Diplomatiques Français, 1932–1939 (далее — DDF). Serie 2 (1936–1939). Т. 1–3, 8–11. P., 1966; Les archives secretes de la Wilhelmstrasse. Vol. 1. P., 1950 (трофейные германские документы).
- <sup>13</sup> Документы внешней политики СССР. М., 1973. Т. 18–21.
- <sup>14</sup> Foreign Relations of the United States, Diplomatic Papers 1936–1939 (далее — FRUS). Washington, 1953–56.
- <sup>15</sup> Documents on International Affairs. 1936–1939. L., 1937–51.
- <sup>16</sup> Nazi Conspiracy and Aggression. V. 4–6. Washington, 1947.
- <sup>17</sup> League of Nations. Official Journal. 1936–1938.
- <sup>18</sup> Черчилль У. Вторая мировая война. Т. 1. М., 1998.
- <sup>19</sup> Eden A. Facing the Dictators. L., 1962.
- <sup>20</sup> Laval P. The unpublished diary of Pierre Laval. P., 1948.
- <sup>21</sup> Francois-Poncet A. Souvenirs d'une Ambassade a Berlin. P., 1947.
- <sup>22</sup> Риббентроп И. фон. Мемуары нацистского дипломата. Смоленск, 1998.
- <sup>23</sup> Ciano G. Diario. Milano, 1969. V. 1; Ciano G. Ciano' Hidden Diary 1937–1938. N.Y., 1953.
- <sup>24</sup> Schuschnigg K von. Austrian Requiem. N.Y., 1946.
- <sup>25</sup> См.: Табуи Ж. Двадцать лет дипломатической борьбы. М., 2005. С. 54–55.
- <sup>26</sup> См.: Hitler A. My Struggle. L., 1933; Hitler A. Hitler's Secret Book. N.Y., 1962.
- <sup>27</sup> Цит. по: Овсяный И.Д. Указ. соч. С. 67–68.
- <sup>28</sup> Дашичев В.И. Банкротство стратегии германского фашизма. М., 1973. Т. 1. С. 57.
- <sup>29</sup> Там же. С. 51.
- <sup>30</sup> Там же. С. 52–53.
- <sup>31</sup> Табуи Ж. Указ. соч. С. 109–110.
- <sup>32</sup> Там же. С. 55.
- <sup>33</sup> Европа между миром и войной. С. 73.
- <sup>34</sup> См.: Овсяный И.Д. Указ. соч. С. 32–34.
- <sup>35</sup> Там же. С. 35.
- <sup>36</sup> Цит. по: Табуи Ж. Указ. соч. С. 115–116.
- <sup>37</sup> Цит. по: Овсяный И.Д. Указ. соч. С. 37.
- <sup>38</sup> Furnia A. Diplomacy of Appeasement. Washington, 1960. P. 121.
- <sup>39</sup> Горохов В.Н. История международных отношений 1918–1939. М., 2004. С. 189–190.
- <sup>40</sup> См.: Ширер. Указ. соч. Т. 1. С. 321.

- <sup>41</sup> Мировые войны XX века. М., 2002. Т. 3. С. 31.
- <sup>42</sup> Ширер У. Указ. соч. С. 322.
- <sup>43</sup> Kirkpartick I. The Inner Circle. Memoirs. L., 1959. P. 65.
- <sup>44</sup> См.: Дашичев В.И. Указ. соч. С. 192.
- <sup>45</sup> Киссинджер Г. Дипломатия. М., 1997. С. 262–264.
- <sup>46</sup> Цит. по: Johnson P. Modern Times: The World from Twenties to the Eighties. N.Y., 1983. P. 341.
- <sup>47</sup> Ширер У. Указ. соч. С. 319.
- <sup>48</sup> Furnia A. Op. cit. P. 121.
- <sup>49</sup> Ibid. P. 130.
- <sup>50</sup> Henig R. The Origins of the Second World War 1933–1939. L.-N.Y., 1985. P. 24.
- <sup>51</sup> Ibid. P. 196.
- <sup>52</sup> См.: Pons S. Staline e la Guerra inevitabile. 1936–1941. Torino, 1995. P. 4–5.
- <sup>53</sup> Политбюро ЦК РКП(б) — ВКП(б) и Европа. Решения «особой папки». 1923–1939. М., 2001. С. 305–306.
- <sup>54</sup> ДВП СССР. Т. 18. С. 234.
- <sup>55</sup> Survey of International Affairs. 1935. V. I. L., 1936. P. 63.
- <sup>56</sup> АВП РФ. Ф. 05. 1935 г. П. 88. Д. 3. Л. 127.
- <sup>57</sup> Survey of International Affairs. 1935. V. I. P. 64.
- <sup>58</sup> Ibidem.
- <sup>59</sup> FRUS. 1934. V. I. P. 492.
- <sup>60</sup> DBFP. Ser. 2. V. VI. P. 769.
- <sup>61</sup> Ibid. P. 776–778.
- <sup>62</sup> Ibid. P. 811–822.
- <sup>63</sup> DGFP. C. V. III. P. 204.
- <sup>64</sup> Furnia A. Op. cit. P. 121.
- <sup>65</sup> АВП РФ. Ф. 05. 1935 г. П. 88. Д. 3. Л. 25.
- <sup>66</sup> Там же. Л. 32.
- <sup>67</sup> DGFP. Ser. C. V. III. P. 77–78, 206–207.
- <sup>68</sup> АВП РФ. Ф. 059. 1934 г. П. 217. Д. 2204. Л. 139.
- <sup>69</sup> Papers and Memoirs of Jozef Lipski, Ambassador of Poland. Diplomat in Berlin. 1933–1939. N. Y., 1968. P. 133.
- <sup>70</sup> Beck J. Dernier rapport. Politique polonaise. 1926–1939. Neuchatel–Paris, 1951. P. 281–285.
- <sup>71</sup> АВП РФ. Ф. 05. 1935 г. П. 88. Д. 3. Л. 12–16.
- <sup>72</sup> PRO. FO 371/19460.
- <sup>73</sup> АВП РФ. Ф. 05. 1935 г. П. 88. Д. 3. Л. 126.
- <sup>74</sup> Борьба СССР за коллективную безопасность в 1933–1935 годах // Международная жизнь. 1963. № 7. С. 152.
- <sup>75</sup> Внешняя политика СССР. Сборник документов. М., 1945. Т. III. С. 743.
- <sup>76</sup> Малафеев К.А. Луи Барту. Политик и дипломат. М., 1988. С. 139.
- <sup>77</sup> Внешняя политика СССР. Т. III. С. 762.
- <sup>78</sup> L'Humanité. 1935. 8 janvier.
- <sup>79</sup> См.: Белоусова З.С. Французская дипломатия накануне Мюнхена. М., 1964. С. 64.
- <sup>80</sup> Борьба СССР за коллективную безопасность в 1933–1935 годах // Международная жизнь. 1963. № 8. С. 182.

- <sup>81</sup> Там же.
- <sup>82</sup> АВП РФ. Ф. 059. 1935 г. П. 243. Д. 2414. Л. 58.
- <sup>83</sup> Там же. Ф. 05. 1935 г. П. 88. Д. 3. Л. 170–171.
- <sup>84</sup> Survey of International Affairs. 1935. V. I. P. 74.
- <sup>85</sup> Ширер У. Указ. соч. С. 324–325.
- <sup>86</sup> PRO. CAB. 24/237. P. 204–207.
- <sup>87</sup> Шмидт П. Переводчик Гитлера. Смоленск, 2001. С. 12.
- <sup>88</sup> Furnia A. Op. cit. P. 143.
- <sup>89</sup> Шмидт П. Указ. соч. С. 13.
- <sup>90</sup> Правда. 1935. 13 апреля.
- <sup>91</sup> PRO. CAB. 23/81. P. 297–302.
- <sup>92</sup> Шмидт П. Указ. соч. С. 14–19.
- <sup>93</sup> DGFP. C. V. III. P. 1049–1078.
- <sup>94</sup> Survey of International Affairs. 1935. V. I. P. 77.
- <sup>95</sup> PRO. CAB. 23/81. P. 184–185.
- <sup>96</sup> Документы внешней политики СССР. Т. 18. М., 1973. С. 235; Майский И.М. Воспоминания советского дипломата. М., 1971. С. 295–296.
- <sup>97</sup> АВП РФ. Ф. 05. 1935 г. П. 88. Д. 3. Л. 314.
- <sup>98</sup> Там же. Л. 316–317.
- <sup>99</sup> Там же. Л. 317–318.
- <sup>100</sup> Там же. Ф. 059. 1935 г. П. 229. Д. 2303. Л. 187.
- <sup>101</sup> Внешняя политика СССР. М., 1946. Т. IV. С. 26.
- <sup>102</sup> Борьба СССР за коллективную безопасность в 1933–1935 годах // Международная жизнь. 1963. № 10. С. 155.
- <sup>103</sup> Le Temps. 1935. 23 avril.
- <sup>104</sup> Эррио Э. Между двумя войнами. 1914–1936. М., 1958. С. 628–630.
- <sup>105</sup> FRUS. 1935. V. II. P. 235.
- <sup>106</sup> Внешняя политика СССР. Т. VI. С. 33.
- <sup>107</sup> Новые документы из истории Мюнхена. М., 1958. С. 134–135.
- <sup>108</sup> Внешняя политика СССР. Т. VI. С. 36.
- <sup>109</sup> Cot P. Le Procès de la République. N.Y., 1944. V. I. P. 66.
- <sup>110</sup> DGFP. C. V. III. P. 692.
- <sup>111</sup> Furnia A. Op. cit. P. 152.
- <sup>112</sup> См.: Табуи Ж. Указ. соч. С. 172, 189.
- <sup>113</sup> Adamwhaite A. France and the Coming of the Second World War. L., 1977. P. 75.
- <sup>114</sup> Цит. по: Рео дю Э. Франция, Германия и СССР. 1936–1939 годы. // СССР, Франция и эволюция Европы в 30-е годы. М., 2003. С. 219–220.
- <sup>115</sup> Шмидт П. Указ. соч. С. 31–35.
- <sup>116</sup> Уткин А. Унижение России: Брест, Версаль, Мюнхен. М., 2004. С. 567.
- <sup>117</sup> Ширер У. Указ. соч. С. 325–327.
- <sup>118</sup> The Times. 1935. 22 May.
- <sup>119</sup> Documents on International Affairs. L., 1937–1951. 1935. V. I. P. 166.
- <sup>120</sup> Ibidem.
- <sup>121</sup> DGFP. C. V. IV. P. 352–355.
- <sup>122</sup> Шмидт П. Указ. соч. С. 36–41.
- <sup>123</sup> Цит. по: Табуи Ж. Указ. соч. С. 193.
- <sup>124</sup> Проэктор Д.М. Фашизм: путь агрессии и гибели. М., 1989. С. 98.

- <sup>125</sup> Правда. 1935. 20 марта.
- <sup>126</sup> Цит. по: Овсяный И.Д. Указ. соч. С. 117.
- <sup>127</sup> Табуи Ж. Указ. соч. С. 178–179.
- <sup>128</sup> См.: Овсяный И.Д. Указ. соч. С. 118–119.
- <sup>129</sup> PRO. SAV. 24/256. P. 217.
- <sup>130</sup> Цит. по: Овсяный И.Д. Указ. соч. С. 125.
- <sup>131</sup> Никольский А.В. Итало-эфиопская война 1935–1936(41). СПб., 2001. С. 79–80.
- <sup>132</sup> Политбюро ЦК РКП(б)—ВКП(б) и Европа. Решения «особой папки». 1923–1939. С. 331.
- <sup>133</sup> РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 162. Д. 18. Л. 178.
- <sup>134</sup> PRO. SAV. 23/82. P. 337, 340, 345, 355.
- <sup>135</sup> См.: Цветков Г. Политика США в отношении СССР накануне второй мировой войны. Киев, 1973. С. 97.
- <sup>136</sup> Chambre des Députés, Journal Officiel de la République Française. Débats parlementaires. P., 1936–1938. 1936. Т. 1. P. 628.
- <sup>137</sup> См.: Mourin M. Les relations franco-soviétiques 1917–1967. P., 1967. P. 207–208.
- <sup>138</sup> См.: Белоусова З.С. Французская дипломатия накануне Мюнхена. М., 1964. С. 144.
- <sup>139</sup> François-Poncet A. Souvenirs d'une Ambassade à Berlin. P., 1947. P. 250.
- <sup>140</sup> Walters F. A History of the League of Nations. Oxford, 1960. P. 694.
- <sup>141</sup> Горохов В.Н. Указ. соч. С. 219.
- <sup>142</sup> Walters F. Op. cit. P. 695.
- <sup>143</sup> Шмидт П. Указ. соч. С. 45–46.
- <sup>144</sup> Там же. С. 48–50.
- <sup>145</sup> АВП РФ. Ф. 059. Оп. 1. Д. 1583. Л. 37.
- <sup>146</sup> Цит. по: Reau E. du. Edouard Daladier. 1845–1970. P., 1993. P. 200.
- <sup>147</sup> Цит. по: Гельтон Ф. Отношения между Францией и СССР в военной области в 30-х годах // СССР, Франция и эволюция Европы в 30-е годы. С. 99.
- <sup>148</sup> Там же.
- <sup>149</sup> Там же. С. 101–102.
- <sup>150</sup> Reau E. Du. Op. cit. P. 203.
- <sup>151</sup> PRO. FO 371/18850, C6516/55/18.
- <sup>152</sup> DGFP. С. IV. № 415.
- <sup>153</sup> См.: Табуи Ж. Указ. соч. С. 195.
- <sup>154</sup> Там же. С. 199–200.
- <sup>155</sup> Цит. по: Davis R. Anglo-French Relations before the Second World War. L., 2001. P. 133.
- <sup>156</sup> DDF. 2-е ser. Т. 1. P. 37–38, 108.
- <sup>157</sup> DBFP. 2. V. XV. № 484.
- <sup>158</sup> PRO. FO 371/19885, C997/4/18.
- <sup>159</sup> DBFP. 2. V. XV. № 490.
- <sup>160</sup> PRO. SAV. 24/259. P. 56.
- <sup>161</sup> Manchester Guardian. 1936. 11 Feb.
- <sup>162</sup> См.: Davis R. Op. cit. P. 140.
- <sup>163</sup> PRO. FO 371/19885, CID27/4/19.

- <sup>164</sup> DBFP. 2. V. XVI. № 10.
- <sup>165</sup> DDF. 2. T. 1. № 265.
- <sup>166</sup> DDB. V. IV. № 11.
- <sup>167</sup> DDF. 2. T. 1. № 156.
- <sup>168</sup> Ibid. № 170.
- <sup>169</sup> Ibid. № 241.
- <sup>170</sup> Eden A. Facing the Dictators. L., 1962. P. 347.
- <sup>171</sup> DDF. 1. T. 12. № 213.
- <sup>172</sup> Eden A. Op. cit. P. 316.
- <sup>173</sup> DBFP. 2. V. XV. № 517.
- <sup>174</sup> DDF. 2. T. 1. № 184.
- <sup>175</sup> PRO. FO 371/19883, C291/4/18.
- <sup>176</sup> Daily Mirror. 1936. 29 Feb.
- <sup>177</sup> Observer. 1936. 1 March.
- <sup>178</sup> L'Echo de Paris. 1936. 6 mars.
- <sup>179</sup> См.: *Неизвестный Гитлер*. М., 2006. С. 41.
- <sup>180</sup> Цит. по: Табуи Ж. Указ. соч. С. 207.
- <sup>181</sup> См.: Davis R. Op. cit. P. 162.
- <sup>182</sup> Джордан В.М. Великобритания, Франция и германская проблема в 1918–1939 гг. М., 1945. С. 284.
- <sup>183</sup> Табуи Ж. Указ. соч. С. 207.
- <sup>184</sup> FRUS. V. 1. P. 214–216; Табуи Ж. Указ. соч. С. 207–208.
- <sup>185</sup> Ширер У. Указ. соч. С. 332.
- <sup>186</sup> См.: Табуи Ж. Указ. соч. С. 207.
- <sup>187</sup> Киссинджер Г. Указ. соч. С. 270.
- <sup>188</sup> Ширер У. Указ. соч. С. 335.
- <sup>189</sup> Chambre des Députés, Journal Officiel de la Republique Française. Débats parlementaires. 1936. T. 1. P. 685.
- <sup>190</sup> Le Figaro. 1938. 9 mars.
- <sup>191</sup> Цит. по: Davis R. Op. cit. P. 159.
- <sup>192</sup> См.: Киссинджер Г. Указ. соч. С. 272.
- <sup>193</sup> Шмидт П. Указ. соч. С. 48.
- <sup>194</sup> Цит. по: Ширер У. Указ. соч. С. 333.
- <sup>195</sup> FRUS. 1936. V. I. P. 216–217.
- <sup>196</sup> Цит. по: Adamwhaite A. Op. cit. P. 41.
- <sup>197</sup> *Неизвестный Гитлер*. С. 44.
- <sup>198</sup> Цит. по: Овсяный И.Д. Указ. соч. С. 136–137.
- <sup>199</sup> Le Temps. 1936. 10 mars.
- <sup>200</sup> Observer. 1936. 8 March.
- <sup>201</sup> DDF. 2. T. 1. P. 724.
- <sup>202</sup> The Times. 1936. 9 March.
- <sup>203</sup> Parliamentary Debates, House of Commons. Vol. 310. Cols. 1812–1813.
- <sup>204</sup> PRO. CAB. 23/83. P. 288, 292.
- <sup>205</sup> New Statesman. 1936. 14 March.
- <sup>206</sup> DDF. 2. T. 1. № 372.
- <sup>207</sup> Черчилль У. Вторая мировая война. М., 1997. Т. 1. С. 92.
- <sup>208</sup> Feiling K. Life of Neville Chamberlain. L., 1946. P. 279.
- <sup>209</sup> Bonnet G. Vingt ans de vie politique. P., 1969. P. 243.
- <sup>210</sup> Черчилль У. Указ. соч. С. 93.



- <sup>211</sup> Там же.
- <sup>212</sup> DBFP. 2. V. XVI. № 144.
- <sup>213</sup> Furnia A. *Op. cit.* P. 196–197.
- <sup>214</sup> Parliamentary Debates, House of Commons. Vol. 310. Cols. 1435–1439.
- <sup>215</sup> DDF. 2. T. 2. P. 15–16.
- <sup>216</sup> *Ibid.* № 202.
- <sup>217</sup> *Ibid.* P. 159–164.
- <sup>218</sup> *Ibid.* P. 159.
- <sup>219</sup> Цит. по: Davis R. *Op. cit.* P. 181.
- <sup>220</sup> DBFP. 2. V. XVI. № 88.
- <sup>221</sup> BDFA. Part II. Ser. E. V. 22. № 35.
- <sup>222</sup> Цит. по: Large D.C. *Between Two Fires: Europe's Path in the 1930s.* N.Y., 1990. P. 177–178.
- <sup>223</sup> Цит. по: Киссинджер Г. Указ. соч. С. 269.
- <sup>224</sup> PRO, CAB. 23/Cabinet 50(36).
- <sup>225</sup> DDF. 2. T. 2. № 419.
- <sup>226</sup> *Ibid.* P. 15.
- <sup>227</sup> DDB. Vol. III. № 173.
- <sup>228</sup> *Ibid.* № 138.
- <sup>229</sup> DDF. 2. T. 3. № 463, 477.
- <sup>230</sup> DGFP. D. V. 3. P. 341–342.
- <sup>231</sup> Carr R. *The Republic and the Civil War in Spain.* L., 1971. P. 5.
- <sup>232</sup> См. напр.: *Война и революция в Испании. 1936–1939.* М., 1968. С. 11; Carr R. *Op. cit.* P. 5.
- <sup>233</sup> Kitchen M. *Europe between the Wars.* N.Y., 1988. P. 239.
- <sup>234</sup> Цит. по: Сориа Ж. *Война и революция в Испании.* М., 1987. Т. 1. С. 75.
- <sup>235</sup> Eden A. *Op. cit.* P. 398.
- <sup>236</sup> Whealey R. *Foreign Intervention in the Spanish Civil War* // Carr R. *The Republic and the Civil War in Spain.* P. 213.
- <sup>237</sup> *The Economist.* 1936. 8 Aug.
- <sup>238</sup> АВП РФ. Ф. 069. Оп. 21. П. 62. Д. 4. Л. 97.
- <sup>239</sup> *The Times.* 1936. 5 Sep.
- <sup>240</sup> Пожарская С.П. *Гражданская война в Испании в контексте международных отношений в канун второй мировой войны // Европа между миром и войной.* С. 152.
- <sup>241</sup> Цит. по: Табуи Ж. Указ. соч. С. 230–231.
- <sup>242</sup> Taylor T. *Munich: The Price of Peace.* N.Y., 1979. P. 276.
- <sup>243</sup> *Ibid.* P. 277.
- <sup>244</sup> Balfour S., Preston P. *Spain and the Great Powers in the Twentieth Century.* L., N.Y., 1999. P. 102.
- <sup>245</sup> DGFP. D. V. 3. P. 4.
- <sup>246</sup> FRUS. 1936. V. 2. P. 448.
- <sup>247</sup> См.: Albrecht-Carrie R. *Britain and France. Adaptations to a Changing Context of Powers.* N.Y., 1970. P. 233.
- <sup>248</sup> FRUS. 1936. V. 2. P. 448.
- <sup>249</sup> Balfour S., Preston P. *Op. cit.* P. 103.
- <sup>250</sup> Whealey R. *Op. cit.* P. 214.
- <sup>251</sup> Цит. по: Табуи Ж. Указ. соч. С. 233.

- <sup>252</sup> См.: Война и революция в Испании. Т. 1. С. 234–235.
- <sup>253</sup> FRUS. V. 2. P. 452.
- <sup>254</sup> DDF. 2. Т. 3. № 56.
- <sup>255</sup> См.: Сория Ж. Указ. соч. С. 151.
- <sup>256</sup> Цит по: Balfour S., Preston P. Op. cit. P. 105.
- <sup>257</sup> ДВП. Т. 20. С. 613.
- <sup>258</sup> Димитров Г. Дневник (9 март 1933 — 6 февруари 1949). София, 1997.
- C. 114.
- <sup>259</sup> Там же. С. 119.
- <sup>260</sup> FRUS. 1936. V. 2. P. 467.
- <sup>261</sup> Цит. по: Сория Ж. Указ. соч. С. 153.
- <sup>262</sup> FRUS. 1937. V. 1. P. 225.
- <sup>263</sup> Ibid. P. 369.
- <sup>264</sup> Цит. по: Овсяный И.Д. Указ. соч. С. 145.
- <sup>265</sup> См.: Овинников Р.С. За кулисами политики «невмешательства». М., 1959. С. 6.
- <sup>266</sup> См.: Там же. С. 7.
- <sup>267</sup> Там же. С. 10.
- <sup>268</sup> Там же.
- <sup>269</sup> Esch van der P. Prelude to War. Hague, 1951. P. 17.
- <sup>270</sup> Harper T. German Economic Policy in Spain during the Spanish Civil War 1936–1939. L., 1967. P. 45.
- <sup>271</sup> Ibid. P. 53.
- <sup>272</sup> Ibid. P. 60–63.
- <sup>273</sup> Ibid. P. 24.
- <sup>274</sup> The Economist. 1937. 13 Feb. Supplement. P. 41.
- <sup>275</sup> Furnia A. Op. cit. P. 388.
- <sup>276</sup> См. напр.: Times. 1937. 9 March, 19 Oct.; New York Times. 1938. 27 May, 22 June, 12, 21 July; 1939. 17 Feb.
- <sup>277</sup> См. напр.: Майский И.М. Испанские тетради. М., 1962. С. 84.
- <sup>278</sup> League of Nations, Official Journal, Spec. Suppl. № 155 (1936). P. 47–50.
- <sup>279</sup> ДВП СССР. Т. 19. С. 464.
- <sup>280</sup> Там же. С. 486; Правда. 1936. 16 октября.
- <sup>281</sup> Правда. 1936. 24 октября.
- <sup>282</sup> См.: Сория Ж. Указ. соч. С. 160.
- <sup>283</sup> The Times. 1936. 26 Oct.
- <sup>284</sup> Ibid. 1936. 5 Nov.
- <sup>285</sup> Майский И.М. Указ. соч. С. 65.
- <sup>286</sup> FRUS. 1936. V. 2. P. 552.
- <sup>287</sup> League of Nations, Official Journal, Spec. Suppl. № 155 (1936). P. 47–50.
- <sup>288</sup> League of Nations, Official Journal, Jan. 1937. P. 8–13.
- <sup>289</sup> FRUS. 1936. V. 2. P. 578–579; DGFP. D. V. 3. P. 163–165.
- <sup>290</sup> FRUS. 1936. V. 2. P. 579.
- <sup>291</sup> DGFP. D. V. 3. P. 158.
- <sup>292</sup> FRUS. 1936. V. 2. P. 601.
- <sup>293</sup> League of Nations, Official Journal. Jan. 1937. P. 18–19.
- <sup>294</sup> Scott G. The Rise and Fall of the League of Nations. L., 1973. P. 377.
- <sup>295</sup> Manchester Guardian. 1937. 7 Jan.
- <sup>296</sup> Майский И.М. Указ. соч. С. 92; Esch van der P. Op. cit. P. 89.

- <sup>297</sup> Ibid. P. 90.
- <sup>298</sup> Documents on International Affairs 1937. P. 87–89.
- <sup>299</sup> The Economist. 1937. 9 Jan. P. 49.
- <sup>300</sup> Eden A. Op. cit. P. 486.
- <sup>301</sup> Times. 1937. 11 Jan.
- <sup>302</sup> New York Times. 1937. 17 Feb.
- <sup>303</sup> Ciano G. Diario. Milano, 1961. V. 1. P. 134.
- <sup>304</sup> DGFP. D. V. 3. P. 217.
- <sup>305</sup> Майский И.М. Указ. соч. С. 115.
- <sup>306</sup> Times. 1937. 9 March.
- <sup>307</sup> Редер Э. Гросс-адмирал. Воспоминания командующего ВМФ Третьего рейха. 1935–1943. М., 2004. С. 275–276.
- <sup>308</sup> См.: Сория Ж. Указ. соч. С. 100; DDI. 8a ser. V. VI. P. 779, 788, 790.
- <sup>309</sup> Цит. по: Овинников Р.С. Указ. соч. С. 163.
- <sup>310</sup> Documents on International Affairs. 1939–1946. P. 9, 13.
- <sup>311</sup> The Times. 1937. 22 July.
- <sup>312</sup> League of Nations, Official Journal, May–June 1937. P. 317–321.
- <sup>313</sup> Ibid. P. 333–334.
- <sup>314</sup> League of Nations, Official Journal. Dec. 1937. P. 1161–1163.
- <sup>315</sup> Цит. по: Овсяный И.Д. Указ. соч. С. 152.
- <sup>316</sup> Padelford N.J. International Law and Diplomacy in the Spanish Civil Strife. N.Y., 1939. P. 603–611.
- <sup>317</sup> League of Nations, Official Journal, Spec. Suppl. № 169. P. 55–59.
- <sup>318</sup> Ibid. P. 99–100.
- <sup>319</sup> Walters F. Op. cit. P. 728; Scott G. Op. cit. P. 378.
- <sup>320</sup> League of Nations, Official Journal. Spec. Suppl. № 169. P. 108.
- <sup>321</sup> Scott G. Op. cit. P. 378.
- <sup>322</sup> The Times. 1937. 8 Oct.
- <sup>323</sup> The Economist. 1937. 25 Oct.
- <sup>324</sup> The Times. 1937. 5 Nov.
- <sup>325</sup> Майский И.М. Указ. соч. С. 166.
- <sup>326</sup> Цит. по: Ширер У. Указ. соч. С. 486.
- <sup>327</sup> Parliamentary Debates, House of Lords. Vol. 107, col. 698.
- <sup>328</sup> The Times. 1935. 1 Feb.
- <sup>329</sup> Шмидт П. Указ. соч. С. 70–74.
- <sup>330</sup> Цит. по: Уткин А. Указ. соч. С. 563.
- <sup>331</sup> Kirkpatrick I. Op. cit. P. 89–91.
- <sup>332</sup> Цит. по: Adamwhaite A. Op. cit. P. 53–54.
- <sup>333</sup> Weinberg G. The Foreign Policy of Hitler's Germany. Starting World War II. Chigago, 1980. Vol. 2. P. 67.
- <sup>334</sup> DBFP. 2. V. XVIII. P. 120.
- <sup>335</sup> Ibid. P. 188–195.
- <sup>336</sup> PRO. FO 371/20705, C475/1/18.
- <sup>337</sup> DBFP. 2. V. XVIII. P. 221–225.
- <sup>338</sup> BDFA. II. F. 48. Doc. 14.
- <sup>339</sup> BDFA. II. F. 48. Doc. 19.
- <sup>340</sup> PRO. FO 371/20710, C2090/3/18.
- <sup>341</sup> PRO. FO 371/20726, C1273/78/18.
- <sup>342</sup> DBFP. 2. V. XVIII. P. 678.

- <sup>343</sup> BDFA. II. F. 48. Doc. 35.
- <sup>344</sup> Weinberg G. Op. cit. Vol. 2. P. 77.
- <sup>345</sup> PRO. FO 371/20705, C689/1/18.
- <sup>346</sup> Thomas M. Britain, France & Appeasement. Anglo-French Relations in the Popular Front Era. Oxford, N.Y., 1996. P. 180.
- <sup>347</sup> BDFA. II. F. 48. Doc. 35.
- <sup>348</sup> Ibid. F. 23. Doc. 5.
- <sup>349</sup> Черчилль У. Указ. соч. С. 101–102.
- <sup>350</sup> Цит. по: Полтавский М.А. Австрийский народ и аншлюс 1938 г. М., 1971. С. 10.
- <sup>351</sup> Ball M. Post-War German-Austrian Relations. The Anschluss Movement 1918–1936. Stanford, 1937. P. 11–12.
- <sup>352</sup> Цит. по: Полтавский М.А. Указ. соч. С. 25.
- <sup>353</sup> DGFP. C. V. 3. P. 1059.
- <sup>354</sup> Цит. по: Полтавский М.А. Указ. соч. С. 31.
- <sup>355</sup> Ширер У. Указ. соч. С. 336.
- <sup>356</sup> Schuschnigg K von. Austrian Requiem. N.Y., 1946. P. 121–122.
- <sup>357</sup> FDR Library, Hide Park, box 6841, 863.01/261.
- <sup>358</sup> N.A. Messersmith, 863.01/279; 863.01/265.
- <sup>359</sup> Цит. по: Полтавский М.А. Указ. соч. С. 46.
- <sup>360</sup> Red-White-Red-Book, Justice for Austria. Vienna, 1947. P. 60.
- <sup>361</sup> The Times. 1936. 13 July.
- <sup>362</sup> Ibidem.
- <sup>363</sup> Parliamentary Debates, House of Commons. Vol. 315, col. 1184.
- <sup>364</sup> The Times. 1936. 13 July.
- <sup>365</sup> Цит. по: Молчанов Н. Генерал де Голль. М., 1988. С. 111.
- <sup>366</sup> Цит. по: Полтавский М.А. Указ. соч. С. 46.
- <sup>367</sup> См.: Овсяный И.Д. Указ. соч. С. 178–179.
- <sup>368</sup> См.: Ambassador Dodd's Diary 1933–1938. N.Y., 1941; DDF. 2. Т. 8. P. 59–60.
- <sup>369</sup> Дашичев В.И. Указ. соч. Т. 1. С. 201–208.
- <sup>370</sup> См.: Полтавский М.А. Указ. соч. С. 46–47.
- <sup>371</sup> См.: Henderson N. Failure of a Mission, Berlin 1937–1939. N.Y., 1940.
- <sup>372</sup> BDFA. II. V. 48. Doc. 138.
- <sup>373</sup> См.: Полтавский М.А. Указ. соч. С. 47–48.
- <sup>374</sup> Gedye G. Fallen Bastions. L., 1939. P. 217.
- <sup>375</sup> См.: Шмидт П. Указ. соч. С. 98.
- <sup>376</sup> См.: Уткин А. Указ. соч. С. 578.
- <sup>377</sup> Шмидт П. Указ. соч. С. 98–99.
- <sup>378</sup> DGFP. D. V. 1. P. 55–67.
- <sup>379</sup> Шмидт П. Указ. соч. С. 100–101.
- <sup>380</sup> Там же. С. 101.
- <sup>381</sup> PRO. CAB. 23/90. P. 168.
- <sup>382</sup> DDF. 2. Т. 7. P. 473.
- <sup>383</sup> Feiling K. Op. cit. P. 333.
- <sup>384</sup> DGFP. D. V. 1. P. 74.
- <sup>385</sup> DDF. 2. Т. 7. P. 520–524.
- <sup>386</sup> Ibid. P. 526–530.
- <sup>387</sup> PRO. CAB. 27/626. P. 256–257.

- <sup>388</sup> Цит. по: Adamwhaite A. Op. cit. P. 69.
- <sup>389</sup> PRO. CAB. 23/90. P. 219, 223.
- <sup>390</sup> PRO. CAB. 27/623. P. 41.
- <sup>391</sup> FRUS. 1937. V. I. P. 89–91.
- <sup>392</sup> N.A. 740.00/239, Amb. Bullit to Sec. Hull, Dec. 4, 1937.
- <sup>393</sup> Parliamentary Debates, House of Commons. Vol. 107, col. 692, 168.
- <sup>394</sup> DGFP. D. V. 1. P. 149–151.
- <sup>395</sup> DDF. 2. Т. 8. P. 774.
- <sup>396</sup> Папен Ф. фон. Вице-канцлер Третьего рейха. Воспоминания политического деятеля гитлеровской Германии. 1933–1947. М., 2005. С. 395.
- <sup>397</sup> Там же. С. 395.
- <sup>398</sup> DGFP. D. V. 1. P. 72.
- <sup>399</sup> ДВП. Т. 20. С. 632–633.
- <sup>400</sup> Там же. С. 671.
- <sup>401</sup> Политбюро ЦК РКП(б)—ВКП(б) и Европа. Решения «особой папки». 1923–1939. С. 355–356.
- <sup>402</sup> Димитров Г. Указ. соч. С. 11.
- <sup>403</sup> Les archives secrètes de la Wilhalmstrasse. P., 1950. Т. 1. P. 49.
- <sup>404</sup> Ibid. P. 69.
- <sup>405</sup> FRUS. 1937. V. 1. P. 189.
- <sup>406</sup> Les archives secrètes de la Wilhalmstrasse. Т. 1. P. 78, 106.
- <sup>407</sup> Дашичев В.И. Указ. соч. Т. 1. С. 208–209.
- <sup>408</sup> N.A. 863.00/1367, Carr, Prague, to State Dep., Dec. 29, 1937.
- <sup>409</sup> Gedye G. Betrayal in Central Europe. N.Y., 1939. P. 205.
- <sup>410</sup> DGFP. D. V. 1. P. 385.
- <sup>411</sup> Nazi Conspiracy and Aggression. Washington, 1947. Vol. V. P. 707–708.
- <sup>412</sup> DGFP. D. V. 1. P. 494.
- <sup>413</sup> DDF. 2. Т. 8. P. 269.
- <sup>414</sup> DGFP. D. V. 1. P. 508–509.
- <sup>415</sup> DDF. 2. Т. 8. P. 269.
- <sup>416</sup> Nazi Conspiracy and Aggression. Vol. V. P. 709.
- <sup>417</sup> Папен Ф. фон. Указ. соч. С. 398–401.
- <sup>418</sup> Nazi Conspiracy and Aggression. Vol. V. P. 709–710.
- <sup>419</sup> Папен Ф. фон. Указ. соч. С. 405–406.
- <sup>420</sup> Ширер У. Указ. соч. С. 363.
- <sup>421</sup> Schuschnigg K. von. Op. cit. P. 14–17.
- <sup>422</sup> Папен Ф. фон. Указ. соч. С. 407.
- <sup>423</sup> Кейтель В. Мемуары фельдмаршала. Победы и поражение вермахта. 1938–1945. М., 2004.
- <sup>424</sup> См.: Schuschnigg K. von. Op. cit. P. 21–24; Папен Ф. фон. Указ. соч. С. 406–412; Неизвестный Гитлер. С. 53–54.
- <sup>425</sup> Schuschnigg K. von. Op. cit. P. 28.
- <sup>426</sup> Ibid. P. 29.
- <sup>427</sup> Цит. по: Полтавский М.А. Указ. соч. С. 39.
- <sup>428</sup> Нольте Э. Фашизм в его эпохе. Новосибирск, 2001. С. 361.
- <sup>429</sup> DDF. 2. Т. 8. P. 334.
- <sup>430</sup> Ibid. P. 337.
- <sup>431</sup> Цит. по: Полтавский М.А. Указ. соч. С. 52.
- <sup>432</sup> DGFP. D. V. 1. P. 523.

- 433 DDF. 2. T. 8. P. 399.
- 434 Ibid. P. 401.
- 435 Ibid. P. 408.
- 436 Ibid. P. 386.
- 437 Hitler A. *My New Order*. N.Y., 1941. P. 445.
- 438 Ширер У. Указ. соч. С. 370.
- 439 *Le Temps*. 1938. 22 Feb.
- 440 *The Times*. 1938. 21 Feb.
- 441 DGFP. D. V. 1. P. 213–214.
- 442 Schuschnigg K. von. *Op. cit.* P. 16–17.
- 443 Ciano G. *Ciano's Hidden Diary 1937–1938*. N.Y., 1953. P. 82–84.
- 444 *Chambre des Députés, Journal Officiel de la République Française. Débats parlementaires*, 1938. T. 1. Part II. P. 574–576.
- 445 Ibid. P. 597–598.
- 446 Ibid. P. 643–645.
- 447 Ibid. P. 594–595, 631–632.
- 448 *Nazi Conspiracy and Aggression*. V. IV. P. 103.
- 449 DGFP. D. V. 1. P. 214.
- 450 DDI. 8. V. VIII. P. 193.
- 451 DGFP. D. V. 1. P. 214–215.
- 452 Ibid. P. 545.
- 453 DDF. 2. T. 8. P. 538–539.
- 454 Ibid. P. 517.
- 455 *Parliamentary Debates, House of Commons*. Vol. 332, col. 1247.
- 456 DDF. 2. T. 8. P. 592.
- 457 *Документы и материалы кануна второй мировой войны*. М., 1948. Т. 1. С. 62.
- 458 Там же. С. 70.
- 459 *Observer*. 1938. 6 March.
- 460 Schuschnigg K. von. *Op. cit.* P. 36.
- 461 Ibid. P. 38; Черчилль У. Указ. соч. С. 125.
- 462 DBFP. 3. V. I. P. 8.
- 463 DGFP. D. V. 1. P. 259–260.
- 464 Ibid. P. 272.
- 465 Ibid. P. 263.
- 466 Цит. по: Ширер У. Указ. соч. С. 372–373.
- 467 *Nazi Conspiracy and Aggression*. V. IV. P. 362–363.
- 468 Дашичев В.И. Указ. соч. С. 221–222.
- 469 DBFP. 3. V. I. P. 9; DGFP. D. V. 1. P. 569–570.
- 470 Цит. по: Черчилль У. Указ. соч. С. 125.
- 471 Ciano G. *Ciano's Hidden Diary, 1937–1938*. P. 87; DGFP. D. V. 1. P. 582.
- 472 DBFP. 3. V. I. P. 10–13.
- 473 Ibid. P. 20.
- 474 Дашичев В.И. Указ. соч. С. 222–223.
- 475 Там же. С. 223–224.
- 476 DBFP. 3. V. I. P. 24–25.
- 477 DGFP. D. V. 1. P. 578–579.
- 478 DBFP. 3. V. I. P. 42.

- <sup>479</sup> Дашичев В.И. Указ. соч. С. 223–224.
- <sup>480</sup> DBFP. 3. V. I. P. 23–35.
- <sup>481</sup> См.: Кейтель В. Указ. соч. С. 61–62.
- <sup>482</sup> Nazi Conspiracy and Aggression. V. V. P. 715, 640.
- <sup>483</sup> Папен Ф. фон. Указ. соч. С. 420.
- <sup>484</sup> Черчилль У. Указ. соч. С. 126.
- <sup>485</sup> Гудериан Г. Воспоминания немецкого генерала. Танковые войска Германии во Второй мировой войне. 1939–1945. М., 2005. С. 57–58.
- <sup>486</sup> Там же. Указ. соч. С. 52–53.
- <sup>487</sup> Цит. по: Ширер У. Указ. соч. С. 385.
- <sup>488</sup> DBFP. 3. V. I. P. 27.
- <sup>489</sup> Daily Telegraph. 1938. 15 March.
- <sup>490</sup> DBFP. 3. V. I. P. 32.
- <sup>491</sup> Ibid. P. 32–33.
- <sup>492</sup> Parliamentary Debates. House of Commons. Vol. 333, col. 51; DGFP. D. V. I. P. 601.
- <sup>493</sup> News Chronicle. 1938. 11 March.
- <sup>494</sup> The Times. 1938. 19 March.
- <sup>495</sup> Ibid. 1938. 21 March.
- <sup>496</sup> N.A. 863.00/1440, Wilson (Berlin) to Washington, March 12, P. 428.
- <sup>497</sup> DGFP. D. V. I. P. 581.
- <sup>498</sup> Цит. по: Ширер У. Указ. соч. С. 387.
- <sup>499</sup> Manchester Guardian. 1938. 12 Apr.
- <sup>500</sup> Nazi Conspiracy and Aggression. V. VI. P. 912.
- <sup>501</sup> Walters F. Op. cit. P. 770.
- <sup>502</sup> История внешней политики СССР, 1917–1945. М., 1980. Т. 1. С. 335.
- <sup>503</sup> Известия. 1938. 18 марта; ДВП СССР. Т. 21. С. 129.
- <sup>504</sup> ДВП СССР. Т. 21. С. 128.
- <sup>505</sup> АВП РФ. Ф. 05. Оп. 18. П. 149. Д. 167. Л. 6.
- <sup>506</sup> PRO. CAB. 27/623. P. 139.
- <sup>507</sup> PRO. CAB. 27/623. P. 187–192.
- <sup>508</sup> PRO. CAB. 27/623. P. 168–169, 172.
- <sup>509</sup> DBFP. 3. V. I. P. 83–86.
- <sup>510</sup> Ibid. P. 96–97.
- <sup>511</sup> Ibid. P. 199.
- <sup>512</sup> L'Humanité. 1938. 28 avril.
- <sup>513</sup> Le Temps. 1938. 22 avril.
- <sup>514</sup> FRUS. 1938. V. 1. P. 136–137.
- <sup>515</sup> Ibid. P. 135.
- <sup>516</sup> The Economist. 1938. 23 Apr.
- <sup>517</sup> Le Temps. 1938. 30 avril.
- <sup>518</sup> DBFP. 3. V. I. P. 205–211.
- <sup>519</sup> Подробнее см.: Наумов А.О. Фашистский интернационал. Покорение Европы. М., 2005.
- <sup>520</sup> Цит. по: Полтавский М.А. Дипломатия империализма и малые страны Европы. М., 1973. С. 26.
- <sup>521</sup> DGFP. C. V. I. P. 320–321.
- <sup>522</sup> См.: Полтавский М.А. Указ. соч. С. 27.
- <sup>523</sup> DGFP. C. V. 3. P. 10–12.

- <sup>524</sup> Цит. по: Ширер У. Указ. соч. С. 319.
- <sup>525</sup> Папен Ф. фон. Указ. соч. С. 334.
- <sup>526</sup> Salvatorelli L., Mira G. *Storia d'Italia nel periodo fascista*. Torino, 1962. P. 765.
- <sup>527</sup> Low A. *Anschluss Movement, 1931–1938, and the Great Powers*. N.Y., 1985. P. 243.
- <sup>528</sup> Ширер У. Указ. соч. С. 330.
- <sup>529</sup> DGFP. C. V. 4. № 174.
- <sup>530</sup> *Ibid.* № 195.
- <sup>531</sup> DDI. 8. V. IV. P. 549.
- <sup>532</sup> Михайленко В.И. На пути к формированию фашистской оси Рим–Берлин // *Проблемы итальянской истории* 1982. М., 1983. С. 92.
- <sup>533</sup> Low A. *Op. cit.* P. 261–262.
- <sup>534</sup> *Ciano Diplomatic Papers*. L., 1948. P. 45.
- <sup>535</sup> *Ibid.* P. 8.
- <sup>536</sup> Gulick C. *Austria From Habsburg to Hitler*. Berkeley, 1948. V. II. P. 1723.
- <sup>537</sup> DGFP. C. V. 5. P. 381; *Ciano Diplomatic Papers*. P. 5–6.
- <sup>538</sup> *Ibid.* P. 409; *Ciano Diplomatic Papers*. P. 8–9.
- <sup>539</sup> См. напр.: DDI. 8. V. IV. P. 379.
- <sup>540</sup> DDI. 8. V. IV. P. 299.
- <sup>541</sup> DGFP. C. V. 5. P. 523.
- <sup>542</sup> См.: Wiskemann E. *The Rome–Berlin Axis: a Study of the Relations between Hitler and Mussolini*. L., 1966. P. 48.
- <sup>543</sup> Цит. по: Полтавский М.А. Указ. соч. С. 33.
- <sup>544</sup> *La partecipazione italiana alla Guerra Civile spagnola*. Т. 1. *Documenti e Allegati*. Roma, 1992. P. 78.
- <sup>545</sup> DDI. 8. V. IV. P. 640–641, 651–652.
- <sup>546</sup> *La partecipazione italiana alla Guerra Civile spagnola*. Т. 1. P. 22.
- <sup>547</sup> DDI. Vol. IV. P. 659–660, 663.
- <sup>548</sup> *Ibid.* P. 669–670.
- <sup>549</sup> *Ibid.* P. 675–677.
- <sup>550</sup> Canevari E. *La guerra italiana: Retroscena della disfatta*. Roma, 1948. Vol. 1. P. 462–463.
- <sup>551</sup> *Третий Рейх: Трагедия народов. Стальные мускулы*. М., 1997. С. 147.
- <sup>552</sup> DDI. 8. V. IV. P. 728–729.
- <sup>553</sup> *Ibid.* P. 738–739, 750, 757–758.
- <sup>554</sup> *Ibid.* P. 819.
- <sup>555</sup> *Ibid.* P. 716.
- <sup>556</sup> *Ibid.* P. 735.
- <sup>557</sup> *La partecipazione italiana alla Guerra Civile spagnola*. Т. 1. P. 38–41.
- <sup>558</sup> Кессельринг А. Люфтваффе: триумф и поражение. Воспоминание фельдмаршала Третьего рейха 1933–1947. М., 2004.
- <sup>559</sup> *Третий Рейх: Трагедия народов. Стальные мускулы*. С. 150–151.
- <sup>560</sup> См.: Уткин А. Указ. соч. С. 551.
- <sup>561</sup> См. напр.: Balfour S., Preston P. *Op. cit.* P. 173; *История второй мировой войны 1939–1945*. М., 1974. Т. 2. С. 27.
- <sup>562</sup> *Popolo d'Italia*. 1938. 20 maggio.
- <sup>563</sup> FRUS. 1936. V. 2. P. 481–517.



- <sup>564</sup> DDI. 8. V. V. P. 29.
- <sup>565</sup> Ibid. P. 101; DGFP. C. V. 5. P. 553.
- <sup>566</sup> Bottai G. *Diario 1935–1944*. Milano, 1993. 31/10/1936.
- <sup>567</sup> N.A. 762.65/229, Phillips, Rome, to Secretary of State, Washington.
- <sup>568</sup> *Giornale d'Italia*. 1936. 21 ottobre.
- <sup>569</sup> N.A. 762.65/254, Phillips, Rome, to Secretary of State, Washington.
- <sup>570</sup> Grandi D. *Il mio paese: ricordi autobiografici*. Bologna, 1985. P. 418–419.
- <sup>571</sup> См.: Mallet R. *Mussolini and the Origins of the Second World War, 1933–1940*. N. Y., 2003. P. 97–98.
- <sup>572</sup> N.A. 762.65/239, Phillips, Rome, to Secretary of State, Washington.
- <sup>573</sup> Проэктор Д.М. Указ. соч. С. 100.
- <sup>574</sup> *La partecipazione italiana alla Guerra Civile spagnola*. Т. 1. P. 46–50.
- <sup>575</sup> N.A. 762.65/231, Phillips, Rome, to Secretary of State, Washington.
- <sup>576</sup> DDI. 8. V. V. P. 491.
- <sup>577</sup> BDFA. II. F. V. 48. Doc. 6.
- <sup>578</sup> Ibid. V. 13. Doc. 2.
- <sup>579</sup> DDI. 8. V. VI. P. 60; DGFP. D. V. 1. P. 199.
- <sup>580</sup> Шмидт П. Указ. соч. С. 79–82.
- <sup>581</sup> Weinberg G. *Op. cit.* P. 271.
- <sup>582</sup> Цит. по: Low A. *Op. cit.* P. 267.
- <sup>583</sup> DDI. 8. V. VI. P. 163, 170.
- <sup>584</sup> Ibid. P. 201.
- <sup>585</sup> DGFP. C. V. 6. P. 247.
- <sup>586</sup> DDI. 8. V. VI. P. 500.
- <sup>587</sup> DGFP. C. V. 6. P. 216, 274.
- <sup>588</sup> DDI. 8. V. VI. P. 748.
- <sup>589</sup> Weinberg G. *Op. cit.* P. 280.
- <sup>590</sup> BDFA. II. F. V. 28. Doc. 138.
- <sup>591</sup> Шмидт П. Указ. соч. С. 92.
- <sup>592</sup> См.: Шмидт П. Указ. соч. С. 90–96; Табуи Ж. Указ. соч. С. 252–253; Хибберт К. Указ. соч. С. 110–111.
- <sup>593</sup> DDI. 8. V. VII. P. 460; DGFP. D. V. 1. P. 10.
- <sup>594</sup> DDI. 8. V. VII. P. 468–469.
- <sup>595</sup> DGFP. D. V. 1. P. 12.
- <sup>596</sup> DDF. 2. V. 8. P. 284.
- <sup>597</sup> Дашичев В.И. Указ. соч. Т. 1. С. 123–130.
- <sup>598</sup> Ширер У. Указ. соч. С. 347.
- <sup>599</sup> DDI. 8. V. VII. P. 523.
- <sup>600</sup> Ibid. P. 383.
- <sup>601</sup> См.: Ширер У. Указ. соч. С. 358.
- <sup>602</sup> *Popolo d'Italia*. 1938. 12 febbraio.
- <sup>603</sup> DDI. 8. V. VIII. P. 204.
- <sup>604</sup> Ibid. P. 223.
- <sup>605</sup> Low A. *Op. cit.* P. 468.
- <sup>606</sup> Ciano G. *Diary, 1937–1938*. L., 1952. 1938. Feb. 18.
- <sup>607</sup> Ibid. 1938. Feb. 23; DDI. 8. V. VIII. P. 235.
- <sup>608</sup> Цит. по: Mallet R. *Op. cit.* P. 171.
- <sup>609</sup> DDI. 8. V. VIII. P. 309.

- <sup>610</sup> См.: François-Poncet A. Op. cit. P. 316.
- <sup>611</sup> DGFP. D. V. 1. P. 238.
- <sup>612</sup> Ibid. P. 211.
- <sup>613</sup> FRUS. 1938. V. 1. P. 135; Ciano's Diplomatic Papers. P. 188–191.
- <sup>614</sup> DDI. 8. V. VIII. P. 279.
- <sup>615</sup> Ibid. P. 288.
- <sup>616</sup> Ciano G. Ciano's Hidden Diary, 1937–1938. P. 87.
- <sup>617</sup> Дашичев В.И. Указ. соч. С. 223.
- <sup>618</sup> N.A. 863.00/1556, Wilson, Berlin, to State Deptmt.
- <sup>619</sup> N.A. 863.00/1509, Phillips, Rome, to State Deptmt.
- <sup>620</sup> Low A. Op. cit. P. 411.
- <sup>621</sup> Цит. по: Ibid. P. 414.
- <sup>622</sup> См. напр.: Popolo d'Italia. 1938. 13 maggio.
- <sup>623</sup> DDI. 8. V. VIII. P. 296.
- <sup>624</sup> Santarelli E. Storia del movimento e del regime fascista. Roma, 1967. Vol. 2. P. 318.
- <sup>625</sup> Giornale d'Italia. 1938. 14 maggio.
- <sup>626</sup> См.: Low A. Op. cit. P. 415.
- <sup>627</sup> N.A. 863.00/1509, Phillips to State Deptmt.
- <sup>628</sup> N.A. 863.00/1603, Vienna Embassy to State Deptmt.
- <sup>629</sup> N.A. 863.00/1440, Wilson (Berlin) to Washington.
- <sup>630</sup> N.A. 863.00/1509, March 12, 15, 18, 28.
- <sup>631</sup> Петерсен Й. Германия и Италия в 1939–1945 гг. С. 88 // Вторая мировая война. Под. ред. В. Михалки. М., 1996.
- <sup>632</sup> См. напр.: Mallet R. Op. cit; Felice R. de. Mussolini il duce; lo stato totalitario 1936–1940. Torino, 1981.
- <sup>633</sup> См.: Петерсен Й. Указ. соч. С. 89.
- <sup>634</sup> Wiskemann E. Op. cit. P. 110.
- <sup>635</sup> Ciano's Diplomatic Papers. P. 144.
- <sup>636</sup> Цит. по: Белоусова З., Кремер И. Политика окружения Франции // Международная жизнь. 1960. № 7. С. 115.
- <sup>637</sup> Там же. С. 116.
- <sup>638</sup> Правда. 1937. 23 февраля.
- <sup>639</sup> Цит. по: Белоусова З., Кремер И. Указ. соч. С. 117.
- <sup>640</sup> Manchester Guardian. 1938. 13 July.
- <sup>641</sup> Кессельринг А. Указ. соч. С. 39.
- <sup>642</sup> Шмидт П. Указ. соч. С. 106–107.
- <sup>643</sup> Там же. С. 107–108.
- <sup>644</sup> N.A. 762.65/466, Am. Emb., Rome, May 13. 1938.
- <sup>645</sup> См.: Шмидт П. Указ. соч. С. 108–111.
- <sup>646</sup> N.A. 762.65/457. Am. Emb., Rome, May 20. 1938.
- <sup>647</sup> См.: Шубин А.В. Мир на краю бездны. М., 2004. С. 277–278.
- <sup>648</sup> Ширер У. Указ. соч. С. 395.
- <sup>649</sup> Кретинин С.В. Судетские немцы: народ без родины. 1918–1945. Воронеж, 2000. С. 75.
- <sup>650</sup> L'Écho de Paris. 1938. 12 mars.
- <sup>651</sup> The Economist. 1938. 12 March.
- <sup>652</sup> См.: Овсяный И.Д. Указ. соч. С. 198.
- <sup>653</sup> N.A. 760F.62/131, Wilson to the Sec. of State.

- <sup>654</sup> История внешней политики СССР, 1917–1945. Т. 1. С. 335.
- <sup>655</sup> Новые документы из истории Мюнхена. М., 1958. С. 24.
- <sup>656</sup> История второй мировой войны, 1939–1945. Т. 2. С. 84.
- <sup>657</sup> Thomas M. France and the Czechoslovak Crisis // The Munich Crisis, 1938. Prelude to World War II. L., 1999. P. 122.
- <sup>658</sup> PRO. FO 371/20375, R 5296/32/12.
- <sup>659</sup> PRO. FO 371/20374, R 4487/32/12.
- <sup>660</sup> PRO. FO 371/21125, R 133/133/12.
- <sup>661</sup> Sunday Times. 1938. 20 March.
- <sup>662</sup> N.A. 740.00/298, Bullit, Paris, to State Dept.
- <sup>663</sup> N.A. 760F.62/131, Wilson to the Sec. of State.
- <sup>664</sup> Новые документы из истории Мюнхена. Т. 2. С. 26.
- <sup>665</sup> Калинин М.И. О международном положении. М., 1938. С. 14.
- <sup>666</sup> DBFP. 3. V. 1. P. 218.
- <sup>667</sup> DDF. 2. T. 9. P. 578–580.
- <sup>668</sup> Цит. по: Табуи Ж. Указ. соч. С. 268.
- <sup>669</sup> Ibid. P. 580–581.
- <sup>670</sup> N.A. 760F.62/215 Wilson, Paris, to Sec. of State.
- <sup>671</sup> Weinberg G. Op. cit. P. 335.
- <sup>672</sup> N.A. 760F.62/224 Wilson, Berlin to Sec. of State.
- <sup>673</sup> DBFP. 3. V. 1. P. 231.
- <sup>674</sup> DDF. 2. T. 9. P. 586.
- <sup>675</sup> Ibidem.
- <sup>676</sup> DBFP. 3. V. 1. P. 199–202, 208, 214.
- <sup>677</sup> The Diplomatic Diaries of Oliver Harvey 1937–1940. L., 1970. P. 133.
- <sup>678</sup> The Diaries of sir Alexander Cadogan 1938–1945. L., 1971. P. 73.
- <sup>679</sup> Новые документы из истории Мюнхена. Т. 2. С. 91.
- <sup>680</sup> FRUS. 1938. V. I. P. 615.
- <sup>681</sup> Волков В.К. Балканские аспекты мюнхенской политики. С. 149, 154 // Мюнхен — преддверие войны. Под ред. Волкова В.К. М., 1988.
- <sup>682</sup> Цит. по: Прасолов С.И. Советский Союз и Чехословакия в 1938 г. С. 50 // Мюнхен — преддверие войны.
- <sup>683</sup> N.A. 760F.62/248. Bullit to Sec. of State.
- <sup>684</sup> DBFP. 3. V. I. P. 267, 269.
- <sup>685</sup> Ibid. P. 314–315.
- <sup>686</sup> Документы и материалы по истории советско-чехословацких отношений. М., 1978. Т. 3. С. 421.
- <sup>687</sup> АВП РФ. Ф. 059. Оп. 1. Д. 1907. Л. 26–27.
- <sup>688</sup> FRUS. 1938. V. I. P. 314.
- <sup>689</sup> Ibid. P. 500–504.
- <sup>690</sup> Ibid. P. 494.
- <sup>691</sup> Les archives secrètes de la Wilhelmstrasse. Т. II. P. 127.
- <sup>692</sup> Ibid. P. 142–143.
- <sup>693</sup> Ibid. P. 144.
- <sup>694</sup> DDF. 2. № 172.
- <sup>695</sup> DDB. V. 5. № 10, 11.
- <sup>696</sup> Gamelin General. Op. cit. Т. 2. P. 317.
- <sup>697</sup> PRO. FO 371/21617, C 3783/3474/17.
- <sup>698</sup> Les archives secrètes de la Wilhelmstrasse. Т. II. P. 164.

- <sup>699</sup> Дашичев В.И. Указ. соч. С. 246–247.
- <sup>700</sup> Ширер У. Указ. соч. С. 400.
- <sup>701</sup> Дашичев В.И. Указ. соч. Т. 1. С. 252–255.
- <sup>702</sup> Там же.
- <sup>703</sup> Gannon F. *The British Press and Germany 1936–1939*. Oxford, 1971. P. 165.
- <sup>704</sup> Цит. по: Черчилль. Указ. соч. С. 132.
- <sup>705</sup> Документы по истории Мюнхенского сговора. 1937–1939. М., 1979. С. 107.
- <sup>706</sup> DBFP. 3. V. I. P. 297–299.
- <sup>707</sup> Ibid. P. 329–335.
- <sup>708</sup> Шмидт П. Указ. соч. С. 116–117.
- <sup>709</sup> FRUS. 1938. V. 1. P. 515–516.
- <sup>710</sup> DBFP. 3. V. I. P. 346–347, 357.
- <sup>711</sup> *Sunday Times*. 1938. 29 May.
- <sup>712</sup> *The Diaries of sir Alexander Cadogan 1938–1945*. P. 81.
- <sup>713</sup> См.: Ширер У. Указ. соч. С. 402.
- <sup>714</sup> Дашичев В.И. Указ. соч. Т. 1. С. 256–260.
- <sup>715</sup> См.: Сиполс В.Я. *Дипломатическая борьба накануне Второй мировой войны*. М., 1979. С. 186; Weinberg G. *Op. cit.* P. 371.
- <sup>716</sup> ДВП СССР. Т. 21. С. 296.
- <sup>717</sup> АВП РФ. Ф. 05. Оп. 18. Д. 6. Л. 73.
- <sup>718</sup> *Les archives secrètes de la Wilhelmstrasse*. Т. II. P. 246.
- <sup>719</sup> Ibid. P. 252.
- <sup>720</sup> DGFP. D. V. 2. P. 473.
- <sup>721</sup> *Les archives secrètes de la Wilhelmstrasse*. Т. II. P. 294–295.
- <sup>722</sup> *The Times*. 1938. 20 July.
- <sup>723</sup> *News Chronicle*. 1938. 27 July.
- <sup>724</sup> *The Diplomatic Diaries of Oliver Harvey 1937–1940*. P. 187.
- <sup>725</sup> DBFP. 3. V. I. P. 386–390.
- <sup>726</sup> Ibid. P. 554.
- <sup>727</sup> Ibid. P. 584–589.
- <sup>728</sup> *Parliamentary Debates, House of Commons*. V. 338, col. 2953.
- <sup>729</sup> DBFP. 3. V. II. P. 49.
- <sup>730</sup> Ibid. P. 122.
- <sup>731</sup> DGFP. D. V. 2. P. 605–609.
- <sup>732</sup> Ibid. P. 593.
- <sup>733</sup> *The Diplomatic Diaries of Oliver Harvey 1937–1940*. P. 149.
- <sup>734</sup> ДВП СССР. Т. 21. С. 425.
- <sup>735</sup> Черчилль У. Указ. соч. С. 137.
- <sup>736</sup> PRO. CAB. 23/94. P. 6–29.
- <sup>737</sup> DBFP. 3. V. II. P. 192.
- <sup>738</sup> Новые документы из истории Мюнхена. Т. 2. С. 70.
- <sup>739</sup> Там же. С. 71.
- <sup>740</sup> Там же. С. 70–71.
- <sup>741</sup> ДВП СССР. Т. 21. С. 505.
- <sup>742</sup> Новые документы из истории Мюнхена. Т. 2. С. 71–72.
- <sup>743</sup> ДВП СССР. Т. 21. С. 470–471, 484.
- <sup>744</sup> Там же. С. 471.
- <sup>745</sup> Там же. С. 477.

- <sup>746</sup> DDF. 2. Т. 10. P. 934–935.
- <sup>747</sup> Новые документы из истории Мюнхена. Т. 2. С. 73–74.
- <sup>748</sup> ДВП СССР. Т. 21. С. 487–488.
- <sup>749</sup> Цит. по: Ширер У. Указ. соч. С. 420.
- <sup>750</sup> The Times. 1938. 7 Sep.
- <sup>751</sup> Цит. по: Сиполс В.Я. Указ. соч. С. 192.
- <sup>752</sup> См. напр.: The Diplomatic Diaries of Oliver Harvey 1937–1940. P. 171–172; DBFP, 3, 2, Appendix IV, iv.
- <sup>753</sup> Дашичев В.И. Указ. соч. С. 247–248.
- <sup>754</sup> Цит. по: Ширер У. Указ. соч. С. 420.
- <sup>755</sup> Черчилль У. Указ. соч. С. 139–140.
- <sup>756</sup> The Diplomatic Diaries of Oliver Harvey 1937–1940. P. 176–177.
- <sup>757</sup> DBFP. 3. V. 1. P. 150.
- <sup>758</sup> Цит. по: Шмидт П. Указ. соч. С. 119.
- <sup>759</sup> См.: Кретицин С.В. Указ. соч. С. 166.
- <sup>760</sup> DDF. 2. Т. 11. P. 195.
- <sup>761</sup> Ibid. P. 208.
- <sup>762</sup> Цит. по: Эмери Л. Моя политическая жизнь. М., 1960. С. 510.
- <sup>763</sup> Цит. по: Шмидт П. Указ. соч. С. 119.
- <sup>764</sup> См.: Овсяный И.Д. Указ. соч. С. 204–206.
- <sup>765</sup> PRO. CAB. 23/95. P. 2–10.
- <sup>766</sup> Цит. по: Шубин А.В. Указ. соч. С. 285–286.
- <sup>767</sup> The Times. 1938. 15 Sep.
- <sup>768</sup> Observer. 1938. 18 Sep.
- <sup>769</sup> Daily Telegraph. 1938. 15 Sep.
- <sup>770</sup> Цит. по: Шмидт П. Указ. соч. С. 120.
- <sup>771</sup> DBFP. 3. V. 2. P. 338–351; DGFP. D. V. 2. P. 786–798; Шмидт П. Указ. соч. С. 120–125.
- <sup>772</sup> Цит. по: Ширер У. Указ. соч. С. 423.
- <sup>773</sup> Feiling K. Op. cit. P. 141–142.
- <sup>774</sup> Spectator. 1938. 16 Sep.
- <sup>775</sup> PRO. CAB. 23/95. P. 27–43.
- <sup>776</sup> Viscount Templewood. Nine Troubled Years. L., 1954. P. 304.
- <sup>777</sup> DDF. 2. Т. 11. P. 309–333; DBFP. 3. V. II. P. 389; Новые документы из истории Мюнхена. Т. 2. С. 96; PRO. CAB. 23/95. P. 3–22.
- <sup>778</sup> Ironside E. The Ironside diaries, 1937–1940. L., 1962. P. 64.
- <sup>779</sup> FRUS. 1938. V. 1. P. 626.
- <sup>780</sup> Документы и материалы кануна второй мировой войны. Т. 16. С. 203–204.
- <sup>781</sup> Manchester Guardian. 1938. 20 Sep.
- <sup>782</sup> Цит. по: Овсяный И.Д. Указ. соч. С. 254.
- <sup>783</sup> Новые документы из истории Мюнхена. С. 147–148.
- <sup>784</sup> Там же. С. 99.
- <sup>785</sup> Там же. С. 103.
- <sup>786</sup> См.: Прасолов С.И. Советский Союз и Чехословакия в 1938 г. С. 63 // Мюнхен — преддверие войны. Под ред. Волкова В.К.
- <sup>787</sup> DDF. 2. Т. 8. P. 907.
- <sup>788</sup> См. напр.: Мельтюхов М. Советско-польские войны. М., 2004; История Румынии 1918–1970. М., 1961; Шевяков А.А. Советско-румынские от-

ношения и проблема европейской безопасности, 1932–1939. М., 1977; Волков В.К. Германо-югославские отношения и развал Малой Антанты, 1933–1938. М., 1966.

<sup>789</sup> Новые документы из истории Мюнхена. С. 113–116.

<sup>790</sup> Документы и материалы кануна второй мировой войны. Т. 1. С. 212–213.

<sup>791</sup> Мельтюхов М. Указ. соч. С. 259.

<sup>792</sup> Черчилль У. Указ. соч. С. 143–142.

<sup>793</sup> ДВП СССР. Т. 21. С. 515–516.

<sup>794</sup> АВП РФ. Ф. 011. Оп. 2. Д. 207. Л. 46.

<sup>795</sup> ДВП СССР. Т. 21. С. 498.

<sup>796</sup> Там же. Т. 21. С. 519.

<sup>797</sup> Цит. по: Черчилль У. Указ. соч. С. 144.

<sup>798</sup> PRO. CAB. 27/646. P. 79.

<sup>799</sup> См.: Сиполс В.Я. Указ. соч. С. 163–164.

<sup>800</sup> Черчилль У. Указ. соч. С. 144–145.

<sup>801</sup> См.: Шубин А.В. Указ. соч. С. 287.

<sup>802</sup> Ширер У. Указ. соч. С. 428.

<sup>803</sup> Шмидт П. Указ. соч. С. 128–129.

<sup>804</sup> Там же. С. 130–131.

<sup>805</sup> См. DBFP. 3. V. II. P. 463–273, 499–508; DGFP. D. V. 2. P. 870–879, 898–910; Шмидт П. Указ. соч. С. 127–137; Ширер У. Указ. соч. С. 428–433.

<sup>806</sup> PRO. CAB. 23/95. P. 168.

<sup>807</sup> Цит. по: Черчилль У. Указ. соч. С. 146.

<sup>808</sup> Документы по истории Мюнхенского сговора. 1937–1939. С. 284.

<sup>809</sup> Там же. С. 148.

<sup>810</sup> DBFP. 3. V. II. P. 520–535.

<sup>811</sup> См.: Шубин А.В. Указ. соч. С. 289.

<sup>812</sup> DBFP. 3. V. II. P. 550.

<sup>813</sup> Ibid. P. 550.

<sup>814</sup> Шмидт П. Указ. соч. С. 137–139.

<sup>815</sup> Там же. С. 139; Черчилль У. Указ. соч. С. 147.

<sup>816</sup> Ширер У. Указ. соч. С. 435.

<sup>817</sup> См.: DBFP. 3. V. II. № 144; Шмидт П. Указ. соч. С. 139–141.

<sup>818</sup> Дашичев В.И. Указ. соч. С. 281–282.

<sup>819</sup> Ширер У. Указ. соч. С. 463.

<sup>820</sup> См.: Уткин А. Указ. соч. С. 597.

<sup>821</sup> FRUS. 1938. V. 1. P. 698–699.

<sup>822</sup> Цит. по: Шмидт П. Указ. соч. С. 142.

<sup>823</sup> Цит. по: Ширер У. Указ. соч. С. 439–440.

<sup>824</sup> Там же. С. 440; Feiling K. Op. cit. P. 367.

<sup>825</sup> Цит. по: Черчилль У. Указ. соч. С. 147.

<sup>826</sup> Ширер У. Указ. соч. С. 486.

<sup>827</sup> FRUS. 1938. V. 1. P. 684–685.

<sup>828</sup> Ibid. P. 727–729.

<sup>829</sup> См.: Шмидт П. Указ. соч. С. 144–145.

<sup>830</sup> Цит. по: Черчилль У. Указ. соч. С. 148.

<sup>831</sup> Цит. по: Уткин А. Указ. соч. С. 597–598.

<sup>832</sup> См.: Неизвестный Гитлер. С. 62.

- <sup>833</sup> Шмидт П. Указ. соч. С. 147–150.
- <sup>834</sup> Kirkpatrick I. Mussolini; Study of a Demagogue. L., 1964. P. 163–164.
- <sup>835</sup> Цит. по: Табуи Ж. Указ. соч. С. 291.
- <sup>836</sup> Системная история международных отношений. 1918–2000. Т. 2. М., 2000.
- <sup>837</sup> Цит. по: Шмидт П. Указ. соч. С. 155.
- <sup>838</sup> Цит. по: Ширер У. Указ. соч. С. 453–455.
- <sup>839</sup> Там же. С. 455.
- <sup>840</sup> См.: DBFP. 3. V. II. P. 640; Шмидт П. Указ. соч. С. 151–152.
- <sup>841</sup> Manchester Guardian. 1938. 29 Sep.
- <sup>842</sup> См.: Черчилль. Указ. соч. С. 149; Эмери Л. Указ. соч. С. 532.
- <sup>843</sup> Цит. по: Киссинджер Г. Указ. соч. С. 282.
- <sup>844</sup> См.: Черчилль У. Указ. соч. С. 151–154.
- <sup>845</sup> Правда. 1938. 4 октября.
- <sup>846</sup> Le Matin. 1938. 1 oct.
- <sup>847</sup> Цит. по: Табуи Ж. Указ. соч. С. 289.
- <sup>848</sup> Там же. С. 293.
- <sup>849</sup> Цит. по: Горохов В.Н. Указ. соч. С. 258.
- <sup>850</sup> François-Poncet A. Op. cit. P. 336.
- <sup>851</sup> Гудериан Г. Указ. соч. С. 63.
- <sup>852</sup> Шмидт П. Указ. соч. С. 153–154.
- <sup>853</sup> Цит. по: Черчилль У. Указ. соч. С. 150.
- <sup>854</sup> Черчилль У. Указ. соч. С. 155.
- <sup>855</sup> Караосманоглу Я.К. Дипломат поневоле. М., 1966. С. 114.
- <sup>856</sup> См.: Уткин А. Указ. соч. С. 601.
- <sup>857</sup> См.: Морозов С.В. Польско-чехословацкие отношения. 1933–1939. Что скрывалось за политикой «равноудаленности» министра Ю. Бека. М., 2004. С. 456–457.
- <sup>858</sup> СССР в борьбе за мир накануне второй мировой войны (сентябрь 1938 г. — август 1939 г.). Документы и материалы. М., 1971. С. 60.
- <sup>859</sup> Шмидт П. Указ. соч. С. 158.
- <sup>860</sup> Ширер У. Указ. соч. С. 459.
- <sup>861</sup> Ripka H. Munich: before and after. N.Y., 1969. P. 240.
- <sup>862</sup> Ibid. P. 294–295.
- <sup>863</sup> Гудериан Г. Указ. соч. С. 67.
- <sup>864</sup> The Times. 1939. 8 Feb.
- <sup>865</sup> Ripka H. Op. cit. P. 299.
- <sup>866</sup> Ibid. P. 300.
- <sup>867</sup> Ibid. P. 302.
- <sup>868</sup> Поп И.И. Польско-венгерский альянс в период Мюнхена // Мюнхен — преддверие войны. Под ред. Волкова В.К. М., 1988. С. 182.
- <sup>869</sup> Papers and Memoirs of Jozef Lipski. P. 370, 377, 380–381, 384–385, 397, 403, 405–410.
- <sup>870</sup> Ibid. P. 423–424.
- <sup>871</sup> Черчилль У. Указ. соч. С. 151–152.
- <sup>872</sup> Документы по истории мюнхенского сговора. 1937–1939. С. 331.
- <sup>873</sup> Цит. по: Поп И.И. Указ. соч. С. 184.
- <sup>874</sup> DBFP. 3. V. II. № 97, 141, 206.
- <sup>875</sup> Поп И.И. Указ. соч. С. 187–188.

- <sup>876</sup> Там же. С. 190.
- <sup>877</sup> Документы и материалы по истории советско-польских отношений. Т. VI. М., 1969. С. 372, 373.
- <sup>878</sup> АВП СССР. Ф. 05. Оп. 18. Д. 6. Л. 37.
- <sup>879</sup> Морозов С.В. Указ. соч. С. 465–466.
- <sup>880</sup> Там же. С. 465.
- <sup>881</sup> Official Documents Concerning Polish-German and Polish-Soviet Relations. 1933–1939. L., 1939. P. 53–54.
- <sup>882</sup> Документы и материалы по истории советско-польских отношений. Т. VI. С. 22.
- <sup>883</sup> СССР в борьбе за мир накануне второй мировой войны (сентябрь 1938 г. — август 1939 г.). Документы и материалы. С. 171.
- <sup>884</sup> Известия. 1938. 27 ноября.
- <sup>885</sup> СССР в борьбе за мир накануне второй мировой войны (сентябрь 1938 г. — август 1939 г.). Документы и материалы. С. 199.
- <sup>886</sup> См.: Сиполс В.Я. Указ. соч. С. 218.
- <sup>887</sup> Ripka H. Op. cit. P. 305.
- <sup>888</sup> Шмидт П. Указ. соч. С. 158–159.
- <sup>889</sup> PRO. CAB. 27/627. P. 185.
- <sup>890</sup> Reynaud P. La France a sauvé l'Europe. T. I. P., 1947. P. 575.
- <sup>891</sup> СССР в борьбе за мир накануне второй мировой войны (сентябрь 1938 г. — август 1939 г.). Документы и материалы. С. 208.
- <sup>892</sup> The Secret Diary of Harold L. Ickes. Vol. II. N.Y., 1954. P. 574.
- <sup>893</sup> СССР в борьбе за мир накануне второй мировой войны (сентябрь 1938 г. — август 1939 г.). Документы и материалы. С. 72.
- <sup>894</sup> Documents on International Affairs. 1938. Vol. 2. L., 1943. P. 307–314.
- <sup>895</sup> Цит. по: Овсяный И.Д. Указ. соч. С. 277.
- <sup>896</sup> Правда. 1938. 19 декабря.
- <sup>897</sup> The Diplomatic Diaries of Oliver Harvey 1937–1940. P. 28.
- <sup>898</sup> PRO. CAB. 27/627. P. 177.
- <sup>899</sup> Цит. по: Middlemas K. Diplomacy of Illusion: the British Government and Germany, 1937–1939. Chicago, 1972. P. 427.
- <sup>900</sup> СССР в борьбе за мир накануне второй мировой войны (сентябрь 1938 г. — август 1939 г.). Документы и материалы. С. 164.
- <sup>901</sup> PRO. CAB. 27/627. P. 176, 188.
- <sup>902</sup> Bonnet G. Défense de la paix. Fin d'une Europe. De Munich à la guerre. Genève, 1948. P. 126–127.
- <sup>903</sup> СССР в борьбе за мир накануне второй мировой войны (сентябрь 1938 г. — август 1939 г.). Документы и материалы. С. 233–234; FRUS. 1939. Vol. I. P. 673.
- <sup>904</sup> Дашичев В.И. Указ. соч. С. 291–293.
- <sup>905</sup> См.: Пушкаш А.И. Внешняя политика Венгрии. Февраль 1937 — сентябрь 1939 г. М., 2003. С. 374–375.
- <sup>906</sup> См.: Ширер У. Указ. соч. С. 478.
- <sup>907</sup> См.: Сиполс В.Я. Указ. соч. С. 222.
- <sup>908</sup> The Diplomatic Diaries of Oliver Harvey 1937–1940. P. 261.
- <sup>909</sup> См.: Неизвестный Гитлер. С. 68.
- <sup>910</sup> Цит. по: Ширер У. Указ. соч. С. 482.
- <sup>911</sup> Цит. по: Неизвестный Гитлер. С. 68.



<sup>912</sup> Цит. по: Ширер У. Указ. соч. С. 483.

<sup>913</sup> Там же. С. 485.

<sup>914</sup> Цит. по: Табуи Ж. Указ. соч. С. 302.

<sup>915</sup> Внешняя политика Чехословакии 1918–1939. Сборник статей под ред. В. Сояка. М., 1959.

<sup>916</sup> Архив внешней политики Российской Империи. Ф. 15. Оп. 1. Д. 183. К. 24–27.

<sup>917</sup> Черчилль У. Указ. соч. С. 160–161.

<sup>918</sup> Там же. С. 161.

<sup>919</sup> См.: Морозов С.В. Указ. соч. С. 490.

<sup>920</sup> См.: Дашичев В.И. Указ. соч. С. 359.

<sup>921</sup> Overy R. Germany and the Munich Crisis: A Mutilated Victory // The Munich Crisis, 1938. Prelude to World War II. P. 191.

# Библиография

## Архивные материалы

### *Великобритания*

National Archives (Public Record Office):  
PRO FO 371  
PRO CAB 23, 24, 27

### *США*

National Archives and Record Administration at College Park, Maryland.  
RG59 General Records of the Department of State Decimal File. 1910–1963:  
740.00  
760F.62  
762.65  
863.00  
863.01  
FDR Library, Hide Park.  
The Library of Congress.

### *Россия*

Архив внешней политики Российской Федерации:  
Ф.05  
Ф.011  
Ф.059  
Ф.069

Архив внешней политики Российской Империи:  
Ф.15

Российский государственный архив социально-политической истории:  
Ф.17

## Публикации документов

Внешняя политика СССР. Сборник документов. Т. 3. М., 1945.

Документы внешней политики СССР. Т. 18–21. М., 1973.

Новые документы из истории Мюнхена. М., 1958.

Документы по истории мюнхенского сговора. 1937–1939. М., 1979.

Документы и материалы кануна второй мировой войны 1937–1939. М., 1981.

Документы и материалы по истории советско-чехословацких отношений. М., 1978.

Документы и материалы по истории советско-польских отношений. Т. 4. М., 1969.

Политбюро ЦК РКП(б) — ВКП(б) и Европа. Решения «особой папки». 1923–1939. М., 2001.

СССР в борьбе за мир накануне второй мировой войны (сентябрь 1938 г. — август 1939 г.). Документы и материалы. М., 1971.

Documents on British Foreign Policy 1919–1939. Ser. 2. Vol. 17; Ser. 3. Vol. 1, 2, 3, 4, 7. L., 1979.

British Documents on Foreign Affairs: Reports and Papers from the Foreign Office Confidential Print. Part II. Ser. F. V. 12, 13, 14, 22, 23, 27, 48. L., 1990–1996.

Documents on German Foreign Policy 1918–1945, Series C. V. 1, 3, 4, 5, 6; Series D. V. 1, 2, 3, 7. L., 1949–1956.

Nazi Conspiracy and Aggression. Washington, 1947. V. 4–6.

Red–White–Red–Book, Justice for Austria. Vienna, 1947.

Documents Diplomatiques Français, 1932–1939. 2-e série (1936–1939). 2-e ser. T. 1–3, 8–11. P., 1966.

Les archives secrètes de la Wilhelmstrasse. Vol. 1. P., 1950.

Ciano Diplomatic Papers. L., 1948.

I documenti diplomatici italiani, 8a serie. Vol. 4–6. Roma, 1993.

La partecipazione italiana alla Guerra Civile spagnola. 4 Vols. Roma, 1992.

Documents on International Affairs. 1935–1939. L., 1937–1951.

Documents of the Non–Intervention Committee, N.I.S. L., 1949.

Foreign Relations of the United States, Diplomatic Papers 1936–1939. Washington, 1953–1956.

Official Documents Concerning Polish–German and Polish–Soviet Relations. 1933–1939. L., 1939.

Papers and Memoirs of Jozef Lipski, Ambassador of Poland. Diplomat in Berlin. 1933–1939. N. Y., 1968.

League of Nations. Covenant of the League of Nations. Geneva, 1919.

League of Nations. Official Journal. 1933–1939.

Parliamentary Debates. House of Commons. Vol. 310, 315, 332, 333, 338. L., 1936–1938.

Parliamentary Debates, House of Lords. Vol. 107. L., 1936.

Chambre des Députés, Journal Officiel de la République Française. Débats parlementaires. P., 1936–1938.

### **Периодические издания**

Правда. 1933–1939.

Известия. 1933–1939.✓

Daily Mail. 1933–1939.

Daily Telegraph. 1933–1939.

Daily Worker. 1933–1939.

The Economist. 1933–1939.

Manchester Guardian. 1933–1939.

Observer. 1933–1939.

Spectator. 1933–1939.

Sunday Times. 1933–1939.✓

Truth. 1933–1939.

The Times. 1933–1939. ✓  
Giornale d'Italia. 1933–1939.  
Popolo d'Italia. 1933–1939.  
Corriere della Sera. 1933–1939.  
The New York Times. 1933–1939. ✓  
Time. 1933–1939.  
Foreign Affairs. 1933–1939. ✓  
Le Journal. 1933–1939.  
Le Petit Journal. 1933–1939.  
Le Petit Parisien. 1933–1939.  
Le Matin. 1933–1939.  
L'Écho de Paris. 1933–1939.  
L'Action Française. 1933–1939.  
Le Temps. 1933–1939.  
Rèvue de France. 1933–1939.  
Le Figaro. 1933–1939.  
Rèvue Hebdomadaire. 1933–1939.  
L'Europe Nouvelle. 1933–1939.  
L'Humanité. 1933–1939.  
Public Opinion 1935–1946. N.–J. 1951.

### **Мемуары, дневники и выступления государственных деятелей**

Гудериан Г. Воспоминания немецкого генерала. Танковые войска Германии во Второй мировой войне. 1939–1945. М., 2005.  
Димитров Г. Дневник (9 март 1933 — 6 февруари 1949). София, 1997.  
Майский И.М. Воспоминания советского дипломата. М., 1971.  
Майский И.М. Испанские тетради. М., 1962.  
Неизвестный Гитлер. М., 2006.  
Калинин М.И. О международном положении. М., 1938.  
Караосманоглу Я.К. Дипломат поневоле. М., 1966.  
Кейтель В. Мемуары фельдмаршала. Победы и поражение вермахта. 1938–1945. М., 2004.  
Кессельринг А. Люфтваффе: триумф и поражение. Воспоминания фельдмаршала Третьего рейха. 1933–1947. М., 2004.  
Папен Ф. фон. Вице-канцлер Третьего рейха. Воспоминания политического деятеля гитлеровской Германии. 1933–1947. М., 2005.  
Редер Э. Гросс-адмирал. Воспоминания командующего ВМФ Третьего рейха. 1935–1943. М., 2004.  
Риббентроп И. фон. Мемуары нацистского дипломата. М., 1998.  
Риббентроп И. «Это был великий человек!» // Завещание Гитлера. М., 1991.  
Табуи Ж. Двадцать лет дипломатической борьбы. М., 2005.  
Черчилль У. Вторая мировая война. Т. 1. М., 1998. ✓  
Шмидт П. Переводчик Гитлера. Смоленск, 2001.  
Эмери Л. Моя политическая жизнь. М., 1960.

- Эррио Э. Между двумя войнами. 1914–1936. М., 1958.  
 Alvarez del Vayo J. Freedom's Battle. N.Y., 1940.  
 Ambassador Dodd's Diary 1933–1938. N.Y., 1941.  
 Beck J. Dernier rapport. Politique polonaise. 1926–1939. Neuchatel–Paris, 1951.  
 Bonnet G. Vingt ans de vie politique. P., 1969.  
 Bonnet G.. Défense de la paix. Fin d'une Europe. De Munich à la guerre. Genève, 1948.  
 Bottai G. Diario 1935–1944. Milano, 1993.  
 Ciano G. Ciano's Hidden Diary 1937–1938. N.Y., 1953.  
 Ciano G. Diary, 1937–1938. L., 1952.  
 Ciano G. Diario. V. 1. Milano, 1969. ✓  
 Eden A. Facing the Dictators. L., 1962.  
 François-Poncet A. Souvenirs d'une Ambassade à Berlin. P., 1947.  
 Gamelin General. Servir. T. 2. Le prologue du drame (1930 — aout. 1938). P., 1947.  
 Grandi D. Il mio paese: ricordi autobiografici. Bologna, 1985.  
 Henderson N. Failure of a Mission, Berlin 1937–1939. N.Y., 1940.  
 Ironside E. The Ironside diaries, 1937–1940. L., 1962.  
 Kirkpartick I. The Inner Circle. Memoirs. L., 1959.  
 Kirkpatrick I. Mussolini; Study of a Demagogue. L., 1964  
 Laval P. The Unpublished Diary of Pierre Laval. P., 1948.  
 Reynaud P. La France a sauvé l'Europe. P., 1947.  
 Hitler A. Hitler's Secret Book. N.Y., 1962.  
 Hitler A. My New Order. N.Y., 1941.  
 Hitler A. My Struggle. L., 1933.  
 Schuschnigg K von. Austrian Requiem. N.Y., 1946.  
 The Diaries of sir Alexander Cadogan 1938–1945. L., 1971.  
 The Diplomatic Diaries of Oliver Harvey 1937–1940. L., 1970.  
 The Secret Diary of Harold L. Ickes. Vol. II. N.Y., 1954.  
 Viscount Templewood. Nine Troubled Years. L., 1954.

### **Монографические исследования и статьи**

- Аскарате М., Сандоваль Х. 986 дней борьбы. Национально-революционная война испанского народа. М., 1964.  
 Белоусова З.В. Франция и европейская безопасность. М., 1976.  
 Белоусова З.В. Дипломатия Франции накануне Мюнхена. М., 1964.  
 Белоусова З., Кремер И. Политика окружения Франции // Международная жизнь. 1960. № 7.  
 Борисов Ю.В. Советско-французские отношения 1924–1945. М., 1964.  
 Борьба СССР за коллективную безопасность в 1933–1935 годах // Международная жизнь. 1963. № 7–8, 10.  
 Внешняя политика Чехословакии 1918–1939. Сборник статей под ред. В. Сояка. М., 1959.  
 Война и революция в Испании. 1936–1939. М., 1968.

- Волков В.К. Германо-югославские отношения и развал Малой Антанты, 1933–1938. М., 1966.
- Волков Ф.Д. Тайны Уайтхолла и Даунинг-стрит. М., 1980.
- Вторая мировая война. Под ред. В. Михалки. М., 1996.
- Горохов В.Н. История международных отношений 1918–1939. М., 2004.
- Дамс Х.Г. Франсиско Франко. Ростов-на-Дону, 1999.
- Демидов С.В. Англо-французские отношения накануне Второй мировой войны (1936–1939). Рязань, 2000.
- Десятков С.Г. Формирование английской политики попустительства и поощрения агрессора 1931–1940. М., 1983.
- Десятков С.Г. Уайтхолл и мюнхенская политика // Новая и новейшая история. 1979. № 3–5.
- Джордан В.М. Великобритания, Франция и германская проблема 1918–1939. М., 1945.
- Залесский К.А. Кто был кто в Третьем рейхе: Биографический энциклопедический словарь. М., 2003.
- Европа между войной и миром. 1918–1939. М., 1992.
- Ибаррури Д. Национально-революционная война испанского народа против итало-германских интервентов и фашистских мятежников (1936–1939) // Вопросы истории. 1953. № 11.
- Иванов А.Г. Великобритания и мюнхенский сговор (в свете архивных документов) // Новая и новейшая история. 1988. № 6.
- Из истории освободительной борьбы испанского народа. М., 1959.
- История внешней политики СССР, 1917–1945. М., 1980.
- История второй мировой войны 1939–1945. Т. 2. М., 1974.
- История дипломатии. Т. 3. М., 1965.
- История Румынии 1918–1970. М., 1961.
- Кретинин С.В. Судетские немцы: народ без родины. 1918–1945. Воронеж, 2000.
- Киссинджер Г. Дипломатия. М., 1997.
- Малай В.В. Начало гражданской войны в Испании в 1936 году и проблема невмешательства. По материалам Архива внешней политики РФ // Новая и новейшая история. 2006. № 6.
- Малафеев К.А. Луи Барту. Политик и дипломат. М., 1988.
- Международные отношения накануне второй мировой войны. СПб., 1993.
- Мельтюхов М. Советско-польские войны. М., 2004.
- Мещеряков М.Т. Испанская республика и Коминтерн. М., 1981.
- Мещеряков М.Т. СССР и гражданская война в Испании // Отечественная история. 1993. № 3.
- Мировые войны XX века. Т. 3–4. М., 2002.
- Михайленко В.И. На пути к формированию фашистской оси Рим–Берлин // Проблемы итальянской истории 1982. М., 1983.
- Молчанов Н. Генерал де Голль. М., 1988.
- Морозов С.В. Польско-чехословацкие отношения. 1933–1939. Что скрывалось за политикой «равноудаленности» министра Ю. Бека. М., 2004.

- Мы — интернационалисты. М., 1986.
- Мюнхен — преддверие войны. Под ред. В.К. Волкова. М., 1988.
- Наумов А.О. Аншлюс Австрии в 1938 году как кризис Версальской системы // Новая и новейшая история. 2006. № 6.
- Наумов А.О. Кризис Версальской системы 1936–1938. М., 2005.
- Наумов А.О. Фашистский интернационал. Покорение Европы. М., 2005.
- Никольский А.В. Итало-эфиопская война 1935–1936(41). СПб., 2001.
- Нольте Э. Фашизм в его эпохе. Новосибирск, 2001.
- Овинников Р.С. За кулисами политики «невмешательства». М., 1959.
- Полтавский М.А. Австрийский народ и аншлюс 1938 г. М., 1971.
- Полтавский М.А. Дипломатия империализма и малые страны Европы. М., 1973.
- Поляков В.Г. Англия и мюнхенский сговор (март — сентябрь 1938 г.). М., 1960.
- Препарата Г.Д. Как Британия и США создавали Третий рейх. М., 2007.
- Причины возникновения Второй мировой войны: сборник статей. М., 1982.
- Прицкер Д.П. Подвиг испанской республики 1936–1939. М., 1962.
- Прозектор Д.М. Фашизм: путь агрессии и гибели. М., 1989.
- Пушкаш А.И. Внешняя политика Венгрии. Февраль 1937—сентябрь 1939 г. М., 2003.
- Рыбалкин Ю. Советская военная помощь республиканской Испании (1936–1939). М., 2000.
- Севостьянов Г.Н. Мюнхен и дипломатия США // Новая и новейшая история. 1987. № 4.
- Сидоров А.Ю., Клейменова Н.Е. История международных отношений. 1918–1939 гг. М., 2006.
- Сиполс В.Я. Дипломатическая борьба накануне второй мировой войны. М., 1988.
- Системная история международных отношений. Т. 1–2. М., 2000.
- Сория Ж. Война и революция в Испании. Т. 1–2. М., 1987.
- СССР, Франция и эволюция Европы в 30-е годы. М., 2003.
- Стегарь С.А. Дипломатия Франции перед второй мировой войной. М., 1980.
- Третий Рейх: Трагедия народов. Стальные мускулы. М., 1997.
- Трофимов В.А. Агрессия Италии в Эфиопии и ее последствия // Вопросы истории. 1976. № 8.
- Трухановский В.Г. Внешняя политика Англии на первом этапе общего кризиса капитализма 1918–1939. М., 1962.
- Уткин А. Унижение России: Брест, Версаль, Мюнхен. М., 2004.
- Фальсификаторы истории. Историческая справка. М., 1948.
- Фест Й. Гитлер. Биография. Триумф и падение в бездну. М., 2006.
- Цветков Г. Политика США в отношении СССР накануне второй мировой войны. Киев, 1973.
- Шевяков А.А. Советско-румынские отношения и проблема европейской безопасности, 1932–1939. М., 1977.

- Ширер У. Взлет и падение третьего рейха. Т. 1–2. М., 1991.
- Шубин А.В. Мир на краю бездны. М., 2004.
- Adams R.J.Q. *British Politics and Foreign Policy in the Age of Appeasement, 1935–1939*. Stanford, 1993.
- Adamwhaite A. *France and the Coming of the Second World War*. L., 1977.
- Adamwhaite A. *Grandeur and Misery: France's Bid for Power in Europe, 1914–1940*. L., N.Y., 1995.
- Adriola F. *Mussolini–Churchill: carteggio segreto*. Piemme, 1996.
- Albrecht-Carrie R. *Britain and France. Adaptations to a Changing Context of Powers*. N.Y., 1970.
- Alpert M. *A New International History of the Spanish Civil War*. L., 1994.
- Balfour S., Preston P. *Spain and the Great Powers in the Twentieth Century*. L., N.Y., 1999.
- Ball M. *Post–War German–Austrian Relations. The Anschluss Movement 1918–1936*. Stanford, 1937.
- Beevor A. *The Spanish Civil War*. L., 1982.
- Bolloten B. *The Spanish Civil War. Revolution and Counterrevolution*. Chapel Hill, 1991.
- Boyce R. *French Foreign and Defence Policy, 1918–1940: the Decline and Fall of a Great Power*. L., N.Y., 1998.
- Brook–Shepherd G. *Anschluss: the Rape of Austria*. L., 1963.
- Buchanan T. *Britain and the Spanish Civil War*. Cambridge, 1977.
- Buchanan T. *The Spanish Civil War and the British Labour Movement*. Cambridge, 1991.
- Burton M.E. *The Assembly of the League of Nations*. N.Y., 1974.
- Canevari E. *La guerra italiana: Retrosceca della disfatta*. Roma, 1948.
- Cantalupo R. *Fu la Spagna. Ambasciata presso Franco: febbraio—aprile 1937*. Milano, 1948.
- Caputi R. *Neville Chamberlain and Appeasement*. Selinsgrove, 2000.
- Carr E.H. *The Comintern and the Spanish Civil War*. L., 1984.
- Carr E.H. *The Twenty Years Crisis, 1919–1939*. L., 1946.
- Carr R. *The Republic and the Civil War in Spain*. L., 1971.
- Carr W. *Arms, Autarky and Aggression; a Study in German Foreign Policy, 1933–1939*. N.Y., 1972.
- Cattel D.T. *Soviet Diplomacy and the Spanish Civil War*. Los Angeles, 1957.
- Charmley N. *Chamberlain and the Lost Peace*. L., 1989.
- Churchill W.S. *The Second World War*. Boston, 1948–1953.
- Collotti E. *Fascismo e politica di potenza: politica estera 1922–1939*. Firenze, 2000.
- Colvin I. *Chamberlain Cabinet, How the Meeting in 10 Downing Street, 1937–1939, Led to the Second World War*. L., 1971. ✓
- Cot P. *Le Procès de la République*. N.Y., 1944.
- Coverdale J.F. *Italian Intervention in the Spanish Civil War*. New Jersey, 1975.
- Cowling M. *Impact of Hitler: British Politics and British Policy, 1933–1940*. L., N.Y., 1975.



- Crowson N. J. *Facing Fascism: the Conservative Party and the European Dictators, 1935–1940*. L., N.Y., 1997.
- Crozier A. *Appeasement and Germany's Last Bid for Colonies*. L., 1988.
- Davis R. *Anglo–French Relations before the Second World War*. L., 2001.
- Danos J., Gibelin M. *Class Struggle and the Popular Front in France*. L., 1986.
- Dallek R. *Franklin D. Roosevelt and American Foreign Policy, 1932–1945*. N.Y., 1979.
- Dockrill M.L. *British Establishment Perspective on France*. N.Y., 1999.
- Douglas R. *In the Year of Munich*. L., 1977.
- Dreifort J. *Yvon Delbos at the Quai d'Orsay; French Foreign Policy during the Popular Front*. L., 1973.
- Duroselle J. *France and the Nazi Threat: the Collapse of French Diplomacy, 1931–1939*. N.Y., 2004.
- Edwards J. *The British Government and the Spanish Civil War, 1936–1939*. L., 1979.
- Eimerl S. *Hitler over Europe; the Road to World War II*. Boston, 1972.
- Esch van der P. *Prelude to War*. Hague, 1951.
- Esenwein G., Shubert F. *Spain at War. The Spanish Civil War in Context, 1931–1939*. N.Y., 1995.
- Eubank K. *Munich*. Norman, 1963.
- European Diplomacy between Two Wars, 1910–1939*. N.Y., 1978.
- Falcoff M., Pike F.B. *The Spanish Civil War, 1936–1939: American Hemispheric Perspectives*. Lincoln, 1982.
- Farnham B. *Roosevelt and the Munich Crisis. A Study of Political Decision-Making*. Princeton, 1997.
- Feiling K. *Life of Neville Chamberlain*. L., 1946.
- Felice R. *de. Mussolini il duce; lo stato totalitario 1936–1940*. Torino, 1981.
- Furnia A. *Diplomacy of Appeasement*. Washington, 1960.
- Fuchser L. *Neville Chamberlain and the Pursuit of Appeasement: A Study in the Politics of History*. N.Y., 1982.
- Fuchser L. *Neville Chamberlain and Appeasement: a Study in the Politics of History*. N.Y., 1982.
- Gannon F. *The British Press and Germany 1936–1939*. Oxford, 1971.
- Gatzke H. *European Diplomacy between Two Wars, 1919–1939*. Chicago, 1972.
- Gedye G. *Betrayal in Central Europe*. N.Y., 1939.
- Gedye G. *Fallen Bastions*. L., 1939.
- Gehl J. *Austria, Germany and the Anschluss*. L., N.Y., 1963.
- Giglioli A. *Italia e Francia 1936–1939: irredentismo e ultranazionalismo nelle politica estera di Mussolini*. Roma, 2001.
- Gilbert M. *Appeasers*. L., 1967.
- Gilbert M. *Roots of Appeasement*. N.Y., 1966.
- Gilbert T. *Treachery at Munich*. L., 1988.
- Goldston R. *Life and Death of Nazi Germany*. Indianapolis, 1967.

- Gulick C. *Austria From Habsburg to Hitler*. Berkeley, 1948.
- Haigh R.H. *British Politics and Society, 1918–1938: the Effect on Appeasement*. Manhattan, 1980.
- Haigh R.H. *Defence Policy Between the Wars, 1919–1938, Culminating in the Munich Agreement of September 1938*. Manhattan, 1979.
- Haigh R.H. *Years of Triumph: German Diplomatic and Military Policy, 1933–1941*. Aldershot, 1986.
- Haslam J. *Soviet Union and the Struggle for Collective Security in Europe, 1933–1939*. L., 1984.
- Harper T. *German Economic Policy in Spain during the Spanish Civil War 1936–1939*. L., 1967.
- Henig R. *The Origins of the Second World War 1933–1939*. L.–N.Y., 1985.
- Herman J. *British Embassy of Sir Eric Phipps: Anglo–French Relations and the Foreign Office, 1937–1939*. Boston, 1998.
- Herz J. *Political Realism and Political Idealism: A Study in Theories and Realities*. Chicago, 1951.
- Hidden J. *Germany and Europe, 1919–1939*. N.Y., 1993.
- Jackson J. *The Popular Front in France Defending Democracy 1934–1938*. Cambridge, 1988.
- Johnson P. *Modern Times: The World from Twenties to the Eighties*. N.Y., 1983.
- Jordan N. *Popular Front and Central Europe: the Dilemmas of French Impotence, 1918–1940*. N.Y., 1992.
- Kallis A. *Fascist Ideology: Territory and Expansionism in Italy and Germany, 1922–1945*. L., N.Y., 2000.
- Kennedy P. *The Rise and Fall of the Great Powers*. N.Y., 1987.
- Kergoat J. *La France du front populaire*. P., 1986.
- Kitchen M. *Europe between the Wars*. N.Y., 1988.
- Kleine-Ahlbrandt W.L. *The Policy of Simmering. A Study of British Policy During the Spanish Civil War 1936–1939*. Hague, 1962.
- Kleine-Ahlbrandt W.L. *Appeasement of the Dictators. Crisis Diplomacy?* Hague, 1970.
- Komjathy A. *Crises of France's East Central European Diplomacy, 1933–1938*. N.Y., 1976.
- Lacaze Y. *France and Munich: a Study of Decision Making in International Affairs*. Boston, 1995.
- Large D.C. *Between Two Fires: Europe's Path in the 1930s*. N.Y., 1990.
- Lee D. E. *Munich: Blunder, Plot, or Tragic Necessity?* L., 1970.
- Leibovitz C. *Chamberlain–Hitler Deal*. Edmonton, 1993.
- Leibovitz C. *In Our Time: the Chamberlain–Hitler Collusion*. N.Y., 1998.
- Lewis T. *A Climate for Appeasement*. N.Y., 1991.
- Little D. *Malevolent Neutrality. The United States, Great Britain, and the Origins of the Spanish Civil War*. L., 1985.
- Loewenheim F. *Peace or Appeasement? Hitler, Chamberlain, and the Munich Crisis*. Boston, 1965.
- Low A. *Anschluss Movement, 1931–1938, and the Great Powers*. N.Y., 1985.

MacDonalddy. *Economic Appeasement and the German "Moderates" 1937–1939 // Past and Present* 56 (August 1972).

MacGregor K. *Common Destiny. Dictatorship, Foreign Policy, and War in Fascist Italy and Nazi Germany*. Cambridge, 2000.

Maiolo J. *Royal Navy and Nazi Germany, 1933–1939: a Study in Appeasement and the Origins of the Second World War*. N.Y., 1998.

Mallet R. *Mussolini and the Origins of the Second World War, 1933–1940*. N.Y., 2003.

Mariani G.S. *La guerra civile spagnola tra politica e letteratura*. Milano, 1995.

Michael R. *Radicals and Nazi Germany: the Revolution in French Attitudes toward Foreign Policy, 1933–1939*. Washington, 1982.

Middlemas K. *Diplomacy of Illusion: the British Government and Germany, 1937–1939*. Chicago, 1972.

Minniti F. *Fino alla guerra: strategie e confitto nella politica di potenza di Mussolini*. Napoli, 2000.

Micaud C.A. *The French Right and Nazi Germany 1933–1939. A Study of Public Opinion*. N.Y., 1964.

McDonough, F. *Neville Chamberlain, Appeasement and the British Road to War* N.Y., 1998.

Mommsen W.J., Kettenacker L. *The Fascist Challenge and the Policy of Appeasement*. L., 1983.

Mourin M. *Les relations franco-soviétiques 1917–1967*. P., 1967.

Murray W. *The Change in the European Balance of Power, 1938–1939*. Princeton, 1984.

Namier L.B. *Diplomatic Prelude*. L., 1948.

Namier L.B. *Europe in Decay*. L., 1952.

Neville P. *Appeasing Hitler: the Diplomacy of Sir Neville Henderson, 1937–1939*. L., 2000.

Northedge F.S. *The League of Nations: Its Life and Time 1920–1946*. L., 1986.

Ovendale R. «Appeasement» and the English Speaking World: Britain, the United States, the Dominions, and the policy of «Appeasement». Cardiff, 1975.

*The Munich Crisis, 1938. Prelude to World War II*. L., 1999.

*The Origins of the Second World War Reconsidered: the A.J.P. Taylor Debate after Twenty-five years*. Boston, 1986.

*The Origins of the Second World War Reconsidered: A.J.P. Taylor and the Historians*. L., N.Y., 1999.

Padelford N.J. *International Law and Diplomacy in the Spanish Civil Strife*. N.Y., 1939.

Parker R. *Chamberlain and Appeasement: British Policy and the Coming of the Second World War*. L., 1993.

Parker, R. *Churchill and Appeasement*. L., 2000.

*Paths to War: New Essays on the Origins of the Second World War*. Ed by R. Boyce and E.M. Robertson. L., 1989.

Peters A.R. *Anthony Eden at the Foreign Office, 1931–1938*. N.Y., 1986.

- Pons S. *Staline e la Guerra inevitabile. 1936–1941*. Torino, 1995.
- Post G. *Dilemmas of Appeasement: British Deterrence and Defence, 1934–1937*. Ithaca, 1993.
- Prazmowaka A. *Eastern Europe and the Origins of the Second World War*. N.Y., 2000.
- Puzzo D.A. *Spain and Great Powers 1936–1941*. N.Y., 1962.
- Quartararo R. *Roma tra Londra e Berlino: la politica estera fascista dal 1930 al 1940*. Roma, 1980.
- Ragsdale H. *Soviets, the Munich Crisis, and the Coming of World War II*. N.Y., 2004.
- Reau E. du. *Edouard Daladier. 1884–1970*. P., 1993.
- Ripka H. *Munich: before and after*. N.Y., 1969.
- Robbins K. *Appeasement*. Oxford, 1997.
- Robbins K. *Munich 1938*. L., 1968.
- Roi M. *Alternative to Appeasement: Sir Robert Vansittart and Alliance Diplomacy, 1934–1937*. L., 1997.
- Rock W. *British Appeasement in the 1930s*. N.Y., 1977.
- Rock W. *Neville Chamberlain*. N.Y., 1969.
- Rothstein A. *Munich Conspiracy*. L., 1958.
- Rovigli A., Stefani F. *La partecipazione italiana alla Guerra civile spagnola*. 2 vol. Roma, 1992–1993.
- Salvatorelli L., Mira G. *Storia d'Italia nel periodo fascista*. Torino, 1962.
- Santarelli E. *Storia del movimento e del regime fascista*. Roma, 1967.
- Scott G. *The Rise and Fall of the League of Nations*. L., 1973.
- Schroeder P. *Munich and the British Tradition // Historical Journal* 19, 1976.
- Shepherd R. *Class Divided: Appeasement and the Road to Munich, 1938*. L., 1988.
- Schmidt G. *Politics and Economics of Appeasement: British Foreign Policy in the 1930s*. N.Y., 1986.
- Shorrock W. *From Ally to Enemy: the Enigma of Fascist Italy in French Diplomacy, 1920–1940*. Kent, 1988.
- Taylor A.J.P. *Origins of the Second World War*. N.Y., 1966.
- Taylor T. *Munich: The Price of Peace*. N.Y., 1979.
- Thomas H. *The Spanish Civil War*. Cambridge, 1977.
- Thomas M. *Britain, France & Appeasement. Anglo–French Relations in the Popular Front Era*. Oxford, N.Y., 1996.
- Thompson N. *The Anti–Appeasers. Conservative Opposition to Appeasement in the 1930s*. Oxford, 1971.
- Traina P. *American Diplomacy and the Spanish Civil War*. Bloomington, 1968.
- Villari L. *Italian Foreign Policy under Mussolini*. N.Y., 1956.
- Walters F. *A History of the League of Nation*. Oxford, 1960.
- Wathen M.A. *The Policy of England and France toward the «Anschluss» of 1938*. Washington, 1954.
- Watkins K.W. *Britain Divided. The Effect of the Spanish Civil War on British Political Opinion*. L., 1963.

Watt D.C. *Too Serious a Business...* L., 1975.

Wheeler-Bennet J.B. *Munich: Prologue to Tragedy.* L., 1948.

Weinberg G. *The Foreign Policy of Hitler's Germany. Diplomatic Revolution in Europe.* Chicago, 1970.

Weinberg G. *The Foreign Policy of Hitler's Germany. Starting World War II.* Chicago, 1980.

Werth A. *France and Munich: Before and After Surrender.* N.Y., 1969.

Werth A. *The Twilight of France, 1933–1940.* N.Y., 1966.

Whealey R. *Hitler and Spain: the Nazi Role in the Spanish Civil War, 1936–1939.* Lexington, 1989.

Wiskemann E. *The Rome–Berlin Axis: a Study of the Relations between Hitler and Mussolini.* L., 1966.

Wolfers A. *Britain and France between Two Wars: Conflicting Strategies of Peace from Versailles to World War II.* N.Y., 1968.

Young R. *In Command of France: French Foreign Policy and Military Planning, 1933–1940.* Cambridge, 1978.

## Именной указатель

- Агахан — 172  
Адам В. — 292  
Адлер В. — 156  
Айронсайд Э. — 155, 308  
Александр I Карагеоргиевич — 18, 31, 32  
Александр Македонский — 366  
Александровский С.С. — 211, 272, 278, 309, 341  
Альба, герцог — 125, 144  
Альфан Э. — 42  
Альфонс XIII Бурбон — 108, 261  
Анфузо Ф. — 234  
Арманго, майор — 57  
Арнольд, лорд — 175  
Асанья М. — 119  
Асквит Г. — 301  
Аснар М. — 108  
Астор Н. — 124, 144, 172  
Асуа Х. де — 119  
Аттолико Б. — 239, 240, 252, 325, 326, 330  
  
Бадольо П. — 259  
Барросо А. — 115  
Барту Л. — 21, 31, 32, 36–38, 40–43, 52, 80  
Баглер Р. — 312  
Бауэрс Р. — 130  
Бек Л. — 24, 196, 280, 285, 288  
Бек Ю. — 40, 41, 51, 72, 178, 253, 310, 348–350, 352, 353  
Белюсова З.С. — 18, 261  
Бенедетти В. де — 203  
Бенеш Э. — 20, 32, 211, 267, 268, 273–275, 277, 278, 283, 284, 286, 287, 289–291, 293, 296, 303, 307–309, 311, 313, 314, 316, 317, 321, 324, 330, 339, 344, 363  
Беран Р. — 340  
Беренгер, генерал — 108  
Беро А. — 81  
Бертран В. — 71  
Берчал Ф. — 179  
Бетховен Л. ван — 183, 184  
Бисмарк О. — 14, 155, 203, 246, 344, 366  
Блондель Ж. — 67  
Бломберг В. фон — 25, 26, 58, 87, 88, 161, 178, 227, 240, 244, 249, 251, 279  
Блюм Л. — 76, 103–105, 113–120, 125, 126: 139, 151: 155, 173, 176, 197, 209, 212, 226, 337  
Блюм, мадам — 209  
Болдуин С. — 82, 83, 86, 90, 99, 101, 115, 116, 118, 121, 125  
Боннэ Ж. — 71, 99, 176, 212, 275, 278, 279, 284, 287, 295, 296, 298, 307, 357  
Борман М. — 373  
Браун Е. — 200, 263  
Браухич В. фон — 5, 204, 280, 285, 297  
Бриан А. — 37, 191, 273, 276, 357  
Брокет, лорд — 172  
Брукер Л. де — 119, 120  
Брюнинг Г. — 58  
Брюс — 73  
Буллит У. — 131, 175, 272, 278  
Бутби, лорд — 213, 312  
Бэнвилль Ж. — 114  
Бюлов Б. фон — 26, 39  
  
Вагнер Р. — 227  
Вагнер Ф. — 219  
Вайнберг Г. — 151  
Вайо А. дель — 128, 131, 138  
Вайцзекер Э. фон — 176, 287, 288, 330, 341, 369

- Ванситгарт Р. — 151, 169, 173, 228  
 Варлимонт В. — 228  
 Вацлав Святой — 319  
 Вельчек И. фон — 115, 173, 181,  
 189, 193, 207, 279, 287  
 Вергилий — 219  
 Верди Д. — 265  
 Верман Э. — 169, 340  
 Вестминстерский, герцог — 172  
 Видеман Ф. — 290  
 Виктор-Эммануил III Савойский —  
 209, 263, 264  
 Вильберг Ф. — 227  
 Вильгельм I Гогенцоллерн — 203  
 Вильгельм II Гогенцоллерн — 61  
 Вильсон Г. — 291, 299, 300, 302,  
 305, 317, 320–323, 332  
 Вильсон Х. — 120, 207, 255, 272,  
 274  
 Виндзорский, герцог — 302  
 Витетти В. — 228  
 Витц К. — 281  
 Вицлебен Э. фон — 328  
 Ворошилов К.Е. — 77, 78  
  
 Габсбург О. — 166, 196  
 Габсбурги — 180, 183, 208, 255, 266  
 Гайда В. — 256  
 Галифакс Э., лорд — 124, 152, 158,  
 170–173, 179, 189, 191, 193–195,  
 198, 201, 206, 211, 273, 278, 283,  
 288–290, 292, 293, 297, 298, 301,  
 302, 305, 312, 319, 320, 326, 335,  
 359, 360, 364, 367  
 Галифакс Ф., леди — 172  
 Гальдер Ф. — 283–285, 297, 328  
 Гамелен М. — 57, 89, 90, 94, 279,  
 320  
 Ганди М. — 172  
 Ганнибал Б. — 254  
 Гаха Э. — 340, 341, 363–365, 368,  
 369  
 Геббельс Й. — 24, 29, 87, 92, 94, 96,  
 149, 216, 270, 282, 322  
 Гедие — 169  
  
 Гендерсон Н. — 160, 161, 168, 169,  
 174, 194, 195, 201, 211, 240, 283,  
 299, 300, 317, 320, 321, 326, 338  
 Генлейн К. — 169, 268, 270, 274,  
 283, 286, 289, 291, 292, 296, 299,  
 301, 304, 314, 366  
 Генри Э. — 216  
 Георг V Виндзор — 289  
 Георг VI Виндзор — 289  
 Геринг Г. — 5, 24, 43, 58, 87, 94,  
 168–170, 172, 179, 196, 198–202,  
 205, 206, 224, 225, 227, 228, 231,  
 236–239, 244, 251, 253, 269, 275,  
 285, 298, 310, 330, 340, 348, 349,  
 362  
 Гесс Р. — 5, 87, 180  
 Гессе Ф. — 99  
 Гёмбёш Д. — 234  
 Гжибовский В. — 351  
 Гиммлер Г. — 161, 292, 296  
 Гинденбург П. фон — 14, 22, 27  
 Гитлер А. — 5, 6, 11, 13–17, 20–24,  
 26–30, 32–34, 37, 43–51, 55, 58–  
 64, 70, 72–75, 79, 82–84, 86–100,  
 102, 117, 120, 121, 125, 129, 134,  
 136, 140, 144, 146–161, 168–173,  
 179, 181–194, 196–200, 202–209,  
 211–213, 216–220, 222–224, 226,  
 227, 229–236, 238, 240–245, 247–  
 153, 255–249, 263–26, 268–270,  
 272–275, 279–288, 290–204. 296,  
 297, 299–308, 310, 311, 313–343,  
 345, 347, 351, 352, 356–373  
 Глайзе фон Хорстенау Э. — 188,  
 196  
 Глобокниг О. — 199, 200  
 Гогенцоллерны — 5, 208  
 Гой Э. —  
 Гой Ж. — 23  
 Гойкоэча Х. — 110  
 Голль Ш. де — 159  
 Гофман Г. — 330  
 Гранди Д. — 73, 127, 134–136, 193,  
 224, 228, 235, 254, 259  
 Гринвуд А. — 100

- Грумбах С. — 56  
 Гудериан Г. — 203, 204, 230, 338, 345  
 Гузе Г. — 288  
 Гус Я. — 319  
 Густав Адольф Ваза — 71  
 Гюнше О. — 64, 87, 94, 200, 330
- Даладые Э. — 20, 113, 114, 116, 144, 155, 212, 273–275, 277, 278, 289, 290, 299, 307, 308, 314, 319, 323, 326, 328–334, 337, 338, 341, 358  
 Данквертс, капитан — 62  
 Д'Арк Ж. — 47  
 Дарлан Ж. — 119  
 Даусон Дж. — 296  
 Деверелл К. — 242  
 Дегрель Л. — 16  
 Дельбос И. — 103, 104, 113–116, 120, 121, 131, 142, 151, 159, 173–175, 177, 178, 181, 189, 192, 194, 198, 223, 272  
 Джонсон Х. — 121  
 Джордан М. — 90  
 Диас Х. — 129  
 Дизраэли Б. — 335  
 Димитров Г. — 120  
 Дирксен Г. фон — 181  
 Дитрих О. — 94  
 Довгалецкий В.С. — 36  
 Додд У. — 161  
 Додэ Л. — 81  
 Дольфус Э. — 31, 32, 157, 168, 183, 185, 217–220, 238  
 Дука Й. — 32  
 Дурчаньский Ф. — 362
- Евгений Савойский —  
 Елизавета Виндзор — 289  
 Енеке Э. — 227
- Жювенель Б. де — 72
- Захаров М.В. — 323  
 Зееланд П. ван — 72, 74
- Зейсс-Инкварт А. — 185, 187, 188, 190, 196, 198–202, 205, 363
- Иден Э. — 9, 47–51, 58, 64, 73, 75, 83–85, 90, 98, 101, 102, 110, 115, 121, 134, 142, 147, 151, 154, 158, 160, 168, 170–174, 189, 193, 194, 213, 223, 224, 233, 326, 338  
 Икес Г. — 357  
 Имреди Б. — 354  
 Инскип Т. — 195, 211, 306, 367
- Йодль А. — 94, 196, 280, 285, 292, 297, 315, 343  
 Йотаро С. — 152
- Кабальеро Л. — 109, 112, 128  
 Кадоган А. — 275, 284  
 Калеман — 32  
 Калинин М.И. — 272  
 Кальтенбруннер Э. — 200  
 Канарис В. — 227, 228  
 Канья К. — 225, 239, 349, 354  
 Караосманоглу Я. — 340  
 Карденас Х. — 113  
 Кармазин Ф. — 362  
 Кароль II Гогенцоллерн-Зигмаринген — 350  
 Карр У. — 108, 179  
 Кастильо Х. дель — 109  
 Кейтель В. фон — 5, 24, 186–188, 196, 202, 227, 280–282, 285, 316, 339, 364  
 Келлог Ф. — 37, 276, 357  
 Кемаль М. — 18  
 Кеннард Г. — 350  
 Кеплер В. — 199, 201, 202  
 Керилис А. де — 71  
 Кессельринг А. — 229, 262  
 Кёстринг Э. — 351  
 Кёхлинг — 296  
 Кинделан С. — 262  
 Киссинджер Г. — 28  
 Киркпатрик А. — 25, 150, 321, 331, 359



- Кирхер Р. — 344  
 Китчен М. — 109  
 Кларк Д. — 37, 103  
 Клемансо Ж. — 342  
 Козельски Е. — 216  
 Колонна, принц — 264  
 Комнен Н. — 350  
 Корбен Ш. — 37, 86, 115, 127, 173,  
 192, 194, 283, 308  
 Кордт Э. — 278  
 Кот П. — 55, 114, 116, 117  
 Крейци, генерал — 283  
 Кремер И. — 261  
 Кретинин С. — 268  
 Кристич — 252  
 Кродт Т. — 291  
 Крофта К. — 275, 286, 287  
 Крупп Г. — 24, 25, 28  
 Крэджи Р. — 62, 63  
 Крэнборн, лорд — 131  
 Кундт — 293  
 Купер Д. — 335, 336, 338  
 Кэмпбелл — 64
- Лаваль П. — 9, 33, 42, 43, 45, 51–58,  
 64–67, 70–72, 80, 81, 86, 103  
 Ламмерс Г. — 181  
 Лееб, генерал — 297  
 Леже А. — 20, 36, 37, 57, 72, 73,  
 75–77, 84, 105, 173, 277, 298,  
 323, 329, 333  
 Лейт-Росс Ф. — 151–153  
 Леопольд III Саксен-Кобургский —  
 180  
 Леопольд Г. — 105  
 Лёр А. — 200  
 Липский Ю. — 40, 310, 311, 348, 352  
 Линге Г. — 326, 370  
 Лист, генерал — 297  
 Литвинов М.М. — 35, 36, 50, 51, 55,  
 69, 73, 74, 97, 129, 132, 177, 210,  
 213, 278, 287, 294, 295, 311–313  
 Литтл, адмирал — 62  
 Ллойд Джордж Д. — 6, 38, 120, 148–  
 150, 158, 302
- Лондондерри, маркиз — 172  
 Лотиан, лорд — 98, 100, 148, 148,  
 153  
 Люббе ван дер — 22  
 Льяно К. де — 110
- Маджистрати М. — 221, 231, 252  
 Мажино А. — 105  
 Мазарини Д. — 260  
 Майский И.М. — 50, 120, 127–130,  
 135, 292, 313  
 Макдональд М. — 306  
 Макдональд Р. — 18, 21, 26  
 Макензен фон, фельдмаршал — 44  
 Макиавелли Н. — 40  
 Макмиллан Г. — 326  
 Мальборо, герцог — 100  
 Мальрезон, майор — 57  
 Мандель Ж. — 71, 89, 212  
 Манштейн Э. фон — 196  
 Марен Л. — 55, 70, 71, 84, 89, 342  
 Маршандо  
 Маршьен К. де — 127  
 Масарик Т. — 267, 268, 319  
 Масарик Х. — 267, 332, 333  
 Масарик Я. — 127, 275, 292, 319,  
 341  
 Массильи Р. — 173  
 Мастны В. — 269, 275, 328, 332,  
 333, 340  
 Мафальда, принцесса — 209  
 Мессерсмит — 95  
 Миклас В. — 187, 195, 200, 201  
 Мильх Э. — 253  
 Мола Э. — 110  
 Молотов В.М. — 50, 120, 351  
 Мольтке Г. — 353  
 Монтейро — 127  
 Моррель, доктор — 365  
 Морозов С.В. — 352  
 Моррисон У. — 127  
 Муссолини Б. — 13, 18–20, 31–33,  
 37, 42, 46, 65–70, 76, 81, 103, 117,  
 120, 129, 135, 140–143, 145, 155,  
 179, 180, 182, 184, 191, 195, 197–

- 199, 206, 214, 216–228, 230–244,  
250, 252–260, 264, 265, 302, 325,  
326, 329–334, 337, 339, 351, 373
- Мэйсфилд Дж. — 301
- Мэндерс — 159
- Наполеон I Бонапарт — 71, 366
- Наполеон III Бонапарт — 358
- Негрин Х. — 141
- Нейрат К. фон — 39, 40, 45, 87, 152,  
170, 172, 176, 177, 180, 181, 190,  
196, 201, 202, 224, 232, 233, 240,  
241, 243, 244, 250, 251, 285, 330,  
366
- Нельсон Г. — 63
- Николсон Г. — 213, 326
- Ниссель, генерал — 261
- Нольте Э. — 188
- Ньютон Б. — 277, 290
- Оберкирх А. — 191
- Овсяный И.Д. — 66
- Октавиан Август — 219
- Осуский С. — 269, 270, 272, 274,  
287, 341
- Павелич А. — 32
- Паганон Ж. — 71
- Пайяр Ж. — 294, 295
- Пальмшерна Э. — 127
- Папен Ф. фон — 157, 168, 176, 180–  
183, 185–187, 192–194, 202, 219,  
241
- Париани А. — 232, 257
- Пезе Э. — 191
- Перт, лорд — 199, 206, 214, 325
- Пертинакс (Андре Жеро) — 70
- Петерсен Й. — 257
- Пилсудский Ю. — 18, 40, 51, 58,  
351, 352
- Пистойя, герцог — 264
- Плимут, лорд — 127–129, 138, 143
- Поль, генерал-майор — 202
- Поль-Бонкур Ж. — 20, 21, 36, 52,  
71, 175, 261
- Потемкин В.П. — 43, 53, 54, 177,  
295, 358
- Прайс У. — 22, 43
- Прециози Г. — 223
- Примо де Ривера М. — 108, 109
- Пуанкаре Р. — 31, 261
- Пьюо Г. — 178, 189, 195
- Редер Э. — 5, 24, 136, 244, 285,  
369
- Редесдэйл, лорд — 206
- Рейно П. — 71, 212
- Рейхенау В. фон — 187, 196, 203,  
204, 262, 297
- Рём Э. — 314
- Ренсимен У. — 288–291, 293, 297,  
304, 305, 307, 332
- Рео Э. дю — 78
- Риббентроп И. фон — 5, 9, 62–64,  
74, 75, 127, 134–136, 152, 154,  
155, 175, 180, 181, 185, 189, 194–  
196, 198, 228, 231, 235, 239, 243,  
250–252, 260, 265, 279, 283, 285,  
287, 291, 300, 302, 312, 316, 321,  
337, 341, 352, 353, 357, 362, 363,  
365, 366, 369, 370
- Риос Ф. де лос — 113, 114
- Рит К. — 157
- Рихтгофен В. фон — 229
- Ришелье А.-Ж. дю Плесси — 71,  
176
- Роатта М. — 228
- Розенберг А. — 161, 216, 351
- Ротшильд Л. де — 205
- Ротшильды — 122
- Рузвельт Ф. — 294, 325, 335
- Рундштедт, генерал — 297
- Руссо Д. — 135
- Саймон Дж. — 38, 42, 45, 47, 49, 51,  
62, 63, 82, 90, 157, 158, 171, 300,  
305, 306
- Салата Ф. — 223
- Салазар К. — 18, 120
- Санхурхо Х. — 108–110

- Карро А. — 71, 83, 89, 92, 97, 103, 212  
 Себековский — 293  
 Сект Г. фон — 348  
 Селби У. — 168  
 Сиклэир — 290  
 Сориа Ж. — 129  
 Сотело К. — 109  
 Скапини Ж. — 180, 181  
 Сталин И.В. — 17, 18, 50, 51, 57, 58, 120, 129, 313  
 Стоядинович М. — 191  
 Стрэнг У. — 50, 302  
 Стэм лорд — 172  
 Сувич Ф. — 19, 221, 250, 259  
 Сулейман Великолепный — 71  
 Суриц Я.З. — 177, 357  
 Сыровы Я. — 314, 340
- Табуи Ж. — 32, 57, 70, 93, 333  
 Таушиц Ф. — 168, 202  
 Тафс Г. — 179, 180  
 Тельман Э. — 22  
 Теуччи Д. — 252  
 Тирпиц А. фон — 61  
 Тисо Й. — 363, 366, 369  
 Титулеску Н. — 32, 96  
 Тодт Ф. — 285, 292  
 Тома В. фон — 230  
 Томас М. — 271  
 Торез М. — 177  
 Тука В. — 268, 363, 366  
 Туссен, полковник — 283  
 Тухачевский М.Н. — 77, 211
- Уарр де ла, лорд  
 Уили Р. — 112, 116  
 Уискеманн Э. — 258  
 Урбис — 369
- Фалделла Э. — 228  
 Фаупель В. фон — 234  
 Фердинанд Габсбург — 219  
 Фибан М. фон — 196  
 Филлипс У. — 257  
 Филлип Гессенский — 209, 255
- Фиппс Э. — 21, 152, 160, 206, 233, 284, 298  
 Фирлингер З. — 272, 277, 287, 309, 311  
 Фишбек Г. — 185, 186, 199  
 Фланден П.-Э. — 42, 70–74, 83–85, 90, 92, 97, 99, 100, 155, 181, 191, 192  
 Фолькманн Г. — 229  
 Форстер А. — 352  
 Фош Ф. — 5, 6, 10, 71, 342  
 Франк Г. — 217, 231, 232  
 Франк К. — 296, 366  
 Франкенштейн — 158, 159  
 Франко Ф. — 109–113, 119, 120, 124, 130, 131, 135, 137–140, 143, 144, 147, 179, 225–227, 229, 230, 233–237, 248, 253, 260–262, 334, 370  
 Франсуа-Понсе А. — 9, 45, 72, 82, 97, 149, 169, 180, 188–190, 207, 257, 275, 279, 283, 287, 323–326, 332, 333, 338, 356  
 Франциск I Валуа — 71  
 Фрауенфельд А. — 157  
 Фридрих Великий Гогенцоллерн — 14, 246  
 Фрич В. фон — 203, 244, 249–251  
 Функ В. — 251, 347  
 Фурниа А. — 21, 31, 38, 56
- Хабихт Т. — 157, 219  
 Хайле Селассие I — 69, 70, 103  
 Ханфштенгль Э. — 100  
 Харви О. — 289, 291, 359, 364  
 Харт Л. — 346  
 Хассель У. фон — 140, 181, 221, 224, 235, 239, 240, 243, 244  
 Хвалковский Ф. — 340, 341, 362, 364, 365  
 Хениг Р. — 34  
 Хемминг Ф. — 127  
 Хеш Л. — 39  
 Хираль Х. — 111, 113, 114, 119  
 Ходжсон Р. — 144

- Хор С. — 33, 70, 71, 80–82, 304, 307  
Хор-Белиша Л. — 279  
Хорти М. — 18  
Хосбах Ф. — 147, 244, 249  
Хот М. — 243  
Хэлл К. — 130, 179
- Цезарь Гай Юлий — 219, 363
- Чаки К. — 349, 354  
Чемберлен О. — 144, 158, 303  
Чемберлен Н. — 90, 99, 112, 124, 142, 143–145, 151, 153, 155, 160, 161, 170, 172–175, 179, 189, 191–194, 206, 207, 211–214, 241, 253, 254, 273–275, 279, 284, 288–291, 293, 299–308, 313–322, 324–338, 342, 359, 361, 367, 368, 370, 373  
Ченнон Г. — 296  
Черрути В. — 221  
Черчилль Р. — 100  
Черчилль У. — 9, 99, 100, 121, 130, 155, 158, 203, 204, 212, 213, 279, 292, 299, 301, 311, 313, 327, 335, 336, 338, 340, 348, 367  
Четтфилд, лорд — 119  
Чиано Г. — 9, 135, 140, 145, 154, 198, 199, 206, 224, 227, 228, 232–234, 237, 239, 240, 243, 244, 250, 252, 254, 257, 265, 325, 341, 354  
Чилстон, лорд — 50, 121
- Шахт Я. — 27, 28, 58, 151–153, 251  
Швейцгут, генерал — 76, 77, 102
- Шембек Я. — 351  
Ширер У. — 5, 24, 25, 29, 44, 92, 183, 205, 208, 220, 249, 280, 314, 318, 322, 323, 333, 366  
Шмидт Г. — 168, 179, 183, 185, 187  
Шмидт П. — 45, 49, 58, 62, 73, 74, 94, 149, 170–172, 237, 241, 264, 265, 302, 315–318, 321, 322, 330, 331, 334, 357, 365  
Шмудт, майор — 280  
Шоберт, генерал — 196  
Шотан К. — 56, 116, 139, 173–176, 192, 197, 198, 277  
Шпейдель Г. — 31  
Шперрле Х. — 187, 229, 230  
Штаремберг Р. фон — 220, 223  
Штреземан Г. — 73, 146, 156, 303, 357  
Штукарт В. — 16  
Штумпфль, генерал — 205  
Шустер, адмирал — 62  
Шушник К. фон — 9, 157, 158, 169, 179–192, 194–196, 198–201, 205, 206, 208, 209, 219, 223, 224, 240, 241, 251, 252, 255, 256, 339, 364
- Эдуард VII Виндзор — 289  
Эмери Л. — 213  
Эррио Э. — 54, 70, 71, 81, 175, 191  
Эрцберггер М. — 10  
Эш П. ван дер — 121, 122, 133  
Эштон-Гуэткин Ф. — 291, 332
- Ягода Г.Г. — 77

*Научное издание*

**Наумов Александр Олегович**

**Дипломатическая борьба в Европе  
накануне Второй мировой войны.  
История кризиса Версальской системы**

Редактор	Л.С. Макарова
Художественный редактор	А.К. Сорокин
Художественное оформление	А.В. Кубанов
Компьютерная верстка	С.В. Шеришорин

ЛР № 066009 от 22.07.1998.

Подписано в печать 26.05.2007. Гарнитура Times New Roman.  
Формат 60×90 1/16. Бумага офсетная № 1. Печать офсетная.

Усл. печ. л. 26. Тираж 1000 экз. Заказ № 1218

Издательство «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН)  
117393, Москва, ул. Профсоюзная, д. 82. Тел.: 334-81-87 (дирекция)  
Тел./факс: 334-82-42 (отдел реализации)

Электронный вывод и печать  
в ППП «Типография «Наука»  
121099, Москва, Шубинский пер., 6



Александр Олегович Наумов – кандидат исторических наук, научный сотрудник Института проблем международной безопасности Российской академии наук, преподаватель кафедры истории международных отношений и мировой политики факультета мировой политики МГУ им. М.В. Ломоносова. Специалист в области международных отношений и мировой политики. В 2001 году закончил исторический факультет Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова. В 2004 году защитил кандидатскую диссертацию по теме «Наращение кризисных тенденций Версальской системы международных отношений в 1936–1938 гг.» В 2000 году проходил стажировку в Государственном университете Нью-Йорка, в 2003–2004 годах – в Йельском университете (США). Автор монографий «Фашистский Интернационал. Покорение Европы» и «Кризис Версальской системы 1936–1938», посвященных проблеме кризиса межвоенной модели международных отношений, и ряда статей в научных изданиях.

В новой работе А.О. Наумова предпринята попытка разобраться в хитросплетениях дипломатической борьбы в Европе в тридцатых годах XX века, осветить малоизученные аспекты истории кризиса Версальской системы, определить в конечном итоге, кто и в какой степени несет ответственность за развязывание самой кровавой войны в истории человечества.